

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1372

СКАЗАНИЕ

о

СТРАНСТВИИ И ПУТЕШЕСТВИИ

по

РОССИИ, МОЛДАВИИ, ТУРЦИИ И СВ. ЗЕМЛѢ.

248 20724

Parfenii
СВѢДѢНІЕ

О
СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ

И

СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

ПОСТРИЖЕННИКА

СВЯТЫЯ ГОРЫ АФОНСКІЯ

Инокъ Парфенія.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ Ш.

(Изданіе второе, съ исправленіями)

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Сомова,
на Софійской улицѣ.

1856.

Сл. № 20724.

BX597
.P3x A3
1856
ch. 3-4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи , до выпуска изъ типографіи , представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Апрѣля 30 дня, 1856 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

*Цензоръ, Виѣанской Семинаріи Ректоръ,
Архимандритъ Павланіи.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	<i>Стран.</i>
1. Выѣздъ изъ св. Горы Аѳонской.	3
2. Острова: Лимносъ, Тасъ, Самоѳракъ и Имбро.	—
3. Проливъ Дарданельскій.	—
4. Градъ Кизикъ.	4
5. Грады: Калиполь и Лампсаки.	—
6. Море Мраморное, и село въ Азій.	—
7. Масло на морѣ.	5
8. Ираклія, Никомидія, Майносы.	6
9. Константинополь.	7
10. Подворье аѳонское и церковь Патріаршая.	8
11. Дома Константинопольскіе.	—
12. Греческія моленныя.	9
13. О Князѣ Стефанакии.	11
14. Сведеніе съ престола Патріарха Константинопольскаго Анеиша.	12
15. Отправленіе новоизбраннаго Патріарха къ Султану.	13
16. Почетное шествіе Патріарха отъ Султана.	14
17. Почетная встрѣча Патріарху.	15
18. Рѣчь о смѣнѣ прежняго Патріарха, и о избраніи новаго.	16
19. День Вознесенія Господня.	18
20. Патріархъ Григорій, удаленный съ престола.	—
21. Патріархъ Іерусалимскій, Аѳанасій.	19
22. О Живоносномъ Источникѣ.	—
23. Лѣтній дворецъ Константиновъ.	22
24. Церковь Влахернская.	—
25. Источникъ во Влахернѣ.	23

1131 N19/20 vol 1-2

	<i>Стран.</i>
26. Подворье Горы Синайской.	24
27. Подворье Иерусалимское.	—
28. Гостинный дворъ.	—
29. Св. Софія.	—
30. Царская площадь.	—
31. Столбы древніе.	—
32. Домъ купца Θεодора	25
33. Соборный храмъ св. Апостогаъ.	—
34. Гробъ Царицы Евдокіи.	26
35. Третій Источникъ Богородицы.	27
36. Гробъ Іоанна Кущника.	—
37. Новое чудо Святителя Николая, въ 1841 году.	—
38. О Султанѣ, увѣровавшемъ во Христа и отъ турокъ убиенномъ.	30
39. Гробъ Султана Махмуда.	33
40. Церковь Святителя Николая.	35
41. О раскольническихъ монахахъ.	—
42. Чудотворная икона Богородицы въ патриаршей церкви.	38
43. О закоснѣніи раскольниковъ.	39
44. Обитель Студійская.	40
45. Описаніе Константинополя вообще.	—
46. О церквахъ греческихъ.	42
47. Хоры въ церквахъ для женъ.	—
48. Какъ созываютъ въ церковь.	—
49. О патриаршемъ монастырѣ.	43
50. О благочиніи церковномъ и о благообразіи греческаго духовенства.	44
51. О образованіи грековъ.	45
52. Греческое духовенство.	—
53. О греческихъ училищахъ.	—
54. О выкопанномъ мертвомъ тѣлѣ и его разрушеніи.	—
55. О разныхъ предметахъ въ Константинополѣ и о мечетяхъ.	47
56. Выѣздъ изъ Константинополя. Варна, Сулинъ, и рѣка Дунай.	—
57. Градъ Тулча и путь по Дунаю.	48
58. Молдавія и градъ Галацъ.	49
59. Градъ Яссы; о закоснѣніи родителей въ расколѣ.	—
60. Скорби мои и странствіе по Россіи.	50

61. Возвращеніе въ Молдавію; обращеніе родителей наъ раскола.	50
62. Отъѣздъ изъ Молдавіи въ Аѳонскую Гору.	53
63. Скорби на Черномъ морѣ.	54
64. Градъ Хило, и оказанное намъ благодѣяніе.	—
65. Монастырь св. Анастасіи.	56
66. Благодѣяніе и страннолюбіе грековъ.	—
67. Островъ Лимносъ.	57
68. Возвращеніе во Аѳонскую Гору.	58
69. Прибытіе въ свою обитель.	59
70. Проживаніе въ Аѳонѣ.	60
71. Свиданіе съ старцемъ и духовникомъ Арсеніемъ.	61
72. Радость и утѣшеніе мое во Аѳонѣ.	62
73. Откопаніе костей іеросхиміакона Венедикта и игумена Павла.	—
74. Откопаніе монаха Саввы, и въ какомъ положеніи.	63
75. Вселеніе въ пустыни со старцемъ Тимоѳеемъ.	64
76. Пустынная келья св. Георгія, и радость моя о пустынной жизни.	65
77. Жизнь старца Тимоѳея.	66
78. Посѣщеніе Горы Аѳонской Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ.	68
79. Храмовый праздникъ въ Русскѣ.	79
80. Приходъ старца и духовника Арсенія въ русскій монастырь.	83
81. Послѣдняя моя радость въ Аѳонѣ.	84
82. Распоряженіе и опредѣленіе старца Арсенія о мнѣ.	86
83. Разныя обстоятельства мои въ Аѳонѣ.	87
84. Послѣднее наставленіе и благословеніе старца Арсенія.	98
85. Разлука со св. Горой Аѳонской и съ отцами.	99
86. Путь во Іерусалимъ, и проживаніе въ немъ.	101
87. Наставленіе и благословеніе отъ Митрополита Мелегія.	102
88. Какъ я получилъ небесный свѣтъ.	103
89. Свѣтозарная ночь св. Пасхи и украшеніе храма Воскресенія.	106
90. Торжество въ храмѣ.	—
91. Отбытіе изъ Іерусалима и прибытіе пакы во св. Гору Аѳонскую.	110

92.	Извѣстіе о кончинѣ старца Арсенія.	111
93.	Плачь на гробѣ старца Арсенія.	112
94.	Проживаніе мое въ Аѳонѣ.	113
95.	Скорби и искушенія во Аѳонѣ за колебаніе мое.	114
96.	Какимъ образомъ открылъ мнѣ Господь путь въ Россію.	115
97.	Проживаніе мое въ монастырѣ Есѳигменѣ.	116
98.	Описаніе монастыря Есѳигмена и чина его.	—
99.	Праздновалъ послѣдній праздникъ во Аѳонѣ—Входъ Бого- родицы, въ монастырѣ Хилендарѣ.	118
100.	Благодареніе и моленіе мое Божіей Матери.	119
101.	Плачь мой предъ иконою Божія Матери.	121
102.	Послѣдній выѣздъ изъ св. Горы Аѳонской.	122
103.	Монастырь св. Анастасіи.	—
104.	Мощи св. Димитрія Солунскаго.	—
105.	О древнемъ идольскомъ храмѣ въ Солуни.	—
106.	О градѣ Солуни вообще.	123
107.	Выѣздъ изъ Солуни и прибытіе въ Константинополь.	—
108.	Проживаніе въ Константинополѣ и общаніе Патріарха.	124
109.	Усердіе грековъ къ Христовой Церкви.	125
110.	Патріархъ наканунѣ Рождества Христова одѣляетъ ни- щихъ.	126
111.	Царскіе Часы.	—
112.	Ночь подъ Рождество Христово.	127
113.	Чинъ и служба патріаршая въ Рождество Христово.	—
114.	Какъ въ Константинополѣ Христа прославляютъ.	129
115.	Праздникъ Богоявленія.	130
116.	Скорби мои въ Константинополѣ.	—
117.	Разговоръ съ Патріархомъ.	131
118.	Жизнь моя въ Константинополѣ.	132
119.	Погребеніе усопшихъ православныхъ христіанъ.	133
120.	Русскіе казаки Некрасовцы, раскольники.	134
121.	Ихъ невѣжество.	—
122.	Хожденіе Султана въ мечеть.	136
123.	Сырная недѣля, и какъ меня Господь утѣшилъ.	—
124.	Какъ греки убираютъ храмы къ посту.	137
125.	Первая седмица поста; взятіе фирмана; недѣля Право- славія.	—
126.	Благодѣянія Агаангела.	138

127.	Отъѣздъ и возвращеніе.	138
128.	Предмѣстіе Арнаутка.	—
129.	Торжество и чинъ бываемый по пяткамъ Великаго поста на вечернѣ въ честь Богородицы.	139
130.	Обычай на стояніи подъ Великій пятокъ.	140
131.	Предмѣстіе Буюкдере.	141
132.	Возвращеніе въ Константинополь	—
133.	Недѣля Вайй въ Константинополѣ.	142
134.	Стоянiя во всю Страстную седмицу.	—
135.	Послѣдній выѣздъ изъ Константинополя въ Молдавію.	143
136.	Прибытіе въ Молдавію, и Пасха.	144
137.	Пребываніе въ Яссахъ.	—
138.	Извѣстіе о смерти старца, схимоваха Іоанна.	145
139.	Описаніе Молдавіи: какой вѣры ея жители.	—
140.	Границы Молдавіи; почва и жители.	146
141.	Монастыри молдавскіе.	147
142.	Городъ Яссы, и монастыри въ немъ.	—
143.	Почему городъ Яссы часто оглашается колокольнымъ звономъ.	148
144.	Церемонія и чинъ при погребеніи въ Молдавіи.	—
145.	Число епархій молдавскихъ.	149
146.	Выѣздъ мой изъ Молдавіи, и путешествіе по Россіи.	—
147.	Прибытіе въ Сибирь въ городъ Томскъ.	150
148.	Проживаніе въ Томскѣ.	152
149.	Мои занятія въ Томскѣ.	153
150.	Поводъ къ написанію сказанія о старцѣ Данилѣ.	—
151.	Сказаніе о старцѣ Данилѣ.	154
	Прибавленія: I. Увѣщаніе къ глаголемымъ старообряд- цамъ, съ выписками изъ Толковаго Апостола.	191
	II. Воспоминаніе о разговорѣ съ безпоповцомъ помор- ской секты въ 1825 году.	210

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

СТРАНСТВІЕ И ПУТЕШЕСТВІЕ

по

ТУРЦІИ, МОЛДАВІИ И РОССІИ.

СТРАНСТВІЕ

по

ТУРЦІИ, МОЛДАВІИ И РОССІИ.

1. 1841 года, апрѣля 8 дня, во вторникъ на Оуминой седмицѣ, съ душевнымъ прискорбіемъ и съ горькими слезами, разстался я съ св. Горой Аѳонской и со св. обителію русскою св. Великомученика Пантелеимона; и простился, получивъ послѣднее благословеніе, съ духовными моими отцами и со всею о Христѣ возлюбленною моею братіею. Сѣли на корабль, и отправились въ путь; но Богъ не далъ намъ добраго вѣтру. Много претерпѣли въ пути скорбей, и много насъ по морямъ качало; едва въ тридцать дней достигли до Царяграда.

2. По отъѣздѣ изъ св. Горы Аѳонской, едва въ третій день прибыли на островъ *Лимносъ*, и тамъ стояли восемь дней, за противнымъ вѣтромъ. И всегда очи свои устремляли на св. Гору Аѳонскую, и слезами лице свое омывали. Потомъ, медленно двигались по морю: по правую страну былъ островъ *Лимносъ*, а по лѣвую острова *Тасъ*, *Самоеракъ* и *Имбро*.

3. Достигнувъ *Дарданельскаго пролива*, тамъ сами по берегу тянули корабль бичевой: ибо въ проливѣ

вода имѣеть быстрое теченіе съ востоку. И прошли къ дарданельскимъ крѣпостямъ, которыхъ есть довольно по обѣимъ странамъ пролива: стрегуть входъ къ Царюграду.

4. Остановились у великаго града, стоящаго на азіатскомъ берегу; по нынѣшнему называется *Ченоколь*, или по-русски *Чашечный*, потому что въ немъ много работаютъ разной посуды; отъ всѣхъ Державъ живутъ здѣсь консулы; въ древности сей городъ назывался *Кизикъ*; обогрентъ мученическою кровію, и до-нынѣ имѣеть престолъ митрополитскій; но здѣшній Митрополитъ всегда проживаетъ въ Константинополѣ на чредѣ, какъ членъ Святѣйшаго Синода; часто изъ нихъ избираются вселенскіе Константинопольскіе Патріархи. Проживаетъ же здѣсь викарный Епископъ. Церковь стоитъ по край города, прекрасная, хотя и безъ креста и купола; внутри убрана порядочно, по обычаю греческому; много иконъ и подсвѣчниковъ, лампадъ и паникадилъ; иконостасъ мраморный, и полъ также мраморный, и большіе хоры для женъ. Мы здѣсь стояли многіе дни, за противнымъ вѣтромъ.

5. Потомъ отправились, и шли проливомъ весьма медленно, и прибыли въ городъ *Калиполь*, стоящій на европейскомъ берегу; городъ великъ, но мы въ немъ не замедлили. На-противъ Калиполя, на азіатской сторонѣ, городъ *Лампсаки*, гдѣ жилъ св. великій Чудотворецъ Парвеній Лампсакійскій; нынѣ городъ не великъ, на-подобіе села.

6. Изъ Калиполя отправились прямо въ Мраморное море; и много насъ по морю носило и качало противнымъ вѣтромъ. Потомъ направили корабль къ

азіатской странѣ, и пристали къ одному селу, въ которомъ сто домовъ : пятьдесятъ турецкихъ и пятьдесятъ христіанскихъ. Есть турецкая мечеть и христіанская церковь. Мы всё пошли въ церковь. У грековъ такой обычай : какъ гдѣ вышли на берегъ , въ селѣ или городѣ, первымъ долгомъ поставляютъ идти въ церковь и поклониться, а потомъ идутъ и за другими дѣлами. У грековъ только радости и утѣшенія что церковь. Взошедши въ церковь, много мы удивлялись усердію греческому къ св. церквамъ : въ селѣ только пятьдесятъ домовъ, а церковь великая каменная, иконостасъ мраморный, рѣзьба вызолоченная, иконы новыя высокой греческой работы , въ три ряда висятъ люстры , и большія хрустальныя лампы ; кругомъ уставлена формами; есть хоры для женъ.

7. Простоявши тамъ три дня, потомъ отправились, и много по морю качались. Въ одинъ день плыли малымъ вѣтромъ противъ острова *Марморы*. Когда пришли на одно мѣсто : вдругъ всё греки духовные и мірскіе бросились на оба края корабля , кто съ чѣмъ могъ: иные обмакиваютъ въ море платки, иные хлопчатую бумагу , иные полотенца. Я много тому удивлялся: что они нашли среди моря? И сталъ ихъ спрашивать : что это значить? Они начали мнѣ сказывать: « Видишь: на водѣ плаваетъ масло; оно исходитъ со дна моря; потому что на семь мѣстѣ , на днѣ моря , находится св. Трапеза изъ св. Софіи , и изъ нея точится сіе масло.» Я спросилъ: какимъ образомъ она попала въ море на дно? Они сказали: «Когда Царь , Великій Іустиніанъ , выстроилъ церковь св. Софію , тогда и сію трапезу чудотворную сдѣлалъ: она изъ разныхъ дорогихъ камней , и изъ разныхъ

составовъ слита. Когда лили её, тогда видѣли, что самъ Ангелъ Господень мѣшалъ, когда была на огнѣ. Когда же совершили, и поставили въ алтарѣ, тогда она показывалась разнообразно каждому смотрѣвшему на нее. Когда же, грѣхъ ради нашихъ, западные волки латиномудренныя, во время крестовыхъ походовъ, устремились на Св. Восточную Христову Церковь, съ нею вмѣстѣ и на греческое царство, и взяли Константинополь, разорили его, обнажили его всего благолѣпія, и увезли многое на западъ, тогда также и сію св. Трапезу похитили, и положили на корабль, и повезли на западъ; но она на семь мѣстѣ прошла сквозь корабля, и потонула въ морѣ, и корабль пропалъ. И до-днесь отъ нея исходитъ благовонное сіе масло; а подлинно на которомъ мѣстѣ находится, того узнать не можно, потому что масло захватываетъ мѣста много, да еще и вѣтромъ съ мѣста на мѣсто его переносить.» Это все я своими глазами видѣлъ. Извѣстно, что ежели море волнуется или рѣка, и пустить въ воду масла, то волны уменьшаются и вода укрощается: хотя и зыблется, но не всплескивается. Такъ и на семь мѣстѣ: кругомъ море отъ вѣтру снѣвется, и волна всплескивается, а на семь мѣстѣ гладко, и вода только немного колеблется; и такого мѣста довольно: настоящаго сказать не можно, но версть на пять квадрату будетъ.

8. Вечеромъ прошли мимо города *Иракли*: стоитъ на европейскомъ берегу, гдѣ былъ замученъ за Христа св. Великомученикъ *Феодоръ Стратилать*. На азіатской сторонѣ, за моремъ, показывались великія горы, подъ которыми стоитъ славный градъ *Никомидія*, мѣстопребываніе мучителя *Діоклитіана*, Императора

Римскаго. Сей городъ Никомидія обогрѣнъ и напоенъ кровію мученическою. Еще сказывали: тамъ есть русское село раскольниковое, казаковъ Некрасовцовъ, называемое *Майносы*, имѣющее четыре часовни, попа же ни одного. На морѣ захватила насъ ночь. Море сіе называется *Мраморное* потому, что есть на немъ островъ, называемый по-гречески *Мармора*, а по-русски *Мраморный*; съ него много вывозятъ мрамору. Въ древности сіе море называлось *Фракійское*, потому что по европейскому берегу его лежитъ великая страна Фракія.

9. По-утру открылся намъ славный и великій градъ *Константинополь*, и показалъ свои турецкія мечети, подобно лѣсу. Потомъ показала обширную свою голову св. Софія, нынѣ называемая *Софійская* мечеть; и шли мимо города весьма медленно. Онъ расположенъ по берегу моря. Греки много между собою о немъ говорили, и головами своими качали. Я же много и скорбно удивлялся: надѣялся видѣть древнюю столицу греческой имперіи въ славѣ и лѣпотѣ, одно чудо въ свѣтѣ, по громкому его званію — *Царьградъ*; но я увидалъ напротивъ своей надежды: вижу не паря городовъ, но раба; только и видно, что торчатъ турецкія мечети, подобно какъ изъ развалинъ. Не видно ни улицъ, ни каменныхъ большихъ строеній, ни крашеныхъ кровлей; но постройка видна деревянная, изъ досокъ, покрыта черепицею, слита подъ одну крышу; улицъ совсѣмъ и не видно; мѣстами между домовъ много видится древнихъ развалинъ. Вотъ что сдѣлала злая рука турецкая: не только свою столицу не поправляютъ или не украшаютъ, но часъ отъ часу разоряютъ и опустошаютъ прежнее, и не

вибють о ней никакого попеченія. Мы цѣлый день плывши, уже вечеромъ пришли въ гавань, гдѣ и ночевали.

10. По-утру была пятая недѣля по Пасхѣ. Мы всѣ монашествующіе наняли себѣ барказъ, положили свои вещи, и поѣхали на свое *Авонское подворье*. И пріѣхавши, перенесли свои вещи; тамъ дали намъ двоимъ комнату. Потомъ пошли въ церковь къ Литургіи. Пришедши въ великую патриаршую церковь, прошли въ алтарь, и тамъ стояли Литургію. По Литургіи прикладывались къ св. мощамъ и къ чудотворнымъ иконамъ. Во время Литургіи Патриархъ Константинопольскій стоялъ на своей патриаршей каедрѣ, которая еще соблюдается отъ временъ св. Іоанна Златоустаго. По лѣвую сторону Патриарха стояли двѣнадцать Митрополитовъ, также на каедрахъ, но пониже патриаршей; по правую же сторону стоялъ архидіаконъ, держалъ патриаршій крестъ, которымъ онъ благословлялъ. Патриархъ стоялъ въ мантии и въ черномъ клобукѣ, а Митрополиты въ рясахъ и черныхъ клобукахъ. Предъ Патриархомъ стоялъ подсвѣчникъ со свѣщю. Литургію служилъ одинъ іеромонахъ съ іеродиакономъ. По окончаніи Литургіи, Патриархъ раздавалъ самъ антидоръ. Прежде подошли Митрополиты, потомъ мы, а послѣ всѣ прочіе христіане; и по отпускѣ подходили всѣ подъ благословеніе, и мы сподобились отъ вселенскаго Патриарха Анеяма получить благословеніе.

11. Въ поведѣльникъ, на шестой недѣлѣ по Пасхѣ, дали намъ челоуѣка съ подворья, показывать намъ домъ, и мы пошли разносить письма, данныя намъ

изъ монастыря отъ игумена ; и были мы во многихъ домахъ, господскихъ и купеческихъ; вездѣ насъ принимали и угощали. Комнаты у нихъ убраны прекрасно ; потолоки и стѣны расписаны и раскрашены, портретами, зеркалами и разными фигурами изувѣшаны; полы устланы дорогими коврами; возлѣ стѣнъ окладено пуховиками и подушками; стульевъ же и столовъ ни одного нѣтъ; принимали и угощали насъ одни мужчины, а женскаго полу мы и не видали. Много удивлялся я тому, что комнаты убраны, а иконъ нѣтъ ни одной ни въ какомъ домѣ. Я спросилъ брата: почему они не имѣютъ иконъ? Хозяинъ дому, услышавши про икону, спросилъ моего брата: « а что русскій отецъ говоритъ про иконы?» Мой же братъ сказалъ: « русскій отецъ удивляется тому, почему у васъ въ комнатахъ нѣтъ иконъ.»

12. Хозяинъ всталъ, взялъ меня за руку, и сказалъ: « айда, патерось, влениси », то-есть: *иди, отче, посмотри*. И ввелъ насъ въ особую комнату, подобно церкви, токмо безъ алтаря, называемую по-гречески: *пαραклисъ*, по-русски сказать: *моленная*: въ три ряда уставлена иконами древними, украшенными золотомъ и серебромъ, и много горитъ неугасаемыхъ лампадъ съ елеемъ; во всю переднюю стѣну сдѣланъ аналой, на которомъ лежатъ служебныя книги псалтирь и октоихъ; внизу же во всю стѣну шкафъ; хозяинъ отворилъ его, и онъ наполненъ разными книгами и ящиками, въ которыхъ соблюдается разная святыня, переданная имъ отъ прадедовъ, и переходитъ изъ рукъ въ руки; онъ намъ показывалъ ее, также и иконы показывалъ, отъ древнихъ родовъ переданныя. Я, смотря на то, умилялся, что взошли мы подобно

какъ въ рай : не слышно и не видно никакого градскаго мятежа и шума ; стоимъ кругомъ въ святинь, и обоняемъ неизреченное благоуханіе. Устроена же она въ заднемъ углу ; окна обращены внутрь двора. Потомъ хозяинъ началъ мнѣ говорить : « Вотъ, отче св., ты сказалъ , что мы иконъ не имѣемъ. У насъ въ каждомъ домѣ есть особенная моленная комната. А какъ можно имѣть святаыя иконы въ тѣхъ комнатахъ , гдѣ гостей принимаемъ ? Къ намъ приходятъ разные люди , турки и другіе иновѣрцы ; а хотя и свои, то бываетъ тамъ выпивка, куреніе табаку, разные разговоры и смѣхъ. Какъ тамъ можно имѣть икону ? Это ей будетъ поруганіе, а не честь. Иконѣ должно стоять въ мѣстѣ чистомъ и честномъ ; потому мы и имѣемъ особливныя молитвенныя комнаты ; мы и сами ходимъ сюда не всегда , но въ чистотѣ и со страхомъ , утромъ и вечеромъ помолиться Господу Богу ; зажигаютъ же лампы и кадятъ св. иконы старые и молодые люди, которые всегда пребываютъ въ чистотѣ. И часто призываемъ священника, и святимъ воду ; каждый праздникъ отправляемъ утреню ; потому что турки ночью ходить не позволяютъ , и врата по улицамъ запираются. А къ Литургіи уже ходимъ въ соборъ ; а въ нѣкоторые большіе праздники позволено намъ отъ самого Султана ходить въ церковь и въ самую полночь, на то мы имѣемъ особливые фирманы. » Слышавши я сіе , весьма полюбилъ греческій благій обычай , и порадовался тому , какое они имѣютъ къ св. иконамъ уваженіе , и какую воздаютъ имъ честь. Воистинну благословенны греки ! Хотя и въ неволь турецкой живутъ , и тяжкое иго несутъ , но право имѣютъ свое благочестіе содержать.

Послѣ сего я во всякій домъ какъ приходилъ , такъ и спрашивалъ : *оу эхи параклисъ* , т. е: гдѣ у васъ моленная ? И вездѣ мнѣ показывали; въ нѣкоторыхъ же богатыхъ домахъ находилъ и церкви.

13. Во вторникъ, на шестой недѣлѣ, пошли мы къ самому первому греку, именемъ *Стефанакію*, Князю острова Самоса, тестю молдавскаго Князя Михаила Стурдзы, управляющему молдавскимъ посольствомъ, въ Оттоманской Портѣ первому члену, отъ всѣхъ христіанъ первому и старшему прокурору въ святѣйшемъ Патріаршемъ Синодѣ, ктитора блаженной памяти Скарлата Каллимаха Князя молдавскаго близкому родственнику, задушевному другу учителя нашего и архимандрита Прокопія, который послалъ съ нами на его имя письмо и гостинцы, и просилъ его объ насъ, чтобы онъ помогъ, въ чемъ намъ будетъ нужда. Когда мы вошли во дворъ, попался онъ самъ на встрѣчу намъ, сопровождаемый своими родными, горько плачущими. Мы остановились. Онъ подошелъ къ намъ, и сказалъ намъ: « что вамъ, отцы, угодно? » Мы подали ему письмо. Онъ взявши распечаталъ и прочиталъ, и самъ заплакалъ. Потомъ отдалъ письмо своимъ роднымъ, и велѣлъ взять отъ насъ гостинцы, а намъ сказалъ: « Извините, отцы; теперь не имѣю времени заняться съ вами: ибо позвалъ меня къ себѣ Султанъ строго, и теперь иду къ нему, несущую свою голову, и не знаю, возвращусь ли домой живъ, или нѣтъ; и теперь вотъ меня родные провожаютъ и оплакиваютъ. А что со мною случится, о томъ будете слышать; а теперь простите меня, и помолитесь за меня грѣшнаго, а послѣ понавѣдайтесь ко мнѣ. » И такъ проводили его до моря, и родные его всѣ о

немъ плакали, и прощались. Онъ сѣлъ въ легкій каюкъ, и съ многими знатными греками поѣхалъ къ Султану. Мы же пошли къ прочимъ знакомымъ. Однако, греки всѣ приуныли; всѣ заговорили, что Стефанакиа Султанъ къ себѣ позвалъ грозно; а чѣмъ кончится, неизвѣстно. О бѣдные греки! Повсечасно ожидаютъ себѣ напрасной смерти или разграбленія имѣній своихъ.

14. Вечеромъ пришли мы на свое подворье, и увидѣвши всѣхъ своихъ монаховъ, приунывшихъ и тяжело воздыхающихъ, спросили ихъ: «или получили какое извѣстіе отъ Султана?» Они намъ сказали: «Получили, что Стефанакиа живъ, а Патріархъ низложенъ съ престола; за-утро какъ бы не было кровопролитія на патріаршемъ дворѣ: ибо здѣшніе обыватели какъ за Христа и вѣру стоятъ, такъ и за Патріарха. И прежде, когда этого перемѣняли Патріарха, весь дворъ обогрѣлся кровію: больше двухъ сотъ человѣкъ убили.» По-утру, въ самое отданіе Пасхи, зашумѣли по улицамъ греки: всѣ бѣгутъ, всѣ одинъ другаго предвѣщаютъ, всѣ спѣшатъ на патріаршій дворъ положить головы за своего пастыря. Вотъ гдѣ благословенныхъ грековъ познается любовь и довѣренность къ своимъ пастырямъ, что души свои полагаютъ за пастырей! Греки считаютъ за великое счастье умереть за Бога, за вѣру, за Церковь и за своихъ пастырей. И я сталъ собираться въ патріаршій дворъ посмотрѣть, какое произойдетъ дѣйствіе. Сталъ звать своего брата, чтобы узнать, что они будутъ говорить, потому что я понимать по-гречески хорошо не могу. Отцы же наши насъ отговаривали и не пускали, дабы не пострадать или не принять смерти. Я же имъ сказалъ: «Греки—люди мірскіе, имѣютъ домъ, женъ и дѣтей, — и не

боятся смерти; а намъ чего ея бояться? Мы монахи: у насъ нѣтъ никого, некому о насъ плакать.» Они сказали: «Мы васъ сожалѣемъ, а вы какъ знаете.» Мы же, простившись, пришли прямо въ церковь, гдѣ пѣли еще утреню. Послѣ утрени вышли на паперть, и тамъ насъ объялъ ужасъ: полонъ дворъ народу, всѣ толкуютъ, шумятъ и кричатъ. Мы же стояли и недоумѣвали, что дальше будетъ. Потомъ подошелъ къ намъ одинъ грекъ, уже пожилыхъ лѣтъ, и сказалъ: «Отцы св., вы бы шли въ свое мѣсто: чего вамъ здѣсь смотрѣть? Теперь того и смотри, что въ крови потонешь.» Мы весьма испугались. Однако смотримъ: съ кѣмъ же будетъ драка? Воинства турецкаго нѣтъ, одни греки. Но одинъ сказалъ намъ, что послали за воинствомъ; потому и медлятъ.

15. Патріаршій домъ стоитъ къ задней стѣнѣ, четырехъэтажный. Потомъ вдругъ зашумѣли въ верхнихъ этажахъ, — это пошелъ народъ по лѣстницамъ. На самомъ нижнемъ крыльцѣ является Князь Стефанакій, съ своей сѣдой бородою и веселымъ взоромъ, уже не такой, какого мы его прежде видѣли, когда онъ ѣхалъ къ Султану. Потомъ Стефанакій возгласилъ веселымъ гласомъ: «Миръ вамъ, православные христіане! Поздравляю васъ съ отданіемъ Пасхи и съ новымъ Патріархомъ. Вы что пришли? Не дать прежняго Патріарха? А его уже нѣтъ: ибо въ шесть часовъ ночи (по нашему въ двѣнадцать) увезенъ въ назначенное ему мѣсто. А у насъ уже Патріархъ новый: извольте получать благословеніе; а мы теперь ѣдемъ къ Султану на утвержденіе.» Потомъ вышли всѣ знатные греки, а за ними назначенный Патріархъ, благословлялъ обѣими руками народъ, а за нимъ всѣ

Митрополиты. Народъ же весь замолчалъ и затяхъ: ибо видятъ не то, за чѣмъ пришли. И пошли къ ново-назначенному Патріарху подъ благословеніе. Стефанакій съ Патріархомъ пошли къ морю, и сѣли во многіе каюки, поѣхали къ Султану, и пробыли у него весь день. Къ вечеру улицы и кровли наполнились народомъ; изъ домовъ повывставили окна. Послѣ вечерни и мы всѣ вышли на балконъ.

16. Въ часу шестомъ по-полудни услышали мы барабанный бой и военную музыку. Это уже вели Патріарха. Впередъ шло воинство въ парадѣ, били въ барабаны, и играла музыка; за войскомъ ѣхалъ Князь Стефанакій, со всѣми знатными греками на царскихъ лошадяхъ; за ними ѣхали двѣнадцать Митрополитовъ, тоже на царскихъ убранныхъ золотомъ лошадяхъ, въ рясахъ и клобукахъ, по-два въ рядъ; за ними ѣхалъ Патріархъ на султанскомъ богато убранномъ конѣ; за узду лошадь велъ молодой паша, въ богато убранной одеждѣ. Патріархъ сидѣлъ въ рясѣ и клобукѣ, и благословлялъ на обѣ стороны народъ; за Патріархомъ ѣхали два Архимандрита: одинъ держалъ патріаршій жезлъ, а другой бросалъ на обѣ стороны деньги. Потомъ ѣхали турецкіе начальники и воины, а за ними толпился народъ. И было народу многое множество: всякому желательно было посмотреть новаго Патріарха, въ таковой славѣ идущаго, и отъ самого Султана такою честью почтеннаго. Я, смотря на Патріарха, плакалъ и прославлялъ Бога, что еще въ такой чести отъ земныхъ царей пребываетъ святѣйшій вселенскій Константинопольскій Патріархъ. И не дивно бы было, если бы таковую ему честь воздавали благочестивые Цари христіанскіе; но

то меня приводило въ удивленіе, что воздаеть ему такую честь самый врагъ христіанамъ, магометанинъ, Султанъ турецкій, хотя не для Бога, но для сану его и для міру. Бѣдные греки еще не вовсе сироты: хотя царство ихъ и разрушено, но имѣютъ себѣ четырехъ верховныхъ пастырей, святѣйшихъ Патріарховъ. Какъ только Патріархъ прошелъ мимо нашего подворья, мы пошли въ патріархію прямымъ переулкомъ, и пришли прямо въ церковь, въ которой были уже всѣ паникадила, люстры, лампы и свѣчи зажжены.

17. Стало смеркаться. Духовенство все стояло въ алтарѣ, въ облаченіи; было болѣе ста человекъ. Потомъ отворили царскія врата; впередъ понесли хоругви, фонари и много подсвѣчниковъ; потомъ пошли діаконы со свѣчами по-два въ-рядъ; за ними священники, потомъ архимандриты, всѣ по-два, потомъ семь діаконовъ съ киріями, а за ними святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій, проживавшій тогда въ Константинополь, и пошли внѣ ограды на улицу. Потомъ пріѣхалъ Патріархъ, и ссадили его съ коня, а также и всѣ Митрополиты слѣзли съ лошадей. На Патріарха стали надѣвать мантию. Пѣвчіе запѣли: «*Достойно есть*» и проч. Турецкіе воины раздвинули народъ, и сдѣлали путь до самыхъ царскихъ вратъ. Потомъ пошли духовенство и оба Патріарха прямо въ алтарь, и затворили царскія врата. Воины стали возлѣ иконостаса, дабы народъ не подходилъ близко къ алтарю. Патріархъ былъ въ алтарѣ болѣе часа. Въ теченіе этого времени, въ алтарѣ много читали и пѣли. Новый Патріархъ дѣлалъ присягу; Іерусалимскій Патріархъ возлагалъ на него патріаршія отличія, а Митрополиты стояли кругомъ престола. Потомъ отво-

рили царскія врата , вышелъ Патріархъ , и благословилъ народъ . Потомъ взяли его два Митрополита , Халкидонскій и Ефесскій , подъ руки , и повели на патріаршую каеэдру . Онъ же подошедши положилъ три поклона , и поцѣловалъ каеэдру , взошелъ на нее , и благословилъ народъ патріаршимъ благословеніемъ , и цѣлн ему многолѣтіе . Митрополиты же , Князья и весь народъ , ему поклонялись . Потомъ Митрополиты стали каждый на своей каеэдрѣ , а Князь Стефанакій съ прочими князьями и знатными греками напротивъ ихъ .

18. Потомъ сдѣлалась во храмѣ тишина и молчаніе . Одинъ громогласный архимандритъ взошелъ на высокую каеэдру , гдѣ читають Евангеліе , и сталъ сказывать весь ходъ дѣла , почему смѣнили Патріарха . Онъ говорилъ много , съ-часъ ; а я упомяну хотя со-тую часть . Прежде онъ похвалилъ преждебывшаго Патріарха Анѳима за то , что много исходатайствовалъ у Султана добра своему стаду , какъ сіе всѣмъ извѣстно . Смѣнили же его не по ненависти какой-либо , ниже по усилію еретиковъ , какъ прежде смѣнили блаженнѣйшаго Патріарха Григорія , ниже по другой какой-либо причинѣ , но по волѣ самого свѣтлѣйшаго Султана . Причина же тому такая : Вамъ всѣмъ извѣстно , что нынѣшнюю весну возстали междоусобныя брани и кровопролитія между христіанъ и турокъ : во-первыхъ , на островѣ Критѣ ; во-вторыхъ , въ Болгаріи ; въ-третьихъ , въ Анатоліи . Отъ этого и мы , константинопольскіе жители , сдѣлались у Султана въ подозрѣніи , а навпаче нашъ глава и пастырь , Патріархъ , и Князь Стефанакій , хотя они и не были тому причинны . И Султанъ съ гнѣвомъ призывалъ къ себѣ

Стефанакія, и едва могли Султана уговорить и успокоить. Тогда Султанъ приказалъ сѣнать Патріарха. Стефанакій же съ прочими знатными греками согласился его волю исполнить, и его успокоить. Приѣхавши въ патріархію, объявили волю султана старейшему Свуду и самому Патріарху: и всѣ на то согласились, дабы успокоить сердце Султаново, дабы не пролилось напрасно крови христіанской. И по согласію всего Собора, избрали сего блаженнѣйшаго старца, тоже Анеима, Митрополита Кизическаго, въ Патріархи. Потомъ сказывалъ родословіе Патріархово, дѣдовъ и прадѣдовъ, какія они оказали услуги Церкви благочестіемъ и подвигами противъ разныхъ еретиковъ и противъ Папы Римскаго, и гдѣ онъ обучался, кто у него были учителя, гдѣ постриженъ въ монашество, гдѣ рукоположенъ въ іеродіакона, въ іеромонаха, въ Епископа и въ Митрополита, какъ онъ былъ у Султана, и что тамъ ему говорилъ Султанъ, и какъ онъ давалъ обѣщаніе Султану не имѣть никакого тайнаго заговора противъ Султана, и свою паству отъ того увѣщавать, и какъ, пришедши въ церковь, предъ всѣмъ Соборомъ, предъ Престоломъ Господнимъ, предъ Евангеліемъ, предъ честнымъ Крестомъ и предъ Св. Тайнами, Тѣломъ и Кровію Христовою, принималъ присягу, и давалъ клятву—чтобы содержать св. вѣру православную, по преданію св. Апостола и по правиламъ св. седми Вселенскихъ Соборовъ и св. Отець: Василія Великаго, Аѳанасія и Кирилла Александрійскаго и Мелетія Антиохійскаго, и во всемъ послѣдовать прежде него бывшимъ Константинопольскимъ Патріархамъ: Григорію Богослову, Іоанну Златоустому, Фотію, Марку Ефесскому, и

защищать св. Восточную Христову Церковь и свою паству отъ невѣрныхъ и еретиковъ, клялся положить душу свою за Церковь и за стадо свое. Народъ же, какъ громъ загремялъ, сказали: « аминь. » Потомъ еще сталъ говорить: « да подастъ ему Господь Богъ содержать православную вѣру чисту и непорочну отъ всѣхъ ересей и раздоровъ ; да подастъ ему Господь ревность по благочестію , да подастъ ему терпѣніе, да подастъ ему тѣлесное здравіе, да подастъ ему всякое благоденствіе. » И иное многое говорилъ. Народъ ко всякому прошевію говорилъ: « аминь. » Народу же въ церкви было весьма много. Послѣ всего начали подходить подъ благословеніе напередъ Митрополиты, потомъ Стефанакиѣ съ знатными греками, за ними и весь народъ. А мы пошли домой.

19. Въ ту ночь приказано было не запираеть градскихъ вратъ, и всю ночь ходилъ по улицамъ народъ. На другой день, въ праздникъ Вознесенія Господня, утренняя была торжественная, по утрени и Литургія. Новый Патріархъ не служилъ, но стоялъ на своей кафедрѣ, также и всѣ Митрополиты. Литургію же служилъ архимандритъ одинъ съ діакономъ : ибо когда Патріархъ въ церкви стоять, тогда не можетъ служить ни Епископъ, ни Митрополитъ. Константинопольскій же Патріархъ служить только четыре раза въ годъ Литургію: на Пасху, въ день Андрея Первозваннаго, въ Рождество Христово и въ недѣлю Православія; служить также, если кого случится рукопологать въ Епископа или Митрополита, но не въ праздникъ, а въ простые дни.

20. Были мы у князя Стефанакиѣ въ гостяхъ, и онъ любезно съ нами разговаривалъ, и рассказывалъ,

какъ былъ у Султана. Были также въ гостяхъ и на благословеніи у святѣйшаго Патріарха *Григорія*, ревнителя по благочестію, который удаленъ отъ патріаршаго Константинопольскаго престола по волѣ Султана, по навѣту и провскамъ папистовъ и самого Папы Римскаго; за него на патріаршемъ дворѣ много было пролито крови. Онъ принялъ насъ любезно: потому что когда онъ еще былъ Епископомъ въ городѣ Серезѣ, братъ мой Іоанникій былъ у него келейникомъ. Разговаривалъ съ нами любезно, угощалъ; а послѣ прочиталъ намъ разрѣшительную молитву, и благословилъ насъ. Онъ живетъ въ предмѣстіи, называемомъ *Арнаутка*.

21. Были еще на благословеніи у святѣйшаго Патріарха Іерусалимскаго, *Аѳанасія*, который живетъ на Іерусалимскомъ подворьѣ. Отъискали также многихъ знакомыхъ, которые живали въ нашемъ монастырѣ. Они насъ водили по Царьграду, и показывали намъ всѣ древности.

22. Были на *Балыклей*, то-есть, на *Живоносномъ Источникѣ*, которому Церковь творить воспоминаніе въ пятокъ на Пасхѣ. Сей источникъ находится внѣ Царьграда, съ версту отъ градской стѣны, за Адрианопольскими вратами, въ рощѣ; огражденъ каменною стѣною высокою, на-подобіе монастыря. И много внутри постройки: выстроена въ 1834 году, при помощи Султана Махмуда II, великая каменная церковь, во имя Богородицы, Живоноснаго Ея источника; сдѣлана вся изъ тесанаго камня, полъ чистый мраморный, на-подобіе льду, иконостасъ весь мраморный, рѣзьба вызолоченная, иконы самой высшей греческой работы, въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ; много

пожертвовано иконъ російскихъ ; а навпаче плащаница, арзамасской работы, всякой похвалы достойна, и удивляетъ всѣхъ смотрящихъ на неё. Одно большое російское паникадило и два великихъ серебряныхъ вызолоченныхъ, пожертвованныхъ Султаномъ, — также удивленія достойны; много люстръ хрустальныхъ и вызолоченныхъ, множество лампадъ великихъ серебряныхъ и хрустальныхъ, много разныхъ подсвѣчниковъ. Въ два ряда стоятъ колонны, поддерживающія своды, всё изъ чистаго мрамора; три въ рядъ престола. Воистинну храмъ сей всякой похвалы достоинъ. И два Императора ему ктиторами: Россійскій и Султанъ турецкій. Внизу подъ притворомъ точится неисчерпаемый благодатный живоносный источникъ Царицы Небесной. Купѣль сдѣлана изъ чистаго бѣлаго мрамора, четырёхугольная; посреди купѣли чаша, изъ которой течетъ чудотворная Богородичная вода. Вода же въ купѣли стоитъ аршина на два; вода чистая—какъ зеркало, холодная и пріятная для питья, такъ что можно пить каждому два ока, т. е. шесть фунтовъ, хотя бы былъ и потный. Я самъ много разъ приходилъ потный, и боялся пить много воды холодной; но приставники говорили: «отче, не бойся: больше будешь пить, больше здравія получишь.» Я же когда выпилъ два ока, почувствовалъ перемѣну: стало легко и пріятно; и благодарилъ Царицу Небесную за Ея великія чудеса. Если бы выпить столько простой воды, то надобно бы было умереть, или вѣчно быть нездоровому. Въ сей водѣ плаваютъ семь небольшихъ рыбъ. Греки говорятъ, что пущены онѣ послѣднимъ греческимъ Царемъ, Константиномъ Палеологомъ. Напротивъ купѣли, къ сѣверу,

небольшая церковь. Тамъ стоитъ чудотворная Богородичная икона Живоноснаго Источника. Вокругъ же стѣнъ стоятъ аналои; предъ всякимъ священникъ, и всѣ поютъ неусыпаемые акаѳисты и молебны; и горитъ безпрестанно множество свѣчъ и лампадъ. Возлѣ купѣли стоятъ четыре челоуѣка, которые черпаютъ св. воду, и подаютъ народу съ приглашеніемъ: «прійдите, приступите: безъ цѣны продается вода исцѣленія Матери Божія.» Кругомъ подѣланы чуланы, гдѣ обливаютъ больныхъ; тамъ всегда народу, какъ на торжищѣ; покупаютъ безъ цѣны здравіе отъ Царицы Небесной. Всѣмъ подается исцѣленіе, вѣрнымъ и невѣрнымъ, и всѣ безпрестанно приходятъ: греки, турки, турчанки, армяне, католики, всѣ со слезами просятъ Царицу Небесную, и принимаютъ исцѣленіе. Самъ Султанъ иногда посѣщаетъ, и приказываетъ ежедневно брать оттуда воды для приготовленія пищи; за нею ѣздятъ съ тремя боченками, и когда наполняютъ ихъ, то игумень кладетъ печать. *Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса.* Въ самыхъ врагахъ христіанамъ, въ магометанахъ, и тамъ прославляются дѣла Его. И тѣ, хотя и противъ Магометова ихъ сквернаго закона, но прославляютъ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь, Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, видящи повседневныя бываемыя отъ Нихъ чудеса, и говорятъ: «велика въ женахъ св. Марія! И называютъ сію воду: «святая Марія.» И весьма Ее почитаютъ, говоря, что едина святая Марія родила великаго Пророка Иисуса, безъ мужскаго сѣмянн, но отъ Духа Святаго. Я спросилъ іеромонаха: «записываютъ ли чудеса, бываемыя отъ воды?»

Онъ отвѣтилъ : « А кто можетъ ихъ всѣ переписать? Сколько ежедневно приходитъ народу разныхъ вѣрѣ, столько бываетъ и чудесъ; ежели же записывать всѣ, то надобно имѣть нарочитую канцелярію.» На верху въ оградѣ есть мѣсто, гдѣ погребаются святѣйшіе Константинопольскіе Патріархи. На церквахъ крестовъ, куполовъ и колоколовъ не имѣется, но сдѣланы какъ и прочія Константинопольскія церкви. Въ пятокъ на Пасхѣ, сказывали, бываетъ великое стеченіе народа, въ самомъ лучшемъ убранствѣ: жены и дѣвицы, гречанки, надѣваютъ на себя всѣ драгоценности; приѣзжаютъ Патріархъ, Султанъ, и приходитъ множество войска. И такъ мы, помолившись Божіей Матери, и напившись, умылись св. Ея водою, и потомъ воротившись въ городъ, пошли подлѣ городской стѣны, и минули многія греческія церкви, потому что нынѣ греки больше живутъ по край города.

23. И пришли къ лѣтнему царскому дворцу *Константина Великаго*: стоитъ въ самой градской стѣнѣ,—половина внутри, а половина внѣ града; великъ и прекрасенъ, съ разными фигурами. Имѣлъ два крыльца, или подъѣзда, одинъ отъ города, а другой съ поля; но нынѣ стоятъ пустъ, верхъ обрушился, внизу подѣланы каморки, и живутъ жидаы.

24. Потомъ пошли къ сѣверу, къ гавани. Тамъ есть мѣсто и развалины, гдѣ была великая и славная *церковь Пресвятыя Богородицы Влажернская*. Въ ней сохранились разныя св. достопамятныя вещи, и дважды въ ней чудесно являлась Божія Матерь, Царица Небесная : 1) въ царство Льва Премудраго, явилась во время всеобщаго бдѣнія св. праведному Андрею и св. Елифанію на воздухѣ, за міръ Христу моля-

щаяся; 2) явилась въ видѣ Царицы мастерамъ каменоздателямъ, и послала ихъ въ Россію въ Кіевъ, для созданія новой великой Кіево-Печерской церкви. Нынѣ же сія небеси подобная церковь разорена и разсыпана: ибо турки пробили стѣну, и ворвались въ Константинополь вблизи ея, и сію церковь разорвали.

25. А гдѣ былъ престолъ, тамъ есть небольшая пещера, и стоитъ въ ней много иконъ и великая икона Богородицы Влахернская, а внутри пещеры есть небольшой источникъ воды, называемый по-гречески *аназма*, т. е. *святмя*, св. вода Влахернской Богородицы. вмѣсто церкви даровала Божія Матерь сію св. воду для утѣшенія грековъ. Тамъ всегда пребываетъ священникъ, и служитъ молебны; горитъ много свѣчъ и лампадъ. Воистинну велики чудеса Пресвятыя Богородицы! Во всемъ Константинополѣ нѣтъ ни одного колодца, чтобы можно было пить воду; а хотя и есть колодцы, но въ нихъ вода соленая, пить никакъ нельзя, берутъ только для мытья. Жители же пользуются водою изъ фонтана, которая проведена издалека Царемъ Константиномъ. А сія вода—чистая, холодная, пріятная, вторая по Живоносномъ Источникѣ, и не только эта, но еще есть по Константинополю такія св. пріятныя воды. Воистинну Божія Матерь, Царица Небесная, не оставляетъ Своего великаго города, препорученнаго Ей Великимъ Царемъ Константиномъ, но посѣщаетъ его Своею благодатію, утѣшаетъ живущихъ въ немъ смиренныхъ грековъ! Отъ Влахеры пошли мы внутрь города близъ гавани, и мицали многія церкви, въ которыя заходили, смотрѣли и поклонялись.

26 Потомъ пришли въ монастырь , въ *подворье св. Горы Синайской*: церковь велика и украшена, во имя св. Іоанна Предтечи.

27. Потомъ поднялись повыше , и пришли въ монастырь, въ *подворье Іерусалимское*: здѣсь пребывалъ и Патріархъ Іерусалимскій Аѳанасій; церковь велика и прекрасна, во имя св. Великомученика Георгія. Оттуда возвратились на свое подворье.

28. На другой день съ вожатымъ пошли мы внизъ, подлѣ гавани, въ самую внутренность Константинополя; прошли сквозь *Гостиннаго двора*, и тамъ много я удивлялся тому, что весь Гостинный дворъ—со сводами, огню туда попасть невозможно; стѣны и своды раскрашены, тамъ множество улицъ и рынковъ, наполненныхъ народомъ, такъ что съ трудомъ можно было пройти.

29. И прошли мимо *Дивана*, т. е. Оттоманской Порты, или Сенату , и прошли прямо къ *св. Софіи*: нынѣ обращена въ мечеть; обошли ее кругомъ, полюбовались на нее , и заплакали ; а во-внутрь насъ злые турки не пустили, и смотрѣтъ намъ на нее много не дали; но прогнали злые турецкіе дервиши.

30. И мы пошли на площадь, именуемую *Царская*, или конное ристаніе. Тамъ прежде были греческихъ Царей дворцы, а нынѣ на томъ мѣстѣ выстроена первая и главная турецкая мечеть, которая превосходитъ и Софійскую.

31. На площади стоятъ два столпа : Ѳеодосія Великаго и Льва Премудраго; еще есть и третій, мѣдный извитый: говорятъ, что было свито два змія, но нынѣ вполовину сломанъ. Въ углу сѣверномъ стоитъ столпъ Царя Константина Великаго.

32. Потомъ пошли по самой большой улицѣ, взошли въ одну лавку: торгуетъ грекъ разными свѣстными припасами; мы пошли въ задъ, намъ сказали: « подождите, тамъ есть люди. » Мы же удивлялись, что такое тамъ. Потомъ, мало подождавши, смотримъ: изъ низу вылѣзаютъ женщины купчихи. Потомъ мы туда полѣзли: проходъ весьма тѣсенъ; и когда слѣзли внизъ, то вдругъ понесло благоуханіе ладаномъ; взошли въ комнату: тамъ стоитъ множество иконъ, горитъ свѣчъ и лампадъ много, и сидитъ старый священникъ въ ризахъ, а послушникъ читаетъ; и мы воставили по свѣчѣ; тамъ — и колодезь неглубокій; вытащили воды, пили и умылись; вода холодная и пріятная. Мы же спросили: что это значитъ? Вожатый нашъ, священникъ, сказалъ намъ, что это былъ домъ и лавка купца Θεодора, который бралъ деньги у жидовина (*), а эта его была молитвенная хранина; а вода сія св. сама чудесно истекла, и до-днесь бываютъ отъ нея чудеса.

33. Потомъ смотрѣли многія турецкія мечети, которыя прежде были христіанскія церкви. Въ одинъ день ходила смотрѣть самую древнюю патриаршую церковь, во имя св. Апостолъ: выстроена Царемъ Константиномъ Великимъ; въ ней служили великіе Святители: Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ; въ ней и мощи его положены были, когда перенесли изъ Команъ; въ ней собирався вторый Вселенскій Соборъ; въ ней стояла патриаршая кафедра до лѣтъ Царя Лустиніана Великаго. Онъ когда выстроилъ св. Софію, —

(*) Пролог. Окт. 31.

туда перенесъ и патріаршую кафедру. Храмъ великъ и прекрасенъ, съ тремя куполами; но нынѣ обращенъ въ мечеть, въ недавнее время, въ 1830 г., ради сотворшагося въ ней чуда при глазахъ Султана; прежде того почти четыреста лѣтъ церковь стояла пуста; и мы только посмотрѣли въ алтарь въ окно, и ничего въ ней нѣтъ, кромѣ одной люстры.

34. Противъ великихъ западныхъ вратъ есть *гробъ Царицы Евдокіи*, которая изгнала св. Іоанна Златоуста въ заточеніе: на гробъ лежитъ надгробный мраморный великій камень, съ верху и съ боковъ высѣчены четырехконечные кресты. И камень отъ времени почернѣлъ, стоитъ на ножкахъ, внутренность выдолблена, наливается вода, и сдѣланы краны, для питья, или для умовенія рукъ. Это все сдѣлалъ сынъ Евдокіи, благочестивый Царь Θεодосій младшій, стараясь своей матери исходатайствовать прощеніе грѣховъ за изгнаніе неповиннаго Патріарха Іоанна Златоустаго, или можетъ быть еще мужъ ея Царь Аркадій. Здѣсь обличается безуміе и клевета россійскихъ раскольниковъ, называющихъ себя старообрядцами, которые отметають четырехконечный крестъ, и называютъ его новымъ латинскимъ. Пусть разверзуть свои очи, и безпристрастно посмотрятъ: когда былъ царь Аркадій, и когда былъ царь Θεодосій? Не явнѣ ли, что во время Златоустаго, уже болѣе 1400 лѣтъ? Еще и Римъ тогда былъ въ цвѣтущемъ благочестіи. Изъ сего видно, что въ Св. Христовой Церкви съ самыхъ временъ Апостольскихъ употреблялся крестъ болѣе четырехконечный; а нѣкоторые дѣлали осмиконечные и шестиконечные, кто какой вздумаетъ, и опредѣленнаго положенія на то не было.

35. Отъ храма святыхъ Апостолъ мы пошли внизъ по одной улицѣ, и пришли направо въ ворота: внутри садочекъ и огородъ; Я въ самомъ углѣ пошла въ пещеру: тамъ много иконъ, и горитъ довольно свѣчъ и лампадъ; священникъ въ ризахъ читалъ акаѳистъ Богородицѣ; и тамъ — источникъ воды: мы напились и умылись; вода холодная и пріятная. Я спросилъ: «что это за мѣсто?» Вожатый нашъ сказалъ: «Это *святая вода Богородицы*, называемая *третья*, данная Богородицею въ древнія времена; и до-днесъ бываютъ отъ нея чудеса. Но мѣсто сіе въ рукахъ турокъ, а наши христіане откупаютъ.» И я тамъ разсмотрѣлъ много небольшихъ крестовъ мраморныхъ: и всѣ почти четырехконечные и весьма древніе, такъ что мраморъ отъ камня не различить.

36. Еще въ одинъ день ходили посѣщать гробъ и мѣсто преподобнаго отца, *Юанна Кущника*. На гробѣ его растутъ три великія дерева: кипарисъ, платанъ и маслина; посажены, говорятъ, еще его родителями на томъ мѣстѣ, гдѣ была его куща и погребено тѣло. А гдѣ былъ домъ, на томъ мѣстѣ была сооружена церковь великая, но нынѣ обращена въ мечеть.

37. Еще вожатый нашъ, священникъ, сказалъ намъ: Въ нынѣшнемъ (1841) году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, не больше какъ двадцать дней, одному турку явился Святитель Николай ночью, и сказалъ, чтобы онъ покопалъ на дворѣ; назначилъ и мѣсто; и тамъ, сказалъ, есть моя икона, и будешь у себя имѣть на дворѣ источникъ, который будетъ исцѣлять болѣзни. Турчанинъ по-утру всталъ, осматрѣлъ то мѣсто, и не сталъ копать. Святитель на другую ночь явился, и уже приврозилъ; но тотъ не сталъ копать. На третью

ночь опять явился Святитель, и грозно сказалъ: «ежели ты за-утро не будешь копать, то уже больше живъ не будешь, и домъ твой разорю, жену и дѣтей твоихъ погублю.» Турка, пробудившись, весь сталъ трепетень. По-утру рано сталъ копать; и на верху стала появляться вода. Турка испугался, видя, что онъ въ бѣдѣ: ежели откопаетъ, то турки убьютъ его; а ежели оставить, то Святитель накажетъ: не зналъ что дѣлать. Послѣ вознамѣрился идти къ Султану, и объявить ему: что Султанъ скажетъ и сдѣлаетъ, такъ и будетъ. И пошелъ въ домъ, нарядился въ праздничную одежду, простился съ женою и дѣтьми; сказалъ: «прощайте: иду на смерть;» и пошелъ. Пришедши во дворецъ, просилъ доложить Султану. Султанъ потребовалъ его къ себѣ. Онъ войдя поклонился ему, и сказалъ: «Свѣтлѣйшій Султанъ! руби мою голову: ибо буду чуждою вѣру хвалить.» Султанъ сказалъ: что такое? говори скорѣе. Онъ же сказалъ, какъ христіанскій Святитель трижды приходилъ въ нему, и что говорилъ ему. Султанъ же разсмѣившись сказалъ: «а ты въ чемъ виноватъ?» И приказалъ быть слѣдствію. Назначилъ часъ, когда пріѣдетъ самъ, и послалъ къ Патріарху, чтобъ онъ въ назначенный часъ въ томъ мѣстѣ былъ. Пріѣхали Патріархъ и Султанъ, и сошлось множество народа. Султанъ приказалъ копать землю; и вдругъ бросилась вода, и икона вышла съ водою. Патріархъ сказалъ, что это икона Святит. Николая. Турка сказалъ, что этотъ самый старецъ и являлся ему ночью. Икону Султанъ приказалъ поставить. И потомъ велѣлъ принести больного. Когда же напоили и обмыли больного, то сдѣлался здоровъ. Султанъ покачалъ головой, и сказалъ: «алла,

алла», то-есть, Боже, Боже; и самъ уѣхалъ; а Патриархъ въ свое мѣсто уѣхалъ, оставивши тамъ икону. И творились многія чудеса. И пошли туда почти со всего города христіане и турки, и я былъ трижды. Вода, сколько бы ни брали ея, не убывала, а черезъ верхъ не бѣжала, а икона стояла при стѣнѣ. Пришли многіе священники, пѣли молебны. И по всѣ дни былъ полный дворъ народу. И было такъ дней семь. Послѣ взбунтовались великіе духовные турецкіе: собравшись пошли къ Султану, и съ гнѣвомъ сказали: « когда ты хочешь быть христіаниномъ, то принимай христіанскую вѣру, а на обѣ стороны не хромай.» Султанъ же, испугавшись, сказалъ: « что это такое? я не понимаю.» Они сказали про сію воду, и что онъ весь городъ соблазнилъ, давъ волю христіанамъ. Султанъ же сказалъ имъ: « что я буду дѣлать, когда сіе случилось въ глазахъ моихъ? » Они отвѣчали: « На то ты и царь; ты долженъ это прекратить, а то самъ отвѣтишь.» Султанъ послалъ тотъ же часъ войско, и всѣхъ со двора выгнали, воду засыпали, а икону неизвѣстно куда дѣли; хозяина изъ дому вывели, и домъ запечатали, и поставили у воротъ двоихъ часовыхъ. Теперь и ходить туда не зачѣмъ, потому что далеко.» Мы же упросили его сходить, и онъ послушалъ насъ. Пришедши, хотѣли посмотреть сквозь заборъ, но часовые насъ отогнали, и грозно намъ сказали: « видите прочь.» Мы отошли, и видѣли, что домъ запечатанъ, и окна закрыты. Тутъ подошелъ къ намъ одинъ турчанинъ старій, качая головою, и говоритъ намъ: « вотъ какое чудо у насъ здѣсь случилось: напрасно Султанъ уничтожилъ такой даръ; мы сожалѣемъ о семъ, да не наша воля.» Мы же пошли въ свое мѣсто. Еще много намъ пока-

зывалъ разныхъ древностей , которыя всё и описать невозможно. Весь Константинополь наполненъ древностями: потому что онъ не былъ разоренъ, а развѣ только что пожары уничтожили. Еще намъ Богъ далъ опытнаго и знающаго вожатаго священника; а другіе— и жители, да не знаютъ, потому что занимаются дѣлами житейскими.

38. Въ одинъ день шли мы мимо одной великой мечети. Вожатый насъ остановилъ, и сталъ говорить: «Эта мечеть построена болѣе ста лѣтъ назадъ, но турки въ нее Богу молиться не ходятъ, и ею гнушаются, называя ее поганою; потому что который Султанъ ее строилъ, повѣровалъ во Христа. О семъ разсказываютъ такимъ образомъ: Въ одинъ день на Пасхѣ прогуливалась по Константинополю Султанская мать съ своею свитою, и шла мимо христіанской церкви, въ которой тогда совершалась святая Литургія, и услышавши пѣніе, захотѣла полюбопытствовать и посмотреть; взошла прямо на хоры къ женамъ, и простояла всю Литургію. Когда же разносили антидоръ;— и она взяла, и съѣла, и почувствовала нѣкое благоуханіе. Пришедши во дворецъ, сыну ничего не сказала, гдѣ была. Султанъ же почувствовалъ благоуханіе, и началъ удивляться и спрашивать, отъ чего исходитъ благоуханіе? И всё недоумѣвали. Потомъ мать отозвала его въ особливую комнату, и сказала, что это благоуханіе исходитъ отъ нея. И онъ почувствовалъ точно такъ, и спросилъ ее: отъ чего исходитъ отъ нея такое благоуханіе? Она же ему сказала: «Вотъ, любезный сынъ, какая вѣра христіанская, которую вы ненавидите и гоните! Я только взошла въ ихъ церковь полюбопытствовать и посмотреть, и съѣла ихъ

просфоры, — и вотъ какое пошло отъ меня благоуханіе!» Султанъ задумался, и многіе дни былъ въ задумчивости и уныніи. Потомъ призвалъ къ себѣ своихъ духовныхъ, великихъ муфтіевъ, кишишовъ, дервишей и муловъ, и всѣхъ старшихъ пашей. И почтивъ ихъ и угостивъ, сказалъ имъ. «Я призвалъ васъ за тѣмъ, что хочу отъ васъ узнать: что есть вѣра христіанская, и что есть вѣра магометанская? Кто былъ Христосъ, и кто былъ Магометъ? И скажите мнѣ сущую правду: ибо я хотя и царь, но этого еще не знаю.» Они сказали: «оба были великіе Пророки, посланные отъ Бога.» Царь опять спросилъ: «для чего они были посланы?» Они отвѣтили: «Весь міръ отъ Бога отступилъ, и впалъ въ идолопоклонство; потому Богъ первѣе явился Аврааму, и сказалъ ему, что нѣтъ другаго Бога, кромѣ Бога вышняго, сотворшаго небо и землю, и велѣлъ ему обрѣзаться. Потомъ Богъ далъ законъ, писанный чрезъ Мойсея Пророка, одному народу еврейскому; но они отъ закона отступали: потому къ нимъ посылалъ Богъ другихъ Пророковъ, и извѣщалъ, что еще пошлетъ единаго великаго Пророка, и уже не къ одному еврейскому народу, но ко всѣмъ; и сказывали Пророки о Его рожденіи, жизни и о смерти. И послалъ Богъ самого сего великаго Пророка Иисуса, называемаго Христа. И зачался Онъ не отъ мужа, но отъ Духа Святаго, и родился отъ чистыи Дѣвы, и сотворилъ великія чудеса. Но еврейскіе учителя и власти, зависти ради, распяли Его на крестѣ; но Онъ въ третій день возсталъ, и пошелъ на небо къ Богу.» Султанъ опять спросилъ: «такъ Иисусъ на небо къ Богу пошелъ?» Они отвѣтили: «точно такъ.» Султанъ сказалъ: «а Магометъ что значитъ?» Они

отвѣчали: « когда Богъ увидалъ , что Иисуса народы не послушали, и закона Его не могли принять, потому что онъ очень строгъ и тяжекъ; то Богъ послалъ другаго великаго пророка, Магомета , предать народамъ законъ полегче, чтобы всѣмъ былъ вмѣстителенъ.» Султанъ спросилъ: « а пророкъ Магометъ какъ родился, и сотворилъ ли какія чудеса?» Они отвѣчали: « Магометъ родился отъ мужа и жены, а чудесъ онъ не сотворилъ ни одного, потому что они ему не нужны, и что законъ его и безъ чудесъ всякъ можетъ принять за то, что онъ легокъ; а потомъ Магометъ умеръ и пошелъ также къ Богу.» Султанъ спросилъ: « а кто на второмъ судѣ будетъ судить родъ человѣческой?» Они отвѣчали: « великій Пророкъ Иисусъ Христосъ.» Султанъ спросилъ: « а Магометъ что́ будетъ дѣлать.» Они отвѣчали: « Богъ Магомету съ его магометанами дастъ особое мѣсто , гдѣ онъ будетъ покойся.» Султанъ спросилъ: « а Иисусъ Христосъ кого будетъ судить?» Они отвѣчали: « весь прочій мiръ и Своихъ христіанъ.» Султанъ опять спросилъ: « за что же Онъ будетъ судить Своихъ христіанъ , когда они въ Него вѣруютъ?» Они отвѣчали: « за то , что они Его почитаютъ равна Богу, и Сыномъ Божиимъ именуютъ.» Султанъ сказалъ: « только за это?» « Это что-то несправедливо. Можетъ ли это быть? Христіане много Его любятъ , и въ Него вѣруютъ , и Его почитаютъ ; и Онъ за то ихъ будетъ мучить ; а мы Его ненавидимъ и гонимъ, а Онъ насъ помируетъ,— это совсѣмъ не приходится. Напрямѣръ: я теперъ царь и судья; ежели мнѣ кто вѣренъ и меня любитъ, тѣхъ и я люблю и награждаю ; а ежели бы я ихъ казнилъ, то бы меня весь мiръ осудилъ, что неспра-

ведливо поступаю ; а я казню только враговъ моихъ и кто мнѣ противится ; поэтому ваше рѣшеніе несправедливо, я его не прійму въ уваженіе. « вы ступайте, и подумайте хорошенько ; и дайте мнѣ отвѣтъ настоящій, чтобы на чемъ было утвердиться и даю вамъ сроку три дня, а потомъ всё опять ко мнѣ приходите. » Они же вышли отъ Султана , и въ тѣ три дня много совѣтовались между собою , и не нашлись что другое сказать , какъ только то , что и прежде : Судія будетъ одинъ великій Пророкъ , Іисусъ Христосъ . И пришли чрезъ три дня къ Султану . Султанъ спросилъ ихъ : « какое сдѣлали разрѣшеніе ? » Они отвѣчали : « то-же , что Судія будетъ одинъ , великій Пророкъ Іисусъ , а намъ съ Магометомъ . Богъ дастъ особое прекрасное мѣсто » Тогда Султанъ сталъ говорить : « А когда такъ , что Судія будетъ одинъ Іисусъ Христосъ , то Онъ Своихъ христіанъ никогда не осудить ; потому что они въ Него вѣрують , и Его любятъ и почитаютъ , и Его волю исполняютъ . А Онъ осудить тѣхъ , которые Ему не вѣрують , и Его повелѣній не исполняютъ , и въ Него вѣрующихъ гонять ; тѣхъ вопстинну уже предастъ вѣчному мученію. » Потомъ Султанъ всталъ съ мѣста и сталъ среди нихъ , и сказалъ : « теперь вы , какъ знаете ; а я вѣрую Тому , Кто судить будетъ , то-есть , въ Іисуса Христа. » Тогда турки всё взбѣсались , вскочили и бросились на него , и убили его . И такъ онъ крестился своею кровію , и принялъ вѣнецъ мученической за великаго Судію , Іисуса Христа . И теперь въ сію мечеть турки не ходятъ .

39. Еще въ одинъ день шли мы мимо *гроба Султана Махмуда* , который умеръ въ 1839 г. Надъ нимъ ч. III.

сдѣлана, на-подобіе часовни, великая и круглая крыша, вся вызолоченная; кругомъ сдѣланы окна; въ нихъ рамы вызолоченныя, повѣшены занавѣсы златотканныя; посреди стоитъ гробъ Султановъ, покрытый золотою парчею; кругомъ гроба стоятъ четыре подсвѣчника со свѣчами; на окнахъ золотыя чаши; проведенъ фонтанъ воды; тамъ стоятъ люди, и наливаютъ въ нихъ воду, и потчиваютъ мимоходящихъ. Нашъ вожатый, священникъ, выпилъ чашу воды, и намъ предложилъ, потому что время жаркое; и мы выпили: вода холодная. Я сказалъ своему вожатому: «хорошо ли мы сдѣлали, что выпили воды на могилѣ Султана?» Онъ же сталъ намъ рассказывать: «Этотъ Султанъ послѣ Россійской войны, по 1829 годѣ, сдѣлался добръ и милостивъ для христіанъ: онъ простилъ множество виновниковъ изъ христіанъ; въ Константинополѣ выстроилъ церковь на свой счетъ (*). Иногда онъ долго наединѣ сживалъ съ Патріархомъ и разговаривалъ. Христіане на него смотрѣли, какъ на отца; турки же его ненавидѣли, и называли невѣрнымъ и христіаниномъ. И намъ говорили: «теперь вы дождалсь своего царя; уже теперь Султанъ — вашъ, христіанинъ.» И много онъ перемѣнилъ турецкихъ обычаевъ. И смерть его, говорятъ, была насильственная: потому что вечеромъ былъ здоровъ, ѣздилъ въ каюкъ, а утромъ объявили, что умеръ.» Когда вожатый сіе намъ рассказывалъ: мы еще посмотрѣли на гробъ. Сколько въ Константинополѣ есть султанскихъ гробовъ, — ни одного нѣтъ такъ убраннаго,

(*) Чит. Гл. 22

какъ этотъ. Молодой Султанъ Абдуль любитъ отца своего, и ему подражаетъ. Еще много намъ вожатый показывалъ древнихъ монастырей и церквей: но нныя разорены, а другія обращены въ турецкія мечети.

40. Многожды мы ходили въ Галату, или Перу, и тамъ посѣщали многія греческія церкви; а навпаче часто посѣщали церковь *Святит. Николая*, которая замѣчательна для русскихъ и для всѣхъ славянскихъ родовъ, потому что каждую недѣлю и праздникъ бываетъ поздняя русская Литургія. Живетъ при ней русскій духовникъ, іеромонахъ Іеронимъ, сербанинъ родомъ.

41. Въ одинъ день прохаживались мы по Галатѣ: вдругъ попадаются знакомые мнѣ *раскольническіе монахи*, одинъ именемъ Дороеей съ прочими, которые жилали со мной въ Молдавіи въ Мануиловскомъ скиту. Когда же узнали одинъ другаго, то весьма были рады; потому что нѣсколько лѣтъ не видались, и много между собою разговаривали, и они меня спросилъ: гдѣ я проживаю? Я имъ сказалъ, что во святой Горѣ Аѳонской. Потомъ я ихъ спросилъ: «а вы далеко ли вздумали путешествовать?» Они мнѣ отвѣтили: «Ты хорошо нашелъ себѣ пристанище; а мы все еще вѣру ищемъ. Теперь идемъ въ Египетъ; говорятъ, что тамъ есть наши старообрядцы, и у нихъ есть Епископы.» Я же на нихъ посмотрѣлъ, да головою покачалъ, и сказалъ имъ: «Какіе ваши тамъ старообрядцы? какіе тамъ ваши Епископы? Тамъ почти и христіанъ уже нѣтъ, только одни магометане; а хотя и есть христіане, то болѣе еретики, которые отторгнулись отъ Святой Церкви еще во время четвертаго Вселенскаго Собора. А когда хотите узнать, что есть въ Египтѣ,

и что есть за Египтомъ, то идите въ Аѳонскую Гору. Тамъ много есть братія съ тѣхъ странъ : они вамъ скажутъ ; а я много ихъ спрашивалъ.» Они же мнѣ отвѣтили , что у нихъ есть вожатый , который самъ тамъ бывалъ , и сказывалъ , что тамъ есть русскіе. Я же имъ сказалъ : « Это какой-нибудь пройдоха васъ обманываетъ , — хочетъ васъ съ деньгами выманить въ ту дикую страну , и или васъ продать , или убьетъ. Какъ вы себя такому человѣку вѣрили ? Желательно бы было мнѣ его повидать.» Они же рады были сему , видя , что я имъ безпристрастно говорю , да еще и хорошо знаютъ меня. Привели меня къ себѣ на квартиру , угостили ; потомъ пришелъ ихъ вожатый : я сталъ его разспрашивать , а онъ все вралъ самую небылицу ; видя , что я нѣсколько про ту страну знаю , весьма усрамился. Монахи , видя его ложныя слова , сказали ему : « Эхъ , братъ , хотѣлъ ты насъ обмануть и погубить ! Богъ съ тобой ! Сколько ты у насъ забралъ денегъ : мы прощаемъ ; только иди отъ насъ , куда знаешь.» Онъ же со стыдомъ убѣжалъ , и больше не показывался. А меня много благодарили , что избавилъ ихъ отъ бѣды. Я же сталъ имъ говорить : « Охъ , отцы , отцы ! Чего бродить по свѣту , чего искать въ Египтѣ ? — Вы знаете , что здѣсь въ Константинополѣ самая середина христіанству : во Иерусалимѣ корень , а здѣсь середина. Здѣсь въ Греціи собирались всѣ семь Вселенскихъ Соборовъ , здѣсь писались правила и уставы Церковные. Здѣсь жили святые Отцы : Григорій Богословъ , Іоаннъ Златоустъ , Феодоръ Студитъ и прочіе во множествѣ. Здѣсь царствовали благочестивые Греческіе Цари. Отсюда и наша Россія приняла православную христіанскую вѣру. Здѣсь

есть самое сердце христіанству. Отсюда все благое произошло во вселенную, а наипаче въ Россію. Здѣсь есть престоль Патріаршій, престоль Апостольскій, святаго Апостола Андрея Первозваннаго. И вашъ любимый Патріархъ Московскій, Іосифъ, въ свидѣтельствующей имъ книгѣ, называемой « О правой вѣрѣ », пишетъ, « что Россія принадлежитъ Константинопольскому Апостольскому престолу, Вселенскому Патріарху, и во всемъ должна ему цовиноваться. » И до-днесь живутъ здѣсь въ Константинополѣ два правослащящие христіанскіе Патріарха, Константинопольскій и Іерусалимскій, и двѣнадцать Митрополитовъ, болѣе двадцати Епископовъ, и еще три Патріарха на покоѣ. И даже всѣ греки содержатъ древнія книги, иконы, правила и уставы и всѣ обряды церковные, которые имъ преданы отъ святыхъ Апостолъ и отъ святыхъ седми Вселенскихъ Соборовъ и св. Отецъ; и имѣютъ самыя древніе подлинники, безъ всякихъ переводовъ и переписокъ, потому что у нихъ языкъ тотъ-же, какимъ и древніе святые Отцы говорили и писали; на самомъ томъ языкѣ и нынѣ читаютъ; а хотя и есть новыя книги и иконы: но во всемъ съ древними сходны. А въ чемъ вы имѣете претыканіе и соблазняетесь, собственно цъ трехперотномъ сложеніи, именованномъ благословеніи и четырехконечномъ крестѣ, то это греки приняли и содержатъ отъ самыхъ временъ Апостольскихъ и отъ святыхъ седми Вселенскихъ Соборовъ. Здѣсь можно видѣть самое ясное доказательство: есть здѣсь самыя древнія иконы и надгробные царскіе камни. » Они же, выслушавши, спросили меня: « а что ты можешь показать древняго чего нибудь? » Я имъ отвѣтилъ: « пойдемъ въ

патріаршую церковь, и тамъ сами увидите.» Они сказали: «мы боимся туда идти въ такомъ нашемъ одѣяніи.» Я сказалъ: «не бойтесь; идите со мною; за то я отвѣчаю.» Они пошли со мною, и пришли предъ вечернею: въ церкви никого не было, кромѣ пономарей. Когда же подошли къ иконостасу, — стали, и задумались. Я спросилъ ихъ: «что, отцы, каковы иконы?» Они отвѣчали: «мы такихъ еще не видали у себя и въ часовняхъ; только благословящія руки не по-нашему написаны.» Я же имъ сказалъ: «теперь смотрите явно своими очами; явно обличилось ваше упорство и ложная клевета на Россію: этимъ иконамъ болѣе пяти сотъ лѣтъ, написаны еще до взятія турецкаго.»

42. Еще повелъ ихъ къ чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, стоящей на правой странѣ въ предѣлѣ. Предъ ней горитъ множество лампадъ, и виситъ паникадило. И я началъ имъ говорить: «Посмотрите сію чудотворную икону: не красками написана, какъ прочія, но мусією изображена; принесена еще Царицею Еленою изъ Іерусалима, и много она претерпѣла отъ огня и отъ иконоборцевъ, и была ввержена въ море, но чудесно спаслась, и многія столѣтія стояла во святой Софіи, и по взятіи турецкомъ оттуда вынесена, и до-днесь стоитъ въ семъ патріаршемъ храмѣ, и источаетъ чудеса съ вѣрою къ ней притекающимъ. Только у грековъ осталось радости и утѣшенія, что Царица Небесная и сія Бя чудотворная икона. И говорятъ греки, что когда она принесена была изъ Іерусалима Царицею Еленою, тогда Царь Константинъ препоручилъ сей Богородичной иконѣ городъ Константинополь на соблюденіе.—Посмотрите

Ея древность: мусія слылась подъ одно; и посмотрите у Превѣчнаго Младенца благословящую руку: какъ она изображена? не именовсловно ли?»

43. Они же подошли къ ней, и стали смотрѣть; но мой знакомый монахъ Дороей вдругъ отскочилъ отъ нея, и перемѣнившись въ лицѣ, съ дерзостію сказалъ: «не только мы этой иконѣ не повѣруемъ, но если бы и самъ Христосъ намъ явился, и сказалъ, что эта Церковь правая, и то не повѣруемъ.» Тогда и я весьма на нихъ оскорбился, и сказалъ имъ: «Охъ, вы безумные раскольники! Теперь вы стали хуже самыхъ жидовъ. И жиды, увидѣвшия самого Христа, и оттого ослѣпшіе, когда показалъ имъ Его святой Григорій Омиритскій, послѣ увѣровали (*); а вы теперь хуже ихъ: самому Христу не хотите вѣровать. Ступайте же изъ Его храма.» И они пошли, а я остался вечерню стоять. Вотъ какое закоснѣніе и безуміе раскольнической! Когда увидали ясное доказательство, то, вмѣсто того чтобы признать свое заблужденіе, и оставить его, они воскипѣли злобою, и провознесли хульные слова на самого Бога. Какъ это можно, чтобы самъ Христосъ съ небесъ явился, и они Его не послушали? Это они сказали, сами не понимая что; потому что до конца ихъ ослѣпила злоба ихъ. Святой Апостолъ Павелъ былъ прежде гонитель Христовой Церкви; но когда явился ему Иисусъ Христосъ, и позвалъ его на служеніе Себѣ: то онъ сдѣлался первый ревнитель по Христу. А эти заблуждшія овцы, неимѣющія себѣ пастыря, бродятъ по свѣту, и ищутъ сами не знаютъ

(*) Чет. Мви. Дек. 19.

чего. Прежде сами мнѣ сказали : « мы все еще вѣры ищемъ ; » а послѣ говорятъ , что « прійди самъ Христосъ съ небеси , и Того не послушаемъ , и своей вѣры не оставимъ. » Не явно ли , что сами они сблизясь съ большой дорожкой , зашли въ сторону , и блуждаютъ , и нашли себѣ двадцать кривыхъ тропинокъ , и по нимъ каждый бредетъ дальше въ свое заблужденіе , да и прочихъ къ себѣ манятъ , какъ слѣпецъ слѣпца ведетъ , и оба въ яму впадаютъ ; а на большую дорожку воротиться не хотятъ , да и Бога о томъ не просятъ , чтобы ихъ вразумилъ и научилъ , и вывелъ на прямой великій путь ? Господь сказалъ : *никтоже можетъ прійти ко Мнѣ , аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его* (Иоан. 6, 44). Но , однако , Господь велѣлъ просить Его милости , сказавъ тако : *просите , и дастся вамъ : ищите , и обрящете : тощете , и отверзется вамъ* (Мате. 7, 7.). Какъ же тотъ можетъ получить , кто говоритъ , что хотя бы и Богъ мнѣ сказалъ , а Его не послушаю ? Явно , что онъ есть противникъ Богу , антихристъ , который Бога не слушаетъ . О Господи , избави всякаго человѣка отъ таковаго заблужденія !

44. Въ одинъ день ходили мы на Арнаутку , и смотрѣли то мѣсто , гдѣ была славная святая *Студійская обитель* ; нынѣ на томъ мѣстѣ султанскія оранжереи .

45. И такъ мы ходили и гуляли по Константинополю двадцать дней , и весь его разсмотрѣли , его величину , длину и ширину . И сказывалъ намъ вожаемый , что въ городѣ есть до двухъ тысячъ турецкихъ мечетей , и болѣе сорока греческихъ православныхъ церквей . Греческія церкви велики : ибо считается по-

ловина города грековъ, хотя и не всѣ—турецкіе подданные, но разныхъ Державъ. Много также церквей армянскихъ и католическихъ, и пятьсотъ маголовъ. На каждой маголѣ есть рынокъ (или базарь), и каждая магола имѣетъ свое названіе, своего старосту и гауптвахту. И бываетъ каждый день ярмарка по разнымъ мѣстамъ. Есть семь великихъ мечетей, возлѣ которыхъ бывають въ назначенные дни базары великіе. Весь городъ—какъ торговый: ходять по всѣмъ улицамъ разносчики, одинъ за другимъ, и столь многолюденъ городъ, что какъ начинается день, — всѣ улицы полны. Ходять же только одни мужчины, а женщинъ весьма рѣдко увидишь. Проливы и заливы наполнены кораблями: болѣе шести тысячъ однихъ каюковъ, на которыхъ возять народъ; также ходить безпрестанно пароходъ, развозить народъ. Константинополь разсѣянъ между проливовъ и заливовъ. Только шесть городовъ стоятъ на азіатскомъ берегу; а на европейскомъ, отъ самаго Мраморнаго моря и до Чернаго, версть на пятьдесятъ, непрерывные города. Но самъ Константинополь стоитъ по себѣ, между Мраморнымъ моремъ и гаванью; обнесенъ кругомъ каменною стѣною, великимъ царемъ Константиномъ; ходу въ окружности считаютъ девять часовъ (или сорокъ пять верствъ); по-турецки называется Станбуль. Въ немъ живутъ Султанъ и Патріархъ; въ немъ всѣ главныя мечети и присутственныя мѣста, главные гостинныя дворы. По всему Константинополю улицы узкія, не болѣе двухъ и трехъ сажень, и съ изгибами, вымощены дикимъ камнемъ, постройка болѣе деревянная и высокая, трехъ и четырехъэтажная; внутри подштукатурено, а снаружи выкрашено: христіан-

скіе дома черной краской, а турецкіе красной; а хотя и есть каменные здавія, но ихъ не видно. Турецкія мечети и гостинные дворы: всё—каменные.

46. *Греческія церкви* всё—каменные, высокія, но безъ куполовъ и крестовъ, на-подобіе великихъ магазиновъ; выкрашены темною краскою, обнесены выскою каменною стѣною, на-подобіе монастыря; съ улицы однѣ или двой желѣзныхъ вратъ; надъ ними на камнѣ высѣчены небольшіе кресты, дабы каждый могъ знати, что внутри есть церковь. Церкви—велики и обширны, внутри весьма богато убраны и свѣтлы; къ два ряда великія окна; полы мраморные, и въ два ряда стоятъ столбы мраморные, которые поддерживаютъ верхъ сводовъ; иконостасы мраморные, или деревянные, но рѣзбенные и вызолоченные. Въ каждой церкви по три престола въ рядъ. Иконы всё высшей греческой работы; предъ ними стоятъ великіе подсвѣчники, и виситъ по три лампы. По всѣмъ храмамъ въ пять рядовъ висятъ хрустальныя люстры и лампы; кругомъ уставлены формами; въ каждой церкви есть архіерейская кафедра.

47. Для женскаго полу сдѣланы великіе хоры: ибо въ Константинополь и по всей Греціи женщины вмѣстѣ съ мужчинами въ церкви не стоятъ. Ежели же гдѣ не возможно сдѣлать хоръ, то сдѣлана перегородка, дабы ихъ не можно было видѣть.

48. У церквей нѣтъ колоколовъ и досокъ, или билъ; но созываютъ въ церковь такъ: ходитъ пономари по улицамъ, и расцѣваютъ громко и протяжно: « православные христіане, пожалуйте въ церковь Божию!» При каждой почти церкви проживаетъ Епископъ и нѣсколько священниковъ.

49. Патриаршій монастырь стоитъ внутри Константинополя, на мѣстѣ, называемомъ Фанаръ; огражденъ двумя каменными стѣнами; во внешней оградѣ улица мірскихъ домовъ, въ числѣ которыхъ и Афонское подворье. Во внутренней же оградѣ—патриаршій домъ, и прочихъ много, для Митрополитовъ, братіи, и важныхъ присутственных мѣстъ. Посреди двора стоитъ великая патриаршая церковь соборная, безъ куполовъ и крестовъ, но высокая: въ два ряда окна, великая паперть, и во-внутрь трое вратъ, а четвертымъ чрезъ алтарь; внутри весьма свѣтло; колонны въ два ряда; иконостасъ деревянный рѣзбенной работы, но не вызолоченный; много подсвѣчниковъ, люстръ и лампадъ хрустальныхъ; три престола въ рядъ; иконы всѣ деревяныя, еще изъ св. Софій; на правой странѣ въ придѣлѣ стоитъ чудотворная икона Пресвятыя Богородицы; изображена мусією; на правой странѣ, въ стѣнѣ, стоитъ деревянная и чудотворная икона св. Іоанна Предтечи, изображенная мусією. Возлѣ нея стоитъ столбъ, къ которому былъ привязанъ Іисусъ Христосъ, когда Брю мучили; привезенъ изъ Іерусалима Царицею Еленою: половину она оставила въ Іерусалимѣ, а половину привезла въ Константинополь. Въ томъ-же придѣлѣ посреди церкви стоятъ три раки съ мощами: первая — св. Великомученицы Евфиміи; вторая — св. Феоданіи Царицы; третья — св. Саломіи. Для жень здѣсь сдѣланы двое хоръ, одинъ надъ другимъ; кругомъ уставлено формамъ. Посреди церкви къ правой странѣ стоитъ патриаршая кафедра; подлѣ нея, по лѣвую сторону, стоятъ двѣнадцать кафедръ митрополитскихъ. Напротивъ патриаршей, на лѣвой странѣ, кафедра царская. Сей храмъ великъ и просторенъ, мо-

жетъ вмѣстѣ множество народу, и часто наполняется весь : ибо всякому желательно посмотрѣть своего великаго Архипастыря, Патріарха вселенскаго. Воистинну, Святая Соборная Апостольская Христова Церковь хотя и въ неволѣ турецкой пребываетъ, и тяжкое несетъ иго, но какъ кринь посреде терніа процвѣтаетъ; и хотя храмы не имѣютъ ни крестовъ, ни куполовъ, ни звона, ни вида, ни доброты, но внутреннимъ украшеніемъ и благочиніемъ превосходятъ церкви въ Россіи и Молдавіи.

50. Всякую службу, пѣніе и чтеніе, совершаютъ не снѣша и не борзась, но тихо и кротко, со вниманіемъ. Духовные себя ведутъ скромно и благочинно, и имѣютъ великое уваженіе отъ всѣхъ мірянъ. Одежду носятъ каждый чинъ особую : мірскіе священники носятъ черныя рясы, на головахъ скуфьи, немного разнствующія отъ монашескихъ камлавокъ ; усы не стригутъ; ходятъ кротко съ жезлами. Діаконы одежду носятъ такую же ; только въ скуфьяхъ немного разности. Причетники—съ бородами, и носятъ рясы не такія, какъ священники; скуфьи носятъ другаго рода; власы носятъ длинные. Чтецы и канонархи носятъ рясы не совсѣмъ черныя, рукава весьма широкіе, почти до полу, когда держутъ книгу ; скуфьи носятъ невысокія, аккуратныя, бархатныя ; власы длинные, висятъ по спинѣ до пояса ; когда канонаршутъ или читаютъ, тогда скуфьи скидаютъ. Жены всего духовенства одежду носятъ черную, на-подобіе монахинь, и отъ мірскихъ весьма уважаются. Духовниками всегда бываютъ іеромонахи. Духовенство греческое даже и отъ самыхъ турокъ уважаются; они воистинну—свѣтъ

міру и соль земли. Однимъ видомъ могутъ къ себѣ привлечь всякаго.

51. Греки соблюдаютъ всю свою древность. Сношенія съ разстроеннымъ западомъ не имѣютъ, и весьма имъ гнушаются, потому что оттуда все злое исходить; а отъ турокъ разстроиться не чѣмъ, да съ ними и дружба не имѣютъ, но какъ на враговъ своихъ смотрятъ. Всѣ они—образованы или хотя грамотные. Они за необходимую обязанность почитаютъ выучить дѣтей своихъ читать священныя книги: Псалтирь, Октоихъ, Апостолъ и прочія служебныя книги,—пѣть по гласамъ и нотамъ, также изучить грамматику и ариметику. Это имъ необходимо нужно, потому что счетовъ не имѣется.

52. Философіи и Богословіи и прочимъ высшимъ наукамъ только тѣ изъ грековъ учатся, которые имѣютъ намѣреніе поступить въ духовное званіе. У нихъ бывають и священническіе дѣти купцами, и купецкіе дѣти по избранію бывають священниками и Архіереями, смотря по ученію и по скромности жизни. Греческое духовенство — благоустроенное и скромное: каждый оставилъ мірское и житейское попеченіе, и посвятилъ себя на служеніе единому токмо Богу. Туркамъ нынѣ дань даютъ всѣ равную, какъ мірскіе, такъ и духовные.

53. При каждой церкви находятся духовныя училища, содержатся на общественную сумму, а иной богатый содержитъ на свой счетъ, ради Бога. Греки весьма усердно любятъ украшать храмы Божіи.

54. Водившій насъ священникъ рассказывалъ намъ слѣдующую вещь, случившуюся въ недавнее время, въ царствованіе Султана Махмуда. Одинъ турчанинъ

становилъ домъ: копавши яму подъ фундаментъ, выкопалъ человека, не предавшагося тѣлю, а одежда истлѣла; какой онъ былъ вѣры, того познать не могли. Тѣло поставили къ стѣнѣ, и объявили Султану. Султанъ самъ прѣехалъ, и много дивился и спрашивалъ: «что это значитъ?» Нѣкоторые ему говорили, что этотъ человекъ должно быть связанъ клятвою. Султанъ призвалъ старшихъ муфтіевъ, и приказалъ надъ тѣломъ читать: они много читали, но ничего не было. Послано было за еврейскимъ раввиномъ: и тотъ много читалъ, но ничего не было. Также армянскій Архіерей читалъ: и ничего не было. Потомъ призвали католическаго бискупа: и тотъ много читалъ, но ничего не было. Наконецъ, послано было за Патріархомъ. Патріархъ, надѣвъ омофоръ, сталъ читать разрѣшительную молитву, и еще не докончилъ, какъ мертвое тѣло упало. Султанъ приказалъ поставить: но какъ стали поднимать, то оно уже стало разсыпаться. По приказанію Султана принесли гробъ, и когда въ него стали класть тѣло, уже остались почти однѣ кости (*): Султанъ приказалъ тѣло погребсти на кладбищѣ, а на Патріарха указавъ рукою, сказалъ: «великій сей етарець, что и мертвые его слушаютъ.» Потомъ всѣ

(*) Подобные случаи бывали и въ прежнія времена. О семъ пишется въ Требникѣ Петра Могилы, Митропол. Кіев., печат. въ Кіевопеч. Январѣ 1646 г. стр. 787 до 823. Тамъ замѣчается, что о такихъ случаяхъ свидѣтельствуетъ «Исторія политичная Константинопольская, отъ Θεοδοсія Зигомала историка гречскаго исписанная, въ книжѣ же нарицаемой Туркогречья, гречески и латински типомъ издаанная, въ первой книжѣ на листѣ 27, и во второй на листѣ 132; и отъ 146 даже до 151 листа.» Слѣд. Нов. Скрижалъ. ч. IV. гл. 81. § 4.

разошлись. « Я саму, — говорилъ священникъ, — самовидѣць.

55. Водю Консѳантинополь и всѣ предмѣстїя пользуются изъ фонтановъ; вездѣ сдѣланы фонтаны; и при всякомъ домѣ колодезь дождевой есть, и другой колодезь соляной для мытья. Гавань—великая и пространная. Всегда стоитъ множество многое кораблей; и то, только окодо береговъ; чрезъ гавань сдѣланы на плотахъ два моста, стоятъ на якоряхъ. Подъ нихъ сдѣланы по два проѣзда, гдѣ плавають каюки. Выше верхняго моста купеческихъ кораблей нѣтъ, а только одни казенные и военные корабли, тамъ и адмиралтейство. Гавань столь тихая и спокойная, что, говорить, во всемъ свѣтѣ такой нѣтъ: хотя бы когда вѣтръ сильный былъ, но тамъ всегда тихо, и волны никогда не бываетъ, какъ на дворѣ; она внутри самаго города; со всѣхъ четырехъ странъ городъ. По проливу и гавани каюковъ плаваешь весьма много; кишать какъ черви; кораблей же какъ темнаго лѣсу стоятъ. Жителей считаютъ до милліону; много постороннихъ. Вокругъ его великія рощи кипарисовъ, подобно какъ лѣса. Турецкія мечети очень высоки, со многими куполами и главами, на-подобіе церквей, только безъ крестовъ; бѣльшую частію мечети подѣланы изъ греческихъ церквей, но уже и новыя строятъ на-подобіе тѣхъ. Каждый Султанъ обязанъ выстроить свою мечеть, которая его именемъ и называется. Ежели бы Господь предалъ Царьградъ пакъ христіанамъ, то много было бы готовыхъ церквей; только стояло бы пристроить колокольни.

56. И такъ мы прожили въ Консѳантинополѣ двадцать дней. Мнѣ было хорошо, что со мной былъ

добрый товарищъ, монахъ Іоанникій: потому что онъ зналъ хорошо говорить по-гречески и по-турецки. Еще и то хорошо, что былъ у насъ вожатый священникъ, знающій и опытный. Спаси ихъ Господи: греки знали, кого съ нами послать. По окончаніи своихъ дѣлъ мы отправились изъ Константинополя въ Молдавію, на австрійскомъ пароходѣ, и шли Чернымъ моремъ двадцать-четыре часа, берегу не видали. Пришли въ городъ Варну: тамъ только стояли одинъ часъ, и опять шли моремъ двадцать часовъ. Увидѣвши въ морѣ бѣлую мутную воду, всѣ возрадовались: узнали, что уже близко дунайскіе берега; а чрезъ четыре часа пришли въ самое устье Дуная, въ Сулинское гирло. При самомъ устьѣ стоятъ городъ Сулинъ, подъ русской державой, по обѣ стороны гирла, въ дунайскихъ плавняхъ, на низкомъ мѣстѣ, такъ что часто его потопляетъ, когда подуетъ вѣтеръ съ моря. Огородовъ и садовъ нѣтъ. Торговля весьма хорошая. Всегда стоятъ множество кораблей, идутъ съ моря и въ море. Большіе корабли дѣлаютъ здѣсь перегрузку: ибо здѣсь врата во весь Дунай, въ Турцію, Россію, Молдавію и Валахію. Сей городъ уже стоитъ за карантиномъ; отстоитъ отъ руссійскаго бессарабскаго берега верстъ сто-пятьдесятъ, также и отъ турецкаго. Мы же въ Сулинъ замедлили не болѣе получаса; пошли по Дунаю, по Сулинскому гирлу, извиному какъ змѣя; и множество здѣсь кораблей: иные плывутъ внизъ, а другіе тянутъ вверхъ. По обѣ стороны гирла стоятъ руссійскіе кордоны, гдѣ ходятъ часовые: ибо тутъ лежитъ граница Россіи.

57. Потомъ пришли въ городъ турецкой державы, Тульчу; но турокъ въ немъ мало живетъ: все почти

христіане пзъ Россіи; тамъ двѣ церкви: одна греческая; при ней живетъ Архіепископъ грекъ; другая русская; при ней живутъ трѣ священника русскіе, подъ вѣдѣніемъ Архіепискона греческаго. Тутъ мы замедлили часъ, и пошли впередъ. Въ правой странѣ въ виду остался російскій городъ Измаилъ; далѣе, въ лѣвой рукѣ, на берегу Дуная, остался городъ турецкій, Исакча; и въ этомъ живутъ болѣе христіане. Далѣе, въ правой рукѣ, на берегу Дуная, остался городъ російскій, Рени.

58. Потомъ пришли въ молдавскій городъ, Галацъ. Изъ Константинополя до Галаца мы плыли на пароходѣ шестьдесятъ часовъ, а разстоянія болѣе тысячи пятисотъ верстъ; но сухимъ путемъ ближе. Выдержавши седьмидневный карантинъ, взошли въ городъ. Городъ Галацъ стоитъ по теченію рѣки Дуная на лѣвомъ берегу, великъ и пространенъ; въ немъ портъ, великая корабельная пристань, четыре базара, пятнадцать церквей, всѣ на-подобіе російскихъ, съ куполами, главами, крестами, колокольнями и колоколами. Изъ него мы отправились въ свой городъ Яссы, на коняхъ, и прошли путемъ мимо городовъ Берлата и Васлуя; и въ пятый день прибыли въ Яссы.

59. Въѣхали на Аѳонское подворье—трехъ Святителей, въ монастырь; и дали намъ комнату, гдѣ проживали не малое время, пока исправили монастырское дѣло. Я былъ нѣсколько разъ у родителей, увѣщавалъ ихъ оставить расколъ, и присоединиться ко Святой Церкви; но они моихъ словъ не приняли, и, просто сказать, не велѣли говорить, хотя я ихъ и со слезами просилъ, и говорилъ, что я за тѣмъ и посланъ въ св. Горы Аѳонской, чтобы присоединить ихъ къ Церкви.

Но они мнѣ сказали: « Ты намъ про это не говори. Когда самъ пошелъ , то и будь тамъ; а насъ уже не тревожь: мы въ чемъ живи, въ томъ и померемъ.»

60. Я же весьма огорчился, что все мое было путешествіе. Потомъ и вторая меня скорбь постигла: друга и брата моего, монаха, разстроили посторонніе греки, и онъ не захотѣлъ ѣхать въ Россію, но захотѣлъ опять въ Аѳонскую Гору возвратиться, и сборную книгу отъ меня отобралъ. Я же положилъ — до конца крестъ нести, и исполнить отеческое послушаніе: зная, какія нужды и недостатки претерпѣваетъ обитель наша,—еще и застроили новую церковь для русскихъ,—я отиравился въ Россію одинъ. Но какое мое было путешествіе по Россіи! Только и было что повседневныя скорби: первое, что одинъ; второе — нищета: ничего не имѣлъ у себя; третье, книги сборной нѣтъ; четвертое, моя скорбь, паче всѣхъ скорбей, что нахожусь среди шумнаго міра, среди мірскихъ соблазновъ: я всегда оплакивалъ свою горькую участь. И если бы не молитвы моихъ аѳонскихъ отцевъ, если бы не подкрѣпляла помощь Божія, то и не былъ бы живъ отъ своихъ скорбей и печали и отъ тяжкихъ моихъ болѣзней. Пробылъ въ Россіи почти два года: много претерпѣлъ скорбей и искушеній, много видѣлъ и святости и соблазновъ, много посѣтилъ монастырей и пустынь и трп лавры, много видѣлъ богоугодныхъ святыхъ мужей, и слышалъ отъ нихъ душеполезныхъ наставленій.

61. И такъ по двухлѣтнемъ моемъ странствіи по Россіи опять возвратился въ Молдавію, и въѣхалъ прямо въ домъ родителей; а въ Аѳонскую Гору послалъ письмо къ отцамъ моимъ, спрашивалъ, что мнѣ

прикажутъ дѣлать. Проживая въ дому родителей, которые сначала мною гнушались, я ежедневно увѣщавалъ ихъ, и представлялъ имъ разныя доказательства, что Восточная Греческая Церковь стоитъ въ своемъ древнемъ благочестіи, какъ столпъ неподвижный; и болѣе пятисотъ лѣтъ не было никакихъ тамъ ересей и раздоровъ, но всѣ содержатъ одну православную вѣру, отъ св. Апостола имъ преданную, и св. семью Вселенскими Соборами утвержденную, и мученическою кровію запечатлѣнную, и множествомъ святыхъ и преподобныхъ Отецъ свидѣтельствованную. Родитель сталъ мало-по-малу смягчаться, въ разговоры входитъ и въ разсужденіе, сталъ со мною вмѣстѣ молиться Богу, а также и въ церковь ходить; понемногу началъ суетвѣріе и толки отвергать; но родительница никакъ не соглашалась, и говорила: «оставьте меня въ этомъ помереть.» Я же всегда просилъ Господа Бога, дабы не оставилъ ее погнѣнуть въ душепагубномъ расколѣ, и да вспомянетъ ея великія добродѣтели и милостыни, и да присоединитъ ее къ Святей Своей Церкви. Потомъ она заболѣла, и стало ей часъ отъ часу хуже. Я же много упрашивалъ ее, чтобъ присоединилась къ Церкви, и причастилась Святыхъ Таинъ. Она сказала мнѣ: «любезный мой сынъ, не погуби меня»; а потомъ стала соглашаться на все. Мы призвали священника: онъ присоединивъ ее къ Св. Церкви, причастилъ Тѣла и Крови Христовой. Она же, когда причастилась, пала на колѣни, и поднявши руки на небо, облилась слезами, стала благодарить Господа Бога, что сподобилъ ее причаститься Тѣла и Крови Своея; и многія говорила благодарственные слова. Потомъ обратилась ко мнѣ, и благоларила

меня : « благодарю тебя, любезное мое чадо, что ты позаботишься о душѣ моей. » Потомъ всѣмъ сказала: «простите меня, Христа ради ; теперь я стала сердцемъ весьма спокойна , хотя уже и умереть готова. » И такъ легла на постелю. Къ вечеру ей стало весьма тяжело. Я ей сталъ говорить , чтобы на исходъ души прочитатъ канонъ ; но она сказала: « подожди до утра. » По-утру я пришелъ къ ней , и увидѣлъ ее въ лицѣ пзмѣнившуюся. Она же, увидавши меня , весело посмотрѣла на меня, и сказала: « вотъ , любезный мой сынъ, вечеромъ хотѣлъ ты мнѣ на исходъ души канонъ читать: а Господь Богъ еще оставилъ на семь свѣтъ пожить. » Потомъ взяла меня за руку, и сказала: « благодарю тебя , что ты къ намъ пришелъ , и насъ постарался присоединить къ Св. Церкви ; за то воздастъ тебѣ Господь въ будущемъ вѣкѣ ; а я еще поживу двѣнадцать дней, и потомъ буду здрава. » Я, слышавши это отъ нея , недоумѣвалъ , что она говорить, и пригласивъ родителя, начали ее спрашивать. И она сказала, что ночью было ей отъ нѣкоего святаго юноши извѣщеніе , что двѣнадцать дней будетъ лежать на одрѣ своемъ, и потомъ будетъ вдругъ здрава. И лежала она двѣнадцать дней, такъ что и головы не подымала ; а въ тринадцатый день , рано утромъ, когда еще всѣ спали, а я читалъ утреню, она встала, и, одѣвшись, пришла ко мнѣ, и стала Богу молиться. Тогда я разбудилъ всѣхъ , и всѣ прославили Бога, творящаго дивная дѣла ; и была въ дому у насъ неизреченная радость. Послѣ того всѣ родные мои оставили расколъ, и присоединились къ Св. Церкви, и уже не такъ, какъ прежде меня ненавидѣли и гнушались мною, и не хотѣли со мной говорить; но весьма меня

возлюбили, и не могли на меня насмотрѣться, и наговориться со мною; называли меня отцемъ своимъ, много сожалѣли о прежнемъ, что много меня оскорбляли. Каждую недѣлю призывали священника, и святили воду. Не хотѣли со мной разлучиться, и говорили: «если бы не ты, отче Парөөній, то погибли бы мы въ расколѣ.» Я имъ говорилъ, что это не отъ меня сдѣлалось, но за молитвы св. отецъ моихъ аѳонскихъ: ибо они меня нарочно въ вамъ послали, и ихъ молитвы поспѣшествовали.

62. Проживъ въ домѣ у родителей четыре мѣсяца, получилъ письмо изъ св. Горы Аѳонской отъ отцевъ моихъ, которые меня звали назадъ во св. Гору Аѳонскую, въ свою св. обитель. О, какой я радости невзреченной исполнился! Родные же всѣ плакали и скорбѣли; но я скоро отъ нихъ отправился, препоручивъ ихъ Богу и пастырямъ; и прибылъ въ Галацъ; отсюда лодкой въ городъ Тульчу. Вещи же свои отправилъ на парходѣ, во св. Гору Аѳонскую, съ однимъ іеромонахомъ; а самъ поѣхалъ посмотрѣть рыбный заводъ, принадлежащій нашей обители, находящійся, внизъ по Дунаю, въ Георгіевскомъ гирлѣ, и пробылъ тамъ нѣсколько дней. Еще трое монаховъ поѣхали со мною въ монастырь. И ѣхавши мы обратно въ Тульчу, истратили всѣ свои деньги. И хотѣли изъ Тульчи идти въ Аѳонскую Гору сухимъ путемъ; но люди разстроили, и говорили, что въ зимнее время сухимъ путемъ идти не можно: есть великія рѣки, а на горахъ глубокіе снѣга, — тогда былъ мѣсяць ноябрь. И мы рѣшились отправиться на кораблѣ, а денегъ надобно было много; однако, пошли искать корабль, и нашли. Одинъ грекъ взялъ съ насъ четверыхъ толь-

ко 80 левовъ, т. е. 16 рублей, до Константинополя. Мы съѣли на корабль, накупили себѣ сухарей, и ноября 6-го отправились, а 9 го числа сего-же мѣсяца прибыли въ Сулинъ.

63. Когда вышли въ Черное море, то претерпѣли много бѣдъ и скорбей. Носило насъ по морю многіе дни, и ежеминутно ожидали себѣ смерти: ибо время было зимнее, погода непостоянная, вѣтеръ сильный, съ снѣгомъ, береговъ не видно, волны какъ горы. Уже отчаявались въ своей жизни: три дни не ѣли и не пили, лежали полумертвые. Черное море и въ лѣтнее время страшно кораблямъ, и разбиваетъ много; кольми паче въ зимнее: море весьма широко и глубоко, а острововъ нѣтъ. И мы съ нуждою пристали къ европейскому берегу. Великой исполнились радости, когда увидѣли берегъ, и подошли къ городу Варнѣ, гдѣ и пустили якорь. Но опять въ ночи разыгралась буря съ дождемъ и снѣгомъ, съ самаго открытаго моря, и качала насъ тутъ три дня, оборвала у насъ два якоря, и мы были уже въ отчаяніи. Хотя и недалеко берегъ, но не можно на него попасть. Ибо море воскипѣло какъ въ котлѣ, и не можно никакъ стать на ноги. У одного якоря была желѣзная цѣпь, и она только могла удержать насъ. Потомъ затихло, и наши корабельщики нашли оба якоря. Потомъ опять пошли въ море, и всю ночь шли. Хотя и качало, но вѣтеръ былъ попутный. Днемъ же опять разыгралась буря и съ снѣгомъ, и бѣжали недалеко отъ берега, но скрыться негдѣ.

64. Къ вечеру пришли въ великій заливъ, и пристали къ городу Хилѣ, гдѣ стояло много кораблей, укрывшихся отъ непогоды; и мы стояли тамъ многіе дни,

терпя голодъ и холодъ. Время уже стало близъ ко дню Святителя Николая Чудотворца; выпалъ снѣгъ, и стали великіе морозы, такъ что уже началъ отъ всплескиванія волнъ обмерзать корабль, а мы были въ верху корабля. У насъ вышли всѣ сухари; хотя, спаси ихъ Господи! греки и давали намъ вареной пищи, но хлѣбъ свой ѣли. Пришли въ городъ къ Епископу, и объявили ему свою нужду, что мы идемъ съ послушанія, и сидимъ на корабль, не имѣя ни хлѣба, ни денегъ. Онъ призвалъ эконома своего, и приказалъ ему, чтобы собрали по всѣмъ церквамъ для странныхъ монаховъ милостыню, а намъ велѣлъ прійти послѣ Литургіи. Была въ то время Недѣля. Мы послѣ Литургіи пришли опять къ Владыкѣ, къ которому принесли старосты изъ всѣхъ церквей для насъ милостыню. Владыка ссыпалъ все въ одно мѣсто, и сказалъ намъ: «возьмите, что Богъ послалъ: все—ваше.» Мы же, взявши, поблагодарили и ушли. Потомъ пересчитали, и оказалось сто левовъ. т. е. двадцать рублей. Спаси ихъ Господи,—греки не оставляютъ бѣдныхъ! Городъ Хилò стоитъ въ Европѣ, во Фракіи, разстояніемъ отъ Константинополя восемь дней сухаго пути. Въ немъ живутъ все греки; имѣетъ пятнадцать церквей, но только не большія: на нихъ ни крестовъ, ни звоновъ нѣтъ; народъ весьма добрый. Вокругъ него много находится озеръ соленыхъ. Простоявши тутъ многіе дни, пошли въ море, которое отъ волненія не утихло, почему принуждены были воротиться назадъ; и пошли далѣе въ заливъ, въ тихое мѣсто: тутъ стоитъ множество кораблей, забѣжали отъ непогоды. Весь заливъ былъ покрытъ на-подобіе какъ чернымъ сукномъ. Мы много дивились: что это значитъ? Когда

же подошли поближе, то увидали, что все дикія утки плаваютъ: тутъ онѣ зимуютъ.

65. Въ томъ же заливѣ, отъ берегу версты съ двѣ, на срединѣ стоитъ каменная скала, а на ней устроенъ монастырь во имя св. Анастасіи; токмо не могъ узнать, которой Анастасіи. На сей скалѣ она спасалась, и устроила монастырь во имя Пресвятыя Богородицы, и собрала себѣ много сестръ; но когда скончалась, тогда монастырь переименованъ былъ во имя ея, и выстроенъ соборный храмъ. Скала пространствомъ не велика, и вся занята монастыремъ, такъ что вокругъ его обойти не возможно. Воду пьютъ дождевую; монастырь весь каменный, и три церкви. Нынѣ онъ обращенъ въ мужескій; и игумень весьма добрый и страннолюбивый: много надавалъ намъ хлѣба и рыбы скумврии. На берегу имѣютъ хуторъ, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; есть великіе сады виноградные. Мы простояли въ этомъ заливѣ болѣе двадцати сутокъ, и не только одни мы, но было тутъ до ста кораблей; потому что вѣтры были сѣверные и восточные.

66. Когда перемѣнилась погода,—декабря 20 числа пошли всѣ въ море добрымъ вѣтромъ, и въ полтора дня пришли въ Константинополь. Карабельщики за провозъ съ насъ ничего не взяли, но еще и сорокъ дней насъ пицею упокоили. Спаси ихъ Господи! Великія добродѣтели имѣютъ греки и удивительное страннолюбіе, а наиболѣе къ иноческому чину: такихъ людей мало видѣлъ. По прибытіи въ Константинополь, мы нисколько въ немъ не медлили: скоро попался корабль, плывущій прямо въ Аѳонскую Гору, и мы отправились. Праздникъ Рождества Христова

были въ Мраморномъ морѣ. Вѣтеръ былъ благополучный; скоро минули Мраморное море, проли Дарданелы, и вышли въ Архипелагъ, гдѣ открылась намъ святая, небеси подобная Гора Аѳонская. О коль мы исполнились радости и веселія, что увидѣли свое тихое пристанище и конецъ своему странствію!

67. Шли мимо острова Лимноса, къ которому и пристали, потому что хозяинъ корабля былъ съ острова Лимноса; и пристали къ городу Лимносу: стояли тамъ многіе дни, заплатили туркамъ харачъ, т. е. дань, по пятнадцати левовъ съ человѣка, т. е. по три руб. Островъ Лимносъ имѣетъ шестьдесятъ селъ и два города; лѣсу не имѣетъ отнюдь никакого; хлѣбопашества же, скотоводства и садовъ виноградныхъ, довольно. Турокъ на островѣ нѣтъ. Городъ Лимносъ порядочный, живутъ почти одни греки; церковь одна, но великая и прекрасная; кафедра архіепископская; но тогда Архіепископа не было. Много разъ ходили мы къ службѣ. Одинъ обычай весьма мнѣ полюбился, котораго мнѣ еще нигдѣ не случалось видѣть. Стояли мы вечерню подѣ Новыи годъ, подѣ 1-е января 1843 года. Пѣвчихъ было много и добродѣшныя. Вечерня была великая. «*Блаженъ мужъ*» всѣ три псалма, всѣ стихи, пѣли на-распѣвъ. Стихиры всѣ пѣли съ канонархомъ, на-распѣвъ. Когда начали пѣть литію, тогда дали всѣмъ въ руки по свѣчкѣ, и стояли всю вечерню до отпуска со свѣчами; благословляли хлѣбы, и помазывали отъ лампы Святаго елеемъ. Вечерня продолжалась болѣе четырехъ часовъ. Храмъ великъ и украшенъ. Женскій полъ стоялъ на хорахъ. Женщины во всемъ городѣ одежду носятъ на-подобіе русскихъ: длинныя сарафаны, на головахъ большіе ко-

кошнвки; и весьма благообразны. Сей островъ самый близкій къ св. Горѣ Аѳонской, не болѣе какъ шестьдесятъ верстѣ. Мы съ полуночи пошли въ путь, и ночью много насъ качало: хотя меньше, какъ на Черномъ морѣ, но такъ, что даже не могли лежать, всѣ затосковали. По-утру, на разсвѣтѣ, были мы уже недалеко отъ св. Горы. И къ полудню пришли къ самой Горѣ, а за Горой вѣтеръ слабъ, и мы бились до самаго вечера, пока подошли къ пристани.

68. Вышли на берегъ: и много радовались, и отъ радости плакали, и благодарили Господа Бога и Божию Матерь, Царицу Небесную, что сподобила опять достигнуть благополучно въ Свой святой жребій, въ тихое и небурное пристанище. И пошли ночевать въ монастырь Ксиропотамъ, гдѣ приняли насъ любезно на гостиницу. И угостили насъ любезные наши братія по-аѳонски, сладкими вареніями и разными напитками и кофеемъ. Потомъ представили намъ изобильную трапезу. Послѣ трапезы спокойно спали уже въ тихомъ пристанищѣ: уже не качали насъ великія волны морскія, уже не плескала на насъ холодная вода, не грозила намъ страшная морская пучина, уже не мочило насъ ни снѣгомъ ни дождемъ. Были мы на кораблѣ десять недѣль въ зиму: сколько мы претерпѣли страху, нужды и скорбей, холоду и голоду,—невозможно и объяснить; только единому Господу Богу то извѣстно. Много терпишь зимой, идя сухимъ путемъ; колыма паче на морѣ: прежде намочить, а потомъ навалить снѣгу, а послѣ заморозить, а съ моря вода еще прибавляетъ, а корабль съ боку на бокъ качаетъ. Но сказать надобно и то: что было, все прошло, и Господь избавилъ отъ всѣхъ скорбей.

Теперь, слава Богу, въ Аѳонѣ, въ едемскомъ Богородичномъ красномъ раю. По-утру ходили къ утрени и къ ранней Литургіи. Потомъ гостинникъ насъ угостилъ; и мы, поблагодаривши, пошли къ своей возлюбленной матери, къ св. Русской обители. Было тогда 2-е число января: по обѣ стороны дороги трава была зеленая, и цвѣли цвѣты. Вотъ какой рай — Гора Аѳонская!

69. Отъ Ксиропотама до Русскаго монастыря одинъ часъ ходу. Увидѣвши свою обитель, исполнился я радости, а болѣе того скорби; и смѣсилась радость со скорбію, такъ что не могъ болѣе идти, палъ на землю, и горько заплакалъ и возрыдалъ: радовался, что увидалъ свою обитель, и возвращаюсь изъ дальнаго и долгаго странствія, почти чрезъ три года, къ своей матери, отцамъ и братіи; а скорби неизреченной исполнился о томъ, что возвращаюсь съ пустыми руками: странствовавши три года, не сдѣлалъ обители никакой пользы, и боялся, какъ явлюсь отцамъ моимъ и братіи; горько было странствіе, а горьче того возвращеніе, хотя это не отъ меня, и не въ моей было власти, но въ Божіей. И много я плакалъ, и едва могъ ноги двигать; но возложилъ надежду на Божію Матерь и святаго Великомученика Пантелеимона. Пришедши къ воротамъ, положилъ три поклона Великому мученику Пантелеимону, и взошелъ въ ворота. Вратарь сначала меня не узналъ; а когда узналъ, то много плакалъ, и сказалъ: «Ты ли, отче Паревній? Уже мы тебя оплакали, и не чаяли больше видѣть.» Я пошелъ прямо къ духовнику Іерониму. Пришедши къ нему въ келлію, палъ ему въ ноги; онъ поднялъ меня, и спросилъ: «о чемъ ты такъ плачешь?» Я

отвѣтилъ: « Какъ мнѣ, отче святыи, не плакать? Странствовалъ три года, а пользы вамъ никакой не принесъ.» Онъ сказалъ мнѣ: « мы тебя не за пользою посылали: исполнилъ ли ты, за чѣмъ тебя посылали, на-счетъ родителей? » Я же отвѣтилъ: « въ этомъ, слава Богу, за ваши святыя молитвы, Господь помогъ.» Онъ же обнялъ меня, и сказалъ: « Мы только за тѣмъ и посылали; ты теперь будь покоенъ: это намъ дороже всего, чтобы души спасти свои и родителей; а нужды и недостатки наши всѣ Господь самъ исполнить. Посмотри теперь на нашу обитель: такую ли ты оставилъ? Уже мы теперь ее украсили, какъ невѣсту добрую.» Потомъ сталъ спрашивать, какое мое было странствіе? Я сталъ ему рассказывать всѣ мои бѣдствія, скорби, искушенія, напасти и болѣзни тѣлесныя, претерпѣнныя мною бѣды и страхи въ моряхъ. Онъ много плакалъ, и сказалъ: « теперь слава Богу, что благополучно прибылъ; теперь мы тебя успокоимъ за твои труды; пойдемъ къ отцу игумену.» Пришли къ игумену Герасиму; онъ, увидя меня, заплакалъ, и сказалъ: « откуда явился, чадо мое Пароеній? » и облобызалъ меня, и слезами омочилъ голову мою, и много меня расспрашивалъ, и потомъ сказалъ: « о томъ ты не скорби, что ничего не принесъ: это не въ твоей волѣ, но такъ Богу угодно; мы рады, что ты самъ возвратился, и мы тебя успокоимъ.»

70. И дали мнѣ келію лучше первой, и цѣлый мѣсяцъ не посылали меня на послушаніе, пока уже самъ сталъ проситься. Въ обители я уже увидѣлъ все другое: вездѣ устроено, убрано, расписано, выкрашено, вызолочено, все перекрыто; и братія уже стало

болѣе вдвое. Когда отправился въ Россію: было только двое русскихъ іеромонаховъ; а теперь уже шестеро; также и полны клироеы пѣвчихъ. И я сталъ жить, радоваться и веселиться, и благодарить Господа Бога моего, Царя Небеснаго, что провелъ меня сквозь огонь и воду, и ввелъ паки въ покой. И не могъ быть я никогда безъ слезъ отъ радости: подобно какъ я воскресъ изъ мертвыхъ, или пробудился отъ крѣпкаго сна. Чтò я въ теченіе трехлѣтняго странствія видѣлъ и слышалъ разныхъ соблазновъ, и чтò претерпѣлъ скорбей и болѣзней, — это мнѣ стало казаться какъ будто бы было во снѣ.

71. Потомъ пошелъ посѣтить блаженнѣйшаго моего старца, духовника и пустынножителя, іерослимонаха Арсенія. Увидѣвши сего блаженнѣйшаго отца и святолюбивнаго его сѣдины, отъ радости много плакалъ, что еще сподобился застать его въ живыхъ, и слышать отъ него душеспасительное наставленіе, и принять отъ него отеческое благословеніе. Но только въ жизни его не въ такой засталъ, въ которой оставилъ. Пошедши въ Россію, я оставилъ его одного въ пустыни; а теперь уже онъ на келліи Святой Троицы, и имѣетъ при себѣ шестерыхъ учениковъ. И онъ мнѣ весьма радъ былъ; много мы съ нимъ разговаривали. Потомъ я его спросилъ: «чѣмъ вы, отче, пропитываетесь семь человѣкъ?» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «не только что семь, но ежели бы и семьдесятъ со мной жили, всѣ бы сыты были, и всѣхъ бы насъ Господь пропиталъ.» Я дивился, какую имѣетъ въру на Бога: живутъ семь человѣкъ, не имѣютъ никакого дохода, ни подаванія, ни саду, ни хорошаго руководія, но пребываютъ въ молитвѣ и въ маломъ руководіи, и Го-

сподь ихъ питаетъ, и исполняется на нихъ Евангельское слово, которое говорить: *ищите прежде царствія Божія: и сія вся приложатся вамъ*. Потомъ посѣтивъ я всѣхъ моихъ старыхъ друзей и духовную братію, и всѣ радовался о моемъ возвращеніи; а я наипаче ихъ радовался, что опять сподобился ихъ видѣть ангельскія постническія лица, и ходить по Св. Горѣ, по прекрасной пустынѣ аѳонской.

72. Возвратившись въ свою Русскую обитель, сталъ я проживать съ возлюбленными моими отцами и братією, и утѣшаться ихъ лицезрѣніемъ, и пользоваться ихъ душеспасительными бесѣдами и наставленіями. И всегда благодарилъ Господа Бога моего за Его великія и невзреченныя милости, изліявныя на меня: хотя и наказалъ, но опять и помиловалъ и утѣшилъ меня. Хвалилъ, славилъ и воспѣвалъ пречестное и великолѣпное имя Его святое и Пречистую Его Матерь, Пресвятую и Препоблагословенную Владычицу нашу, Богородицу и Присно-Дѣву Марію, Заступницу рода христіанскаго и Назирательницу святой Горы Аѳонской; и сталъ просить слезно, чтобы Господь и Богоматерь помпловали меня отъ странствія, и сподобили остальные дни жизни моей препроводить во святой Горѣ Аѳонской, и въ покаяніи скончать животъ свой.

73. Въ томъ же году откопаны были кости блаженныхъ нашихъ старцевъ: іеросхидіакона Венедикта, стошестилѣтняго, который принялъ русскихъ въ обитель, и іеросхимоваха, игумена Павла, который первый взшелъ въ русскую обитель. Кости ихъ оказались благодатными, желты какъ воскъ, и испускаютъ нѣкое благоуханіе. И мы всѣ, русскіе и греки, испол-

нились неизреченной радости. Отпѣли по нихъ соборную панихиду; братія стояли всѣ со свѣчами. Потомъ написали чернилами на главахъ ихъ : « Іеродіакона Венедикта, учителя ;» а на другой : « Іеросхимонаха Павла русскаго ;» и положили кости ихъ въ общую гробницу подъ церковь святыхъ Апостолъ ; и главы поставили тамъ-же рядомъ, на особо устроенномъ мѣстѣ. Теперь пусть помнятъ русскіе и греки своихъ старцевъ, которые положили начало жить въ союзѣ, любви и мирѣ, въ вѣчные роды, и нести одинъ другаго немощи.

74. Въ томъ-же году, въ скиту святаго Пророка Іліи, откопали монаха Савву, который выгналъ изъ скиту отца Павла съ прочими великороссіанами ; вытаскивали его изъ могилы всего цѣлаго и не предавагося тлѣнію, но весьма чернаго и смраднаго. Игуменъ Пансіи сталъ читать разрѣшительную молитву : но ничего не было. Потомъ пригласили Архіепископа Панкратія, жившаго въ Аѳонѣ на Карѣѣ, и тотъ читалъ : но тѣло осталось въ своемъ видѣ. Архіерей началъ спрашивать : « какаѣ бы были тому причины ?» Ему сказали, что не та ли, что онъ былъ первымъ гонителемъ на великороссіанъ, и выгналъ изъ скиту отца Павла съ прочими великороссіанами ? Архіерей спросилъ : « а живъ ли отецъ Павелъ ?» Ему сказали, что давно померъ. Тогда Архіерей сказалъ : « Я этого разрѣшить не могу : повъзжайте къ самому Патріарху. А которые живы великороссіане, вы ихъ позовите, и попросите, чтобы они его простили. » И уѣхалъ. Игуменъ Пансіи ѣздилъ въ Константинополь къ Патріарху, и взялъ отъ него разрѣшительную грамоту. Пріѣхавши, позвалъ всѣхъ великороссіанъ и Архіерея,

и отстояли всенощное бдѣніе. По Литургіи, опять откопали тѣло монаха Саввы, и всѣ великороссіане говорили ему прощеніе; а Архіерей прочиталъ патриаршую грамоту: и тѣло стало разсыпаться, и закопали его въ землю. По маломъ времени посмотрѣли: и уже остались однѣ кости. Видѣвши сіе, малороссіане испугались, и ходили къ великороссіанамъ просить прощенія.

75. Въ одинъ день, игуменъ Герасимъ и духовникъ Іеронимъ позвали меня къ себѣ, и стали мнѣ говорить: «отче Парѣеній, не имѣешь ли желанія въ пустыню, въ тишину, на безмолвіе?» Я, сіе услышавши, исполнился слезъ, палъ игумену въ ноги, и началъ говорить: «отче святѣй, отъ юности моей имѣю желаніе жить въ пустыни, одному съ однимъ Богомъ; но еще не было воли Божіей, и не позволяли мнѣ обстоятельства; а проситься у васъ дерзновенія не имѣю, потому что я въ обители ничего не заслужилъ.» Духовникъ Іеронимъ сказалъ: «Теперь пришло время, и мы тебя успокоимъ за твои труды, претерпѣнные въ странствіи. Иди въ пустыню къ отцу Тимоѳею, и поживи съ нимъ немного; а послѣ мы его возьмемъ въ монастырь, ибо онъ желаетъ въ затворъ; а ты послѣ тамъ одинъ будешь жить, даже до смерти. Пищу, одежду и все нужное будешь получать изъ монастыря; а послушаніе такое: каждую недѣлю ходи въ монастырь на всенощное бдѣніе, и канонарши, также и на всѣ великіе праздники; а больше ни о чемъ не имѣй попеченія, а занимайся только однимъ безмолвіемъ, и за насъ Бога моли.» Я, сіе услышавши, возрадовался, и благодарилъ ихъ за великія милости, являемыя мнѣ недостойному. И получивъ благослове-

ніе, и удалился въ пустыню, поселился съ пустынножителемъ и безмолвникомъ, монахомъ Тимоѳеемъ, на келліи святаго Великомученика Георгія.

76. Сія келлія— разстояніемъ одинъ часъ ходу отъ монастыря, въ самой внутренней пустынѣ, стоитъ въ тихомъ и безмолвномъ мѣстѣ; вокругъ нея великія горы и темные лѣса; вблизи кругомъ великій садъ разныхъ деревъ, а пменно: виноградъ, смоковницы, разные орѣхи, дули и черешни, и большой огородъ разнаго овощія, и три источника воды. Келлія каменная двухэтажная; внизу подвалы, а вверху двѣ келліи, и церковь прекрасная, съ куполомъ, во имя святаго Великомученика Георгія: въ ней довольно иконъ. И сталъ я полагать начало пустынной жизни, помалу обучаться безмолвію. Тогда уже совершенно успокоилась душа моя, и возрадовался духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ, и воспѣвалъ я съ Пророкомъ Давидомъ: *Се нынѣ удалихся отъ суетнаго міра и отъ его разврата и суеты, и отъ сильныя мірскія бури, бѣгая, и водворихся въ пустыни, чаю Бога спасающаго мя.* Пс. 54, 8. *О, душе моя! блаженъ путь, въже пошла еси, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія! О, душе моя! добро есть намъ съ тобою здѣ быти! Теперь сотворимъ и уготовимъ мѣсто своему небесному Владыцѣ: и тогда Онъ прійдетъ и посѣтитъ насъ, и обитель въ насъ сотворитъ; тогда еще больше возрадуемся, и возвеселимся уже радостію совершенною и неизреченною. О душе моя! пустыннымъ животъ блаженъ есть, божественнымъ желаніемъ воскриляющимъ. О душе моя! пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ. О душе моя! теперь Господь тебя отъ всего земнаго*

ч. III. 5

попеченія освободилъ , и Божія Матерь , Царица Небесная , утѣшила , и отцы тебя отъ послушанія освободили и успокоили ; теперь *благослови душе моя Господа , и вся внутренняя моя имя святое Его : благослови душе моя Господа , и не забывай всѣхъ воздаяній Его* , которыя воздалъ тебѣ . Теперь , о душе . моя ! помни и не забывай великаго и многовождедѣннаго святаго имени Господа Бога твоего , сладчайшаго Иисуса Христа ; призывай Его день и ночь , отъ всего сердца твоего и отъ всего помышленія твоего : тогда познаешь , коль сладка словеса Его гортани твоему , и паче меда будутъ устамъ твоимъ . Тако мнѣ живушу , и въ радости поюшу и веселящуся , и много утѣшительнаго души своей говорящу , сталъ я помалу познавать силу словесъ святаго Апостола Павла : *лучше пять словесъ умою глаголати , нежели тьмы словесъ языкомъ* (1 Кор. 14, 19.). Всему этому житію моему былъ наставникъ и учитель—жившій со мной старецъ , пустыннолюбивая и безмолвнолюбивая горлица , схимонахъ отецъ Тимоѳей .

77. Жизнь сего старца была удивительная и пречудная ; и я хочу сказать немного о жизни и подвигахъ его , то , что я видѣлъ своими очами , а нѣкоторое отъ него самого слышалъ , для пользы моей души . Родомъ онъ былъ изъ Великой Рѣссіи , Вологодской губерніи ; еще въ юности оставилъ суету мірскую , и поступилъ въ общежительный монастырь на Валаамъ , и многіе годы проходилъ послушаніе . Потомъ постригли его въ мантию , нареченъ былъ Тихономъ . И вкусивши сладчайшаго меда безмолвія , затворилъ уста свои тѣлесныя , да разглагольствуетъ съ своимъ Господомъ , сладчайшимъ Иисусомъ ; и четырнадцать лѣтъ

не проговорилъ ни одного слова. Много чрезъ это принялъ истязанія и скорбей отъ братіи, и находился въ безпрестанномъ, день и ночь, послушаніи. Потомъ послали его въ С.-Петербургъ, въ монастырскую часовню. Онъ не могъ болѣе терпѣть соблазновъ и чelовѣческой славы, подалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ, чтобы уволили его въ Іерусалимъ на поклоненіе. Когда уволили, онъ сначала отправился въ Іерусалимъ, а оттуда пришелъ въ святую Аѳонскую Гору, въ нашу обитель; духовникъ Арсеній благословилъ ему говорить для пользы прочихъ. Постригли его въ великую схиму, и отпустили въ сію пустыню. Жизнь его такая была, что я всегда удивлялся: я жилъ въ келліи, а онъ всегда пребывалъ въ церкви, и келліи себѣ не имѣлъ, потому что другая у насъ келлія была вмѣсто кухни. Правило его было такое: каждую ночь съ-вечера становился онъ среди церкви на умную молитву, и стоялъ двѣнадцать часовъ; а иногда и болѣе, какъ столпъ неподвижимъ. Отъ того стоянія ноги у него опухли, и сдѣлались весьма толсты. Утромъ прочитывалъ часть отъ Апостола, часть Евангелія и Акаѳистъ Богородицъ, и часть отъ Добротолубія, а иногда Исаака Сирина. Потомъ занимался малыми трудами въ своемъ огородѣ. Пищу же употреблялъ не мастящую. На ребрахъ своихъ никогда не лежалъ, но давалъ упокоеніе своему тѣлу и мѣсто сну послѣ трапезы одинъ часъ, и то сидя въ церкви; потомъ отправлялъ монашеское келейное правило, положенное отъ игумена и монастыря, тысячу пятьсотъ поклоновъ: триста земныхъ, а прочіе поясные. Потомъ занимался малыми трудами. И такъ проводилъ жизнь свою. И до конца умертвилъ свою

плоть, прежде смерти: былъ весьма сухъ, такъ что одни только видно кости и кожу; очи всегда были наполнены слезъ. Я же, лѣнивый и непотребный, не только въ чемъ бы ему подражать могъ, но и смотрѣть на его подвиги ужасался. Каждую недѣлю ходили мы въ монастырь на всенощное бдѣніе, и на Литургіи причащались Св. Тайнъ Тѣла и Крови Христовой. Потомъ ходили съ братією на общую трапезу. По трапезѣ, получивши отъ игумена благословеніе и взявши себѣ потребное, возвращались въ свою пустынную келлію. И тамъ проводили дни и мѣсяцы въ тишинѣ и безмолвіи, въ духовной радости и веселіи. Иногда приходилъ къ намъ въ пустыню духовникъ, а иногда присылалъ іеромонаха, и служилъ у насъ Литургію, и мы причащались Святыхъ Тайнъ. Спаси ихъ Господи, отцевъ моихъ, игумена Герасима и духовника Іеронима, что они совершенно меня успокоили, какъ сказали: « до смерти своей живи тамъ, ни о чемъ не печись, и благодари Бога, и за насъ молись! »

78. Въ іюнѣ 1845 года получено было на Аѳонской Горѣ радостное для Грековъ, а наипаче для Русскихъ, тамъ проживавшихъ, извѣстіе, что прибылъ въ Константинополь Россійскій Царевичъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Началъ думать: не посѣтитъ ли и св. Аѳонскую Гору? Но впрочемъ не имѣли надежды: потому что Царевичъ поѣхалъ изъ Россіи не монастыри смотрѣть, а царства, города и страны, и проч. Въ одинъ простой день понудила меня совѣсть съходить въ монастырь для нѣкоей своей потребности; и взявши отъ своего старца Тимоѳея благословеніе, пошелъ въ монастырь. Это было въ

іюль мѣсяцѣ. Пришедши въ монастырь, пошелъ съ братією въ трапезу. Послѣ трапезы, смотримъ, идетъ отъ Солуня пароходъ, и какъ только минулъ полуостровъ Сяку, то повороталъ прямо къ св. Горѣ Аѳонской. Мы всѣ удивились, что это значить? Потому что пароходы никогда еще къ св. Горѣ не захивали. Посмотрѣли въ подзорную трубку, и увидали русскіе флаги. Тогда всѣ поняли, что ѣдетъ Царевичъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Всѣ наши отцы забѣгали въ испугѣ отъ того, что нечаянно пріѣзжаетъ такой великій гость. Игумень Герасимъ прибѣжалъ къ русскому духовнику Іерониму, и сквозь слезы сказалъ: «отѣцъ Іеронимъ, встрѣчайте вы русскіе сего дорогаго гостя, какъ знаете; потому что мы греки ещѣ не встрѣчали такихъ великихъ гостей, особъ Царскаго Дома; теперь распоряжайся ты, какъ знаешь.» Духовникъ приказалъ благовѣстити въ большой колоколъ, а братія всей собираться въ церковь. Собравшись, всѣ іеромонахи и іеродіаконы облачились въ лучшую священную одежду. Въ церкви зажгли всѣ свѣчи и паникадила. Игумень взялъ крестъ, и вышли съ хоругвями и фонарями изъ монастыря. Братія съ хоругвями пошли къ самому морю, а іеромонахи съ іеродіаконами остались близъ воротъ монастырскихъ. Пароходъ держалъ прямо къ нашему монастырю. Послѣ намъ сказывали, что когда Царевичъ посмотрѣлъ въ подзорную трубку, и увидалъ братію съ хоругвями, положилъ трубку, и съ чувствомъ сказалъ: «вотъ наши русскіе, знаютъ какъ встрѣчать.» Его тронуло наипаче то, что, сколько онъ ѣздилъ по Турціи и греческимъ островамъ, нигдѣ не видалъ такой встрѣчи. Когда пароходъ подошелъ близко къ

берегу, то посланъ былъ къ берегу каикъ, и подѣхавшіе спросили насъ: «Есть ли у васъ русскіе? по крайней мѣрѣ, знаетъ ли кто по-русски говорить? Такіе пожаловали бы человѣка три на пароходъ. Великій Князь желаетъ поговорить.» Наши три брата тотчасъ разоблачились и отправились на пароходъ: духовникъ Іеронимъ, іеросхимонахъ Антоній, пришедшій съ Валаама, и іеросхимонахъ Сергій, прежде бывший Серафимъ, Вятской губ., изъ студентовъ семинаріи. Когда они пріѣхали на пароходъ, Царевичъ взялъ отъ нихъ благословеніе, и спросилъ ихъ, откуда они родомъ? И когда узналъ, что истые Великороссіяне, то изъявилъ радость; спросилъ, сколько братіи. Потомъ сказалъ: «повѣжайте съ Богомъ, и скажите отцамъ, чтобы на солнцѣ не стояли: теперь жарко; а я еще замедлю часъ, буду обѣдать.» Когда о томъ отцы пріѣхавши сказали намъ, мы возвратились къ монастырю и пождали часъ.

Потомъ заиграла на пароходѣ музыка, и мы пошли къ морю. Царевичъ вышелъ на берегъ, поклонился и сказалъ намъ: «здравствуйте, отцы, и благословите!» Мы поклонились. Потомъ пошли къ монастырю. Близъ вратъ стояло всё духовенство. Игуменъ благословилъ Царевича крестомъ. Потомъ запѣли: «*Достойно есть*» и пошли. Царевичъ былъ весьма веселъ, и сказалъ: «это кievская Лавра, и пѣвчіе кievскіе.» Взошли въ церковь Успенія Божіей Матери, гдѣ горѣло множество свѣчъ и лампадъ: былъ молебень и многолѣтіе по-русски. Царевичъ стоялъ по срединѣ церкви. Потомъ вынесли изъ алтаря всѣ св. мощи въ ковчегахъ, и поставили среди церкви. Царевичъ сталъ прикладываться съ благоговѣніемъ: предъ каждою святынею

творилъ по три поклона. Братія въ это время пѣли стихиры. Наши отцы, греки и болгары, плакали отъ великой радости: 1-е, о томъ, что со страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ Царевичъ къ святынь; 2-е, что сподобились видѣть своими глазами отрасль Православнаго Христіанскаго Царя. Также говорили: « Блаженіи очи наши, видѣвшія днесь Православнаго Христіанскаго Царскаго Сына! Чего мы не знали уже болѣе 400 лѣтъ, то нынѣ видимъ своими очами. Великъ день сей для нашей обители и для всей св. Горы Аѳонской: она сподобилась принять такого гостя, поклонника и богомольца, какого не видала у себя многіе вѣки.»

Поклонившись всей святынь, Царевичъ пошелъ въ русскую церковь Святителя Митрофана, и посѣтилъ весь русскій корпусъ и три церкви. Потомъ пошелъ къ новостроющемуся храму во имя Святит. Митрофана, и полюбовался имъ. Спрашивалъ объ иконостасѣ; Ему сказали, что иконостасъ дѣлается въ С.-Петербургѣ. Потомъ, пройдя по всему монастырю, пошелъ прямо въ гостиницу, гдѣ угощали сладкимъ вареніемъ, кофеемъ и аѳонскими орѣхами, которые ему понравились. Потомъ іеросхимонахъ Сергій говорилъ Ему по бумагѣ рѣчь: ублажилъ его пришествіе во св. Гору Аѳонскую, и сколь возрадовалась сія пустыня о Его пришествіи, сколько будетъ благодарна св. Гора за Его посѣщеніе, и прочаго много, — все въ стихахъ. Царевичъ слушалъ внимательно и со слезами на глазахъ. Потомъ взялъ и еще Самъ, прочиталъ и оставилъ у Себя. Хотѣлъ также сказать слово архимандритъ Прокопій, грекъ, но консулъ отсовѣтовалъ, потому что слово было на ново-греческомъ языкѣ.

Сидѣлъ въ гостинницѣ часа съ три ; много разговаривалъ и спрашивалъ , пока приготовляли муловъ , и дали повѣстку въ прочіе мнастыри .

Когда проводили Его Высочество на пароходъ , Онъ пошелъ въ монастырь *Ксенофъ* , а прочіе поѣхали сухимъ путемъ . Здѣсь была встрѣча Царевичу такъ же , какъ и въ первомъ монастырѣ ; также прикладывался къ мощамъ , и былъ угощаемъ въ гостинницѣ .

Отсюда Великій Князь отправился пароходомъ въ монастырь *Дохіаръ* ; здѣсь то же самое было , что и въ Ксенофѣ .

Отсюда дошелъ пароходомъ до Зографской пристани , сѣлъ на мула , и поѣхалъ въ монастырь *Зографъ* ; тутъ встрѣтили такъ же , какъ и въ Русскомъ монастырѣ . И здѣсь ночевалъ . По-утру ходилъ къ Литургіи . Литургію служилъ русскій іеромонахъ *Иліодоръ* ; пѣли болгары ; и Онъ сталъ пѣть Самъ , и пѣлъ прекрасно .

Послѣ Литургіи сходилъ въ гостинницу , и потомъ сѣлъ на своего мула , и отправился въ монастырь *Хилendarъ* . Здѣсь встрѣча такъ же была , какъ выше сказано . Взошедши прежде въ храмъ , приложился къ чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы , нарицаемой *Игуменія* . Прочую святыню всю поставили на престолъ , и , желая почтить особу Царственнаго Дома , просили Царевича , чтобы взошелъ въ алтарь приложиться къ святынѣ ; но Царевичъ не соизволилъ , и сказалъ : « я не священникъ и не Царь , чтобы мнѣ входить въ алтарь . » Греки , удивляясь его смиренію , вынесли изъ алтаря всю святыню и поставили на срединѣ церкви , и Онъ прикладывался съ благоговѣніемъ , такъ что всѣ болгары плакали . Потомъ много разсматривалъ храмъ , удивляясь красотѣ его ; въ гостин-

ницѣ угощали Его Высочество кофеемъ, вареньемъ и орѣхами.

Потомъ Царевичъ поѣхалъ въ монастырь *Есфименъ*, гдѣ встрѣченъ былъ также съ иконами и крестами, и прикладывался къ св. мощамъ.

Послѣ угощенія въ гостинницѣ, сѣлъ въ легкій каякъ и пошелъ моремъ въ монастырь *Ватопедъ*, великую Лавру; а прочіе на мулахъ туда же ѣхали горами. Здѣсь греки встрѣчу сдѣлали по-своему: отъ самой церкви до пристани выстлано было дорогими коврами, на которые набросали разныхъ благовонныхъ цвѣтовъ и лавроваго листу. Встрѣчать вышли до самой пристани Митрополитъ съ архимандритами, которые тутъ живутъ на покоѣ, всѣ іеромонахи и іеродиакони. Вынесли много хоругвий и крестовъ, въ томъ числѣ и крестъ царя Константина Великаго, который носилъ онъ предъ полками, большое Евангеліе и чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, Ктиторушу.

Здѣсь было великое стеченіе монаховъ изъ всѣхъ ближнихъ скитовъ и келлій; ибо уже почти всѣ на Св. Горѣ узнали и поспѣшали въ Ватопедъ. Здѣсь Великому Князю готовили обѣдъ. Царевичъ, подъѣхавъ, посмотрѣлъ и спросилъ: «что это значить, что такую Мнѣ дѣлають встрѣчу?» Ему сказали, что это греки по своему обычаю. Митрополитъ держалъ крестъ изъ самаго честнаго древа; и когда Царевичъ вышелъ на берегъ, Митрополитъ трижды Его осѣнилъ крестомъ, и далъ поцѣловать его. Пѣвчіе пѣли не «*Достойно есть*», но торжественную и радостную пѣснь: «*Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ*», и проч. до конца. Пошли тихо; у Царевича на глазахъ были слезы.

Здѣсь можно было видѣть множество аѳонскихъ монаховъ: ибо почти всѣ аѳонскіе отцы и пустынножители оставили своя уединенныя келліи и пещеры, и пришли посмотрѣть Благовѣрнаго Россійскаго Царевича и Великаго Князя, Константина Николаевича. Всѣ проливали отъ радости слезы, и, крестя лица свои, благодарили Бога, и смотрѣли на Царевича, какъ на свѣтлаго Ангела Божія, посланнаго съ небеси. Удивлялись, что пришелъ не съ пышностію и не съ гордостію, какъ имѣеть обычай Султанъ ѣздить, но со смиреніемъ и кротостію, не имѣя вокругъ себя ни стражи, ни тѣлохранителей, но окруженъ былъ одними монахами и немногими своими спутниками, и одежда была на немъ не златотканная и богатая и не воинская, но самая простая: соломенную шляпу держалъ въ рукѣ.

Въ Ватопедѣ что-то было особенное со всѣмъ. Въ прочихъ монастыряхъ опасались турокъ оказать какое-нибудь великое уваженіе; но ватопедскіе отцы позабыли весь страхъ, и встрѣтили отъ всей своей души, какъ только лучше могли.

Взошла въ Великій соборъ: онъ былъ убранъ и украшенъ; горѣло множество свѣтильниковъ, и всѣ свѣчи и папикадилы. Выставлена была вся святыня, и Царевичъ прикладывался съ благоговѣніемъ. И когда подошелъ прикладываться ко кресту Константина Великаго, тогда Митрополитъ воздвигъ крестъ, и трижды осѣнилъ имъ, говоря: «сямъ побѣждай враги твоя.»

Отсюда пошли въ гостиницу, гдѣ угощали Великаго Князя. Потомъ Онъ кушалъ, и послѣ обѣда отправлялся въ скитъ Іліи Пророка, разстояніемъ отъ

Ватопеда версть десять, все горами и темнымъ лѣсомъ. Царевичъ поѣхалъ прямымъ путемъ, сопровождаемый множествомъ монашествующихъ, предъидущихъ и послѣдующихъ Ему. Дорога узкая, такъ что съ трудомъ можно проѣхать; по обѣ стороны темный лѣсъ. Отъ Ватопеда долго ѣхали на гору, а потомъ по ровному мѣсту, послѣ подъ крутую гору. Царевичъ слѣзъ съ мула, и пошелъ пѣшкомъ; смотря на Него, и всѣ слѣзли, и также пошли пѣшкомъ.

Увидѣвъ впереди строеніе, Царевичъ спросилъ: «что это такое?» Ему отвѣчали, что это *скитъ Богородицы*, живутъ болгары, а принадлежатъ къ русскому монастырю. Царевичъ пожелалъ захватить туда. А братія скитскіе ничего не знали и не слыхали; потому что живутъ отъ монастыря далеко, сами никуда не ходятъ, а имъ никто не сказалъ, и занимались своими трудами. Вдругъ скитъ ихъ наполнился народу, монаховъ и мірскихъ; начали звонить. Скитскіе братія испугались; вышелъ игумень Никифоръ и спросилъ, что это значить. Ему сказали, что пріѣхалъ Россійскій Царевичъ. Игумень испугался, и не зналъ что дѣлать. Сторонніе братія подвели его къ Царевичу, но онъ отъ испуга ничего не говорилъ. Хотя и говорили ему, показывая рукою на Царевича: это, отче, Россійскаго Императора Николая Павловича сыночекъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ; захватъ къ тебѣ въ гости; но игумень ничего не говорилъ, а только кланялся. Царевичъ подошелъ къ нему и сказалъ: «благослови, отче.» Игумень благословилъ. Царевичъ взялъ его руку, и держа оную, сказалъ: «Отче! не бойся. Поведи насъ въ церковь, скажи ектенію, и помолись за насъ.» Игумень, ободрившись, побѣ-

жалъ въ церковь, надѣлъ на себя епитрахиль и ризы, и встрѣтилъ съ крестомъ Царевича на паперти. Возшли въ церковь; по ектеніи и многолѣтіи вынесли св. мощи, къ которымъ Царевичъ приложился, а потомъ пошелъ въ гостинницу, гдѣ Его угощали.

Потомъ отправился въ путь, въ *скитъ Іліи Пророка*, почти непроходимую пустыней. Въ скиту встрѣтили по-русскому: въ церкви была ектенія и многолѣтіе по-русскому. Потомъ пошелъ въ гостинницу, гдѣ и ночевалъ. По-утру стоялъ Литургію; Самъ помогалъ пѣть. Изъ церкви пошелъ въ гостинницу. Сюда приходили отцы изъ монастырей Ставроникиты и Ивера, и просили Царевича, чтобы Онъ посѣтилъ ихъ св. обители. Но Онъ, посоветовавшись съ путниками своими, отвѣчалъ со вздохомъ: «радъ бы Я всѣ ваши обители посѣтить: но времени не имѣю.»

Потомъ отправился на *Карю*, т. е. на аеонскій базаръ: въ лѣвой сторонѣ отъ дороги остались монастыри *Пантократоръ* и *Ставроникита*; только слышны были звоны ихъ. Когда выѣхалъ на Капсаль: остановился и полюбовался на Св. Гору Аеонскую, и поѣхалъ далѣе на Карю, на которую собралось монашествующихъ не одна тысяча; для принятія было приготовлено училище. Встрѣчать пошли изъ карейскаго протатскаго собора съ хоругвями, крестами, свѣчами, иконами и Евангеліемъ, такъ же, какъ и въ Ватопедь; болѣе ста человекъ было духовенства, и Архіепископъ Панкратій, и всѣ члены Синода. Изъ всѣхъ монастырей были игумены и проестосы, а также множество простыхъ монаховъ. Шли встрѣчать болѣе версты. Когда же встрѣтили: Архіерей благословилъ Великаго Князя крестомъ, а пѣвчіе запѣли:

« слава въ вышнихъ Богу.» Кто тогда могъ не плакать отъ радости? Когда подошли къ училищу и хотѣли въ него входить, Царевичъ спросилъ: « развѣ великой церкви нѣтъ?» Ему сказали: « есть, да далеко идти.» Но Царевичъ пожелалъ идти въ великую церковь. Взошедши въ церковь, по ектеніи и многолѣтіи, прикладывался къ св. мощамъ и чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, называемой « *Достойно есть.*» Потомъ ходилъ въ протать, и возвратился въ училище.

Пришедши туда, сѣлъ и всѣмъ приказалъ сѣсть. Его угощали разнымъ вареніемъ, кофеемъ и фруктами; и сдѣлался весьма веселъ. Монаховъ было множество, всѣ кругомъ сидѣли на диванахъ, и Онъ со всѣми любезно разговаривалъ, спрашивалъ.

Потомъ предложили Царевичу, что многіе отцы желаютъ поднести Ему афонскіе подарки. Онъ приказалъ всѣмъ невозбранно приходить и подносить Ему, кто что имѣлъ: кто кресты, иные иконы, а болѣе всего разныхъ ложечекъ отъ своего рукодѣлія; и Онъ отъ всѣхъ принималъ и награждалъ щедро.

Потомъ подошли иверскіе отцы, и со слезами просили посѣтить ихъ св. обитель, потому что они имѣютъ сношеніе съ Россією, и имѣютъ подворье внутри самой Москвы; но Царевичъ говорилъ, что невозможно: времени не имѣть. Потомъ стали просить Лаврцы, чтобы посѣтилъ ихъ св. Лавру Аѳанасія Афонскаго. Царевичъ обѣщался заѣхать пароходомъ. Просили и прочихъ монастырей отцы посѣтить ихъ обители: но Царевичъ не соизволилъ по неимѣнію времени.

Потомъ отправился въ монастырь *Ксиропотамъ*, въ

сопровожденіи множества монаховъ. Въ Ксиропотамѣ встрѣтили также; и по ектеніи и молебнѣ Кресту, прикладывался ко кресту изъ честнаго древа, съ отверстіемъ, гдѣ былъ гвоздь. Духовникъ трижды осѣнилъ Царевича крестомъ, и Онъ трижды цѣловалъ крестъ; послѣ того было многолѣтіе. Потомъ былъ въ гостинницѣ. Тамъ были при Немъ всѣ старшіе братія изъ нашего русскаго монастыря, и съ Нимъ говорили: просили Его, чтобы еще посѣтилъ русскую обитель, но Онъ отказался, и сказалъ: « пусть братія русскаго монастыря прійдутъ на пароходъ, ежели кто желаетъ со мной проститься.» И мы всѣ русскіе отправились на пароходъ, и многіе изъ грековъ. Мы пріѣхали прежде, и намъ пока на пароходѣ всё показывали; а Царевичъ, въ Ксиропотамѣ простившись со всіми аѳонскими отцами, пріѣхалъ на пароходъ послѣ, и съ нами здѣсь простился; отъ игумена и отъ духовника и отъ всѣхъ іеромонаховъ взялъ благословеніе. Мы въ кавкахъ поѣхали въ монастырь, а пароходъ пошелъ въ путь.

И шелъ подлѣ Горы Аѳонской: Царевичъ разсматривалъ съ моря всѣ монастыри и скиты, но въ нихъ не останавливался; а встрѣчали и провожали его колокольнымъ звономъ. Въ Лаврѣ св. Аѳанасія остановился, ходилъ во-внутрь; встрѣча была какъ и въ Ватопедѣ; прикладывался ко всей святынѣ, былъ въ гостинницѣ, и потомъ отправился въ Константинополь.

Такъ Его Императорское Высочество, Царевичъ и Великій Князь, Константинъ Николаевичъ посѣтилъ жребій Царицы Небесной, св. Гору Аѳонскую! Побывалъ въ девяти монастыряхъ, двухъ скптахъ и въ

главномъ мѣстѣ Аѳона, на Кареѣ; а вблизи проѣхалъ шесть монастырей, ихъ хорошо видѣлъ; скитовъ и келлій видѣлъ множество. Гдѣ былъ, вездѣ снималъ планы. Вся св. Гора Аѳонская радовалась и веселилась о такомъ поклонникѣ и посѣтителѣ; всѣ благодарили за сіе Бога и Божию Матерь; благодарили и Всероссийскаго Государя Императора Николая Павловича, что прислалъ любезнаго Своего Сына на поклоненіе во Св. Гору; также благодарили Великаго Князя Константина Николаевича, что заѣхалъ во Св. Гору, и обрадовалъ Своимъ посѣщеніемъ всѣхъ аѳонскихъ отцевъ и пустынножителей.

79. Наступало великое торжество въ нашей обители, храмовый праздникъ святаго Великомученика Пантелеимона. Здѣсь кстати описать, какъ на святой Аѳонской Горѣ торжествуютъ храмовые праздники. Ибо какъ въ Русскіхъ совершали, такъ совершаютъ праздники и во всѣхъ монастыряхъ и скитахъ; а въ нѣкоторыхъ еще превосходнѣе.—Въ послѣднюю субботу, предъ праздникомъ, на Кареѣ просия отцевъ аѳонскихъ къ себѣ на праздникъ, и для сего наняли одного сердара, то-есть, стража аѳонскаго, и онъ ходилъ по базару, и кричалъ: «отцы св. и братія! отцы русскаго монастыря просятъ къ себѣ на праздникъ: ежели кто любитъ святаго Великомученика Пантелеимона, да приходитъ, и всѣхъ упокоютъ.» Значительныхъ людей и пѣвчихъ приглашали письмами. Іюля 26 числа, рано утромъ, пошли мы съ своимъ старцемъ Тимоѳеемъ въ монастырь, и пришли еще во время утрени. На Литургіи причастились Святыхъ Тавнъ Тѣла и Крови Христовой. На праздникъ сошлось, по обычаю аѳонскому, множество монаше-

ствующихъ ; пришло много также и доброгласныхъ пѣвцовъ. Потомъ пріѣхалъ Архіепископъ ; его встрѣтили всѣ братія съ хоругвями, а игумень съ крестомъ. Когда настало время вечерни : начали звонить въ большой колоколъ, потомъ въ малый. Прочитали девятый часъ въ притворѣ, и взошли въ храмъ. Архіерей сталъ на своей каедрѣ ; служащій іеромонахъ предъ царскими вратами сотворилъ три поклона въ-поясъ, потомъ обратился къ Архіерею, сотворилъ ему поклоненіе до земли, взялъ отъ него благословеніе, и сталъ посреди церкви; сотворивши три поклона, возгласилъ : « *Благословенъ Богъ нашъ* » и пр. Архіерей сказалъ : « *Аминь.* » Потомъ начали читать : « *приидите, поклонимся* » и пр. и *псаломъ* 103. Потомъ пѣли стихиры на « *Господи, воззвахъ,* » а еkkлeсiархи ручными кадильницами кадила братію. Стихиры всѣ пѣли на-распѣвъ съ канонархомъ. Послѣ малой вечерни пошли изъ церкви два монаха въ мантияхъ съ двумя подсвѣчниками ; за ними іеромонахъ въ мантии и епитрахили несъ икону святаго Великомученика Пантелеимона ; за ними шелъ игумень, и всѣ братія пѣли тропарь Святому, и пошли въ трапезу. Икону поставили на аналоѣ, а сами всѣ сѣли за столы, и было великое утѣшеніе ; во время трапезы читали на каедрѣ изъ житія святаго Пантелеимона. По трапезѣ, опять вошли въ церковь съ пѣніемъ. Ко всенощному бдѣнію ударяли въ било рѣдко, потомъ въ одинъ колоколъ, а потомъ въ желѣзное било ; послѣ во вся ; въ притворѣ читали малое повечеріе ; по отпускѣ вошли въ храмъ, и творилъ каждый по три поклона, и садился на своемъ мѣствѣ. Еkkлeсiархъ возжегъ на подсвѣчникѣ свѣчу предъ царскими вратами. Священ-

нивъ отворилъ царскія врата, и покадилъ престолъ и весь алтарь; потомъ взошелъ еkkлeсiархъ, и возгласилъ: «*востаните!*» И всѣ встали. Еkkлeсiархъ свѣщу поставилъ среди церкви, а священникъ кадилъ иконы по-трижды, Архiерея трижды по-трижды, а братiю всю — каждаго по-дважды, и творилъ поклонъ, и ему вся братiя также. Потомъ предъ царскими вратами возгласилъ: «*Господи, благослови.*» Еkkлeсiархъ сказалъ: «*Аминь.*» Потомъ священникъ, покадивъ престолъ, возгласилъ: «*Слава Святый*» и пр. Архiерей сказалъ: «*Аминь*», и началъ читать: «*Придите, поклонимся*» и пр. и Псаломъ «*Благослови душе моя Господа*» и пр. до «*отверзшу Тебѣ руку.*» Тогда пѣвчiе запѣли, и пѣли почти два часа; потомъ была ектеи́я. «*Блаженъ мужъ*» — всѣ три псалма пѣли на-распѣвъ, по стихамъ, съ полчаса; стихиры на «*Господи, воззвахъ*» пѣли полтора часа или и болѣе. Когда запѣли протяжнымъ голосомъ «*Господи, воззвахъ къ Тебѣ*» и пр., тогда два дiакона начали кадить весь храмъ и всю братiю, каждаго. На лѣвомъ плечѣ они носили ковчегъ, или дароносицу, сдѣланную на-подобiе церкви пятиглавой съ крестами, серебряную вызолоченную; поддерживали рукою въ пеленѣ, и весьма прилично и благообразно. Когда пѣли стихиры, тогда еkkлeсiархъ ходилъ по всей церкви, и приглашалъ всѣхъ iеромонаховъ и iеродiаконовъ въ алтарь. Тогда iеродiаконы по-два выходили и становились среди церкви, творя два поклона въ-поясъ, а третiй земный, подходили къ Владыкѣ съ земнымъ поклономъ, и брали отъ него благословенiе. Поклонившись, уходили въ алтарь; за ними iеромонахи такъ же творили, и уходили облачатъся. Когда же начали пѣть «*и нынѣ*» и

Богородицель : тогда вышли изъ алтаря напередъ два ектлесіарха въ мантияхъ , несли по подсвѣчнику ; за ними два діакона съ кадилами ; за ними два-же діакона, одинъ съ квірями, а другой со свѣчею ; за ними два діакона съ рипидами ; за ними одинъ діаконъ несь великій запрестольный крестъ ; прочіе діаконы шли по-двое со свѣчами ; за ними шли по-двое священники съ опущенными внизъ руками ; за ними уже и игумень. Всѣхъ же вышло около ста человекъ , и сдѣлали великое полукружіе ; а когда діаконы покaдили иконы и Владыку , в одинъ изъ нихъ возгласилъ « *премудрость , прости* » : тогда « *Свѣте тихій* » пѣли одни только священники и діаконы. Когда начали пѣть слова : « *пришедше на западъ солнца* » : тогда игумень на правый и лѣвый клиросъ сотворилъ по малому поклону , и вошелъ въ алтарь ; священники по-двое также сотворили ; діаконы въ царскихъ вратахъ кадили каждаго , и допѣвали стихъ уже въ алтарѣ ; далѣе и прочее по уставу. На литію выходилъ Владыка , и вносили праздничную икону. Была литія со стиховными почти два часа. По благословеніи хлѣбовъ было великое чтеніе изъ житія Святаго ; въ это время всѣ сидѣли , а пѣвчіе подкрѣплялись на гостинницѣ питіемъ , потому что уже болѣе шести часовъ потрудились. Шестопсалміе читалъ Владыка. По ектеніи , « *Богъ Господь* » пѣли весьма протяжно , также и тропарь. При чтеніи каѳизмъ , братія стояли ; сѣдальны же пѣли съ канонархомъ сидя. Между каѳисмъ было обычное чтеніе. Поіелеей пѣли всѣ три псалма по стихамъ почти два часа. На поіелеен зажгли въ панибадилахъ и на хорусѣ всѣ свѣчи , и паникадилы всѣ раскачивали. И было великое во храмѣ

торжество. Самъ Владыка кадилъ весь храмъ и каждаго изъ братіи. Антифоны пѣли протяжно. Евангеліе читалъ Владыка на каедрѣ. Канонъ со всѣми стихами пѣли съ канонархомъ распѣвомъ, наподобенъ *ирмоса*. На первой пѣснн кадрили діаконы, имѣя на плечахъ ковчеги. По третіей пѣснн погасили свѣчи, и было чтеніе. По шестой—опять чтеніе. На восьмой зажгли свѣчи; девятую пѣснь пѣли высшимъ гласомъ, и кадрили діаконы, тожь съ ковчегами; *свѣтилиель* пѣлъ одинъ посреди церкви. «*Всякое дыханіе*» пѣли, всѣ три псалма, протяжнымъ гласомъ, по стихамъ. Тогда Владыка помазывалъ всѣхъ отъ лампы Святаго елеемъ. *Славословіе* пѣли по клиросамъ на-распѣвъ, по стихамъ, торжественно. Потомъ «*Святый Боже*» и *тропарь*, ектенія и отпущъ, и *первый часъ*. И такъ продолжалось бдѣніе болѣе четырнадцати часовъ. Потомъ пошли въ крестный ходъ съ хоругвями и со свѣчами; а священники взяли изъ алтара святыя мощи и всю святыню, и среди монастыря святили воду; потомъ прикладывались всѣ ко святынь; игуменъ кропилъ святою водою; я въ это время держалъ хоругвь.

80. Вдругъ, насъ какъ солнце осіяло, увидѣли мы своего старца и духовника Арсенія, пришедшаго изъ своей пустыни. Всѣ обрадовались его пришествію, вкупѣ же и весьма удивились, и переговаривали между собою: «*Чтò это значить, что онъ пришелъ на праздникъ? Какое-нибудь имѣетъ великое дѣло, которое его понудило идти.*» Потому удивлялись мы, что онъ къ намъ въ два или въ три года приходилъ единожды, и то по нуждѣ великой, и тогда мало его кто видалъ, кромѣ духовника Іеронима. Я болѣе не

могъ терпѣть, отдалъ хоругвь другому, и пошелъ, поклонился ему до земли, и получивъ благословеніе, лобызалъ его десницу, омочивъ ее слезами, и спросилъ: «или, отче святыи, пришли насъ посѣтить?» Онъ отвѣтилъ мнѣ: «да, пришелъ къ вамъ на праздникъ; я уже дома отслужилъ Литургію, да еще и къ вамъ пришелъ на Литургію.» Я его еще спросилъ: «какой, отче святыи, приходъ вашъ?» Онъ сказалъ: «во славу Божию.» Я поклонился, и отошелъ къ своему послушанію. (Вотъ каковъ былъ старецъ сѣмидесятилѣтній! Дома отслужилъ всенощное бдѣніе и Литургію, и двадцать верстъ перешелъ съ горы на гору, и къ намъ еще пришелъ, и засталъ бдѣнію.) Потомъ мы обошли вокругъ собора, и пришли въ церковь и начали облачать Архіерея, потомъ читать часы. Началась Литургія: *Святыи Боже* пѣли протяжно, такъ что въ то время еkkлeсiархи ручными кадильницами могли покадить весь храмъ и братію... Апостолъ и Евангеліе читали по-два, на греческомъ и русскомъ языкѣ. По Литургіи, Владыка раздавалъ антидоръ, и пили святую воду. По окончаніи Литургіи, съ иконою и великимъ торжествомъ и пѣніемъ пошли въ трапезу, гдѣ было великое утѣшеніе; жертвенникъ читалъ діаконъ на каедрѣ. По трапезѣ, пошли опять въ церковь, и тамъ провозглашаемо было многолѣтіе Константинопольскому Патріарху, Россійскому Императору, игумену Герасію и всей братіи.

81. Потомъ, получивъ отъ игумена благословеніе, я пришелъ къ духовнику Іерониму, съ которымъ сидѣлъ и старецъ мой Арсеній, и отъ нихъ получивши благословеніе, пошелъ въ свою тихую и уединенную пустынную келію. Старецъ же Тимоѳей остался еще

въ монастырѣ. Пришедши, наполнилъ я водою огородъ, и взошелъ въ пустынную церковь, зажегъ лампы, и много радовался и благодарилъ Господа Бога моего, что всюду меня утѣшаетъ: въ монастырѣ радовался и торжествовалъ со святыми отцами аѳонскими и братією; здѣсь же навпаче радуюсь и веселюсь въ тишинѣ и безмолвіи одинъ съ единымъ моимъ Богомъ; и много отъ радости изливалъ слезъ. — Но, увы мнѣ паче всѣхъ человѣкъ окаяннѣйшему! Это мое торжество и радость были послѣднія: послѣдній мой былъ праздникъ, послѣднее было радостное бдѣніе, послѣдняя была утѣшительная трапеза, послѣдній разъ ходилъ и порадовался я въ соборной мантии, послѣдній разъ носилъ аѳонскую хоругвь, послѣдній разъ шелъ въ радости и веселіи путемъ во свою возлюбленную пустыню, послѣдній разъ напоялъ свой огородъ, болѣе уже я въ немъ не бывалъ. Послѣдній разъ въ пустынной моей церкви воздавалъ Господеву моему благодарныя молитвы: послѣдняя моя радость во святой Горѣ Аѳонской и конечная. Висѣла уже надо мною страшная и грозная туча. Близъ вечеру приходитъ мой старецъ Тимоѳей изъ монастыря, измѣнившійся весь въ лицѣ, очи наполнены слезъ. Я, увидѣвши его въ такомъ измѣненіи, весьма испугался, и спросилъ его: «или что случилось въ монастырѣ?» Онъ отвѣчалъ: «иди сейчасъ же въ монастырь: тамъ узнаешь.» Я болѣе уже не сталъ спрашивать, что такое тамъ есть? А онъ еще сказалъ: «Знать, пришло время, что Господь насъ съ тобою разлучитъ. Иди скорѣе въ монастырь, тамъ узнаешь.» Я, слышавши сіе, едва устоялъ на ногахъ: сія вѣсть произвела мое сердце, какъ стрѣла, и весь я исполнился скорбю;

пошелъ въ монастырь, и взошелъ прямо къ духовнику Геровиму.

82. Взявши благословеніе, я спросилъ его: «зачѣмъ меня, отче, такъ не во-время потребовали?» Онъ отвѣчалъ: «Есть до тебя великое дѣло: приходилъ сегодня старецъ нашъ Арсеній, и сказалъ намъ, чтобы тебя отправили въ Россію навсегда. Но мы ему сказали: Зачѣмъ ему идти въ Россію? или онъ еще мало странствовалъ? или мало претерпѣлъ еще скорбей? Мы теперь его успокоили: пусть живетъ, да Бога молить; ему теперь хорошо. А онъ намъ сказалъ: «ему хорошо, и вамъ хорошо, да Богу не угодно: есть ему воля Божія идти въ Россію; а вы его не держите.» Мы говорили ему: мы его не отпустимъ страдать, да еще и въ міръ; да и съ чѣмъ онъ пойдетъ? У него денегъ нѣтъ ни копѣйки, а намъ дать нечего, у насъ у самихъ нѣтъ. Много мы съ игуменомъ его уговаривали и противорѣчили ему; но онъ насъ не послушалъ, и сказалъ: «Вы его держать не можете: потому что онъ мой ученикъ; я за его душу отвѣчаю; а о деньгахъ мнѣ не поминайте: это вы человѣчески разсуждаете. Ежели дадите ему что: то добръ; а не дадите: то ему Господь дастъ, Который его посылаетъ; а о скорбяхъ его не ваше дѣло разсуждать. Богъ лучше васъ знаетъ, что ему на пользу, и я болѣе васъ о немъ имѣю попеченіе. А вы ежели его не хотите отправлять, то отпустите его ко мнѣ: я его отправлю.» Мы на это болѣе ему не могли ничего говорить. Вотъ зачѣмъ я тебя призвалъ. Иди въ Россію. Старецъ твой тебя посылаетъ въ Россію. А мы тебѣ благословенія не дадимъ, также и денегъ.»

83. Я, выслушавъ все это, палъ на землю, много плакалъ и рыдалъ отъ болѣзни сердца моего, такъ что едва въ себя пришелъ, и сталъ въ слезахъ ему говорить: «Отче св., откуда мнѣ нечаянно пришли сія скорби? Откуда прилетѣли стрѣлы? Неужели я еще доживу до того горькаго часа, что буду разлучаться со св. Горой Аѳонской, да еще и вѣчно? — Никогда я этого не сдѣлаю, и не подумаю, чтобы мнѣ выйти изъ Св. Горы; лучше живаго закопайте въ землю, и я съ радостію предаю душу свою Господеви, а тѣло свое положу съ своею братією, съ св. отцами аѳонскими, и буду съ ними дожидаться всеобщаго воскресенія.» Отецъ Іеронимъ сказалъ мнѣ: «по нашему бы такъ, да воля не наша, и мы тебѣ помощи дать не можемъ; а за-утро иди самъ къ духовнику, и поговори съ нимъ; а теперъ иди, спи: уже скоро утренняя.» Я пошелъ на гостинницу, и до самой утрени проплакалъ, размышляя, какія великія нечаянно нашли на меня скорби. Какъ мнѣ будетъ разставаться съ возлюбленною моею пустыней? Какъ мнѣ будетъ разлучаться со св. Горю Аѳонскою? Какъ мнѣ будетъ разставаться паки съ возлюбленными моими аѳонскими отцами духовными и братією? Какъ мнѣ идти въ далекій путь, не имѣющему у себя ни единой копѣйки денегъ? На что я буду выправлять себѣ заграничный паспортъ? Какъ я буду проходить карантинны и границы? Въ монашескомъ образѣ пускать никого не позволено. Чтò сотворю, — не знаю. Если и въ Россію прійду: то и тамъ чтò найду добра, кромѣ однихъ скорбей? Охъ! увы, увы мнѣ паче всѣхъ человѣкъ окаяннѣйшему! О Господи, Владыко и человѣколюбче, Царю мой Небесный! прости мя грѣшнаго, яко много

изнемогаю въ скорбяхъ моихъ, и до-зѣла разстроилъ душу мою! Но, о Господи, буди на мнѣ святая воля Твоя! твори со мною, еже хочещи! Но только, Владыко, не оставляй меня единаго, безъ Твоея помощи, да будетъ благодать Твоя святая со мною грѣшнымъ, и даруй мнѣ терпѣніе въ скорбяхъ моихъ! Безъ Тебя, моего Создателя, единъ быть не могу, и такихъ великихъ скорбей не понесу. О Господи, прости мя за сіи дерзкія словеса! Не учу Тебя, но прошу Твоей милости; ибо несодѣланное мое видѣста очи Твои; якоже хочещи, устрой о мнѣ вещь; только не отрини мене отъ Твоего лица, и устрой мене по Своей св. волѣ, во вся дни живота моего! Когда стали звонить къ утрени, я пошелъ въ церковь, сталъ въ притворѣ, и всю утрени, отъ великой скорби проплакалъ. По утрени, вся братія меня обступили, много о мнѣ сожалѣли, а иные и плакали. Послѣ того пошелъ я къ своему духовнику, старцу Арсенію, и засталъ его въ келліи. Онъ, увидѣвши меня, скоро пошелъ въ церковь; я за нимъ пришедши, палъ ему въ ноги, и съ горькими слезами началъ ему говорить: «Отче святыи, что вы со мной хотите дѣлать? Или я предъ вами что согрѣшилъ, и за то хотите меня выгнать изъ св. Горы Аѳонской? Или вы хотите меня удалить отъ своего лица? За что вы такъ строго хотите поступить? За что вы такъ хотите меня безъ милости наказать? Или я паче всѣхъ аѳонскихъ отцевъ грѣшнѣе? Всѣмъ грѣшникамъ въ Св. Горѣ есть прибѣжище, и сколько тысячъ въ Аѳонѣ монашествующихъ, и всѣ препровождаютъ жизнь свою въ спокойствіи, а одному мнѣ окаянному мѣста нѣтъ! И у меня мѣсто есть, и мнѣ Царица Небесная дала прекрасную пустынную

келійку, и меня возлюбленные мои отцы успокоили. Зачѣмъ ты, отче св., хочешь выгнать меня изъ пустыни, изъ самага душеспасительнаго мѣста? Зачѣмъ ты хочешь меня разлучить съ возлюбленною моею матерью, со святою моею обителію? Или я еще мало странствовалъ? Или я еще мало претерпѣлъ скорбей, и по морямъ и по суху? Я прошелъ сквозь огонь и воду, и паки пришелъ въ покой, паки возвратился въ тихое пристанище, во св. Гору Аѳонскую; паки меня Царица Небесная приняла въ Свой святыи жребіи, и отцы мои, спаси ихъ Господи, меня успокоили: а ты паки меня разлучаешь со св. Горой Аѳонскою, да еще и вѣчно; паки посылаешь меня въ суетный міръ, наполненный суетами и соблазнами? Ты меня разлучаешь со св. Горой Аѳонскою, и вмѣстѣ разлучаешь и съ Пресвятою Царицею Небесною, разлучаешь уже и съ Богомъ.» Онъ, выслушавъ сіе, исполнился слезъ, и сказалъ мнѣ: «Стой: этого не говори, что я тебя разлучаю съ Богомъ. Ты недоумѣваешь, куда посылаю тебя: я больше всѣхъ о тебѣ сожалею, но посылаетъ самъ Богъ, и есть Его святая воля тебѣ идти въ Россію. И самъ Богъ будетъ съ тобою, и благодать Его святая не оставитъ тебя. А хотя и разлучишься со св. Горою Аѳонскою, но благословеніе св. Горы Аѳонскія, жребія Божія Матери, да будетъ съ тобою во вся вѣки, также и мое отеческое благословеніе да будетъ съ тобою!» Я, сіе услышавши, немного утѣшился, и сказалъ: «Если Господь меня посылаетъ, и со мною будетъ: буди Его святая воля надо мною! Но только, отче св., какъ мнѣ можно идти въ Россію? Первое: отцы мои меня не отпустятъ, и благословенія не дадутъ; пбо они и на тебя оскор-

бились; а второе: съ чѣмъ я пойду? Сколько надобно денегъ на паспорта, на дорогу, на карантинны; а я не имѣю ни одной копѣйки! Третья—главная причина: какъ я пойду въ Россію? На границѣ монашескаго и духовнаго званія никого не пускаютъ.» Онъ отвѣтилъ мнѣ: «Отцы тебя удержать не могутъ, и дадутъ тебѣ благословеніе, потому что они противиться Богу не могутъ; а о деньгахъ ты не говори, и не имѣй попеченія: всѣ нужды и недостатки исполнитъ Тотъ, Кто тебя посылаетъ; ты только иди, а Господь тебя не оставитъ, и пошлетъ тебѣ все потребное. А въ Россію чрезъ границу иди, какъ прежде проходилъ, по мірскому паспорту. А послѣ тебѣ Господь поможетъ дѣла твои устроить.» Я же спросилъ: «а гдѣ я въ Россіи буду жить, и что дѣлать?» Онъ же отвѣтилъ: «иди въ Россію, въ восточную страну, въ Сибирь, въ Томскую губернію; а тамъ Господь тебѣ дѣло покажетъ на пользу души твоей и прочимъ.» Я же сказалъ: «О, отче, куда ты меня посылаешь, къ какою далечайшую страну! Гдѣ та Сибирь? Гдѣ та Томская губернія? Я про нее и не слыхалъ.» Онъ мнѣ сказалъ: «когда пойдешь, тогда найдешь.» Я опять спросилъ: «а теперь что мнѣ дѣлать, и гдѣ мнѣ жить?» Онъ сказалъ: «иди въ монастырь, и возьми благословеніе: приходи ко мнѣ, и поживи, пока Господь откроетъ путь.» Я пришелъ къ духовнику Іерониму; онъ спросилъ меня: «что тебѣ старецъ сказалъ?» Я отвѣтилъ: «что вамъ, то и мнѣ: посылаетъ въ Россію, да еще и въ Сибирь.» Іеронимъ меня спросилъ: «съ чѣмъ ты пойдешь?» Я сказалъ: «отче св., мнѣ идти не съ чѣмъ; ежели вы дадите мнѣ хотя немного, — хорошо; а то онъ велѣлъ отъ

вась благословеніе взять , да къ нему переходить.»
 Іеронимъ мнѣ сказалъ: «не дадимъ тебѣ ни благосло-
 венія, ни денегъ; а живи въ монастырѣ.» Я обрадо-
 вался, и сказалъ ему: « я, отче, того и желаю : бла-
 гослови меня идти на послушаніе собирать орѣхи.»
 Онъ сказалъ : « Богъ благословить . » Я съ радостію
 пошелъ , и думаю , эта буря не пройдетъ ли мимо
 меня? И собиралъ съ братіею орѣхи шесть дней. По-
 томъ опять призываетъ меня Іеронимъ , и спросилъ
 меня: « что, ты миренъ ли былъ на послушаніи?» Я
 отвѣтилъ : « миренъ, слава Богу.» Онъ сказалъ: «Ты
 миренъ, да мы не мирны. Иди къ своему старцу, и
 кончи это дѣло. Пусть онъ паки благословить тебя
 въ нашей обители жить. А мы тебѣ въ Россію бла-
 гословенія не дадимъ.» Я же исполнился опять неиз-
 реченной скорби и печали, и всю дорогу горько про-
 плакалъ. Одинъ старецъ не благословляетъ жить, а
 другіе отцы не благословляютъ идти. Чтѣ сотворю,
 не вѣмъ. И распяли меня на-двое, и не стало мнѣ
 на земли мѣста: всѣмъ на земли людямъ Богъ далъ
 мѣсто, одному мнѣ окаянному не далъ. Прилично мнѣ
 теперь сказать съ Апостоломъ , что *не имѣю себѣ на
 земли пребывающаго града*. Пришедши къ старцу Ар-
 сенію, палъ ему въ ноги, и со слезами началъ его
 просить, да помилуетъ меня, да оставитъ меня паки
 вѣчно жить въ русской обители, и кости свои поло-
 жить. Старцы сказали, что благословенія мнѣ не да-
 дутъ; а мнѣ безъ ихъ благословенія идти невозможно.
 Онъ же мнѣ сказалъ : «Въ русскомъ монастырѣ бла-
 гословенія жить тебѣ нѣтъ; предѣлъ тебѣ отъ Бога
 положенъ идти въ Россію, и сего миновать тебѣ не-
 возможно; а отцы твои противиться Богу не могутъ:

дадутъ тебѣ благословеніе , и отпустятъ тебя съ миромъ и любовію ; но только еще не пришло время. А теперь поживи у меня, и подожди; скажу тебѣ день—когда получишь благословеніе »

Августа, 5-го числа, пришли Кореневы звать старца Арсенія къ себѣ на праздникъ Преображенія Господня, и меня стали приглашать ; и я имѣлъ желаніе идти, но старецъ мнѣ сказалъ : « Ты не ходи къ Кореневымъ ; у тебя свой праздникъ. Иди въ русскій монастырь, и получишь сегодня благословеніе ; тамъ и празднуй праздникъ.» Я сіе слышавъ , скоро пошелъ въ русскій монастырь , взошелъ къ духовнику Иерониму ; онъ спросилъ : « что , далъ ли тебѣ благословеніе—къ намъ? » Я отвѣтилъ : « нѣтъ , отче святыи ; вы знаете старца : онъ слова не мѣняетъ , а велитъ къ нему переходить.» Иеронимъ сказалъ мнѣ : « иди къ нему, а мы благословенія не дадимъ.» Я сказалъ : « какъ знаете ; а только желательно бы мнѣ проститься съ отцомъ игуменомъ, и поблагодарить за его великія милости.» Иеронимъ сказалъ : « пойдемъ. » И пришедши я палъ въ ноги игумену Герасиму , и со слезами просилъ у него прошенія во всѣхъ моихъ согрѣшеніяхъ, и благодарилъ за великія его милости, изліяныя на меня. Онъ, взявъ въ свои объятія главу мою, омочилъ ее слезами, и много обо мнѣ сожалѣлъ. Потомъ всталъ , надѣлъ на себя епитрахиль , и я палъ на колѣни ; онъ положилъ епитрахиль на главу мою, и прочиталъ мнѣ разрѣшительную молитву, перекрестилъ главу мою, и сказалъ : « Господь тебя проститъ, чадо мое Парвеній ; и я тебя прощаю и разрѣшаю, твой старецъ и игуменъ , грѣшный Герасимъ.» Потомъ взялъ икону св. Великомученика Пантелеимона,

велѣлъ мнѣ положить три поклона, и стать говорить «буди съ тобою Господне благословеніе и св. Горы Аѳонскія, и нашей св. обители св. Великомученика Пантелеимова, и отъ меня твоего старца и игумена на всѣ четыре страны во вѣкъ вѣка; только помни свое монашество, и слушай своего старца Арсенія, помни его наставленіе, и на всякомъ мѣстѣ получишь спасеніе.» И отдалъ мнѣ икону. И я благодарилъ его святыню, и умизился, смотря на его святолипыя сѣдины. Жалко мнѣ было съ нимъ разстаться. Духовникъ Іеронимъ сказалъ мнѣ: «смотри, какъ игумень тебя благословилъ; я такъ не думалъ.» Потомъ отецъ Герасимъ сказалъ: «отецъ Парѳеній, кака я у тебя есть одежда, всю себѣ возьми; Господь благословить.» И я много благодарилъ его, и вышелъ весьма радостенъ. Также сказалъ я и отцу Іерониму: «отче св., и вы меня благословите, и вы такой-же мнѣ старецъ.» Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Уже когда игумень благословилъ, то я тебя держать не могу. Уже двое благословили, а третьему надо благословить. Пойдемъ, благословлю.» Взошедши въ келлію, онъ спросилъ меня: «чѣмъ тебя благословить?» Я ему отвѣтилъ: «иконою, отче святыи.» Онъ сходилъ въ церковь, взялъ мѣдный крестъ, надѣлъ епитрахиль, велѣлъ мнѣ положить три поклона, прочиталъ разрѣшительную молитву; потомъ взялъ крестъ, и началъ говорить: «буди на тебѣ благословеніе Божія Матери, Царицы Небесной, и св. Горы Аѳонскія, и нашей русской обители св. Великомученика Пантелеимова, и отъ меня твоего старца, духовника іеросхимоваха Іеронима, во вѣкъ вѣка; и благословляю тебя, чадо Парѳеній, не только въ Россію, но и за Россію; и благословляю тебя симъ мѣднымъ крестомъ: онъ

будеть тебѣ мѣдная стѣна и огражденіе отъ всѣхъ враговъ твоихъ, видимыхъ и невидимыхъ, и мѣдное непобѣдимое оружіе на діавола и на всю силу его, и на всѣ козни его, и на всѣ сѣти его, во вся дни живота твоего.» И далъ мнѣ крестъ. Еще далъ мнѣ Слѣдованный Псалтирь; далъ также денегъ шестьдесятълевовъ, т. е. двѣнадцать рублей. И я весьма остался благодаренъ за ихъ великія милости, и много радовался, что, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ сдѣлался развязанъ, и всѣми тремя старцами прощенъ, разрѣшенъ и благословленъ. Теперь буди воля Господня! И стоялъ всенощное бдѣніе въ радости; и отецъ Іеронимъ заставилъ меня послѣдній разъ канонаршить. Всѣ были спокойны духомъ. И по трапезѣ, въ праздникъ, я пошелъ къ старцу Арсенію, а онъ уже прежде меня пришелъ съ праздника; и я пришедши сказалъ ему все,—что получилъ благословеніе отъ обоихъ старцевъ, и все совершилось въ спокойствіи духа и въ мою пользу, и еще дали двѣнадцать рублей денегъ. Онъ сказалъ: «Теперь, слава Богу, совсѣмъ ты на пути; а эти двѣнадцать руб. проведутъ тебя двѣнадцать тысячъ верстъ. Теперь тебѣ Господь открылъ путь; теперь иди прежде въ Іерусалимъ, и поклонись Живоносному Христову Гробу и прочимъ св. мѣстамъ, а потомъ въ Россію: тако есть воля Божія.» Я, сіе слышавши, палъ ему въ ноги, и со слезами началъ говорить: «Отче св., не ищущай меня выше силы моей. Како возможно мнѣ нынѣшній годъ иди во Іерусалимъ съ двѣнадцатью рублями? Вы знаете, что только за корабль надобно двадцать руб. въ одинъ конецъ; еще надобно на пищу, надобно на паспорта, на пошлины, за перевозку; надобно въ Іерусалимъ

за квартиру двѣнадцать рублей, на полгода на пищу; а хлѣбъ тамъ дорогой, и тамъ не въ Россіи, подать некому; поэтому мнѣ идти никакъ невозможно. Хотя я и имѣю желаніе побывать во Іерусалимѣ, и поклониться Живоносному Христову Гробу и на горѣ Голгоѣ, гдѣ содѣлалось наше спасеніе, и Гробу Божія Матери; но не въ нынѣшній годъ, а уже послѣ, ежели угодно будетъ Богу, изъ Россіи побываю во Іерусалимѣ.» Онъ строго сказалъ мнѣ: «Ты больше не противорѣчь; а теперь сряжайся; какъ корабль изъ Солуны прійдетъ, на немъ и поѣдешь; а здѣсь въ Св. Горѣ денегъ ни у кого не проси; а послѣ какъ знаешь. Знай, возлюбленное мое чадо Пареній: въ немощахъ твоихъ совершитъ Господь силу Свою, и явитъ на тебѣ чудеса Своя; Господь проведетъ тебя съ этими двѣнадцатью рублями двѣнадцать тысячъ верстъ, и ни что тебя не можетъ удержать, ни моря, ни горы, ни границы, ни злые люди, ни враги твои; только ты не ослабѣвай духомъ, и назадъ не оглядывайся; но иди въ назначенный тебѣ отъ Бога путь, и будешь въ пути спокоенъ, и всѣми тѣлесными потребями доволенъ, и не устанутъ твои ноги отъ дальнаго пути, и достигнешь благополучно до назначеннаго тебѣ мѣста; только вѣруй Господу Богу, что получишь, и все будетъ тебѣ готово.» Я ему сказалъ: «отче св., не могу имѣть такой вѣры, потому что я немощенъ и прихожу въ уныніе.» Онъ сказалъ: «Не изнемогай; Господь тебя во всемъ утѣшитъ, и будетъ тебѣ помощникъ. А теперь живи у меня, пока до корабля.» И началъ жить съ нимъ въ одной келліи. Я прежде не жила съ нимъ въ одной келліи; но на послѣднихъ дняхъ сподобилъ меня Господь съ нимъ пожить

въ одной келліи, и посмотрѣть на его равноангель-ную жизнь. Прожилъ съ нимъ семь недѣль, отъ 6-го августа до 23-го сентября. И слышалъ ежедневно его душеполезныя бесѣды: ежедневно давалъ мнѣ душеспасительныя наставленія, какъ мнѣ проводить жизнь свою въ странствіи, среди міра и соблазновъ, и какъ мнѣ терпѣть скорби и напасти и переносить ихъ съ благодареніемъ, и за враговъ своихъ приносить теплыя къ Богу молитвы, чтобы Господь простилъ ихъ грѣхи. Почти каждый день онъ служилъ Литургію. И я насматривался и любовался на его святолюбныя сѣдины. И упокоилась душа моя, и просилъ его святыху, чтобы меня благословилъ при себѣ пожить хотя одинъ годъ. Онъ же мнѣ сказалъ: «Радъ бы я съ тобою жить и до смерти, но воли Божіей нѣтъ; а поживи только, пока корабль прійдетъ. И теперь, пока есть время, спрашивай, что тебѣ нужно: уже мы больше съ тобою на семь свѣтѣ не увидимся.» Я же восплакалъ о томъ, что сказалъ о послѣднемъ свиданіи, и спросилъ его: «а что, отче св., какъ мнѣ благословите: изъ Іерусалима захватить ли мнѣ во св. Гору Аѳонскую, или прямо пройти въ Константинополь?» Онъ мнѣ отвѣчалъ: «тамъ какъ Господь тебя управитъ: ежели тебѣ Господь откроетъ путь, то иди прямо въ Константинополь; а ежели не дастъ Господь случая, то зайди сюда, въ Св. Гору.» Хотя и много онъ меня какъ младенца утѣшалъ, но я всегда духомъ изнемогалъ и много скорбѣлъ: первое, о разлукѣ со св. Горой Аѳонской, а второе, о томъ, съ чѣмъ я пойду во Іерусалимъ? Пенязей не имѣю, а просить не велитъ; аще и уповаю на Бога, аще духъ бодръ, да плоть немощна. Къ тому-же посѣтила и

тѣлесная болѣзнь: наипаче болѣли ноги, такъ что съ великою нуждою могъ я ходить; также слабъ былъ и всѣмъ тѣломъ. Говорилъ я старцу: «какъ я могу идти въ путь при такомъ слабомъ здоровьи?» Онъ сказалъ: «эта болѣзнь только до корабля, а тамъ будешь здравъ.» Еще я ходилъ къ нѣкоторымъ друзьямъ, и безъ старцева благословенія просилъ денегъ; но мнѣ никто не дадъ. Еще я желалъ и просилъ старца, чтобы выхлопотать бумагу отъ аѳонскаго Протата за подписомъ присутствующихъ и за печатью св. Горы Аѳонской; но онъ и того не велѣлъ, а сказалъ: «иди съ однимъ паспортомъ, и носи свое тѣло; а послѣ все получишь.» Еще я ходилъ въ русскій монастырь, и увидалъ тамъ новопріѣзжаго російскаго Архимандрита Порфирія. Онъ, увидѣвши меня на гостинницѣ, спросилъ: «откуда я, и кто такой?» Я же все рассказалъ о моемъ положеніи. Онъ далъ мнѣ денегъ двѣнадцать левовъ, т. е. четыре рубли, и сказалъ: «Да это дѣло, можетъ, и Божіе. Приходи изъ Іерусалима: ежели заставишь меня здѣсь, я выведу тебя въ Россію.» Я же благодарилъ его, и опять возвратился къ старцу.

Старецъ Арсеній каждый день занимался трудами: отъ утра и до вечера копалъ землю для сѣянія бобовъ, и одинъ вскопалъ весь огородъ; хотя имѣлъ шесть учениковъ, но ихъ не заставлялъ. Я одинъ разъ спросилъ его: почему онъ самъ одинъ копаетъ, а учениковъ своихъ не заставляеть? Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Мнѣ уже немного осталось времени копать; а они еще накаплиются и безъ меня.»

Сентября 22-го, пришелъ корабль изъ Солуны за поклонниками. О, коль горестно мнѣ было то слы-

ч. III.

шать, что платы за корабль по сту левовъ (двадцати руб.); а у меня всего осталось четырнадцать руб., да и пищи нѣтъ! Старець сталъ посылать паспортъ брать, и отдать капитану. Я заплакалъ, и сталъ ему говорить: «отче св., съ чѣмъ я пойду? не подождать ли какого случая?» Онъ же сказалъ: «тебѣ случай—на семь кораблѣ идти.» И еще послалъ двухъ своихъ учениковъ въ Іерусалимъ, тоже безъ денегъ. Мы пошли, и взяли паспорта, и отдали капитану. Это было въ субботу. И опять пришли на келію, в началѣ собираться, и всю ночь не спали: служили бдѣніе, потомъ Литургію.

84. Старець насъ сталъ благословлять въ путь во всемъ облаченіи; держалъ въ рукахъ Евангеліе, и велѣлъ положить три поклона и приложиться къ Евангелію. Потомъ сказалъ: «чадо Пароеніе, буди на тебѣ благословеніе Господа нашего Іисуса Христа и св. Горы Аѳонскія, жребія Божія Матери, и отъ меня твоего старца и духовника, іеросхимонаха, грѣшнаго Арсенія,—идти въ Россію, въ сибирскую страну, въ назначенное тебѣ мѣсто, въ Томскую губернію!» Потомъ заплакалъ, и началъ говорить: «Возлюбленное мое чадо, посылаю тебя, яко овцу посредѣ волковъ: будутъ тебя терзать, уязвлять, хулять, поносить, и укорять; но не съѣдятъ. Господь тебѣ будетъ помощникъ, и Онъ тебя заступитъ; ты же все терпи съ благодареніемъ, и переноси безъ роптанія. И не имѣй надежды ни на что тлѣнное и мимоходящее, ни на деньги, ни на людей; но уповай только на единого Бога, и Онъ всѣ твои дѣла исправитъ и совершитъ; но только иди на назначенное тебѣ мѣсто, и назадъ не оглядывайся, а то потерпишь великое искушеніе.

Назначилъ я тебѣ крестъ весьма тяжкій; ты же неси, не отягчайся; но паче радуйся и веселися, и благодари своего Создателя. Еще, чадо, блюдися мірскихъ прелестей и соблазновъ и роскошества, да не увязнешь въ сѣти его. Прочее же говорено было тебѣ прежде; ты же помни и не забывай, и меня грѣшнаго, своего старца, поминай.» Подобно и прочихъ благословилъ. Потомъ пошли въ трапезу, а по трапезѣ пошли на корабль.

85. И онъ, возлюбленный нашъ старецъ, проводилъ насъ болѣе версты. Дорогою опять мнѣ сказалъ, что мы больше съ тобою въ жизни сей не увидимся. О, сколь мнѣ было болѣзненно слышать сіи словеса! О, сколь мнѣ было горестно разставаться съ такимъ великимъ старцемъ, съ земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ, отъ котораго почти пять лѣтъ получалъ душевное окормленіе и во всѣхъ скорбяхъ моихъ утѣшеніе! Но пришло время съ нимъ разлучиться, да еще и навсегда. Разлучаюсь я и съ возлюбленною моею братією, съ св. аеонскими отцами. Охъ! увы, увы! Днесъ разлучаюсь со св. Горою Аеонскою, съ жребіемъ Царицы Небесной, съ тихимъ и небурнымъ пристанищемъ, и пускаюсь въ страшное, великое и свирѣное море! Со всѣхъ странъ обидоша мя скорби и печали: первая моя скорбь, что со всѣми прощаюсь и со всѣми разлучаюсь, и всего блага и утѣшенія лишаюсь; вторая скорбь, что отправляюсь въ далекую страну, Палестину, за великія моря, не имѣя ни пищи ни денегъ, кромѣ единаго отеческаго благословенія; и идемъ, какъ на базаръ, почти съ одними жезлами, хотя и съ благословеніемъ Св. Горы и съ вѣрою и упованіемъ на единаго Бога. Сумочку мою несъ дру-

гой братъ , а я шель со старцемъ , и держалъ его десницу , и слезами омочалъ , и говорилъ ему : « Отче св. , куда ты меня провожаешь ? Куда ты меня отъ себя отлучаешь ? Куда ты меня посылаешь единого ? Кто меня научитъ добродѣтелямъ ? Кто меня наставитъ на путь спасенія ? Кто меня утѣшитъ въ скорбяхъ моихъ ? » Онъ же мнѣ сказалъ : « не плачь : не одного я тебя посылаю , но съ Богомъ и благословеніемъ св. Горы Аѳонскія ; Богъ тебя научитъ и наставитъ , и утѣшитъ въ скорбяхъ твоихъ . » Потомъ простились съ нимъ , и взяли послѣднее благословеніе ; онъ возвратился въ свою келлію , а мы пошли въ путь прямо въ русскій монастырь — проститься съ моими отцами , старцами и благодѣтелями , и со всею братією . Идя путемъ , я скорбѣлъ , что не сподобился проститься съ возлюбленнымъ старцемъ моимъ , схимонахомъ и пустынножителемъ Тимоѳеемъ , съ которымъ жилъ я въ пустынѣ ; а зайдти на келлію далеко . Но вдругъ , онъ идетъ на встрѣчу , совсѣмъ къ его келліи не по дорогѣ . Я весьма возрадовался ; и распростились съ нимъ , и получилъ отъ него въ путь благословеніе , и разлучились . Потомъ пришли въ монастырь къ отцу Іерониму . Онъ же спросилъ : « куда собрался ? » Я отвѣтилъ , что старецъ посылаетъ во Іерусалимъ . Онъ паки спросилъ : « а денегъ гдѣ взялъ ? » Я сказалъ : « только что дали двѣнадцать руб . » Онъ сказалъ : « Охъ , старецъ , старецъ ! что онъ дѣлаетъ ? Мы и съ деньгами ходили , и то много скорби приняли ; а безъ денегъ никакъ не возможно идти : не надобно о Іерусалимѣ и помышлять идти ; впрочемъ , какъ знаете . Что же , ты къ намъ проститься зашелъ ? » Я отвѣтилъ : « за тѣмъ , отче св . » . И пошли къ нгу-

мену. Онъ же, увидѣвши меня, заплакалъ, и спросилъ меня: «куда собрался, чадо Парөөеній?» Я сказалъ, что въ Іерусалимъ. Онъ же благословилъ, и далъ двѣнадцать рублей, и приказалъ духовнику дать, что мнѣ нужно, хлѣба, сухарей и маслинъ и одежды. И я благодарилъ его, и простился. Духовникъ же Іеронимъ всѣмъ меня наградила, и далъ еще денегъ двадцать руб. Спаси Господи отцевъ моихъ! наградили меня всѣми нужными потребями. Простившись, мы поѣхали на корабль. Вотъ, какой я сталъ богатый: уже болѣе сорока рублей денегъ, и пищи почти до Іерусалима достанетъ. Въ одинъ день и много принялъ скорбей, и Господь утѣшилъ. Но старецъ Арсееній этого уже не зналъ.

86. Того-же дня, корабль пошелъ въ путь, то-есть сентября 23-го числа, 1845 года; того-же года, октября 30-го, пришли во св. градъ Іерусалимъ, и въѣхали въ патріаршій монастырь. И положилъ я въ патріархію два рубля, и записалъ имена своихъ родителей, и отъ Патріарха просилъ прощенія, что мало жертвую; но намѣстникъ патріаршій, Митрополитъ Мелетій, сказалъ мнѣ: «отче, твой два рубля приняты, какъ вдовицы двѣ лепты: ты болѣе всѣхъ положилъ.» Также на всѣхъ св. мѣстахъ я жертвовалъ по своей возможности, а послѣдніе двѣнадцать руб. отдалъ за келлію. И такъ проживалъ во св. градъ Іерусалимъ, яко птица, ни о чемъ ни заботясь, въ радости и веселіи препровождая дни и нощи. Тако препроводилъ во Іерусалимъ шесть мѣсяцевъ; и благодарю Господа Бога моего: былъ сытъ и доволенъ, не только хлѣбомъ и водою, но и тѣмъ, что только моя душа желала. Хотя хлѣбъ на базарѣ и былъ тридцать коп.

Фунтъ, но мнѣ было хлѣба довольно: не просилъ ни у кого, сами давали: до утра не оставалось ни хлѣба, ни денегъ, а по-утру паки кому-нибудь Господь по сердцу положить, — или пообѣдать позовутъ, или денегъ дадутъ; кормили же только россійскіе поклонники и свои аѳонскіе братія. Часто ужиналъ въ трапезѣ у Гроба Господня, когда ночевалъ въ храмѣ Воскресенія Господня; и посѣтилъ всю Палестину и св. градъ Назаретъ: овые на коняхъ, овые на верблюдахъ, овые на ослахъ, азъ же во имя Господне пѣшій. Въ Аѳонѣ былъ нездоровъ ногами и всѣмъ тѣломъ; но когда сѣлъ на корабль, — все зажило; а во Иерусалимѣ обновися яко орля юность моя, и не зналъ какъ устаютъ. И много радовался, что привелъ мнѣ Господь посѣтить св. градъ Иерусалимъ, и поклониться Живоносному Гробу. Только и была скорбь одна, что не хотѣлось ѣхать въ Россію.

Въ Филипповъ постръ, первую недѣлю, говѣли. Потомъ Митрополитъ Мелетій всѣхъ русскихъ исповѣдывалъ; и я исповѣдывался, и рассказалъ ему свою скорбь: какъ меня старецъ разлучаетъ со св. Горой Аѳонской, и посылаетъ въ Россію, чего я не желалъ, и какъ я не хочу разлучиться съ тихимъ пристанищемъ; и просилъ Архипастырскаго благословенія паки мнѣ возвратиться въ св. Гору Аѳонскую, и препроводить тамъ остальную жизнь свою; и прибавилъ: « старецъ противъ вашего благословенія противорѣчить не будетъ, и я буду спокоенъ.»

87. Онъ же, выслушавши, помолчалъ, потомъ сказалъ: « Такъ точно, Аѳонская Гора хороша для спасенія; но Адаму въ раю было лучше, нежели тебѣ въ Аѳонѣ: тамъ не было ни людей, ни діавола, а

только двое; но когда преступилъ Божию заповѣдь, и оттуда изгнали; а во Аѳонѣ все есть, діаволъ и множество людей. И тамъ ежели кромѣ Бога и Божія благословенія,—всѣ грѣхи можетъ человекъ сотворить; а ежели съ Богомъ и Божиимъ благословеніемъ, то и въ великихъ городахъ и многочисленныхъ спасешься. Иди, куда тебя старецъ посылаетъ; тамъ и спасеніе получишь.» Я заплакалъ, и сказалъ: «О владыко св. ! я хотѣлъ отъ васъ отраду получить, а вы то же говорите». Онъ же спросилъ: «кто такой твой старецъ?» Я отвѣтилъ: «духовникъ Арсеній.» Онъ же сказалъ: «я знаю его; онъ былъ здѣсь, и всѣхъ удивилъ своими подвигами.» Я сталъ просить его, да благословитъ меня хотя зайдти и побывать во Св. Гору, и попросить своего старца, не оставитъ ли меня паки жить; а вы, владыко св., напишите писмецо ему, чтобы онъ меня оставилъ. Владыка же мнѣ сказалъ: «Какъ хочешь: пожалуй, зайдти въ Св. Гору; но только ты старца своего едва ли застанешь въ живыхъ; а письма писать я не стану, потому что я аѳонскихъ старцевъ учить не могу. Я бы тебѣ совѣтовалъ, куда посланъ, туда и иди, а больше не хлопотать; ибо на всякомъ мѣстѣ владычество Господне.» Съ тѣмъ и вышелъ отъ него. Я имѣлъ надежду на Митрополита Мелетія, что онъ освободитъ меня отъ моего креста, но онъ еще болѣе утвердилъ и укрѣпилъ,—велѣлъ слушать своего старца, и иди куда посланъ. Потомъ причащались всѣ мы на Христовомъ Гробѣ. Предъ праздникомъ Рождества Христова, всѣхъ поклонниковъ соборовали масломъ; и я трижды въ одинъ день сподобился пособороваться масломъ: первое, во своемъ монастырѣ Архангель-

скомъ соборовалъ Митрополитъ Севастійскій; второе, позвали въ монастырь Екатеринбургскій : тамъ соборовалъ Митрополитъ за-Иорданскій, Мелетій ; потомъ пошли ночевать въ храмъ Божія Гроба : тамъ всѣхъ соборовалъ Митрополитъ Назаретскій. И такъ проживалъ всю зиму, и обходилъ Святую Землю , посѣщалъ св. мѣста , и поклонялся имъ. Дождались св. Великаго поста. Первую седмицу постились, и въ субботу причащались. Единожды я ночевалъ во храмъ Божія Гроба; братія стали говорить, чтобы я остался одинъ годъ пожить при храмъ Гроба Господня. Я же со всею охотою согласился. Они предложили игумену Божія Гроба. Игумень же велѣлъ мнѣ взять благословеніе отъ Митрополита Мелетія, и переходить. Я утромъ пошелъ къ Митрополиту Мелетію, и сказалъ ему, что желаю остаться на-годъ, и потрудиться у Гроба Господня, и игумень желаетъ меня принять; только желаю получить ваше Архипастырское благословеніе. Онъ же мнѣ сказалъ: « Да, намъ теперь люди нужны, только не ты ; а ты иди, куда посланъ; а здѣсь поживи только до Пасхи. И потомъ, съ благодатію и съ благословеніемъ отъ Живоноснаго Христова Гроба , иди въ назначенный тебѣ путь.» Дождавшись страстной седмицы, ходили на Иорданъ. Въ Великій четвертокъ было умовеніе ногъ. Потомъ къ каждомъ монастырѣ соборовали всѣхъ поклонниковъ масломъ ; и я сподобился пособороваться въ Екатеринбургскомъ монастырѣ отъ Митрополита Мелетія.

Здѣсь я ничего не описываю о Св. Землѣ, ни мѣстѣ, ни обрядовъ , ни обычаевъ ; потому что это все въ другой (4-й) части написано. А здѣсь пишу о томъ,

какъ Господь въ немощахъ моихъ Свою силу совершалъ.—Пришли и дни святыхъ Страстей; ожидаемъ и св. Пасхи; а на Пасхѣ, во вторникъ или въ среду, необходимо надобно отправляться въ путь; а я себѣ случая никакого не приискалъ ни куда, ни въ Россію, ни въ св. Аѳонскую Гору, и денегъ нѣтъ ничего; а остаться во Иерусалимѣ Владыка благословенія не даетъ; просилъ у многихъ помощи, но всѣ отказали.

88. Наступила Великая суббота; пришли поклонники и обыватели Иерусалима, въ великую церковь Гроба Господня, получать благодатный небесный свѣтъ, имѣя каждый въ рукахъ по тридцати три свѣщи; а я окаянный ни одной не имѣю: ибо не на что мнѣ ихъ купить. Былъ у меня одинъ пятикопѣечный, турецкихъ десять паръ; хотѣлъ купить одну свѣчку, но и эту мою монету обраковали и не взяли. И я отдалъ ее нищимъ, и сталъ дожидаться благодати безъ свѣчей. И помолился Господу Богу, да не прогнѣвается на мя грѣшнаго, что не имѣю свѣщи, ибо не имѣю на что купить. О, Владыко челоуѣколюбче и сердеуѣдче! аще и не имѣю свѣщи, чтобы получить святой Твой свѣтъ; но возжги свѣщу души моея, и просвѣти потемнѣнное мое сердце! И тако стоящу мнѣ и помышляющу, и отъ очію моею слезамъ источниками текущимъ, се едина россійская жена, стоящая на хорахъ противъ Гроба Божія, прислала за мною, чтобы я къ ней подошелъ. Я пошелъ. Она стала меня просить, чтобы я взялъ у ней два пука свѣчъ, потому что она имѣетъ четыре пука, и сама всѣ не можетъ зажечь. Я сказалъ ей: «не имѣю я ни одной у себя свѣщи.» Она же весьма рада была, и дала мнѣ два пука; я взялъ, и благодарилъ Господа Бога

моего , что скоро услышалъ и утѣшилъ меня скорбящаго. *О, кто Богъ велий, яко Богъ? Ты еси Богъ твори чюдеса!* Я былъ въ храмъ всѣхъ убоже, не имѣлъ ни одной свѣщи; но во едину минуту Господь сдѣлалъ меня почти всѣхъ богаче: было у меня въ обѣихъ рукахъ по тридцати по три свѣщи бѣлаго воску, вызолочены, россійской работы, которая въ Россіи по пятидесяти коп. одна свѣча, дорогими лентами перевязаны, такъ что мнѣ монаху аеонскому неприлично было стоять; но не самъ такъ захотѣлъ, а Богу тако изволившу, чтобы утѣшить меня скорбящаго. Потомъ, въ субботу, въ третьемъ часу пополудни, сподобился получить новую благодать небеснаго свѣта, и вси сподобились зажечь свои свѣщи; и тогда всѣ исполнились неизреченной радости и веселія, упившись благодати, якоже Апостоли, ликующе и торжествующе. Потомъ была Литургія. Послѣ Литургіи понесъ я свѣщи своей благодѣтельница: она много благодарила, и дала денегъ одинъ руб., и сказала, что это тебѣ на обѣдъ; а за-утро, т. е. на Пасху, приходи ко мнѣ обѣдать. Я благодарилъ ее.

89. Въ субботу, вечеромъ, пошли всѣ ночевать въ храмъ ко Гробу Господню. Наступила священная и всепразднственная ночь свѣтоноснаго дне. Освѣтили весь храмъ множествомъ свѣтильниковъ, на-подобіе огненнаго солнца и луны; а кувуклія надъ Гробомъ Господнимъ вся обвѣшана была лампадами, и обставлена восковыми бѣлыми свѣчами, и была на-подобіе огненнаго фонаря; и было въ храмъ—какъ на небеси: всѣ ликовали и торжествовали, радовались и веселились.

90. Всѣ зажгли свѣщи въ рукахъ своихъ. Потомъ

понесли изъ алтаря двѣнадцать хоругвѣй и двѣнадцать подсвѣчниковъ; несшіе были всѣ въ стихаряхъ, а за ними шли пѣвцы, потомъ діаконы; а за ними священники,—всѣ по-два въ-рядъ; а потомъ діаконы съ триквиріями и дикиріями и рипидами; а за ними Епископы и Митрополиты; а потомъ святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій, Кириллъ; а потомъ мы монашествующіе и всѣ православные христіане. И пошли яко съ мѣроносцами, зѣло рано, прямо ко Гробу Господню—Христа искать. И обошли Гробъ Господень кругомъ трижды, припѣвая: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси: и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити!* Остановились у дверей Гроба. Патріархъ покадивъ, якобы Ангелъ намъ возгласилъ: *что ищете живаго съ мертвыми? исть здѣ, но воста.* Потомъ вошелъ внутрь Гроба, якоже Петръ, и видѣ ризы едины лежащи. Тогда возгласилъ великимъ гласомъ по-гречески: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!* Мы же, сіе услышавши, и радости неизреченной исполнившись, воспѣли съ пѣвцами заедино: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ,* и проч. Кто тогда могъ не проливать источники слезъ отъ неизреченныхъ радости, и не восклицать съ торжествомъ: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ?* И Гробъ Христа Спасителя предъ очами нашими стоящъ празденъ, и Ангелъ на камени гробнемъ сѣдящъ, и къ намъ вопіющъ и глаголющъ: «радуйтесь и веселитесь! лякуйте, яко воскресе Господь!» Потомъ призвали изъ Лавры Саввы Освященнаго златословесную церковную лавровицу—Преподобнаго Іоанна Дамаскина, и съ нимъ единогласно воскликнули: *воскресенія день: просвъ-*

*тимся людие ! Привелъ насъ Господь единожды во всей жизни своей торжествовать на самой горѣ Голгоѣ, гдѣ совершилось искупленіе и таинство нашего спасенія ; и привелъ насъ Господь воспѣть побѣдную пѣснь у Его живоноснаго гроба , гдѣ лежало Его пречистое тѣло, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ была стража, воины Пилатовы; и видѣли мы тотъ камень, гдѣ сидѣлъ Ангелъ Господень, и благовѣстидъ женамъ муроносицамъ, вопія: *Во свѣтъ приспособимъ Сущаго, съ мертвыми что ищете яко чловѣка? Видите гробныя пелены: тецйте и міру проповѣдите, яко воста Господь, умертвивый смерть, яко есть Сынъ Бога, спасающаго родъ чловѣчскій. О, воистинну священная и всепразднственная сія спасительная нощь и свѣтозарная свѣтоноснаго дне, востанія сущи провозвѣстница, въ нейже безлѣтній Свѣтъ изъ гроба плотски всѣмъ возсія! Всѣ пѣсни Іоанна Дамаскина полную и непзреченную возвѣщали намъ радость, и полнымъ веселіемъ улаждали наши сердца. Ибо что поемъ и восклицаемъ устами, то самое и видимъ явственно своимъ очами: видимъ св. гору Голгоѣу, обогрешную Христовою кровію ; видимъ на ней и крестъ стоящій ; видимъ и то мѣсто, гдѣ повивали плащаницею тѣло Христово, и помазывали его муромъ; видимъ и камень, отваленный отъ дверей гроба, на которомъ сидѣлъ Ангелъ Господень. А вокругъ насъ, во всѣ стороны, видимъ св. градъ Іерусалимъ , и въ ономъ Іерусалимѣ, въ Св. Церкви, въ храмѣ Воскресенія Христова, ликуемъ и торжествуемъ, и возводимъ очи свои, и видимъ ее, безчисленнымъ множествомъ свѣтлышковъ освѣщаемую, и веселящися восклицаемъ : *Свѣтися, свѣтися, новій Іерусалиме ! слава бо Господня на тебѣ возсія:***

ликуй нынѣ и веселися, Сіоне, съ нами за едино! Мы пришли къ тебѣ отъ сѣвера, поклониться на тебѣ, св. Сіоне, единому всевышнему истинному Богу, совершившему на тебѣ, св. Сіоне, великое дѣло спасенія нашего. *Возведи окрестъ очи Твои, Сіоне, и виждь: се бо придоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословить Христа во вѣки.* Греки пришли отъ запада и моря; болгары, сербы, молдаване, валахи, и русскіе пришли отъ сѣвера; грузины, персіане, спріане и много грековъ пришли отъ востока; африканцы, египтяне, копты, кабешы, пришли отъ юга. И такъ мы пришли къ тебѣ, св. Сіоне, отъ четырехъ странъ вселенныя, поклониться Гробу нашего Спасителя, и торжествовать сей великій и знаменитый праздникъ, въ онъже воскресе Христосъ отъ мертвыхъ. О, востынну былъ для насъ *сей нареченный и святыи день, едины субботъ царь и господъ, и праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ, въ онъже благословимъ Христа во вѣки! Придите, новаго винограда рожденія, божественнаго веселія, въ нарочитомъ дни воскресенія, царствія Христова пріобцимся, поуще Его, яко Бога, во вѣки!* Кто можетъ изъяснить нашу радость, и кто можетъ ее изслѣдовать, кромѣ единаго Бога? Мы уже не думали, что находимся на землѣ, а мнили на небеса стояти, въ горнемъ Іерусалимѣ. Послѣ утрени, безъ расходу, пачалась и Литургія: служилъ Патріархъ всѣмъ соборомъ, четыре Митрополита, три Архіепископа и множество Архимандритовъ, священниковъ и діаконівъ; и всю Литургію стояли всѣ со свѣщами; читали Евангеліе на многихъ языкахъ; по Литургіи давали всѣмъ по два яйца.

Потомъ пошелъ я къ благодѣтельница , и у ней трапезовалъ. И было велие утѣшеніе. Потомъ дала мнѣ еще денегъ дойти до св. Горы Аѳонской; спаси ее, Господи! Такъ утѣшилъ меня Господь во единъ день, душевно и тѣлесно.

91. И положился я возвратиться паки во св. Аѳонскую Гору. Въ среду на Пасхѣ, съ горькими слезами и съ душевнымъ прискорбіемъ, разстались и простылись мы съ Живоноснымъ Христовымъ Гробомъ и со св. градомъ Іерусалимомъ. Взяли двое одного верблюда, и пріѣхали въ Іорпію. А потомъ сѣли на корабль, и шли моремъ пять недѣль; и 19-го мая, 1846 года, пришли паки во св. Гору Аѳонскую. Всѣ братія аѳонскіе радовались на корабль, что благополучно возвратились изъ странствія, и паки пришли въ свое тихое пристанище; а я плакалъ и скорбѣлъ: ибо пришелъ не на покой, не на жительство, а какъ въ гости, пришелъ возобновить свои старыя скорбя; только имѣлъ одну надежду на возлюбленнаго своего старца Арсенія. Еще питалъ свою душу надеждою, что, можетъ, ему Господь извѣститъ паки оставить меня въ св. Горѣ Аѳонской препроводить жизнь свою, или, можетъ, упроситъ Господа Бога, чтобы послалъ скорую кончину мнѣ, и взялъ душу мою. Потомъ мы съ корабля на каюкъ поѣхали прямо въ русскій монастырь; день былъ недѣльный; къ пристани вышли братія насъ встрѣчать. «Что-то со мной будетъ?» мыслилъ я, выходя на берегъ.

92. Увидѣвши меня, одинъ духовный братъ сталъ со мною здороваться, а самъ горько заплакалъ, и сказалъ: «либезный мой отче Парѳеній, покинулъ насъ

духовникъ, а твой старецъ отецъ Арсеній, и отъиде ко Господу на вѣчное блаженство; а насъ оставилъ въ мірѣ семъ еще скорбѣть и плакать, грѣховъ ради нашихъ.» Я, сіе слышавши, палъ на землю, и много плакалъ, такъ что едва всталъ. Потомъ пошелъ къ духовнику Иерониму. Онъ, увидѣвши меня, заплакалъ, и преподавъ благословеніе, сказалъ: «Или, возлюбленное наше чадо, паки возвратился къ намъ во св. Гору Аѳонскую? Или еще захотѣлось посмотрѣть насъ? Но уже всѣхъ насъ не увидишь: любимый твой старецъ Арсеній скончался, и покинулъ насъ. Теперь, что будешь дѣлать?» Я упалъ ему въ ноги, и со слезами сталъ говорить и просить: «отче св., аще старецъ мой Арсеній скончался, то вы мнѣ остались старцы: теперь вы имѣете надо мною волю; пріимите меня паки въ свою св. обитель; и паки въ послушаніи буду у васъ препроводить остальную жизнь свою.» Онъ же мнѣ сказалъ: «Теперь твое дѣло, отче Парѳеній, конечно, запечатано: блаженной памяти старецъ твой Арсеній послалъ и благословилъ тебѣ идти въ Россію, и самъ померъ,—это онъ своею смертію запечаталъ. Теперь намъ тебя принять никакъ невозможно, а иди куда посланъ. А хотя и пріимемъ, то ты самъ не будешь спокоенъ, да и мы пострадаемъ.» И я наипаче восплакалъ, и сталъ паки ему говорить: «Отче св. ! какъ я пойду въ Россію и съ чѣмъ? Только осталось у меня денегъ два рубля; а безъ денегъ идти невозможно, да и самъ я отнюдь не имѣю желанія; что сотворю, не вѣмъ.» Иеронимъ же сказалъ: «Про это какъ самъ знаешь. Вотъ въ Иерусалимъ и безъ денегъ ходилъ, еще остались два рубля; такъ и въ Россію, аще есть воля Божія, то

Богъ дастъ и случай, и безъ денегъ выѣдешь; а здѣсь, въ Св. Горѣ, тебѣ оставаться опасно.»

93. Потомъ пошелъ я къ своему старцу Арсенію. И пришедши спросилъ: «Гдѣ похоронили возлюбленнаго моего старца? Гдѣ положили тѣло моего наставника и утѣшителя? Гдѣ положили его многотрудныя тлѣнные останки? Покажите мнѣ скорѣе, да поплачу о возлюбленномъ моемъ старцѣ.» Ученики же его мнѣ показали. Я палъ на гробъ его, восплакалъ и возрыдалъ горько отъ великія моея скорби, и возглаголалъ въ болѣзни сердца моего: «Отче св.! благослови меня, возлюбленное свое чадо, грѣшнаго Пароенія, исполненнаго многихъ скорбей! Паки, отче св., захвалъ къ тебѣ изъ Іерусалима, принять отъ тебя душеполезное наставленіе, и получить въ великихъ скорбяхъ моихъ утѣшеніе. Ты, отче св., успокоился отъ великихъ своихъ трудовъ, на вѣчный покой отошелъ; а меня оставилъ единого на семъ свѣтѣ скорбѣть и горько плакать, и назначилъ мнѣ дальній путь, котораго я совершить не въ сплахъ. Отче! помолись ко Пресвятѣй Троицѣ, къ Нейже теперь имѣешь дерзновеніе, и предстоишь лицомъ къ лицу: да возьметъ Господь душу мою и тѣло; а ты, отче св., прими меня въ гробъ свой, и будутъ два гроба вмѣсто единого. Ты назначилъ меня въ сибирскую страну, а я не имѣю случая. А оставаться здѣсь, въ Св. Горѣ, по твоему завѣщанію, отцы мои отказали мнѣ. Охъ! увы, увы мнѣ, паче всѣхъ окаяниѣйшему, не имѣющему гдѣ главы подклонить! Какъ безпріютный сирота я въ Авопѣ; духомъ я уже во странствіи. Отче! востани и утѣши меня плачущаго, и научи, какъ перенести эти великія скорби?» Ученики старца

Арсенія стояли надо мною, и много меня уговаривали, зачѣмъ я такъ много плачу, и сердце свое скорбію отягощаю? Надобно радоваться, что имѣемъ такого великаго старца, о насъ къ Богу ходатая: онъ за много времени провидѣлъ свою кончину. — Я имъ отвѣчалъ: «Я не о старцѣ плачу, но о своей горькой участи, что уже теперь во всей Горѣ Аѳонской нѣтъ меня несчастнѣе, что и остался совершенно безпріютный; а хотя бы я съискалъ себѣ сто пріютовъ, но благословенія старецъ не далъ; а хотя я и долженъ идти въ назначенный отъ него путь, но не имѣю съ чѣмъ, не имѣю на что паспортъ выправить, ни за провозъ отдать. Чтѣ сотворю, не знаю. А когда бы онъ благословилъ меня въ Св. Горѣ жить, да еще и при своемъ гробѣ; то бы я радовался и веселился въ семь тихомъ и небурномъ пристанищѣ, въ св. Горѣ Аѳонской.» Потомъ отвели меня въ келлію, и много утѣшали.

94. Потомъ пошелъ я посѣтить прочихъ моихъ друзей и духовныхъ братьевъ; и всѣ радовались о моемъ возвращеніи, и всѣ меня утѣшали, и всякъ къ себѣ на келлію приглашалъ. Многіе меня уговаривали, и совѣтовали мнѣ оставить отеческое приказаніе вгунѣ, и не ходить въ Россію, а остаться до смерти проживать въ св. Горѣ Аѳонской, и говорили: «Неужели Господь только за то пошлетъ въ муку, что не пойдешь изъ Св. Горы? Неужели Божія Матерь не упрости за тебя Сына Своего?» И сталъ я въ мысляхъ колебаться, и перешелъ жить къ одному духовному брату подъ Ватопедскій монастырь, въ келлію св. Архангелъ, въ одну прекрасную долину между аѳонскихъ горъ, и пожилъ тамъ два мѣсяца. А послѣ,

когда хозяинъ келлію продалъ , я перешелъ подъ Иверскій монастырь, на келлію Преображенія Господня, къ отцамъ Корневымъ. И такъ еще въ Св. Горѣ Аѳонской препроводилъ время полгода. Тѣлесными потребами , благодарю Бога , былъ доволенъ и спокоенъ, но духомъ безпрестанно скорбѣлъ и смущался, и колебался туда и сюда : иногда исполнить волю старца моего понуждаюсь, а иногда слагалось остаться въ Св. Горѣ ; но совѣсть всегда меня безпокоила, и внушала исполнить волю старцеву; но не было никакой возможности.

95. Господь , за мое двоедушіе и охладѣвшую во мнѣ вѣру , сталъ меня наказывать , взялъ отъ меня Свою благодать : напало на меня уныніе , отяготили меня помыслы , и начали во мнѣ раждаться страсти, и сталъ я приходять въ отчаяніе о своемъ спасеніи, и былъ уже въ опасности подвергнуться душевной смерти. Тогда вспомнилъ словеса своего старца: «иди въ назначенный тебѣ путь, и назадъ не оглядывайся, а то пропадешь.» Еще вспомнилъ и словеса Митрополита Мелетія , что безъ Бога и Божіей воли и въ Аѳонѣ погибнешь, а съ Богомъ, и во градѣ спасеніе получишь. Потомъ пошелъ я къ духовнику Іерониму, и исповѣдалъ ему всѣ скорби и искушенія , со мною случившіяся. Онъ же, слышавши , заплакалъ, и сказалъ : « Богъ отъ тебя Свою благодать взялъ , и наказываетъ тебя за твое преслушаніе; иди скорѣе, иди въ назначенный тебѣ отъ старца путь ; а то пропадешь душою и тѣломъ.» Я сталъ ему говорить: « Отче св.! послушалъ бы я своего старца, и пошелъ бы въ назначенный мнѣ путь, но не имѣю у себя ни одной копѣйки денегъ, и не имѣю въ виду никакого случая,

а подходить зима. Чтò сотворю, не знаю.» Онъ же мнѣ сказалъ : « имѣй совершенную вѣру въ Бога, и имѣй неотлагаемое намѣреніе сотворить волю своего старца, и Богъ пошлетъ тебѣ случай; а за то Богъ тебѣ и не даетъ случая, что ты колеблешься туда и сюда.» Возвращаясь на келлію, я всю дорогу проплакалъ, и просилъ Царя моего Небеснаго, да дастъ мнѣ Свою помощь совершить Его волю, и да пошлетъ мнѣ случай идти въ назначенный мнѣ отъ старца моего путь, и общался, что уже больше противиться святой Его волѣ не буду, и въ св. Горѣ Аѳонской жить не останусь, и не подумаю, а исполню завѣщаніе своего старца. И пришедши на келлію, уже жить больше не могъ, хотя меня отцы и уговаривали. И пошелъ я, кругомъ всей св. Аѳонской Горы, посѣтить всѣ аѳонскіе монастыри и скиты, поклониться чудотворнымъ иконамъ, и посѣтить всѣхъ знаемыхъ отцевъ, друзей и братьевъ, и проститься съ ними, и развѣять скорбь по св. Горѣ Аѳонской.

96. Обшедши многіе монастыри и скиты, пришелъ въ монастырь Есфигментъ, или Сименъ, во имя Вознесенія Господня. На гостиницѣ меня упокоили. Потомъ пришли братія ко мнѣ на гостиницу, и съ прочими схимонахъ Веніаминъ, русскій, мнѣ знакомый, и много разговаривалъ со мною. Потомъ сталъ меня спрашивать : « Не знаешь ли я такого изъ русскихъ, хорошаго человѣка, который бы могъ ѣхать въ Россію? Послали мы прошеніе въ Россійскій Святѣйшій Синодъ, дабы позволилъ выѣхать намъ въ Россію для испрошенія милостыни, тремъ человѣкамъ, и ожидаемъ скоро разрѣшенія, а послать некого. Греки по-русски не знаютъ, а русскаго въ обители, кромѣ

меня, нѣтъ, а я уже устарѣлъ, немощенъ.» Я сіе слышавши, сказалъ ему: «я самый тотъ человекъ, котораго вы ищете; я сотворю вамъ послушаніе, и послужу вашей св. обители; потому что я имѣю завѣщаніе отъ старца выѣхать въ Россію, и ищю удобнаго случая; ежели бы вы вывезли меня въ Россію, я бы вамъ за то послужилъ два или три года, пока кончимъ сборъ; а потомъ ваши братія возвратятся въ свою обитель, а я останусь въ Россіи.» Слышавши сіе, отецъ Веніаминъ весьма обрадовался, и пошелъ объявить игумену Агаѳангелу. И игуменъ радъ былъ, и призвалъ меня къ себѣ, и сказалъ: «я самъ съ тобою поѣду въ Россію; а теперь переходи къ намъ въ обитель и поживи, и посмотри наши общежительные уставы и братію.»

97. Получивъ благословеніе, я перебрался въ общежительный монастырь Есѣвгменъ. Духовные братія мои весьма возрадовались сему случаю, и прославили Бога. Ибо всѣ обо мнѣ много скорбѣли, смотря на мое бѣдствіе. И проживалъ я въ монастырѣ шесть недѣль.

98. Господь сподобилъ на послѣднихъ дняхъ во святой Горѣ Аѳонской еще пожить въ общежительномъ монастырѣ. Еще привелъ Господь посмотрѣть на земныхъ ангеловъ и небесныхъ человекъ, и во всемъ ангельскому житію подражателей. Какъ Ангели повинуются своему Небесному Владыцѣ, славословятъ и воспѣваютъ всѣхъ Творца Бога: тако и сіи повинуются о Христѣ отцу своему игумену, и союзомъ любви къ нему привязаны, якоже къ Владыцѣ—Христу Апостоли; и всѣ погрѣшности и воюющія ихъ мысли часто исповѣдуютъ, и безпрестанно въ молитвѣ и

послушаніи упражняются , и мало сна очима своимъ
 даютъ : первую половину ноши провождаютъ въ ке-
 лейной молитвѣ и безмолвіи , а вторую въ соборной
 молитвѣ , въ пѣніи и славословіи . И всю почти утрению
 поють на гласы , мало что читають ; и всегда утрениа
 продолжается пять часовъ , а потомъ Литургія . День
 весь трудятся на послушаніи , а спать даютъ только
 четыре часа въ сутки , и то новоначальнымъ . Прича-
 щаются всѣ братія черезъ двѣ недѣли , и постятся ко
 причащенію по цѣлой седмицѣ . Всенощное бдѣніе
 бываетъ каждую недѣлю по двѣнадцати часовъ . Жи-
 вутъ весьма спокойно ; братія челоувѣкъ до ста ; но
 монастырь не богатый и весьма древній , и съ моря
 одну стѣну корпусовъ подмыло : того и смотри , что
 разрушится . Соборная церковь новая и прекрасная ,
 и вся расписана иконнымъ писаніемъ высокой грече-
 ской работы ; иконостасъ нововызлащенный , полъ раз-
 номраморный ; библіотека богата древними кожаными
 книгами ; и много святыхъ мощей , и есть великій
 крестъ самаго Честнаго древа , окованъ златомъ , по-
 жертвованъ Царицею Пулхеріею ; она выстроила и
 монастырь сей ; ризница же весьма убогая и самая
 простая , и той немного . Еще вновь застроили цер-
 ковь во имя Преп. Антонія Кіево-Печерскаго , на горѣ
 Самарѣ , надъ его пещерою , гдѣ онъ спасался : по
 преданію говоритъ , что онъ въ сей обители постри-
 гался . И прожилъ я въ сей святой обители сорокъ
 дней въ спокойствіи духа , и благодарилъ Царицу
 Небесную и Владычицу мою , Богородицу , что во всю
 мою жизнь , въ святой Горѣ Аеопской , упокоила меня
 всѣми потребами душевными и тѣлесными ; а хотя я
 терпѣлъ скорби , но за свое маловѣріе . А когда со-

вершенно повѣровалъ, тогда и помощь готова, и получилъ спокойствіе.

99. Ноября 20 числа, пришли духовные братія посѣтить меня, вмѣстѣ и проститься. Они шли въ Хилендарь на праздникъ Входа во храмъ Божія Матери. И я взялъ отъ игумена благословеніе, и пошелъ на праздникъ: Хилендарь отъ Есфигмена не болѣе пяти верстѣ.—Послѣдній праздникъ праздновалъ я во святой Горѣ Аѳонской; послѣдній праздникъ торжествовалъ Царицы Небесной, Владычицы Богородицы, во святомъ Ея жребіи и во святой Ея обители, въ которой Она сама Игуменіей; послѣдній разъ получилъ я отъ Нея благословеніе; послѣдній разъ проводила Она меня за монастырь; послѣдній разъ посмотрѣлъ я множество аѳонскихъ отцевъ и своихъ русскихъ братій. Но еще получилъ радостное извѣстіе, что въ нашемъ русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ, 23 ноября, будутъ освящать нововыстроенный русскій соборъ во имя Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, котораго ради я принялъ много трудовъ и скорбей. И весьма я пожелалъ быть на томъ освященіи и торжествѣ, и раздѣлить съ русскими великую радость, и послѣдній разъ повидать возлюбленныхъ моихъ отцевъ и благодѣтелей и всю мою братію, и послѣдній разъ проститься со всѣми; и извѣстилъ есфигменскихъ отцевъ грековъ, что хочу идти въ русскій монастырь. Они же мнѣ сказали, что за-утро игумень поѣдетъ въ путь, и я съ нимъ. Слышавши сіе, я поскорбѣлъ, что не сподобился быть на освященіи храма, для котораго положилъ я много трудовъ; но такъ Богу угодно. И простился я со всею русскою братією, и просилъ поклониться русскаго

монастыря отцамъ , и попросить у нихъ прощенія и заочнаго благословенія.

100. И такъ мы простились и разстались. Братія пошли въ русскій монастырь , а я воротился въ Хилендарскую соборную Церковь къ Игуменіи, Пресвятой Богородицѣ , и палъ предъ Чудотворнымъ Ея образомъ , и сталъ благодарить за Ея великія милости, изліянныя на меня грѣшнаго и недостойнаго , и началъ къ Ней глаголати такая : « Благодарю Тебя, моя Владычице, Пречистая Богородице, Дѣво Маріе; благодарю Тебя, моя Небесная Царица , за Твои великія неизреченныя милости и благодѣянія , изліянныя на мя окаяннаго и недостойнаго. О Владычице! Ты меня приняла сначала , когда пришелъ изъ Молдавіи; Ты, Владычице , въ пути насъ сохранила отъ турковъ и отъ разбойниковъ ; съ любовію приняла меня во Свой святой жребій , въ сію святую обитель , и упокоила отъ пути утружденнаго. О Владычице! пришелъ я въ Твой святой жребій безъ денегъ , не зналъ ни какого руководѣлія , и не имѣлъ ни какой человѣческой помощи , развѣ Тебе, моеи Владычицы, заступницы и покровительницы. Ты же, о Владычице моя, Богородице! съ любовію приняла меня , яко заблудшую овцу , въ Свою небесную ограду , и причислила къ Своему избранному стаду ; и шесть лѣтъ упоковала меня всякимъ спокойствіемъ , душевнымъ и тѣлеснымъ , и утѣшала меня , какъ малое дитя , и провела по всѣмъ путямъ мовашеской аѳонской жизни: показала уединенную и скитскую и келейную жизнь, общежительную и пустынную ; и сподобила меня, Владычице, имѣть трехъ пастырей и учителей, великихъ старцевъ іеросхимонаховъ , и четвертаго схи-

монаха; и сподобила меня, Владычице, дважды по-стричься во святомъ Твоемъ жребіи, и принять великій ангельскій образъ. О Владычице! какъ достойно воздати Тебѣ возмогу благодареніе за вся, яже воздала еси мнѣ во святомъ Своемъ жребіи, во святой Горѣ Аѳонской? Я желалъ, Владычице, во святомъ Твоемъ жребіи скончать животъ свой; но по моему желанію не сотворилось. Нынѣ, о Владычице! паки разлучаюсь со святымъ Твоимъ жребіемъ; нынѣ паки расстаюсь со святою Горою Аѳонскою, и паки исхожду изъ тихаго пристанища во свирѣпое многоволнистое великое море, во всякихъ соблазновъ преисполненный суетный міръ. Но исхожду, Владычице, уже не мірскимъ, ниже молдавскимъ, но Твоимъ, Владычице, святогорскимъ, аѳонскимъ монахомъ, и не по своей собственной волѣ, но по волѣ возлюбленнаго Твоего Сына, Господа нашего Іисуса Христа, также и по Твоему благоизволенію, и по благословенію моего старца. Но аще и отхожду, то только тѣломъ; а духомъ всегда буду во святой Горѣ Аѳонской. И иду не одинъ, но съ благодатию Сына Твоего, Господа моего Іисуса Христа, и съ благословеніемъ святыхъ Горы Аѳонскія, Твоего жребія, также и съ благословеніемъ духовныхъ моихъ отцевъ, тронхъ старцевъ. Также и Ты, о Пречистая Владычице моя, Богородице! сама теперъ благослови меня грѣшнаго, и сама иди, Владычице, со мною, и веди меня, куда знаешь; и куда приведешь, тамо и буди со мною, и помогай мнѣ во всѣхъ моихъ обстоятельствахъ. О Владычице! кромѣ Тебя, моей заступницы и покровительницы, идти не могу: потому что я отправляюсь въ далечайшій путь на восемь тысячъ верстъ, не

имѣющи у себя ни одной копѣйки денегъ, ниже пищи, и не имѣю ни на кого надежды, развѣ Тебя, Владычицы моей, помощницы и заступницы, и Сына Твоего, Господя моего Иисуса Христа. Ты же, Владычице, буди въ пути моемъ вождь, и помогай мнѣ во всѣхъ нуждахъ, спасай и сохраняй меня отъ всѣхъ врагъ, видимыхъ и невидимыхъ! Аминь.» Потомъ лобызалъ я чудотворную Ея икону, Игуменію Аѳонскую, Трое-ручицу.

101. Потомъ пошелъ въ свой монастырь, Есѳигменъ. И подошелъ къ Чудотворной иконѣ Богородицы, стоящей на пути, которая встрѣчаетъ и провожаетъ приходящихъ; палъ предъ нею, и много плакалъ, и благодарилъ Ее, что вышла меня проводить, что съ любовію она меня, въ 1839 г., въ ноябрѣ мѣсяцѣ, встрѣчала, а въ 1846, въ томъ-же мѣсяцѣ, провожаетъ. Сколько мнѣ тогда было радостно и весело, что пришелъ въ тихое пристанище къ Божіей Матери: столько нынѣ скорбно и грустно, что вышла Владычица проводить меня изъ Своего жребія, изъ святой Горы Аѳонской, изъ Своего краснаго рая. О, кто бы далъ мнѣ источники слезъ! Я плакалъ бы день и ночь, и рыдалъ бы о множествѣ грѣховъ моихъ, которыхъ ради я разлучаюсь со святою Горою Аѳонскою, да еще и вѣчно. О, прости меня, Богородице! много согрѣшилъ предъ Тобою, и осквернилъ Твой святыи жребіи скверными моими ногами. Прости меня, Владычице, и благослови! Уже жить больше во Твоемъ жребіи не буду, и святой Горы Аѳонской не увижу, и ходить по ней не стану.—Потомъ лобызалъ чудотворную икону, и пошелъ въ путь. О, какъ растрогалъ свое сердце помыслами, что послѣдній уже разъ

иду по святой Горѣ Аѳонской! И всю дорогу горько плакалъ. Трудно разлучаться со жребіемъ Царицы Небесной, иноческимъ царствомъ, съ прекрасной пустыней аѳонской! Пришедши въ монастырь, спросилъ игумена, можно ли сходить въ Русскій монастырь на освященіе храма. Онъ же сказалъ, что за-утро въ путь будемъ отправляться. Однако, 22 числа не отправились.

102. 23 числа отправились въ путь, въ самый тотъ день, въ который освящали соборный русскій храмъ Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца. И поѣхали мы верхами на мулахъ до града Солуня, сухимъ путемъ, на семи мулахъ съ провожатыми. И ѣхали четыре дни высокими горами и великими лѣсами, и много миновали селъ христіанскихъ; и вездѣ насъ греки ласково принимали и угощали.

103. Послѣдній день ѣхали по ровному и чистому полю: въ правой рукѣ, недалече, оставался великій греческій монастырь святой Анастасіи.

104. На четвертый день къ вечеру пріѣхали въ славный и великій градъ Солунь, прямо на Есѳигменское монастырское подворье; и проживали въ Солуни двой сутки, и много по нему ходили, и много видѣлъ я древнихъ зданій; но узнать всего не могъ: потому что мало время проживали. Были подлѣ церкви, гдѣ почиваютъ мощи святаго Великомученика Димитрія Солунскаго; нынѣ она обращена въ турецкую мечеть. Во-внутрь зайти не удостоились, и поклониться гробу святаго Димитрія не сподобились, потому что не вовремя пришли; а въ другое время турки христіанъ пускаютъ поклоняться гробу святаго Димитрія.

105. Подъ общаго Аеонскаго подворья есть одна мечеть весьма древняя, круглая, на-подобіе столба, и весьма великая, со многими комнатами. Сказывали мнѣ монахи, что этотъ храмъ выстроенъ за-много лѣтъ до Христа. До лѣтъ Царя Константина Великаго былъ идольскимъ храмомъ, и въ немъ многіе мученики сокрушали идоловъ. Константинъ Великій обратилъ его въ христіанскую церковь, и освятилъ во имя святаго Великомученика Георгія. Потомъ греческими царями отданъ былъ Аеонской Горѣ, и при немъ было аеонское подворье, и всегда проживали при немъ аеонскіе отцы, и ежедневно приносили безкровную жертву единому Всевышнему Господу Богу, и существовалъ даже до взятія турецкаго. Турки обратили храмъ въ свою мечеть, которая и до-днесь существуетъ; въ нее со всѣхъ странъ подѣланы врата, а нынѣ нѣкоторыя закладены. Еще ходили смотрѣть прежде бывшую церковь святаго Софіи: велика и прекрасна, но нынѣ обращена въ мечеть.

106. До-днесь въ Солуни существуетъ греческихъ православныхъ церквей до тридцати, только безъ куполовъ, крестовъ, и безъ звоновъ. Въ Солуни всегда живутъ Митрополитъ и Епископъ. Въ митрополіи предпочитаютъ на вскрытіи святаго мощи Свят. Григорія Паламы. Градъ Солунъ весьма великъ и многолюденъ; кругомъ обведенъ крѣпкою каменною стѣною, землянымъ валомъ и рвомъ. Постройка — деревянная, пополамъ съ камнемъ, и смазанная глиной; улицы не очень узки.

107. 28 числа сѣли на парходъ, и отправились въ Константинополь, и полетѣли яко птицы. Отъ Аеонской Горы до Солуни ѣхали четыре дня, а отъ Со-

луня до Аѳонской Горы летѣли восемь часовъ. Хотя и мимо шли, но видѣть ее не сподобились, потому что прошли ношю. Въ правой рукѣ виднѣлась, на азіатскомъ берегу, славная гора Олимпійская; а въ лѣвой рукѣ оставались полуострова: Кассандра, Сика и святая Гора Аѳонская, и острова: Тасъ, Самоеракъ, Имбро и Лимнось. Всего отъ Солуня до Константинополя шли только сорокъ часовъ. Прошли два моря, Архипелагъ и Мраморное, и Дарданельскій проливъ. *Кто Богъ велий яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса.* Не имѣя ни одной копѣйки, пріѣхалъ вмѣстѣ съ купцами; еще и угощали на пароходѣ; за провозъ заплатили по двадцати два рубля съ человѣка. Прибыли въ Константинополь 30 ч. ноября, на память святаго Апостола Андрея Первозваннаго, въ шестомъ часу съ полунощи. Только пароходъ остановился, — сдѣлалась по всему Константинополю пушечная пальба; и мы испугались. Потомъ пріѣхали на пароходъ турки, и сказали, что у Султана родился сынъ. Дождавшись дня, поѣхали мы на каякъ на аѳонское подворье, и тамъ дали намъ лучшую комнату; а игумена нашего Агаангела Патріархъ къ себѣ взялъ въ патріархію; потому что Патріархъ Анеимъ — постриженникъ аѳонскій, Есфигменскаго монастыря. Поелику Россійскій Святѣйшій Синодъ Патріарху сдѣлалъ еще запросъ: то намъ надобно было дожидаться обороту, и проживать въ Константинополѣ мѣсяца четыре или пять.

108. И стали въ Константинополѣ проживать, и ежедневно по немъ ходить и разсматривать. Въ одинъ день игумень, пришедши отъ Патріарха, сѣлъ подлѣ меня, и сталъ мнѣ говорить: « отче Паресій! Патрі-

архъ хочетъ тебя рукоположить во іеромонаха : достоинъ ли ты , или нѣтъ ?» Я ему отвѣтилъ : « Отче святыи ! какъ я грѣшный могу быть достоинъ таковаго сана ? Да и еще мнѣ старецъ не далъ благословенія—за границею принять хиротонію.» Игуменъ же сказалъ : « лишь бы великихъ грѣховъ не сотворилъ ; а то въ волѣ Патріарха.» Потомъ пошли къ Патріарху. Патріархъ сказалъ : « отецъ Парѣеній ! я тебя хиротонисаю во іерея : на Рождество Христово—во іеродіаконъ , а на Православіе — во іеромонаха.» Я ему отвѣтилъ : « Ваше Святѣйшество ! старецъ мнѣ не далъ благословенія—за границею принять хиротонію.» Патріархъ сказалъ : « это все едино , что въ Россіи : отпуская тебя въ Россію , дамъ тебѣ свидѣтельство ; по окончаніи сбора , ежели захочешь , то тамъ и останешься ; я дамъ тебѣ благословеніе.» Я поклонился , и сказалъ : « буди воля Господня и ваша , Святѣйшій Владыко ! » Патріархъ велѣлъ мнѣ сходить къ духовнику , и готовиться. Пришедши въ свою квартиру , я возвелъ свои душевныя очи ко Всевышнему , моему Творцу и Создателю , да устроить меня по Своей святой волѣ : аще на пользу души моей хиротонія , то да устроить ; аще не на пользу , то да разрушить самъ , якоже знаетъ ; а я , яко человекъ подначальный , противиться Патріарху не могу. Потомъ сходилъ къ русскому духовнику. Предъ Рождествомъ Христовымъ , въ субботу , въ патріаршей церкви причащался святыихъ Тайнъ.

109. Причастниковъ было много , такъ что всю утреню и Литургію , и послѣ Литургіи , изъ придѣловъ запасными дарами причащали народъ. Вотъ сколько греки усердны ко Святой Христовой Церкви ! У нихъ

каждый христіанинъ обязанъ необходимо причастить-ся четырежды въ годъ.

110. Предъ праздникомъ Рождества Христова, сошлись со всего Константинополя бѣдные нищіе, сироты и вдовицы, въ патриаршій монастырь къ своему отцу и пастырю, Святѣйшему Патриарху. И ихъ всѣхъ собрали въ церковь, а потомъ по одному выпускали, и каждому выдавали по пяти левовъ, то-есть по рублю, и по литрѣ сыру; и было нищихъ не одна тысяща. Были и вдовицы съ малыми дѣтьми, и не только были одни христіане, но и турковъ и туркинь и прочихъ вѣръ было много, и была какъ великая ярмарка, и всѣ получали и радовались, и благодарили Святѣйшаго Патриарха, что всѣхъ утѣшилъ ради великаго праздника; и отходили, прославляя Господа Бога, Иисуса Христа. И я, смотря на сей благій обычай, не могъ удерживаться отъ слезъ, и ублажалъ Святѣйшаго Патриарха, какъ онъ для наступающаго праздника, Рождества Христова, утѣшалъ всѣхъ бѣдныхъ и нищихъ, а во образѣ нищихъ самого Господа Иисуса Христа.

111. Потомъ были *Царскіе Часы*: присутствовалъ самъ Патриархъ. Стихиры пѣли по клиросамъ съ канонархомъ на-распѣвъ. На каждомъ часѣ по одной стихирѣ пѣлъ самъ Патриархъ, одинъ съ канонархомъ. Многолѣтіе вычитывалъ канонархъ, на девятомъ часѣ, среди церкви. Потомъ вечерня и Литургія, святаго Василія Великаго, были торжественны. Патриархъ съ Митрополитами стояли на своихъ каедахъ, а Литургію служилъ одинъ іеромонахъ съ діакономъ. Антидоръ раздавалъ самъ Патриархъ. Вечеромъ повѣстили всѣмъ христіанамъ отъ самого Султана фирманъ, что

въ двѣнадцатомъ часу ночи отворятся по всему Константинополю врата, и каждому вольно идти въ церковь, только чтобы былъ на три человѣка фонарь, а то будутъ взяты на гауптвахту. Въ самую полночь раздастся по всѣмъ улицамъ звукъ: воспѣли церковные пономари радостную пѣснь громкимъ гласомъ: «*Днесь Христосъ родися, и радость всему міру явися! Православные христіане, пожалуйте въ Божию церковь!*»

112. Отворили всѣ градскія врата; во всякихъ вратахъ стала военная стража. Наполнились всѣ улицы народомъ, освѣтились свѣтомъ множества фонарей. Мы посмотрѣли изъ окна на улицу, и ужаснулись: по улицѣ течетъ какъ огненная рѣка; больше шли въ патриаршую церковь, потому что въ этотъ праздникъ самъ Патріархъ будетъ служить Литургію. А онъ служить только четырежды въ годъ. Потомъ и мы пошли съ фонарями. Патріаршій дворъ и вся снаружи церковь освѣщены были плашками. Мы прошли прямо въ алтарь. Весь храмъ освѣщенъ былъ множествомъ люстръ и лампадъ и свѣщей, и уже былъ наполненъ множествомъ народа.

113. Потомъ пришелъ Патріархъ со всѣми Митрополитами; и встрѣтили его на паперти Архимандритъ, Протосинкелъ съ крестомъ и семь діаконовъ съ кіріями; и пѣвцы запѣли: *Слава въ вышнихъ Богу!* и проч. Патріархъ съ Митрополитами прикладывался въ то время ко всѣмъ иконамъ. Потомъ стали каждый на своей каѳедрѣ. Патріархъ благословилъ народъ на всѣ четыре страны. Потомъ начали всенощное бдѣніе, и продолжалось по уставу. «*Хвалите имя Господне*» пѣли, всѣ три псалма, на-распѣвъ, по стихамъ. Евангеліе читалъ Патріархъ на каѳедрѣ. Каноны всѣ

пѣли на гласъ. Когда начали пѣть « *хвалите Господа съ небесъ* » всѣ три псалма по стихамъ, тогда Митрополиты по-двое подходили къ Патріарху, и поклонялись и лобызали его руку, и входили въ алтарь и облачались; а семь діаконовъ взяли все патріаршее облаченіе, и вынесли въ царскія врата, и облачили Патріарха на каедрѣ, торжественно, съ пѣніемъ. А одинъ Архимандритъ въ то время проскомидію совершалъ. *Славословіе великое* пѣли торжественно. По окончаніи утрени протодіаконъ возгласилъ: « Владыки, изъидите изъ алтаря! » Архіереи всѣ вышли царскими вратами во всемъ облаченіи, безъ митръ, а въ камлавкахъ; и поклонившись Патріарху, стали на своихъ каедрахъ. Потомъ, по обычаю, началась Литургія. Продолжалась Литургія весьма торжественно и великолѣпно: служилъ Патріархъ и четыре Митрополита, и шесть Архіепископовъ и два Архимандрита, — всѣхъ двѣнадцать, а тринадцатый Патріархъ, на-подобіе того, какъ у Христа было двѣнадцать Апостоловъ; и семь діаконовъ, на-подобіе какъ было у Апостоловъ семь діаконовъ. Съ великимъ входомъ шли только два Архимандрита и семь діаконовъ. Архіереи же съ Патріархомъ стояли, отъ самага престола и до амвона, лицомъ на западъ. И самый младшій Архіерей принялъ отъ діакона дискось съ Агнцемъ, обратился на востокъ, и возгласилъ: *Патріаршество твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!* Потомъ вторый Архіерей принялъ, и сотворилъ такожде; и такъ всѣ одинъ отъ другаго принимали, и Патріарха поминали. Патріархъ же стоялъ подлѣ престола лицомъ на западъ, главу имѣя весьма низко наклоненну. Отъ послѣдняго

Митрополита принималъ самъ Патріархъ, и вышелъ въ царскія врата, и поминалъ трехъ восточныхъ Патріарховъ, потомъ благочестивыхъ Царей, потомъ обратился на обѣ страны, и сказалъ: «*Архіерейство ваше да помянетъ Господь*, и проч. Потомъ поминалъ многія частныя лица, потомъ возгласилъ: *всѣхъ васъ православныхъ христіанъ да помянетъ*, и проч., и потомъ поставилъ дискось на престолъ. Такжеде творили и съ потиромъ, и потомъ отправляли по чину Литургію. Когда же пришло время причащаться, то прежде Патріархъ самъ причастился, потомъ причащаль Митрополитовъ и Архіереевъ, потомъ младшій Архіерей причащаль Архимандритовъ и діаконовъ. По Литургіи, самъ Патріархъ раздавалъ антидоръ. Такъ совершилось великое торжество праздника Рождества Христова въ Константинопольской Патріаршей великой церкви. Продолжалась вся служба девять часовъ.—Но Патріархъ своего обѣщанія не исполнилъ, и въ діаконъ меня не рукоположилъ. Видно, Господь хочетъ со мною другое устроить на пользу души моей, и въ немощахъ моихъ совершить силу Свою.

114. По Литургіи, пришли мы въ свою келлію, изготовили себѣ пища, и потрапезовали. Потомъ огласились всѣ константинопольскія улицы звукомъ и гласомъ пѣнія. И я весьма удивился, что такое за многогласное пѣніе? Отворилъ окно, и еще болѣе удивился: ибо слышу со всѣхъ сторонъ много поющихъ гласовъ, мужескихъ и дѣтскихъ. И спросилъ я: «что это значитъ, что всюду поютъ?» Отцы мнѣ сказали: «это прославляютъ новорожденнаго Превѣчнаго Младенца Иисуса Христа и рождшую Его Пресвятую Дѣву Марію.» Потомъ пришла толпа, человекъ пятнадцать,

старыхъ и малыхъ , къ намъ подъ окно , стали противъ нашего подворья , перекрестились , и всѣ запѣли пріятными гласами , тенорами и басами . И мы всѣ отворили окна , и слушали : пѣли они весьма долго разныя стихотворенія , и прославляли рождагося Превѣчнаго Младенца Иисуса Христа и Богоматерь Дѣву Марію . Потомъ каждый вмѣ бросалъ деньги . И такъ безпрестанно подходили одни за другими . И продолжалось такое пѣніе три дня . Христіане не торговали . Подъ новый годъ (1847) была великая вечерня , и былъ за вечернею Патріархъ . Утреня и Литургія были торжественныя ; Патріархъ стоялъ на каедрѣ .

115. На св. Богоявленіе , вечеромъ по Литургіи , было великое стеченіе народа . Вечеромъ паки объявили всѣмъ отъ Султана фирманъ , что въ первомъ часу по полуночи отворятся всѣ врата , и вольно каждому идти въ церковь , только чтобы съ фонаремъ . И по полуночи , услышавши распѣваніе пономарей , созывающихъ въ церковь на молитву , паки весь народъ пошелъ въ церкви , паки всѣ улицы освѣтились огнями . Потомъ и мы пошли . Была утреня и Литургія торжественная . Литургію служилъ одинъ Архимандритъ съ іеродіакономъ ; а Патріархъ съ Архіереями стояли на своихъ каедрахъ . По Литургіи было освященіе воды : освящалъ самъ Патріархъ . Литургія окончилась еще до свѣту .

116. И такъ проводилъ я великіе праздники въ радости и веселіи ; но паки готовились мнѣ скорби . Послѣ Богоявленія , въ скорости , въ одинъ день приходитъ игумень Агаѳангель изъ патріархіи , и сказалъ мнѣ : « отче Парвеній ! прости насъ , что мы тебя

обманули: мы тебя съ собой въ Россію не возьмемъ.» Я спросилъ : « почему такъ, отче св.?» Онъ же мнѣ сказалъ : « Весь соборъ мнѣ сказалъ , что тебя взять никакъ невозможно: потому что ты не нашего монастыря постриженникъ. Ты теперь говоришь, что останешься въ Россіи ; а когда случится , что много насобираемъ, тогда ты передумаешь , и паки приѣдешь во Св. Гору ; тогда ты свою часть возьмешь въ свой монастырь. Потому никакъ нельзя взять; и Патріархъ такъ сказалъ.» Я ему сказалъ : Отче св. ! что же я теперь буду дѣлать ? У меня денегъ нѣтъ ни одной копѣйки.» Онъ же мнѣ отвѣтилъ : « иди обратно въ св. Гору Аѳонскую; когда я тебя вывезу оттуда , то паки на свой счетъ представлю въ Св. Гору.» Я ему сказалъ : « я бы со всею радостію возвратился во св. Аѳонскую Гору, только ежели бы Святѣйшій Патріархъ разрѣшилъ моего старца завѣщаніе , и я былъ бы спокоенъ совѣстію.» Игуменъ же сказалъ : « пойдемъ къ Патріарху : онъ тебѣ разрѣшитъ и благословитъ въ Св. Гору.»

117. Пошли къ Патріарху. И пришедши, взяли благословеніе. Патріархъ же сказалъ мнѣ : « иди, старче, иди въ св. Аѳонскую Гору, и тамъ спасайся.» Я ему отвѣтилъ : « Ваше Святѣйшество ! аще Вы разрѣшите старца моего завѣщаніе , то съ радостію возвращусь въ св. Гору Аѳонскую, и буду спокоенъ.» Патріархъ спросилъ : « какое завѣщаніе?» Я сказалъ, что старецъ мой, духовный отецъ, благословилъ мнѣ идти въ Россію , а самъ умеръ. Патріархъ же сказалъ : « Когда старецъ умеръ, то азъ разрѣшитъ тебѣ этого завѣщанія не могу; иди куда посланъ. Ежели бы онъ былъ живъ, то бы я ему послалъ письмо , чтобы онъ тебя

9*

разрѣшилъ; а теуерь твое дѣло кончено; разрѣшить тебѣ этого никто не можетъ. Ты знаешь ли? Одинъ старецъ послалъ ученика своего на нѣкое особое послушаніе, и не далъ ему благословенія хлѣба ѣсть, пока не окончитъ назначеннаго дѣла. Ученикъ пошелъ, а старецъ безъ него умеръ. Пришедши и увидѣвши старца мертваго, ученикъ не осмѣлился ѣсть хлѣбъ безъ благословенія старца. Послѣ онъ ходилъ къ самому Патріарху, но и Патріархъ съ соборомъ не разрѣшили ему, чтобы онъ хлѣбъ ѣлъ; а благословили ему питаться овощіемъ (*). Такъ и ты, хотя бы и подлинно зналъ, что на Черномъ морѣ потонешь, види: мученикъ будешь.» Я ему отвѣтилъ: « Ваше Святѣйшество! съ чѣмъ я пойду? Не имѣю ни одной копѣйки денегъ.» Патріархъ сказалъ: « поживи здѣсь, подожди; Богъ тебя не оставитъ, дастъ тебѣ денегъ; а на хлѣбъ игумень будетъ давать.» Потомъ игумену сказалъ, чтобы мнѣ на хлѣбъ давалъ денегъ.

118. Когда мы пришли на подворье, то игумень съ своими меня отъ себя отдѣляли, и дали мнѣ келлію одному, въ нижнемъ этажѣ. И сталъ я проживать, яко птица, ни о чемъ не пекущися, и въ совершенномъ нестяжаніи, не имѣючи ни денегъ, ни хлѣба, по только полагаалъ всю свою надежду на единого истиннаго Господа Бога моего; кому Господь Богъ по сердцу положить, — подастъ кусокъ хлѣба мнѣ страннику. И благодарю Господа Бога моего за Его великія милости, взліянныя на мя грѣшнаго: хотя

(*) Видится, Патріархъ сказывалъ то, что пишется въ 33 огласит. поученіи препод. Феодора Студита.

русскихъ не было ни единого, но былъ всѣмъ потребамъ тѣлесными доволенъ и презобилень, не только что хлѣбомъ и водою, но чего моя душа желала. Спаси ихъ Господи!—греки не оставляли меня; игумень Агаѳангель давалъ мнѣ на хлѣбъ, и прочіе аѳонскіе отцы всѣ меня миловали и награждали, кто пищею, кто деньгами, кто углями для нагрѣванія келлія; и всегда у меня въ келлія стоялъ манголь съ огнемъ, и прочіе приходили ко мнѣ грѣться; и говорили: «у отца Парѳенія денегъ хотя и нѣту, но его Богъ лучше всѣхъ насъ согрѣваетъ; еще и насъ богатыхъ своимъ тепломъ надѣляетъ.» Такъ я проводилъ зиму; и ежедневно по Константинополю прохаживался, ходилъ къ Живоносному источнику, иногда на Галату, иногда къ св. Софіи; и ежедневно приметался въ дому Божиємъ, ходилъ въ св. церковь къ утрени и Литургіи; болѣе ходилъ въ Патріаршую церковь, а къ вечерни, гдѣ случится. Но когда къ вечеру прихожу въ свою келлію, всегда имѣю приготовлену пищу и манголь съ горящими углями.

119. Любилъ я часто ходить провожать усопшія тѣла православныхъ христіанъ, грековъ. Тамъ вынось тѣла бываетъ въ два часа по-полудни съ великою церемонією: всегда бываетъ Архіерей, и провожаетъ изъ дому до церкви; всѣ бываютъ со свѣчами. Призываются изъ училищъ мальчики, надѣваютъ одежду на-подобіе стихарей, изъ синей матеріи; подпоясываются бѣлыми широкими поясами, и держа въ рукахъ великія свѣщи, идутъ впередъ по-два въ рядъ. Въ церкви зажигаютъ всѣ паникадила, и раздаются всѣмъ свѣщи, и всегда бываетъ великое стеченіе народа. Поютъ погребеніе медленно, и каждому бываетъ

надгробное слово: иногда говоритъ самъ Архіерей, а иногда іеродіаконъ. По отпускѣ, во вратахъ ограды каждому даютъ по бѣлому сухарю и по кренделю, подносятъ по стакану краснаго винограднаго вина и по большой ложкѣ сладкаго колива; даютъ и денегъ, по состоянію умершаго. Впереди несутъ великій за- престольный крестъ и двѣ рипиды, и всегда бываетъ много священниковъ и самъ Архіерей, и много пѣв- цовъ. Поютъ «*Святый Боже*» сладкогласно, и далеко по улицамъ раздается гласъ пѣнія: потому что улицы узки, а дома высокіе. Изъ христіанскихъ домовъ, изъ верхнихъ этажей, жены кропятъ розовой благоухан- ной водой гробъ и весь народъ, и отъ того бываетъ великое благоуханіе.

120. Въ одинъ день прохаживался я по Константи- нополю, и попались мнѣ русскаго племени казаки, Некрасовцы, съ Мраморнаго моря, изъ села Майно- сы. Я сказалъ: «здравствуйте, казаки!» Они отвѣ- тили: «здорово, батюшка! знать, ты русскій?» Я ска- залъ: «русскій.» Они спросили: «а что ты, батюшка, не священникъ ли?» А я шутя сказалъ: «священ- никъ.» Они сказали: «приди-ка ты, батюшка, къ намъ на кунакъ (постоялый дворъ); нужно бы намъ съ тобой поговорить»; и сказали мнѣ свою квартиру. Я обѣщался къ нимъ побывать.

121. Послѣ, я пришелъ къ нимъ, и началъ ихъ спрашивать: «какъ они живутъ, и что имѣютъ?» Они отвѣчали: «мы, батюшка, у себя много имѣемъ благо- дати.» Я спросилъ: «какую же вы имѣете благодать: Патріархъ, что ли, у васъ есть?» Они отвѣчали: «нѣтъ у насъ Патріарха.» Я еще спросилъ: «что же, развѣ Епископа имѣете?» Они отвѣтили: «нѣтъ у насъ

Епископа.» Я еще спросилъ: «что же, развѣ священника имѣете?» Они отвѣтили: «былъ у насъ и священникъ, да померъ; теперь нужно бы намъ священника.» Я еще спросилъ: «что, развѣ имѣете церковь?» Они же отвѣчали: «у насъ церкви нѣтъ, а только имѣемъ четыре часовни.» Я еще спросилъ: «что же, развѣ св. мощи имѣете?» Они отвѣчали: «нѣтъ, мы мощей не имѣемъ; не знаемъ, какія и мощи.» Я еще спросилъ: «какую же вы имѣете благодать, когда вы не имѣете ни Патріарха, ни Епископа, ни церкви, ни священниковъ, ни св. мощей?» Они же отвѣчали: «мы, батюшка, имѣемъ святыя старинныя книги, уже не по одной тысящи лѣтъ: еще наши старики сами изъ Россіи вывезли; наши книги отъ самого св. Іосифа.» Я сказалъ: «отъ Іосифа Патріарха всего прошло только двѣсги лѣтъ, да и Россія приняла крещеніе только восемьсотъ лѣтъ.» Они же отвѣчали: «мы вашего Патріарха Іосифа не знаемъ; а мы книги имѣемъ отъ того Іосифа, который былъ Богородицѣ обручникъ.» Я спросилъ: «а давно ли вы ушли изъ Россіи?» Они же отвѣтили: «давно, батюшка, уже не одна тысяща годовъ, еще при Царѣ Петрѣ I-мъ.» Я спросилъ: «а что, есть у васъ въ Майносѣ кто васъ умнѣ?» Они же отвѣтили: «мы не знаемъ; а только мы первые старшины въ обществѣ: избрали насъ отъ всего общества, и послали къ Султану по общественнымъ дѣламъ; стало быть, умнѣ насъ не нашли.» Я покачалъ головою, а самъ горько заплакалъ, и начаъ имъ говорить: «Любезные мои братія, куда вы зашли, куда вы забрели? До какого крайняго безумія вы дошли, что и сами не знаете, чему вѣруете, и кому послѣдуете? И заблудили вы,

заблуждшія овцы, безъ пастыря: мірскіе вашему безумію смѣяться будутъ, а мы, иноки, о вашей гибели горько плачемъ, да и плакать не престанемъ, доколѣ васъ Господь обратитъ на путь истинный.» Они же больше слушать не стали, и сказали: «Насъ учить нечего; уже мы вѣры не перемѣнимъ, какая она есть; въ томъ и помремъ, въ чѣмъ родились; только плохо, что у насъ попа нѣтъ, некому вѣнчать браки. Мы думали, что ты къ намъ пойдешь.» И пошли вонъ, а я ушелъ къ себѣ.—Трудно обратить человѣка отъ заблужденія; самъ Господь сказалъ: *никтоже можетъ прійти ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его* (Іоан. 6, 44).—Послѣ стали уже отъ меня бѣгать.

122. Многожды мнѣ случалось видѣть Султана, какъ по пятницамъ въ парадѣ ходитъ въ мечеть, сопровождаемъ множествомъ воинства и съ музыкой.

123. Января 30-го, въ Константинополѣ торжественно праздновали праздникъ трехъ Святителей: Василя Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Когда наступила недѣля сырная, и въ одинъ день прохаживался я по Галатѣ, то вдругъ увидѣлъ одного русскаго, и спросилъ его: «откуда и куда идетъ?» Онъ же отвѣтилъ, что идетъ изъ Россіи въ Іерусалимъ. Я спросилъ: «много ли васъ?» Онъ отвѣтилъ: «трое: двѣ женщины, да я одинъ мужчина.» И они мнѣ дали денегъ тридцать рублей, — спаси ихъ Господи! На эти деньги могъ я выправить себѣ фирманъ, только уже въ постъ. Такъ утѣшилъ меня Господь на сырной недѣлѣ, и провождалъ я сырную седмицу въ радости и веселіи. Въ сію седмицу великъ былъ во градѣ шумъ и много соблазновъ; но мы

больше приметались въ дому Божіемъ. Въ субботу была великая вечерня; по-утру въ воскресенье — утреня и Литургія; и по всѣмъ церквамъ великое было стеченіе народа.

124. Въ тотъ день по всѣмъ церквамъ читали патриаршее приказаніе, чтобы воздержались отъ пьянства и роскошества, а приготовлялись къ посту. И греки оказались послушны своему архипастырю, Святейшему Патриарху: что онъ сказалъ, то и сдѣлали. Послѣ Литургіи, въ воскресенье, по всему Константинополю все затихло и умолкло. Къ вечерни мы пошли на Галату въ Николаевскую церковь. Вошедши въ храмъ, вдругъ увидѣли странное явленіе: весь иконостасъ, рѣзба и злато, покрыты и обиты черною матеріею, также и всѣ кіоты; и архіерейская кафедра и всѣ подсвѣчники, люстры и паникадила, всѣ обложены черною матеріею. И нигдѣ отнюдь не видно было ни злата, ни иного чего блестящаго; но весь храмъ облеченъ якобы во вретнище, скорбигъ и плачетъ о грѣхахъ человѣческихъ, и вопіетъ къ народу, что пришли дни плача и раскаянія о грѣхахъ. Сей благій обычай по всѣмъ константинопольскимъ церквамъ наблюдается; и бываетъ такъ до Пасхи.

125. Наступила первая седмица св. Великаго поста, и по Константинополю все пріутихло, все пріуныло; отошелъ у грековъ праздникъ и гульба, и у турковъ не стало. И мы радовался, что проводили шумные дни, и дождались тихаго и пріятнаго времени, св. поста. На первой недѣлѣ поста я получилъ отъ Оттоманской Порты открытій фирманъ ѣхать прямо въ Россію: это стоило мнѣ болѣе двадцати руб. Но какъ скорбь: російское посольство мнѣ воспрепятствовало.

и велѣло мнѣ ѣхать въ Молдавію. Ежели въ Молдавію ѣхать, то на что мнѣ былъ фирманъ? Я бы могъ ѣхать и съ паспортомъ. Но такъ было Богу угодно.

Въ первую недѣлю поста, въ день Православія, служилъ самъ Патріархъ съ Митрополитами и Архіереями, такожде, какъ и на Рождество Христово; было великое стеченіе народа; но проклятія еретикамъ не было, потому что турки возбраняють.

126. Потомъ пришелъ я къ игумену Агаангелу, и показалъ ему фирманъ. Онъ же удивился, и спросилъ: «гдѣ денегъ взялъ?» Я сказалъ, что русскіе поклонники дали. Еще сталъ его просить, чтобы далъ мнѣ денегъ на дорогу, которыя обѣщался ему выслать. Онъ же съ любовію мнѣ далъ, сколько мнѣ нужно. Спася его Господи за его великія благодѣнія! Довезъ на пароходѣ до Константинополя, и здѣсь не оставлялъ; да еще награду далъ, и ни въ чемъ не отказывалъ.

127. Получивъ деньги, я пошелъ на корабль; и отправился въ путь, радующися и веселящися. Но не далеко отошли отъ пристани: остановились по причинѣ противнаго вѣтра. Потомъ паки пошли, и паки остановились на мѣстѣ, называемомъ Арнаутка.

128. Тамъ стояли мы двѣ седмицы, за противнымъ вѣтромъ. Тамъ есть двѣ церкви православныхъ: одна — во имя Преображенія Господня, а другая — во имя св. Пророка Іліи. Сія Ильинская церковь столь велика и богата, что во всемъ Константинополѣ другой такой не случилось видѣть: болѣе Патріаршей. Нигдѣ не видалъ по Константинополю иконъ въ серебряныхъ окладахъ: а здѣсь весь иконостасъ, мѣстныя иконы, копъ осмнадцать въ-рядъ, всѣ въ серебря-

ныхъ окладахъ; еще много на столбахъ и на стѣнахъ иконъ въ окладахъ. И ежедневно бываетъ такое стеченіе народу, что церковь всегда полна; и весьма строго наблюдаютъ церковный чинъ и порядокъ: избраны нарочитые старики, которые безпрестанно ходятъ по церкви и наблюдаютъ чинъ. При сей церкви живетъ Архіепископъ и святѣйшій Патріархъ Григорій, удаленный отъ престола. Въ этой церкви праздновалъ я третью недѣлю Великаго поста, крестопоклонную. Крестопоклоненіе было торжественное. Когда прикладывались ко кресту, Архіерей раздавалъ изъподъ креста по цвѣтку, а діаконъ каждаго кропилъ розовой водою, исполненною благоуханія.

129. У грековъ по всему Константинополю сохраняется такой благій обычай. Каждую недѣлю Великаго поста, въ пятокъ вечера бываетъ великое стеченіе народу по всѣмъ церквамъ; убираютъ и украшаютъ, разными цвѣтами и пеленами, икону Богородицы, которая стоитъ подлѣ царскихъ вратъ, и вѣшаютъ предъ нею много лампадъ съ елеемъ; ставятъ по обѣ стороны иконы по подсвѣчнику, зажигаютъ много свѣчъ, и зажигаютъ по всему храму паникадила, люстры и лампы. И приходитъ въ церковь самъ Патріархъ или Епископъ. Потомъ читаютъ малое повечеріе; послѣ «*Върую*» поютъ канонъ Похвалы Богородицы весь на-распѣвъ весьма торжественно. По шестой пѣсни поютъ кондакъ «*Взбранной воеводѣ*» самымъ протяжнымъ умильнымъ гласомъ; въ то время два діакона кадятъ св. иконы и весь народъ; у грековъ обычай такой: каждаго человека кадятъ. Потомъ Архіерей сходитъ съ кафедры, и предъ иконою Богородицы читаетъ три

кондака и три икоса; два діакона кадятъ икону, а концы «*радуйся невѣста неневѣстная*» и «*аллилуїа*» припѣвають протяжнымъ гласомъ. Потомъ паки — «*Взбранной воеводѣ.*» Потомъ допѣвають послѣднія пѣсни канона, потомъ «*Достойно*» и проч. Молитву «*нескверная неблазная*» читаетъ чтець, предъ иконою Богородицы, на гласъ умиленно; по окончаніи ея переходитъ на другую сторону предъ икону Спасителя, и читаетъ на гласъ молитву: «*и даждь намъ, Владыко.*» И тако продолжается сія служба болѣе двухъ часовъ. Потомъ прикладываются всѣ къ иконѣ. И такъ въ четыре пятка прочитывается весь акаѳистъ. А на пятой недѣлѣ, подъ субботу, съ вечера, бываетъ стояніе весьма торжественное.

130. Еще есть у грековъ похвалы достойный и строго соблюдаемый слѣдующій обрядъ, или обычай: подъ великій пятокъ, въ нощи, на столпіи, по прочтеніи пятого Евангелія, всѣ держатъ въ рукахъ непогашенныя свѣщи, и внутри храма, позади столбовъ, бываетъ лѣтїя, или малый крестный ходъ. Духовенство все въ облаченіи; несутся хоругви впередъ съ фонарями; мальчкы идутъ въ стихаряхъ съ подсвѣчниками; старшій священникъ несетъ великій крестъ, по сторонамъ идутъ два священника: одинъ несетъ икону Божіей Матери, а другой икону Іоанна Божьего слова. Священники поютъ въ то время стихирю, *гласъ шестый*: «Днесь виситъ на древѣ, Иже на водахъ землю повѣспыи: вѣнцемъ отъ терніа облагается, Иже Ангеловъ Царь: въ ложную багряницу облачается, Одѣваяя небо облаки: заушеніе прїять, Иже во Іорданѣ свободивый Адама: гвоздьми пригвоздися Женихъ церковный: копїемъ прободеса Сынъ Дѣвы.

Покланяемъ страстемъ Твоимъ, Христе. Покланяемъ страстемъ Твоимъ, Христе. Покланяемъ страстемъ Твоимъ, Христе. Покажи намъ и славное Твое Воскресеніе.» Сія стихира писана по пятомъ Евангеліи въ Тріоди Постной. То-же повторяютъ пѣвчіе. Потомъ становятъ крестъ, посреди церкви, и иконы Богородицы и Іоанна Богослова. Потомъ подходятъ и покланяются кресту и иконамъ, творя по два поклона земныхъ, и цѣлуютъ крестъ и иконы; потомъ еще поклонъ земный, и отходятъ каждый въ свое мѣсто.

131. Простоявъ у Арнаутки двѣ недѣли, отправились; и отойдя версть десять, паки стояли десять дней. На томъ предмѣстіи три церкви: первая — Преображенія Господня, вторая — Успенія Богородицы, третья — Святителя Николая: туда ходили мы къ службѣ, къ утрени, часамъ и вечерни. Потомъ подулъ вѣтеръ благополучный, и мы пошли въ путь. Но только стали выходить изъ Константинопольскаго пролива въ Черное море, — вдругъ подулъ паки сѣверовосточный сильный вѣтръ; и мы, а съ нами болѣе ста кораблей, всѣ воротились въ проливъ, и пристали къ предмѣстію, называемому Буюкдере, гдѣ всѣ европейскіе посланники имѣютъ лѣтніе дворцы. Тамъ и русскаго посланника лѣтній дворецъ съ церковію. Здѣсь есть и греческая церковь. Здѣсь мы стояли недѣлю.

132. Въ среду, на пятой недѣлѣ, поѣхалъ я, въ какюкъ, въ Константинополь, и сподобился отстоять великое стояніе въ знаменитой церкви Святителя Николая. Стояніе было съ вечера; великій канонъ не читали, но пѣли весь на гласъ съ канонархомъ; ночевалъ я на аѳонскомъ подворьѣ, и отцы много о мнѣ

сожалѣли, что такъ долго Богъ не даетъ пути. Поутру рано пошелъ на Галату, въ церковь Святителя Николая, и тамъ у русскаго духовника, Иеронима сербина, исповѣдался, и на Преждеосвященной причастился Святыхъ Тайнъ. Потомъ паки пошелъ на корабль, и пришелъ уже ночью. Отъ Галаты до Буюкдере восемь часовъ ходу. И такъ просидѣлъ я на корабль почти весь Великій постъ; а изъ Константинополя выйдти не могъ, и деньги почти всѣ истратилъ. Потомъ, на шестой недѣлѣ поста, поѣхалъ въ Константинополь, чтобы найдти случай совсѣмъ уѣхать на первомъ пароходѣ въ Молдавію, потому что Богъ знаетъ, когда корабль пойдетъ. Хотя денегъ не имѣю не только что на проѣздъ на пароходъ, но и на корабль: но положилъ надежду свою на Господа Бога, и пріѣхалъ паки на аѳонское подворье, и попросилъ игумена Агаѳангела, чтобы еще далъ мнѣ денегъ на пароходъ. Онъ еще далъ тридцать рублей, — спаси его Господи! Еще и прочіе помогли.

133. Недѣлю Ваій праздновалъ въ Патріаршей великой церкви, и сподобился получить *ваив* изъ рукъ самого святѣйшаго Патріарха. Позднюю Литургію стоялъ на Галатѣ, русскую, въ храмѣ Святит. Николая. Аѳонскіе отцы утѣшили меня своею трапезою.

134. Подъ понедѣльникъ, по всему Константинополю, у грековъ съ вечера было стояніе, и до часу съ полунощи не запирали градскихъ вратъ. Я стоялъ въ Патріаршей церкви. Тамъ былъ самъ Патріархъ, и читалъ шестопсалміе. «*Се Женихъ грядетъ въ полунощи*» пѣли цѣлый часъ; каѳисмы читали, а трипѣснецъ пѣли на-распѣвъ. Было великое стеченіе народа, и зажигались всѣ паникадила. Стояніе продол-

жалось шесть часовъ. Такое стояніе бываетъ во всю страстную седмицу, каждый день. Въ самую полночь вышли изъ церкви. И всѣ улицы освѣтились множествомъ фонарей. Вотъ греки какъ празднуютъ страстную седмицу, и прославляютъ имя Господа нашего Иисуса Христа, между поганыхъ турокъ! Воистинну, смиренные греки аще и въ неволѣ турецкой живутъ, да право имѣютъ благочестіе содержать. Утромъ, въ пять часовъ, начались часы, и была преждеосвященная Литургія. И былъ самъ Патріархъ. Потомъ пошелъ я къ духовнику посоветоваться: ибо желательно мнѣ было проводить св. Пасху въ Константинополь, а на второмъ пароходѣ, на Оуминой недѣлѣ, во вторникъ, отправиться. Но духовникъ такъ не благословилъ, а благословилъ отправиться на первомъ пароходѣ, и св. Пасху праздновать въ Молдавіи, въ городѣ Галацѣ. Я пошелъ и заплатилъ деньги за пароходъ сто семдесятъ пять левовъ, т. е. десять рублей серебромъ, и взялъ билетъ. Вечеромъ, подъ вторникъ, паки было по всѣмъ церквамъ стояніе. Я паки стоялъ въ Патріаршей церкви, и все также отправляли, какъ и въ понедѣльникъ.

135. Во вторникъ, по отпущкѣ преждеосвященной Литургіи, получилъ я послѣднее благословеніе отъ святѣйшаго вселенскаго Константинопольскаго Патріарха Анѳима, 1847 г., марта 18-го дня, простился со всѣми аѳонскими отцами, пошелъ на Галату, получилъ послѣднее благословеніе отъ духовника, и отправился на пароходъ, и въ первомъ часу по полудни пошли въ путь; и полетѣли, яко птицы. И простился я со славнымъ и великимъ градомъ Константинополемъ, въ которомъ прожилъ почти четыре мѣсяца.

136. И перелетѣли великое и страшное Черное море въ шестьдесятъ часовъ, и прибыли въ Молдавію, въ городъ Галацъ; здѣсь и праздновалъ св. Пасху, радуясь и веселяся. Теперь мнѣ прилично было воспѣвать: *Воскресенія день: просвьтимся людіе! Пасха, Господня Пасха! отъ смерти бо къ жизни и отъ земли къ небеси Христосъ Богъ насъ приведе, побѣдиую поущія.* И паки: *О божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего маса! съ нами бо не ложно обьщался еси быти до скончанія вѣка Христе, Егоже вѣрній утвержденіе надежды имуще, радуемся.* И какъ могъ я не радоваться и не веселиться, и не прославлять Господа Бога моего за Его неизреченныя чудеса? Ежели бы я прибылъ на корабль, то это было бы не дивно: потому что и бѣдныя ѣздить на корабляхъ; но то дивно, что не имѣя ни одной копѣйки, три моря переѣхалъ на пароходѣ во сто часовъ, подобно какъ трижды шагнулъ. Истинны Господни словеса: *невозможная у челоука, возможна суть у Бога.* Лук. 18, 27. И паки: *сила Моя въ немощи совершается.* 2 Кор. 12, 9. Поистинѣ, кто Богъ велий, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса!

137. Въ четвертокъ на Пасхѣ отправился въ городъ Яссы на коняхъ съ попутчиками. Только въ пути обуреваемъ былъ помыслами о томъ, какъ мнѣ одному ѣхать сухимъ путемъ въ дальнюю дорогу, до города Томска: пѣшему невозможно, потому что имѣлъ при себѣ нѣкія вещи, а коня не имѣю на что кунить; хотя и помогутъ родные, но одному никакъ невозможно ѣхать, горше пѣшаго. Но положился на Господа Бога моего: какъ Онъ самъ знаетъ, такъ да управить. Въ понедѣльникъ на Омвиной прибылъ въ

Ясы, прямо къ своимъ роднымъ. Имѣлъ я желаніе выѣхать въ Россію въ монашескомъ званіи, но російское консульство воспрепятствовало. Потомъ согласились со мною ѣхать въ Россію два по плоти родственника; но только были не готовы, а заняты мірскими дѣлами; и я дожидаясь ихъ два мѣсяца.

138. Въ сіе время я получилъ извѣстіе, что скончался отецъ Іоаннъ, пустынножитель, который мнѣ благословилъ идти въ Аѳонскую Гору, и предсказывалъ, что буду въ Іерусалимѣ, и много буду странствовать. Сей блаженный старецъ скончалъ свой путь, и достигъ тихаго пристанища, *идъже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни въздыханіе, но жизнь безконечная*. Много сожалѣлъ я, что видѣть его больше не сподобился.

139. Теперь почитаю за нужное сказать немного о Молдавіи. Молдавія есть сама собою княжество, имѣетъ свои права и законы, имѣетъ своего государя, или князя, въ подданствѣ Турціи, а подъ покровительствомъ Россіи; имѣетъ своего Митрополита, подлежащаго Константинопольскому вселенскому Патріарху. Природные молдаване всѣ — православные христіане, и строго наблюдаютъ правила св. Отца; всѣ повинуются своимъ пастырямъ и учителямъ церковнымъ; добръ помнятъ слова своего Спасителя: *слушай васъ, Мене слушаетъ*. Между молдаванами нѣтъ ни еретика ни раскольника. Богослуженіе совершаютъ на своемъ природномъ языкѣ. Но въ Молдавіи много и другихъ родовъ и вѣръ: много евреевъ, нѣмцовъ и венгровъ, много русскихъ, которые живутъ селами и по городамъ и по мѣстечкамъ; но рускіе всѣ раскольники разныхъ сектъ, зашедшіе изъ Россіи отъ Никона, Патріарха Московскаго, и во время

Императора Петра I-го. Молдаване весьма ими гнушаются ; и которые изъ раскольниковъ обращаются, тѣхъ они перекрещиваютъ, говоря, что отъ раскольниковъ невозможно ни единыя Тайны принять : потому что какъ у нихъ нѣтъ Епископовъ , у нихъ и нѣтъ ничего справедливаго ; а хотя у нихъ и есть попы, но бѣглые, отъ своихъ Епископовъ запрещенные, отъ Св. Соборной Апостольской Церкви отлученные ; и еще многіе у нихъ бываютъ самозванцы, да еще и св. миро не имѣютъ. Еще въ Молдавіи отъ западной церкви приходящихъ и присоединяющихся къ Св. Восточной Церкви всѣхъ перекрещиваютъ, и обливательнаго крещенія отнюдь не принимаютъ , и даже приходящихъ изъ Малороссіи весьма истязуютъ, не обливанъ ли кто въ крещеніи?

140. Молдавія къ востоку граничитъ съ Россією; отдѣляется рѣкою Прутомъ и Бессарабією. Къ сѣверу граничитъ съ Австріей, — сухая граница. Съ запада тянутся по всей Молдавіи высокія непроходимыя Карпатскія горы, покрытыя непроходимыми лѣсами. Съ юго-запада граничитъ съ Княжествомъ Валацкимъ, или съ Валахією. Съ югу граничитъ съ Турцією, отдѣляется рѣкою Дунаемъ. По всей Молдавіи ровнаго мѣста отнюдь нѣтъ. Впрочемъ , какъ горы Карпатскія непроходимы и къ житію человѣковъ неспособны : такъ Молдавскія горы удобны къ житію человѣкамъ. Почва земли самая хлѣбородная, камню отнюдь нѣтъ ; воды , источниковъ и рѣчекъ превзобильно ; довольно и лѣсовъ ; и вся Молдавія изобилуетъ хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, и пчеловодствомъ , а наиболѣе изобильна садами , виноградомъ, черносливомъ , яблоками , грушами, дулями, вишней,

черешней; земли вольной отнюдь нѣтъ, но — или господская или монастырская; жители живутъ на такой землѣ по контрактамъ. Господствующій языкъ у нихъ молдавскій.

141. По всей Молдавіи находится до трехсотъ монастырей, болѣе не самостоятельные, а принадлежать къ прочимъ монастырямъ; самостоятельныхъ же не болѣе шестидесяти монастырей. Монастыри значительные суть: первый монастырь Нямецъ, во имя Вознесенія Господня, въ которомъ жилъ великій старецъ Паисій Величковскій; и до-нынѣ въ немъ до осьмисотъ человекъ братіи; второй — женскій, называемый Варатикъ, до осьмисотъ монахинь; третій — женскій, называемый Агапіевъ: въ немъ до трехсотъ монахинь; четвертый — мужескій, Съкуль, до ста монаховъ; пятый — мужескій, Рышковъ; шестой монастырь — Слативъ. Сіи всѣ монастыри стоятъ при подошвѣ Карпатскихъ горъ. Еще есть монастырь Ворона, мужескій, во имя Рождества Богородицы; славится строгимъ своимъ общежитіемъ. Много есть скитовъ; живутъ самоизвольно, только подъ старцами, на аеонскихъ скитскихъ уставахъ.

142. Городъ Яссы — первый городъ всей Молдавіи, и столичный; въ немъ живетъ Князь и Митрополитъ. Внутри Яссы — семьдесятъ приходскихъ церквей, изъ числа которыхъ двадцать монастырскихъ; монастыри обнесены оградами каменными, но не самостоятельные: одни принадлежатъ Гробу Божію, въ Иерусалимъ; другіе св. Горѣ Синайской, иные св. Горѣ Аеонской, а иные Молдавской Митрополи. Самый главный монастырь — св. трехъ Святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; выстроенъ

изъ благаго камня рѣзбеннаго. Сей монастырь принадлежитъ св. Горѣ Аѳонской. Въ немъ, въ соборной церкви, на правой сторонѣ, въ серебряной рацѣ препочиваютъ св. цѣлокупныя мощи Преподобныя матери Параскевы, на вскрытіи, источаютъ неизреченное благоуханіе. Память ея празднуется октября 14-го числа. Когда бываетъ крестный ходъ, тогда носятъ мощи Преподобныя Параскевы въ рацѣ. Еще и второй славный монастырь—Голіевъ, во имя Вознесенія Господня, принадлежитъ св. Горѣ Аѳонской, монастырю Ватопеду. Въ монастырь Голіевъ находится чудотворная икона Богородицы. Здѣсь на колокольню проведена трубою вода извнѣ града, и проходитъ сквозь львовы уста, и оттуда трубами расходится на весь градъ. Еще великій монастырь—Митрополія, гдѣ проживаетъ Митрополитъ. Здѣсь, въ церкви св. Великомученика Георгія, стоятъ чудотворная икона Богородицы. Соборный храмъ вновь строится, — еще не доконченъ. Постройка города больше каменная, а улицы широкія, хотя и не по плану, но прямыя. Жители—разныхъ вѣръ, родовъ и языковъ. Господствующій народъ и языкъ есть молдавскій.

143. Часто городъ Яссы оглашается колокольнымъ звопомъ; ибо тамъ такой обычай: какъ кто помретъ, то ходятъ по церквамъ, и даютъ деньги, чтобы позвонили. Это бываетъ весьма часто. А къ вечернѣ, утренѣ и къ Литургіи, прежде ударяютъ въ доску, а потомъ въ колоколь.

144. Еще скажу, какъ въ Молдавіи бываетъ выносъ мертваго тѣла, чего во всемъ моемъ странствіи не случилось мнѣ видѣть. Въ назначенный къ погребенію день, сносятъ изъ всѣхъ церквей и монастырей

хоругви и фонари на дворъ умершаго, и сходится все духовенство; аще богатый, то приглашаютъ Митрополита, аще ли средній, то одного Епископа. Потомъ раздаются всѣмъ свѣщи съ платками, по состоянію умершаго: аще богатый, то больше свѣчи, и лучше платки; и бываетъ великое стеченіе народу; и готовятъ великіе коливы и хлѣбы,—три колива и три хлѣба; и несутъ каждый хлѣбъ и каждое коливо по четыре человѣка на носилахъ; и во вратахъ умершаго одѣляютъ всѣхъ деньгами, по состоянію умершаго, и провожаютъ по улицамъ, на-подобіе крестнаго хода, съ колокольнымъ звономъ, и оглашаются улицы пѣніемъ; поютъ на два хора. Причетники поютъ «*Святый Боже*» молдавскимъ языкомъ: «*Сфинте домнезеу, сфинте тари, сфинте фардеморте, милуешти нереной.*» А другой хоръ — на греческомъ языкѣ: «*Аііосъ о Θεосъ, аііосъ исхиросъ, аііосъ аванатосъ, елейсонъ имаъ.*» Нѣкоторые приглашаютъ и военную духовную музыку. Въ Молдавіи дороже становятся похороны, нежели свадьба.

145. Молдавская Митрополія имѣетъ подъ собою три епархіи: Яскую, Гугровскую и Бордюжинскую; но Епископы всѣ живутъ въ Яссахъ.

146. Наконецъ, Богъ послалъ мнѣ пенязей: наградили меня старые друзья. И спутешественники мои съ дѣлами управились; и мы выправили паспорта, я купилъ себѣ коня, и отправился въ путь, 28 числа мая, 1847 г. Прибывши въ городъ Кіевъ, прожили четыре дня, и сподобились приложиться ко святымъ мощамъ. По дорогѣ посѣтили Глискую общежительную пустынь, и въ ней прожили четыре дня; и сподобился я, недостойный, зѣсь причаститься святыхъ

Таинъ, Тѣла и Крови Христовыхъ. Потомъ прибыли во градъ Курскъ, а потомъ въ Воронежъ, и тамъ проживали четыре дня; и поклонился мощамъ Свяителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца. Потомъ миновали города: Тамбовъ, Пензу, Городище, Кузнецкъ, Сызрань; здѣсь переправились чрезъ великую рѣку Волгу, и потомъ миновали города Самару, Бузулукъ. Потомъ ѣхали шесть дней башкирами, татарами, и пріѣхали во градъ Уфу. Потомъ ѣхали шесть дней по мало проходимымъ мѣстамъ, лѣсами, Уральскими горами. Проѣзжали чрезъ желѣзные заводы, чрезъ Сивъ и Устья, и выѣхали на великій заводъ Златоустовскій, и здѣсь переѣхали Уральскій хребетъ, и въѣхали въ Сибирь. Потомъ миновали городъ Челябину, и прибыли въ городъ Шадринскъ. Здѣсь остался мой родной сопутникъ, и не захотѣлъ уже далѣе ѣхать. Итакъ Сибирью мы ѣхали двое при обозѣ.

147. Прибылъ же въ назначенное мнѣ отъ духовнаго моего отца и старца, іеросхимонаха Арсенія, мѣсто, во градъ Томскъ, 11 сентября, 1847 г. Пріѣхали еще по сухой дорогѣ и при теплой погодѣ. И такъ я переѣхалъ пять тысячъ верстъ, почти въ три мѣсяца, отъ Молдавіи до Томска. А отъ святой Горы Аѳонской до Молдавіи почти три тысячи верстъ. Въ проѣздѣ всего было одиннадцать дней, исключая стойки и проживанія. И пріѣхавши въ Томскъ, еще денегъ имѣлъ одинъ руб. сер. Теперь исполнилось предсказаніе старца Арсенія. Онъ сказалъ: что я пройду съ двѣнадцатью рублями двѣнадцать тысячъ верстъ: такъ и случилось; еще и осталось. Еще онъ говорилъ, что не устанутъ мои ноги отъ дальняго пути: такъ и сотворилъ Господь: три моря перелетѣлъ во сто часовъ,

на пароходѣ; сухимъ путемъ болѣе пяти тысячъ верстѣ переѣхалъ на конѣ, да еще и съ провожатыми. И только тогда шелъ пѣшій, когда наскучить сидѣть, и захочется ноги поправить. Еще онъ говорилъ, что не могутъ воспрепятствовать мнѣ злые люди, ни враги: такъ и случилось. Сколько было такихъ людей, которые мнѣ хотѣли преградить путь еще во святой Горѣ Аѳонской! Но ни чтоже успѣша. Были такіе въ Константинополь, что всѣ силы употребляли, чтобы воротить меня паки въ Аѳонскую Гору, и сдѣлать на-противъ опредѣленія старца Арсенія; отъ того и разстроили Патріарха и Синодъ, чтобы не взять меня игумену Агаѳангелу: но вмѣсто вреда сдѣлали въ мою пользу. Гдѣ теперь Агаѳангель,—не знаю. Не знаю—позволилъ ли ему Святѣйшій Россійскій Синодъ выѣхать въ Россію, или нѣтъ; а хотя и позволили бы, то не долженъ ли бы я съ нимъ пробыть два или три года? И такъ, когда бы я попалъ въ городъ Томскъ? А теперь Господь такъ устроилъ, что скорѣе я попасть невозможно. Хотя и проживалъ въ Константинополь четыре мѣсяца; но въ то время была зима: ни корабли ни пароходы въ Россію и Молдавію не ходили. Но когда пришла весна, то все нужное Господь послалъ, и тому Господь по сердцу положилъ, который ни одного слова не знаетъ по-русски. И такъ во всѣхъ немощахъ моихъ сотворилъ Господь силу Свою, и явилъ на мнѣ чудеса Своя. *Кто Богъ великій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяи чудеса! Съ нами Богъ! разумѣйте языцы, и покарѣйтеся, яко съ нами Богъ! Слава Ему Единому Всевышнему Богу!* Переплылъ я великія моря, и кончилъ дальній свой путь, который назначенъ былъ выше естества моего.

Теперь уже въ Сибири, теперь уже въ Томскѣ. Здѣсь Господь опредѣлялъ мнѣ нести крестъ свой. Прилично мнѣ теперь воспѣвать со Псаломникомъ, и горько плакать, когда вспомню св. Гору Аѳонскую. На рѣкахъ здѣсь сибирскихъ сажу и плачу, и горько рыдаю, ввсегда помянути мнѣ св. Гору Аѳонскую. О Господи, прости мя за дерзость мою, яко изнемогаю въ немощахъ моихъ! *Буди, Господи, милость Твоя на мнѣ, якоже уповахъ на Тя! Благословенъ еси Господи: научи мя оправданіемъ Твоимъ. Благословенъ еси Владыко: вразуми мя оправданіемъ Твоимъ. Благословенъ еси Святыи: прѣсвѣти мя оправданіи Твоими. Господи! милость Твоя во вѣкъ: длѣзь руку Твоею не презри. Тебѣ подобаетъ хвала, Тебѣ подобаетъ пѣніе. Тебѣ слава подобаетъ, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ: Аминь.*

148. Приближаясь къ городу Томску, я радовался, что кончаю дальній путь, назначенный мнѣ отъ старца моего, до двѣнадцати тысячъ верстъ; и думалъ, что, съ окончаніемъ моего двухлѣтняго изъ Св. Горы странствія и путешествія, окончатся всѣ мои скорби. Но сначала не оправдались мои предположенія и надежды. Десять мѣсяцевъ проживалъ я въ Томскѣ, въ мірскомъ домѣ, у одного добраго человѣка; и тяжело мнѣ сіе было послѣ проживанія въ благословенной святой Горѣ Аѳонской, посреде́ однихъ иноковъ. Но наконецъ, Господь послалъ мнѣ милость и утѣшеніе. Преосвященный Томскій, Аѳанасій, принялъ меня въ свой архіерейскій домъ, далъ мнѣ спокойную келлію, и сдѣлался мнѣ отцемъ и благодѣтелемъ. Шестъ лѣтъ онъ изливалъ на меня свои отеческія милости, ежедневно дѣлалъ мени, не потребнаго, соучастникомъ своей

трапезы, лелѣялъ меня, какъ свое любимое дѣтище, и весьма много времени проводилъ со мною въ бесѣдахъ.

149. При многократныхъ нашихъ разговорахъ, Владыка кое-что узналъ отъ меня о Востокѣ, и понудилъ меня описать многолѣтнее мое странствіе, хотя вкратцѣ, вмѣнивъ мнѣ сіе въ дѣло послушанія. Хотя я много и долго отъ этого дѣла отговаривался: но не могъ до конца противиться своему отцу и благодѣтелю, и принялся исполнять дѣло послушанія. Полтора года я писалъ свое сказаніе о путешествіи вчернѣ, и одинъ годъ переписывалъ набѣло: ибо Преосвященный не давалъ мнѣ много заниматься, чтобы мнѣ не повредить своего здоровья.

Еще, проживая въ Томскѣ, собралъ я во-едино изъ разныхъ книгъ слова и бесѣды разныхъ святыхъ Отцевъ на Господскіе и Богородичные праздники, на русскомъ языкѣ, всего болѣе осьмидесяти, въ двухъ книгахъ, и называлъ сіе собраніе *Торжественникъ*, который теперъ находится въ Геосиманскомъ скитѣ.

Еще составилъ книгу, въ трехъ частяхъ, въ которой собраны повѣствованія о разныхъ особенно замѣчательныхъ вещахъ и случаяхъ, мною видѣнныхъ и слышанныхъ.

150. Въ первые годы проживанія моего въ Томскѣ, познакомились со мною два юноши изъ купцовъ, оба Григоріи, возгорѣвшіе любовію ко Господу. Два года ежедневно приходили они ко мнѣ въ келлію; потомъ, воспламенившись до конца любовію къ Господу Богу, не захотѣли болѣе жить въ Томскѣ въ своихъ домахъ, а взявши отъ общества увольненіе, пошли въ Россію. Пришедши въ Кіево-Печерскую Лавру, тамъ

остались на жительство, и стали въ подвигахъ подражать кievскимъ Чудотворцамъ. Сии два Григорія, живши въ Томскѣ, много чуднаго слышали о подвигахъ и жизни блаженнаго старца Данила, и ходивши въ Иркутскъ на поклоненіе Святителю Иннокентію, сами были въ Ачинскѣ и деревнѣ Зердалахъ, гдѣ препровождалъ жизнь старецъ Данилъ, и были въ его келліи, подобной гробу или могилѣ. Въ 1852 году, изъ Кіева они писали мнѣ нѣсколько писемъ, и усиленно просили, чтобы, пока живы современники и самовидцы старца Данила, собралъ я свѣдѣнія о его жизни, и прислалъ имъ. Но я, ово отказывался, ово молчалъ: потому что боялся приняться за это дѣло безъ Божія на то извѣщенія. Хотя я и самъ много слышалъ великаго и удивительнаго о старцѣ Данилѣ, но отлагалъ до времени писать о немъ что-либо. Но получая безпрестанныя и усиленныя просьбы и даже повужденія, какъ отъ обоихъ Григоріевъ, такъ и отъ другихъ многихъ людей, собрать свѣдѣнія о жизни старца Данила, все это я принялъ за Божіе извѣщеніе, и въ 1853 году началъ спрашивать о немъ, письмами, тѣхъ, которые его лично знали и были ему близки; а въ 1854 году, что могъ, собралъ и написалъ. Сказаніе мое здѣсь предлагаю.

151. Сказаніе о почившемъ въ Возѣ старцѣ Данилѣ, жившемъ и подвижникомъ въ сибирской странѣ, вблизи города Ачинска.

Возлюбленные мои о Христѣ братія и духовная чада, два Григорія! Желаю вамъ о Христѣ радоватися, и тещи безостановочно начатыи вами путь, во слѣдъ

СТАРЕЦЪ
ДАНИИЛЪ.

своего Спасителя. Еще вы здѣсь, въ Томскѣ, загля в свои сердца искрою сладчайшія любви своего Создателя, Господа Бога, и Его Единороднаго и Единосущнаго Сына, Господа Иисуса Христа; уязвившись Его любовью и скрывши сію драгоценную искру внутри себя, потекли во слѣдъ Его, и ради сего оставили свои дома и родителей, и сродниковъ, и имѣніе, и даже свою страну. Хорошо вы узнали, что посредѣ міра и его соблазновъ неудобно эту драгоценную искру любви Божіей сохранить непогашену: ибо міръ и его прелести, діаволъ и плоть, не только могутъ эту искру потушить, но даже и память о ней встребить. Не возможно работать совокупно міру и Богу. И вы добръ уразумѣли словеса своего Спасителя: *аще кто хочетъ по Мнѣйти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣидетъ* (Матѹ. 16, 24.). Наконецъ, достигли вы тихаго пристанища; и вотъ уже четвертый годъ находитесь во святой обители, во Свято-Кіевской Печерской Лаврѣ, между толкаго сонма святыхъ отецъ, которыхъ святыми нетлѣнными мощами наполнены всѣ ваши храмы и пещеры, и которыхъ вы учинились и сподобились быть искренними чадами и законными наслѣдниками ихъ добродѣтелей и имѣнія. Они сѣяли и трудились, а вамъ досталось плоды собирать: теперь имѣете—кому подражать и съ кого брать примѣръ жизни!

Но вы тѣмъ не удовольствовались, а еще хотите получить какъ нѣкое духовное наслѣдство со своей сибирской страны. Вы меня прѣсите убѣдительно, дабы я собралъ свѣдѣнія о жизни великаго старца Даниїла Ачинскаго, и прислалъ оное къ вамъ, дабы вы могли отчасти подражать его житію и подвигамъ.

Конечно, это ваше желаніе — самое богоугодное и спасительное, только для меня весьма тяжкое; потому что я прибылъ въ сибирскую страну уже послѣ кончины старца Данила, спустя четыре года съ половиной; потому, я самъ его лично не видалъ, и благодатныхъ его словесъ и наставленій не слыжалъ. Благодарю Господа Бога, что еще засталъ въ живыхъ весьма много людей, которые его лично знали, и слышали изъ устъ его душеспасительныя слова и бесѣды, и наставленія! Отъ нихъ нѣчто могъ я узнать; но совершеннаго удовлетворенія получить не могъ, хотя и письма къ нѣкоторымъ писалъ. Всѣ отвѣчали очень скудно; потому что міръ и его суеты все заглушили и совсѣмъ почти истребили.

Хорошо—быть очевидцемъ подвиговъ знаменитыхъ мужей и поборниковъ благочестія, и, взирая на нихъ своими очами, извлекать для души пользу. Все достохвальное, когда видишь его собственными очами, является привлекательнымъ, становится вождедѣльнымъ, и возбуждаетъ въ зрителѣ желаніе приобрѣсти оное. Но не мало приносятъ пользы и повѣствованія о такихъ подвигахъ, передаваемыя очевидцами въ слухъ тѣхъ, которые сами ихъ не видѣли. Зрѣніе, говорятъ, достовѣрнѣе слуха; однако же, и слухъ заслуживаетъ довѣріе, если онъ различаетъ рѣчи, судя по достовѣрности лицъ говорящихъ.

Вотъ, и я приступаю къ сему жизнеописанію со страхомъ и трепетомъ: потому что буду говорить только чужія слова и рассказы, и боюсь, чтобы въ чемъ не погрѣшить; притомъ, первый я приступаю къ описанію жизни такого великаго старца, который прославилъ Господа Бога въ жизни своей дѣлами своими.

И вотъ, по любви моей къ вамъ, мои возлюбленные братія, исполняю вашу просьбу, слушая слово Ангела Господня, къ Товіи старшему и юнѣйшему реченное: *тайну цареву добро хранить, дѣла же Божія открывати славно* (Тов. 12, 7.).

А наипаче добро и потребно, и нужно есть проповѣдати пути Божіи и Его истинныхъ рабовъ въ нынѣшнія времена, когда по всей землѣ умножилось нечестіе и беззаконіе, и врагъ діаволъ разверзъ свои челюсти на Святую, Соборную, Восточную, Апостольскую Христову Церковь. Онъ же проклятый со всѣми своими полчищами и слугами, магометанами и еретиками, поднялъ брань и войну на Христа и на Его Святую Церковь, и на всѣхъ православныхъ христіанъ, чувственно и духовно,—чувственно—войною, а духовно — страстями, разліяніемъ роскоши и разными грѣхами и беззаконіями, ересями и расколами.

Въ такіа прискорбныя времена наипаче намъ нужно особенное Божіе покровительство, и нужны намъ вѣрные и возлюбленные Богомъ Его рабы и подвижники, а о насъ теплые молитвенники ко Господу Богу о Церкви и о Православномъ Благочестивѣйшемъ Императорѣ, о воинствѣ Его и о всѣхъ православныхъ христіанахъ.

Призвавъ Бога въ помощь, съ упованіемъ на молитвы въ Бозѣ почившаго великаго старца Данила, приступаю къ описанію его жизни, которая вамъ отчасти уже извѣстна; ибо вы сами были въ городѣ Ачянскѣ и въ деревнѣ Зерцалахъ, и видѣли сами тѣхъ людей, которые его лично знали, и были вы сами въ его келліи, подобной гробу. Хотя все вы это хорошо сво-

ими очами видѣли; однако, хорошо для васъ кое-что и повторить.

Игуменія Евгенія и города Ачинска священникъ, Дмитрій Евтихievъ, и другіе многіе о юныхъ лѣтахъ и о жизни старца Даніила пишутъ мнѣ слѣдующее:

Родомъ старецъ Даніилъ былъ изъ малороссіанъ; но изъ какой губерніи, неизвѣстно; достовѣрно только, что изъ крестьянъ; его называли Даніилъ Корнилевъ, по фамиліи Дема. Въ молодости отданъ былъ въ военную службу, и въ двѣнадцатомъ году былъ на войнѣ съ французами застрѣльщикомъ, и былъ раненъ. Послѣ французской войны были вызваны охотники учиться грамотѣ; въ числѣ прочихъ и Даніилъ пожелалъ учиться грамотѣ. Былъ уже онъ фельдфебелемъ, и имѣлъ денегъ до трехъ сотъ рублей, но былъ очень скупъ, такъ что жалѣлъ себѣ купить калачъ; ходилъ съ часами (это онъ самъ про себя рассказывалъ). Потомъ, когда Богъ открылъ ему грамоту, онъ познакомился съ однимъ діакономъ доброй жизни, который далъ ему довольное понятіе о святомъ Писаніи; и началъ читать священныя книги и житія святыхъ Отцевъ. Это ему очень понравилось, и онъ вознамѣрился во всемъ послѣдовать жизни ихъ. Съ тѣхъ поръ возымѣлъ онъ большую ревность и любовь къ Богу, и разсмотрѣвъ суету и непостоянство міра сего и кратковременность жизни человѣческой, сталъ непрестанно имѣть въ мысли вѣчную будущность и вѣчное праведныхъ наслажденіе, а грѣшнымъ вѣчное наказаніе. Когда онъ прослужилъ земному Царю семнадцать лѣтъ, вышелъ ему за вѣрную службу чинъ благороднаго. Но онъ не захотѣлъ принять чина, и отказался отъ службы. И восхотѣлъ онъ пре-

проводить остальную жизнь свою или въ монастырѣ, въ иноческомъ чинѣ, или единому въ пустыни, дабы безпрепятственно послужить и поработать Господу Богу всѣмъ сердцемъ и всею душою, и всѣмъ помышленіемъ. Посему рѣшился онъ сказать полковому командиру, что уже не желаетъ больше служить и принять чина, а вознамѣрился остальные дни своей жизни посвятить на служеніе Богу. Командиръ, знавшій его хорошее поведеніе, равно и прочіе начальники уговаривали его, чтобы онъ служилъ по данной имъ присягѣ Царю и отечеству, а потомъ уже — единому Богу; а иначе, говорили они, ты долженъ получить наказаніе. Но онъ рѣшительно имъ объявилъ, что онъ не хочетъ болѣе служить. Достоверно не извѣстно, сіе ли только поставлено ему въ вину, какъ противленіе власти, или къ сему присоединилась какая на него клевета; только взяли его подъ строгій арестъ. Но это для него было великое утѣшеніе: онъ день и ночь хвалилъ Бога. Къ большому его удовольствію, дозволено было давать ему книги Божественнаго Писанія. Долгое время находился онъ подъ судомъ; потомъ ему сказали, что его должно разстрѣлять. Онъ на сіе отвѣтствовалъ: «будь воля Господня.» Черезъ нѣсколько дней сказали, что надобно наказать его проведеніемъ сквозь двѣ тысячи строя. На сіе онъ отвѣчалъ: «мало мнѣ этого.» Потомъ, по милостивому рѣшенію, безъ наказанія послали его въ Сибирь, въ верчинскіе заводы, на работу. Шелъ онъ вмѣстѣ съ преступниками, въ кандалахъ, которыя нѣсколько разъ хотѣли съ него снимать, но онъ самъ никакъ не позволялъ ихъ снимать, и называлъ ихъ карманными часами. Но тобольская экспедиція опредѣлила его въ

томскую губернію, въ боготольскіи винокуренній заводъ, на вѣчную работу. Въ семъ заводъ находился онъ нѣсколько лѣтъ, подъ вѣдѣніемъ перваго пристава, Егора Петрова Аѳанасьева, отъ котораго претерпѣлъ много гоненія и даже мученія. Сей называлъ его святошею, и употреблялъ его въ самыя тяжкія работы. Но онъ всѣ работы, возлагаемыя на него, исправлялъ безъ опущенія, и по вся noci стоялъ на молитвѣ; пищи вкушалъ очень мало, и то только хлѣбъ и воду. Среди дня, когда прочіе отдыхали, онъ удалялся на молитву въ уединенное мѣсто, гдѣ бы его не было видно. Отъ того наипаче начальникъ Аѳанасьевъ на него сердился, и насмѣхался, говоря ему: « ну-ка, святоша, спасайся въ каторгѣ! » Однажды, въ зимнее время, обнаженнаго его посадилъ на крышу дома своего, велѣлъ изъ машинъ поливать его водою, и съ насмѣшкой кричалъ ему: « спасайся, Данилъ! ты святой! » Онъ ему ничего не отвѣчалъ, а молился только о немъ-же Богу, чтобы не поставилъ сего ему въ грѣхъ; а это наказаніе онъ считалъ для себя еще малымъ. Потомъ, Богу было угодно наказать того смотрителя завода, Аѳанасьева. Вдругъ повернуло ему голову на сторону, такъ что лице его было уже назадъ. Жена его начала его укорять за неповиннаго старца. Тогда приказалъ онъ позвать къ себѣ старца, просилъ у него прошенія, и говорилъ ему: « прости, прости меня ради Христа, добрый старецъ! за тебя меня Богъ наказываетъ. » Онъ же ему сказалъ: « Богъ тебя проститъ; ибо я этого наказанія достоинъ, потому что я клятвопреступникъ. » Вѣроятно, подъ симъ разумѣлъ онъ то, что упорно отказался отъ службы, противъ воли начальства. Послѣ сего Аѳанасьевъ сдѣ-

лался совершенно здоровъ, и началъ уважать старца Данила. На другой-же день, поѣхалъ Аѳанасьевъ въ городъ Ачинскъ: ночью заблудились путники, сбившись съ дороги, ибо поднялся страшный буранъ. Кучерь говоритъ ему: « Это за то насъ Господь наказываетъ, что ты вчера очень оскорбилъ старца Данила. Надобно тебѣ просить еще заочно прощенія; а то мы здѣсь замерзнемъ.» Аѳанасьевъ всплакался, и сказалъ: « прости, прости, старче Даниле, и избавь насъ отъ этой бѣды и смерти! болѣе тебя держать не буду, и отпущу на волю.» И что же?— Тутъ же очутились они близъ дороги. Возвратившись въ заводъ, онъ немедленно написалъ донесеніе къ Губернатору, что такой-то Данилъ неспособенъ къ работѣ, и отпустилъ его на волю, на пропитаніе. Старецъ переселился въ городъ Ачинскъ, и построилъ себѣ келлію самую маленькую. Потомъ перешелъ онъ въ домъ купца Алексія Хворостова, и у него также построилъ келлію, и жилъ въ ней нѣсколько лѣтъ. Въ эту келлію двоимъ помѣститься было нельзя. Трудно было занятіе его: трудился онъ, по ночамъ копая въ огородахъ, чтобы никто его не видалъ; также и въ полѣ косилъ и жалъ хлѣбъ до совершеннаго изнеможенія; потомъ немного отдыхалъ и вкушалъ пицци. Пища его была ржаной хлѣбъ съ водою или картофель, котораго онъ никогда не чистилъ. Предъ вкушеніемъ пицци, онъ подъ поясъ забивалъ деревянный клинъ, чтобы меньше съѣсть. Въ послѣдніе годы онъ жилъ въ деревнѣ Зерцалахъ у крестьянина. Здѣсь уже келлія у него была совершенный гробъ, въ которой онъ пребывалъ нагій, а платье свое оставлялъ въ сѣняхъ; ибо въ ней только могъ помѣститься на ко-

лѣнахъ, для молитвы ко Господу Богу. Окно у него было въ мѣдный гривенникъ. Сія келлія и до-нынѣ стоитъ цѣла, и вы сами ее видѣли. Изъ нея онъ по цѣлой седмицѣ не выходилъ; свѣтильника и лампы никогда не зажигалъ, но безпрестанно находился въ молитвѣ; иногда занимался и рукодѣліемъ: въ сѣняхъ шилъ простую одежду, но платы за то не бралъ, развѣ хлѣба для пищи. Милостыни отнюдь не принималъ, и не давалъ, потому что нечего было подавать; жилъ въ совершенномъ нестяжаніи, подобно птицѣ; работалъ безмездно, къ бѣднымъ ходилъ жать и косить, напаче въ ночное время, чтобы мало его видѣли. Всегда онъ говаривалъ: «лучше подавать, нежели принимать; а ежели нечего подать, то Богъ и не потребуетъ; нищета Бога ради лучше милостыни; а милость можетъ оказать и неимущій: помоги бѣдному поработать, утѣшь его словомъ, помолись о немъ Богу, — вотъ чрезъ сіе и можно любовь оказать ближнему.» Носилъ онъ болѣе двадцати лѣтъ тяжкія желѣзныя вериги и берестовый поясъ, который уже и вросъ въ тѣло его, съ которымъ и похоронили его. Еще носилъ онъ на тѣлѣ желѣзный обручъ. Но не за-долго до смерти вериги съ себя снялъ. Спрашивалъ его одинъ духовный его сынъ: «отче, для чего ты снялъ вериги?» Онъ ему отвѣтилъ: «Любезный мой братъ, потому я снялъ съ себя вериги, что онѣ уже не стали мнѣ приносить пользы: тѣло мое такъ къ нимъ привыкло, что отнюдь не чувствуетъ ни тяжести ни боли. Посему и не стали онѣ приносить ни какой пользы душѣ моей. Ибо только тогда бываетъ полезна вещь, или подвигъ или добродѣтель, для души, когда онѣ наносятъ скорбь и обузданіе

тѣлу. А люди видятъ на мнѣ вериги, да и думаютъ, что я, нося оныя, черезъ это пріобрѣтаю себѣ великую пользу, тогда какъ онѣ уже совсѣмъ мнѣ безполезны. Пусть лучше говорятъ, что Данилъ нынѣ уже разлѣнился, и вериги съ себя скинулъ: это будетъ для меня полезнѣе; а ты не соблазняйся о мнѣ.»

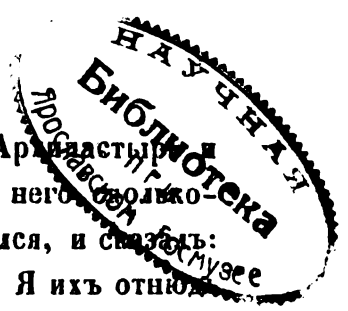
Молитва у него текла изъ сердца, какъ рѣка эдемская; умъ его всегда находился въ дѣланіи семъ; посему часто молитва у него прерывала его разговоръ, и онъ приходилъ умоужъ въ восхищеніе. Всѣ разговоры его были душеполезныя и спасительныя: или о Богѣ и о Спасителѣ міра, о Его ученіи и о страданіяхъ, или о блаженствѣ праведныхъ и о наказаніи грѣшныхъ. Всѣ разговоры и слова его были растворены слезами и любовію, такъ что безъ слезъ почти не могъ ничего говорить. Тѣло его было какъ восковое, лице пріятное и веселое, съ малымъ румянцемъ; часто онъ постился по цѣлой седмицѣ и болѣе; исповѣдывался и причащался Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой весьма часто.

Когда онъ удался съ завода: уже и тогда протекла о немъ слава, такъ что народъ началъ приходить къ нему. Ибо еще въ заводѣ онъ всѣхъ удивилъ своею жизнію. Посему и обращались къ нему—одни, чтобы принять на какое либо дѣло благословеніе, другіе — испросить душеполезный совѣтъ; а иные приходили только посмотреть на него, и то за великое почитали. Ибо онъ такую имѣлъ благодать, что кто только его увидитъ, весь измѣняется, хотя бы и закоснѣлый былъ грѣшникъ: вдругъ зарыдаетъ, и признаетъ свои грѣхи, и вроситъ наставленія.

Этого брата Данила (такъ онъ себя велѣлъ назы-

вать при жизни своей, и говорил: «не называйте меня отцемъ, а называйте братомъ, ибо всѣ мы о Христѣ братія, а одинъ есть нашъ общій Отецъ Господь Богъ, въ Троицѣ славимый;» посему называли его современники братомъ Даніломъ), — этого, говорю, брата Даніила, знавшіе его, почитали земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ отъ Бога великія дарованія: нѣкоторые поступки его давали поводъ думать, что онъ зналъ дѣла и помышленія другихъ людей, прозрѣвалъ отчасти и будущее. Говорилъ онъ больше въ притчахъ и намеками, чтобы понятно было одному тому, кому говорить, а иногда и прямо, ежели то было полезно. О семъ нижеслѣдующее явить слово.

Еще когда онъ жилъ въ городѣ Ачинскѣ, то проѣздомъ по епархіи былъ у старца въ келліи Преосвященный Михаилъ, Архіепископъ Иркутскій. Въ то время енисейская губернія принадлежала къ епархіи иркутской. Владыка бесѣдовалъ со старцемъ долгое время о разныхъ духовныхъ предметахъ. Старецъ говорилъ ему о великомъ его санѣ и его великой обязанности, о томъ, какъ ему должно управлять своею обширною паствою, чтобы ни одна овца не погибла отъ его нерадѣнія или безопасности; и какъ онъ долженъ всѣхъ исправлять, наказывать безчинниковъ, которые подають соблазны, прочимъ. Такъ онъ о семъ говорилъ, что Владыка плакалъ и даже рыдалъ. Старецъ сказалъ: «Владыко святой, прошу тебя, благослови мнѣ грѣшному поцѣловать твою святительскую десницу и твои ланиты.» Владыка съ любовію позволялъ. Потомъ Владыка хотѣлъ дать ему денегъ, сколько ему угодно, для милостыни и на масло для

лампады, и на прочія нужды. Хотя Архимандритъ убедительно его просилъ принять отъ него только-нибудь; но старецъ совершенно отказался, и сказалъ: «Владыко святыи, на что мнѣ деньги? Я ихъ отнюдь не требую; пропитаніе имѣю отъ своихъ рукъ. А милостыню давать для чего мнѣ изъ чужихъ денегъ? Ты самъ раздай, кому знаешь, и кто въ нихъ имѣеть нужду. Равно и лампадку для чего мнѣ имѣть, когда въ душѣ моей тма? А когда бываетъ въ душѣ моей свѣтъ, тогда кольми паче мнѣ не нужна лампадка; ибо и безъ того свѣтло и радостно.» Владыка началъ его просить, чтобы онъ его проводилъ до перевоза черезъ рѣку. Старецъ съ радостію согласился. Когда зошли на паромъ и стали прощаться, Владыка взялъ въ руки просфору и давалъ старцу. Онъ же, не принимая оную изъ рукъ Владыки, отломилъ ея верхнюю часть, и сказалъ: «Владыко святыи, мы ее съ тобою раздѣлимъ пополамъ: верхнюю часть мнѣ, а нижнюю тебѣ.» Владыка удивился прозорливости старца, поклонился ему почти до земли, и сказалъ: «прости меня, братъ Даниилъ!» А Владыка въ нижнюю часть просфоры искусно положилъ пятирублевую ассигнацію, дабы старецъ, не познавши, принялъ подаваніе. Но отъ него сіе не скрылось.

Еще тому подобное написалъ мнѣ во второмъ письмѣ города Ачинска священникъ Димитрій Евтхіевъ, котораго я просилъ подробнѣе узнать о старцѣ Даниилѣ. Онъ, между прочимъ, повѣствуетъ слѣдующее:

Два брата купцы, проѣзжая съ ирбитской ярмарки, зашли къ старцу посѣтить его и принять благословеніе. Старецъ очень любилъ братьевъ. Это случилось на святой недѣль, и надобно было похристосоваться

по обряду христіанскому : а они , вмѣсто красныхъ яицъ , взяли съ собой по яблоку , которыя везены были ими съ ярмарки . Старецъ , вышедши изъ келліи и увидавши ихъ , сурово взглянулъ , и громко имъ сказалъ : «миръ вамъ , братія!» Братья , видя старца гнѣвнымъ , не знали , что сказать , и въ недоумѣніи молчали . Тогда старецъ съ улыбкою сказалъ имъ : «Знаете ли , что надѣлало это яблоко ? (А они не показывали ему яблоковъ) . Вкусили яблочка Адамъ и Ева : и вотъ теперь всѣ мы мертвецы , враги Господа и рабы грѣха.» Взявши у нихъ яблоки , бросилъ такъ сильно , что не осталось и малѣйшихъ частицъ , всѣ разлетѣлись . Братья , принявши наставленіе отъ старца , поѣхали домой съ радостію .

Онъ же Евтихievъ продолжаетъ :

Многіе изъ жителей города Ачинска сказывали мнѣ , что когда только они собирались посѣтить старца въ его кельи , и намѣревались въ какой-либо опредѣленный день ѣхать въ деревню Зерцалы , гдѣ старцева келья (эта деревня отъ города въ 17 верстахъ) , — старецъ самъ предупреждалъ ихъ намѣреніе , и рано пріѣзжалъ въ городъ . Приблизясь къ порогу дома , всегда съ улыбкой говаривалъ домохозяевамъ : « Миръ дому сему ! вы хотѣли ѣхать ко мнѣ непотребному , а вотъ я къ вамъ самъ пришелъ . На что вамъ меня ? » Такъ всегда посѣщалъ знатныхъ людей .

Онъ же Евтихievъ продолжаетъ :

Въ городѣ Ачинскѣ былъ нѣкто А . И . Орловъ . По свойственному многимъ равнодушію , онъ всегда отзывался о старцѣ вольно ; но слыша постоянно о его строгой жизни и подвигахъ , принялъ рѣшительное намѣреніе призвать старца къ себѣ въ домъ . На дру-

гой день старецъ самъ пришелъ въ городъ , и идетъ прямо къ нему ; взойдя въ комнату , громко воскликнулъ : « здравствуй, здравствуй, орелъ! » Орловъ какъ ни былъ отъ природы смѣлъ, но пришелъ въ страшный испугъ и трясеніе , и не могъ сказать слова. Тогда старецъ сказалъ : « то-то , братъ , ты высоко летаешь; смотри, не пади; а то убьешься, когда крылышки-то обрѣжуть. » Вскорѣ послѣ этого Орловъ былъ за что-то отданъ подъ судъ и отрѣшенъ отъ должности. Впрочемъ , послѣ того онъ питалъ къ старцу особенное глубокое уваженіе.

Еще продолжаетъ Евтихievъ:

Старецъ былъ знакомъ и съ Преосвященнымъ Агапитомъ, первымъ Епископомъ Томскимъ, и уважаемъ Владыкою. Также и Епископъ Агапитъ искусилъ старца , какъ Преосвященный Михаилъ , Архіепископъ Иркутскій. Однажды Епископъ Агапитъ, при обозрѣніи епархіи , посѣтилъ старца. Когда старецъ провожалъ Преосвященнаго чрезъ перевозъ , Владыка, желая дать ему денегъ , но зная совершенное его нестяжаніе, такъ что онъ , если давать ему въ руки, денегъ не возьметъ , подклеилъ подъ дно просфоры пятирублевую ассигнацію, и, благословивъ старца, подалъ ему просфору. Старецъ же не взялъ ее въ руки, но только верхнюю часть сломилъ, и сказалъ: « Владыко святыи! верхняя часть—моя, а нижняя—твоя, » и денегъ не взялъ. До-здѣ іерей Дмитрій.

Одинъ братъ, извѣстный мнѣ и вамъ, жилъ не подалеку отъ старца Данила. Діаволь уязвилъ брата завистію противъ старца, потому что старца всѣ прославляли и уважали, и почитали какъ великаго подвижника; а его нѣтъ. Посему вознамѣрился онъ старца

умертвить. Въ одно время, взявши ножъ, пошелъ онъ къ келліи. Старецъ самъ встрѣчаетъ его въ сѣняхъ, и говоритъ : « Любезный братъ , за что ты хочешь меня зарѣзать? Ну, ежели виновать, такъ рѣжь же ! » Братъ затрепеталъ и выпустилъ ножъ, который былъ подъ его одеждою; палъ на колѣни, заплакалъ и сталъ просить прощенія. Старецъ простилъ его, и сказалъ : « Братъ любезный , не надобно діавольскому внушенію вѣрять. Чего мнѣ грѣшному завидовать ? — Что меня прославляютъ? Но я этого не ишу и не желаю; я бы тебѣ эту временную славу, которая не мало вредитъ душѣ моей, съ любовію отдалъ, но не моя на то воля, а воля Господня: ибо Онъ славящихъ Его прославляетъ еще въ жизни сей временной. Живи и ты такъ, какъ я живу; да и проси Господа, чтобы тебя не прославлялъ въ этой жизни, а только моли Его о прощеніи грѣховъ своихъ: и тебя Господь прославитъ. Но ежели будешь желать здѣшней славы, то хотя бы жилъ я по-ангельски, ничего не получишь, ни въ здѣшнемъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. »

Одна томская старипца, изъ благородныхъ, Анисья Ивановна, рассказывала мнѣ о себѣ слѣдующее:

Долгое время имѣла я желаніе посѣтить старца Данила, ибо безпрестанно слышала о его благочестивой жизни. Потомъ, Богъ и привелъ посѣтить его келлію. Случилось намъ прійти къ старцу съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ изъ купцовъ. Пришедши въ сѣни его, сотворили мы молитву. Старецъ выгѣзъ изъ своей кельи, или, лучше сказать, изъ гроба, потому что келья его — совершенный гробъ. Увидавши его, я исполнилась ужаса, и слезы полились изъ глазъ моихъ: я думала, что увидѣла Ангела. Онъ же,

ничего не говоря, подошелъ къ человѣку, взялъ его правую руку, и, сложивъ три первые перста, сказалъ: «такъ молись, такъ подобаешь творити на себѣ крестное знаменіе; такъ Мать наша Святая Восточная Христова Церковь учитъ дѣтей своихъ молиться; такъ предали святыя Апостолы и святыя Отцы; такъ и ты молись, и спасешься.» Человѣкъ ничего не могъ отвѣтить ему; только поклонился ему до земли. Потомъ, старецъ обратился ко мнѣ, началъ своей рукою водить около носа своего, и сказалъ: «На что же такъ дѣлать? Это грѣшно, это самая та сѣть, въ которую птичка попадаетъ однимъ ноготкомъ, да и вся пропадаетъ; я и самъ въ молодости въ эту сѣть попался было; но, однако, Божіею помощію скоро вырвался. Да; ты плохо видишь,—такъ табакъ тебѣ дастъ зрѣніе? Нѣтъ; съ него и вовсе ослѣпнешь. Богъ даетъ зрѣніе, и посылаетъ за грѣхи слѣпоту.» А я, грѣшная, съ молодости понюхивала иногда для глазъ, когда они заболѣвали. Съ тѣхъ поръ, полно нюхать; а глаза перестали болѣть, хотя и старѣе стала.

Тогда я еще жила съ мужемъ своимъ; иногда посты мы не соблюдали, какъ должно, и хотя не ѣли скоромнаго, но по постамъ ѣли рыбу. Вотъ онъ, мой батюшка, и началъ говорить о постѣ слѣдующее: «Какая тѣхъ людей ожидаетъ радость и вѣчное веселіе, которые сохраняютъ святыя посты въ среды и пятки, по узаконенію церковному! И какое ожидаетъ вѣчное мученіе тѣхъ, которые ихъ нарушаютъ!» Потомъ вздохнулъ и заплакалъ, и сказалъ: «О горе мнѣ, паче всѣхъ грѣшнѣйшему! О какую тѣ люди дѣлаютъ невозвратную потерю, которые противъ церковныхъ правилъ разрѣшаютъ святыя посты въ среды и пятки!

Какихъ они достойны слезъ, что за малое наслажденіе лишаются вѣчнаго блаженства! Да, нѣкоторые говорятъ: что-де ѣдимъ мы не скоромное а только, рыбу; а того не знаютъ, что мы сдѣлались изгнанниками изъ рая, и учинились смертными, и находимся подѣ грѣхомъ не за мясо и не за рыбу, а только за одно яблоко; — а какія бы въ яблокѣ скоромъ и грѣхъ! — Но было заповѣдано не ѣсть его; вотъ въ томъ самомъ и былъ грѣхъ, что преслушали заповѣдь Божию. Такъ и теперь: хотя бы была рыба, хотя бы масло, хотя бы и что иное, — въ какіе дни не позволено чего Церковію ѣсть, того и не подобаетъ. А кто преслушаетъ заповѣдь святыхъ Церкви, тотъ и грѣшитъ, и за это подлежитъ наказанію.»

Вотъ я, грѣшная, что удостоилась слышать отъ такого великаго старца, котораго всѣ слова какбы запечатывались на моемъ сердцѣ!

Еще сказывали мнѣ многіе слѣдующее:

Старець, когда еще жилъ въ Ачинскѣ, ходилъ въ Иркутскъ на поклоненіе новоявленному Чудотворцу и Святителю Иннокентію, первому Епископу иркутскому. Былъ тамо онъ въ женскомъ монастырѣ у игуменіи, которая приглашала его остаться навсегда у нихъ въ монастырѣ, и обѣщала его успокоить до смерти, и похоронить его. Онъ же сказалъ ей: «нѣтъ, я не вашъ житель, а мнѣ надобно умереть въ енисейскомъ женскомъ монастырѣ, у игуменіи Евгеніи». Эта игуменія Евгенія, у которой онъ померъ, въ то время еще была барыней и жила съ своимъ мужемъ.

Еще старица Марія Иконникова, томская мѣщанка, сама про себя мнѣ рассказывала слѣдующее:

Вотъ, я, великая грѣшница, много по свѣту по-

странствовала, но безъ всякой душевной пользы. Разъ пять была я въ Кіевѣ; ходила и въ другіе россійскіе монастыри и къ святымъ Мощамъ; была въ Саровѣ у батюшки Серафима, и въ Иркутскѣ у Святителя Иннокентія. Много слышала я добраго про старца Даніила; и вотъ, по пути изъ Иркутска, бывши въ городѣ Ачинскѣ, зашла повидать и старца Даніила, и принять отъ него благословеніе на будущее странствіе. Онъ же, мой батюшка, встрѣтилъ меня еще на пути, не допустя до келліи своей, почти полунагіи. Онъ, мой батюшка, взглянулъ на меня съ самымъ гнѣвнымъ и сердитымъ видомъ, и громкимъ голосомъ упрекнулъ меня: «Что ты, пустая странница, пришла ко мнѣ? Я давно тебя ожидалъ; вотъ будешь меня помнить!» А самъ палкой грозилъ на меня. Я вся отъ страха затрепетала, чуть не упала на землю: языкъ оцѣпенѣлъ, и не могу ни бѣжать, ни слова сказать, ибо знаю свою вину. Онъ же началъ говорить слѣдующее: «Зачѣмъ ты бродишь по свѣту, да обманываешь Бога и людей? Тебѣ даютъ деньги въ Кіевѣ на свѣчи и на молебны: а ты ихъ тратишь на свои прихоти. Много станцій ѣхала на подводахъ, нанимала, тратя давныя Богу деньги. А въ такомъ-то мѣстѣ пила вино, и столько-то его купила; а въ такомъ-то мѣстѣ пустое празднословила.» И такъ онъ, мой батюшка, рассказалъ мнѣ то, что я уже и сама позабыла; какъ будто со мной ходилъ онъ и записывалъ дѣла мои. А я стою ни жива ни мертва; онъ же еще сказалъ: «теперь уже полно тебѣ ходить по свѣту; ступай и живи въ Томскѣ; питайся отъ своего руководія, вяжи чулки; а когда устарѣешь, тогда для пропитанія собрай милостыню; да слушай же, больше не ходи въ

Россію.» Потомъ пошелъ онъ въ свою келлію; а я поклонилась и пошла, не сказавши ему ни слова. Пришедши въ Томскъ, я отложила попеченіе о странствованіи, и начала жить дома и заниматься рукодѣлемъ. По прошествіи полгода, мои сродники и знакомые молодые люди начали собираться въ Кіевъ на поклоненіе, и стали звать меня съ собой, чтобы ихъ проводить до Кіева, потому что дорога мнѣ знакомая. Я долгое время сначала не соглашалась; потому что старецъ Даніилъ мнѣ ходить благословенія не далъ. Но наконецъ, по усиленной просьбѣ, согласилась, и отправилась мы въ путь. Прошедши три тысячи съ половиной верстъ, пришли мы въ Саровскую пустынь, сначала на гостинницу, а потомъ къ батюшкѣ Серафиму, принять на путь благословеніе. Онъ же моихъ сопутниковъ принялъ ласково, и всѣхъ благословилъ, и далъ сухариковъ на дорогу; а меня грѣшную не благословилъ, и даже прогналъ, ни слова со мной не сказавъ. Вотъ, прожили мы съ недѣлю; ежедневно мои сопутники къ нему ходили, и онъ наставлялъ ихъ душеспасительными словами; а меня и на глаза не принималъ, сколько я къ нему не приходила. Наконецъ, мои сопутники начали собираться въ путь, и только дѣло за мной. Посему я рѣшилась его безпокойть, и пришедши къ его келліи, закричала со слезами: «батюшка Серафимъ, благослови меня въ путь; товарищи мои хотятъ идти!» Вышедши изъ келліи, онъ сурово на меня взглянулъ, и громко сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ тебѣ благословенія! Зачѣмъ ты пошла въ Россію? Вѣдь тебѣ братъ Даніилъ не велѣлъ больше ходить въ Россію! Теперь же ступай назадъ домой!» Я ему сказала: «батюшка, благослови меня схо-

дять въ послѣдній разъ; больше уже ходить не буду.» Онъ же громко отвѣчалъ: «я тебѣ сказалъ: ступай назадъ, а впередъ идти нѣтъ тебѣ благословенія!» Я ему еще сказала: «Батюшка, какъ же пойду назадъ одна такой дальній путь, а денегъ у меня ни копѣйки?» Онъ же отвѣтилъ: «ступай, ступай обратно; и безъ денегъ доvezутъ на лошадахъ до самаго Томска.» Послѣ сего благословилъ меня, и далъ мнѣ одинъ сухарикъ; а самъ затворилъ дверь. Я пришла на гостинницу, да поплакала, и простилась съ спутниками: они пошли въ Кіевъ, а я въ Нижній-Новгородъ. Тамъ нашлись мнѣ попутчики, наши томскіе купцы, и доvezли меня до самаго Томска. Вотъ и исполнилось слово батюшки Серафима! Такъ далеко видятъ и слышатъ единъ другаго рабы Божіи,—за четыре тысячи верстъ! А я, по слову старца Давіила, собираю милостыню. Но тогда, когда онъ говорилъ это, я того не предвидѣла, потому что имѣла дѣтей богатыхъ; а теперъ давно уже всѣхъ похоронила.

Монахиня Сусаица, казначея иркутскаго Знаменскаго женскаго монастыря, о старцѣ Давіилѣ пишетъ ко мнѣ слѣдующее:

Всечестнѣйшій отецъ Пароеній! О жизни и подвигахъ великаго старца Давіила не могу я передать вамъ подробнаго свѣдѣнія, но только скажу нѣчто. Была я, грѣшная, въ его келліи, и видѣла, что она была подобна гробу, выкопана въ землѣ, ширины—вершковъ двѣнадцать, вышина и длина оной—въ его ростъ, и окошечко на востокъ самое маленькое. А какъ онъ въ ней подвизался, — этого уже не знаю. Видъ его былъ и казался мнѣ ангелоподобнымъ; бесѣда его казалась для меня, недостойной, столько усладитель-

ною, что я забывала и сама себя, хотя и сама, великая грѣшница, много читывала божественныхъ книгъ. Онъ говорилъ, какъ мнѣ казалось, не читанное, а видѣнное, при озареніи благодатию, все самымъ имъ, или чувственно, или духовно. И тогда я такъ думала, и до-нынѣ такъ помышляю : ибо невозможно — такъ коротко и вразумительно сказать и изъяснить красоты небесныя, какъ онъ бывало начнеть рассказывать о праведникахъ, кому за какіе подвиги какіе уготованы вѣнцы и награды, и что ожидаетъ грѣшниковъ. Спрашивала я его о постѣ. Онъ всегда говорилъ : « Я, грѣшникъ, безпрестанно ѣмъ и пью, и не знаю, что тебѣ сказать; знаю только, что, по захожденіи солнца, хлѣбъ да вода—добрая ѣда; а кто какъ хочетъ. Надобно имѣть болѣе всего смиреніе и страхъ Божій.» Я его еще спросила: « сколько должно молиться Богу и когда?» И этого также онъ не назначилъ, а говорилъ : « всегда, безпрестанно имѣй Господа предъ очима своими, и Онъ научитъ тебя на вся благая. » Потомъ я о Иркутскомъ монастырѣ спросила. Онъ же мнѣ отвѣтилъ: « Былъ я и тамъ. Тамъ очень простенько для спасенія души; можно и тамъ спастися.» Когда же я отправлялась совсѣмъ въ Иркутскъ, онъ очень былъ радъ и веселъ. Я спросила его: « гдѣ же мнѣ, батюшка, благословите остаться: въ Иркутскѣ, или въ общежительный монастырь возвратиться? » Онъ сказалъ: « я не знаю; Богъ знаетъ. » Я еще просила, чтобы онъ назначилъ для жительства мнѣ обитель. На это онъ мнѣ сказалъ: « Я — человѣкъ, а не Богъ; я тебѣ назначу, а тебѣ что-нибудь будетъ невыносимо, и ты скажешь: я бы здѣсь не осталась, да вотъ онъ мнѣ велѣлъ; и тяжело тебѣ будетъ. А кому гдѣ

самъ Богъ опредѣлитъ жить, тамъ и всякія скорби бываютъ легки.» Я опять просила его благословенія. Онъ сказалъ: « Ты сама узнаешь ; сердце твое тебѣ скажетъ, и ты почувствуешь сіе въ ту-же минуту, и тамъ останься съ благодареніемъ Господу.» Вотъ я и шла всю дорогу, отъ Ачинска до Иркутска, размышляя: какъ же можетъ то случиться, что мнѣ сказалъ старецъ? Въ сколькихъ я была монастыряхъ въ Россіи, но мнѣ не падало на сердце—гдѣ лучше остаться ; а всѣ казались хороши. Но въ Иркутскѣ влекло меня обѣщаніе поклониться святымъ Мощамъ великаго Чудотворца, Святителя Иннокентія , данное при моемъ испѣленіи. Наконецъ, достигла я Иркутска; немного остановившись въ Вознесенскомъ монастырѣ, и исполнивши свое обѣщаніе, пошла я въ городъ. На пути видѣнъ былъ дѣвичій монастырь; ограда низкая, и кельи также едва видны изъ-за ограды; а въ оградѣ мнѣ казалось, что рай насажденъ. И я не ушла такъ изъ города въ Вознесенскій монастырь, но зашла въ дѣвичій монастырь. Подхожу къ святымъ воротамъ: вдругъ, такое встрѣтило меня благоуханіе, что я даже остановилась; и будто сзади кто слѣды ногъ моихъ обрѣзалъ, чтобы не возвращаться мнѣ, а остаться тутъ. Какое-то сдѣлалось радостное въ сердцѣ ощущеніе, какъ точно будто бы оно сказала: остаться здѣсь. Я тутъ же вспомнила слова отпа Даниїла, какъ будто самъ при мнѣ онъ былъ. Когда же я вошла въ церковь,—видъ Распятія такъ меня поразилъ, что я долго не могла сойти съ мѣста, гдѣ стояла. Старецъ еще говорилъ мнѣ: «ну, Марія, много у тебя будетъ, по-видимому, друзей въ монастырѣ, будутъ тебя и уважать въ глаза, а въ ребрушки будутъ стрѣлы пу-

щать, клевета и зависть будутъ тебя преслѣдовать всюду; а уличить тебя будетъ не-чѣмъ: Господь самъ будетъ твоимъ защитникомъ.» Сіе также оправдалось: такъ я живу по настоящее время. Иногда поражаютъ меня скорби сильно, и впадаю въ уныніе. А иногда почувствую какое-то тайное утѣшеніе въ душѣ моей; вѣрю, что Господь меня не забылъ; вспомню слова старца Даніила,—и подкрѣпятъ меня сила Божія.

Еще Анна Семеновна сама про себя мнѣ рассказывала слѣдующее:

Пришедши въ Сибирь, на чуждую сторону, разлученная со всѣми своими родными, и поселившись въ городѣ Ачинскѣ, я плакала три года, отъ чего и повредила свои глаза, такъ что плохо стала и видѣть; уже на глазахъ начали появляться и бѣльмы. Слышавъ многое о старцѣ Даніилѣ, начала я просить одну женщину, чтобы она свела меня къ старцу. Она же отзывалась тѣмъ, что старецъ насъ не прійметъ; но я усердно просила, чтобы хотя до кельи меня проводила; наконецъ, она согласилась. Подошедши къ келліи, я исполнилась слезъ, и зарыдавши вскричала: «батюшка Даніилъ, благослови меня горькую на чуждой странѣ!» А сама стою на колѣнахъ. Вотъ онъ, мой батюшка, вышелъ изъ келліи, и спросилъ меня: «что тебѣ надобно?» Я сказала: «благослови.» Онъ же положилъ свои руки на мою голову, и крѣпко пожалъ, такъ что сдѣлалось у меня въ головѣ волненіе. Потомъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, и дунулъ прямо въ нихъ. У меня вдругъ открылся другой свѣтъ, такъ что показалась мнѣ его келья золотою и сіяющею; а сердце мое наполнилось такой радости, что какбы я была уже не на землѣ, а въ раю. Шла я домой, не

знаю, по землѣ ли, или по воздуху. Послѣ того прошло вотъ уже лѣтъ 15-ть, и благодарю Господа: глаза видятъ, слава Богу, хорошо.

Александръ Даниловичъ Даниловъ, купецъ Ачинскій, сынъ крестный и духовный старцу Данилу, изъ уваженія къ великому своему старцу носить, по имени его, отчество и фамилию. Онъ теперь пребываніе имѣетъ въ городѣ Енисейскѣ. О старцѣ говоритъ онъ слѣдующее:

Когда я проживалъ въ городѣ Ачинскѣ, и находился еще въ жидовствѣ, — часто слышалъ я о старцѣ Данилѣ, что онъ—великій рабъ Божій. А я уже въ то время началъ имѣть сомнѣніе относительно еврейскаго закона, и уже отчасти изслѣдовалъ свои заблужденія. Наконецъ, мнѣ захотѣлось старца видѣть и съ нимъ поговорить. Когда я вошелъ въ келью его и началъ съ нимъ разговоръ; то почувствовалъ въ сердцѣ моемъ какую-то сладость и радость, и позналъ его быти истиннаго раба Божія, и полюбила его душа моя. Равно и онъ меня полюбилъ; и сталъ я къ нему приходить и просить его святыхъ молитвъ. И вотъ, за его святыя молитвы Господь Богъ открылъ мнѣ истинный путь, и я истинно позналъ, что Иисусъ Христосъ есть истинный Мессія, Искупитель міра, предсказанный всѣми Пророками; что онъ есть Сынъ Божій, прежде еще вѣкъ непостижимо отъ Отца рожденный, а потомъ, ради нашего спасенія, отъ чистыя и святыя Дѣвы Маріи воплотившійся, рожденный, пострадавшій и погребенный, воскресшій и вознесшійся на небеса, и что Онъ-же паки, во второе Свое пришествіе, придетъ судить живыхъ и мертвыхъ. И сдѣлался я христіаниномъ, только еще кромѣ крещенія. За молитвы

старца успѣлъ я убѣдить и жену свою, и дѣтей, и еще мою сестру съ мужемъ, который теперь называется Петръ Ивановъ Розановъ, Ачинскаго собора церковный староста. Потомъ начали мы готовиться ко крещенію. Я пришелъ къ старцу, и началъ просить его, чтобы онъ былъ мнѣ отцемъ крестнымъ, и принялъ бы меня отъ святой купѣли. Онъ же никакъ на это не соглашался. Я много просилъ его, припадая къ ногамъ его; но онъ непреклоненъ былъ. Наконецъ, я сказалъ: «ежели ты не хочешь быть моимъ отцемъ крестнымъ и воспріемникомъ отъ святой купели; то я отложу крещеніе.» Онъ заплакалъ и сказалъ: «побѣдилъ: буду, буду твоимъ отцемъ крестнымъ.» Вскорѣ за симъ, благодатию Господа моего Иисуса Христа, принялъ я святое Крещеніе со всѣмъ семействомъ, и сестра моя съ мужемъ. И такъ для меня сдѣлалось драгоценно имя Данилъ; посему и усвоилъ я себѣ фамилію Даниловъ, дабы знали и дѣти мои, и все потомство мое помнило, почему они прозываются Даниловы: ихъ отецъ имѣлъ наставникомъ и отцемъ крестнымъ великаго старца Данила.

Но о жизни и о подвигахъ старца и отца моего я вамъ ничего не могу передать; потому что я съ нимъ вмѣстѣ не жилъ, а находился все въ суетахъ міра сего. Скажу только, что великъ былъ старецъ и вѣрный рабъ Божій; ибо всѣ его дѣла и подвиги, и слова и вся жизнь его являютъ сіе. Двѣ кельи его удивляютъ всѣхъ зрящихъ на нихъ; одежду онъ носилъ — только по названію одежду. Ежели бы бросить ее на улищѣ, то никто бы ее не поднялъ. Тѣло его было какбы восковое. Пища его была — хлѣбъ, и то больше гнилой, да еще иногда — картофель, и то не чи-

щенный; а пятіе—вода. Никто его не видалъ ядушаго; ибо онъ больше принималъ пищу по вечерамъ, да и то не каждый день. Нестяжаніе его было совершенное: онъ, какъ ничего не имѣлъ, такъ ничего и не желалъ, и ничего ни отъ кого не принималъ. Даже, я едва его могъ убѣдить принять отъ меня новый молитвословъ; потому что мнѣ хотѣлось получить въ наслѣдство его старій, который я и получилъ отъ него, и блюду, какъ великую святыню, для памяти и благословенія. Если бы продавать сію книгу,—никто бы не далъ десяти копѣекъ; а для меня она—неоцѣненный даръ. Имѣя такое нестяжаніе, старецъ говорилъ, что и самая малѣйшая вещь, или украшеніе, приноситъ вредъ душѣ, любящей Бога. Сколько я его ни убѣждалъ, чтобы онъ взялъ отъ меня хотя малую милостыню: онъ никогда на это не соглашался. Только въ одно время онъ мнѣ сказалъ: «братъ Александръ, я у тебя никогда ничего не хотѣлъ взять; а теперь прошу тебя: купи мнѣ масла постнаго, коноплянаго или льнянаго, а для чего?—открою тебѣ сіе, какъ возлюбленному моему брату.» Потомъ показалъ мнѣ свое колѣно, и сказалъ: «Вотъ, въ этомъ колѣнѣ завелись черви; да черви-то бы ничего, пусть ѣдятъ мое грѣшное тѣло, оно того и стоитъ; но то—бѣда, что нельзя стоять на молитвѣ.» А я, какъ взглянулъ на его колѣно, очень испугался: ибо на немъ, отъ молитвеннаго стоянія, выросли струпы бугромъ, и подъ ними завелись черви. Тотъ-же часъ просьбу я исполнилъ съ любовію, и послѣ онъ меня благодарилъ.

Молитва у него, должно быть, была безпрестанная и духовная; потому что онъ любилъ весьма молчаніе,

такъ что нужное говорилъ кратко и мало, и то больше притчами; а разговоровъ мірскихъ, политическихъ и историческихъ, даже отнюдь и не терпѣлъ. Когда я куда отправлялся въ дальній путь, — ходилъ брать у него благословеніе. Однажды, онъ мнѣ сказалъ: «Братъ мой, прошу тебя, не безпокой меня своимъ посѣщеніемъ. Ибо когда ты у меня бываешь, то я послѣ о тебѣ сожалею, и отъ того претерпѣваю не малый вредъ для души моей, потому что умъ оставляетъ свое дѣло.» И я, съ тѣхъ поръ, сталъ опасаться—старца безпокоить.

Вотъ что я могъ упомянуть изъ жизни старца Данила; а болѣе ничего не могу вамъ сказать.

Петръ Борисовъ Шумиловъ, томскій мѣщанинъ, о старца Данила разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

Когда я по обѣщанію моему странствовалъ въ Россіи по святымъ мѣстамъ; то на обратномъ пути изъ Кіева, въ 1843 году, проходя свою сибирскую страну, желалъ-было видѣть старца Данила, но не сподобился. На пути, около рѣки Иртыша, встрѣтился со мною знакомый братъ, молодой юноша, крестьянинъ села Красной-рѣчки; село сіе отъ деревни Зерцалъ, гдѣ келья старца Данила, только въ шести верстахъ. Братъ этотъ, именовъ Дороей, ученикъ старца Данила, весьма кроткій и смиренный, и послушливый, меня весьма удивилъ тѣмъ, что онъ, идя въ дальнюю страну, не имѣлъ при себѣ ни сумы, ни посоха, ни денегъ. Я его спросилъ: почему онъ такъ очень легко плетъ? Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «Такъ было угодно моему старцу, отцу Данилу; ибо онъ меня благословилъ въ этотъ путь, конечно, по моему желанію, и сказалъ мнѣ: иди, братъ, во слѣдъ Христа по-апостольски,

по тѣсному пути, и не бери на путь ни сумы, ни жезла, ни денегъ: и Господь тебя не оставитъ и пропитаетъ; а съ половины дороги поѣдешь вмѣстѣ съ Архіереемъ, и будешь монахомъ. Вотъ, поэтому я и иду такъ, съ одною надеждою на Бога и на молитвы старца Даніила. Но старецъ уже уѣхалъ въ Енисейскъ.» Что же? Когда этотъ братъ Дорошей, уже прошедши Екатеринбургъ, былъ около Кунгура, — вдругъ, приближается къ нему Преосвященный Евлампій, бывшій Пермскій Викарій, Епископъ Екатеринбургскій, проѣзжавшій тогда на назначенную ему Орловскую епархію. Увидавъ странника, онъ остановился и спросилъ его: откуда и куда идетъ? Узнавъ, что путникъ изъ Сибири идетъ въ Кіевъ, Владыка посадилъ его съ собой, привезъ въ Орелъ, и оставилъ его пожить при себѣ, какъ истиннаго раба Божія. Онъ прожилъ при Владыкѣ около двухъ лѣтъ; потомъ Владыка отпустилъ его въ Кіевъ на поклоненіе. А послѣ, Дорошей пожелалъ остаться въ общежительной Бѣлобережской пустыни, въ которой и до-днесъ пребываетъ, и уже давно постриженъ въ монашество и нареченъ въ постриженіи Д. — А Преосвященный Евлампій послѣ былъ Епископомъ Вологодскимъ, а теперь уже Архіепископомъ Тобольскимъ.

Еще рассказывалъ Шумиловъ:

Одинъ духовный братъ, ходившій бесѣдовать къ старцу Даніилу, говорилъ мнѣ сіе: « Во единъ отъ дней, бывши у старца, побесѣдовавши и простившись, вышелъ я изъ кельи обратно; только, вдругъ вздумалось мнѣ посмотрѣть къ старцу въ окошечко, и полюбопытствовать—чѣмъ старецъ занимается одинъ въ кельи; и послушать. Вотъ и подползъ я въ окну на

колѣнахъ тихонько; и вдругъ изъ окна вышло пламя, такъ что едва меня не опалило. Я, испугавшись, вскричалъ: «батюшка Данилъ, прости меня грѣшнаго!» Старецъ изъ кельи отвѣтилъ: «Богъ проститъ тебя, брате; но впередъ такъ не дѣлай, и сего не испытывай.»

Еще Александръ Даниловъ сказывалъ мнѣ слѣдующее:

Когда я переѣхалъ на жительство въ Енисейскъ, вытребована была въ игуменьи въ Енисейскій женскій монастырь изъ Иркутска монахиня Евгенія, послушница и дочь духовная старца Данила. Потомъ, какъ мать игуменьи, также равно и я, начали старца звать въ Енисейскъ въ женскій монастырь на жительство. Онъ долгое время никакъ на это не соглашался, и говорилъ: «надобно хорошенько посоветоваться съ келіей своей; а она меня не отпускаетъ.» Наконецъ, въ 1843 году, согласился ѣхать въ Енисейскъ; и такъ какъ мнѣ случилось быть у него въ январѣ мѣсяцѣ, то онъ пожелалъ вмѣстѣ со мной ѣхать. Но въ день выѣзда изъ города Ачинска онъ постоянно отказывался ѣхать въ Енисейскъ, и говорилъ: «меня не отпускаетъ моя келія, надобно еще ее спросить.» Но по усиленной просьбѣ согласился выѣхать того дня. Отѣхали ли мы верстъ пять отъ города, не знаю; быть можетъ, гораздо менѣе: какъ поднялась страшная буря, и отъ поднявшагося снѣга не видно было и дороги. Сколько ни усиливался бѣдный извозчикъ ѣхать далѣе, увеличившаяся буря заставила насъ воротиться въ городъ. А старецъ, вошедши въ домъ, сказалъ: «вотъ, мы воротились; поѣдемъ завтра!» И дѣйствительно, въ ту-же ночь, на той станціи убили человѣка.

Тогда-то мы узнали истинность словъ старца : « видишь на морѣ волны: не пускайся въ море.»

Еще священникъ Димитрій Евтихievъ пишетъ слѣдующее:

Въ 1843 году , въ январѣ мѣсяцѣ , старецъ оставилъ насъ , и уѣхалъ изъ Ачинска въ Енисейскъ. Енисейскаго монастыря игуменія Евгенія , въ свое время , по наставленію старца Даніила , оставила , жизнь мірскую , и поступила на подвигъ монашеской жизни. Онъ обѣщался пожить при ней , и , какъ она сама удостовѣряетъ , всѣ слова его къ ней исполнились вѣрно. Въ енисейскомъ монастырѣ и жизнь свою окончилъ старецъ. За три дня до смерти онъ пришелъ къ игуменіи , собралъ всѣхъ сестеръ , далъ имъ наставленіе , и сказалъ : « я отъ васъ уѣду скоро , скоро!» Сестры же опечалились , и думали , что ему у нихъ не понравилось , и хочетъ онъ опять въ Ачинскъ. Потомъ велѣлъ онъ позвать священника , отца Василія Кассіанова : у него исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Послѣ Причащенія , сталъ на колѣни , и , помолившись Господу Богу , на рукахъ игуменіи скончался , 15 апрѣля , 1843 года.

Наконецъ , свидѣтельствуемъ о старцѣ Даніилѣ сама настоятельница енисейскаго Христорождественскаго дѣвичьяго монастыря , игуменія Евгенія , своеручнымъ письмомъ , слѣдующее:

Достопочтеннѣйшій старецъ , отецъ Парөөніи! Хотя я сама васъ лично и не знаю , но вынуждена вамъ отвѣтить на второе ваше письмо о богоугодномъ старцѣ Даніилѣ. Видно , такъ Богомъ опредѣлено вамъ испытать и узнать о жизни странника. Я вамъ не

могу писать о его жизни подробно; а что только знаю, то напишу.

«Во-первыхъ: какъ онъ предъказалъ въ молодости моей жизнь мою, такъ по словамъ его и сбылось.»

Потомъ писала она о молодыхъ его лѣтахъ, что я уже и помѣстилъ въ началѣ сего жизнеописанія.

Далѣе пишетъ слѣдующее:

«Не могу я точно опредѣлить — въ которомъ году онъ присланъ въ заводъ и выпущенъ на пропитаніе; но только, должно быть, онъ пришелъ въ Сибирь между 1821 и 1824 годами. Мы уже съ нимъ познакомились въ Ачинскѣ 1827 года: онъ сталъ насъ тутъ посѣщать. Мы его всегда принимали, какъ почтеннаго старца, и онъ показывалъ себя за блаженнаго; только, мы принимали его слова всяко: иногда повѣряли и находили правильными, а иногда пропускали просто. Въ Ачинскѣ начали мы строить домъ; онъ неоднократно повторялъ: «не стройтесь; ибо вамъ въ немъ не жить: хозяинъ умретъ, а домъ на болотѣ, — онъ потонетъ.» Потомъ, ко мнѣ обратившись, сказалъ: «ты не знаешь — что тебѣ уже давно Владычица уготовала черное покрывало: тебя ожидаетъ обитель, ты будешь монахиня и казначея и игуменія; у тебя будетъ монастырь богатый, а церковь — богаче того, а домъ — вдвое того.» Но мы все это принимали за басни. Выстроили мы домъ; старецъ, однакоже, къ намъ ходитъ не рѣдко, и всегда одно повторяетъ, — меня всегда въ монастырь отправляетъ, и говорить: «скоро, скоро у Катеринушки крылышки-то отпадутъ, и Катеринушка упадетъ.» А мы, какъ завлекла насъ мірская суета, — ничего не понимали. Что же? — Въ домъ мы прожили только девять мѣся-

цевъ: мужъ мой, хозяинъ дома, померъ, а имущество наше было описано по дѣламъ, начавшимся послѣ его кончины. Вотъ и домъ потонулъ!

Послѣ смерти покойнаго моего мужа протекло три года всё въ хлопотахъ. Потомъ, какъ уже рѣшила я свои дѣла, тогда уже разсмотрѣла, что мнѣ Богомъ опредѣлено поступить въ монастырь. Я спрашиваю старца: «куда мнѣ благословите идти,—въ иркутскій, или въ енисейскій?» Онъ мнѣ сказалъ: «поѣзжай въ иркутскій; будешь и въ енисейскомъ.» Я на это ему отвѣтила: «Зачѣмъ же такъ?—Въ одинъ которыйнибудь.» Онъ же сказалъ: «и рада бы не шла, да вызвать въ енисейскій.» Вотъ не правда ли и это?...

Когда я еще жила въ домѣ, то я его всегда звала къ себѣ, и въ саду хотѣла ему выстроить келью по его желанію. Онъ мнѣ говорилъ: «ты сама живешь на болотѣ; а когда будешь жить на твердой землѣ, тогда я къ тебѣ и прійду; ты меня и похоронишь.» Такъ и случилось; ибо чрезъ десять лѣтъ моей жизни въ монастырѣ, когда я поступила въ игуменьи, — пріѣхалъ ко мнѣ дорогой мой гость съ Александромъ Даниловымъ; и только что вступилъ въ келью мою, — сказалъ: «вотъ, теперь ты на твердой землѣ, и я къ тебѣ пріѣхалъ погостить; ты меня и похоронишь.»

Погостилъ дорогой мой гость только три мѣсяца, и преставился 15 апрѣля, 1843 года, въ четвертокъ на Пасхѣ. Наканунѣ его смерти пошла я къ нему похристосоваться, и съ прискорбіемъ ему признавалась, что хочу свою должность оставить. Онъ на сіе мнѣ сказалъ: «не думай этого никогда: тебѣ эта должность положена до конца твоей жизни, и управленіе твое будетъ благополучно и изобильно.» Я спросила: «а

безъ меня—какъ?» На сіе онъ отвѣтилъ: « объ этомъ надобно помолчать.» И подлинно, такъ меня Господь благословляетъ и милуетъ , а высшее начальство жалуется !

Подвиги старца Даниїла были самыя трудныя. Въ таковой жизни онъ провелъ болѣе тридцати лѣтъ. Пищею его былъ одинъ хлѣбъ съ водою; да и то до сытости онъ никогда не вкушалъ. Онъ имѣлъ на себѣ только одно рубище, которое хранится у меня; многіе берутъ его на излеченіе отъ болѣзней, и бываетъ по вѣрѣ ихъ польза.

Наканунѣ своей смерти , онъ съ удовольствіемъ осматривался въ оградѣ , и говорилъ мнѣ : « завтра меня уже не будетъ ; вы не говорите : я уѣхалъ ; а скажите: былъ, да нѣтъ, Даниїль.» И подлинно такъ: съ-вечера былъ здоровъ; въ двѣнадцатомъ часу ночи заболѣлъ; въ утреню исповѣдался ; а въ раннюю Литургію причастился Святыхъ Тѣла и Крови Христовой. Мнѣ онъ сказалъ : « прійди ко мнѣ въ третьемъ часу.» Я, пришедши, послала за священникомъ; и прочиталъ онъ отходную. Старецъ сталъ на колѣна; я поддержала его за плеча. Онъ же сказалъ мнѣ : « Богъ тебя проститъ , мое золото.» Съ этимъ словомъ онъ скончался. Когда начали его обмывать, усмотрѣли на тѣлѣ его берестовый поясъ , уже вросшій въ его тѣло, и кровь , запекшуюся около пояса; съ тѣмъ его и положили во гробъ. Я съ радостію такое сокровище похоронила въ оградѣ. По смерти же его , явилась на лицѣ его такая живая улыбка , что совсѣмъ онъ не походилъ на мертваго.

Вотъ, достопочтеннѣйшій старецъ, что я знала, все вамъ подробно описала ; больше ничего не знаю. Я

твердо увѣрена, что онъ былъ мужъ жизни духовной и благочестивой; и мнѣ недостойной Господь опредѣлилъ быть подъ его руководительствомъ.

Скончался онъ около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Вотъ, какъ страннику Господь сподобилъ окончить жизнь свою! На похороны его столько стеклось народа, что подивиться надобно. Ибо еще не знали странника въ нашемъ городѣ; а всѣ собрались въ церковь отъ-мала до-велика. Когда же несли тѣло его мимо кельи покойной моей предмѣстницы, а она уже была слѣпая, и ничего не могла видѣть: то и она увидѣла свѣтъ, — будто бы блеснула молнія. Въ церкви же, хотя и были зажжены всѣ мѣстныя свѣчи, — былъ какой-то еще особенный свѣтъ; чувствовали многіе какой-то пріятный запахъ, и говорили: «вотъ, какъ Господь возлюбилъ странника, и прославляетъ трудника Своего!» И теперь, многіе приходятъ, служатъ по немъ панихиды, берутъ земли съ его могилы, и бываетъ по вѣрѣ ихъ въ болѣзняхъ отрада. Впредь Богъ вѣсть, что будетъ; только, я уповаю на Господа Бога и на Его великія благости къ нашей обители. Уже мнѣ не дожидаться того; но буди во всемъ Его святая воля! А я уже и сама почти на пути къ своему отечеству.

Итакъ, достопочтеннѣйшій старецъ, отецъ Пареевій, я хотѣла было умолчать: потому что не мнѣ прославлять такихъ подвижниковъ; но убѣдило меня ваше второе письмо. Посему, что я знала и видѣла, все вамъ описала, не убавила и не прибавила; видно, Господу Богу такъ угодно, и Онъ вамъ такъ повелѣлъ, что чрезъ десять лѣтъ послѣ кончины старца вы меня спросили. Я бы сама никогда не отважилась

описать жизнь такого великаго подвижника. Всегда и всякое дѣло отдаю на волю Божию; и теперь не знаю — для чего вы меня спросили и даже вынудили. Буди же во всемъ Его святая воля! Можетъ быть, Господь и не поставитъ мнѣ недостойной сего во грѣхъ.

Еще вы писали Данилову: но онъ вамъ ничего не можетъ описать подробно, развѣ только припомнить фамилію старца. Но я вамъ и не совѣтую больше искать и извѣдывать. Ежели хотите быть его сотрудникомъ, и подражать его подвигамъ, — это — доброе дѣло: ибо кто на Господа Бога положится, тотъ не обложится, и тотъ многого не ищетъ: едино намъ на потребу.

Итакъ, достопочтеннѣйшій старецъ, спасайся о Господѣ, и меня убогую инокиню Евгенію не оставь во своихъ молитвахъ; и я остаюсь сомолитвенница ваша, посильная богомольщица, игуменія Евгенія.»

10 Августа, 1853 года.

Енисейскій женскій монастырь.

Вотъ, возлюбленные братія, два Григорія, только что могъ я собрать по вашему прошенію о жизни велика с тарца Данила, прежде бывшаго ачинскаго, а теперь енисейскаго. Можетъ быть, я не вполнѣ удовлетворилъ вашему пламенному желанію, и общилъ не столько, сколько вамъ хотѣлось узнать о немъ; но что дѣлать? Я и самъ знаю, что мало собралъ и написалъ. Отъ современниковъ старца по всей сибирской странѣ осталось множество преданій, и наполнены о немъ разговорами всѣ дома и собра-

нія. Одни рассказываютъ со удивленіемъ о его подвигахъ, другіе припоминаютъ его слова и наставленія; иные удивляются его прозорливству, а нѣкоторые вспоминаютъ со слезами благодѣянія, полученныя отъ него. Нѣкоторые въ тѣлесныхъ болѣзняхъ — помощь, другіе отъ душевныхъ страстей и грѣховъ — освобожденіе, а иные въ тяжкихъ скорбяхъ получили утѣшеніе. Есть не много и таковыхъ, подвизающихся въ духовной жизни, которымъ, по многомъ испытаніи, преподавалъ онъ высокое ученіе о томъ—какимъ образомъ безпрестанно имѣть Бога предъ очами своими, то-есть, непрестанно созерцать Господа Бога умомъ, и совершать молитву Иисусову внутри сердца. Донинѣ еще нѣкоторые, около города Ачинска, обрѣтаются въ живыхъ его ученики и его истинные наслѣдники; живутъ въ отшельничествѣ, въ пустыняхъ и на пасѣкахъ, хотя и не много уже ихъ осталось.

Много бы можно было собрать о жизни старца Даніила и его словесъ и наставленій, ежели бы я самъ побывалъ около города Ачинска и въ деревнѣ Зерцалахъ; потому что тамъ было постоянное пребываніе старца. Но обстоятельства мои не позволили мнѣ тамъ побывать; и потому не могу больше вамъ написать о старцѣ Даніилѣ. Хотя и многихъ я видѣлъ его современниковъ; но иные уже позабыли, а другіе не могутъ подлинно передать, а многіе уже скончались.

Итакъ, возлюбленные братія, будьте довольны тѣмъ, что я могъ собрать и написать, — хотя и не много, да вѣрно; и отъ этого есть чѣмъ воспользоваться, и есть чему подражать, и есть съ чего взять примѣръ.

При семъ возвергаю себя на благость Господа мо-

его, Иисуса Христа, и на предстательство Пречистыя Его Матери, Владычицы Пресвятыя Богородицы, Приснодѣвы Маріи, поручая себя святымъ молитвамъ въ Бозѣ почившаго великаго старца Даніила.

Прошу и вашихъ святыхъ молитвъ.

Остаюсь и я вашъ сомолитвенникъ, паче всего міра непотребнѣйшій, странствующій инокъ святыя Горы Аѳонскія, общежительной Пантелеимоновой Русской обители, всѣхъ послѣдній Пароеній грѣшный.

Іюня 28 числа, 1854 года.

ПРИБАВЛЕНІЯ:

I.

УВЪЩАНІЕ КЪ ГЛАГОЛЕНЫМЪ СТАРООБРЯДЦАМЪ, СЪ ВЫПИСКАМИ
ИЗЪ ТОЛКОВАГО АПОСТОЛА.

Возлюбленные мои братія и соотечественники, глаголемые старообрядцы! Прошу васъ со слезами: вникните въ святое и Божественное Писаніе, рассмотрите со вниманіемъ святое и Божественное Евангеліе, посланія святыхъ Апостолъ и толкованія на нихъ святыхъ Отець, а наипаче святаго и великаго Святителя, Вселенскаго Учителя и покаянія проповѣдника, Іоанна Златоустаго; попецътесь, возлюбленные, о спасеніи душъ вашихъ, подумайте о своемъ горестномъ положеніи, пока еще время не ушло; оставьте свои толки и споры, и послѣдуйте слову Божію, ученію святыхъ Апостолъ, и святыхъ Отець правиламъ. Иисусъ Христосъ утвердилъ на землѣ Святую Церковь; святые Апостолы ее по всей земли распространили; а святые Отцы ее оградили и укрѣпили правилами и канонами. Эта Церковь утверждена на твердомъ камени, такъ что врата адава ее не одолѣютъ до скончанія вѣка. Это—корабль, на которомъ

кормчій есть самъ Иисусъ Христосъ , и на которомъ истинные христіане, избранныки Божіи, преплываютъ чрезъ житейское море въ небесное отечество ; это — ограда словесныхъ овецъ , въ которой находятся съ овцами вмѣстѣ и козлища ; это — нива , на которой засѣяна пшеница , а врагъ діаволъ ноцію насѣялъ плевелъ; но которую Господь очиститъ во время жатвы, и пшеницу соберетъ въ житницу, а плевелы броситъ въ огонь; это—неводъ, закинутый въ житейское море, въ которомъ обрѣтаются рыбы, добрыя и худыя; это — торжище, въ которомъ производится духовная купля, имѣющая производиться до втораго Христова пришествія, какъ самъ Господь сказалъ: *куплю оубо вы, дондеже прииду* ; это — муроварница, изъ которой истекають семь благовонныхъ и благодатныхъ источниковъ Святаго Духа, то-есть, семь святыхъ Таинъ, чрезъ Христовыхъ приставниковъ, Апостольскихъ преемниковъ, — чрезъ Патріарховъ и Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, которые приняли сію власть и благодать отъ самого Иисуса Христа, Спасителя міра, а потомъ другъ другу передають, чрезъ хиротонію, эту власть и ключи отъ царства небеснаго. Имъ Господь сказалъ: *пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 23); и пакы: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* (Матѹ. 18, 18.).

Вотъ я привожу вамъ двухъ свидѣтелей, которые говорятъ, что намъ нельзя спастись безъ таинствъ церковныхъ, — Святаго Апостола Павла и святаго Іоанна Златоустаго.

Апостолъ говоритъ къ коринѳянамъ (149 зач.): *Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Иисусъ Христосъ въ ночь, въ нюже преданъ бываше, пріемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое: сіе творите въ Мое воспоминаніе. Такожде и чашу, по вечери, глаголя: сіа чаша новій завѣтъ есть въ Моей крови: сіе творите, елижды аще піете, въ Мое воспоминаніе. Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню възвѣщаете, дондеже пріидеть* (1 Кор. II, 23—26.).

Толкованіе Златоуста: «Ибо егда вразумѣши что тебе ради Господь твой претерпѣ, премудръ будеши. Сіе бо знаменаеть, глаголя, *елижды аще ясте, смерть Господню възвѣщаете*. А яко даже до втораго Его прішествія пребудеть, наведе «*дондеже пріидеть*» (Толковій Апостолъ, печати почаевской, листь 536).

Еще приведу изъ того-же Толковаго Апостола, на вышесказанныя слова святаго Апостола Павла, толкованіе святаго Іоанна Златоустаго, листь 542.

«Якоже бо Ілія во образѣ остави в Елиссею милоть, въ немже хождаше: тако и Господь нашъ Иисусъ Христосъ оставилъ возлюбленній Церкви Своей одежду драгу, порфиру царску, еюже покры Божество Свое ради спасенія міра, сирѣчь, тѣло и кровь Свою, яко велій даръ, да съ нимъ Богу Отцу предстательствуетъ, творя память смерти Его въ жертвѣ святой, и будетъ причастницею во удахъ своихъ, егда пріемлють ю на утверженіе душъ своихъ. Обаче же не тако оставилъ, якоже Ілія. Онъ же хотяше милоть испустити, совлечеса съ нея; Господь же нашъ вся могій

съ плотію Своею на небеса възиде (*), и здѣ величій тайнѣ, разумомъ чловѣческимъ непостижимый, сій хлѣбъ съ небеси намъ всегда даетъ на жертву, и на пищу, ничесоже себе не умаляючи, съ симъ даромъ предстательствуетъ возлюбленная Христова Богу Отцу, Егоже имѣють дару и велія благодсти, Сына Его возлюбленнаго Своего, въ Немже есть умирень гнѣвъ Божій, и родъ чловѣческой въ любовь Свою пріять. При сей жертвѣ Богу пріятной молимся, да надъ нами умилосердится, не на грѣхи наша, но на страданіе Сына Своего зряще, и намъ да будетъ милостивъ Его ради, Онъ же для насъ бысть Ему послушливъ до смерти, и смерти крестной.

Жертва же, приносимая по всей вселенній въ Церкви христіанской, нѣсть ни едина отъ жертвъ древняго закону, ниже знаменованіе, еже погнбе, истинѣ пршшедши, но жертва Новаго Завѣта на воспоминаніе смерти Господни, понеже Богъ хоцетъ, да память благодѣянія Его не престанетъ, ибо Пророкъ рече: Память сотворилъ еси чудеса Своихъ: милостивъ и щедръ Господь. пищу далъ еси боящимся Его (**). Сія бо жертва не иная коея вещи, но тояже на крестѣ принесенныя; ибо едину жертву принесе совершену, святу. И да не речеть кто: уже не требѣ жертвы святыхъ, якоже ложніи пророцы глаголютъ. Юже бо Іерей нашъ Христосъ жертву, насъ очищающую, принесе, туюже и мы приносимъ, яже во оно время принесена бысть. Сіе же творимъ на память, еже уже бысть, ибо рече: сіе творите въ память Мою (***)).

(*) Іоан. 6, 62. 3, 13. (**) Псал 110, 4. 5. (***) Лук. 22, 19.

Въ то бо время, не только родъ человѣчскій страшнымъ гласомъ къ Богу вопіеть, но и Ангелы, и Архангелы молятся, имѣючи сіе время пріятно, и сію святую жертву на помощь; и якоже людіе, носящи ваіа масличныя въ рукахъ, царей къ милости приклоняють, ваіями мѣлосердія имъ на память приводяще, тако и Ангели въ то время вмѣсто масличныхъ тѣло возносящи молятся о родъ человѣческомъ, аки глаголя: о тѣхъ молвмся, ихже еси тако возлюбилъ, яко смерть спасенія ради възъ подъять, и душу на крестѣ Богу Отцу предаде.

Ибо жертва видимая есть служба и хвала, яже единому Богу достойтъ, и еюже Богъ бываетъ хваленъ, и понеже древняя есть хвала Божія въ жертвѣ, два братія Каинъ и Авель являютъ, старѣйшаго же жертву Богъ отрину, на юнѣйшаго же жертву призрѣ и пріять ю. Ибо языцы разумомъ естественнымъ сіе видяху, и никтоже гордостно вознесшся, по дондеже человѣкомъ себе быти вѣдывше, не повелѣ себѣ жертвы приносить, а еже въ такъ велие неистовство пришедъ, и возмнявъ себе богомъ быти, таже жертву себѣ повелѣваше приносить. Но, оставивши языковъ, воспомынемъ истинныхъ рабовъ, оныже прославляху Бога, и обрящемъ, яко сія хвала Божія въ жертвѣ бысть изначала міру, и яже до скончанія вѣка будетъ. Еда бо изначала въ законѣ естественнѣмъ не принесе жертвы Авель праведный, не имѣющіи еще закону писаннаго? Еда Богъ видимо не извѣсти, якѣ сію воню благоуханія пріять? Еда и послѣди отцы святіи не приношаху жертвы предъ потопомъ? И абіе по потопѣ еда Ной прежде Богу олтаря не содѣла, и на немъ жертвы не принесе? Еда послѣди и прочіи Па-

тріархи, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, далече предъ закономъ Моисеовомъ, и по законъ отъ Бога на горѣ Синайской даномъ, не приношаху жертвы? Ихже ради прежде бысть Ааронъ іереомъ постановленъ, отъ колѣна Леввіина, и вси сыны его и сыны сыновъ его на іерейство отлучени, и старѣйшій іерейство пріимаше, и того ради нареченъ бысть чинъ Аароновъ, ихже жертвы окровавленныя вси знаменовашу едину жертву, юже Господь нашъ Іисусъ Христосъ на крестѣ Богу Отцу за грѣхи всего міра Собою принесе, и юже имѣху достоинство, не отъ себе имяху, но еже и сію едину жертву знаменоваша, и въ сій вѣрѣ приносими бываху.

Но и егда истина явится, тогда знаменіе престаесть, егда солнце приидеть, тогда мракъ погибаесть. Ибо жертвы вся древняго закону, егда Господь Іисусъ Христосъ на крестѣ имѣ въ жертву Себе принести, имяху престати, и престаша. Понеже днесъ іудеи ни церкви, ниже іерея, ни жертвы не имѣють, и понеже жертвы іудейскія престати имѣху, одинако не хотяше Богъ быти безъ жертвы, дабы сія чести и хвалы не имѣлъ въ Церкви Своей даже до скончанія вѣка. Того ради Господь нашъ Сынъ Божій, новый Іерей изъ иного колѣна, нежели Аароновую, жертвы Новаго Завѣта предаде на тайнѣй вечери, и новыи Іерей, по чину Мельхиседекову, Апостолы Своя постави, и не иныя коея вещи предаде жертву, но тояжде, юже на крестѣ принесе, сирѣчь, тѣла и крови Своея свята, якоже рече: се есть тѣло Мое, еже за вы ломимое, се есть кровь Моя новаго завѣта, за вы и за многія изливаема во оставленіе грѣховъ. сіе тво-

рите въ Мое воспоминаніе (*); но инымъ чиномъ, не кровавымъ, ниже на смерть, но подъ лицѣ хлѣба и вина, по чину Мельхиседека іерея. Того ради сію предаде, да сія жертва будетъ памятію и обновленіемъ въ сердцахъ человѣческихъ жертвы, на крестѣ принесенныя, страсти и смерти Его, яже до скончанія вѣка, юже прежде вся жертвы отъ начала міру знаменовашу, и Мельхиседекъ бо іерей Бога Вышняго знаменоваше Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Пророка бо рече: Ты еси Іерей во вѣки по чину Мельхиседекову (**). Того ради на крестѣ рече: совершишася (***) . Ибо вся пророчествія и знаменія въ Немъ исполнишася, и тако и сему знаменію въ Господѣ нашемъ нужда бѣ исполнитися. Понеже Мельхиседекъ принесе въ жертву Богу хлѣбъ и вино, иныя же ни единыя жертвы не обрѣтаемъ; и того ради сіе въ Господѣ нашемъ исполнися. Не хлѣбъ бо и вино въ жертву Богу Отцу принесе, но тѣло и кровь Свою. Ибо во истиннѣ достоинъ болѣе быти, нежели въ знаменіи, якоже зримъ и въ знаменіи манны, на пустыни данной, яже тѣло Господне знаменоваша. А яже самъ Господь содѣла, сіе и ученикомъ Своимъ и по нихъ сущимъ яже до пришествія Своего творити повелѣ. Ибо, аще бы сіе знаменіе Мельхиседека іерея по вечера Господней не исполнилося, тогда индѣ нигдѣже мѣста не имѣетъ. И Пророкомъ бо рече Богъ ко іудеомъ: Нѣсть воля Моя въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертву не прииму отъ рукъ вашихъ. Зане отъ востокъ солнца и до западъ его имя Мое славится въ языцѣхъ, и на вся-

(*) Лук. 22, 19. (**) Пс. 109, 1. (***) Іоан. 19, 30.

комъ мѣстѣ ѿиміамъ приносится имени Моему , и жертва чиста : зане веліе имя Мое въ языцѣхъ (*). Глагола Господь , яко не хочетъ уже жертвы отъ рукъ іудейскихъ. И нарече ину жертву Себѣ любезну, тремя чинъми написавше: имяше быти между языки, и на всякомъ мѣстѣ и жертва чиста. И си есть та жертва , юже Церковь христіанская , отъ языковъ избранная , приноситъ по всей вселеннѣй Господу Богу, и до скончанія вѣка приносить будетъ, тѣло и кровь Господа нашего, Іисуса Христа на воспоминаніе смерти Его.

И сіе пророчество довольно на увѣреніе : понеже крѣпко и непреодолимо есть. Сямъ бо тремъ вещемъ, въ немъ написанымъ, въ единой иной жертвѣ, кромѣ сея, не возможно обрѣстися. Ибо первѣе, не обрѣтается въ жертвѣ Господней на крестѣ; бысть бо не между языки, но во іудействѣ , и не на всякомъ мѣстѣ , но только на единомъ , на горѣ Голгоѣ , и не всегда, но только единою. Не возможно же сему приматися и о жертвѣ хвалы , и о коей иной жертвѣ нашей внутренней : ибо ни една та жертва нѣсть чиста предъ лицомъ Божиимъ , якоже Писаніе глаголетъ: кто ся похвалитъ чисто имѣти сердце ? или кто дерзнетъ рещи чисто быти отъ грѣхъ (**). И пакы видѣ : небо же чисто и звѣзды нечисты суть предъ Нимъ (***) . И никакоже сего словеса не возможно разумѣти ни единой иной жертвѣ , ниже о жертвѣ Господа нашего на крестѣ , ниже о нашей внутренней или виѣшней. Оттуду является не ина

(*) Мал. 1, 10. 11. (**) Притч. 20, 9. (***) Іов. 15, 15. 25, 5.

жертва отъ Бога чрезъ Пророка проповѣдана (*), только сія, яже отъ вознесенія Господня на небеса и донинѣ въ Церкви христіанстѣй на всякомъ мѣстѣ приносится, жертва чиста тѣла и крови Агнца Божія, Иже грѣха не сотвори, и не обрѣтесе лествь во устѣхъ Его (**).

Ибо исповѣдуемъ, яко Новый Завѣтъ честнѣйшій древняго; онъ бо бысть только сѣнемъ, сій же истиною. Того ради аще тамо бысть жертва всеневная, тогда въ новѣмъ далече лучшая есть и честнѣйшая; ибо Павелъ святой глаголетъ, яко древняго закону преложися священство и законъ, и аще іерейство, то и жертва (***) . Ибо сіе вкупѣ бываетъ, единому безъ другаго быти невозможно. Имѣеть убо Новый Завѣтъ иное іерейство ново по чину Мельхеседекову, еже на Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ начаса, якоже древняго закона на Ааронѣ. Имѣеть же и жертву ину нову, далече честнѣйшую, юже на всякъ день и на всякомъ мѣстѣ Господу Богу къ славѣ и хвалѣ іерейми приносятъ. А сія нѣсть ни жертва хвалы, ни сокрушеннаго сердца, ни молитвы, ни милостыни; ибо сія не суть новыя жертвы, ибо быша въ древнемъ законѣ и въ новѣмъ: но имѣеть едину жертву нову, въ законѣ древнемъ никогда не бывшую, тѣло и кровь Господню, якоже и самъ Господь рече: сія чаша Новый Завѣтъ Моею кровію, яже за вы проливается. Сію Церковь христіанская присно на всякъ день Богу Отцу въ жертву приносятъ, ради воспріятія благодати и милосердія, на воспоминаніе смерти Сына Его на крестѣ. Исполняется въ семъ знаменіе жертвы

(*) Ис. 53, 8. (**) 1 Петр. 2, 22. (***) Евр. 7, 11.

вседневныя въ церкви Соломоновѣ, въ нейже на всякъ день утро и вечеръ агньца приношаху на жертву (*). Ибо прочія жертвы не на всякъ день, но разными времены приношаше. Сію же жертву новую Господь нашъ самъ нача на тайнѣй вечера; ибо самъ есть іереомъ и жертвою, и посемъ творити ю повелѣ Апостоломъ, и по сихъ сущимъ іереомъ, глаголя: сіе творите въ Мое воспоминаніе. И не только тамо ясти и пити повелѣ, якоже ложніи пророцы глаголють, но вся творити повелѣ, еже самъ творяше. И тѣ глаголы, якоже присно Церковь приимаше, достоятъ ко всему чину вечери Господни. Егда вземъ хлѣбъ, благодари и благослови, и посемъ преломи и даде, и въ семъ, еже *взять хлѣбъ благодари и благослови*, жертву сотвори, и посемъ жертву принесши, ломалъ и давалъ; и то все Апостоломъ и іереомъ творити повелѣ. Ибо аще тамо только ясти и пити повелѣ, да исповѣдять ложніи пророцы, гдѣ посвящати повелѣ. Понеже безъ знаменія креста, честнаго, или освященія слова Господня, имже вся бысть, тайнѣ статися невозможно. И тако хошуть ли имѣти тайну, нужда имъ исповѣдати, яко Господь симъ глаголомъ: *то творити*, не только ясти и пити повелѣ, чѣдъ послѣдняго, ино чѣдъ есть первое, посвящати и жертву приносити. И отъ Апостола же накажемся сему, яко прежде быти подобаетъ жертвѣ тѣла и крови Господни, нежели пріятіе. Ибо тако глаголетъ: *чаша благословенія, еяже благословляемъ, не общеніе ли крови Христовы есть? хлѣбъ, еяже ломимъ, не общеніе ли тѣлу Христову есть (**)?* И да не разумѣши, аки просто пити и

(*) Числ. 28, 3—8. (**) I Кор. 10, 16. 18. 20. 21.

ломати безъ жертвы, якоже еретицы творять, и абіе наведе отъ древняго закону, да лучши вразумѣши. *Видите, рече, Израиля по плоти: не ядущїи ли жертвы обещици олтаревї суть?* Откуда зриши, яко въ древнемъ законѣ по жертвѣ прїимаху то, еже бываше приносимо на олтарь. Такожде и въ Новомъ Завѣтѣ, по жертвѣ тѣла и крови Господни причастницы бають прежде іерей, посемъ же и прочїя вѣрнїя.

Еще же сіе и лучши вразумѣши, егда прочїя словеса Апостоловы разсмотриши, имиже завѣщаетъ жертвѣ бѣсомъ приносимыхъ, различіе полагаючи между чашею жертвы Господни, чашею жертвы бѣсовскїя, между жертвою трапезы Господни, и жертвою трапезы бѣсовскїя, ибо тако глаголетъ: *зане яже жрутъ языцы, бѣсѣмъ жрутъ, а не Богови: не хочу же васъ обещники быти бѣсомъ. Не можете чашу Господню пити, и чашу бѣсовску, не можете трапезъ Господни причащатися, и трапезъ бѣсовстѣй.* И что же чаша бѣсовская? только питіе, идоломъ приносимое. Что же трапеза бѣсовска? только пища, идоломъ обѣщанная, еже языцы творяху. Что же есть чаша Господня? только ейже іерей глаголы Господними благословляетъ, и Богу въ жертву приносить, чашу завѣта въ крови Господни въ лицїи вина. Что же трапеза Господня? — только пища душевная тѣла Господа нашего Исуса Христа, Господу Богу въ лицїи хлѣба жертва пранесена. Якоже и самъ Господь жертву принесе, и сія жертвы чистыя, сія трапезы и чаши Господни христїане бавають причастниками. Якоже бо людїе израильтескїя подъ сѣнемъ причастницы быша олтаря, и жертвѣ плотскихъ, Господу Богу

приносимыхъ , и якоже языцы быша причастниками вещей, бѣсомъ приносимыхъ, ядуще и піюще ихъ.

А понеже не на всякъ день , и не тако часто христіане къ вечера Господни приступаютъ, якоже прежде бысть, не сего ради имѣетъ престати вседневная жертва на воспоминаніе страсти Господни: ибо іерей всегда жертвы причащается , прочіи же сущіи при семъ умиленнѣ страсть и смерть Господню воспоминающіи, мыслениѣ ея причащаются. Тѣло же истинное и кровь истинная, яже Господа нашего Іисуса Христа есть; ибо Павелъ святыи глаголетъ: *живо слово Божіе и дѣйственно* (*). И: *вся елика восхотѣ Господь, сотвори на небеси и на земли, въ моряхъ и во всѣхъ безднахъ* (**). Речено: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ, да будетъ небо, и бысть. Словомъ Господнимъ, рече Пророкъ, небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ.* Сіе же Слово прелѣчное Бога Отца, *Иже* *вся быша* на небеси и на земли, рече: *сіе есть тѣло Мое*, тѣмъ же Словомъ и нынѣ и присно хлѣбъ обращается въ плоть Его святую чрезъ естество, ибо Слово Божіему покорено и послушно. Егда присно за благодареніе и откупленіе Церковь благодаритъ , и намъ пользы умножается, егда вкупѣ съ Церковію, аки многоцѣнну масть страсти и смерти Господни чрезъ плястръ тоя жертвы святыхъ на язвы и немощи грѣховъ нашихъ себѣ прикладываемъ.

Но еретицы глаголютъ : дарова намъ Господь единою оставленіе грѣховъ чрезъ жертву на крестѣ , и уже намъ жертва на воспоминаніе смерти Его нѣсть полезна , ниже потребна. — Тогда такожде возможно

(*) Евр. 4, 12. (**) Пс. 134, 6.

быти глаголати: уже не треба крещенія, ни покаянія, ниже разрѣшенія отъ іерея, ни причащенія Тѣла и Крови Господни, и прочая, иже ради Господь Богъ дасть намъ благодать Свою, и отъ грѣховъ оставленіе. Ибо того ради намъ отпущеніе грѣховъ дарована крестъ святомъ, да Его въ вѣрѣ истиннѣй чрезъ сію жертву всеневную страсти и смерти Его, аки отъ источника неисчерпаемаго, присно черпемъ, понеже присно согрѣшаемъ.

Но еще еретицы глаголють: меньшому большаго на жертву приносить невозможно.—Кто же большій, Христось, или человекъ? Чесо ради и они суще меньшими, приносятъ на жертву большаго? Истину рече святій Павелъ, и ничтоже дивно, ибо сама правда чрезъ его глагола, яко еретицы не вѣдаютъ, что глаголють и о чемъ утверждаются, I Тим. 1, 7. Чтò бо иного есть жертва, только съ чимъ Господу и Творцу своему предстательствуемъ, и Ему честь и хвалу воздаемъ, себѣ же благодать испрошаемъ, да въ молитвахъ нашихъ милостивѣ пріяти будемъ? Понеже и естество человекъ наказанъ, да удобнѣйшій приступъ и слышаніе у господей своихъ имѣють, и не тако то, еже имъ обѣщаемо, якоже себѣ присвоиваемо, при семъ же обѣщаемъ, ласки и милосердія себѣ просимъ, и яко большій есть даръ, таче честнѣйша жертва и Богу любезнѣйша, и того ради Богу Отцу тѣло и кровь другую Сына Его въ жертву приносимъ, понеже сами себе ничтоже очію Господнихъ достойнаго не имамы. Богъ же не хоцетъ, да тощю предъ лицемъ Его явимся.

И наки еретицы глаголють: како въ жертву возможно приносить Егоже не имамы? — Но и азъ во-

прошу : како могутъ пріимати Егоже нѣсть ? Мы же Тѣло и Кровь Сына Божія имамы на пищу отъ неизреченныхъ благодати Его , и ни единъ вѣрный не сумнится о семъ силою слова Его , имже небо и земля и вся быша . Тожде имамы и въ жертвѣ : даде бо намъ тѣло Свое на откупленіе и на пищу въ странничествѣ нашемъ .

И еще глаголють еретицы : да тѣло и душу нашу , а не Господне тѣло Господу Богу приносимо (*).— Но мы вѣмы всѣмъ наученіе святаго Апостола Павла , и елико мощно по силѣ нашей исполняемъ . Сія жертва , о нейже глаголемъ , не враждаетъ сего , но намъ воспоминаетъ , и приводитъ насъ , да вси плоти и душу нашу съ тѣломъ и въ тѣлѣ Господа нашего Богу въ жертву приносимъ , якоже уды съ главою , безъ неяже бы непріятна , негнушательна жертва была .

Глаголють же и сіе еретицы , яко уже не приносятъ они въ жертву Христа , только пріемлютъ и ядятъ тѣло Его и піють кровь Его . — Но соблажняются о семъ , ни въ жертву бо не приносятъ , ниже пріемлютъ тѣло Господне . Понеже іереовъ въ благочиннѣхъ посланныхъ не имѣють . Аще бы и имѣли отъ насъ отбѣгшихъ , единаче тайны безъ единости Церкви христіанскія ничесоже суть , ибо всѣмъ отлучившимся отъ единенія Церковнаго Богъ Пророкомъ рече : посю на вы клятву , и проклену благословеніе ваше , и оклену е , и разорю благословеніе ваше , и не будетъ въ васъ (**) . Сирѣчь : положу клятву на благословеніе ваше , имже тайна совершаема бываетъ , ибо Церковь Божія есть , якоже глаголетъ Писаніе , вертоградъ за-

(*) Рим. 12, 1. (**) Мал. 2, 2.

ключень, и источникъ запечатлѣнъ (*). И того ради невозможно нигдѣже тайнѣ совершатися, только во единости Церкви Божія, еяже между сомнищи еретическими нѣсть. Тогда и тайны ни единыя въ нихъ нѣсть, развѣ крещенія святаго отъ нихъ, еже тако есть достойно, яко крещаемаго отъ нихъ, егда приходитъ къ соединенію Церкви, паки крестити не требѣ; аще ли не приидеть къ Церкви, ничесоже ему нѣсть полезно.

И паки глаголють еретицы, не разумѣюще словесъ Апостола святаго: *идѣже отпущеніе сихъ, ктому нѣсть приношенія о грѣсахъ* (**); и наводятъ: Господь намъ дарова отпущеніе на крестѣ, того ради не требѣ иныя жертвы; и вопіють, яко ни единому на сіе невозможно имъ отвѣщати.— Но не безъ вины рече Пророкъ о сатанѣ въ лицѣ Моавъ: «слышахъ укоризну Моавлю, укорень бысть зѣло, презоръ отверже, не тако волхвованіе твое, не тако восплачется Моавъ» (***). Зри же, яко разстаетъ сіе все предъ истиною Божіею, аки снѣгъ предъ солнцемъ. И уже прежде мало нѣчто на сіе отвѣщяхъ, нынѣ же свойственнѣ на словеса Апостольская отвѣтъ дамъ. Вопрошаю: кому тамо Павелъ глагола? Иудеомъ. О чесомъ глагола? О жертвахъ древняго закону по чину Ааронову, ихже Павелъ святыи являетъ, яко *уже мѣста не имуть*. Чесо же ради? Ибо оныя жертвы знаменаху отпущеніе грѣховъ чрезъ жертву, еже на крестѣ бысть. И понеже отпущеніе и примиреніе уже исполнися, того ради не требѣ уже оныхъ жертвъ, но жертва, юже прино-

(*) Пѣсн. 4, 12. (**) Евр. 10, 18 (***) Ис. 16, 6. 7.

свѣтъ по всей вселеннѣй Церковь христіанская, нѣсть ни едина отъ оныхъ же жертвъ древняго закону, ниже знаменіе, еже погибаетъ, истинѣ пришедши, но есть жертва Новаго Завѣта, на воспоминаніе смерти Господни.

Еще же бѣснующися глаголють еретицы, яко Литургія есть мерзость Божія, яже, по Писанію, въ царствѣ антихристовѣ имяше стати на мѣстѣ святомъ. Но да возмутъ сполна словеса у Матѳея (*) святаго: ибо тамо тако рече Господь: *егда узрите мерзость заупустынія стоящу на мѣстѣ святомъ.* Да разсмотримъ же и словесъ Даниїла святаго. тако глаголетъ: о времени же премѣнену учащенія днѣй тысяча двѣстѣ девятьдесять (**). Зриши ли, яко мерзость заупустынія не есть свята жертва, любезна и пріятна Богу, но спустошеніе ея, еже содѣлаетъ антихристъ предъ пришествіемъ Господнимъ, свой образъ на то мѣсто поставивши? И уже сіе спустошеніе посланныи отъ него ложніи пророцы начинаютъ, и отъ сего познаваемъ, яко уже день Господень близко. Ибо егда бысть спустошена послѣднее жертва вседневная, въ церкви Соломоновѣ уставленная, о коемъ спустошеніи такожде Господь въ Евангеліи глагола, и Даниїль Пророкъ: абіе преста, и скончася царство іудейское, и храмъ разорися. Такожде, егда будетъ спустошена сія святая жертва, еже не въ церкви Соломоновѣ, но по всей вселеннѣй отъ востоку солнца и до западу его, по словеси Пророческому (***), отъ Господа въ Церкви Его повелѣна, тогда и міръ скончается. И что бысть въ знаменіи жертвы церкви Соломоновы,

(*) 24, 15. (**) 12, 11. (***) Мал. 1, 11.

сіе совершенній исполнится въ самой истинѣ и въ вещи знаменованной. И уже начинаютъ посланныи отъ антихриста, сына беззаконія, онже не тако долго пребудеть, якоже еретницы показываютъ на пастырехъ церковныхъ, но токмо толико дней, якоже выше отъ Даніила речеся. И сіе же явственнійши время извѣсти, сирѣчь, три лѣта и шесть мѣсяцей, понеже Писаніе часъ лѣто тамо нарицаеть. Іоаннъ святой такожде чотыредесять и два мѣсяца полагаеть (*); но не ѹ конецъ. Яже самъ прїдетъ, и съ нимъ исполнится мерзость вседневнога запусѣнія сія жертвы святыя на воспомнаніе смерти Господни. Надѣюся, яко уже вразумѣете что есть мерзость запусѣнія. Да заградить же лукавство уста своя, и не глаголетъ срамная и ложная на Церковь Христову.

До-здѣ изъ Толковаго Апостола.

Сіи слова изъ толкованія святаго Іоанна Златоустаго разсмотрите со вниманіемъ, и разберите ихъ сущность, возлюбленные мои братія, называющіе себя старообрядцами! Вы иногда оскорбляетесь на то, что Святая Христова Церковь называетъ васъ раскольниками. Но это она дѣлаеть еще по материнскому снисхожденію. Ибо раскольникъ еще близокъ къ Церкви, стоятъ подлѣ самыхъ вратъ церковныхъ, да не хочеть въ нее взойти. А святой великій Святитель, вселенскій учитель, Іоаннъ Златоустый прямо называетъ еретиками тѣхъ, которые не имѣють Епископовъ и священниковъ благочиннѣ посланцыхъ, а только однихъ отбѣгшихъ отъ Церкви, а наипаче—которые и вовсе

(*) Апок. 13, 5.

не имѣютъ священства, и не приносятъ жертвы Тѣла и Крови Христовой, подъ видомъ хлѣба и вина, и которые называютъ святую Литургію мерзостью и запустѣніемъ. Воистинну они сами, по Златоусту, еретики мерзки, и пусты благодати Святаго Духа. А Церковь Христова есть вертоградъ заключенъ и запечатлѣнъ, и она вратами адовыми не одолѣема.

Сія книга, *Толковый Апостолъ*, разныхъ толковниковъ, печати старообрядческой, печатана въ типографіи Почаевской, отъ сотворенія міра въ 7292 году, съ рукописнаго славянскаго, а переведена съ древняго чреческаго.

Еще вы, возлюбленные мои, называющіе себя старообрядцами, укоряете Святую Христову Церковь за то, что она принимаетъ всѣхъ грѣшниковъ, и въ нее иногда входятъ тайные и явные еретики. Но прочитайте вашей же печати *Толковый Апостолъ*, слово святаго Іустина, глава 5-я, листъ 685. «Едино зрять на повелѣніе, еже принуждаетъ казнити согрѣшающихъ, и не давати святая псомъ, и преслушающаго Церковь имѣти аки язычника и мытаря, и отъ единости тѣла удъ творящій претыканіе изъяти, и тако волненіе творять, и миръ въ Церкви Святѣй возмущаютъ, хотяши прежде времени исторгнути плевелы, симъ же соблазномъ ослѣплени суще, сами вскорѣ отъ единенія Христова отлучатися. Нѣцыи же добрыхъ и злыхъ смѣшеніе въ Церкви указанныя или превозвѣщенные увидѣвши и наказавшися повелѣнія терпѣнія, еже насъ тако зѣло крѣпкими творять, да аще и узримъ въ Церкви плевелы, обаче симъ не вреждается вѣра и любовь наша: понеже

видящи плевелы въ Церкви, не исходимъ отъ Церкви, и не отдѣляемся.»

Тояже книги, святаго Іустина глава 6-я, листъ 686: О еже ради лукавыхъ чловѣковъ не подобаетъ отъ Церкви Святыя отлучатися.

« Мы же паки непщуетъ, яко истинною учащему подобаетъ съ обѣихъ свидѣтельствъ Писанія святаго разсужденіе имѣти, да и псы въ Церкви, ради покою церковнаго, претерпимъ, и святая псомъ не дадимъ, и ради верадѣнія старѣйшихъ, или ради нѣкоихъ неотмѣнныхъ вещи, еяже изглаголати невозможно. Ибо и въ тайнѣ ходящихъ злыхъ въ Церкви обрѣтаемъ, ихже церковною казнію наказати и вмирити не мощно. Обаче же въ сердце наше не видеть сіе нечестивое и вреждающее дерзновеніе, имже быхомъ восхотѣли отъ нихъ разлучитися, да грѣхами ихъ не осквернимся, и прочихъ съ собою не отлучимъ, аки чистыхъ и святыхъ учениковъ отъ единенія, аки отлученыхъ, отъ клеветовъ и сожительства злыхъ. и да воспомянемъ оныя съ письма святаго подобія и глаголы Божія зѣло несумнительныя, имиже повелѣся и предвозвѣстися, яко злымъ въ Церкви смѣшеніе съ добрыми даже до кончины міра и до дна суднаго будетъ, и яко добрыхъ въ единости и въ причастничествѣ догматовъ съ ними сущихъ, и дѣль ихъ не творящихъ, и ничесоже вредять.»

До-здѣ изъ Толковаго Апостола.

II.

ВОСПОМИНАНИЕ

О РАЗГОВОРѢ СЪ БЕЗПОПОВЦОМЪ ПОМОРСКОЙ СЕКТЫ
ВЪ 1825 ГОДУ (*).

Въ одинъ день, изъ Макарьева монастыря пошелъ я въ монастырь Малиновъ Островъ, и шелъ одинъ верстъ тридцать,—все лѣсомъ; снѣгу напало столько, что дороги не видно было, а никто еще не проходилъ. Тогда было 7-е число ноября. Пришедши къ одному монастырю, я спросилъ: какой это монастырь? мнѣ сказали, что безпоповщинской поморской секты. Былъ уже вечеръ: я спросилъ: далеко ли монастырь—Малиновъ островъ? Мнѣ показали его не вдалекѣ: но пройти туда было не возможно; болото замерзло, а ледъ еще не поднимаетъ. И Малиновъ островъ не нашего толка, а такъ называемаго діаконскаго; но

(*) Упоминаемые въ сѣмъ Воспоминаніи монастыри: Макарьевъ и Малиновъ Островъ, равно и Безпоповщинскій, находятся въ Стародубскихъ Слободахъ въ Чернигов. губерніи. Въ то время мнѣ не было еще 20 лѣтъ отъ роду.

мнѣ желательно было тамъ ночевать, нежели у перекрещиванцевъ, хотя они меня усиленно просили укрыться у нихъ отъ ночи. Я боялся ихъ споровъ; ибо какъ пошелъ изъ міра, то общался о вѣрахъ ни съ кѣмъ не спорить, а только избрать тихое и безмолвное мѣсто ради своего спасенія. Однако нужда меня заставила войти въ монастырь; а наипаче меня упросилъ одинъ юноша, уроженецъ города Кишинева, какбы землякъ. Онъ привелъ меня къ себѣ въ келью, гдѣ я и расположился ночевать. Ходилъ я къ вечернѣ, но едва простоялъ, потому что очень усталъ и духомъ былъ не спокоенъ. Поужинавши и пришедши въ келью, оба собирались уснуть; но старики раскольники не дали, стали толковать о вѣрахъ: ибо они обрадовались, что я къ нимъ пришелъ: это-де нашъ, когда попался къ намъ. Я всячески упрашивалъ, чтобы дали мнѣ покой, и говорилъ, что въ своей вѣрѣ сомнѣнія не имѣю. Хозяинъ, видя, что они нейдутъ изъ кельи, оскорбился на нихъ, выгналъ ихъ вонъ, и заперъ двери; и мы уснули спокойно. На утро былъ воскресный день, и праздникъ святыхъ Архангеловъ. Я ходилъ къ утрени и къ часамъ; послѣ обѣда хотѣлъ было идти въ путь, но меня мой хозяинъ задержалъ, и просилъ, чтобы я сходилъ къ ихъ настоятелю, и поблагодарилъ за хлѣбъ-за соль. Мнѣ очень не хотѣлось идти; ибо зналъ, что тамъ безъ пренія не обойдется; однако противиться не сталъ.

Настоятель весьма меня обласкалъ: вотъ, думаю, готовится сѣть, которою помышляютъ уловить меня. Собралось къ нему нѣсколько братіи, и онъ началъ меня спрашивать, откуда я, и куда иду? Я ему раз-

сказалъ все: онъ предложилъ, чтобы я остался у нихъ навсегда жить. Я сказалъ ему: спаси Христосъ за всѣ ваши привѣтствія и страннолюбіе, но остаться у васъ никакъ не могу.

Безпоповецъ. Почему же ты не хочешь у насъ остаться? Развѣ что ты у насъ замѣтилъ худое?

Я. Потому что вѣра ваша отъ нашей совсѣмъ другая; въ вашей вѣрѣ я не имѣю никакой надежды спастися; а я, для спасенія души своей, оставилъ домъ, имѣніе, и родителей, и свою сторону: вотъ поэтому и не могу у васъ остаться.

Безпоповецъ. То правда, что наша вѣра другая, но вѣра самая истинная, древняя христіанская: ибо мы вѣру Христову держимъ крѣпче васъ: у насъ книги и иконы самыя древнія, также и напѣвы и чины церковныя всѣ соблюдаемъ старинныя. Почему же ты сомнѣваешься у насъ спастися?

Я. Я не отвергаю, что вы вѣруете во Христа, и имѣете древнія книги и иконы; это я вижу и самъ. Но во Христа вы вѣруете только на словахъ, а на дѣлѣ совсѣмъ не вѣруете Ему. Также хотя книги у васъ и древнія; но вы имъ не послѣдуете, и не творите того, что писано въ книгахъ: ибо у васъ нѣтъ ничего того на дѣлѣ, что написано въ древнихъ книгахъ.

Безпоповецъ. Какъ ты говоришь, что мы вѣруемъ во Христа только на словахъ, а не на дѣлѣ? Развѣ у насъ нѣтъ древняго Евангелія? Развѣ мы его не читаемъ ежедневно? Развѣ мы не читаемъ древнихъ книгъ; и не исполняемъ, что въ нихъ написано? Ты самъ стоялъ вчера вечерню, и сегодня утреню и

часы: развѣ ты не видѣлъ, какъ мы все исполнили, что написано, и что повелѣваетъ уставъ церковный?

И. Какъ не видѣть? Вы вѣрно по чину монастырскому все исправляете : но вѣра истинная христіанская не въ томъ только состоитъ , чтобы соблюсти чины и обряды церковные по уставу святыхъ Отецъ , и по чину общежительныхъ монастырей , а въ догматахъ вѣры , которые должны быть согласны съ Словомъ Божиимъ и съ ученіемъ св. Отецъ . Хорошо — содержать чинъ и обрядъ монастырскій , но—въ единой , Святой , Соборной , Христовой и Апостольской Церкви . Знаю , что вы и Евангеліе древнее читаете ежедневно , но читаете вы его , видится мнѣ , на большее себѣ осужденіе : потому что вѣру содержите совсѣмъ противъ Божественнаго Евангелія . Не пребываете вы въ Святой Христовой Церкви , которую Христосъ основалъ и утвердилъ сими словами : *врата адава не одолѣютъ ей* (Матѳ. 16, 18.); не имѣете вы святыхъ церковныхъ семи таинъ , безъ которыхъ Церковь быть не можетъ ; также не имѣете лицъ священнаго чина , которымъ Господь препоручилъ власть совершать въ Церкви святая тайны , и ключи отъ царства небеснаго , давъ власть рѣшить и вязать , и которыхъ намъ повелѣлъ во всемъ слушать , сказавъ : *слушайи васъ , Мене слушаетъ : отъметайи же васъ , Мене отъметается : отъметайи же Мене , отъметается Пославшаго Мя* (Лук. 10 , 16.). Вотъ по этому Господню слову вамъ спасеніе не надежно , потому что вы не имѣете ни церкви , ни священства , но отъ всего отъметнулись , и , стало быть , отъметнулись отъ Самого Іисуса Христа .

Безпоповецъ. Какъ мы церкви не имѣемъ ? У насъ

церковь есть, и таинства церковныя, хотя и не всѣ. Развѣ стѣны называются церковію? Святый Іоаннъ Златоустъ въ Маргаритѣ сказалъ, что церковь — не стѣны и покровъ, а вѣра и житіе. Мы вѣруемъ во Христа, и житіе проходимъ строгое; по этому намъ спасеніе надежное.

Я. Я и самъ очень хорошо знаю, что Церковь Христова истинная — не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе; и какой безумецъ можетъ сказать, что одни стѣны и покровъ безъ истинной вѣры и догматовъ церковныхъ могутъ быть почитаемы Церковію? Хотя бы была и весьма великая устроена храмина, убрана и украшена, хотя бы и великія тамъ были собранія: но ежели тамъ нѣтъ вѣры истинной и догматовъ согласныхъ Слову Божію и церковному преданію; то та храмина или домъ не можетъ назваться церковію, и ваша часовня, въ которой вы сегодня служили, отнюдь не можетъ именоваться церковію, хотя она и велика и преукрашена, и много въ ней иконъ: ибо въ ней нѣтъ вѣры и догматовъ согласныхъ Слову Божію, ученію Евангельскому, ученію Іисуса Христа и Его св. Апостолъ; она не освящена рукоположенными іереями; нѣтъ въ ней священниковъ совершать богослуженіе, не приносится въ ней истинная жертва новоблагодатная — тѣло и кровь Христова. Итакъ нѣтъ у васъ ничего, ни вѣры истинной Христовой, которая предана во Евангеліи, ни житія по Евангелію, ни догматовъ соборныхъ; не можете вы называться и христіанами, и спасенія надежды у васъ нѣтъ.

Безпоповецъ. Это такъ, что у насъ церкви найти трудно, потому что нѣтъ священства рукоположеннаго и церковныхъ таинствъ; но развѣ нѣкоторые святые

древніе не спаслись безъ церкви , и безъ таинствъ , и безъ священства , и безъ причастія? И нынѣ , развѣ не можно намъ спастись безъ церкви , и безъ священства , и безъ причастія тѣла и крови Христовой?

Я. Воистину , никто не можетъ спастися , и получить царствіе небесное внѣ Христовой , Святой , Соборной , Апостольской Церкви , безъ священства , и безъ причастія тѣла и крови Христовой . А ежели кто такъ мудрствуетъ и утверждаетъ , что можно спастись безъ Церкви , и безъ священства , и безъ причащенія тѣла и крови Христовой : тотъ явный ерѣтикъ есть и противникъ Богу , и Божественному Евангелію , и всему Святому Писанію : ибо церковь Свою Самъ Христось основалъ на Петрѣ , то есть , на камени . Сими словами Исусъ Христось означилъ , что утвердилъ Церковь Свою на твердомъ и непоколебимомъ основаніи . Спаситель Самъ изъяснилъ , что есть : на камени . *Врата адава не одолють ей* (Матѣ . 16 , 18 .) , т . е . ни гонители , ни лжеучители , ни ереси , ни расколы , ни самъ діаволь , со всѣми бѣсовскими силами , одолѣть ей не могутъ . И святой Апостоль Павелъ сказалъ , что *Глава Церкви Самъ Христось* (Еф . 5 , 23 .) и Онъ *Спаситель тѣла* , то есть , Церкви . И Онъ Спаситель далъ Церкви Своей приставниковъ , священный чинъ , которыхъ поставилъ на это служеніе на тайной вечери , когда Онъ Самъ совершилъ свою новозавѣтную Литургію и приносилъ новоблагодатную жертву — тѣло и кровь Свою , подъ видомъ хлѣба и вина , бывъ священникъ по чину Мелхиседекову . Онъ изрекъ Апостоламъ : *пріимите , ядите : сіе есть Тѣло Мое за вы ломимое ; и пійте вси : сія есть Кровь Моя за вы и за мноія изливаемая* (Матѣ . 26 , 26 . 27 .) : *сіе тво-*

рите въ *Мое воспоминаніе* (Лук. 22, 19.). Сими словами далъ Онъ священному чину силу и власть приносить эту жертву и преподавать другимъ, и творить сіе въ воспоминаніе Господа, то есть, на всегда до скончанія міра будетъ приносима жертва, и священный чинъ долженъ быть другъ другу пріимательно передаваемъ чрезъ хиротонію. А, по воскресеніи своемъ, Иисусъ Христосъ дунулъ и сказалъ Апостоламъ: *пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 23.). Здѣсь Спаситель препоручилъ имъ и ключи отъ царства небеснаго, и далъ полную власть. Онъ еще прежде страданія Своего обѣщалъ ихъ утѣшить и облечь властію, когда говорилъ имъ: *аще любите Мн. заповѣди Моя соблюдете; и Азъ умолю Отца, и иного утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, духъ истины, егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его, ниже знаетъ его, вы же знаете его, яко въ васъ пребываетъ, и въ васъ будетъ* (Іоан. 14, 15. 16. 17.). Этими словами Спаситель обѣщалъ, что Духъ Святый, исходящій отъ Отца, облечетъ ихъ Своею силою, уполномочитъ властію, и пребудетъ съ ними въ вѣкъ; то есть, навсегда, до втораго Господня пришествія. По предреченію Господа и сошелъ Духъ Святый въ день Пятидесятницы на святыхъ Апостоловъ въ огненныхъ языкахъ, и преисполнилъ ихъ духовными дарами, и властію, и силою; и дѣйствуетъ нынѣ чрезъ лѣца освященныя, и совершаетъ всѣ таинства церковныя, и до скончанія вѣка дѣйствовати ими будетъ, по слову Господню: *куплю дѣйте, дондеже* (Лук. 19, 13.) возвращуся, во второе славное Свое пришествіе; тогда уже потребую отъ всѣхъ от-

четь. Вотъ кто вратари и ключники и приставники ко вратамъ царствія небеснаго! Только при ихъ руководствѣ и единою дверію намъ можно взойти въ него; а другаго входа нѣтъ, хотя вы и усиливаетесь проломать.

Также безъ причастія тѣла и крови Христовой спастись не возможно, по слову Господа; ибо Онъ прямо и ясно сказалъ: *аще не съесте плоти Сына человѣческаго, ни пїете крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53.). Ясно паче солнца, что кто не причащается тѣла и крови Христовой, тотъ вѣчно погибшій человѣкъ.

Отъ явленія во плоти Самого Христа Спасителя, и по сіе время, никто не взошелъ другою дверію въ царствіе небесное, кромѣ Церкви Христовой, и никто не получилъ спасенія безъ священства и таинствъ тѣла и крови Христовой. Самые святые, прославленные Церковію, по большей части, были святители, священномученики, патріархи и епископы, имѣвшіе санъ священства. А хотя спаслись многіе и простые; но и тѣ были истинныя и вѣрныя чада Святыхъ Христовыхъ Соборныхъ Церкви; не гнушались и не бѣжали отъ Церкви и отъ священства и отъ таинствъ Тѣла и Крови Христовой. Напротивъ даже, иные какъ за Христа, такожде и за Церковь проливали кровь свою. Святая Церковь не признала бы тѣхъ и святыми, которые чуждались ея и святыхъ таинствъ. А хотя о нѣкоторыхъ великихъ пустынножителяхъ повѣствуется, что они не имѣли при себѣ священниковъ, и не причащались Тѣла и Крови; но они не чуждались Церкви, и не убѣжали отъ священства, и не гнушались святыми тайнами; они только бѣжали отъ міра и его

соблазновъ , а духомъ всегда пребывали въ Церкви, и когда случалось быть близъ церкви и священства, то спѣшили причаститься Святыхъ Тѣла и Крови Христовой. Такой примѣръ явно показали святая Марія Египетская, и Θεоктиста, яже отъ Лезвы, и Петръ Аѳонскій, хотя и великую имѣли благодать Святаго Духа. Марія уже по водамъ ходила , какъ по суху; но пришла изъ пустыни и причастилась отъ рукъ Зосимы, не смотря на то , что въ монастырѣ нѣкая ересь была , какъ и сама Зосимъ замѣтила. Сіе не было ей препятствіемъ; но, принявши святое причастіе, сама прочитала молитву: нынѣ отпускаеши рабу свою, по глаголу твоему, съ миромъ, и прочая..

Безпоповецъ. Это, конечно, такъ, во время полного благочестія безъ сихъ трехъ вещей : безъ Церкви , безъ священства и безъ причастія Тѣла и Крови Христовой, трудно; и даже невозможно пребыть: поэтому мы и сами о себѣ приходимъ въ сомнѣніе ; но надежду спасенія полагаемъ въ томъ только , что это все было написано во время полного благочестія. Когда же въ 1666-мъ году возобладалъ повсюду антихристъ и настало царство его: тогда вся благодать взялась на небо, и мы остались не при чемъ. А какъ въ Писаніи сказано, что во время антихристового царства ни церквей, ни священства, ни таинъ Тѣла и Крови Христовой не будетъ ; то по этому мы и живемъ уже не по правиламъ и не по Писанію, а только надѣемся на одно Божіе милосердіе.

Я. О Боже мой, до какого безумія вы дошли! уже въ бездну совершеннаго мрака низринутись съ своими кривыми толками. Вы не только убѣжали изъ Христовой Церкви, и, оставивъ священній чинъ и отверг-

нувъ всѣ святыя тайны, идете противъ святыхъ Отцевъ, пастырей и учителей церковныхъ; но и самое Божественное Евангеліе ни во что вмѣняете, и Самимъ Сыномъ Божиимъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ сказанныя словеса испровергаете и не вѣрите имъ. Чрезъ это самое вы подобны еретикамъ, и сами сущіе еретики. А ежели вы не еретики, то почему же не вѣрите Божиимъ словесамъ? Вы ежедневно читаете Евангеліе, и всегда оглашаетъ ваши уши повѣствованіе, какъ Господь непоколебимо утвердилъ на камени Церковь Свою. А ежели, по Господню слову, *врата адава Церковь не одолѣютъ* (Матѣ: 16, 18.); то и антихристъ одолѣть ее не можетъ, и она должна стоять неизблемо до втораго Христова пришествія.

Такожде подобно, и священный чинъ утвердилъ Самъ Господь. Препоручивши пастырямъ власть и силу Свою, и ключи отъ царствія небеснаго, Онъ общалъ ихъ облечь силою Духа Святаго, Который, по слову Господню, *будетъ съ ними во вѣкъ* (Іоан. 14, 16.), то есть до скончанія вѣка. Такожде, ниспославъ имъ дары Духа Святаго, повелѣлъ имъ *куплю* духовную *дѣять, дондеже приидетъ* (Лук. 19, 13.), то есть, когда приидетъ во второе Свое пришествіе судить живыхъ и мертвыхъ. И по слову Господню, будутъ они, лица священнаго чина, дѣять духовную куплю, сирѣчь, рукополагать, крестить, мвромъ помазывать, исповѣдывать и грѣхи разрѣшать, и причащать святыми тайнами—Тѣломъ и Кровію Христовою, до скончанія вѣка, до втораго пришествія Христова, и Духъ Святый съ ними будетъ; и антихристъ не возможетъ ихъ истребить и уничтожить. Когда возносился на небо Господь Іисусъ Христосъ: тогда далъ, въ лицѣ Апо-

столовъ , всему священному чину радостное обѣтованіе , пребыть съ ними до скончанія вѣка (Матѣ. 28, 20.). Если же Самъ Господь будетъ со священнымъ чиномъ до скончанія вѣка ; то антихристъ и съ самимъ сатаною діаволомъ сдѣлать ничего не можетъ ; ибо одного крестнаго знаменія діаволь трепещеть , кольми паче Самого Господа Бога .

Господь на тайной вечери , преподавъ Апостоламъ Тѣло и Кровь Свою подъ видомъ хлѣба и вина , сказалъ имъ , а въ лицѣ ихъ и преемникамъ ихъ , т. е. всему священному чину : *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. 22, 20.). Ежели , по вышереченному , имя Господне будетъ воспоминается до втораго Христова пришествія ; то и жертва сія безкровная , Тѣло и Кровь Христова , будетъ приноситься до втораго Христова пришествія . И святой Апостоль Павелъ сказалъ , что жертва Христова безкровная , Тѣло и Кровь Христова , будетъ приноситься , *дождеже приидеть* (1 Кор. 11, 26.), сирѣчь , до втораго Его пришествія . А когда , по вышесказанному , будетъ приноситься Тѣло и Кровь Христова до втораго Христова пришествія : то и антихристъ истребить это не можетъ .

Какъ же вы говорите , что при антихриствѣ ничего священнаго уже не будетъ ? Не явно ли вы противитесь слову Божию и всему Божественному Евангелію ? Не явные ли вы еретики ? Къ вамъ относится , что и сказано въ Катихизисѣ Большомъ , печатанномъ при Филаретѣ Патріархѣ : « *Вопросъ* : почему познавати еретики ? *Отвѣтъ* : аще кто не имѣетъ истиннаго пристанища , рекше , Святыя , Соборныя , Апостольскія , Христовы Церкви : вотъ тотъ самый и еретикъ ! »

Еще вы криво толкуете , противоборствуя всему Свя-

тому Писанію и святымъ всѣмъ Отцамъ, что якобы антихристъ пришелъ 1666 года, и говорите, что онъ будетъ царствовать много сотъ лѣтъ. Царство антихристово святыя изочли годами, и мѣсяцами и днями. Въ одномъ мѣстѣ сказано : три года съ половиною; въ иномъ: четыредесять два мѣсяца, а въ другомъ: тысяча двѣстѣ шестьдесятъ пять дней; а гдѣ сказано шестьсотъ шестьдесятъ шесть, тамъ означается число имени антихриста, а не время его появленія, то есть, что въ этомъ числѣ будетъ состоять имя антихристово. А вы толкуете совсѣмъ противно Святому Писанію (*).

Еще вы толкуете, якобы антихристъ сядетъ въ Церкви Христовой. Нѣсть тако: святыи Апостолъ Павелъ говоритъ, что не въ Христовой новоблагодатной, но въ Церкви древней Іудейской. Святыи Кириллъ Іерусалимскій пишетъ такъ объ антихриствѣ : « якоже сѣсти въ Церкви Божіей. Въ которой убо Церкви? въ разоренной, глаголетъ, жидовской, а не въ сей, въ ней же мы нынѣ есмы.» Святыи Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ о антихриствѣ сице: « якоже ему сѣсти въ Церкви Божіей, показующе себе, яко богъ есть (2 Сол. 2, 4.). Въ Церкви же Божіей глаголай, не въ вашей, но въ ветсѣй Іудействѣй, глаголетъ; не къ намъ бо, но къ Іудеямъ приидетъ, ниже за Христа, но на Христа; ея же ради вины и антихристъ глаголется.»

Итакъ, по всему Писанію, съ которой стороны ни посмотрѣтъ, вамъ угрожаетъ погибель, и вамъ спасенія надежды нѣтъ.

(*) Объ антихриствѣ см. *Сказаніе о странствіи ч. I. гл. 87.*

Безпоповецъ. Охъ, братъ, ты молодой человекъ, а языкъ твой острый, и много ты начитанъ, и память твоя велика. Конечно, такъ, что по Писанію намъ предъ Богомъ оправдаться трудно; но что будемъ дѣлать, гдѣ возьмемъ Церковь и священство? Вотъ и ваша Церковь, къ которой ты принадлежишь, также не права предъ Богомъ по Писанію, какъ и наша; ибо и ваша Церковь отнюдь не согласна съ словомъ Божиимъ и съ Евангеліемъ. Отнюдь невозможно вамъ свою Церковь называть Соборною. Апостольскою и Христовою; ибо она не согласна съ ученіемъ Евангельскимъ и со словомъ Божиимъ. Иисусъ Христосъ, какъ ты и самъ упомянулъ, первыхъ посвятилъ въ священный санъ Своихъ святыхъ Апостоловъ, и имъ препоручилъ ключи отъ царствія небеснаго, и имъ предалъ таланты, чтобы куплю дѣяли, и всѣ таинства церковныя совершали; и съ ними обѣщанъ быти до скончанія вѣка, Апостолы же святые препоручили свою власть и достоинство Епископамъ, которыхъ они хиротонисали въ сей санъ, и оставили послѣ себя наследниками и преемниками, и чрезъ нихъ-то благодать Святаго Духа изливается на всю Церковь, и они совершаютъ Таинства Церковныя. Но какъ у васъ нѣтъ Епископа, то и нѣтъ ничего, ни Церкви истинно Христовой, ни священства, отъ Христа преданнаго, ни Таинствъ церковныхъ, и вы сами такъ же пусты, какъ и насъ признаете. Хотя вы и имѣете Церковь, но это только одно названіе Церкви, а не существо, потому что Церковь истинная безъ Епископа существовать не можетъ. Священство ваше недостаточное: одни попы и діаконы. Какъ же можетъ быть священникъ и діаконъ безъ Епископа? Каждый

младшій происходитъ отъ старшаго; ежели нѣтъ старшаго, то младшій отъ кого произойдетъ? Дѣти рождаются отъ отца, а ежели нѣтъ отца, то и дѣтей нѣтъ. Такъ равно и ваши попы: ежели въ Велико-россійской Церкви благодати Святаго Духа нѣтъ; то вашъ попъ отъ кого же ее получилъ? скажи-ко ты мнѣ. Ежели же въ Великороссійской Церкви благодать Святаго Духа, по Господню обѣщанію, и теперь есть и будетъ: то она и истинная; а ваши попы все-таки пустые; потому что они отъ своей Церкви бѣжали, и отъ своего Епископа отлучились безъ благословенія, и Епископовъ своихъ проклинали и отреклись отъ нихъ; а Епископы ихъ отлучили отъ Церкви. По правиламъ же святыхъ Отецъ, каждый священникъ, отлучившійся безъ благословенія отъ своего Епископа, подъ запрещеніемъ и проклятіемъ находится. Теперь скажп-ко мнѣ: чѣмъ ты свою Церковь оправдаешь? и какъ она можетъ назваться истинною и согласною Слову Божію, по Евангелію? Воистину ты никакъ не можешь защитить того, что ни съ чѣмъ несогласно.

Я. Да, это для меня задача самая трудная и неразгадаемая, и оружіе обоюду острое, и я противъ того ничего не могу сказать, что Епископъ необходимъ для Церкви, и для спасенія человѣческаго. Но что буду дѣлать, когда у васъ и у насъ его нѣтъ? Видно такъ и быть. Только скажу, что наша Церковь, хотя есть и непрямая дорога Евангельская, и не согласна съ Словомъ Божіимъ, однакоже и не прямымъ путемъ ведетъ въ ту сторону, куда показываетъ Слово Божіе. А ваша секта безповощинская совсѣмъ идетъ противъ слова Божія и Евангелія, и все то отвергаетъ, что писано во Евангеліи. Видно, уже мы

одинъ съ другимъ не согласимся, а только будемъ имѣть преніе, которому и конца не будетъ; а мнѣ пора идти въ путь и искать себѣ пристанища. Итакъ благодарю васъ за хлѣбъ-соль и за теплый ночлегъ; прощайте.

Когда я пошелъ вонъ; онъ сказалъ: «иди, иди, братъ; а надѣюсь, что ты, по своему разуму и памяти, можешь найти правый путь въ царство небесное.

И я отправился въ путь, въ городъ Новозыбковъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

СКАЗАНИЕ

О

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ

И

СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

ПОСТРИЖЕННИКА

СВЯТЫЯ ГОРЫ АФОНСКІЯ

Кнока Пароенія.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ IV.

(Издание второе, съ исправленіями)

МОСКВА.

Въ Типографіи Александра Семса,
на Софійской улицѣ.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи , до выпуска изъ типографіи , представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюня 28 дня, 1856 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

*Цензоръ, Виѣанской Семинартіи Ректоръ,
Архимандритъ Назанамъ.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СТРАНСТВІЕ И ПУТЕШЕСТВІЕ

ВО

ІЕРУСАЛИМЪ И ПО СВ. ЗЕМЛѢ,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

ОПИСАНІЯ СВ. ГОРЫ АСОНСІЯ И НѢКОТОРЫХЪ ЕЯ ПОДВЕЖНИКОВЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

I. ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПАЛЕСТИНУ.

	<i>Стран.</i>
1. Отъѣздъ изъ Аѳонской Горы въ Іерусалимъ	3
2. Островъ Митлинь.	—
3. — — Хиосъ.	—
4. — — Кастольросо и Мұры Ликійскія.	4
5. — — Кипръ.	—
6. Юппія, или Яѳа.	—
7. Селеніе Лиды.	6
8. Градъ Ремля.	—
9. Село Еммаусъ.	7
10. Видъ св. града Іерусалима.	—
11. Въѣздъ во Іерусалимъ.	8
12. Церковь Патріаршая.	—
13. Омовеніе ногъ и синодикъ патріаршій.	—
14. Храмъ Іакова, брата Божія.	10
15. Площадь противъ святыхъ вратъ храма Гроба Господня, и о турчаніяѣ Омирѣ	—
16. Входъ во храмъ Гроба Божія.	13
17. Входъ во-внутрь ко гробу.	14
18. Входъ на гору Голгоѳу.	15
19. Хожденіе по всему храму	18
20. Описаніе храма Гроба Господня.	21
21. Описаніе храма Воскресенскаго.	22
22. Литургія на Христовомъ гробѣ.	29
23. Страстная Крестная улица.	32

24.	Домъ Пилатовъ	34
25.	Овчая купль	36
26.	Геесимаія, гробъ Богородицы	37
27.	Вертоградъ, гдѣ взяли Господа на вольное страданіе	39
28.	Гора — малая Галилея	40
29.	Гора Елеонская	41
30.	Гробы Пророческіе	42
31.	Село Виванія и гробъ Лазаря	43
32.	Юдоль Плачевная	44
33.	Потокъ Кедрскій	45
34.	Купль Силоамская	—
35.	Гробъ Исаи Пророка	46
36.	Гора Сионъ и домъ Іоанна Богослова	—
37.	Монастырь Армянскій	48
38.	Домъ Давидовъ	49
39.	Домъ Іоанна Марка	50
40.	Монастырь — Великая Анагія (Преподобной Меланіи)	—
41.	Описаніе Іерусалима вообще	51
42.	Описаніе пятнадцати монастырей православныхъ внутри града Іерусалима	—
43.	Мѣсто храма Соломонова	52
44.	Путь въ Вивеємъ	54
45.	Монастырь св. Пророка Иліи	—
46.	Гороховая нива	—
47.	Гробъ Рахилинъ	55
48.	Градъ Вивеємъ	56
49.	Вертепъ, гдѣ родился Христосъ	—
50.	Мѣсто, гдѣ видѣли пастыри Ангеловъ поющихъ	58
51.	Храмъ надъ Вертепомъ	—
52.	Путь въ Лавру Саввы Освященнаго	60
53.	Лавра св. Саввы	61
54.	Монастырь Крестный	63
55.	Градъ Горняя	64
56.	Пещера Іоанна Предтечи	—
57.	Источникъ, гдѣ крестилъ Филиппъ каженника	65
58.	Градъ Хевронъ, дубъ Мамврійскій, пруды Соломоновы и монастырь св. Георгія	—
59.	Село Скудельниче	66

60.	Пещера Пророка Варуха.	66
61.	Встрѣча новыхъ поклонниковъ.	—
62.	Торжество на день Святит. Николая.	68
63.	Встрѣча Патріарха.	69
64.	Чинъ вечерни.	—
65.	Служеніе Патріарха въ день Святит. Николая на Христовомъ гробѣ.	71
66.	Праздникъ—Рождество Христово въ Вифлеемѣ.	73
67.	Встрѣча Патріарха въ Вифлеемѣ.	—
68.	Чудное качаніе лампадъ православныхъ въ Вертепѣ.	75
69.	Торжество въ Вифлеемѣ.	76
70.	Новый годъ въ Іерусалимѣ.	78
71.	Праздникъ Богоявленія.	—
72.	Торжество въ недѣлю Православія.	79
73.	Крестный ходъ въ Іерусалимѣ.	80
74.	Торжество въ недѣлю Крестопоклонную.	82
75.	Путь во градъ Назаретъ.	83
76.	Градъ Севастія, гдѣ усѣченъ Іоаннъ Предтеча.	85
77.	Древо, гдѣ Іаковъ спалъ и дѣствицу видѣлъ.	—
78.	Градъ Наинъ.	86
79.	Градъ Назаретъ.	87
80.	Кана - Галилейская.	90
81.	Мѣсто, гдѣ Господь пятыю хлѣбами пять тысячъ народа насытилъ	—
82.	Градъ Тиверіада.	—
83.	Море Тиверіадское.	92
84.	Гора Фаворская.	93
85.	Градъ Самарія.	95
86.	Кладезь, гдѣ Господь бесѣдовалъ съ женой самарянской.	—
87.	Какъ застрѣлили одного поклонника, вдовицына сына.	97
88.	О дракѣ грековъ съ франками на Голгоѣ.	99
89.	Суббота Лазарева; торжество на Елеонской горѣ.	100
90.	Торжество въ недѣлю Ваій.	101
91.	Путь во Іерихонъ и впаденіе въ разбойники.	102
92.	Градъ Іерихонъ.	104
93.	Предѣлы Содома и Гоморры.	103
94.	Путь на Іорданъ.	106
95.	Рѣка Іорданъ.	107

	<i>Стран.</i>
96. Гора Сорокодневная.	107
97. Возвращеніе во Іерусалимъ.	108
98. Великій четвертокъ и Тайная Вечера.	109
99. Великій пятокъ.	111
100. Бѣганіе арабовъ по храму.	—
101. Великая суббота.	113
102. Какъ получаютъ небесный свѣтъ.	114
103. Свѣтозарная ночь св. Пасхи.	118
104. День св. Пасхи.	122
105. Выѣздъ изъ Іерусалима.	123
106. Провалившійся градъ.	125
107. Островъ Самось.	126
108. Возвращеніе въ Аеонъ.	—

II. ОПИСАНІЕ СВ. ГОРЫ АЕОНСКОЙ.

109. Начало христіанства и пустынножительства на Горѣ Аеонской.	127
110. Лавра св. Аеанасія.	129
111. Монастыри: Каракалъ.	131
112. — — — Филоеѳей.	—
113. — — — Иверъ.	132
114. — — — Котломушь.	138
115. Каряя, или аеонскій базаръ.	—
116. Икона Богородицы «Достойно есть».	—
117. Келлія Постница.	139
118. Монастырь Ставроникита.	140
119. Чудотворная икона Святителя Николая.	—
120. Монастырь Папнократоръ.	141
121. Русскій скитъ Іліи Пророка.	—
122. Болгарскій скитъ Богородицы.	142
123. Монастырь Ватопедъ.	—
124. Чудотворная икона Богородицы Ватопедская—Ктиторша.	143
125. Вторая—икона, испустившая гласъ Царицѣ.	144
126. Третья икона — Закланная.	—
127. Четвертая икона — Ключарница.	145
128. Скитъ св. Димитрія.	147
129. Монастырь Есфигменъ.	148

130.	Монастырь Хиландарь.	149
131.	Чудотворная икона Богородицы — Троеручица, за игу- мена.	—
132.	Житіе св. Саввы и Симеона, Царей Сербскихъ.	152
133.	Монастырь Зографъ.	160
134.	— — — Кастамонитъ.	163
135.	— — — Дохіаръ.	164
136.	— — — Ксенофъ.	—
137.	— — — Русскій	165
138.	— — — Ксиропотамъ.	166
139.	Житіе св. Павла Ксиропотамскаго.	—
140.	Монастырь Симопетръ.	171
141.	— — — Григоріатъ.	173
142.	— — — Діонисіатъ.	174
143.	— — — Св. Павелъ.	175
144.	Скитъ Новый.	—
145.	Скитъ — Лакъ.	—
146.	Скиты Лаврскіе.	176
147.	Греки изъ Азіи.	—
148.	Скитъ — Керася и духовникъ Неофитъ.	177
149.	Скитъ — Кавсокалиба.	—
150.	Описаніе вообще аѳонскихъ монастырей.	—
151.	Что значить скитъ.	180
152.	— — — келлія.	181
153.	— — — колыба.	182
154.	— — — общежитіе.	183
155.	— — — Лавра (по-гречески Діорты).	192
156.	Разныя замѣчанія о Горѣ Аѳонской.	193

III. ОБЪ АѢОНСКИХЪ ПОДВИЖНИКАХЪ.

157.	Общее замѣчаніе.	195
158.	Жизнь іеросхимонаха Арсенія.	197
159.	— — Григорія Болгарина.	231
160.	— — Григорія Грека.	232
161.	— — игумена Павла.	235
162.	О іеромонахѣ Аникитѣ.	242
163.	О старцѣ Харалампіи.	246

	<i>Стран.</i>
164. О старцѣ Серафимѣ.	247
165. — — Никодимѣ Святогорцѣ.	248
166. — — Брадатомъ и его ученикѣ.	249
167. — — испросившемъ воду.	252
168. О іеросхимонахѣ и духовникѣ Неофитѣ, грекѣ.	253
169. О старцѣ Григоріи Шверскомъ.	254
170. О схимонахѣ Никодимѣ, русскомъ.	256
171. О Архіепископѣ Панкратіи.	257
172. О Митрополитѣ Самосскомъ.	—
173. О Митрополитѣ Григоріи Адрианопольскомъ.	—
174. О іеродіаконѣ юномъ грекѣ.	258
175. О старцѣ Севастіанѣ, русскомъ.	—
176. О Архіепископѣ Болгарскомъ.	259
177. О схимонахѣ Салаеинѣ.	—
178. О отцахъ Русскаго монастыря	—
179. О старцѣ Венеликтѣ.	260
180. О игуменѣ Герасимѣ.	—
181. О духовникѣ, іеросхимонахѣ Іеронимѣ.	263
182. О затворникѣ Тимоѣѣ.	270
183. О старцѣ Сисоѣ.	277
184. — — Мартиніанѣ.	278
185. — — Макаріи.	—
186. О общежительныхъ монахахъ.	280
187. Объ аеонскихъ отшельникахъ и пустынножителяхъ.	281
188. О русскомъ іеродіаконѣ, пустынножителѣ.	283
189. О аеонскихъ новыхъ мученикахъ.	285
190. Заключение описанія Св. Горы.	286

ПРИБАВЛЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

191. О новомъ мученикѣ Георгіи.	288
192. — — — — — Димитріи.	—
193. О предвозвѣщеніяхъ и наступленіи бѣдствій Горы Аѳон- скія, около 1818 года.	290
194. О томъ-же.	291
195. О томъ-же	292
196. О томъ-же.	—

197.	Бѣгство аеонскихъ монаховъ и паки населеніе Аѳонской Горы.	294
198.	Преданіе о крестнѣмъ дровѣ.	—
199.	Пенависть католиковъ къ Россійскому Императору.	297
200.	О женѣ гречанкѣ, имѣвшей бѣса въ чревѣ.	—
201.	О мужѣ, одоляемомъ бѣсами.	298
202.	О монахинѣ Назаретѣ.	299
203.	О чествованіи св. мѣсть.	300
204.	Католики съ бородами.	—
205.	Какихъ вѣръ люди не допускаются къ гробу Господню.	—
206.	О монастырѣ и о великихъ подвижникахъ на островѣ Хіосѣ.	301
207.	О св. Великомученицѣ Варварѣ.	302
208.	О водѣ, претворяющейся въ камень.	303
209.	О летучей рыбѣ	—
210.	О великихъ змѣяхъ.	304
211.	О окаменѣлыхъ людяхъ.	—
212.	О удивительномъ источникѣ на островѣ Самосѣ.	—
213.	Окончаніе книги и благодареніе Богу.	305
214.	Испытаніе мое отъ болѣзни.	306

ПУТЕШЕСТВІЕ

въ

ІЕРУСАЛИМЪ И ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

1. По благословенію духовнаго моего отца , іеросхимонаха Арсенія , отправился я въ Іерусалимъ изъ св. Горы Аѳонской , сентября 23 числа , 1845 года. Сначала не было попутнаго вѣтру.

2. Въ четвертый день прибыли въ островъ *Митимиль* , и стояли тамъ восемь дней , за неблагополучнымъ вѣтромъ.

3. Оттуда въ третій день пришли къ острову *Сакису* , или *Хіосу* , и ко граду , также нарицаемому. И стояли тамъ восемь дней , по причинѣ неблагополучной погоды. Въ теченіе сихъ дней часто посѣщали святыя церкви , особенно Митрополию , которая освящена во имя св. Мученикъ Мины , Виктора и Викентія. И смотрѣли на развалины Хіоса : видно , что великъ и прекрасенъ былъ градъ ; а нынѣ въ развалинахъ , ибо пострадалъ , въ 1821 г. , отъ безбожныхъ турокъ. Отъ Хіоса отправились попутнымъ вѣтромъ , и бѣжали два дня и двѣ ночи , и остался въ лѣвой странѣ недалеко островъ Самось , а въ правой странѣ—острова Патмосъ , Кой , Родось и прочіе.

4. Случился противный вѣтръ , и мы пристали къ острову *Кастолоросу*, близъ самой Азіи, въ Ликійской странѣ; отъ града *Муръ*, отечества Святителя Николая, было только три часа ходу, какъ сказывали намъ, т. е. пятнадцать верстъ; и тамъ стояли по неимѣнію попутнаго вѣтра.

5. Отправившись оттуда , на третій день прибыли къ острову *Кипру*, и тамъ стояли , ибо не было попутнаго вѣтру; оттуда отправились прямо уже въ Палестину. И шли два дня моремъ, а на третій день увидѣли Израильскія горы, обѣтованную землю , святую Палестину. О , какой неизреченной радости всѣ исполнились! Было насъ на кораблѣ до ста человекъ, и всѣ, мужи и жены , отъ радости проливали слезы; малыя же дѣти прыгали и скакали , и руками плескали , и громко кричали : « о , святая земля , святая земля ! »

6. Октября 25 числа, часа за три до вечера, стали мы подходить близко къ *Яфѣ*, древней Іоппіи, сильнымъ вѣтромъ. Смотримъ : во градъ на крышахъ стоитъ множество народа. Это были все поклонники, прежде насъ пришедшіе, и смотрѣвшіе на насъ, какъ мы будемъ попадать на берегъ. Вдругъ мы увидѣли, что отъ берега отплыло множество малыхъ лодокъ , и къ нашему кораблю устремились ; наши же матросы, собравши всѣ паруса, только одинъ парусъ на мачтѣ покинули. Вѣтръ разыгрался , море воскипѣло , а пристани доброй нѣтъ ; и мы были всѣ внѣ себя, ово отъ радости, что кончили морскій путь, ово отъ страха, какъ можемъ попасть на берегъ. Потомъ подъѣхало къ намъ много малыхъ лодокъ ; люди въ нихъ арабы полунагіе, которыхъ мы никогда не видывали;

они бросились къ намъ на корабль съ обѣихъ сторонъ , и начали поклонниковъ хватать и въ лодки бросать , ни на что не взирая , ни на слезы , ни на старость ; возьмутъ четверо одного , и бросятъ прямо въ лодку ; не даютъ взять съ собой никакихъ вещей ; да и лучше дѣлать было невозможно ; потому что море разъигралось , и корабль съ боку на бокъ валется , и лодки ихъ заливаешь . А отъ Россійскаго консула приказано было , чтобы какъ можно скорѣе народъ переправить на берегъ . Я вижу , что и до меня такожде дѣло доходить , и не сталъ дожидаться , пока меня схватятъ , а взявъ свою сумочку , и скорѣе самъ бросился , да взявъ одного поклонника , четырехлѣтняго мальчика : ибо отецъ съ матерью просили побережь его . И такъ , нагрузивши лодку въ одну минуту , отсунулись отъ корабля . И много испытала страха : лодка не большая , волны яко горы , а мы уже были полумертвы , и лежали всѣ ницъ лицами . Потомъ поднявъ я голову , вижу : уже близъ берега , вѣхали за камни , и тамъ тихо ; и пристали къ пристани . И тутъ Россійскій консулъ всѣхъ принимаетъ , и распоряжаетъ нашими , Восточной Церкви , христианами , и препровождаетъ въ греческій монастырь , который тутъ же , недалеко отъ пристани , находится ; и давали комнаты , сколько гдѣ можно помѣститься . И здѣсь мы проживали три дня , и ходили въ церковь . Здѣсь служба совершается болѣе на арабскомъ языкѣ . И здѣсь мы благодареніе воздавали Всевышнему Господу Богу , что сподобилъ вступить на святую обѣтованную землю , гдѣ самъ Спаситель , во плоти , ходилъ Своими пречистыми ногами ; и позабыли всѣ страхи и ужасы , которые претерпѣли мы на морѣ ;

только еще не получили мы совершенной радости, что еще не видимъ возлюбленнаго и многовождебнаго святаго града Иерусалима. Октября 28 числа, утромъ, пришелъ консулъ и объявилъ, чтобы русскіе были готовы въ дорогу. Спустя немного времени, приходятъ арабы, и берутъ сумки у всѣхъ, которые сами не могутъ нести. И мою взялъ арабъ, а я пошелъ вслѣдъ за нимъ, и вышли на улицу; тутъ стояло множество верблюдовъ, коней, ословъ и магарчиковъ (по-русски — лошаковъ); и брали всякъ себѣ по надобности и силѣ, кто верблюда, кто коня, а другой осла, а иной магара. Я взялъ для себя осла, и поѣхалъ, помышляя о вшествіи Господа Иисуса Христа во святой градъ Иерусалимъ на жребяти осла.

7. Выѣхавши изъ Яффы, древней Юппіи, ѣхали зелеными садами и огородами, гдѣ овые плоды собирали, овые садили, овые плоды цвѣля, а другіе носпѣвали. Отѣхали верстъ семь; осталось въ правой рукѣ, въ сторонѣ, селеніе *Луда*, отечество св. Великомученика Георгія.

8. Еще отѣхали верстъ семь, пріѣхали въ городъ Ремлю, по-древнему Рама (*гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть*), и въѣхали въ монастырь св. Великомученика Георгія, и тамъ отвели намъ особыя комнаты. Мы пошли въ церковь, и поклонились св. иконамъ; тамъ хранится часть столба вдовицына (*), и мы его лобызали; въ алтарѣ хранится одна древняя икона Святителя Николая. Потомъ представили намъ трапезу, послѣ которой мы спокойно спали. По-утру, часа за

(*) Чет. Мин. 23 апр. Чудеса св. Великомуч. Георгія Побѣдо-носца.

два до свѣту, всѣ встали; прѣѣхали наши извозчики, и мы сѣли и отправились въ путь; еще оставалось намъ ѣхать до Иерусалима сорокъ-пять верстъ, потому пораньше и встали. Верстъ пятнадцать мы ѣхали по ровному полю и по весьма хлѣбородной землѣ. Потомъ поѣхали на горы, и верстъ пятнадцать взбирались все на гору, по острому камню; болѣе шли пѣшіе, нежели ѣхали.

9. Потомъ взошли на гору, и паки спустились версты двѣ, и взошли въ село *Еммаусъ*, гдѣ Господь бесѣдовалъ съ Лукою и Клеопою, и познался имъ въ преломленіи хлѣба. Здѣсь есть жительство и церковь, которая построена Царицею Еленою, нынѣ же стоитъ пуста. Отъ Еммауса до Иерусалима ѣхали съ горы на гору; потомъ поднялись на одну весьма высокую гору; имѣли надежду съ нея увидѣть св. градъ Иерусалимъ, однако не получили желаемаго; а намъ столько сіе было желательно, что казалась одна сажень за версту. Наконецъ, открылись намъ горы за-Иорданскія и св. Гора Елеонская.

10. Еще немного проѣхали, и вдругъ открылось намъ многовождедѣльное наше сокровище, св. градъ *Иерусалимъ*, изъ-за котораго много мы претерпѣли скорбей по морю и по-суху. Теперь мы увидѣли его явственно своими очами, и неизреченной радости исполнились. Смотримъ: изъ Иерусалима, изъ Патріаршаго монастыря, вышли монахи и послушники насъ встрѣчать, версты за двѣ; и много насъ привѣтствовали; также и другихъ множество поклонниковъ вышли внѣ Иерусалима насъ встрѣчать, и всѣ насъ привѣтствовали; и даже самые турки — войны, ко-

торые во вратахъ на стражѣ , и тѣ насъ привѣтствовали.

11. Вошли въ св. градъ Іерусалимъ Давидовыми вратами , подлѣ Давидова дома , и пошли на-лѣво , по улицѣ , къ вратамъ Патріаршаго монастыря ; и вышли братія насъ встрѣчать ; овые насъ повели , овые нашу одежду взяли , и привели насъ на гостинницу , и угостили по обычаю греческому .

12. Заблаговѣстили въ маленькій колоколь къ вечерни , и мы всѣ пошли въ церковь Патріаршую — во имя Царя Константина и Елены ; и вшедши въ церковь , увидѣли множество иконъ россійскихъ , високаго греческаго писанія , въ окладахъ серебряныхъ , и множество лампадъ по обычаю іерусалимскому , чего мы еще отъ роду не видали , и много удивлялись іерусалимскому благому обычаю . Изъ этой церкви есть три окна къ Гробу Божию . Вечерню пѣли весьма чинно : стихиры всѣ пѣли съ канонархомъ . Послѣ вечерни позвали всѣхъ насъ въ трапезу , и была трапеза порядочная , подали и вина по три чаши каждому . Послѣ паки пошли на гостинницу , и спали покойно .

13. Съ полуночи заблаговѣстили къ утрени , и мы пошли въ церковь . Полунощницу читали кратко , не спѣшно , также и утрению . Шестопсалміе читалъ одинъ изъ Архіереевъ . Когда начали читать каѳизмы , позвали насъ въ особую , на то уготованную горницу : посреди ея стоялъ столъ , и горѣло шесть свѣтильниковъ , и посадили всѣхъ по чину , а женамъ сказано быть въ другой комнатѣ . Приказали намъ всѣмъ разуться ; пришли три монаха , и стали намъ омывать ноги : одинъ мылъ , другой воду подавалъ , а третій

бѣлымъ платомъ отиралъ , и ноги наши цѣловалъ , а прочіе пѣли стихиры *умовенія ногъ* ; а потомъ омыли и руки , по локти , благоуханною розовою водою . Женамъ только руки омывали . По отправленіи этой церемоніи , паки пошли всѣ въ церковь . Каноны не читали , но пѣли съ канонархомъ по-аеонски , и читали Прологъ . Послѣ утрени , безъ расхода , начали Литургію . По Литургіи , пошли на гостинницу , и сдѣлали намъ угощеніе . Потомъ позвали всѣхъ въ *Синодикъ* , для записыванія именъ своихъ и родныхъ въ помянники , и пожертвовать , кто что можетъ , въ общую патріаршую казну на искупленіе святыхъ мѣстъ и на прочіе расходы патріаршіе . Тамъ засѣдалъ самъ Святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій , Кириллъ ; съ нимъ Митрополитъ за-Іорданскій , Мелетій , и еще четыре Митрополита , и соборные старцы , и призывали каждого по единому . Позвали и меня ; и я пошелъ съ великою скорбію и со стыдомъ , потому что не имѣю что пожертвовать . Подошедши и сотворивши три поклона , положилъ два рубля ; а самъ , поклонившись , заплакалъ , и сказалъ : « простите меня , Святѣйшіе Владыки ! радъ бы больше положить , но не имѣю . » Но Митрополитъ Мелетій отвѣтилъ мнѣ по-русски : « Отче , не скорби ! мы и этимъ довольны : ибо твои два рубля пріемлются , какъ вдовицы двѣ лепты . Поклонись Патріарху , и поцѣлуй его руку ; получи отъ него разрѣшительную себѣ грамоту , да иди съ Богомъ . » Я же поклонился Патріарху , поцѣловалъ его руку , получилъ отъ него разрѣшительную грамоту , и вышелъ радуясь , что много меня Преосвященный Мелетій Митрополитъ утѣшилъ и успокоилъ . Послѣ трапезы мы прохаживались по крышамъ всей Па-

тріархіи и по церкви Божія Гроба, смотрѣли на весь Іерусалимъ, и на мѣсто храма Соломонова, смотрѣли и во внутрь ко Гробу Божію и весьма распаялись сердцами, ожидая, когда сподобимся прикоснуться къ нему своими устами.

14. Послѣ вечерни повели насъ ко *Гробу Господню*, и пошли внизъ по ступенямъ. Въ самомъ низу есть мѣсто, гдѣ явился Іисусъ Маріи. Тамъ церковь *Іакова брата Божія*, перваго Епископа Іерусалимскаго; тамъ лежтъ камень изъ св. Горы *Синайскія*.

15. Вышли на площадь къ св. вратамъ великаго *Воскресенскаго храма*. На той площади, на правой странѣ, къ армянской церкви, видны на мраморѣ слѣды ногъ Омира турчанина, увѣровавшаго во Христа. Близъ самыхъ св. вратъ, на лѣвой странѣ, стоятъ средняя колонна, мраморная съ трещиною, изъ которой изшла благодать, т. е. святыи свѣтъ, и которая отъ всѣхъ почитается, и всѣ ее цѣлуютъ, какъ православные, такъ и не православные и армяне. О семъ происшествіи хочу здѣсь немного написать, какъ о немъ православные христіане восточные единогласно говорятъ, да и самые турки утверждаютъ. Въ стѣнѣ есть мраморная плита, вся исписана; и говорятъ, что самое это происшествіе написано; но мы читать не можемъ, потому что писано сирскими буквами, на арабскомъ языкѣ; и я только слышалъ, но не читалъ; а происшествіе было якобы такое: « Во едино время, когда греки были до конца отягчены турецкимъ игомъ, богатые армяне вздумали вытѣснить грековъ отъ Гроба Божія, и изъ Воскресенскаго храма; собрали великую сумму денегъ, и подкупили Оттоманскую Порту и все іерусалимское начальство, увѣряя

невѣрныхъ , что св. свѣтъ сходитъ не ради грековъ , но ради всѣхъ христіанъ , и ежели мы , армяне , будемъ тамъ , — то-же получимъ . А турки жадны до денегъ , податливы на подкупъ , и потому сдѣлали по армянской волѣ , и утвердили , чтобы армянамъ однимъ получать св. свѣтъ . Армяне весьма возрадовались , и писали по всѣмъ землямъ къ своимъ единовѣрцамъ , чтобы шли больше на поклоненіе , что ихъ воля ; и сошлось ихъ многое множество . Наступила Великая суббота : армяне всѣ взобрались въ храмъ , а грековъ бѣдныхъ турецкое воинство выгнало вонъ . О , какой неизреченной горести и скорби исполнились греки ! Едино было имъ утѣшеніе — Гробъ Спасителя , и отъ того ихъ отлучили , и св. врата для нихъ затворили ! Армяне внутри церкви , а православные на улицѣ ; армяне веселятся , а греки плачутъ ; армяне торжествуютъ , а греки горько рыдаютъ ! Православные стояли противъ св. вратъ на площади , а кругомъ стояло турецкое воинство , караулило , чтобы не было бунта . Какъ самъ Патріархъ , такъ и всѣ стояли со свѣщами , имѣли надежду хотя отъ армянъ въ окно получить благодать . Но Господь восхотѣлъ другое устроить , и показать истинную вѣру Своимъ огненнымъ перстомъ , и утѣшить Своихъ истинныхъ рабовъ , смиренныхъ грековъ . Уже пришло время , въ которое сходитъ благодать , но ея нѣтъ ; армяне испугались , начали плакать , и просить Бога , чтобы послалъ имъ благодать ; но Господь не услышалъ ихъ . Уже полчаса прошло и болѣе , а св. свѣта нѣтъ . День былъ чистый и красный . Патріархъ сѣлъ къ правой странѣ . Вдругъ ударилъ громъ , и на лѣвой странѣ средняя колонна мраморная треснула , и пѣть трещины

вышелъ огонь пламенемъ. Патріархъ всталъ и зажегъ свои свѣщи, и отъ него зажгли всѣ православные христіане. Тогда всѣ возрадовались и возвеселились; а православные арабы отъ радости начали прыгать и скакать, и кричать: «Ты еси единъ Богъ нашъ Иисусъ Христосъ; едина наша истинная вѣра—православныхъ христіанъ!» И начали бѣгать по всему Іерусалиму, и подняли по всему граду шумъ и крикъ. Они и до-днесъ творять этому память, прыгаютъ и кричатъ кругомъ Божія Гроба, хвалятъ единого истиннаго Бога, Иисуса Христа, и ублажаютъ православную вѣру. Воины же—турки, кругомъ стоявшіе на стражѣ, видѣвши сіе чудо, весьма удивились и ужаснулись. Изъ числа ихъ одинъ, именовъ Омиръ, стоявшій у Аврааміева монастыря на стражѣ, тотчасъ увѣровалъ во Христа, и закричалъ: «единъ истинный Богъ Иисусъ Христосъ; едина истинная вѣра—православныхъ христіанъ!» А самъ прыгнулъ внизъ къ христіанамъ, вышины болѣе 15 аршинъ, и ноги его ступили на твердый мраморъ, какъ на мягкій воскъ; и до-днесъ видны два слѣда его, изображены какъ на воску; хотя не православные и стараются ихъ загладить, но я еще своими очами видѣлъ, и своими руками осязалъ. И колонна съ трещиною опаленная стоитъ. Воинъ же Омиръ, спрыгнувъ, взялъ свое оружіе, жемъзомъ воткнулъ въ камень, какъ въ мягкій воскъ, а самъ безпрестанно прославлялъ Христа. За сіе турки отсѣкли ему голову, а тѣло его сожгли; кости же его греки собрали, положили въ раку, и поставили въ женскомъ монастырѣ *Великой Панагии*, гдѣ и до-днесъ источаютъ благоуханіе. Армяне внутри у Гроба Божія ничего не получили, остались съ

однимъ стыдомъ. Паша Иерусалимскій и прочіе турецкіе начальники весьма вознегодовали на нихъ, хотѣли ихъ всѣхъ изрубить, но убоялись Султана; только наказали тяжко: говорятъ, давали каждому ѣсть разной нечистоты при выходѣ изъ храма.»

16. Потомъ турки отворили намъ святыя врата во святую, небеси подобную, церковь, основанную надъ самымъ Живоноснымъ Гробомъ Господа нашего, Иисуса Христа, и надъ самою горою Голговою, гдѣ были пригвождены на крестѣ грѣхи наши. О, какой я радости исполнился, увидѣвъ небеси подобную церковь Воскресенія Христа Бога нашего и Живоносный Гробъ Спасителя нашего Бога, чтò видѣть имѣлъ неограниченное сердечное желаніе съ самага малолѣтства! И просилъ я Господа, да не отвержетъ меня грѣшнаго, но да приметъ во святой Свой храмъ. Со страхомъ и трепетомъ пошли мы во св. врата, въ самыя тѣ, въ которыя не могла взойти Марія Египетская (*). Взошедши во храмъ и отойдя отъ вратъ двѣнадцать шаговъ, стали у св. мѣста, гдѣ было повитіе плащеницею, по снятіи со креста, Господа Иисуса Христа; кругомъ его—двѣнадцать подсвѣчниковъ съ большими восковыми свѣчами, по четыре аршина вышины, и девять неугасимыхъ лампадъ съ елеемъ, всѣ въ фонаряхъ, дабы не задувало вѣтромъ, потому что приходятся противъ самыхъ вратъ. Мы же со всѣхъ сторонъ пали на тотъ камень, гдѣ лежало тѣло Господа нашего Иисуса Христа, его лобызали и слезами омочали. Пошли къ западу, и тамъ лобызали другое

(*) Чет. Мян. апр. 1. Житіе Маріи Египетскія.

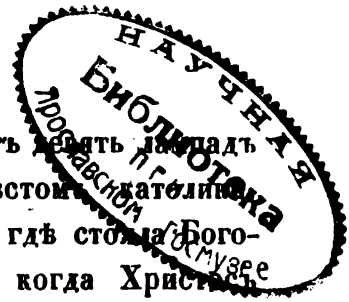
св. мѣсто , гдѣ стояла Пресвятая Богородица , когда распинали Иисуса Христа ; тамъ горить три лампы неугасимыхъ . Потомъ пошли къ сѣверу , между столбами , и взошли въ храмъ Гроба Божія , и зашли съ восточной страны : ибо у Гроба Божія врата на востокъ , и намъ къ нему приходилось идти съ востока на западъ . Двери къ нему — наподобіе царскихъ вратъ . По обѣ стороны дверей Гроба стоитъ по шести подсвѣчниковъ со свѣчами необыкновенной величины и толщины ; надъ дверьми Гроба стоятъ три иконы Воскресенія Господня : внизу — армянская , писанная на дскѣ ; предъ нею неугасимая лампада — серебряная , съ однимъ стаканомъ ; вторая икона , средняя , — православныхъ , великая , вырѣзанная по цвѣтному камню , самой высокой греческой работы ; предъ нею великая серебряная лампада — неугасимая , съ четырьмя стаканами ; а въ праздники вѣшаютъ золотую ; третья , верхняя икона , — католиковъ , писанная на полотнѣ , и предъ ней неугасимая лампада обѣ одномъ стаканѣ .

17. Потомъ намъ сказали : « иззуйте сапоги съ ногъ вашихъ : ибо мѣсто , куда хотите идти , свято есть . » И мы всѣ разулись , и скинули съ ногъ , кто что имѣлъ , и пошли босыми ногами ; а кто имѣлъ новые чулки , — тѣ въ чулкахъ ; мало наклонили свои главы , и пошли съ великимъ страхомъ и ужасомъ . Вошли во внутренній притворъ ; тамъ посреди стоитъ часть того камня , который былъ приваленъ къ дверямъ Гроба Господня , и на которомъ сидѣлъ Ангелъ Господень и благовѣстилъ женамъ мѣроносицамъ ; и мы его лобызали ; здѣсь горить пятнадцать лампадъ неугасимыхъ . Оттуда къ западу — еще двери , весьма

низкія, — это къ самому Гробу Господню; и мы наклонились пониже, и взошли во внутрь: на правой рукѣ, къ стѣнѣ, находится живоносный Гробъ Иисуса Христа, Бога нашего; и мы отъ радости и отъ ужаса не знали, что видимъ, — гробъ ли, или Самого Иисуса Христа, во гробъ лежащаго. И мы его любызали, и много слезъ проливали, и благодарили своего Творца и Владыку, что сподобилъ насъ видѣть своими очами, и лобызать своими скверными устами живоносный Гробъ возлюбленнаго Сына Божія, Иисуса Христа, насъ ради грѣшныхъ пострадавшаго и въ семъ Гробъ положеннаго; и просили Его благоутробіе простить насъ, грѣшныхъ, хотя и послѣднихъ, но принять насъ, какъ и первыхъ. Тамъ горитъ сорокъ пять лампадъ неугасимыхъ, и много свѣчъ. Надъ живоноснымъ Гробомъ стоитъ икона — востаніе изъ Гроба Иисуса Христа, вырѣзанная по цвѣтному камню, также и другія; отъ неправославныхъ стоятъ иконы писанныя на деревѣ. Тамъ стоитъ гробовой монахъ неотступно, православнаго исповѣданія; а другіе христіане не имѣютъ права поставить своихъ. И тамъ помолившись вышли тѣми же дверями паки на востокъ, и паки обулись.

18. Оттуда пошли на гору Голгоѳу. Гора Голгоѳа отъ Гроба — на юго-востокъ, разстояніемъ сорокъ два аршина; а вышиною гора Голгоѳа шесть аршинъ; и мы пошли по каменной лѣстницѣ, въ осмнадцать ступеней; и какъ взошли на верхнюю ступень, — увидѣли страшное и поразительное зрѣлище: къ востоку стоятъ крестъ съ распятою плотію Иисуса Христа, самой искусной работы, греческаго живописанія, въ совершенномъ видѣ человѣка. На крестъ вверху — титло,

написанное тремя языками: еврейски, гречески и римски. Стоитъ близъ того мѣста, гдѣ стоялъ настоящій крестъ Спасителя, только на поларшина далѣе къ востоку, и предъ крестомъ стоятъ подсвѣчникъ о седми свѣщахъ; по правую страну креста стоитъ изображеніе Божіей Матери; предъ нимъ стоитъ подсвѣчникъ съ тремя свѣчами; а по лѣвую — изображеніе Іоанна Богослова, и предъ нимъ подсвѣчникъ съ тремя свѣчами. Еще виситъ хрустальное паникадило и болѣе ста лампадъ; болѣе двадцати — неугасимыя. Предъ крестомъ стоитъ престолъ, на которомъ православные совершаютъ Литургію. Подъ престоломъ отверстіе, обложенное серебромъ, гдѣ стоялъ Крестъ Христовъ. По правую сторону престола, на поларшина есть разсѣлина, которая сдѣлалась во время Христова страданія, когда тряслась земля и каменіе разсѣдались, и изъ пречистыхъ язвъ Его текла пречистая кровь; и та разсѣлина — продолговатая, задвигается серебряною доскою. Потомъ намъ сказали: «изуите сапоги съ ногъ вашихъ, и поклоняйтесь мѣсту, идѣже стояху нозѣ Спасителя нашего Іисуса Христа.» Мы всѣ скинули сапоги съ ногъ своихъ, и пошли поклоняться св. мѣсту, обогренному кровію Владычнейю, сіи словеса глаголюще: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресеніе Твое славимъ»; и: «поклоняемся на мѣстѣ, идѣже стоястѣ нозѣ Твои, Господи.» Потомъ лобызали самое то отверстіе, гдѣ стоялъ крестъ Христовъ; потомъ лобызали второе отверстіе, гдѣ изъ пречистыхъ язвъ Его текла пречестная кровь; изъ обохъ отверстій исходитъ благоуханіе. Еще на Голгоѣ, отъ креста къ югу—второе святое мѣсто, гдѣ распинали Христа,

и пригвождали ко кресту; тамъ горить лампада неугасимыхъ; владѣютъ этимъ мѣстомъ католики. Еще, поправѣ, за стѣною,—мѣсто, гдѣ стоялъ Богородица съ Іоанномъ Богословомъ, когда Христосъ висѣлъ на крестѣ и сказалъ: « жено, се сынъ твой », а ученику: « се мати твоя. » Тамъ горить одна лампада неугасаемая; тамъ и придѣлъ Царицы Елены; а держать это мѣсто католики. Вся гора Голгоѳа, гдѣ завѣдываютъ православные, расписана иконнымъ стѣннымъ писаніемъ греческой работы. Надъ самымъ крестомъ, въ куполѣ, изображенъ Богъ—Отецъ, смотрящій на страданія возлюбленнаго Сына Своего; пониже Его — Духъ Святой, отъ Отца исходящій и на Сына почивающій; вокругъ Нихъ изображены всѣ небесныя воинства, смотрящія на страданія Царя Небеснаго, и отъ страха лица свои закрывающія. Кромѣ того написаны небесныя свѣтила: солнце лучи свои сокрыло, луна въ кровь преложилась, и всѣ звѣзды во мракъ облеклись, не терпя зрѣти своего Создателя на крестѣ висима. По угламъ написаны четыре Евангелиста, держащіе въ рукахъ разгнутыя страстныя Евангелія, яже о распятіи Христовомъ. По стѣнамъ изображены всѣ страданія Христовы, и написаны разные тропари и стихиры, тому мѣсту приличныя. Напротивъ креста, на стѣнѣ, написано: « спасеніе содѣлалъ еси посредѣ земли, Христе Боже, на крестѣ пречистви руцѣ Твои простерлъ еси, собирая вся языки зовущія: Господи, слава Тебѣ. » На каѳедрѣ, гдѣ читаютъ Евангеліе, написано: « отъ Сіона изыде законъ, и слово Господне изъ Іерусалима. » И многое другое написано изъ пророчествъ, псалмовъ и изъ Евангелія. Полъ на горѣ мраморный:

Помолившись и облобызавши святыя мѣста, мы много отъ радости плакали, и благодарили Господа Бога, что сподобилъ насъ быть на лобномъ мѣстѣ, на самой горѣ Голгоѣ, гдѣ самъ Спаситель міра висѣлъ на крестѣ, и пролилъ пречистую кровь Свою, и загладилъ наше грѣховное рукописаніе. Потомъ сошли на западъ, по той-же лѣстницѣ, по которой взошли на гору.

19. Сошедши, пошли направо корридоромъ, и тамъ недалеко есть придѣлъ: посреди стоитъ престолъ, подъ престоломъ стоитъ столбъ, на которомъ сидѣлъ Христосъ, когда надѣвали на Него терновый вѣнецъ. Столбъ окруженъ желѣзной рѣшеткой, и мы просунули руки, и осязали столбъ, и лобызали свои руки. Тамъ въ стѣнѣ, за стекломъ и за желѣзною рѣшеткою, сохраняется и терновый вѣнецъ: горять двѣ неугасаемыя лампы. Завѣдываютъ симъ мѣстомъ православные. Пошли далѣе, и повернули направо во врата, и сошли внизъ по лѣстницѣ въ двадцать восемь ступеней, и взошли въ великій храмъ Честнаго Креста. На семь мѣстъ воскресъ мертвецъ, когда наложили на него обрѣтенный въ землѣ Господень крестъ; тамъ есть мѣсто, гдѣ стояла св. Елена, когда откапывали крестъ, и смотрѣла внизъ, гдѣ нашли животворящій крестъ; и тамъ въ окнѣ горять три неугасаемыя лампы. Храмъ сей прекрасенъ, и въ немъ множество лампадъ; верхъ поддерживаютъ четыре мраморныя колонны; храмъ — съ однимъ куполомъ. Прежде владѣли симъ храмомъ кабаши, т. е. абиссинцы — еѳіопы; нынѣ же завѣдываютъ имъ армяне. Пошли еще внизъ, сошли двѣнадцать ступеней, и взошли въ другой храмъ, и тамъ къ лѣвой

странѣ придѣль Франковъ; а въ правой сторонѣ, подѣ самороднымъ камнемъ, въ самомъ углѣ лежалъ крестъ Христовъ; симъ мѣстомъ завѣдываютъ православные; тамъ горять неугасимыя лампы. А гдѣ лежалъ крестъ, на томъ мѣстѣ лежитъ мраморный камень; и мы, лобызавши св. мѣсто, вышли назадъ, по тѣмъ-же мѣстницамъ, пакн къ великой церкви, въ корридоръ. И пошли направо, и тамъ есть мѣсто, гдѣ войны раздѣляли ризы Христовы, и метали жребій. Тамъ—придѣль, и горить неугасимая лампада; завѣдываютъ симъ мѣстомъ армяне. Далѣе придѣль во имя Логгина Сотника, который исповѣдалъ Христа такъ: *воистину Божій Сынъ бѣ Сей*. Еще тамъ есть въ стѣнѣ, за желѣзною рѣшеткою, камень съ горы Голгофы, который былъ обогрѣнъ кровію Христовою; предъ нимъ горять двѣ неугасимыя лампы; завѣдываютъ этимъ мѣстомъ православные. Пошли далѣе, и пришли въ придѣль, называемый *Темница*, гдѣ хранится тотъ самый камень, съ двумя сквозными отверстіями, который былъ на ногахъ Христа, вмѣсто колоды, когда Онъ сидѣлъ въ темницѣ; камень лежитъ подѣ престоломъ за желѣзною рѣшеткою, и надъ нимъ горить неугасимая лампада; завѣдываютъ этимъ мѣстомъ православные; и мы лобызали желѣзную рѣшетку; потомъ просунули руки, осязали отверстія и потомъ лобызали свои руки. Далѣе, взошли въ храмъ Богородицы. Когда Сынъ Ея, Иисусъ Христосъ, висѣлъ на крестѣ, Она на семъ мѣстѣ стояла съ женами мученицами, горько плакала, а жены Ее держали подѣ руки. По правую сторону престолъ Успенія Богородицы; по лѣвую сторону престолъ въ память того, когда Господа нашего, Иисуса Христа,

били привязаннаго у столба; гѣрятъ тамъ три лампады неугасимыя ; завѣдываютъ симъ мѣстомъ православные. Поклонившись , паки вышли назадъ въ великую церковь. И потомъ пошли направо во врата, и взошли во-внутрь храма, и тамъ, на правой странѣ, есть рѣшетка и отверстіе ; въ томъ отверстіи есть трость , а внутри стоитъ часть столба , къ которому привязывали Христа , когда мучили Его подлѣ Пилатова дома ; мы концемъ сей трости прикасались къ столбу, паки ее вынули , и лобызали конецъ трости. Тамъ подъ престоломъ есть мѣсто , гдѣ по воскресеніи явился Христосъ возлюбленной Матери Своей. Сей храмъ порядочный; много въ немъ неугасимыхъ лампадъ , и множество лампадъ и свѣчь , которыя зажигаются по праздникамъ: ибо это соборный храмъ католиковъ , называемыхъ франками. Потомъ вышли обратно, и тамъ на полу, на мраморѣ, есть два круга, и горятъ двѣ неугасимыя лампы: одно мѣсто, гдѣ стоялъ Христосъ, а другое мѣсто, гдѣ стояла Марія Магдалина , когда ей сказалъ Христосъ : *Маріе, не прикасайся Мнѣ*. Тамъ къ востоку придѣлъ франковъ, а къ западу на хорахъ органъ ихъ. Потомъ между столбами паки взошли во храмъ ко гробу Божію , къ самой кувукліи; потомъ пошли къ западу, мимо гроба Божія, и пошли во врата, и взошли во храмъ: это—церковь сиріанская. Потомъ пошли въ пещеру, и тамъ два гроба — Іосифа и Никодима , и горитъ одна неугасимая лампада. И мы паки вышли тѣми-же вратами во храмъ Гроба Божія. Позади гроба Божія, къ самой стѣнѣ кувукліи, есть придѣлъ коптовъ. Зашли съ восточной страны, и паки поклонились живенному Христу гробу.

20. Гробъ Христовъ стоитъ посреди самаго храма. Надъ нимъ сдѣлана кувуклія, наподобіе часовни : въ длину девять аршинъ , а въ ширину семь аршинъ ; внутри съ двумя комнатами. Въ притворѣ лежитъ часть камня, отваленнаго отъ дверей гроба; а внутри самый гробъ Христовъ. Вокругъ же его храмъ круглый, поддерживаемъ осьмнадцатью столбами, сдѣланными изъ тесаннаго бѣлаго камня. Каждый столбъ въ три аршина квадратныхъ ; между столбовъ двѣнадцать аршинъ квадрату. На самой срединѣ стоитъ кувуклія, а въ ней гробъ Христовъ. Верхъ надъ кувукліей не покрытъ , но оставлено великое круглое отверстіе , отъ коего освѣщается весь храмъ ; ежели бываетъ дождь, то прямо на кувуклію идетъ. Позади столбовъ—въ три ряда хоры, на которыхъ помѣщаются кладовыя , ризницы и гостищницы , и келлія ; въ нижнихъ двухъ этажахъ занимаютъ большую часть православные, копты, кабеши , часть — армяне и католики ; а въ верхнемъ этажѣ занимаютъ армяне и католики. Тамъ и армянская соборная церковь. Вокругъ по аркамъ виситъ множество лампадъ , а по столбамъ стоитъ много иконъ отъ христіанъ разныхъ исповѣданій, и предъ ними повѣшены лампады. Греки сказывали, что прежде весь храмъ изукрашенъ былъ иконнымъ писаніемъ, изъ мусіи, еще Царицею Еленою. Но мы уже не сподобились сіе видѣть. Въ 1808 году, во время великаго пожара, вся мусія осыпалась, и нынѣ только подштукатурено. Въ самомъ куполѣ сдѣланы кругомъ хоры, для народа. Ходъ на нихъ изъ Патріаршаго монастыря. Кругомъ Божія гроба на кувукліи вырѣзана надпись по камню: « да похвалятъ языцы и людіе Христа Бога нашего, волею

насъ ради крестъ претерпѣвшаго, и во адѣ тридневновавшаго: и да поклонятся Его изъ мертвыхъ воскресенію, имже просвѣтишася всего міра концы.» На углахъ написаны разныя стихиры, тому мѣсту приличныя, Христову гробу и воскресенію. Напротивъ дверей гроба Божія, на востокъ, врата въ Воскресенскую соборную церковь, которой обновленіе празднуется сентября 13-го числа. Между вратъ церкви и дверей гроба Божія, вверху, виситъ множество великихъ лампадъ въ четыре ряда, Франкскихъ и греческихъ, въ честь гроба Божія. Посреди стоитъ великій Франкскій аналой. Надъ самыми церковными вратами висятъ въ три ряда греческія лампы; на каждую ночь всѣ зажигаются. Надъ воскресенскими церковными вратами, напротивъ гроба Божія, на аркѣ написано: «радуйся и веселися, Невѣсто Царя Великаго, созерцающая свѣтло твоего Жениха красоту, паче злата сіяющую, и паче солнца облитавшую.»

21. Потомъ отворили намъ врата Воскресенскаго храма. Храмъ великъ и прекрасенъ, и богато убранъ; полъ разнораморный; посреди есть амвонъ, который означаетъ средину всего храма. Храмъ имѣетъ три иконостаса: одинъ на востокъ къ алтарю, второй на югъ, а третій на сѣверъ. На востокъ иконостасъ мраморный, удивительной работы; въ четыре ряда иконы; внизу мѣтныя великія, россійской работы; надъ ними праздники дванадесятые; потомъ вырѣзано по мрамору: «Свѣтися, свѣтися, новый Иерусалиме: слава бо Господня на тебѣ возсія. Дикуй нынѣ и веселися, Сионе: Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о востаніи Рождества Твоего.» Повыше подѣланы

арки, и въ нихъ стоятъ иконы св. Апостолъ, рѣзбенныя и писанныя, высокою греческой работы; предъ всякою иконою лампада. По иконостасу вырѣзано: «Радуйся, Сіоне святой, Мати церквей, Божіе жилище: ты бо пріяла еси первый оставленіе грѣховъ воскресеніемъ.» Потомъ паки арки, и въ нихъ Пророки, подобно Апостоламъ, рѣзбенныя и писанныя, и предъ каждымъ лампада. На самомъ верху стоятъ великій крестъ; по одну сторону стоитъ Богоматерь, а по другую—Іоаннъ Богословъ: обѣ иконы рѣзбенныя и писанныя. Еще по сторонамъ стоятъ по три Ангела, рѣзбенныя и вызлащенные, держатъ въ рукахъ по подсвѣчнику. Позади иконъ, противъ каждаго яруса, къ алтарю подѣланы хоры: на нижнихъ хорахъ противъ Апостоловъ повѣшены бѣлыя, доски мѣдныя, желѣзныя и деревянныя, въ которыя ударять ко всякой службѣ. На сихъ хорахъ, надъ царскими вратами, гдѣ становится икона Спасителя посреди Апостоловъ, сдѣлана кафедра; по великимъ праздникамъ читаютъ на ней Евангеліе, и всегда сказываютъ съ нея проповѣди. Алтарь же возвышеніемъ — на шесть четвертей, а престолъ еще возвышенъ на три четверти. Престолъ великъ, и въ широту продолговатъ. Позади престола, подлѣ него, стоитъ большой крестъ, удивительной греческой древней работы, шестиконечный; сдѣланъ отъ трехъ дровъ, а титло написано на хартіи; предъ крестомъ стоитъ дароносица. Надъ престоломъ сдѣланъ удивительный балдахинъ, поддерживаемый четырьмя столбами; между столбовъ кругомъ престола повѣшены златотканныя занавѣси: ибо во время Литургіи престолъ закрывается. Балдахинъ же внутри весь исписанъ; вверху из-

ображенъ Спаситель съ небесными воинствами; пониже весь исписанъ разными молитвами изъ служебника, читаемыми на Литургіи; снаружи написаны семьдесятъ Апостоловъ и священномученики; а вокругъ написаны разныя молитвы и стихи изъ богослужебныхъ книгъ. По лѣвую сторону престола, къ стѣнѣ, стоитъ жертвенникъ, и надъ нимъ сдѣланъ балдахинъ, подобно какъ и надъ престоломъ, весь исписанъ. И еще написано пониже свце: «Дѣва днесъ Пресущественнаго раждаетъ, и земля вертепъ Непрístupному приносить: Ангели съ пастырьми славословятъ, волсви же со звѣздою путешествуютъ: насѣ бо ради родиса Отроча младо, превѣчный Богъ.» По правую сторону престола такожде сдѣланъ якобы другой жертвенникъ, надъ коимъ такожде балдахинъ, и называется малая трапеза; на ней стоятъ двѣнадцать малыхъ подсвѣчниковъ, которые носятъ во время крестныхъ ходовъ передъ хоругвями на встрѣчу Патріарха. Здѣсь хранится святая вода и благословенные хлѣбы. Вокругъ въ алтарѣ написаны двѣнадцать Апостоловъ и много Святителей, и пониже сводовъ кругомъ написано сіе: «Побѣдную пѣснь поюще, вопіюще, взывающе и глаголюще: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоея: осанна въ вышнихъ. Благословенъ Грядый во имя Господне: осанна въ вышнихъ.» Въ алтарѣ множество лампадъ, болѣе пятидесяти, и многія изъ нихъ неугасимыя. Кругомъ подлѣ стѣнъ возвышено на три ступени; здѣсь стоятъ не служащіе священники, діаконы и монахи; мірянамъ же въ алтарѣ стоять не позволяютъ. На горнемъ мѣстѣ стоитъ мраморная патріаршая каеэдра; во время патріаршаго служенія становятъ и другія

архіерейскія каѳедры. Изъ алтаря двое вратъ : на правую сторону—на Гору Голгоѳу, а на лѣвую страну — въ ризницу. Царскія врата — рѣзбенныя и вызолоченныя, съ четырьмя Евангелистами и съ Благовѣщеніемъ. Наверху стоитъ двуглавый орелъ. Клиросы сдѣланы весьма тѣсныя, потому что мимо ихъ ходъ въ боковыя врата. На правой странѣ, за клиросомъ къ столбу, стоитъ великая рѣзбенная и вызолоченная патріаршая каѳедра. Напротивъ ея, на лѣвой странѣ вторая каѳедра, подобна первой, патріаршаго намѣстника, Митрополита Петры Аравійской (*). На обѣихъ странахъ между столбовъ сдѣланы великіе рѣзбенные и вызлащенные иконостасы, и въ три ряда иконы : внизу Святители, повыше Пророки и Преподобные, а вверху по седми иконъ на странѣ, великихъ, самага высокаго російскаго писанія, на греческій образецъ; присланы и пожертвованы Російскимъ Императоромъ, Александромъ Павловичемъ, послѣ пожара; изображены всѣ страданія Иисуса Христа; предъ каждою иконою повѣшена лампада. Повыше иконъ стоятъ по седми Ангеловъ на странѣ, рѣзбенныхъ и вызолоченныхъ, и въ обѣихъ рукахъ держать по подсвѣчнику, куда въ праздники становятся свѣщи. Поверхъ иконостасовъ подѣланы хоры; во время Пасхи много вмѣщается народа. Кругомъ

(*) Сего Митрополита русскіе поклонники обычай имѣютъ называть *св. Петръ*. Также именовали и прежде его бывшихъ намѣстниковъ Патріарха Іерусалимскаго, Митрополитовъ Пѣтры или за-Іорданскихъ. Но сіе имя *Петръ* вѣсть настоящее ихъ имя, а такъ называются отъ страны, въ которую они поставляются въ Митрополиты, и именуемой *Пѣтра*. Настояція же имена ихъ—другія: нынѣшній называется Мелетій, а прежде его былъ Мисанлъ.

подлѣ стѣнъ стоятъ монашескія мѣста (формы), возвышенныя противъ полу на три ступени. Въ семь греческомъ храмѣ четверо часовъ: двое въ алтарѣ, и двое въ храмѣ, у заднихъ столбовъ. Посреди храма висятъ три великія паникадила, по пятидесяти свѣчей: одно, среднее, — чистаго серебра, а два посеребреныя; всѣ пожертвованы Россійскими Императорами, а болѣе—Николаемъ Павловичемъ. И еще множество хрустальныхъ, мѣдныхъ и серебряныхъ лампадъ, вмѣщаютъ по десяти и по пятнадцати свѣтильниковъ; еще на всѣхъ четырехъ странахъ виситъ по желѣзной цѣпи, на каждой по двадцати пяти лампадъ. Въ торжественныя дни зажигаютъ болѣе четырехъ сотъ лампадъ, и еще множество зажигаютъ свѣчь кругомъ, у иконъ, въ два ряда, и сто пятьдесятъ свѣчей на паникадилахъ. Имѣетъ сей храмъ пять вратъ: одни къ западу—ко гробу Божію, вторыя къ сѣверу—ко храму Богородицы, третьи на югъ—къ Голгоѣ и повитію пеленами, и двое вратъ на гору Голгоѣу. Въ храмъ Воскресенія Христова изъ иновѣрныхъ никого не пускаютъ. И врата греки отпираютъ только тогда, когда есть Богослуженіе; и когда мы вошли во храмъ всѣ, то врата заперли; потому что еретики начали дѣлать свои литіи кругомъ гроба Божія и на Голгоѣ, и по прочимъ мѣстамъ; и греки опасались, дабы православныя новыя поклонники, не видѣвшіе сего, не стали вкупѣ молиться или смотрѣть на нихъ: греки весьма блюдутся еретиковъ. И мы ходили по св. мѣстамъ, имѣя въ рукахъ свѣщи горящія. Потомъ, мало посидѣвши, слышимъ: начали звонить въ колокольчикъ, и позвали насъ всѣхъ въ трапезу, и мы пошли мимо горы Голгоѣы вверхъ по лѣстницамъ, и

взошли выше Голгоѣы, и пришли въ трапезу, и съѣли всѣ на мѣста, мужи за столомъ, а жены за другимъ, и читали жертвенникъ; пища была весьма хорошая, и каждому по три чаши вина. И мы благодарили Господа Бога, своего Создателя, что сподобилъ насъ потрапезовать у Своего живоноснаго гроба, надъ самою горою Голгоѣою. Потомъ повели насъ вѣнзъ, подъ гору Голгоѣу; тамъ храмъ Іоанна Предтечи, и горитъ неугасимая лампада; позади престола есть окно и желѣзная рѣшетка, и тамъ внутри горитъ неугасимая лампада; тамъ, сказываютъ, и глава Адамова; и точно, видна трещина, гдѣ съ креста текла кровь Христова: ибо здѣсь видна самая настоящая гора Голгоѣа. Въ этой церкви, на правой странѣ, есть гостинная келлія: въ ней записывали мы имена своихъ родственниковъ и благодѣтелей для поминовенія у гроба Господня, и сдѣлали пожертвованіе каждый по силѣ своей. Потомъ паки зазвонили въ колокольчикъ, и мы всѣ пошли на Голгоѣу, и тамъ читали повечеріе, и пѣли Кресту канонъ, на гласъ, съ канонархомъ. Потомъ самъ игумень сказывалъ проповѣдь о томъ, какъ Авраамъ приносилъ своего сына въ жертву Богу, и какъ самъ Христосъ за насъ грѣшныхъ на семь мѣстѣ изліялъ кровь Свою. Потомъ и къ намъ провзнесъ: «вы, пришедшіе отъ востока и отъ запада, и отъ края сѣвернаго, поклонитесь на семь мѣстѣ, приносили себя почти такожде на жертву Богу; ибо предавали себя дальнему пути и морскимъ пучинамъ, и разнымъ злостраданіямъ; посему и вы не лишитесь мзды своея за труды свои.»

По окончаніи повечерія повели насъ на гостинницу, которая напротивъ гроба Божія, на хорахъ; и мѣ

положили свою одежду, а сами паки пошли по св. мѣстамъ, и ходили до полуночи. На Голгоѣ читали акаѣистъ Кресту и Богородицѣ. Ирмосы пѣли на-распѣвъ, а концы у акаѣистовъ припѣвали. Также и на гробѣ Божіемъ читали акаѣистъ Иисусу Сладчайшему. И такъ препроводили ночь до полунощи. Какой тогда былъ сонъ? Мы о немъ и позабыли отъ радости: въ одномъ мѣстѣ поютъ, въ другомъ читаютъ; одни ходятъ, другіе молятся, а иные сидятъ и разговариваютъ. И ночь намъ показалась веселѣ всякаго дня. Сто пятьдесятъ лампадъ горѣло неугасаемыхъ, и еще много свѣчъ; и много по всему храму часовъ, и часто ударяютъ; всѣхъ восемь часовъ: у грековъ четверо; у франковъ двое; у армянъ двое. И намъ въ ту ночь казалось, что не на землѣ мы, а въ горнемъ Іерусалимѣ: тамъ, кто хочетъ, поетъ и читаетъ; и сіе никому не запрещается, даже къ тому побуждаютъ. Когда мы опасались пѣть, тогда намъ самъ игумень сказалъ: «Тебѣ подобаешь пѣснь, Боже, въ Сіонѣ, и Тебѣ воздастся молитва во Іерусалимѣ.»

Въ шестомъ часу, т. е. по-русски въ двѣнадцатомъ часу, начали ударять въ деревянное било, на полунощное пѣніе, прежде православные, а потомъ армяне, а послѣ франки. Мы православные собрались всѣ въ Воскресенскую церковь, и начали полунощницу весьма кротко, не спѣша. Потомъ начали утреню: каѣисмы читали не спѣша; каноны всѣ пѣли на гласъ, съ канонархомъ; по шестой пѣсни читали Прологъ. Когда начали читать Прологъ, тогда іеромонахъ взявъ изъ алтаря антиминсъ, положилъ на главу, и понесъ на Божій гробъ, а предъ нимъ шелъ діаконъ со свѣ-

щею; и начали на Божіемъ гробѣ совершать проскомидію: тогда было 1-е число ноября мѣсяца.

22. Когда начали пѣть великое славословіе, тогда съ двумя подсвѣчниками пошли всѣ братія съ пѣніемъ ко гробу Господню, и стали кругомъ Божія гроба, лицомъ къ западу, ко гробу Божію: мужи по лѣвую страну, а жены по правую страну, и у дверей гроба зажгли четыре великія свѣщи. Мы, смотря на гробъ своего Спасителя, Иисуса Христа, весьма умилились, и много слезъ проливали, что видимъ гробъ Того, Кто сотворилъ небо и землю, видимая же и невидимая, прежде вѣкъ отъ Отца рожденъ, и въ послѣднія лѣта отъ Дѣвы воплотился,—видимъ гробъ Того, Кто грѣхи наши на крестѣ пригвоздилъ, во адъ сошелъ, врата адовы сокрушилъ, смерть попралъ, діавола и всю силу его упразднилъ, — видимъ гробъ Сладчайшаго Господа, Иисуса Христа, въ Которомъ вся наша жизнь и спасеніе, — видимъ гробъ Того, Котораго ради оставили міръ и вся яже въ мірѣ, родителей, сродниковъ и друзей, и все имѣніе, Котораго ради пошли въ тѣсный и прискорбный путь иноческаго житія, да Его единаго приобрящемъ, Сладчайшаго нашего Иисуса Христа. Нынѣ явственно тѣлесными своими очами видимъ живоносный гробъ, гдѣ лежало пречистое и обоженное Его тѣло, и изъ котораго изъиде, яко женихъ отъ чертога. По отпустѣ утрени, начали читать часы, а на Божіемъ гробѣ совершалась проскомидія и читали помяники. Въ третьемъ часу по полуночи началась и Литургія. «Святый Боже» пѣли протяжно. Апостолъ читали по-русски дневный и Святыхъ. Евангеліе читали двое: діаконъ по-гречески, а іеромонахъ по-русски — то-же Евангеліе:

ибо на гробъ Христовомъ во весь годъ ежедневно читаются Воскресныя Евангелія , которыя приличны гробу Христову , даже хотя и праздникъ случится. Когда же пришло время великому входу , тогда два мальчика , въ стихаряхъ , въ рукахъ имуще великія свѣщи , и одинъ монахъ съ подсвѣчникомъ , и всѣ монахи пошли на-подобіе крестнаго ходу , и громогласно пѣли: « яко да Царя всѣхъ подыместъ , Ангельскими невидимо дориносима чинми.» Впереди шли братія; за ними монахъ съ подсвѣчникомъ , а потомъ мальчики со свѣчами , а за ними діаконъ съ Агнцемъ , а потомъ священникъ съ потиромъ : поминали всѣхъ православныхъ христіанъ. И обошли кругомъ кувукліи гроба Божія. И паки тѣми-же вратами вошли вовнутрь ко гробу Божию. На самомъ Божиємъ гробѣ на камени постилается пелена , посреди гроба кладется антиминосъ. На томъ-же гробѣ у главы совершается проскомидія. На антиминосѣ совершается вся Литургія. Въ притворѣ же , на камени , отваленномъ отъ дверей гроба , на которомъ сидѣлъ Ангель Господень , кладется серебряная дска , и постилается пелена , и на немъ всю Литургію стоитъ св. Евангеліе. Я сподобился три Литургіи внутри у гроба стоять , и своими очами все видѣлъ. Не знаю , съ чего взяли нѣкоторые , и написали : якобы только на Божиємъ гробѣ совершается проскомидія , а Литургія служится въ притворѣ на камени. Я этого не видалъ; но какъ на гробѣ совершается проскомидія , такъ тамъ и Литургія служится; только проскомидія у главы , а Литургія нареди.

По окончаніи Литургіи , паки священникъ взялъ антиминосъ , и пошли всѣ со свѣщами и съ пѣніемъ

въ Воекресенскую церковь. И тамъ вынесено было честное и животворящее древо креста Господня, — часть довольно большая. И мы, сотворивши по три поклона земныхъ, прикасались своими грѣшными устами къ пречистому и животворящему древу креста Господня; а священникъ раздавалъ антидоръ. Взявши антидоръ, мы спѣшили приложиться къ живоносному Христову гробу, пока не заняли неправославные. И когда приложились, — позвали насъ на гостинницу, и сдѣлали намъ угощеніе. Но приложиться ко гробу всѣхъ не допустили; потому что сейчасъ заняли армяне. Армяне почти всю свою службу пропѣли сидя. Послѣ армянъ заступили католики, и играли въ свой бездушный органъ. И такъ проводили мы всю ночь. Армяне и католики не на самомъ гробѣ служатъ, но приносятъ доски, для того устроенныя, и подмащиваютъ на Божій гробъ выше на поларшина; потому что Божій гробъ стоитъ низко, и покрытъ двумя мраморными плитами, одною съ боку, а другою съ верху. На верхней доскѣ, на срединѣ, поперекъ есть язвина, подобно какъ пропилено пилою. Но пилою тамъ дѣйствовать было не можно, потому что края не пропилены, а подобно какъ перстомъ проведено, только самая середина. И говорятъ о семъ такъ: «въ одно время сіе освященное и дражайшее для христіанъ святилище хотѣли турки взять въ свою Омарову мечеть; но пришли, увидѣли ея разсѣдшуюся, удивились и оставили.» А гдѣ было повитіе пеленами, на томъ мѣстѣ лежитъ красноцвѣтный мраморный камень, шириною въ аршинъ, а длиною въ десять четвертей, возвышенъ на одну четверть. Вокругъ вырѣзано по камню ситце: «Благообразный Іосифъ, съ

древа снемъ пречистое тѣло Твое, плащаницею чистою обвивъ , и вопями во гробъ новъ покрывъ, положи.» Благодаримъ Господа Бога , что сподобилъ насъ поклониться святымъ мѣстамъ , во храмъ Господа нашего, безъ всякихъ препятствій и безъ пошлнн! Нѣтъ нигдѣ никакой стражи, и гробъ Божій никогда не затворяется, не такъ какъ было прежде : всѣ святыя мѣста были подъ стражею и за печатью, и взи-мались съ поклонниковъ пошлнны. А нынѣ благочестивѣйшій Россійскій Императоръ Николай Павловичъ, ктиторъ и попечитель Гроба Господня , отъ всего турецкаго притѣсненія свободилъ , и всѣ св. мѣста отворилъ; и Гробъ Христовъ всегда стоитъ отворенъ, и никого подлѣ него нѣтъ, кромѣ монаха. Хотя и въ турецкихъ рукахъ , но воли имъ нѣтъ. Когда разсвѣло,—паки отворили святыя врата великаго храма, и послѣ всѣхъ службъ повели насъ паки въ патриархію, и тамъ представили паки трапезу. Потомъ изъ патриархіи повели насъ на квартиры, по разнымъ монастырямъ : россійскихъ подданныхъ мужей — въ Θεодоровскій, женъ—въ Екатерининскій, а насъ аѳонскихъ монаховъ — въ Архангельскій монастырь, принадлежащій къ Лаврѣ Саввы Освященнаго , и дали намъ одну келлію на шесть человекъ. И мы перенесли свою одежду, и расположились , и ночевали на своихъ квартирахъ.

23. По-утру рано дали повѣстку , чтобы новые поклонники шли въ Геѳсиманію , ко гробу Божія Матери. Мы пошли и приложились прежде ко гробу Христову. И пошли отъ горы Голгоѳы по страстной крестной улицѣ , которая была обагрена кровію Владыки нашего, Господа Іисуса Христа, во время воль-

наго Его страданія; по этой улицѣ несли нынѣ крестъ на Своихъ плечахъ, отъ двора Пилата до горы Голгоѣы, и на главѣ Его былъ терновый вѣнецъ. И шли мы отъ горы Голгоѣы одною улицей, гдѣ былъ прежде базаръ, и сидѣли тамъ сапожники, и шли сапоги. И когда Господь шель со крестомъ, они надъ Нимъ смѣялись. Нынѣ въ этихъ лавкахъ никто не сидитъ и не торгуетъ, но въ нихъ всякая нечистота. А базаръ и теперь близко; улица и постройка, изъ тесаннаго камня, со сводами, самая древняя. Потомъ мы прошли Судныя врата, которыми выводили осужденниковъ на смерть. Потомъ шли мы прямою улицею—все внизъ, и пришли на одно мѣсто: на правой странѣ, на стѣнѣ, есть знакъ того мѣста, гдѣ было второе паденіе подъ крестомъ Иисуса Христа; здѣсь взяли Симона Киринеянина пособлять Иисусу Христу—нести крестъ до Голгоѣы. Ибо самъ Иисусъ Христосъ не могъ болѣе нести, ово отъ тяжести древа, ово отъ великихъ ранъ, и еще на главѣ Его былъ терновый вѣнецъ, такъ что и не видно было лица Его отъ крови каплющія. А Симонъ Киринейскій ѣхалъ на базаръ съ своими дѣтьми, Александромъ и Руфомъ, потому что здѣсь идетъ поперечная великая улица, изъ дамасскихъ вратъ, прямо на базаръ. И Симону случилось тогда тамъ ѣхать; его взяли понести крестъ, а сыновья его поѣхали на базаръ. Такое въ Іерусалимѣ устное преданіе. Евангелистъ согласно сему пишетъ: *задъша, мимоходящу Симону Киринею, грядущу съ села, отцу Александру и Руфю, да возметъ крестъ.* И мы, любызавши то мѣсто, пошли далѣе; поворотили налѣво; и тамъ есть мѣсто, и на немъ лежитъ круглый камень. На томъ мѣстѣ

была встрѣча Господа , когда несъ крестъ , съ возлюбленною Его Матерію , пречистою Дѣвою Богородицею . Она отъ Пилатова дома прошла прямымъ переулкумъ , потому что по большой улицѣ было тѣсно , отъ множества народа и воинства . А Ей еще хотѣлось посмотрѣть возлюбленнаго Своего Сына и Бога . О , какое Ее тогда пронзило скорбное оружіе , когда увидѣла возлюбленнаго Своего Сына , всего уязвленнаго и окровавленнаго , несущаго Свой крестъ и идущаго на распятіе ! На поворотѣ , на углѣ , на правой странѣ , лежитъ камень , и на немъ есть знакъ . На томъ мѣстѣ было первое паденіе подъ крестомъ Іисуса Христа , тамъ мало и отдыхалъ . Тамъ была церковь ; нынѣ обращена турками въ баню ; и мы , лобызавши то мѣсто , пошли далѣе , и дошли до Пилатова дома .

24. Пилатовъ домъ на правой странѣ улицы ; и отъ дома чрезъ улицу есть арка ; на верху арки есть небольшая комната , и изъ комнаты на улицу большое окно , гдѣ выходилъ Пилать , и судилъ Христа , защищалъ Его и говорилъ : *не обрѣтаю въ Немъ ни единыя вины* ; а жиды , стоявшіе на улицѣ , кричали : *возми , возми , распни Его* . Близъ самой арки есть комната внизу , гдѣ спрашивалъ Пилать Іисуса наединѣ . Наки Пилать взошелъ на арку , и говорилъ евреямъ , да отпустить Іисуса , глаголемаго Христа . Жиды же еще сильнѣе кричали : *возми , возми , распни Его* . Потомъ Пилать сказалъ : *се человекъ* ; умылъ руки , и сказалъ : *чистъ есмь отъ крове праведника сего* . А жиды кричали : *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ* . Тогда Пилать сказалъ : « возьмите , и по закону вашему распните . » Потомъ повели Іисуса въ преторъ .

Подъ аркою, къ правой рукѣ, подлѣ самой стѣны, видно мѣсто, гдѣ сидѣла Богородица, когда судилъ Пилать Иисуса Христа, и слушала судъ на Сына Своего. И до-днесь въ Пилатовомъ домѣ живетъ военачальникъ. Напротивъ дома Пилатова, на-лѣво чрезъ улицу, былъ преторъ и темница, гдѣ мучили Иисуса Христа. Тамъ привязывали Его къ столбу и били. Тамъ облачали Его въ багряницу и ударили въ ланиту, глаголюще: «радуйся, царю іудейскій.» Тамъ надѣвали на Него терновый вѣнецъ. Тамъ дѣлали и крестъ. Оттуда Иисусъ Христосъ взялъ крестъ Свой на рамена Свои, и понесъ на гору Голгоѳу. На томъ мѣстѣ стоитъ монастырь, и завѣдываютъ имъ франки; тамъ горитъ много неугасимыхъ лампадъ. Мы лобызали св. мѣста, обогранныя кровію Христовою, и пакнъ вышли на улицу, и пошли далѣ. Недалеко, на-лѣво, пошла большая улица, называемая *Иродава*; на той улицѣ дворецъ Ирода царя, сдѣланный изъ тесанаго бѣлаго камня, и до-днесь существуетъ. По той-же улицѣ—домъ Симона фарисея, гдѣ жена блудница Иисусу Христу поги омывала слезами, и власы своими отирала; сей домъ на лѣвой странѣ. По той-же улицѣ, подальше на правой странѣ, домъ Симеона Богопріимца. Вездѣ были прежде монастыри; нынѣ же разорены, только остались нѣкоторыя келліи, и въ нихъ живутъ турки; однако, къ мѣстамъ прикладываться допускаютъ. Потомъ пакнъ вышли на большую улицу, и мало отошли; пришли во врата, называемыя *Красныя*, гдѣ Апостолъ Петръ исцѣлилъ хромого отъ рожденія. Сверху была Антоніева башня; тамъ и красная улица, и великія врата въ храмъ Соломоновъ, но мы только во врата посмотрѣли; во-

внутри же турки никого не пускаютъ, ни христіанъ, ни евреевъ—ниже на площадь. И мы пошли дальше, и тамо другая улица и врата въ храмъ Соломоновъ, называемыя *Овчія*, въ которыя загоняли овецъ на жертву. Изъ этой улицы есть двое вратъ въ *овчую купль*: одними вгоняли, а другими выгоняли; нынѣ уже завалены. Мы пошли дальше, и увидѣли на лѣвой странѣ, къ градской стѣнѣ, домъ Іоакима и Анны, родителей Богородицы, стоитъ пустъ: выстроена великая церковь, но стоитъ пуста, и еще немного не достроена, а баня ихъ и до-днесь существуетъ.

25. Когда дошли до стѣны, — зашли немного направо, и открылась намъ вся Овчая купль, еврейски называемая *Виѳесда*, по-русски сказать—богадѣльня, или больница; имѣла пять притворовъ, т. е. пять великихъ комнатъ, гдѣ лежали больные. И мы во-внутри ея смотрѣли: это — вырытая преглубокая великая яма, саженой пятьдесятъ длины и саженой двадцать ширины, однимъ бокомъ къ храму Соломонову, а другимъ вдоль улицы; но только отъ улицы была застроена: однимъ концемъ приходилась къ овчей улицѣ, откуда было двое вратъ, которыя видны и до-днесь, но завалены, а другимъ концемъ — ко градской стѣнѣ, но не близко. Эта яма выкладена вся великимъ тесанымъ камнемъ; кругомъ къ стѣнамъ были притворы. Посреди былъ четырехугольный продолговатый прудъ воды, которая и до-нынѣ видна. Въ этомъ прудѣ измывали овецъ, которыхъ надлежало приносить на жертву. Въ этой купль лежало и крестное древо (*), по свидѣтельству преданія.

(*) См. ниже гл. 198.

Сюда сходилъ каждый годъ Ангелъ Господень, и возмущалъ воду. Сюда и самъ Спаситель Иисусъ Христосъ часто заходилъ — посѣщать болящихъ. Здѣсь Онъ исцѣлилъ разслабленнаго, тридцать восемь лѣтъ на одрѣ лежавшаго. Нынѣ сіе мѣсто въ небреженіи: тамъ сваливаютъ всякій соръ, и уже много засыпали; а вода еще видна. Тамъ есть и врата въ храмъ Соломоновъ. Возвратившись мало назадъ, пошли во врата, называемыя *Геосиманскія*, а арабы называютъ *Маріины*. Тамъ во вратахъ темница, или иначе сказать—гауптвахта, гдѣ былъ св. Апостоль Петръ подъ стражею, скованъ въ желѣзахъ, спалъ между воиновъ, и откуда извелъ его Ангелъ Господень; и тамъ на стѣнѣ есть знакъ, и мы лобызали его. Потомъ вышли совсѣмъ изъ Іерусалима, и немного шли по ровному мѣсту. Потомъ начали спускаться подъ весьма крутую гору, въ юдоль плачевную, или въ долину Іосафатову, или къ потоку Кедрскому — все едино. Когда уже стали спускаться близъ подошвы склона, — лобызали каменное мѣсто, гдѣ побывали св. первоученика Стефана каменіемъ. Потомъ сошли внизъ на потокъ Кедрскій, и перешли чрезъ него по насыпи. Потомъ мало поднялись, и паки сошли пониже на площадь. И тамъ на правой странѣ есть пещера, гдѣ скрывались Апостолы, страха ради іудейскаго, во время страданія Христова; завѣдываютъ ею франки.

26. Съ этой площади, къ сѣверу — великія врата въ геосиманскую пещеру, ко гробу Божія Матери. И мы взошедши во врата, во-внутрь, пошли внизъ по ступенямъ, которыхъ всѣхъ сорокъ. Посреди лѣстницы на обѣихъ сторонахъ есть мѣста и престолы.

На правой сторонѣ—два гроба св. Богоотецъ, Иоакима и Анны, родителей Богородицы; завѣдываютъ православные. На лѣвой сторонѣ—гробъ Іосифа обручника; завѣдываютъ армяне. Внизу, на правой странѣ, на углу—престолъ Святителя Николая; завѣдываютъ православные. Напротивъ, чрезъ пещеру, на сѣверъ—гробъ св. первомуч. Стефана; здѣсь горитъ неугасимая лампада; завѣдываютъ православные. Между сими придѣлами, на востокъ—великая церковь, и въ ней виситъ множество лампадъ и паникадилъ, и много стоитъ подсвѣчниковъ со свѣщами; до четырехъ сотъ лампадъ, и много изъ числа ихъ неугасимыхъ. Посреди церкви стоитъ кувуклія, а внутри кувуклія, къ восточной стѣнѣ, гробъ Божіей Матери. Надъ нимъ горитъ болѣе двадцати лампадъ неугасимыхъ. На самомъ гробѣ служатъ ежедневно Литургію; половиною гроба завѣдываютъ православные, а половиною—армяне. Кругомъ кувуклія обставлена иконами. Въ кувуклію двое дверей: съ западу входятъ, а на сѣверъ выходятъ. Спереди кувуклія—армянскій жертвенникъ, а позади кувуклія на востокъ—престолъ чудотворной иконы Богородицы Геосиманскія; завѣдываютъ православные. Къ лѣвой странѣ, въ уголъ, жертвенникъ православныхъ. Мы лобызали гробъ Царицы Небесной, Пречистой Дѣвы Богородицы, и прочія св. мѣста. Потомъ начали читать часы, а потомъ акаѣиствъ Богородицъ: канонъ весь пѣли на гласъ; священникъ совершалъ тогда проскомидію; а у акаѣиста концы припѣвали. Потомъ начали Литургію, и пѣли всю по-русски. На причастіѣ пѣли: « О дивное чудо! Источникъ жизни во гробѣ полагается, и лѣствица къ небеси гробъ

бываетъ. Веселися, Геосиманіе, Богородиченъ св. доме! Возопи́мъ въ́рніи, Гаврі́їла и́муще чиноначальника: Благодатная радуйся! съ Тобою Господь, подай мірови Тобою велию милость.» И: « Апостоли, отъ конецъ совокупльшесе здѣ въ Геосиманійстѣй веси, погребите тѣло Мое: и Ты, Сыне и Боже Мой, приими духъ Мой!» Послѣ антидора, паки прикладывались ко гробу Богородицы; потомъ позвали насъ на гостинницу, и сдѣлали угощеніе. А мы сдѣлали пожертвованіе, каждый по силѣ своей, и записали на поминованіе своихъ родныхъ и благодѣтелей. Гостинница здѣсь — въ сѣверной стѣнѣ, выкопана пещера, и днемъ сидѣли со свѣщами. Въ западной стѣнѣ такая-же армянская гостинница.

27. Вышедши изъ Геосиманіи, пошли къ горѣ Елеонской. Недалеко отъ Геосиманіи, на правой сторонѣ, вертоградъ, гдѣ взяли Иисуса Христа на мученіе, и лобызалъ Его Иуда, сказавъ: радуйся, Учителю. Здѣсь Петръ отрѣзалъ ухо рабу Архіереову. И до-днесь растутъ здѣсь восемь масличныхъ дровъ необыкновенной толщины, и весьма стары. Какъ только прошли вертоградъ, — повернули позади его направо между вертоградами. Тамъ на лѣвой странѣ лежатъ три самородные камня, на которыхъ означены мѣста, гдѣ спали три Апостола, когда Иисусъ Христосъ молился. Замѣтны слѣды ногъ Христовыхъ, когда приходилъ ихъ будить. Подальше, какъ на верженіе камня, есть мѣсто, гдѣ Иисусъ Христосъ молился до поту лица Своего, глаголя: *Отче Мой, аще не можетъ сія чаша мимоити отъ Мене, аще не пію ея, буди воля Твоя* (Матѳ. 26, 42.). И явился Ему Ангелъ съ небеси, укрѣпляя Его. Мы всѣ тѣ мѣста лобызали и

слезами омочали. Потомъ вышли обратно на путь, идущій на Елеонскую гору. Пошли повыше, и тамъ на правой сторонѣ есть камень, подлѣ котораго Пресвятая Богородица часто свѣживала и отдыхала, когда ходила на Елеонскую гору, къ стопамъ возлюбленнаго Сына Своего. Тамъ-же Она стояла, когда побивали св. первомуч. Стефана, смотрѣла на его кончину, и плакала. На лѣвой странѣ, недалеко, есть камень, на который спустила Оумъ Апостолу Пресвятая Богородица Свой поясъ, уже въ третій день послѣ успенія. Потомъ пошли на гору, и тамъ въ правой рукѣ башня и постройка, гдѣ было пристанище Иисуса Христа: во дни пребывалъ Онъ въ церкви и училъ людей, а на ночь уходилъ на гору Елеонскую. Потомъ пакн пошли на гору, и какъ уже стали близко подходить къ верху, — поворотили налѣво, по пути, ведущему въ гору малую, Галилею.

28. Когда пришли, — показали намъ мѣсто, гдѣ Христось по воскресеніи явился ученикамъ Своимъ, какъ прежде имъ сказалъ: *по воскресеніи же Моемъ, варяю вы въ Галилеи* (Матѣ. 26, 32.). И Ангелъ по воскресеніи Господа сказалъ женамъ: *и скоро шедше рцѣте ученикомъ Его, яко воста отъ мертвыхъ: и се варяетъ вы въ Галилеи: тамо Его узрите. Се рѣхъ вамъ* (Матѣ. 28, 7.). И Господь самъ сказалъ женамъ мѣроносцамъ: *идите, возвьстите братіи Моей, да идуть въ Галилею, и ту Мя видятъ* (10.). И пакн Евангелистъ сказалъ: *единиженадесѣте ученицы идоша въ Галилею въ гору, а може повелъ имъ Иисусъ. И видѣше Его, поклонишася Ему: ови же усумньшася и проч.* (16. 17. 18. 19. 20.). Мы лобызали св. то мѣсто. На томъ мѣстѣ прежде былъ монастырь; но

нынѣ только осталось основаніе и подвалы ради воды, и камни. Въ подвалѣ на стѣнѣ видно — изъ камня высѣченъ крестъ четвероконечный. Утверждаютъ, что это было выстроено царицею Еленою. Гора Галилея не далеко отъ горы Елеонской, и между ними небольшая лощина.

29. Потомъ пошли на Елеонскую гору, по самому хребту. Гора Елеонская называется гора *масличная*; потому что множество растеть на ней масличныхъ древъ и до сего дне; древа весьма старыя; должно быть, еще до Христа росли, и видѣли Его возносящася на небо. А гдѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ возносился на небо, вокругъ того мѣста множество постройки, но вся разрушена. Въ развалинахъ живутъ арабы и турки. Видится, былъ прежде великій монастырь; а нынѣ весь разоренъ; только осталась небольшая ограда. Во-внутрь есть небольшая дверь, отъ которой ключи арабы имѣютъ у себя. И мы ихъ попросили, и дали имъ бакшишъ, по 10-ти коп. съ человѣка. Они намъ отперли и пустили. Внутри — пространнѣй дворъ, на-подобіе монастыря, только круглый. Посреди двора часовня осьмиугольная. Кругомъ по двору около стѣнъ подѣланы престола для богослуженія разныхъ вѣроисповѣданій. По правую сторону часовни, посреди двора, престолъ православныхъ, на которомъ, въ назначенные дни, отправляютъ Литургію на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Пресвятая Богородица въ то время, когда возносился на небо Господь Иисусъ Христосъ. Потомъ попросили арабовъ, чтобы отперли часовню, и дали имъ еще бакшишъ, по двѣ к. съ человѣка; и они отперли, и мы вошли во-внутрь. Посреди часовни есть мѣсто,

обложено кругомъ мраморомъ, четырёхугольно, длина одинъ аршинъ, а ширина три четверти арш. Посреди того — самородный камень: на камнѣ стопа лѣвой ноги Владыки нашего, Господа Иисуса Христа, изображена какъ на воску; ибо Онъ правою ступилъ на облако, а лѣвою оставилъ намъ слѣдъ пречистыхъ ногъ Своихъ. И мы его лобызали, и отъ радости плакали. Потомъ воспѣли тропарь: « Вознесся еси во славъ, Христе Боже нашъ, радость сотворивый ученикомъ, обѣтованіемъ Св. Духа, извѣщеннымъ имъ бывшимъ благословеніемъ, яко ты еси Сынъ Божій, Избавитель міра.» Потомъ пропѣли: « Еже о насъ исполнивъ смотреніе, и яже на земли соединивъ небеснымъ, вознесся еси во славъ, Христе Боже нашъ, никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный, и вопія любящимъ Тя: Азъ есмь съ вами, и никтоже на вы.» Потомъ прочитали акаѳистъ Иисусу Сладчайшему. И вышли оттуда тѣмъ-же вратами, и пошли на югъ. Не далеко отъ Вознесенія есть пещера Преподобной Пелагіи, гдѣ она спасалась; тамъ и гробъ ея. И мы дали арабамъ бакшишъ, по двѣ к., и вошли внутрь, и приложились ко гробу ея. Прежде была тамъ церковь, но нынѣ нѣтъ; турки разорили.

30. Потомъ пошли еще на югъ, отъ Вознесенія на полверсты. Тамъ есть великія пещеры, на-подобіе кievскихъ; называются пещеры *гробовъ пророческихъ*: ибо тамъ погребали всѣхъ Пророковъ. Но кто въ ней не бывалъ, тому трудно ее найдти. И мы усиленно искали, но не могли найдти, пока обстоятельно не распросили. Тамъ есть нива; засѣяна была пшеницею. Посреди нивы стоитъ древо, называемое ягодичина, по-русски шелковица, или тутовое древо. Подъ тѣмъ

древомъ есть яма, на-подобіе кладезя; и мы въ него спустились, и зажгли въ рукахъ своихъ свѣщи, и пошли во-внутрь. И ходили по подземнымъ гробовымъ улицамъ, и даже боялись, чтобы подъ землею не заблудиться. И до-днесь много видно гробовъ; мы насчитали до семидесяти, но всѣ они пусты, многіе и засыпаны. Сказываютъ, что царица Елена кости пророческія перенесла на село скудельниче.—Потомъ паки вышли на верхъ горы Елеонской. Съ горы Елеонской очень хорошо видно св. градъ Іерусалимъ, даже можно всѣ дома видѣть; также видно и Мертвое море, гдѣ провалились грады Содомъ и Гоморра. Также видно и устье рѣки Іордана и вся іорданская долина.

31. Отъ Елеонской горы къ востоку, на полчаса ходу, село Виѳанія, отечество св. праведнаго Лазаря. Тамъ и до-днесь есть пещера, и въ ней гробъ Лазаревъ, гдѣ воскресилъ его Господь отъ мертвыхъ; и мы ходили во-внутрь гроба. Отъ Виѳанія на востокъ, съ версту, есть самородный камень, на которомъ сидѣлъ Іисусъ Христосъ, когда шелъ воскрешать Лазаря. Тамъ встрѣтили Его сестры Лазаревы Марѳа и Марія, и говорили Ему: *Господи, аще бы еси былъ здѣ, не бы умерлъ братъ* (Іоан. 11, 32.). И мы лобызали то мѣсто и возвратились на Елеонскую гору. Съ горы пошли уже прямымъ путемъ внизъ, въ плачевную юдоль, мимо того мѣста, гдѣ сидѣлъ Христосъ съ учениками и плакалъ о Іерусалимѣ, и предсказывалъ о его разореніи. Мѣсто весьма прекрасное, и храмъ Соломоновъ и весь Іерусалимъ на открытіи. Прежде былъ на семъ мѣстѣ монастырь, и до-нынѣ еще часть стоитъ, но пуста и разорена.

32. Сошли паки въ самую юдоль плачевную, покрывшую надгробными еврейскими камнями и съ надписями. Евреи здѣсь погребены еще до Рождества Христова. Потому и названа сія долина юдоль плачевная, что ежедневно изъ Іерусалима выходило множество женъ, и плакали надъ гробами своихъ родныхъ; и до-нынѣ въ Іерусалимѣ сей обычай сохранился: ежели кто помретъ изъ іерусалимскихъ жителей, то до шести недѣль, каждый день, всѣ родные женскаго пола ходятъ на гробъ плакать, и когда идутъ по улицѣ, — громко кричатъ, и руками всплескиваютъ. Мать или жену всегда двѣ подъ руки ведутъ, а прочія имъ послѣдуютъ. Еще слышалъ отъ самихъ евреевъ, что предсказано было отъ Бога древнимъ Пророкомъ, что во время страшнаго Суда поставится престолъ Праведнаго Судіи, Который будетъ судить всю вселенную, на самой горѣ Елеонской; потому-то желали и заповѣдывали полагать свои кости на горѣ Елеонской, какъ сами Пророки, такъ и прочіе: всякій желалъ воскреснуть у подножія самого Бога. Сему немного согласно я въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, въ 1-й главѣ, написано: *Зрящимъ имъ взятыя, и облакъ подъятъ Его отъ очю ихъ. И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се мужа два стапта предъ ними во одежди бѣлыя, иже и рекоста: мужіе Галилеистіи, что стоите зряще на небо; сей Іисусъ вознесыйся отъ васъ на небо, такожде приидетъ, иже образомъ видѣсте Его идуща на небо.* Поэтому іерусалимляне утверждаютъ, что паки Христось приидетъ на Елеонскую гору. Въ той-же долині, близъ потока Кедрскаго, стоитъ гробъ Авессалома, сына Давидова, который гналъ отца своего; но кроткій

Давидъ не помнилъ зла : сдѣлалъ любезному своему сыну памятникъ , который будетъ стоять до самаго страшнаго Суда. Тамъ недалеко и гробъ Пророка Захаріи, и гробы Царей Іудейскихъ. Пониже Авессаломова гроба есть глубочайшій кладезь. Говорятъ, что въ него спущенъ былъ жертвенный огонь во время плѣненія вавилонскаго.

33. Противъ кладезя чрезъ потокъ Кедрскій каменный мостъ, чрезъ который лежитъ главная дорога на Сіонскую гору. Чрезъ этотъ мостъ несли Божію Матеръ на погребеніе , съ Сіонской Горы изъ дому Іоанна Богослова, въ Геесиманію. Чрезъ этотъ мостъ ѣхалъ самъ Владыка , Іисусъ Христосъ , на жребяти осла, когда встрѣтили Его дѣти съ ваіями; часто Онъ хаживалъ здѣсь и пѣшій. При этомъ мосту сидѣлъ слѣпорожденный и просилъ милостыни, и Господь его исцѣлилъ. Пониже моста, сажени двѣ, подлѣ потока, гдѣ сидѣлъ слѣпой, — два слѣда Іисуса Христа , гдѣ сотворилъ брение отъ плюновенія , и помазалъ очи слѣпому, и сказалъ : *иди, умойся въ купьли Силоам-ствъ* (Іоан. 9, 7.). И мы лобызали стопы ногъ своего Спасителя. Іисуса Христа.

34. Потомъ пошли по потоку внизъ , и дошли до *Купьли Силоамской*. Пили въ ней воду и умывались; около нея—какъ базаръ, а наипаче много женъ: овья скоть поятъ , овья платье моють въ каменныхъ корытахъ , овья мѣхи наливають , да домой уносятъ; овья мѣхи наливають , да на ослахъ въ Іерусалимъ на продажу возятъ: ябо во Іерусалимѣ близко другой воды нѣтъ, кромѣ этой, а прочая вся дождевая. Потомъ пакн мы пошли внизъ. На лѣвой сторонѣ потока осталась весь Силоамская, т. е. деревня Силоамъ.

Въ сію весъ посылаѣтъ Господь двоихъ Апостоловъ отрѣшить осла со жребятемъ, и привести къ Нему. Евангелистъ тако пишетъ: *и егда приближишася во Іерусалимъ, и придоша въ Виѳсаію къ горѣ Елеонстѣй, тогда Іисусъ посла два ученика, глаголя има: идита въ весъ, яже прямо вама, и абіе обрѣцета осла привязано, и жребя съ нимъ: отрѣшивша приведита Ми (Матѣ. 21, 1 и 2.).* И до-нынѣ въ этой деревнѣ у каждаго много ословъ; потому что всѣ—водовозы, возятъ изъ Силоамской купѣли въ Іерусалимъ продавать воду. Еще они имѣютъ много по долинѣ огородовъ, и привозятъ въ Іерусалимъ продавать всякую зелень. По этой деревнѣ, Силоамъ, называется и купѣль Силоамская. Сія вода испрошена отъ Бога Исаіею Пророкомъ.

35. Потомъ мы еще пошли внизъ по долинѣ, между множествомъ огородовъ. И пришли къ древу, на которомъ Пророка Исаію распілили древною пилою. Древо и до-нынѣ стоитъ зелено, но весьма старо, и обкладено кругомъ камнями; подъ деревомъ и гробъ Исаіи; древо — называемое ягодичина, т. е. шелковица. Недалеко отъ гроба Пророка Исаіи — вторая купѣль Силоамская, которая называлась *Царская*, потому что изъ нея брали воду для царскаго дома. Здѣсь стоялъ и столбъ Силоамскій, который упалъ во дни Іисуса Христа, и много подавилъ народа. Въ сію купѣль ходила по воду и сама Пресвятая Дѣва Богородица, когда жила въ домѣ Іоанна Богослова. Поклонившись здѣсь, пошли прямо на *Сіонъ гору*.

36. На горѣ Сіонѣ, на полѣ, стоитъ одинъ домъ — подобенъ монастырю. Сей домъ, называемый *Зеведеевъ*, или домъ Іоанна Богослова, выстроенъ былъ

на развалинахъ царскаго дома Давидова. Въ немъ Господь часто имѣлъ прибѣжище. Въ немъ была Тайная Вечера, и умывалъ Господь ноги ученикамъ Своимъ. Въ немъ увѣрилъ Господь Оуму Апостола. Въ немъ въ день пятидесятницы сошелъ Духъ Святыи на Апостоловъ. Въ немъ проживала Пресвятая Богородица, отъ Христова распятія до дня Своего успенія. Въ немъ предала Свою душу въ рудѣ возлюбленнаго Сына Своего. Въ него и собрались Апостоли, облаками носимые по воздуху. А внизу — остатки основаній дома Давидова и Соломонова, и прочихъ израильскихъ, вѣрныхъ Богу, Царей; тамъ и гробы ихъ. Тамъ внизу, въ подземельныхъ гробовыхъ пещерахъ, и страхъ великъ, о которомъ пишетъ св. Іоаннъ Дамаскинъ. Такъ утверждаютъ греки и самые арабы, живущіе въ домѣ томъ, говоря, что внизъ ходить никто не можетъ, и ключей у нихъ нѣтъ; владѣютъ симъ домомъ арабы турецкаго закона. Мы дали имъ бакшишъ, по рублю съ человѣка, и они насъ пустили вовнутрь дома. И ввели насъ въ одну комнату, гдѣ была Тайная Вечера и являлся Господь ученикамъ, и гдѣ сошелъ Духъ Святыи на Апостоловъ. Комната сія — пространная, со сводами, поддерживаемая двумя столбами. И мы, поклонившись, вышли. Потомъ повели насъ въ другую комнату, въ которой жила Пресвятая Богородица до Своего успенія; но насъ вовнутрь не пустили. Мы давали и еще бакшишъ, но не взяли, и сказали, что ключи у паши, и что заповѣдано никого не пускать. Мы вышли вонъ, и походили по св. Сіону, полюбовались на красоту мѣста, гдѣ прежде совершались великія и страшныя таинства спасенія нашего. Сіонъ изукрашенъ

былъ пресвѣтлыми царскими чертогами ; нынѣ же покрытъ зеленою травою и надгробными камнями. Ибо на Сіонѣ — кладбище всѣхъ христіанъ, — грековъ , арабовъ и всѣхъ православныхъ , также франковъ , армянъ , коптовъ , кабешевъ , т. е. египтянъ , и сиріанъ . Сами всѣ тамъ погребаются , и приходящихъ поклонниковъ погребаютъ . И раздѣленъ между ними весь Сіонъ ; но большею частію Сіона завѣдываютъ православные . Тамъ есть камень , на которомъ служатъ Литургію въ день сошествія Святаго Духа , подъ полотняными шатрами , одинъ разъ въ годъ . Еще на Сіонѣ есть *домъ* Архіерея *Каіаовъ* , гдѣ Петръ отрекался Христа . Завѣдываютъ имъ армяне . На Сіонѣ осталось только два дома , — Зеведеевъ и Каіаовнъ . Гора Сіонъ стоитъ мысомъ между долинъ : по лѣвую сторону—*долина Іоасафатова* , или юдоль плачевная , тоже и Кедрскій потокъ ; по правую сторону — глубокая долина , называемая *Геенна* : въ ней есть два пруда Давида Царя ; а по другую страну Геенны *село Скудельниче* , купленное за тридесять сребренниковъ , которые дали за Христа Іудѣ предателю . Эти двѣ долины , Геенна и Юдоль Плачевная , позади Сіона сошлись въ одно . На самомъ устьѣ славный *колодезь Іоавль* . И мы на все сіе издали посмотрѣли .

37. Потомъ пошли во внутрь Іерусалима въ Сіонскія врата , и взошедши во градъ , пошли по улицѣ налѣво , а потомъ поворотили направо , и скоро увидѣли великое зданіе , — это монастырь *армянскій* и ихъ *патріархія* . Мы вошли въ него во врата желѣзные , и пошли прямо въ церковь . Храмъ великъ и прекрасенъ , и богато убранъ , во имя Апостола *Іакова* , брата Іоанна Богослова . Тамъ есть мѣсто , гдѣ его

мечемъ убили. Въ семь храмъ лежатъ три камня, которые, говорятъ, взяты были изъ жилища Пресвятыя Богородицы, послѣ Ея успенія, и принесены Архангеломъ Гавріиломъ ко Пресвятѣй Богородицѣ, — одинъ съ Синайской горы, одинъ съ Фаворской горы, и одинъ изъ рѣки Иордана. Монастырь прежде былъ *Грузинскій*, выстроенъ грузинскими благочестивыми Царями. Занимаетъ почти четырнадцатую часть Иерусалима, имѣетъ болѣе шестисотъ келлій. Нынѣ этимъ монастыремъ овладѣли армяне, только не знаю, — какимъ случаемъ, и сдѣлали своею патриархіею и гостинницею, ради своихъ поклонниковъ.

38. Потомъ мы вышли изъ него, и пришли въ монастырь св. Великомученика *Георгія*, называемый *Еврейскимъ*, потому что — между еврейскихъ улицъ; завѣдываютъ имъ православные. Вкусивши здѣсь хлѣба, пошли далѣе, и шли мимо *столпа Давидова*, который отъ всѣхъ называется *Давидовымъ домою*. У Давида Царя было два дома. Первый и главный его домъ былъ на Сіонѣ: тамъ сохранялось все его богатство и были жены его; сдѣланъ былъ отъ древъ негниющихъ и отъ разнаго дорогаго каменія; потомъ былъ разоренъ еще во время плѣненія вавилонскаго. Другой же домъ назывался *столпъ*, или крѣпость: выстроенъ больше для защиты Иерусалима. Въ этотъ домъ удалялся Царь Давидъ для молитвы и безмолвія изъ своего шумнаго дворца; тамъ писалъ боговдохновенные псалмы свои. Здѣсь онъ, вышедъ подышать чистымъ воздухомъ на кровлю, увидалъ прекрасную Вирсавію, моющуюся въ прудѣ, прельстился на нее, и палъ въ тяжкій грѣхъ. Здѣсь-же написалъ покаянный псаломъ «Помилуй мя Боже.» Сей домъ

Давидовъ сдѣланъ изъ тесаныхъ , бѣлыхъ , великихъ камней , огражденъ каменною стѣною , и окопанъ глубокимъ ровомъ. Чрезъ ровъ сдѣланъ мостъ на цѣпяхъ , которъй на ночь поднимается. Въ домъ—одни врата , желѣзныя , изнутри Иерусалима , противъ самаго моста; потому что онъ стоитъ половиною внутри Иерусалима , и половиною внѣ. Тамъ главный арсеналъ , и живетъ военный начальникъ; тамъ первая іерусалимская гауптвахта. Во вратахъ и по стѣнамъ много стѣнобитнаго военного орудія ; много вокругъ него часовыхъ , и крѣпко содержатъ стражу , никого во-внутрь не пускаютъ , кромѣ военныхъ. Внутри есть высокая башня: на ней стоятъ стража , и осматриваетъ весь Иерусалимъ и окрестности его.

39. Недалеко отъ него , къ востоку , *домъ* Іоанна *Марка* , гдѣ часто имѣлъ Іисусъ Христосъ прибѣжище , также и Апостолы; и Петръ Апостоль пришелъ ко вратамъ сего дома , когда Ангелъ Господень его извелъ изъ темницы. Дѣян. гл. 12. Прежде этимъ домомъ владѣли турки , а нынѣ протестанты откупили , и устроили свою церковь.

40. Недалеко отсюда — домъ *Апостола* *Томы*; владѣютъ имъ турки. Потомъ пришли мы въ монастырь , называемый *Великая Панагія* ; живутъ въ немъ православныя монахини. Сей монастырь выстроила Преподобная Меланія. Здѣсь она препровождала свою жизнь , и скончала животъ свой; и мы поклонились гробу ея; а мощи ея увезены въ Римъ , во время Крестовыхъ походовъ. Лобызали мы и кости война Омира , которъй торжественно Христа исповѣдалъ (*). Въ

(*) См. гл. 15.

семь же монастырь сохраняется св. Евангеліе, писанное собственною рукою Преподобнаго Меланіи, на пергаментѣ, и великой похвалы достойное. Мы лобызали св. Евангеліе, и потомъ пошли на свои квартиры.

41. Теперь опишу *Иерусалимъ* вообще. Кругомъ Иерусалима шесть верстѣ; обведенъ каменною стѣною весьма высокою; имѣетъ семь вратъ: трое закладены, а четверо существуютъ. Первыя — Давидовы, или Вифлеемскія; вторыя — Сіонскія, или Давидовы третья—Геосиманскія, или Маріинны, и четвертыя — Шамскія, или Дамасскія. Врата всѣ — желѣзныя; въ каждахъ вратахъ — гауптвахта, и по-многу стоитъ воиновъ. Иерусалимъ весь выстроенъ изъ тесаннаго камня; улицы узкія, но прямыя; дома высокіе, двухъ и трехъ-этажныя, больше чрезъ улицу, со сводами.

42. Значительныя въ немъ постройки: первая — *Храмъ Гроба Иисуса Христа*, съ двумя куполами; кругомъ обстроено монастырями. Нашихъ православныхъ—пятнадцать монастырей: 1) Монастырь *Патріаршій* — во имя благочестивыхъ Царей Константина и Елены. 2) — *Аврааміевъ* — подлѣ вратъ Гроба Божія: въ немъ помѣщаютъ поклонниковъ съ женами; въ немъ есть мѣсто, гдѣ приносилъ Авраамъ сына своего Исаака на жертву. Аврааміемъ монастырь пристроенъ къ самой горѣ Голгоѣ. 3) Монастырь св. *Іоанна Предтечи*: въ немъ великая церковь трехпрестольная; въ немъ сохраняется часть порядочная отъ главы Іоанна Предтечи, Крестителя Господня, въ серебряномъ ковчегѣ, и выносятся каждую Литургію; въ немъ также помѣщаютъ поклонниковъ съ женами. 4) Монастырь — *Великая Панаія*,

въ воспоминаіе входа Божія Матери ; въ немъ живутъ однѣ монахини. 5) Монастырь *Никольскій* : въ немъ помѣщаются поклонники съ женами. 6) Монастырь св. Великомученика *Димитрія Солунскаго* : въ немъ помѣщаются поклонники безъ женъ. 7) Монастырь св. Великомученика *Феодора Тирона*. Сей монастырь — русскій : въ немъ помѣщаютъ поклонниковъ , російскихъ подданныхъ , только мужескаго пола. 8) Монастырь *Екатериинскій*, русскій же : въ немъ помѣщаютъ русскихъ женскаго пола. 9) Монастырь *Архангельскій* : въ немъ помѣщаютъ поклонниковъ—монаховъ и мірскихъ безженныхъ. 10) Монастырь св. *Великомученика Георгія*, называемый *Большичный* : въ него помѣщаютъ поклонниковъ. 11) Монастырь св. *Василія Великаго* : въ немъ живутъ однѣ монахини. 12) Монастырь — *Малая Панаія* , или *Срътенскій* : въ немъ живутъ однѣ монахини. 13) Монастырь Преподобнаго *Евѳимія* : въ немъ живутъ монахини. 14) Монастырь св. *Великомученика Георгія*, называемый *Еврейскій* : въ немъ живутъ монахи. 15) Монастырь—*Геосимаиское подворье* : въ немъ помѣщаютъ поклонниковъ—знатныхъ фамилій. Еще — католикоримскихъ три монастыря , армянскихъ три, коптскихъ одинъ , кабешевъ одинъ , сиріанъ одинъ. Еще есть приходскія , православныя , арабскія церкви.

43. Второе знаменитое въ Іерусалимѣ мѣсто — *Соломоновъ храмъ* ; но онъ уже до основанія разоренъ , по предсказанію Господа нашего Іисуса Христа ; — что и камень на камени не останется , иже не разорится. По тому мѣсту растеть зеленая трава и кипарисовыя древа. Посреди площади выстроена прекрасная Омарова мечеть ; но христіанъ въ нее не

пускають, да имъ въ ней и смотрѣть нечего. Въ углѣ, гдѣ былъ Соломоновъ притворъ, также построена турецкая мечеть. Соломоновъ храмъ — удивительной величины. Самъ я измѣрилъ снаружи — сколько онъ захватывалъ мѣста: сто семдесятъ пять сажень длины, и ширины такожде, выключая пристройки. Ибо еще на двѣ стороны, на двадцать сажень, пристроены были галереи, дома и комнаты для жрецовъ, каковыя пристройки и до-нынѣ существуютъ. И было въ него семь вратъ. Двое—извнѣ града: однѣ — на востокъ, называемыя *Златыми*, въ которыя въѣхалъ Иисусъ Христосъ на жребяти осла, встрѣченный съ ваіами и вѣтвми, при гласахъ: «благословенъ Грядый во имя Господне, Царь Израилевъ: осанна въ вышнихъ!» Нынѣ онѣ закладены. Вторыя также не существуютъ. Пятеро вратъ было изнутри Іерусалима: тѣ всѣ и до-нынѣ существуютъ. Какъ семь вратъ во св. градъ Іерусалимъ: такъ семь вратъ и въ храмъ Соломоновъ. Семь вратъ было и въ Воскресенскій храмъ, ко гробу Христову; но нынѣ существуютъ только однѣ. Третье славное во Іерусалимѣ мѣсто — *домъ Давидовъ*. Четвертое славное мѣсто—*дворецъ Царицы Елены*: выстроенъ великъ и прекрасенъ; входы устроены изъ разноцвѣтнаго камня, и расписаны были всѣ комнаты; но нынѣ стоитъ пустъ. Гдѣ была конюшня, — теперь конная мельница, и лежатъ великіе мѣдные котлы, въ которыхъ, сказываютъ, готовилась пища для рабочихъ, при построеніи храма, по повелѣнію Царицы Елены. Еще славенъ *Иродовъ дворецъ* и *домъ Пилатовъ*, также—*Армянскій монастырь*, православный великій монастырь *Патріаршій*; и прекрасны въ Іерусалимѣ

базары; только — ряды больше со сводами. Воды въ монастыряхъ избыточно, только вся дождевая. Довольно о семь.

44. Поживши на квартирахъ три дня, поведены были мы во градъ *Виѳлеемъ*. Виѳлеемъ отъ Иерусалима — разстояніемъ два часа ходу, т. е. десять версть, прямо на югъ. Вышли мы изъ Иерусалима въ Давидовы врата, и поворотили налѣво, чрезъ долину Гинномъ, и шли по ровной дорогѣ и по прекрасному ровному полю, засѣянному разнымъ хлѣбомъ.

45. На полпути къ Виѳлеему, по лѣвую сторону дороги, — *монастырь св. Пророка Іліи*; мы зашли въ него, и приложились къ тому мѣсту, гдѣ Пророкъ Ілія спалъ, и разбудилъ его Ангелъ Господень, и сказалъ: востани, яждь, и пій, яко многъ отъ тебе путь. Онъ же воста, и яде и пи: и иде до горы Божія Хоривъ. 3 Царств. 19, 7. 8. Въ монастырѣ церковь очень великая, но бѣдная, и безъ всякаго украшенія; иконы старыя, мало что видно; но еще видно нѣсколько стѣннаго иконнаго писанія; завѣдываютъ имъ православные; но братіи очень мало: видится — прежде былъ великій монастырь. Стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ, между масличными садами, на небольшой возвышенности. Видны изъ него Иерусалимъ, Гора Елеонская, Виѳлеемъ, страна за-Иорданская и—за Мертвымъ моремъ. Мы пожертвовали въ монастырь по своей силѣ, и пошли къ Виѳлеему, уже по каменистой дорогѣ; однако хлѣбопашество есть.

46. На полпути отъ монастыря пришли на одну ниву, и наши поклонники остановились, и стали собирать камешки круглые, на-подобіе гороха, и называютъ ихъ «*окаменльый горохъ*.» Есть между хри-

стіанами такое преданіе о семъ : При жизни Своей, Пресвятая Дѣва Богородица часто посѣщала тѣ мѣста, гдѣ совершались таинства спасенія нашего возлюбленнымъ Ея Сыномъ, гдѣ Онъ родился, гдѣ распялся, гдѣ погребенъ былъ и воскресъ, и гдѣ вознесся на небо. Во едино время шла Она тѣмъ путемъ съ Апостоломъ Іоанномъ Богословомъ посѣтить градъ Вифлеемъ, то мѣсто, гдѣ родила возлюбленного Сына Своего. На той нивѣ сѣялъ одинъ еврей горохъ: Божія Матерь его привѣтствовала, и спросила его: что онъ сѣеть? Онъ же, по злости на Сына Ея, также и на Нее, сказалъ Ей въ насмѣшку: « каменіе сѣю.» Она сказала: « да будетъ тако по глаголу твоему »; и претворился горохъ въ каменіе, даже и до сего дня. И точно: хотя въ Писаніи и не упоминается о томъ; однако, можно принять за истину: потому что тутъ-же, на другихъ нивахъ, рядомъ, ни одной горошины не найдешь. Да еще и то не малаго удивленія достойно — что 1800 лѣтъ собираютъ, и не могутъ выбрать. И я ради памяти немного набралъ.

47. Потомъ паки пошли въ путь. И пришли ко гробу *Рахили*, матери Іосифа прекраснаго. Надъ нимъ сдѣлана кувуклія, на-подобіе часовни: внутри лежитъ надгробный камень; и застали мы много евреевъ ядущихъ хлѣбъ. Оттуда пошли уже прямо въ Вифлеемъ. И какъ уже стали близко подходить, то множество вифлеемскихъ дѣтей изъ града къ намъ на встрѣчу выбѣжали, и, подбѣжавши, обступили насъ, каждого человѣка, по пяти и болѣе, и взяли за нашу одежду и жезлы, и начали кругомъ насъ прыгать и привѣтственными гласами пѣсни намъ припѣвать на араб-

скомъ языкѣ , и веселыми глазами намъ въ лице смотрѣть , потому что они намъ были очень рады .

48. Пришедши въ Виѳлеемъ , прошли весь градъ , и въ самомъ концѣ подошли къ великому монастырю .

49. И отворили намъ небольшую желѣзную дверь , и мы взошли во-внутрь . Встрѣтилъ насъ Виѳлеемскій Митрополитъ Діонисій съ братіею , и повели насъ въ великую церковь . Потомъ повели насъ въ вертепъ , и сошли внизъ двѣнадцать ступеней , и стали кругомъ того мѣста , гдѣ родился Господь нашъ Иисусъ Христосъ , и воспѣли громогласно отъ радости тропарь : « Рождество Твое , Христе Боже нашъ , возсія мірови свѣтъ разума : въ немъ бо звѣздамъ служащія звѣздою учася , Тебѣ кланяются , Солнцу правды , и Тебе вѣдѣти съ высоты Востока : Господи , слава Тебѣ ! » Пропѣли трижды . Потомъ кондакъ : « Дѣва днесъ Пресущественнаго раждаетъ , и земля вертепъ Неприступному приносить : Ангели съ пастырьми славословятъ , волсви же со звѣздою путешествуютъ : насъ бо ради родися Отроча младо , Превѣчный Богъ . » Потомъ самъ Митрополитъ прочиталъ Евангеліе по-русски , ибо Митрополитъ Діонисій родомъ Болгаринъ ; Евангеліе читалъ о Рождествѣ Господа нашего Иисуса Христа . Потомъ іеродіаконъ сказалъ эктению , и помянулъ на эктениі Россійскаго Императора , Николая Павловича , и наши имена . Потомъ мы лобызали святое то мѣсто , гдѣ родился Господь нашъ Иисусъ Христосъ . Вокругъ сего мѣста горитъ осьмнадцать лампадъ неугасимыхъ , а самое мѣсто выложено мраморомъ и вылащено . Сверхъ его сдѣланъ престолъ , и на немъ ежедневно служатъ православные Литургію . На престолѣ стоитъ великая икона Рожде-

ства Христова. Предъ ней висить тринадцать лампадъ, и много становять свѣчей. Потомъ приложились и къ яслямъ, гдѣ повить былъ Превѣчный Младенецъ: здѣсь горить девять неугасимыхъ лампадъ; завѣдываютъ яслями одни франки. Вдоль всего вертепа висить тридцать пять лампадъ великихъ, отъ христіанъ разныхъ исповѣданій. Всѣхъ же лампадъ въ вертепѣ шестьдесятъ двѣ. Потомъ вышли мы въ великую церковь, и пропѣли вечерню всю по-русски: ибо Митрополитъ Діонисій русскихъ любитъ. Потомъ пошли на гостинницу, гдѣ сдѣлали намъ угощеніе по обычаю тамошнему, и представили намъ трапезу весьма изобильную. Потомъ мы записали имена своихъ родственниковъ и благодѣтелей, и сдѣлали пожертвованіе по силѣ своей; а потомъ спали. По-утру, въ четвертомъ часу съ полуночи, зазвонили въ небольшой колоколь, и мы встали и пошли въ церковь. И въ великой церкви отпѣли утреню не спѣша, всю по-русски, и самъ Митрополитъ читалъ по-русски. Послѣ утрени сошли въ вертепъ, и лобызали святое мѣсто, гдѣ родился Господь Иисусъ Христосъ, и ясли, гдѣ положень былъ. На разсвѣтъ паки заблаговѣстили, и мы паки пошли въ церковь, и прошли прямо въ вертепъ. Тамъ началась проскомидія, на мѣстѣ гдѣ родился Господь, только къ лѣвой сторонѣ. Часы читали по-русски, и всю Литургію пропѣли по-русски; Литургію служили на томъ мѣстѣ, гдѣ родился Господь, только на срединѣ; а съ выходомъ выходили, и шли вдоль пещеры, на западъ, а потомъ паки обратились на востокъ, и поставили Дары на томъ-же престолѣ. Послѣ Литургіи раздавали антидоръ, и мы прикладывались ко св. мѣстамъ. Потомъ

православные все свое забрали, икону, антиминь и пелены; и въ вертепъ вступили иновѣрцы. Армяне служатъ — гдѣ наши; а франки служатъ въ яслѣхъ. Послѣ Литургіи мы пошли по другимъ мѣстамъ. Недалеко отъ монастыря, съ полверсты, есть пещера, гдѣ скрывалась Богородица съ Младенцемъ, прежде бѣгства въ Египеть.

50. Отъ Виолеема на востокъ полчаса ходу, версты три, есть мѣсто, гдѣ пасли пастыри овецъ, и видѣли Ангеловъ поющихъ: « Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе!» Тамъ есть садочекъ, и въ немъ церковь; содержатъ православные арабы; не далеко и селеніе ихъ. И мы когда ходили тамъ, видѣли пастырей, пасущихъ овецъ, и одежду такую-же косматую имущихъ.

51. Потомъ мы возвратились въ Виолеемъ, гдѣ насъ и угостили; потомъ пошли разсматривать *великую церковь*. Церковь весьма велика и обширна. Сорокъ столбовъ только въ притворѣ поддерживаютъ верхъ, да въ настоящей двѣнадцать столбовъ, исключая поперечныхъ стѣнъ; и по всему храму виситъ до четырехсотъ лампадъ, и много паникадилъ, и весь храмъ расписанъ и изукрашенъ мусією, притворъ — разными цвѣтами и древами, а настоящая вся — иконами; украшенъ мусією отъ Царя Греческаго Іустиніана Великаго. Здѣсь изобличается клевета російскихъ раскольниковъ, моихъ соотечественниковъ, называющихъ себя старообрядцами, которые порицаютъ Св. Церковь, якобы новое внесено именованное благословеніе. Пусть они размыслятъ: когда былъ Царь Іустиніанъ Великій? При немъ былъ пятый Вселенскій Соборъ: тому уже болѣе тысячи трехсотъ лѣтъ.

А до-днесъ въ Вѣлеемѣ, въ великой церкви, на стѣнахъ много иконъ, а наипаче на восточной стѣнѣ; подь самымъ верхомъ, изображены три великія иконы: Входъ во Іерусалимъ, Преображеніе, Воскресеніе Господне; и всѣ сіи иконы съ благословіищами руками именованно изображены, не красками написаны, но мусією изображены. А если бы раскольники сказали, что это послѣ изображено: то извѣстно всему свѣту, что Іерусалимъ находится подь тяжкимъ игомъ магометанскимъ болѣе тысячи ста лѣтъ, подь которое подпалъ еще во время святѣйшаго Патріарха Софронія Іерусалимскаго; и до-днесъ находится въ пограніи у поганыхъ турокъ; не только ничего не позволяютъ устроить въ немъ, но остальное разрушается: прежде былъ весь храмъ изукрашенъ; нынѣ же осталось только въ самомъ верху, а внизу все арабы отколупали, да и продають поклонникамъ; и я купилъ больше сотни. А больше половины храма почти въ залуствіи: ибо весь притворъ сдѣлался играющимъ дѣтямъ и дворомъ для людей всѣхъ вѣръ. Оттуда входъ въ православный греческій монастырь, также въ армянскій и франкскій монастыри. Настоящимъ храмомъ, серединою и правую страну, завѣдываютъ православные; лѣвою страну завѣдываютъ армяне; а франки за стѣною имѣють свою церковь. Покрѣтъ весь храмъ свинцовыми плитами, и поставлены на верху кресты, и звонятъ въ небольшіе колокола: потому что въ Вѣлеемѣ турокъ нѣтъ ни единого, и жители Вѣлеема всѣ христіане, только разныхъ исповѣданій; большая часть православные, а прочіе — католическаго и армянскаго исповѣданія. Вѣлеемскіе жители отчуждены отъ жителей другихъ

мѣсть Палестины правомъ, одеждою, чистотою и обхожденіемъ : уважительны и благообразны. У нихъ всѣ дѣти ежедневно ходятъ въ училище, мальчики и дѣвочки. Почти весь Виѳлеемъ знаетъ по-русски; потому что они всѣ—мастера, работаютъ иконы, кресты и четки перломутовые : а русскіе больше всѣхъ покупаютъ; потому они по-русски и учатся ; а кто по-русски не знаетъ, тотъ ничего и не продастъ. Итакъ мы , посѣтивши Виѳлеемъ , возвратились въ Іерусалимъ , и праздновали въ своемъ монастырѣ храмовый праздникъ , ноября 8-го , св. Архангеловъ и прочихъ небесныхъ Силъ. Было торжество порядочное. Великую вечерню , утреню и Литургію служилъ Севастійскій Митрополитъ съ архимандритами , игуменами и множествомъ священниковъ и діаконровъ. Пѣвцы были dobroгласные изъ Патріаршаго монастыря. Горѣло множество неугасимыхъ , серебряныхъ великихъ , лампадъ ; и великое было стеченіе народа. Послѣ Литургіи подавали по чашѣ вина и закуски ; и пошли по своимъ келліямъ .

52. Потомъ пошли мы въ *Лавру Саввы Освященнаго*. Вышли изъ Іерусалима въ Давидовы врата , и пошли налѣво , внизъ по долину , называемой Геенна , прошли мимо прудовъ Давидовыхъ и села Скудельнича ; остались они у насъ въ правой рукѣ , а гора Сіонъ и колодезь Іоавль — въ лѣвой. Потомъ пошли по Юдоли плачевной , и шли шесть часовъ , по-русски — тридцать верстъ , шли , ничего не видали , ни селенія , ни града , — была самая дикая пустыня , — ни травы , ни лѣсу , но голыя горы и острое каменіе. Только видѣли въ правой рукѣ развалины монастыря Преподобнаго Феодосія , общихъ житій начальника.

Уже близки были окрестности Содома и Гоморры, и намъ наскучило даже смотрѣть на плачевныя мѣста, да уже и приустояли; ибо былъ великій зной, а воды нѣтъ. Вдругъ изъ-за горы показалась намъ св. Лавра.

53. Увидавши кресты на соборной церкви, мы возрадовались. Отцы, увидавши насъ изъ Лавры, начали звонить въ колокола; звонъ очень порядочный. Когда мы подошли ко вратамъ, — не скоро насъ пустили. Ибо пускаютъ съ осторожностію, потому что боятся арабовъ. Прежде осмотрѣли кругомъ башни: нѣтъ ли гдѣ близко арабовъ. Потомъ открыли намъ маленькую желѣзную дверь, въ которую едва съ нуждой пролѣзли. Когда вошли, — думали что уже въ монастырь; но посмотрѣли, а еще нѣтъ. Когда мы всё взобрались, тогда первую дверь заперли, и стали другую отпирать, подобную первой. Когда вошли внутрь Лавры, — встрѣтилъ насъ игуменъ съ братіей, и много насъ привѣтствовалъ. Потомъ ввели насъ въ великую соборную церковь, въ воспоминаніе благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Храмъ богатый, убранный на-подобіе аѳонскихъ. Иконостасъ новый, рѣзбеной работы, и вызлащенный; иконы всё россійскія, высокою греческой работы, писаны въ Москвѣ. Мѣстныя — всё въ серебряныхъ вызлащенныхъ ризахъ. Паникадила и подсвѣчники — всё изъ Россіи. Потомъ вынесли св. мощи св. Ксенофонта, чады его Аркадія и Іоанна, и Преподобнаго Іоанна Дамаскина, не цѣлкупныя, но только части и главы ихъ. И мы лобызали ихъ. Потомъ пошли на гостиницу, и сдѣлали намъ угощеніе по ихъ обычаю. Потомъ повели насъ и по прочимъ мѣстамъ. Прежде пошли въ часовню, и поклонились гробу Преподобнаго отца, Саввы Освя-

щеннаго, основателя св. Лавры, но мощей его нѣтъ: во время Крестовыхъ походовъ увезены въ Венецію. Потомъ пошли въ его нерукотворенную церковь, сдѣланную въ пещерѣ. Тамъ лежитъ множество костей и главъ Преподобныхъ отецъ, избіенныхъ отъ арабовъ. И мы, поклонившись, вышли, потомъ пошли въ келлію Іоанна Дамаскина, гдѣ онъ писалъ свои сочиненія. Тамъ сдѣлана малая церковь. Потомъ ходили и по прочимъ церквамъ и келліямъ, коихъ множество; какъ въ ульѣ — пчельныхъ гнѣздъ, такъ и тамъ — монашескихъ келлій: инныя въ горѣ высѣчены, инныя въ пещерахъ сдѣланы; имѣетъ каждая келлія свѣтъ отъ свѣтъ. Воду пьютъ дождевую, собираютъ въ колодези, и нужды не имѣютъ. И еще есть вода подъ самой Лаврою, въ юдоли, въ пещерѣ, самотекущая, испрошенная отъ Бога св. Саввою. Но нынѣ тамъ не берутъ воды, страха ради арабовъ. Мы ходили туда съ великою опасностію. Для насъ спускали лѣстницу, и мы, напившись за благословеніе, скоро убрались назадъ, дабы не увидали арабы. Скоро за благовѣстили къ вечернѣ, и мы пошли въ церковь. Вечерню правили по уставу св. Горы Аѳонской, чинно, кротко, не борзась. Стихиры пѣли всѣ съ канонархомъ. На стиховнѣ также всѣ подходили прикладываться къ иконамъ. Послѣ вечерни позвали насъ въ трапезу, и представили пищу порядочную, по обычаю монастырскому. Потомъ читали повечеріе. Съ полунощи пошли въ церковь, и отстояли утреню, безъ расхода — и Литургію, и паки лобызали св. мощи. Послѣ угощенія на гостинницѣ, прохаживались по монастырю и разсматривали. Монастырь прекрасный; стоитъ надъ самою Юдолюю Плачевною; братіи

не много, около человекъ пятидесяти; живутъ общезательно, всегда въ заперти; женамъ входа нѣтъ; трапеза всегда бываетъ единожды въ день, и та — болѣе постная. Послушанія почти нѣтъ, только развѣ что ради трапезы. Рукодѣліемъ въ келліяхъ занимаются, каждый по своей волѣ: кто изъ камня дѣлаетъ чашыцы, солонички, кто — четки. Пропитаніе имѣютъ отъ поклонниковъ, а чего не достанетъ, то дополняетъ іерусалимская патріархія. Причащаютъ Святыхъ Таинъ каждую седмицу, по-святогорски. Отъ Мертваго моря Лавра отстоитъ на три часа ходу, а отъ Іерусалима на шесть часовъ, на юговостокъ.

54. Возвратившись въ Іерусалимъ, и поживши не много, пошли мы въ *Крестный монастырь*. Паки вышли въ Давидовы врата, и пошли на югозападъ отъ Іерусалима. Черезъ часъ хода, пришли къ вратамъ монастыря, и не скоро насъ впустили, страха ради арабовъ. Потомъ отперли намъ маленькія желѣзныя двери, и впустили насъ во дворъ, но еще не въ монастырь. Потомъ еще отворили малыя желѣзныя двери, и впустили, и ввели прямо въ соборную церковь; и мы поклонились на мѣстѣ, гдѣ расло крестное древо, которое срубилъ Царь Соломонъ (*). На самомъ томъ мѣстѣ стоитъ престолъ, а подъ престолъ есть ходъ, и тамъ берутъ землю. Церковь велика и прекрасна, и вся расписана иконнымъ стѣннымъ писаніемъ, весьма древнимъ. Полъ весь выстланъ мусіею. Многократно поганые арабы монаховъ здѣсь вырѣзывали; до-днесь замѣтна на полу запекшаяся кровь. Выстроенъ монастырь грузинскими царями.

(*) См. ниже гл. 198.

Стоить на прекрасномъ мѣстѣ, на небольшой долинѣ.

55. Оттуда пошли въ *Горня*, отъ Крестнаго монастыря, на западъ, два часа ходу. Взошли во градъ Горняя, и прямо въ монастырь, которымъ завѣдываютъ католики; и ввели насъ въ церковь, и показали мѣсто, гдѣ родился Іоаннъ Предтеча; и мы, поклонившись, лобызали то мѣсто. Надъ нимъ сдѣланъ престолъ. Потомъ осмотрѣли весь храмъ, который богато убранъ, по католическому обычаю. По стѣнамъ расписанъ стѣннымъ писаніемъ: изображена вся жизнь Іоанна Предтечи. Гдѣ нѣтъ стѣннаго писанія, — стѣны покрыты шелковою матеріею. Во всемъ градѣ арабы — католическаго исповѣданія. Сей монастырь выстроенъ не въ домѣ Захаріинномъ, но на мѣстѣ, гдѣ родился Іоаннъ Предтеча. Вышедши изъ монастыря, пошли въ *домъ Захаріинъ*, гдѣ цѣловала Божія Матерь святую Елисаветъ: домъ стоитъ пустъ, остались только основаніе, подвалы и мало стѣнъ.

56. Потомъ пошли еще на западъ, на одинъ часъ ходу, и пришли въ *пещеру*, гдѣ скрывалась св. Елисаветъ съ младенцемъ Іоанномъ Предтечею, гдѣ и скончалась. Здѣсь-же проживалъ св. Іоаннъ Предтеча до совершеннаго возраста своего, питаемый Ангеломъ. Пещера сія пречудная. Понизе пещеры, на сажень, истекаетъ источникъ воды, весьма доброй и холодной; и мы вкусили хлѣба, и попили св. воды Іоанна Предтечи, Крестителя Господня. И возвратились къ вечеру паки въ Іерусалимъ. Градъ горняя стоитъ въ горахъ, на самомъ хребтѣ; отъ него видно Средиземное море и за-іорданскія горы: а отъ Іерусалима — три часа ходу, т. е. 15 верстъ, на западъ.

57. И поживши не много, пошли на *источникъ*, гдѣ Филиппъ Апостоль крестилъ каженика, — отъ Иерусалима на югозападъ; шли мимо Крестнаго монастыря, по пути, ведущему въ Газу, отъ Иерусалима — три часа ходу. Дошедши, здѣсь поѣли хлѣба, попили воды, иные купались; воды много, — источникъ и прудъ. Нынѣ этотъ путь до конца запустѣлъ. Есть на пути томъ поле, гдѣ посѣяна при насъ была пшеница; на нивѣ стоятъ два столпа мраморныхъ. Мы спросили своего провожатаго, игумена Феодоровскаго монастыря: « что это значить? » Онъ намъ сказалъ: « на сей нивѣ стирали Апостолы руками класы въ субботу. » Потомъ мы наки возвратились въ Иерусалимъ.

58. Послѣ пошли во градъ *Хевронъ*, гдѣ гробы Авраама, Исаака и Иакова, и къ *дубу Мамврійскому*. Шли мимо *Виелеема* и мимо *прудовъ Соломоновыхъ*. Пруды отъ Виелеема три часа, отъ Иерусалима пять часовъ, а до Хеврону три часа ходу. Изъ Соломоновыхъ прудовъ проведена вода трубами мимо Виелеема въ Иерусалимъ. Недалеко отъ прудовъ есть монастырь св. *Великомученика Георгія*: въ немъ сохраняются и вериги его. Кругомъ монастыря — все патріаршескіе виноградники. Дошли до дуба Мамврійскаго: стоятъ на ровномъ мѣстѣ, одиннадцать аршинъ толщины, и весьма зеленъ, не очень высокъ, но весьма широкъ. Сажени на двѣ къ верху — стволъ одинъ, потомъ раздѣлился на трое, а верхняя отрасль раздѣлилась на четверо. Итакъ, въ немъ есть таинственное прообразование: прообразуетъ Святую Троицу и четырехъ Евангелистовъ. Близъ дуба есть фундаментъ: по три и по четыре аршина лежатъ тесанные

камп. Это , говорятъ , основаніе дома , бывшаго на мѣстѣ шатра Авраамова , въ которомъ онъ принялъ Господа съ Ангелами. Арабы хевронскіе дубъ весьма строго хранятъ , не даютъ даже листочка сорвать. А ко гробамъ Авраама , Исаака и Іакова , никогда христіанъ не допускаютъ: потому что надъ ними турецкая мечеть. Хевронъ отъ Іерусалима разстояніемъ — восемь часовъ ходу , т. е. сорокъ верстъ. Потомъ паки возвратился въ Іерусалимъ.

59. Проживая въ св. градѣ Іерусалимѣ , во своихъ монастыряхъ , ночевать часто стали ходить ко гробу Христову, по-утру — къ Литургіи въ Геосиманію, ко гробу Богородицы, по Литургіи — на Елеонскую гору. Потомъ паки возвращались въ свой монастырь , и вкушивши хлѣба, выходили за Давидовы врата. Часто ходили на село *Скудельниче* , и по гробовымъ пещерамъ , наполненнымъ костями человѣческими. Тамъ есть великій ровъ , гдѣ плакалъ св. Апостолъ Петръ о своемъ отверженіи. Тамъ въ одной пещерѣ была церковь св. Онуфрія, и до-нынѣ видно стѣнное иконное писаніе. Но нынѣ на селѣ Скудельничѣ никто не погребается.

60. Пovyше села Скудельнича, на самой горѣ , въ развалинахъ — монастырь св. *Модеста* , Патріарха Іерусалимскаго. Еще есть за Дамасскими вратами, въ правой рукѣ близъ стѣны Іерусалимской, самородная большая пещера , гдѣ якобы спалъ Пророкъ Варухъ семьдесятъ два года ; и до-днесь называется *Варухова пещера*.

61. И такъ ежедневно прохаживались кругомъ Іерусалима. А наипаче любили ходить за Давидовы врата — встрѣчать новыхъ поклонниковъ. Въ Іерусалимѣ

вошло въ обычай: передъ вечеромъ выходить жители и поклонники за Давидовы врата — привѣтствовать новыхъ поклонниковъ. И каждый день бываютъ проходящіе: ибо отъ четырехъ концевъ вселенныя собираются на средину земли, гдѣ Господь спасеніе содѣлалъ; христіане стекаются ко гробу своего Спасителя, Иисуса Христа, разныхъ вѣръ и разныхъ языковъ. Многіе оставляютъ свои дома, свои семейства, имѣніе и отечество; иные путешествуютъ со всѣми семействами, женами и малыми дѣтьми, еще ссущими млеко. Иные — уже престарѣлые и съ трясущимся тѣломъ: не смотря на все сіе, вознамѣрились посѣтить св. градъ Іерусалимъ и поклониться гробу своего Спасителя, Иисуса Христа. И съ нами въ корабль много было такихъ: когда подымется волненіе, — по три и по четыре дня лежатъ полумертвые, только и просятъ Господа Бога, да сподобитъ имъ живымъ достигнуть до Іерусалима, да поклонятся живоносному Его гробу. И всѣ сіи входятъ въ Іерусалимъ съ необычайною радостію и веселіемъ, и отъ радости плачутъ, руки горѣ поднимаютъ, крестятся, благодарственными гласы восклицаютъ, и народу исшедшему изъ Іерусалима поклоняются, и народъ ихъ привѣтствуетъ; и я грѣшнѣйшій, смотря на это, не могъ удерживаться отъ слезъ; потому и любилъ туда ходить. И воздавалъ я хвалу и благодареніе Господу Богу, что сподобилъ меня быть во св. градъ Іерусалимъ, видѣть святыя мѣста, и лобызать ихъ своими скверными устами. Великая была въ семъ радость и утѣшеніе. Но часто приходила великая скорбь, и проливалъ я слезы о томъ, какъ мнѣ будетъ разлучиться со святыми мѣстами, какъ оставить святыи градъ

Иерусалимъ? Обаче, гдѣ ни буду, всегда буду повторять пророческое слово: *аще забуду тебѣ, Иерусалиме, забвѣна буди десница моя.* Пс. 136, 5.

Въ первую недѣлю Филиппова поста постылись, и всю седмицу каждую ночь ночевали во храмѣ Гроба Божія; въ субботу причастились Святыхъ Таинъ на гробѣ Христовѣ.

62. Декабря 5-го дня, повѣстили поклонникамъ, чтобы шли ночевать всѣ въ храмъ ко гробу Божію. Мы повечеряли, и пошли. Когда взошли въ великую церковь, — вдругъ увидѣли странное видѣніе, удивленія достойное. Вся кувуклія кругомъ гроба Божія обставлена разными иконами и крестами, всѣ въ окладахъ серебряныхъ и золотыхъ, и украшены разными дорогими камнями и жемчугомъ, и разными цвѣтами и фигурами; и обвѣшена вся кувуклія серебряными и позлащенными лампадами. Надъ дверями Гроба Божія повѣшена лампада, которой описать не могу: говорятъ, что больше милліона стоитъ: пожертвована Россійскимъ Императоромъ, Николаемъ Павловичемъ; сдѣлана изъ чистаго золота, украшена драгоценными камнями, и весьма велика, — съ пятью великими стаканами. Еще становятъ четыре великія свѣчи. Лампада виситъ на четырехъ златыхъ цѣпяхъ; только дважды въ годъ и вывѣшивается, — на день Святителя Николая и на Пасху. Весь куполъ надъ гробомъ Божіимъ, вся Воскресенская церковь и гора Голгоѳа, изукрашены были лампадами. Кругомъ кувукліи гроба Божія, кромѣ лампадъ, стояли въ пять рядовъ свѣщи бѣлаго воску. Предъ вечеромъ всѣ зажгли. Пришло турецкое воинство для стражи и самъ паша. Потомъ въ великомъ алтарѣ все духовенство

облачилось въ священную одежду , двѣнадцать мальчиковъ въ стихаряхъ , взяли всѣ по подсвѣчнику со свѣщею зажженною ; семь діаконовъ съ трикиріями и дикиріями ; священники , архимандриты , игумены и діаконы взяли овые кресты , овые—Евангелія , овые — рипиды , одинъ взялъ патріаршую мантию , другой — патріаршій жезлъ , овые — прочія иконы , а войны очищали путь ; и пошли изъ алтаря встрѣчать свѣтѣйшаго Патріарха .

63. И пошли кругомъ кувукліи , и потомъ къ мѣсту Снятія со креста . И стало духовенство отъ мѣста Снятія до вратъ церковныхъ въ два ряда : мальчики съ подсвѣчниками—кругомъ Снятія , а пѣвцы за ними . И зажгли кругомъ Снятія на подсвѣчникахъ свѣщи свои христіане разныхъ исповѣданій , такожде и кругомъ Божія гроба . Вотъ идетъ Патріархъ : впереди его идутъ турки съ жезлами , и очищаютъ ему путь ; за нимъ шли Архіереи , по-два въ-рядъ . Когда вошелъ Патріархъ въ храмъ , то подшелъ прямо къ Снятію , и сотворивши два поклона до земли , лобызалъ св. мѣсто , и паки сотворилъ одинъ поклонъ . Потомъ надѣли на него мантию , а пѣвцы запѣли « *достойно есть* » , и стали прикладываться прочіе Архіереи . Потомъ пошли мальчики впередъ , а за ними и прочіе , прямо ко гробу Божію , и тамъ остановились , пока Патріархъ съ Архіереями сходилъ и приложился къ гробу Божію . Потомъ пошли въ Воскресенскую церковь . Патріархъ сталъ на свою кафедру , и поставили противъ него подсвѣчникъ съ великою свѣщею . А Митрополиты , Архієпископы и Епископы , прошли прямо въ алтарь .

64. Начали благовѣстять къ вечерни въ разныя

доски, разными переборами; сдѣлали три перебора, и благовѣстили цѣлый часъ, и весьма было пріятно слушать. Начали великую вечерню. «*Блаженъ мужъ*», всѣ три псалма, пѣли на-распѣвъ; также и стихирь пѣли всѣ распѣвомъ. Во время пѣнія стихиръ начали выходить изъ алтаря, по-два, прежде архимандриты, потомъ игумены, священники и діаконы: выходятъ предъ царскія врата, кладутъ по-два поклона въ-поясъ, и одинъ въ-землю; потомъ подходятъ къ Патріарху, и покланяются ему до земли; потомъ возмуть отъ него благословеніе, и цѣлуютъ руку его, и наки покланяются до земли; потомъ отходятъ въ алтарь и облачаются. Когда начали пѣть *славу*, тогда пошли на входъ. Впереди шли турки, раздвигали народъ; потомъ шли двѣнадцать мальчиковъ въ стихаряхъ, съ подсвѣчниками; за ними діаконы несли патріаршій жезлъ, великій запрестольный крестъ, двѣ рипиды; семь діаконовъ шли съ трикиріями и дикиріями, два діакона съ кадилами, а прочіе со свѣчами; за ними шли священники, съ опущенными руками; потомъ шли игумены; позади ихъ — архимандриты. Всѣхъ вышло болѣе ста человекъ, и сдѣлали великое полукружіе. Когда діаконъ возгласилъ «*Премудрость, прости*», то «*Свѣте тихій*» запѣлъ самъ Патріархъ, а съ нимъ и прочее духовенство, и пѣли на-распѣвъ, протяжно. Потомъ, по-два, начали входить: прежде покланялись Патріарху, а потомъ на обѣ стороны, и входили въ алтарь; діаконы въ царскихъ вратахъ кадрили входящихъ. Когда пришло время, — пошло на литію, въ царскія врата, все духовенство, держа въ рукахъ великія бѣлаго воску свѣчи. Впередъ пошли мальчики съ подсвѣчниками, за ними

седмь діаконовъ съ трикиріяши и дикиріяши, двое съ рипидами, одинъ съ жезломъ патріаршимъ, а прочіе со свѣщами; за ними священники, игумены и архимандриты; за ними Епископъ, а позади Митрополиты. Первую стихиру пѣлъ самъ Патріархъ, прочія стихиры Митрополиты пѣли, а прочія по обычаю. Послѣ стихирь Патріархъ благословилъ хлѣбы, пшеницу, вино и елей. По отпустѣ вечерни, затворилъ врата церковныя. Патріархъ съ Архіереями остался въ храмѣ почевать. Свѣщи погасили, а лампы оставили горѣть на всю ночь. Кругомъ кувукліи гроба Божія горѣло четыреста лампадъ серебряныхъ; еще зажигали на вечерни двѣсти свѣчей бѣлаго воску. Надъ гробомъ Божиимъ, по всему куполу, горѣло пятьсотъ лампадъ хрустальныхъ. Въ Воскресенской церкви горѣло до тысячи лампадъ разныхъ. На вечерни зажигали три панкадила, по пятидесяти свѣчей на каждомъ. На Голгоѣ горѣло болѣе ста лампадъ разныхъ. Итакъ, всю ночь горѣло болѣе двухъ тысячъ (*). Это совершалось торжество за здравіе и спасеніе Благочестивѣйшаго Россійскаго Императора, Николая Павловича. Мы, русскіе, взявши благословеніе отъ Патріарха, собрались все на Голгоѣ, и пропѣли канонъ съ акаѣистомъ честному Кресту, потомъ канонъ съ акаѣистомъ Пресвѣтѣй Богородицѣ, а потомъ пропѣли канонъ съ акаѣистомъ Святителю Николаю. И такъ проводили вечеръ до десяти часовъ.

65. Въ десять часовъ начали благовѣстити на утреню въ разныя доски, разными переборами; и сошель

(*) См. ниже гл. 199.

Патріархъ, и сталъ на свою кафедру, а прочіе Архіереи прошли въ алтарь. Зажгли всѣ свѣщи на паникадилахъ и кругомъ Божія гроба. Утреня продолжалась шесть часовъ. Потомъ начали Литургію на самомъ Божіемъ гробѣ. Служилъ Патріархъ съ двумя Митрополитами, и много было архимандритовъ съ игуменами и священниковъ съ діаконами; и была Литургія самая торжественная. Кругомъ Христова гроба не одна тысяча христіанъ возсылали ко Господу теплыя молитвы о благочестивѣйшемъ Россійскомъ Императорѣ, Николаѣ Павловичѣ. Въ концѣ Литургіи, архимандритомъ говорена была проповѣдь, на греческомъ языкѣ, о томъ, что это торжество и молитвы совершаются за благочестиваго Россійскаго Императора, Николая Павловича, попечителя и покровителя св. града Іерусалима и живоноснаго Христова гроба. Между прочимъ говорилъ: «вы, здѣсь собравшіеся отъ четырехъ странъ вселенныя, разныхъ родовъ, разныхъ языковъ, всѣ чада единыя Святыя Соборныя Апостольскія Христовы Церкви, всѣ вы должны принести ко Господу теплыя молитвы, на семъ святомъ мѣстѣ, гдѣ совершались великія таинства, и проливалась кровь Спасителя нашего Иисуса Христа, нашего ради спасенія, — да подастъ Господь Богъ благочестивѣйшему Россійскому Императору, Николаю Павловичу, тѣлесное здравіе и душевное спасеніе, и да покорить подъ нозѣ его всякаго врага и супостата.» Греки возглашали: «Аминь.» Говорилъ проповѣдь цѣлый часъ; которые понимали языкъ, тѣ всѣ плакали отъ умиленія, что весьма превознесъ Россійскаго Императора, Николая Павловича, благочестіе и усердіе ко Святой Соборной Апо-

стольской Христовой Церкви. По окончаніи Литургіи, пошли всѣ въ патріархію, и тамъ было всѣмъ поклонникамъ угощеніе. Въ Іерусалимѣ много славится имя Царя Русскаго; а изъ Іерусалима разносятъ во всю вселенную, что-де есть на сѣверѣ сильное христіанское Царство, и есть православный Царь, который сіяетъ своимъ благочестіемъ, и просвѣщаетъ всю вселенную.

66. Декабря 23-го числа, пошли мы, русскіе, всѣ въ Внолеемъ, и тамъ вечерню и утреню всю пѣли и читали по-русски; также и Литургію, 24-го числа, раннюю, служили въ вертепѣ всю по-русски. Потомъ мы въ вертепѣ прочитали два акаѳиста, Іисусу и Богородицѣ, и послѣ ходили вокругъ Внолеема.

67. Въ десятомъ часу дня начали благовѣстити въ колокольчикъ, и мы всѣ собрались въ великую перковь. Митрополитъ Внолеемскій Діонисій и всѣ священники и діаконъ облачились во всю священную одежду. Митрополитъ взялъ икону Рождества Христова; прочіе взяли — кто Евангеліе, овые — кресты, иные — иконы; семь діаконъ были съ трикиріями и дикиріями, два діаконъ съ кадьями, и было много подсвѣчниковъ. Впереди понесли двѣнадцать хоругвий и шесть фонарей; и пошли встрѣчать Іерусалимскаго Патріарха, и дошли до внолеемскаго базара; а навстрѣчу намъ шелъ Патріархъ со многими Митрополитами и Архіереями, и съ прочими священными лицами и множествомъ народа. Патріархъ ѣхалъ верхомъ на богато убранномъ конѣ. Велъ коня одинъ явычаръ, богато убранный. Кругомъ Патріарха шли двѣнадцать діаконъ пѣшіе. Позади ѣхали Митрополиты и Архіереи, также на коняхъ. За Владыками

ѣхалъ самъ Паша съ консулами , російскимъ и греческимъ , и съ прочими военачальниками ; впереди же и позади шло турецкое войнство , и было множество всадниковъ арабовъ , которые по странамъ безпрестанно скачутъ , и стрѣляютъ изъ ружей , въ честь Патріарха . Такжеде шло множество народа , впереди и позади ; были всѣ поклонники ; былъ , можно сказать , весь Іерусалимъ и вся Палестина . Стеченіе народа было необыкновенно великое : потому что Патріарха въ Іерусалимѣ не было уже не одно столѣтіе , а всегда Патріархи проживали въ Константинополѣ . Это первый годъ случилось ему быть въ Іерусалимѣ , и пріѣхать въ Вифлеемъ на праздникъ Рождества Христова . Когда Патріархъ подъѣхалъ и слѣзъ съ коня , то надѣли на него мантию ; онъ приложился къ иконѣ Рождества Христова , и шелъ пѣшіи до самаго монастыря , съ пѣніемъ и при безпрестанной пальбѣ . Два діакона безпрестанно его кадили . Взошедши во храмъ , прошелъ прямо въ вертепъ , и приложился къ мѣсту , гдѣ Господь родился , и къ яслямъ , гдѣ положень былъ . Потомъ пакъ взошелъ въ великую церковь , сталъ на своей каѳедрѣ , и началъ *Царскіе часы* . На часахъ стихиры всѣ пѣли нараспѣвъ . Первое Евангеліе читалъ самъ Патріархъ , а прочія Евангелія читали Митрополиты . И былъ весь храмъ увѣшанъ свѣтильниками ; горѣло болѣе тысячи лампадъ разныхъ , серебряныхъ и хрустальныхъ . Послѣ *часовъ* начали вечерню , потомъ Литургію ; послѣ Литургіи всему народу была общая трапеза . Всю ночь полонъ храмъ былъ народа , и горѣли всѣ лампады ; а наипаче вертепъ былъ преисполненъ народомъ .

68. Была тѣснота и духота великая : всѣ шли туда

потому, что тамъ въ тѣ самые часы, когда родился Иисусъ Христосъ, якобы качаются православныхъ лампы, на томъ мѣстѣ, гдѣ родился Господь. Я самъ того не видалъ, и тамъ не былъ: ибо не могъ стерпѣть тѣсноты и духоты; но о томъ отъ самого Митрополита Вилеємскаго Діонисія слышалъ. Онъ сказывалъ такъ: «Я здѣсь много лѣтъ живу, и никогда не случалось мнѣ въ это время быть въ Вертепѣ, и видѣть это чудо, а только слышалъ отъ прочихъ. Но, въ 1843 году, здѣсь былъ поклонникъ, Россійскій Князь С. Онъ меня попросилъ, чтобы съ нимъ сходить въ вертепъ, и посмотрѣть на это чудо. Я пошелъ съ нимъ; мы помолились и посидѣли. Потомъ, вдругъ начали качаться лампы болѣе и болѣе, и я тому много удивлялся. Князь же С. много плакалъ, и прославлялъ Бога. И то было дивно, что качались лампы однихъ православныхъ; а иновѣрныя тутъ-же рядомъ висятъ, но ни одна не пошевелилась. И мнѣ другіе говорили, что никогда такъ не качались сильно и долго; въ другое время — едва только можно замѣтить.» Потомъ еще Митрополитъ намъ сказалъ: «Это чудо Господь показалъ ради Князя С. и ради его благочестивой души: я въ Иерусалимѣ живу болѣе сорока лѣтъ, но такого благочестиваго, смиреннаго и кроткаго поклонника не видалъ. Воистину онъ приходилъ въ Иерусалимъ ради Бога: хотя и великое лицо, но во всемъ подражалъ смиренію Иисуса Христа, и былъ здѣсь яко агнецъ незлобивъ, не отвержая много устъ своихъ, но только своими слезами омывалъ свята мѣста; хотя и молодой человекъ, но разумъ его сѣдинами украшенъ.»

69. Въ четыре часа ночи, т. е. въ десять часовъ

вечера , начали звонить къ утрени , и зажгли всѣ паникадила и свѣщи , и сдѣлался храмъ яко огненный . На утрени мало что читали , а больше пѣли . Когда начали пѣть антифоны , тогда Патріархъ со всѣмъ духовенствомъ , во всемъ полномъ облаченіи , имуще въ рукахъ великія свѣщи , пошелъ въ вертепъ ; и тамъ прочитали Евангеліе , пропѣли псаломъ « Помилуй мя Боже » и стихирю , и были три ектеніи , и была ектенія за Россійскаго Императора , Николая Павловича , и за всю Фамилію Его , какъ бываетъ на литіи . Когда начали пѣть канонъ весь на-распѣвъ , тогда начали и крестный ходъ , кругомъ великой церкви , но не внѣ , а внутри , сквозѣ вертепа , и обошли трижды . Пѣли на два клироса : первый — по-арабски , а второй — по-гречески . И оглашался весь храмъ пѣніемъ . Впереди носили двѣнадцать хоругвий , носили въ стихаряхъ . Передъ каждою хоругвью шелъ мальчикъ въ облаченіи , и несъ подсвѣчникъ со свѣщею ; за хоругвьями шелъ хоръ пѣвчихъ арабскій ; потомъ несли шесть фонарей и шесть рипидъ ; потомъ несли крестъ ; потомъ шли сорокъ діаконовъ и сто священниковъ . За ними шелъ хоръ пѣвчихъ греческій , потомъ — игумены , а послѣ — архимандриты ; и шли всѣ , по-два въ-рядъ , со свѣщами . За архимандритами шли семь діаконовъ съ трикиріями и дикиріями ; за діаконами Митрополиты несли икону Рождества Христова ; передъ нею шли два діакона съ кадилами ; потомъ шли и прочіе Архіереи . За ними шелъ Патріархъ , несъ на главѣ небольшую икону , и поддерживаемъ былъ двумя архимандритами . Впереди два діакона безпрестанно кадили Патріарха . За Патріархомъ несли великую хоругвь , а потомъ шли и

прочіе , и ходили тихо и благообразно. Сіе во всю жизнь мою въ первый разъ Богъ привелъ посмотрѣть. Какъ только кончили крестный ходъ , то одинъ іеромонахъ съ діакономъ въ вертепѣ начали служить раннюю Литургію ; но только весьма трудно было служить , отъ великаго жару и духоты , такъ что служащій не могъ даже и возгласовъ сказывать ; а потъ съ лица его текъ , какъ вода , и діакономъ безпрестанно подавалъ ему платокъ—отирать лице ; также лампы и свѣщи не могли горѣть ; и я всячески старался отстоять Литургію , но не могъ. Когда священникъ причастился , то взяли дары и антиминосъ , икону и одежду съ мѣста , гдѣ родился Господь , и пошли всѣ вверхъ въ придѣлъ Святителя Николая , и тамъ кончили Литургію. А въ вертепѣ заступили мѣсто еретики : даже не дали и приложиться , пока не кончили свое служеніе. Въ великой же церкви утренняя продолжалась восемь часовъ. Послѣ утрени началась и Литургія. Служилъ самъ Патріархъ всѣмъ соборомъ. На Литургіи читали Евангеліе на разныхъ языкахъ , съ перезвонами , какъ бываетъ на Пасху. Три Евангелія читали по-славянски. Была говорена великая проповѣдь. По окончаніи Литургіи пошли всѣ лобызать святое мѣсто , гдѣ родился Господь нашъ Іисусъ Христосъ , и ясли , гдѣ положенъ былъ. Потомъ затворили всѣ врата монастырскія , и только во едины врата стали выпускать народъ ; и каждому давали по единой чашѣ вина и по единому хлѣбу и по полуфунту сыру ; и пошла каждый въ свое мѣсто ; и каждый воздавалъ благодареніе Господу Богу , Іисусу Христу , яко сподобилъ торжествовать пресвѣтлый праздникъ , плотскаго Его рождества , во св. градѣ

Внолеемѣ Іудействѣмъ , въ самомъ томъ Божественномъ вертепѣ , на самомъ томъ мѣстѣ , гдѣ Онъ совершилъ таинство , нашего ради спасенія . И была въ Внолеемѣ великая ярмарка . Мы же пошли скоро въ Іерусалимъ : потому что намъ уже очень непріятны стали тѣснота и шумъ народа .

70. Въ Іерусалимѣ подѣ Новый Годъ пошли ночевать ко гробу Божію . Ночевалъ тамъ и Архіерей , и служилъ утреню торжественно . Послѣ утрени былъ небольшой крестный ходъ : Архіерей носилъ на главѣ мощи—десную руку св. Василія Великаго , и пошли , изъ великаго алтаря , прямо ко гробу Божію , и обошли его кругомъ дважды ; потомъ — на-десное , ко Снятію , и обошли его кругомъ единожды ; потомъ пошли обратно въ Воскресенскую церковь , и паки въ алтарь . Было въ ходу четыре діакона , четыре іеромонаха и два игумена , и единъ Архіерей ; у всего народа были въ рукахъ свѣщи . И ходили весьма тихо и благочинно , съ пѣніемъ . Потомъ на Христовомъ гробѣ служилъ Архіерей раннюю Литургію .

71. Дождались праздника и великаго торжества — св. Богоявленія . Украсили Божій гробъ и кувуклію , и весь храмъ , иконами и лампадами , подобно какъ въ день Святителя Николая . Къ утрени приходилъ Патріархъ ; и продолжалась утренняя шесть часовъ . Послѣ утрени было освященіе воды . Потомъ служилъ Патріархъ Литургію соборомъ , на самомъ Божіемъ гробѣ ; но крестнаго ходу не было . А въ навечеріи св. Богоявленія была вечерня и Литургія Василія Великаго , и водоосвященіе по всѣмъ монастырямъ . Соборъ Іоанна Крестителя праздновали въ его монастырѣ . Января 18-го , свят. Кирилла , Патріарха

Александрійскаго, праздновали въ Патріаршей. Послѣ Литургіи было всѣмъ поклонникамъ угощеніе: потому что было тезоименитство святѣйшаго Патріарха Іерусалимскаго, Кирилла. Срѣтеніе Господне праздновали въ монастырѣ Малой Панагіи. Дождавшись св. Великаго поста, первую седмицу проводили каждый въ своемъ монастырѣ. Подъ субботу ночевали въ храмѣ у Божія гроба. Въ субботу на Литургіи причастились Святыхъ Тѣла и Крови Христовой. Въ тотъ день было торжество и въ Θεодоровскомъ монастырѣ.

72. Подъ *Недѣлю Православія*, паки украсили Христовъ гробъ и кувуклію иконами и множествомъ лампадъ, и весь храмъ. Предъ вечернею пришло турецкое воинство, пятьдесятъ человекъ къ православнымъ, и пятьдесятъ человекъ къ армянамъ. Потомъ сошлись въ великій алтарь діаконы и священники, игумены и архимандриты; и всѣ, облачившись, пошли встрѣчать Патріарха, подобно какъ и на день Святителя Николая. Вечерня была торжественная: зажигали всѣ паникадла и свѣщи, и была литія и благословеніе хлѣбовъ. Послѣ вечерни, паки Патріарха проводили въ патріархію. Народъ же и воинство остался въ храмѣ почевать. Въ тотъ вечеръ было торжество и у армянъ. Всю ночь горѣло въ храмѣ болѣе тысячи лампадъ, и была въ храмѣ великая радость. Божій гробъ былъ какъ огненный фонарь: ибо и армяне свою часть украсили. До самой утрени продолжалось частное служеніе: кто гдѣ хотѣлъ, тамъ и пѣлъ. По храму стояли часовые войны, чтобы не случилось какого безпорядка. Въ двѣнадцатомъ часу ночи, а по-палестински — въ шестомъ часу, отворили великія

св. врата церковныя , пришелъ Патріархъ , и была утренняя торжественная . Послѣ утрени , Митрополитъ Севастійскій служилъ раннюю Литургію на Божіемъ гробѣ ; потомъ , по обычаю , служили христіане другихъ исповѣданій . На разсвѣтѣ Патріархъ съ Владыками началъ Литургію въ Воскресенской церкви . Мы , монашествующіе , стояли всѣ въ алтарѣ . Продолжалась Литургія пять часовъ : читали три Апостола и три Евангелія , прежде по-гречески , потомъ по-арабски , а послѣ по-славянски . Служили съ Патріархомъ четыре Митрополита , два Архіепископа ; архимандритовъ , игуменовъ , священниковъ и діаконовъ , человекъ до пятидесяти . Была на Литургіи великая проповѣдь о томъ , какъ надобно блюстись ересей , такожде и еретиковъ .

73. Послѣ Литургіи съ крестнымъ ходомъ ходили изъ алтаря въ царскія врата , и было двѣсти человекъ турецкаго воинства , съ самимъ пашею , которое расчищало путь , гдѣ идти крестному ходу . Впередъ шелъ паша съ двѣнадцатыю янычарами ; потомъ несли двѣнадцать хоругвій , въ стихаряхъ ; передъ всякою хоругвію шелъ мальчикъ въ облаченіи , и несъ по подсвѣчнику со свѣщею возженною ; потомъ несли запрестольный великій крестъ ; потомъ несли иподіаконы рипиды и патріаршіи жезлы . Потомъ шелъ хоръ пѣвчихъ на арабскомъ языкѣ ; потомъ шли діаконы по-два въ-рядъ : каждый несъ въ одной рукѣ икону , а въ другой великую свѣщу . Потомъ шли священники по-два въ-рядъ : каждый несъ икону и свѣщу ; за ними шли игумены и архимандриты по-два въ-рядъ , несли ковчеги со св. мощами ; за ними шелъ второй хоръ пѣвчихъ на греческомъ языкѣ . Потомъ шли семь діаконовъ съ трикиріями и дикиріями .

За ними шли Епископы, Архіепископы и Митрополиты: овые несли Евангелія, овые — иконы. Предъ всякимъ шелъ мальчикъ въ стихарѣ съ подсвѣчникомъ. За ними шелъ самъ Патріархъ, несъ на главѣ небольшую икону Спасителя; передъ нимъ два діакона съ кадилами, и безпрестанно его кадили. За Патріархомъ несли великую хоругвь съ изображеніемъ Воскресенія Христова. Всего было сорокъ діаконовъ и болѣе ста священниковъ, шесть игуменовъ, восемь архимандритовъ, шесть Архіереевъ, седьмой — Патріархъ. Пошли изъ алтаря прямо ко гробу Христову, и обошли его кругомъ дважды; потомъ пошли къ Снятію, и оттуда — коридоромъ кругомъ Воскресенской церкви, и обошли единожды, и пришли пакы ко гробу Божию, и стали съ хоругвями кругомъ гроба, и проѣли «*трисвятное.*» Духовенство стояло у дверей гроба; самъ Патріархъ прочталъ Евангеліе; и были великія ектеніи, которыя бываютъ на лѣтніи, потомъ отпущкъ; самъ Патріархъ раздавалъ антидоръ. Во время крестнаго хода, на всѣхъ святыхъ мѣстахъ, христіане всѣхъ исповѣданій зажигали всѣ свои свѣщи: ибо всѣ православную вѣру уважаютъ. Ходили очень тихо и благообразно; продолжался крестный ходъ полтора часа; проѣли канонъ, стихиры и великое славословіе. Воистинну, едина есть Св. Соборная Апостольская Христова Церковь, собранная отъ разныхъ странъ, изъ разныхъ родовъ и языковъ, едина вѣра православныхъ христіанъ, сохраненная отъ св. Апостоля и отъ святыхъ древнихъ Отецъ, святыхъ седми Вселенскихъ Соборовъ! Прочія же вѣры не суть вѣры, но—ереси, раздоры и суевѣріе, какъ видно изъ ихъ обрядовъ и обычаевъ: потому

что ни единая изъ нихъ не имѣтъ ни правильнаго разумѣнія о св. седми Тайнахъ, ни девяти чиновъ священныхъ, ни Литургій Василя Великаго и Юанна Златоустаго, иже Преждеосвященныя; но все дѣлають по своему неправому умствованію. Воистинну, достоинъ нарещися градъ Іерусалимъ святымъ градомъ, ибо только въ немъ можно видѣть полное благолѣпіе церковное и всѣ полныя церковныя чины и обряды; но и то не всѣ могутъ видѣть, а только тѣ, которые могутъ понимать и различать добро отъ зла, безъ всякаго пристрастія.

74. Дождавшись третьей недѣли великаго поста, *крестопоклоной*, паки украсили Божій гробъ и кувуклію и весь храмъ иконами и лампадами. А наипаче украшена была св. гора Голгоѳа. Вечеромъ была встрѣча Патріарху и вся церемонія — какъ и на Святителя Христова Николая: была литія и благословеніе хлѣбовъ; но послѣ вечерни паки Патріарха проводили въ патріархію; а остались почевать въ храмѣ два Митрополита. На горѣ Голгоѳѣ горѣло до шести сотъ лампадъ всю ночь. Утреню служили въ Воскресенскомъ храмѣ; на великомъ славословіи, со свѣщами и съ рипдами, Митрополиты выносили крестъ — изъ самаго честнаго древа: крестъ очень порядочный. Когда вынесли и вокругъ аналоя обошли трижды, тогда положили, и было поклоненіе по уставу. Потомъ всѣ подходили и лобызали, только съ великою осторожностію и опасеніемъ. Не знаю, чего боялись: еретиковъ ли, или арабовъ, или турковъ; и скоро убрали. Этотъ крестъ я сподобился видѣть только единожды. Послѣ утрени, на Божіемъ гробѣ служилъ

Литургію Митрополитъ съ двумя діаконами и четырьмя священниками; только кончили здѣсь, какъ начали Литургію на Голгоѣ. Служилъ Митрополитъ въ Иерусалимѣ, въ Иорданскій, Мелетій, и служилъ всю Литургію по русски. На разсвѣтъ пришелъ Патріархъ, и служилъ Литургію въ Воскресенскомъ храмѣ съ четырьмя Архіереями, во всемъ подобно, какъ и въ первую недѣлю поста. Послѣ Литургіи такожде былъ крестный ходъ: только вмѣсто иконъ несли кресты, и самъ Патріархъ несъ на главѣ крестъ самаго честнаго древа, богато-убранный златомъ и каменіемъ еще Царицею Еленою; и все совершали какъ и въ первую недѣлю.

75. Проводивши сей праздникъ, мы вознамѣрились посѣтить св. градъ Назаретъ, св. гору Фаворскую и всю страну Галилейскую. Хотя и всю зиму просили Патріарха и русскаго консула, чтобы дали намъ провожатыхъ; но они намъ отказывали за неудобствомъ времени, по случаю междоусобныхъ браней; и мы, опасаясь того, что, бывши въ Иерусалимѣ, не посѣтимъ того мѣста, гдѣ былъ нашему спасенію начатокъ, и положившись на милость Божию и на предстательство Божія Матери, сами собою собравшись, овые наняли коней, овые ословъ, овые магарчиковъ, овые во имя Господне пѣшіе, изъ числа которыхъ былъ и я, потому что не имѣлъ ни сребра, ни злата, ни при поясѣ мѣди. Въ понедѣльникъ, на четвертой недѣлѣ Поста, отправились въ путь безъ провожатыхъ, и выѣхали изъ Иерусалима въ Дамасскія врата, и пошли на сѣверъ, когда была уже ночь; а шли по одному камню, земли отнюдь нѣтъ: пѣшимъ было не безъ труда. Отошли отъ Иерусалима четыре часа, т. е. двадцать верстъ, нашли болото; и тамъ на полѣ по-

чевали. По-утру встали, и шли по каменистымъ крутымъ горамъ между садовыми древами; древа — наиболѣе маслячныя и смоковныя, подобно лѣсамъ. Хотя повсюду камень на камени, но деревья между камней имѣють корни, и растутъ прекрасно: все воздѣлано руками человѣческими: ибо по обѣимъ странамъ много арабскихъ селеній, на мѣстѣ прежнихъ еврейскихъ. Сѣла подобны городамъ; всѣ дома подѣланы изъ тесаннаго благаго камня, очень велики; но верхніе этажи болѣе разрушены, и арабы больше живутъ въ подвалахъ. Видится, что они прежде были христіане. Видны и до-днесь разрушенныя христіанскія церкви. Нынѣ же арабы — больше магометане. Около полудня пришли на источникъ воды, и тамъ отдыхали, обѣдали; и паки пошли въ путь. Отошли три часа, и паки пришли на источникъ, паки отдыхали, и паки пошли; уже близко сталъ вечеръ, и мы, пѣшіе, уже приустали. Мѣста же и горы стали повеселѣе: стали появляться широкія раздолья, поля засѣянныя, и камни стало поменьше; начали арабы попадаться съ базару. Былъ недалеко градъ *Самарія*; но мы его еще не видѣли, потому что стоитъ между горъ. Приѣхали къ источнику воды; извозчики остановились ночевать, и мы, пѣшіе, также; до Самаріи оставалось только три версты. Недалеко, съ полверсты, былъ колодезь *Іаковль*, при которомъ бесѣдовалъ *Іисусъ Христосъ* съ женою самарянынею. По-утру воставши, пришли въ Самарію, купили себѣ что нужно, и скоро вышли, и пошли по пути, ведущему на *Севастію*. Отошли отъ Самаріи верстъ пятнадцать, и вошли въ селеніе; и тамъ большой источникъ текучей воды, и трава зеленая, и разныя садовыя древа;

и мы здѣсь остановились и побѣдали. Лучше этой воды во всей Палестинѣ не видалъ.

76. Отошли версть десять, увидѣли въ лѣвой рукѣ селеніе, и въ немъ великое зданіе, и мы въ него поворотили. Это была самая *Севастія*. Мы пришли прямо къ монастырю, который почти весь разоренъ, только остался стѣны церковныя и алтарь. А гдѣ была темница, въ которой отсѣкли главу Іоанна Крестителя, тамъ сдѣлана турецкая мечеть, и насъ тогда въ нее не пустили. Она стоитъ въ глубокой ямѣ, выкладенной камнемъ; посреди сдѣлана темница; а послѣ она была вмѣщена внутри церкви въ притворѣ; и мы помолились въ алтарѣ, гдѣ прежде приносилась безкровная жертва, подлѣ того мѣста, гдѣ св. Іоаннъ Креститель принялъ мечную кончину отъ скверныя жены плясавицы и отъ безбожнаго царя Ирода. Посмотрѣли на разваленный дворецъ Иродовъ, гдѣ былъ незаконный пиръ. Потомъ паки пошли въ путь. Отошли версть десять, и пришли на траву зеленую, и тамъ нѣсколько уснули. Воды здѣсь нѣтъ: хотя и есть колодезь, но достать воды нечѣмъ; да въ немъ и воды очень мало, и та отъ дождей собирается. Пошли далѣе: уже камня совсѣмъ не стало, и горы стали отлогія, и мы прошли нѣсколько селеній.

77. Потомъ взошли на гору, и тамъ всѣ поклонники остановились у единого древа. А дерево—то самое, подѣ которымъ спалъ Іаковъ, и видѣмъ во снѣ лѣствицу, утвержденну отъ земли до небеси, и Ангели Господни восхождаху и нисхождаху по ней, и Господь на ней утверждашеся. Онъ же сказалъ: «нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.» Быт. 28, 17. Не только христіане къ нему имѣютъ ува-

женіе, но и магометане и евреи. Всѣ сучки дерева и вѣтви обвязаны разными лентами и завязками. А древо, отъ древности, естество свое утратило, и не можно познать, какое оно было, ибо совсѣмъ одинадо; стоитъ кудряво и зелено, не очень толсто и не высоко. Потомъ мы пошли подъ гору, и минули едино селеніе, и пакы пошли на гору, и пакы въ долину; уже день сталъ къ вечеру.

78. Пришли во градъ *Наинъ*, гдѣ Господь воскресилъ сына вдовицы. Мы остановились внѣ града, и тамъ на травѣ расположились ночевать; пошли въ городъ на базаръ, и купили себѣ хлѣба, и кому что потребно. По край города—фонтанъ воды, очень великій и прекрасный. Когда стало смеркаться, — пришелъ къ намъ градоначальникъ, и сказалъ намъ, что здѣсь страна дикая, и ночевать на полѣ опасно; и предлагалъ, чтобы мы лучше пошли на ханъ, т. е. на гостиницу: тогда бы и намъ и ему не было страха. Мы его послушали, пошли и ночевали на хану. Христіанъ въ городѣ нѣтъ. По-утру воставши, мы пошли по ровному полю, засѣянному хлѣбами: земля вся—добрая, камня отнюдь нѣтъ, и поле столько ровно, что на сорокъ верстъ нѣтъ ни горы ни долины. Это поперегъ отъ града *Наина* до горъ *Назаретскихъ*, а въ длину отъ самаго Средиземнаго моря до рѣки *Иордана*; только въ правой рукѣ къ *Иордану* стоятъ двѣ горы. Посреди долины стоитъ гора *Ермонъ*. Мало поближе къ горамъ *Назаретскимъ* стоитъ св. гора *Фаворская*. Обѣ горы стоятъ сами по себѣ, къ другимъ горамъ не прикосновенны. *Ермонъ* вершину имѣетъ острую; *Фаворъ* же имѣетъ вершину плоскоокатистую, на-подобіе купола, покрытую не-

большимъ лѣсомъ. Мы пришли на половину долины, почти напротивъ Ермона, и нашли болото, и стали отдыхать; поѣли хлѣба, и паки пошли.

79. Уже близко вечера подошли къ горѣ великой, крутой и каменистой. На этой горѣ стоитъ градъ *Назаретъ*. Показывали намъ мѣсто, куда привели Иисуса, да Его низвергнуть; Онъ же, прошедъ посреди ихъ, былъ невидимъ. Мы пошли на гору съ великимъ трудомъ. Когда взошли на верхъ, — увидѣли поля, засѣянные хлѣбами, сады и лѣса; но еще не видѣли искомаго нами Назарета. Шли еще половину часа: тогда открылся намъ славный градъ Назаретъ. Воистинну, славный и преславный св. градъ Назаретъ! Въ него съ небесныхъ круговъ посланъ былъ Архангелъ Гавріилъ—благовѣстити Дѣвѣ зачатіе. Въ немъ возросъ и воспитался самъ Спаситель всего міра, Иисусъ Христосъ. — Стоитъ Назаретъ на прекрасномъ мѣстѣ, на открытомъ воздухѣ, на скатѣ къ полудню. Мы прошли мимо града прямо въ православную церковь, которая стоитъ внѣ града, на источникѣ, откуда Божія Матерь носила на Своихъ плечахъ воду. И до-днесъ всего Назарета жены оттуда носятъ воду, овыя на головахъ, овыя на плечахъ, кувшинами. Отперли намъ церковь, и разослали намъ рогозины, и мы расположились. Потомъ пошли въ градъ, каждый за своею потребою; и пришедши начали вечерню. Потомъ каждый по своей силѣ сдѣлалъ пожертвованіе. Потомъ пропѣли Божіей Матери аканѣистъ съ канѣомъ. Церковь очень прекрасная и великая: три престола въ-рядѣ, иконостасъ деревянный—высокой рѣзьбы, только не вызлащенный; иконъ очень довольно, всѣ — высокой греческой работы; и

много лампадъ. На лѣвой сторонѣ есть небольшой придѣлъ, и въ немъ, въ алтарѣ, источникъ Божія Матери. Въ великой церкви къ задней стѣнѣ сдѣлана перегородка для женъ. Назаретская же церковь бѣдна; ибо содержать ее только сами обыватели, а постороннихъ доходовъ нѣтъ; православныхъ поклонниковъ въ Назаретѣ очесъ мало бываетъ, потому что отъ Иерусалима далеко, и путь труденъ; а мѣста свята — больше въ рукахъ франковъ; только и посѣщаютъ русскіе, и то рѣдко. Сказывали намъ, что уже четыре года и русскіе не бывали, потому что Консулъ не пускаетъ; а прочіе роды отнюдь не ходятъ. Русскіе каждый годъ ходили бы, да не пускаютъ; и мы уже самовольно пустились, и то немного насъ. На другой день поутру служили арабы утрению и Литургію. Напившись воды отъ источника Божія Матери, пошли въ Назаретъ, въ *домъ Іосифа* обручника, и приложились къ святымъ мѣстамъ: къ первому — гдѣ стояла пречистая Дѣва Марія во время Благовѣщенія, ко второму мѣсту — гдѣ стоялъ Архангелъ Гавріилъ. Мы спросили франковъ: не позволяютъ ли намъ что пропѣть? Они дали намъ волю. Мы воспѣли: «Днесь спасенія нашего главзна, и еже отъ вѣка таинства явленіе: Сынъ Божій Сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріилъ благодать благовѣствуетъ. Тѣмже и мы съ нимъ Богородицѣ возопимъ: радуйся, Благодатная, Господь съ тобою!» Потомъ: «Повелѣнное тайно, приѣмъ въ разумъ, въ кровъ Іосифовъ тцаніемъ предста Безплотный, глаголя Неискусобрачній: приклонивый схожденіемъ небеса, вмѣщается неизмѣнно весь въ Тя. Егоже и видя въ ложеснахъ Твоихъ, приѣмша рабій зракъ, ужасаюся звати Тебѣ: радуйся Цевѣсто не-

невѣстная!» — тропарь акаѳиста. Потомъ — кондакъ:
 « Взбранной воеводѣ побѣдительная, яко избавльшеся
 отъ злыхъ , благодарственная восписуемъ Ти раби
 Твои Богородице. Но яко имущая державу непобѣ-
 димую , отъ всякихъ насъ бѣдь свободи , да зовемъ
 Ти: радуйся Невѣсто ненеувѣстная »!

Надъ этимъ мѣстомъ сдѣланъ престолъ ; позади
 престола есть дверь ; внутри показываютъ и прочія
 комнаты дома Юсифова ; тамъ есть кухня—гдѣ Божія
 Матерь готовила пищу. Еще есть комната—гдѣ была
 колыбель Иисуса Христа. Но всѣ сія комнаты отъ
 времени обветшали , и ихъ , видится, никогда не по-
 правляли ; а сдѣланъ весь домъ изъ дикаго камня,
 и стоитъ среди великой и прекрасной церкви. По-
 верхъ дома сдѣланъ главный престолъ, и стоятъ тамъ
 два великіе органа : каждый изъ нихъ несравненно
 больше іерусалимскаго ; потому что здѣсь полная во-
 ля франкская. Въ Юсифовъ домъ сходятъ внизъ по
 ступенямъ ; а къ великому престолу восходятъ по
 лѣстницамъ. Верхъ расписанъ стѣннымъ писаніемъ.
 Надъ домомъ Юсифовымъ написано — какъ Богъ
 отецъ Гавріилу Архангелу открываетъ совѣтъ Свой
 превѣчный , и посылаетъ Его во градъ Назаретъ
 благовѣстити Дѣвѣ Маріи зачатіе Спасителя. Франки
 начали играть въ органы, а мы пошли вонъ. Потомъ
 пошли въ мастерскую Юсифа древодѣля: тамъ неболь-
 шая церковь. Потомъ пошли въ домъ , гдѣ Христось
 обѣдывалъ съ учениками Своими : и до-днесъ цѣль
 тотъ камень , на которомъ Онъ трапезовалъ. Пошли
 въ синагогу, гдѣ Христось въ юности училъ жидовъ.
 Всѣми этими мѣстами завѣдываютъ франки. Градъ
 Назаретъ—порядочный по постройкамъ и по базарамъ;

жители все—христиане разныхъ исповѣданій : православные, католики и униаты. Народъ арабы—весьма услужливы и уважительны.

80. Вкусивши хлѣба и довольно подкрѣпившись, отправились въ путь на *Тиверіадское море*, до котораго ходу 8 часовъ, т. е. 40 верстъ. Отошли 10 верстъ, и пришли въ селенію — *Кану Галилейскую*. Взошли въ домъ, гдѣ былъ Господь Иисусъ Христосъ на бракъ, и воду въ вино претворилъ: въ томъ домѣ сдѣлана церковь, и сохраняется единъ отъ тѣхъ соудовъ; живетъ при ней священникъ православный. Церковь весьма бѣдна. Жители въ селѣ все—христиане, православнаго исповѣданія. Отсюда мы пошли ровными полями: такія растутъ травы, что и коней не видать. Прошли мимо того мѣста, о которомъ писано въ Евангеліи: *ста Иисусъ на мѣсть равль: и народъ ученикъ Его, и множество много людей*. Лук. 6, 17.

81. Подъ вечеръ увидѣли *Тиверіадское море*, и пришли на мѣсто, гдѣ Господь пятыю хлѣбами пять тысячъ народа насытилъ. Поклонились тому камню, гдѣ сидѣлъ Иисусъ Христосъ, когда благословлялъ хлѣбы: камень самородный, и на немъ высѣчены кресты, ради вѣчной памяти, дабы событію не пришло въ забвеніе впредь будущимъ родамъ. Это мѣсто отъ Тиверіады одинъ часъ ходу.

82. Пошли въ городъ *Тиверіаду*; но пришли поздно, и насъ не пустили. Мы пришли прямо на *горячія воды*, которыя пониже города версты двѣ, и тамъ ночевали. Поутру, въ день недѣльный, пошли въ Тиверіаду,—нѣкоторые называютъ и Внесандой, — отечество св. Апост. Петра. Мы купили хлѣба, а нѣ-

которые купили и рыбы; потому что Тиверіадское море рыбой изобильно. На базарѣ было рыбы много. Жители во градѣ большіе жидаы. Есть немного и христіанъ, но римскаго исповѣданія. Есть и церковь, но униатская. Градѣ Тиверіада былъ порядочный прежде, и была кругомъ великая каменная крѣпость, но нынѣ вся почти разрушилась, и не осталось почти камня на камень, и жителей во градѣ очень мало: въ 1838 году ихъ земля пожрала со всѣми домами. Такое было землетрясеніе, что земля какъ море колебалась, и всѣхъ почти засыпала. А въ городѣ было тогда собравшихся жидовъ до сорока тысячъ. Пропустили повсюду молву, якобы пришелъ Мессія, и является въ Тиверіадѣ: чрезъ то тамъ собралось жидовъ множество изъ разныхъ странъ; наѣхали, радовались и хвалились, что пришелъ ими ожидаемый Мессія. Христіане же испугались, думая, не антихристъ ли пришелъ? Но когда жидаы собрались, — Господь ихъ наказалъ, и всѣ почти пропали: отъ землетрясенія самая малая часть спаслась, — они сами о томъ намъ рассказывали; они знаютъ по-русски, ибо пришли изъ Польши и изъ Молдавіи. Какъ на развалинахъ начали строить дома и шалаши: но, о чудесе! гдѣ какое было зданіе или школа жидовская, — и знаку не осталось; только изъ земли показываются нѣкоторыя колонны. Петровъ же домъ и донынѣ остался цѣлъ: зданіе небольшое, и столько годовъ не разрушимъ! Нынѣ стоитъ пустъ. Стояннѣ, исполнились Господни словеса: «горе тебѣ, Внесаидо! горе тебѣ, Хоразинне!»

Пониже. Внесаиды, недалеко, былъ славный Хоразинъ: но нынѣ только мѣсто примѣтно; однѣ развалины, да колонны мраморныя изъ земли торчатъ;

неизвѣстно—сколько прошло лѣтъ , какъ его пожрала земля. Только сказывалъ намъ одинъ старый еврей (и самъ головой качалъ) о величинѣ града и о красотѣ его , что было въ немъ двѣнадцать синагогъ еврейскихъ великихъ , но всѣ пожрала земля ; и показывалъ намъ тѣ мѣста ; до-нынѣ видны изъ земли мраморныя колонны. Славный же *Капернаумъ* , вознесыйся до небесъ , нынѣ уже сошелъ до ада ; мы сами къ нему не ходили , но намъ евреи сказывали , что мало есть и знаку — гдѣ былъ градъ : тоже весь земля пожрала. Эти города стояли по берегу Тиверіадскаго моря. Красота мѣстоположенія удивительная ; всякое преизобиліе , такое—что мало гдѣ по свѣту съищешь : рыбы и лѣсу множество , земля способная къ хлѣбопашеству и садоводству ; но когда люди прогнѣвали Господа Бога своего , то все мѣсто лежитъ пусто , покрыто одною травой.

Пришедши изъ Тиверіады съ базару , пообѣдали , и въ горячихъ водахъ попарились , и въ Тиверіадскомъ морѣ выкупались. Воды горячія текутъ изъ земли большими ручьями по берегу , сажень на сто ; вода столь горяча , что никакъ не можетъ коснуться рука человѣческая , почти кипитъ , и весьма соленая , подобна морской. Тутъ есть родники и холодной воды , есть и ванна , сдѣланная ради купанья : берутъ по десяти коп. съ человѣка.

83. Въ Тиверіадскомъ морѣ вода чистая , сладкая и пріятная ; кругомъ моря стоятъ горы. Но оно нѣсть море , а великое озеро ,—ибо берега кругомъ видно ,—не круглое , а продолговатое. Въ немъ св. Апостолы рыбу ловили , и освящено оно самимъ Спасителемъ , Иисусомъ Христомъ : ибо Онъ самъ многожды по не-

му плавалъ въ кораблѣ. Изъ Тиверіадскаго моря исходитъ освященная рѣка Іорданъ , и впадаетъ въ Мертвое море. Но сколько оно велико въ округности, — того объяснить не могу , потому что кругомъ его не ходилъ. На берега изъ Тиверіадскаго моря много выносятъ маленькихъ ракушекъ , которыхъ всегда набираютъ поклонники , для памяти и благословенія. И я набралъ немного , да буду помнить , что былъ на морѣ Тиверіадскомъ.

Того-же дня мы отправились въ путь , но уже другою дорогою , прямо на Фаворскую гору. Когда поднялись отъ моря , то недалеко , въ лѣвой рукѣ , осталась гора *Блаженствъ* ; но мы на нее не заходили , а поспѣшали , чтобы ночевать на горѣ Фаворской ; однако запоздали , и не могли взойти на верхъ , а ночевали въ полугорѣ , на зеленой травѣ : былъ небольшой лѣсъ , и мы расклали большіе огни , и спали спокойно.

84. Поутру , вставши , оставили на томъ мѣстѣ коней съ извозчиками и сумки свои , и поспѣшали взойти на св. гору Фаворскую , насладиться ея красоты ; шли не дорогой , а кто какъ попало. И какъ стало солнце всходить , мы взошли на гору , и нашли то самое мѣсто , гдѣ преобразился Господь нашъ Иисусъ Христосъ предъ ученики Своими. Мы отъ радости много плакали , и запѣли тропарь : « Преобразился еси на горѣ , Христе Боже , показавый ученикомъ Твоимъ славу Твою , якоже можаху . Да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный , молитвами Богородицы . Свѣтодавче , Слава тебѣ ! » Потомъ пропѣли кондакъ : « На горѣ преобразился еси , и якоже вѣщяху ученицы Твои , славу Твою , Христе Боже ,

впдѣша : да егда Ты узрять распинаема , страданіе убо уразумѣють вольное, мірови же проповѣдять, яко Ты еси воистинну Отчее Сіяніе.» Потомъ прочитали акаѳистъ Иисусу Сладчайшему. Прежде на семъ мѣстѣ была великая церковь ; а гдѣ Господь стоялъ, былъ алтарь, и стоялъ престолъ ; нынѣ только осталось осцованіе. Мѣсто—прекрасное; гора стоитъ яко свѣща на свѣщникѣ. На востокъ, до самага Іордана, прекрасное широкое раздолье, покрыто зелеными травами ; видны рѣка Іорданъ и за-іорданскія горы. На югъ тоже—широкая долина, до самыхъ горъ Самарійскихъ. Посреди раздолья стоятъ гора Ермонъ. Къ югозападу простирается широкое раздолье, до самага Средиземнаго моря и до горы Кармила ; къ западу—раздолье до горъ Назаретскихъ; къ сѣверу — раздолье до самага моря Тиверіадскаго: видно и море Тиверіадское ; за моремъ видны высокія горы, покрытыя снѣгами. Овые говорятъ, что это горы Ливанскія, а другіе утверждаютъ, что Ермонитскія. На горѣ Оаворской — мѣсто пространное, и довольно земли удобной и мягкой ; и видится по постройкѣ, что много было монастырей. Были и огороды и великія систерны, т. е. широкіе колодези дождевой воды; и много есть пещеръ, такихъ, — что можно въ нихъ жить. Гора покрыта вся лѣсомъ, но небольшимъ. Воистинну, сія гора отъ начала міра на то сотворена, чтобъ совершить на ней Господу нашему такое таинство, открыть на ней Свое Божество, и показать славу Свою всему міру. И Давидъ Пророкъ въ радости и веселіи воспѣваетъ: « Оаворъ и Ермонъ о имени Твоемъ возрадуется.» Нынѣ же св. гора Оаворская стоитъ пуста и необитаема. Отъ подошвы

до верха одинъ часъ ходу , т. е. пять верстѣ. Мы поклонились св. мѣсту , полюбовались на св. гору Фаворскую , поѣли хлѣба и попили воды , и пошли внизъ къ своимъ сумкамъ. Потомъ отправились въ путь , и у самой подошвы Фавора прошли мимо *селенія Деворы* ; а ночевать пришли во градъ Навнъ , и ночевали внѣ града на травѣ ; но только всю ночь безпокоили насъ арабы.

85. Поутру , воставши , къ вечеру пришли во градъ *Самарю* , и вошли прямо въ христіанскую церковь. И дали намъ комнаты для отдыха. Мы ходили на базаръ , и прохаживались по всему граду. Градъ великъ и прекрасенъ , и торговля порядочная : второй градъ по Иерусалимѣ ; народъ пригожоватъ на лицо , но весьма грубъ. Показывали намъ садъ *Навуоеевъ* , за который Пророкъ Илія обличалъ Царя Ахава и Царицу Іезавель. Въ семъ градѣ была столица Царей Израильскихъ ; въ семъ градѣ былъ Симошъ волхвъ. Градъ Самарія презобиленъ водою : почти въ каждый домъ проведена вода , и подѣланы фонтаны. Улицы во градъ хотя узкія , но прямыя ; христіанъ во градъ немного , но церковь прекрасная , и много гостиницъ ; а христіане—весьма обходительные , хотя и одного рола съ прочими жителями , но другаго свойства : живутъ яко овцы посреде волковъ. Противъ Самаріи , на сѣверъ , на горѣ , есть небольшой монастырь : нынѣ стоятъ пустъ. Сказываютъ , что тѣло Іоанна Предтечи туда принесено изъ Севастіи , и тамъ погребено ; но мы туда не ходили.

86. По-утру , воставши , пошли въ путь , и два араба , христіане , пошли насъ провожать. И привели насъ на тотъ колодезь — гдѣ Іисусъ Христосъ бесѣ-

довалъ съ женою самарянынею. Колодезь есть : по турки почти весь сверху завалили ; а воды въ немъ много, и достать можно малою посудиною ; и вокругъ него много развалинъ : должно быть , прежде былъ монастырь. На западъ отъ колодезя, на горѣ, былъ самарянскій градъ *Сихарь*, откуда жена пришла черпать воду. Нынѣ градъ Сихарь разрушенъ : только видны нѣкоторыя развалины , и стоитъ одна башня ; такъ сказывали намъ провожатые наши самаряне. Апостолы ходили покупать хлѣба въ самую Самарію. Нынѣ Самарія называется Наплузъ. Самарійская долина поперегъ пересѣкла горы отъ Иордана до Средиземнаго моря ; долина — богатая : частыя по ней селенія, много садовъ и водяныхъ мельницъ. Потомъ мы пошли въ путь, и зашли ночевать въ сторону, въ христіанское село , и спали въ церкви : церковь — великая, весьма древняя, но весьма бѣдная. На другой день, къ обѣду, пришли въ Иерусалимъ, радуясь и веселясь , что благополучно спутешествовали. А возвратились мы во св. градъ чрезъ девять дней, на пятой недѣлѣ , въ четвертокъ. На пятой недѣлѣ, въ субботу, на Похвалу Пресвятыя Богородицы, было великое торжество въ Геосиманіи , на гробѣ Пресвятыя Богородицы. Утреню и Литургію служилъ самъ Патріархъ , соборомъ. Весь храмъ украшенъ былъ лампадами ; весь гробъ Божія Матери обставленъ былъ множествомъ свѣчей благо воску. Такое было торжество, что лучше и сдѣлать почти невозможно. Но намъ сказывали живущія въ Иерусалимѣ русскія монахини , что на праздникъ Успенія Божія Матери несравненно болѣе бываетъ торжество, ибо и тогда бываетъ великое стеченіе народа, а наипаче палестинскихъ

жителей. Поютъ Божіей Матери погребеніе, и носятъ плащаницу, — какъ носятъ въ Великую Субботу. Видѣлъ я и плащаницу, которая сохраняется на геесиманскомъ подворьѣ. Такое-же въ Геесиманіи было торжество и на праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы: тоже служилъ Патріархъ, соборомъ.

87. Пришедши изъ Геесиманіи отъ Литургіи, на Благовѣщеніе, и пообедавши, пошли за Давидовы врата для прогулки; и случилось тамъ близъ вратъ такое происшествіе: « Одинъ молодой арабъ застрѣлилъ изъ ружья молодаго христіанина, поклонника, родомъ болгарина, одной вдовицы единокровнаго сына, осьмнадцатилѣтняго. Были двѣ вдовицы — родныхъ братьевъ жены: у каждой осталось по малолѣтнему сыну. Матери ихъ вскормили и выростили, и обучили ихъ золотыхъ дѣлъ мастерству, и обручили имъ невѣсть; но они, какъ благоразумные юноши, захотѣли прежде брака сходить во св. градъ Іерусалимъ, въ дѣвствѣ своемъ и въ тѣлесной чистотѣ поклониться живоносному гробу своего Спасителя, Іисуса Христа, и прочимъ св. мѣстамъ. Матери отъ нихъ не отстали, но съ ними захотѣли путешествовать. И не было въ Іерусалимѣ изъ всѣхъ поклонниковъ прекраснѣе ихъ; всѣ удивлялись красотѣ лицъ ихъ, благоразумію и кротости. Матери смотрѣли на нихъ и радовались. Были они какъ родные братья, на одно лицо, и всегда вмѣстѣ двое. Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, какъ прежде сказано, пошли они оба на прогулку; и какъ только вышли за Давидовы врата, — выстрѣлилъ одинъ арабъ изъ ружья, — нарочно-ли или ненарочно, Богъ вѣсть, — и убилъ изъ двоихъ одинаго, хотя и не до смерти; но ране-

ный на другой день померъ. О, какъ много бѣдная мать вдовица плакала, и горько рыдала о возлюбленномъ своемъ сынѣ, котораго воспитала во вдовствѣ своемъ! Смотри на нее, горько рыдающую, весьма многіе плакали. Мертвый лежалъ три дня, пока происходило слѣдствіе; и она, горькая мать, безпрестанно сидѣла надъ нимъ и плакала, и простила убійцу своего сына. Полагали — что и сама помретъ; но осталась жива.»

88. Шестую недѣлю поста мы говѣли; подъ субботу Лазареву пошли ночевать въ храмъ къ гробу Божію, чтобы тамъ причаститься Св. Тайнъ. Вечеромъ на Голгоѣ прочитали повечеріе; потомъ мы хотѣли къ причащенію читать правило: но у франковъ началась литія: у нихъ тогда была великая Суббота, и они шли съ крестомъ на Голгоѣ. Мы захотѣли подождать, пока они пройдутъ, и наши православные, русскіе и греки, стояли на Голгоѣ, также чтобы посмотреть на ихъ процессію и обряды. Нашихъ было очень мало; грековъ не болѣе человекъ пятидесяти и съ пѣвчими. Франковъ же было болѣе пяти сотъ, да у нихъ-же было человекъ пятьдесятъ воинства. Пришедши на Голгоѣ, франки прежде на своемъ мѣстѣ пѣли и читали, а потомъ пришли на наше мѣсто, гдѣ стоялъ крестъ Христовъ. Наши монахи сняли лампы, которыя имъ мѣшать могли, отнесли подсвѣчники, и очистили мѣсто; только оставили на престолѣ одну одежду. Франки за нашимъ престоломъ поставили свой крестъ, и стали говорить, чтобы сняли и одежду съ престола. Греки имъ отвѣчали: «этого сдѣлать невозможно: ибо одежда никогда не снимается, и фирманъ не позволяетъ; а вы

постелите сверху свою пелену.» Когда франки успивались снять пелену, греки же не давали, — пришел франкскій архиепискупъ, и безобразно сдернулъ съ престола пелену. Тамъ стояли близко два консула: Русскій и Греческій. Греки тотчасъ зашумѣли, и бросились вонъ, въ коридоръ, принесли съ кухни много дровъ, и началась на Голгоѣ драка. Греки били дровами, а франки свѣчами, а послѣ и они принесли дровъ. Турки было бросились разнимать, но и у нихъ ружья поотнимали; и они бросились спасать Божій гробъ и Воскресенскій храмъ: ибо тогда, къ вербной недѣлѣ, все было украшено серебромъ и золотомъ. Мы же не знали, куда бѣжать, отъ страха оцѣпенѣли. Русскій консулъ своихъ спасаетъ, и препровождаетъ въ трапезу; мы, человекъ двадцать, попали въ Воскресенскую церковь, и отъ страха не знали — куда дѣваться, не-то въ алтарь, не-то подъ престолъ. Шумъ, крикъ, вопли восходятъ до небесъ, наипаче на Голгоѣ; всѣ христіане бьютъ тревогу: наши во всѣ доски, также армяне и франки и копты. Войнство же стояло кругомъ Божія гроба, рука по рукѣ, съ оружіемъ, и около вратъ Воскресенскаго храма, дабы не было похищенія. Драка распространилась по всему храму; Патріарха Франкскаго съ Голгоѣ сбросили; но хорошо что упалъ на людей, а то бы убится до смерти. Пришелъ Митр. Мелетій, и началъ увѣщавать, чтобы оставили драку; но ему сказали: «ты, Владыко, ступай въ свое мѣсто; а мы всѣ здѣсь за вѣру свою помремъ; ибо насъ мало, а еретиковъ много.» Владыка, дѣлать нечего, сѣлъ съ турками. Драка продолжалась больше часа, пока пришло турецкое войнство, и самъ Паша: тогда всѣхъ нашихъ

по одному разобралн, и по гостинницамъ позапирали; мы же, немного русскихъ, ушли въ храмъ Богородицы. И насъ войны хотѣли взять и запереть; но мы сказали, что мы москвы, и насъ оставили. Потомъ съ часъ продолжался совѣтъ: разсуждали Архіерей, Паша и Консулы. Я въ то время успѣлъ прочитать правило ко причащенію. Послѣ совѣщанія, Паша, Владыки и Консулы, пошли по своимъ мѣстамъ. Франки снова начали литію и кончили на Божіемъ гробѣ; потомъ войны выгнали ихъ всѣхъ вонъ, а сами ушли; врата церковныя заперли, и нашихъ всѣхъ выпустили. И пакн начали ударять въ било къ утрени. Утреню правили въ Воскресенской церкви; потомъ Литургію служили на Божіемъ гробѣ, и я сподобился быть здѣсь причастникомъ Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Гора же Голгова вся полита была кровію; и всю утреню четыре человекъ мыли ее водою; трехъ человекъ убили до смерти: такого страха я не видалъ отъ роду моего.

89. Утромъ отворили врата, и мы вышли. И пошли всѣ поклонники на Елеонскую гору; тамъ, гдѣ вознесся Господь, подъ полотняною палаткою служилъ Литургію Митрополитъ Мелетій, всѣмъ соборомъ.

10. Послѣ Литургіи пошли всѣ поклонники въ Виванію ко гробу праведнаго Лазаря, котораго воскресилъ Господь отъ мертвыхъ. Виванія отъ горы Елеонскія — недалеко, не больше двухъ верстъ. Подъ недѣлю Ваіи вечерня была торжественная: приходилъ самъ Патріархъ, съ церемоніей — подобно какъ и на день Святит. Николая. На вечерни была литія и благословеніе хлѣбовъ; но Патріархъ ночевать ушелъ въ

патріархію ; а вечеромъ пришло воинство къ христіанамъ каждого исповѣданія, по сту человѣкъ. И было во храмъ все украшено златомъ и серебромъ , превосходише паче первыхъ недѣль : ибо у православныхъ и у армянъ и у коптовъ была недѣля Ваіи, а у франковъ была Пасха; почти всю ночь на Божіемъ гробѣ было служеніе. Къ утрени пришелъ Патріархъ , и утрени была торжественная. Стояли всѣ съ ваіями (вмѣсто вербы — съ финиками) : каждый заготовилъ себѣ въ субботу. Ранняя Литургія была на Божіемъ гробѣ : служилъ Митрополитъ съ четырьмя священниками и тремя діаконами. Позднюю Литургію служилъ самъ Патріархъ всѣмъ соборомъ въ Воскресенскомъ храмѣ. Всю Литургію стояли всѣ роды съ ваіями ; я стоялъ Литургію въ алтарѣ ; на Литургіи читали три Апостола и три Евангелія, по-гречески, по-арабски и по-русски; и была великая проповѣдь. Послѣ Литургіи былъ великій крестный ходъ , несравненно торжественнѣе первыхъ ходовъ. Всѣ священники и мірскіе несли ваіа (финики) со свѣщами, и еще носили великую вѣтвь масличную , украшенную. Воистину, такое было торжество — что прежде никогда не видалъ, да и послѣ едва ли увижу ! Когда начали выходить изъ церкви, — дали всѣмъ повѣстку , что немущіи, пѣшіе, кому угодно, — могутъ идти сегодня въ Іерихонъ при экипажѣ.

91. И мы вознамѣрились послѣ обѣда при экипажѣ идти на *Иорданъ*. Вышли за геосиманскія врата , и узнали , что уже ушли съ экипажемъ , и мы не поспѣли съ ними ; а собралось насъ человѣкъ двадцать пять , мужи и жены. Одинъ арабъ нашелся якобы провожатый, посланный отъ патріархіи для провожанія

насъ, дабы догнать обозъ. Мы ему повѣрили, и пустились съ нимъ въ *Иерихонъ*, который отъ *Иерусалима* сорокъ пять верстъ; мѣсто было — самая дикая пустыня, наполненная разбойниками. Провожатый нашъ былъ на конѣ верхомъ, и ѣхалъ съ нами до полпути, а потомъ отъ насъ уѣхалъ, оставивъ насъ однихъ. День уже былъ къ вечеру, а дороги никто не зналъ; и мы увидѣли, что находимся въ опасности. Пошли на гору, къ тому мѣсту, о которомъ упоминается въ словахъ Господа: *человѣкъ нѣкій сходяще отъ Иерусалима во Иерихонъ, и въ разбойники впаде*. Лук. 10. 30. И мы на томъ-же мѣстѣ попали въ разбойники, которые и раны на насъ наложили, и едва жизни не лишили. Только стали мы подниматься на гору, — увидѣли, что съ горы на встрѣчу ѣдутъ къ намъ, на коняхъ верхомъ, четыре человѣка, арабы, синіе, полунагіе, вооруженные ружьями, кинжалами и пистолетами. Какъ только подъѣхали къ намъ, то, яко львы лютые, начали насъ бить ружьями изъ рукъ безъ пощады, и гнать впередъ. Опасность была великая: вечеръ уже близко, а *Иерихонъ* еще далеко; кругомъ дикая пустыня; и мы бѣжали, единъ другаго предваряя; только и помышляли, что кто-нибудь изъ насъ лишится жизни. Когда взошли на самую гору, то увидѣли развалины: неизвѣстно — что это было, гостинница ли, или какой монастырь; только стѣны еще до половины стоятъ. Тамъ еще другое увидѣли страшное зрѣлище: стояла великая толпа полунагихъ дикихъ арабовъ, овые на коняхъ, а другіе — пѣшіе. Насъ остановили, и между собой переговаривали; потомъ спросили насъ по-турецки: какіе мы люди и какого роду? Мы сказали, что мы

московы, русскіе. Они насъ кругомъ обступили, пѣшіе спереди, а конные сзади и съ боковъ, всѣ вооруженные, и погнали насъ, какъ овецъ беззлюбивыхъ, а заднихъ били. Не знали мы — куда насъ гнали, только бѣжали мы съ горы на гору, а уже начало смеркаться. Каждую минуту ожидали страшнаго часа смертнаго; призывали въ помощь единаго Всевышняго Бога, Царя Небеснаго; къ Нему свои душевныя очи возводили, и зывали: О, Господи Боже нашъ! Ты буди помощникъ намъ днесъ въ скорбяхъ, обрѣтшихъ ны зѣло! Аще что Тебѣ согрѣшили, — прости намъ, и прими къ Себѣ въ сей дикой пустынѣ души наши, въ день входа Твоего въ Іерусалимъ! Впрочемъ, при общемъ великомъ страхѣ, мое сердце не испугалось, и я часто прочимъ говорилъ: дерзайте, не бойтесь! готовится намъ помощь Божія, и сотворить Господь съ нами чудо. Но мнѣ отвѣчали: откуда намъ теперь помощь? До Іерихона далеко, а изъ Іерусалима теперь никто не поѣдетъ. Но отъ человѣкъ и человѣческому разуму помощи ожидать было невозможно и не откуда; а отъ Бога вся возможна, — и помощь была готова. Взошли мы на высокую гору, и вдругъ, впереди насъ, подъ горою, недалеко, увидѣли мы многое множество народа. Это были поклонники, прежде насъ выѣхавшіе изъ Іерусалима: у нихъ подъ горою упалъ верблюдъ съ экипажемъ, и они болѣе часа стояли, многожды поднимали, а онъ таки падалъ. Увидѣвши ихъ, мы великой радости исполнились; пали на землю, и воздали благодареніе Всевышнему Богу. Воистинну, близокъ Господь въ помощь призывающимъ святое имя Его! А враги наши посрамились, и возвратились тщи; якоже пчелы отъ

дыма, такъ они отъ насъ разсыпались, и ни одного не осталось ни сзади ни спереди. Между тѣмъ наши спутники увидѣли насъ, а провожатые къ намъ прискакали, и насъ спрашивали: всѣ ли живы? И весьма тому удивлялись, что остались мы живы, и даже ни въ чемъ не обижены; удивлялись же потому, что хотя самихъ ихъ было и много, но были въ великомъ страхѣ; ибо часто арабы и на обозы нападаютъ; а къ этому времени нарочито приходятъ изъ-за Іордана: знаютъ, что поклонники приходятъ въ Іерусалимъ съ деньгами. Они же не только за деньги, но и за одежду убьютъ человѣка: ибо они почти нагіе.

92. Когда мы пришли въ *Іерихонъ*, — было уже темно; поставили кругомъ насъ цѣпь часовыхъ, и мы ночевали благополучно. Поутру разставили полотняныя палатки, и сдѣлалось подобно городу, при источникѣ водъ іерихонскихъ, который прежде былъ вредоносенъ, но св. Пророкъ Елисей исцѣлилъ его, всыпавъ водоносъ соли (4 Цар. 2, 19 — 22). Кругомъ много лѣсу, наипаче много тѣхъ древъ, отъ которыхъ питался Іоаннъ Предтеча, называемыхъ акриды; есть и другія, подобныя имъ, отъ которыхъ также можно питаться. Въ половинѣ дня, въ поведѣльникъ, показалось съ горы отъ Іерусалима блестящее оружіе, послышался барабанный бой и музыка, и открылось многое множество народа, до двадцати тысячъ человѣкъ. Одного воинства тысяча, да провожатыхъ арабовъ до тысячи. А поклонники были — иные на верблюдахъ, иные на коняхъ, иные на ослахъ, иные на магарахъ, иные — пѣшіе. Большая часть были православные поклонники, не только чужестранцы, но и палестинскіе жители; много было изъ патриаршаго

монастыря. Самъ Патріархъ въ сей годъ къ Іордану не приходилъ. Было много христіанъ другихъ исповѣданій. Пришедшихъ распорядили всѣхъ по палаткамъ; и сдѣлалась большая ярмарка и торговля разными съѣстными и питейными припасами.

93. Теперь скажу о достопаечивномъ обстоятельстве. Богъ казнить не только самихъ грѣшниковъ, но и землю, которую они населяютъ и оскверняютъ. Такъ, Господь пожегъ огнемъ, потопилъ водою и погрузилъ въ землю содомскіе и гоморрскіе города; и до-нынѣ стоятъ на томъ мѣстѣ *Мертвое море*, столько горькое, что не имѣетъ въ себѣ никакого животнаго. Въ окружности его, гдѣ были сады и огороды, не можетъ расти ни трава ни дерево, чему мы были самовидцы. Отъ самаго Мертваго моря до самаго источника іерихонскаго два часа ходу; мѣстоположеніе — прекрасное и ровное, и земля — самая добрая: нѣтъ ни песку ни камня, еще и напаяется водою, источникомъ іерихонскимъ и рѣкою Іорданомъ, когда бываетъ наводненіе, какъ сказалъ праведный Авраамъ Лоту, своему племяннику: страна Содомская, яко рай Божій, блага и плодородна и напаяема водою. Бытія, 13, 10. Нынѣ же страна содомская—плача достойна, и смотрѣть на нее скучно: нѣтъ на ней ничего растущаго и зеленаго, нѣтъ ни травы ни дерева; даже нѣтъ песку и камня, а только какая-то изгарь. Еще растутъ какія-то деревья, похожія на смородину, или на малую яблонь, или на баклажанъ; листь на нихъ полубѣлый, посыпанъ подобно какъ солию, и плоды приносятъ похожіе на небольшія яблоки, полукрасные; когда раздавишь его, то ничего не обрящешь, кромѣ смраду. Называютъ ихъ *содомскими яблоками*. По

другой же странѣ источника іерихонскаго — подобно раю: трава зеленая, покрыта разными цвѣтами,—такъ что и коней не видать. А гдѣ былъ славный градъ Іерихонъ, ничего на томъ мѣстѣ не обрѣтается, только мало замѣтенъ фундаментъ стѣнъ іерихонскихъ. Пониже Іерихона есть развалины *монастыря св. Пророка Елисея*; а повыше, подъ горами, есть небольшое селеніе, которое нынѣ называютъ *Іерихономъ*.

94. Во вторникъ, на Страстной недѣлѣ, часа за четыре до свѣта, начали бить въ барабаны, стрѣлять изъ пушекъ и тревожить народъ. Цѣлый часъ дали собираться; запалили огни и военные фонари. Мы пѣшіе пошли впередъ, но насъ провожатые не пустили, пока всѣ собрались. Потомъ начали палить изъ пушекъ, забили въ барабаны, заиграла музыка, и пошли въ путь по ровному мѣсту; кругомъ насъ — воинство и огни. Потому рано пошли, что отъ Іерихона до Іордана три часа ходу, т. е. пятнадцать верстъ. Отошли одинъ часъ, да остановились; мало постояли, и пакн пошли; одинъ часъ отошли, и пакн остановились; развели огни, и постояли довольно долго: потому что боялись рано допустить народъ къ Іордану, дабы иные не потонули. Мы же очень скучали, и минута казалась намъ за часъ. Когда начало свѣтать, тогда насъ пустили по своей волѣ. Мы, пѣшіе, одинъ другаго предваряли, верховые также. Куда тогда дѣвалась наша старость? Обновился, яко орля, юность наша. Пустились всѣ бѣжать, сколько у кого было силы. Старикн, сѣдя бороды, угодобились младымъ отрокамъ, съ ногн на ногу прыгали. Старыя жены, хотя и не могли прыгать, но и тѣ, подхвативши свои одежды, аще и со сле-

зами, обаче бѣжали, сколько силы есть, дабы скорѣе и прежде всѣхъ прибѣжать къ Иордану.

95. Какъ только подбѣжали къ *Иордану*, то кто въ чемъ былъ, въ томъ и бросились въ воду. Мы искушались до большаго народа; и я со дна Иордана взялъ немного камней, благословенія ради. Самъ Богъ повелѣлъ Иисусу Навину взять двѣнадцать камней изъ Иордана, ради памяти—что переходили рѣку Иорданъ по суху. И я взялъ того ради, что былъ и купался въ Иорданѣ. Купались мы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Иисусъ Навинъ переводилъ Израиля. А гдѣ св. Іоаннъ Предтеча крестилъ Господа Иисуса Христа, то мѣсто выше; и тамъ купаться такому множеству народа неудобно, потому что берегъ очень крутъ. Иорданъ рѣка ширины сажени пятьдесятъ, но только весьма быстрая, и отъ быстроты мутная и глубокая въ ярахъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ купаются, сажени на двѣ можно ходить отъ берега. А гдѣ на прочихъ мѣстахъ купались, тамъ держались за вѣтви древъ; овые и переплывали, но съ великимъ трудомъ, ибо очень быстра струя, и заплескиваетъ. По обѣимъ сторонамъ растеть лѣсъ прекрасный и трава великая. Иорданъ течетъ изъ Тиверіадскаго моря, а впадаетъ въ Мертвое море. Искупавшись еще въ Иорданѣ, пошли обратно въ Іерихонъ, каждый по своей волѣ. Когда возвращались отъ Иордана, и прошли одинъ часъ ходу, то недалеко, въ лѣвой рукѣ, видны были развалины *монастыря св. Герасима*; еще до половины стѣны стоятъ. А въ правой рукѣ, на берегу Иордана, видны развалины *монастыря св. Іоанна Предтечи*, Крестителя Господня.

96. Пришедши въ Іерихонъ, пообедали — кто что

имѣлъ; овые купля. Недалеко отъ Иерихона, къ западу, стоитъ *гора Сорокодневная*, на которой Господь постился сорокъ дней и сорокъ ночей. Близу ея были монастыри, и до-днесь видны развалины ихъ; въ горѣ же множество пещеръ и монашескихъ келлій, съ малыми церквами, и до-нынѣ видно стѣнное иконное писаніе; но нынѣ до конца мѣсто запустѣло: въ нѣкоторыхъ келліяхъ живутъ полудикіе арабы. Двое русскихъ пошли на верхъ горы; но когда стали спускаться съ горы, то на одного арабы напали, и убили бы, ежели бы другой скоро не увидалъ, и не закричалъ. Арабы подумали, что много русскихъ, — бросили его, а сами убѣжали.—Переночевавши въ Иерихонѣ третью ночь, въ среду поутру съ полунощи поднялись, и пошли въ путь при огняхъ и при музыкѣ и при ружейныхъ выстрѣлахъ; но только пощю по горамъ и по камнямъ идти весьма было трудно отъ множества народа: дорога узкая, только проѣхать одному коню верховому, а народу много тысящъ; и потому шли не по дорогѣ, а прямо по камнямъ, на полверсты ширины и версты на три длины; вокругъ же насъ скакали арабы, на своихъ легкихъ коняхъ, и отбивали разбойниковъ. Хотя шли мы пощю, но отъ множества огня и фонарей идти было свѣтло, и шли мы по пустынѣ, подобно Израилю, Моисеемъ водимому.

97. Въ среду, въ половинѣ дня, стали подходить къ Иерусалиму. Иерусалимскіе жители, остававшіеся дома, христіане, турки и евреи, мужи и жены, вышли насъ встрѣчать отъ Иерусалима до самой Внѣаніи. По обѣимъ сторонамъ дороги стоялъ и сидѣлъ народъ. Христіане поздравляли насъ съ обмытіемъ грѣховъ въ

Иорданъ и съ чистымъ тѣломъ и душою. И былъ во всемъ Иерусалимѣ какъ великій праздникъ. Да и воистинну былъ праздникъ: было самое великое стеченіе народа изъ всѣхъ странъ и изъ всея Палестины. Наступили для христіанъ самыя великіе праздники и торжества. Приближалось время радости и скорби. Радовались о томъ, что наступаютъ великіе праздники и торжества, получимъ новую благодать небеснаго свѣта, и будемъ праздновать пресвѣтлый праздникъ, св. Пасху, въ святомъ градѣ Иерусалимѣ. Скорбѣли сердцемъ о томъ, что приходитъ время всѣмъ другъ съ другомъ разлучаться. Жили полгода, со всѣми познакомились. А навпаче страшили насъ тѣ горькія минуты, когда надобно будетъ разставаться намъ съ св. градомъ Иерусалимомъ, разлучаться съ святымъ и живоноснымъ Христовымъ гробомъ и съ прочими святыми мѣстами. Пришедши на квартиры, пообѣдали, отдохнули, и потомъ пошли ночевать во храмъ ко гробу Божию. Утренняя въ четвертокъ была торжественная; ранняя Литургія была на Божіемъ гробѣ; служилъ одинъ Архіерей соборомъ; на Литургіи много было причастниковъ.

98. Поздняя Литургія была въ Патріархіи; служилъ самъ Патріархъ. Умовеніе ногъ было на площадкѣ, противъ святыхъ вратъ храма Гроба Божія. Сдѣланъ былъ амвонъ на три ступени; кругомъ — перилы, по угламъ — колонны, на колоннахъ — великія свѣчи. Амвонъ усланъ былъ коврами. На срединѣ стоялъ стулъ позлащенный; по сторонамъ стояло 12 стульевъ; на стѣнѣ къ востоку поставлены были иконы, и предъ ними горѣли свѣчи; къ той-же стѣнѣ сдѣлана была каеэдра для чтенія Евангелія. Пришло сто

человѣкъ воинства, и стали кругомъ каѳедры. На площадкѣ, на Аврааміевомъ монастырѣ, на Геоси-манскомъ подворьѣ, на Патріаршемъ монастырѣ и на храмѣ Христова Гроба стояло многое множество на-рода. Мы стояли на храмѣ Христова Гроба. Смо-тримъ: изъ Патріаршаго монастыря идетъ Патріархъ во всемъ облаченіи, съ двѣнадцатю священниками, сопровождаемый Архіереями. Впереди его шли двѣ-надцать мальчиковъ въ облаченіи клириковъ, съ под-свѣчниками и со свѣчами, потомъ пѣвчіе, потомъ діаконы съ кадилами; за ними шли священники; по-томъ семь діаконівъ съ дикиріями и трикиріями; за ними шелъ Патріархъ, и обѣими руками благосло-влялъ народъ; за нимъ шли Архіереи въ рясахъ. Взошедши на амвонъ, Патріархъ сѣлъ на своемъ мѣстѣ, и прочимъ священникамъ приказалъ сѣсть по чину. Архіереи стояли внизу и смотрѣли. Начался чинъ умовенія ногъ и чтеніе Евангелія, читалъ архи-мандрить на каѳедрѣ. И было совершено умовеніе по чину. Предъ вечеромъ во всѣхъ монастыряхъ было *освященіе елея*, и всѣхъ поклонниковъ соборовали мас-ломъ, — вездѣ сами Архіереи. Въ тотъ вечеръ храмъ Гроба Божія не отворяли, и ночевать никого не пу-стили. Но русскія благородныя жены упросили Па-тріарха и Консула отправить стояніе на Голгоѣѣ по-ловину по-русски. Патріархъ уважилъ просьбу, и уже поздно вечеромъ съ фонарями отперли святыя врата, и впустили въ храмъ однихъ русскихъ. Повечеріе прочитали на Голгоѣѣ, и пѣли Кресту канонъ весь на-распѣвъ, по-гречески. Потомъ греки легли спать, а мы русскіе пошли въ пещеру, гдѣ Царица Елена обрѣла крестъ. Тамъ прочитали двѣнадцать Евангелій

страстныхъ и синаксарь, и другія приличныя тому дню словеса, и пропѣли акаеиствъ честному Кресту.

99. Когда начали ударять въ било на утреню, — мы пошли всѣ на Голгоѳу, и началась утреня по уставу. Евангелія читали—шесть по-гречески и шесть по-русски. Антифоны и каноны пѣли на-распѣвъ, правый клиросъ по-гречески, а лѣвый по-русски; и продолжалось стояніе шесть часовъ. Часы царскіе всѣ прочитали и пропѣли на Голгоѳѣ по-русски. Утромъ врата церковныя не отворяли, и была въ храмѣ тишина и безмолвіе. Въ двѣнадцатомъ часу дня пошли кадить святаыя мѣста по два діакона. Прежде кадили два діакона православныхъ. Потомъ пошли кадить два діакона армянскихъ, въ митрахъ. Потомъ пошли два діакона коптовъ, тоже въ митрахъ. Католики не кадили. У нихъ діаконы одежду носятъ странную отъ всѣхъ вѣръ. Потомъ ходили всѣ съ литіями. Въ первомъ часу по полудни отворили св. великія врата церковныя. Народъ бросился въ храмъ безъ порядка, и произошелъ въ храмѣ великій шумъ: бросились себѣ мѣста захватывать. И мы заняли себѣ мѣста. Въ одну минуту наполнился весь храмъ народомъ.

100. Черезъ полчаса, вдругъ, около Божія гроба сдѣлался шумъ, и закричали арабы необыкновеннымъ гласомъ: схватились человекъ пятьдесятъ, встали одинъ другому на плечи, въ три человека, подняли руки на небо, и всѣ закричали. И начали бѣгать кругомъ Божія гроба, а потомъ по всему храму; и бѣгали и кричали до самой вечерни. Потомъ пришло тысяча человекъ воинства турецкаго, подлѣ св. вратъ сдѣлали гауптвахту, и по всему храму разставили часовыхъ. Потомъ пришелъ Патріархъ со славою

многою; и была ему великолѣпная встрѣча. Вечерня была торжественная; но плащаницу съ Голгоѣы не свосили, по опасенію безпорядка. Послѣ вечерни паки арабы принялись за свою работу, паки начали бѣгать и кричать. Я спрашивалъ тѣхъ, которые знаютъ по-русски: чтѣ они приговариваютъ? Мнѣ сказали, что они хвалятъ едину православную вѣру, прочія же исповѣданія укоряютъ, яко лживыя и душепагубныя. Къ армянамъ приходятъ, и ихъ укоряютъ, что хотѣли сами получить благодать, но вмѣсто того наѣлись нечистоты. Франковъ укоряютъ, что не вѣрятъ благодати, и не принимаютъ святаго свѣта отъ гроба Господня, но сами высѣкаютъ огонь. Неправославные даютъ воннамъ деньги, чтобы били арабовъ, и отгоняли отъ нихъ. Потому арабы всё въ крови и въ поту; спускаютъ съ плечъ свои длинныя рубахи, и ходятъ полунагіе; кто ихъ бьетъ, не скорбятъ, но свое дѣло дѣлаютъ. Когда бѣгаютъ кругомъ гроба Божія и по Воскресенскому храму, — все одни слова говорятъ. Мнѣ растолковали, что они говорятъ сіе: « Единъ Богъ Иисусъ Христосъ! Едина вѣра православныхъ христіанъ! » — Потомъ носили плащаницу христіане всѣхъ исповѣданій, армяне, копты и сиріане. Прежде всходили на Голгоѣу, потомъ сходили ко Снятію, а послѣ обходили по-трижды Божій гробъ, а потомъ уходили въ свои придѣлы. Такъ проводили ночь до заутрени, среди безпрестаннаго шума; и былъ въ храмѣ какъ бы базаръ, или ярмарка. До сего времени поклонники разсѣяны были по всему Іерусалиму; а теперь всё христіане, изъ разныхъ странъ, собрались въ одинъ храмъ къ гробу своего Спасителя, Іисуса Христа. Народомъ наполнены были

всѣ хоры, всѣ галереи. Всѣ просятъ, всѣ требуютъ по своему обычаю. Всюду тѣснота, всюду отъ тѣсноты драки; языковъ другъ друга не понимаютъ, а турки войны безпрестанно разнимаютъ. Можно сказать, что теперь вмѣстилъ небеси подобный храмъ въ себя всю вселенную. Такъ проводили ночь до заутрени.

101. Потомъ начали въ доски благовѣстить къ утрени, и арабы шумѣть перестали. Самъ Патріархъ началъ утреню по уставу, и роздали всѣмъ православнымъ свѣщи. Всю каѳисму « Блажени непорочнии » пѣли на-распѣвъ, въ Воскресенскомъ храмѣ. Читать Евангеліе пошли на гору Голгоу. Прочитавши Евангеліе, подняли плащаницу и понесли съ Голгоуы, съ хоругвями и съ фонарями; было множество духовенства: кромѣ діаконовъ, священниковъ, игуменовъ и архимандритовъ, шесть Архіереевъ и Патріархъ, и множество пѣвцовъ. Когда снесли съ Голгоуы, — обошли Снятіе трижды. Потомъ положили плащаницу на томъ мѣстѣ, гдѣ Иисуса Христа повивали пеленами, и мазали муромъ на погребеніе. Здѣсь говорена была великая проповѣдь. Потомъ понесли плащаницу на гробъ Иисуса Христа, и обнесли кругомъ гроба трижды. Потомъ внесли во-внутрь гроба, и положили плащаницу на самомъ гробѣ. Все духовенство стало вокругъ кувукліи Христова гроба. И пѣли весь канонъ « *волною морскою* » и стихи на-распѣвъ одно духовенство. Весь народъ держалъ въ рукахъ свѣщи. Тамъ же пѣли и *хвалитныя* и великое *славословіе*, и читали Евангеліе; тамъ кончили утреню и часы. Послѣ плащаницу убрали въ свое мѣсто, а гробъ турки запечатали. Послѣ службы, паки арабы

начали свою работу, но еще и приумножили: ибо и жители іерусалимскіе, купцы и старики, поскидали свои чалмы, схватились одни съ другими, и всѣ начали кричать и прыгать. Когда разсвѣло, начали огни и лампы гасить, и нигдѣ не оставили ни единой лампы горящей. Турки отворили Божій гробъ, и внутри погасили всѣ лампы. Потомъ пришло турецкое начальство, и самъ Паша; кругомъ Христова гроба стало множество воиновъ вооруженныхъ. И во храмѣ все перемѣнилось: всѣ приуныли, а арабы приохрипли и изнемогли. Въ храмѣ тѣснота и духота необыкновенная. Вверху на всѣхъ хорахъ въ четыре ряда набито народу; и на всѣхъ иконостасахъ и въ куполахъ полно людей; всѣ держатъ въ обѣихъ рукахъ по тридцати по три свѣщи, во образъ Христовыхъ лѣтъ. Огня нигдѣ нѣтъ.

102. Патріархъ съ консулами взошелъ на передній иконостасъ. А Мелетій Митрополитъ за-Іорданскій съ прочими Владыками сидѣли въ алтарѣ, приунывши и головы повѣсивши. Въ храмѣ распоряжаются магометане, съ военнымъ оружіемъ; арабы бѣгать уже перестали, но стоятъ, поднявши руки на небо, и умиленные гласы испускаютъ; христіане всѣ плачутъ, или непрестанно воздыхаютъ. И кто бы могъ тогда удержаться отъ слезъ, видя столь множество людей со всѣхъ странъ вселенной, плачущихъ и рыдающихъ, и отъ Господа Бога милости просящихъ? Но радостно было видѣть, что теперь и не-хотя прочіе христіане православную греческую вѣру и православныхъ христіанъ уважаютъ, и на православныхъ, яко на пресвѣтлое солнце, взираютъ: ибо всѣ надѣются получить благодать святаго свѣта токмо отъ право-

славныхъ. Пришли въ алтарь Армянскій Патріархъ съ двумя Архіереями и Коптскій Митрополитъ, поклонились Митрополиту Мелетію и прочимъ Владыкамъ, и просили, чтобы, когда получаютъ благодать святаго свѣта, удѣлили и имъ. Митрополитъ Мелетій со смиреніемъ отвѣтилъ, и велѣлъ имъ молиться Богу; и оны пошли въ свое мѣсто. Потомъ были сняты царскія врата, и повѣшены другія, съ отверстіемъ. Не можно описать—что тогда было во храмѣ: якобы ожидали всѣ втораго пришествія Царя Небеснаго; на всѣхъ напалъ страхъ и ужасъ; сами турки приуныли. Больше въ храмѣ ничего не слышно, какъ только воздыханія и стоны. И Митрополитъ Мелетій слезами омочалъ свое лицо. Потомъ самъ турецкій паша съ прочими начальниками пошелъ во-внутрь ко гробу Божію повѣрять, не осталось ли гдѣ огня. И когда вышли, — гробъ запечатали. Но туда еще прежде отнесли великую лампаду, налитую до самага верха елеемъ, и въ нее пущена великая свѣтильня, и поставили лампаду посреди Христова гроба. Уже кругомъ кувуклія христіанъ близко нѣтъ, а одно турецкое начальство. А съ хоръ спущено было на веревкахъ множество желѣзныхъ рѣшетокъ съ пуками свѣчъ. Когда пробило восемь часовъ, по-русски — два часа съ полудня; тогда начали готовиться къ крестному ходу. Архіереи, священники и діаконы, облачившись во всю священную одежду, взяли всѣ по тридцати по три свѣщи безъ огня. Потомъ подали изъ алтаря, черезъ царскія врата, двѣнадцать хоругвій, и взяли — кто могъ. Воины очистили путь. И пошли за хоругвями пѣвчіе. Потомъ изъ алтаря, въ царскія врата, пошли, по-два въ-рядъ, діаконы, священники, игуме-

ны и архимандриты, потомъ Архіерея, а позади всѣхъ Митрополитъ Мелетій; и пошли прямо ко гробу Господню. Обошли его кругомъ трижды, поюще: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ: и насъ на землѣ сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити.» — Кончивши ходъ, все духовенство скоро пошло въ алтарь и съ хоругвями; остался одинъ Митрополитъ Мелетій у дверей гроба, въ рукахъ турокъ. Турки его разоблачили, и сами начальники всего его объискали. Потомъ надѣли на него подрезникъ и омофоръ, и отворили Божій гробъ, и впустили его вовнутрь. О, какой тогда напалъ страхъ и ужасъ на всѣхъ тамъ бывшихъ! Всѣ рыдали и воздыхали, и просили Господа Бога, да не лишитъ Своей благодати, небеснаго Своего свѣта. Прошло нѣсколько времени, не знаю, много или мало, ибо были всѣ внѣ себя отъ какого-то страха, — только вдругъ около Божія гроба возсіялъ свѣтъ; вскорѣ свѣтъ показался и изъ алтаря, въ царскія врата, въ отверстіе. И текли яко двѣ огненныя рѣки, — одна отъ запада, отъ Божія гроба, а другая съ востока, отъ алтаря. О, какая тогда въ храмѣ сдѣлалась радость и ликованіе! Сдѣлались всѣ яко піяны, внѣ себя, и не помнили, кто что говорить, или кто куда бѣжитъ. И поднялся по всему храму великій шумъ: всѣ бѣгаютъ, всѣ восклицаютъ съ веселіемъ и благодареніемъ, а навпаче арабскія жены. Самы турки, магометане, пали на колѣна, и кричали: *алла, алла*, т. е. *Боже, Боже*. О, странное и преславное видѣніе! Весь храмъ обратился въ огонь: больше во храмѣ ничего не видно, кромѣ небеснаго свѣта. Вверху и внизу и по всѣмъ хорамъ разлился святой свѣтъ, и сдѣлался послѣ по всему

храму дымъ. И пошелъ народъ со свѣтомъ, большая половина, вонь; и понесли по всему Іерусалиму, каждый въ свой домъ, и по всѣмъ монастырямъ.

Въ великой церкви началась вечерня, а потомъ Литургія Василя Великаго. Служилъ одинъ Митрополить, соборомъ, и хпротонисалъ одного діакона. Литургію народъ стоялъ со свѣчами.

Митрополить за-Іорданскій когда входитъ во-внутрь гроба, — обрѣтаетъ великую лампаду, стоящую на Христовомъ гробѣ, саму'о себѣ возжегшуюся; а иногда при немъ нечаянно загорится. Но только самъ онъ никогда не видалъ—какъ она загорается. Въ Іерусалимѣ я отъ многихъ слышалъ, которымъ самъ Митрополить сказывалъ по откровенности, сіе: « Иногда я взойду, а она уже и горить; тогда и я скоро вынесу; а иногда взойду, а лампада еще не горить; тогда я паду на землю отъ страха, и со слезами начинаю просить милости отъ Бога. Когда встану, — лампада уже горить, и я зажигаю два пука свѣчей, выношу и подаю.» Митрополить выносить свѣтъ въ притворъ, и вкладываетъ пуки въ желѣзные фонари, и подаетъ отъ гроба въ отверстія, для того устроенныя, правой рукой—православнымъ, а лѣвой — армянамъ и прочимъ. Православныхъ арабовъ цѣлая толпа стоитъ подлѣ отверстія. И какъ только Митрополить покажетъ святыи свѣтъ, — одинъ арабъ, схвативши бѣжить прямо въ алтарь; а оттуда, въ царскія врата, раздають народу; а подлѣ отверстія едва только успѣетъ одинъ запалить свѣщи. Митрополить же паки обращается ко Христову гробу, и еще зажигаетъ два пука, и выходитъ изъ дверей гроба. Арабы же самые сильные стоятъ у дверей гроба, и его дожидають.

Только онъ выйдетъ , держа въ рукахъ по тридцати по-три свѣщи горящихъ , — арабы , взявши его на свои руки , несутъ прямо въ алтарь . Народъ весь бросается къ нему : всѣмъ желательно прикоснуться къ его одеждѣ . И едва , съ великимъ трудомъ , могли его донести до алтаря ; и посадили его на стулъ : онъ просидѣлъ всю Литургію , яко виѣ себя , наклонивъ главу ; очами не смотрѣлъ и устами ничего не провѣщалъ ; и никто его не беспокоилъ . Когда унесли его отъ гроба , — народъ бросился во-внутрь гроба прикладываться ; и я сподобился приложиться . Весь Христовъ гробъ былъ мокрый , якобы дождемъ вымоченъ ; но я не могъ узнать—отъ чего это . Посреди гроба стояла та великая лампада , которая сама зажглась , и великимъ свѣтомъ горѣла .

По Литургіи , каждый пошелъ въ свое мѣсто , и одинъ другаго поздравлялъ съ полученіемъ новыя благодати святаго свѣта .

103. Вечеромъ всѣ мы пошли ночевать во храмъ , ко Христову гробу . Когда же пришли въ храмъ , — увидѣли дивное и преславное зрѣлище : весь храмъ , а наипаче Божій гробъ , неизреченно украшенъ разными серебряными и златыми иконами и фигурами , а наипаче множествомъ серебряныхъ и вызлащенныхъ лампадъ , горящихъ великимъ свѣтомъ ; обставленъ множествомъ свѣчей бѣлаго воску , но еще не зажженныхъ . Весь храмъ увѣшенъ былъ лампадами : гдѣ прежде была одна лампада , тамъ десять : хотѣлъ я пересчитать , но не могъ . Вездѣ тихо и спокойно . Врата церковныя оставлены были не затворенными на всю ночь . Воины на площади развели огни . И была та ночь веселѣе всякаго дня : куда ни пойдешь ,

всюду радость найдешь ; и не только сія радость во храмъ Христова Гроба , но и по всему Іерусалиму ; всю ночь по улицамъ ходилъ народъ толпами ; всюду горѣли огни , и всѣ монастыри были отворены . Самые турки сдѣлались веселы и кротки , и толпами шли посмотрѣть въ храмъ Христова Гроба .

Только одни жидаы заперлись въ своихъ домахъ , не терпя видѣть свѣта истины , и коснѣя въ своей злобѣ . Франки же , хотя и враги Восточной Церкви , но и тѣ съ нами торжествуютъ . Въ храмъ же хотя и стоятъ войны кругомъ Христова гроба , но ко гробу Христову подходятъ никому не возбраняютъ . Такъ проводили вечеръ до десяти часовъ . Потомъ , за три часа до полуночи , начали благовѣстять къ утрени въ разныя доски , разными переборами , самымъ торжественнымъ образомъ . Пришелъ Патріархъ со всѣмъ своимъ соборомъ , и была ему самая церемоніальная встрѣча .

Потомъ начали утрению . Канонъ « волною морскою » пѣли весь на-распѣвъ , по стихамъ и по клиросамъ , съ ирмосомъ на четырнадцать ; пѣли два часа . Въ то время зажигали по всему храму свѣщи и паникадила ; въ самыхъ куполахъ зажгли не одну тысячу лампадъ .

Мы , монашествующіе , стояли всѣ въ алтарѣ . Потомъ Патріархъ и Митрополиты , Архіепископы и Епископы , архимандриты и игумены , священники и діаконы , и весь причетъ церковный , облачившись во всю священную одежду , взяли двѣнадцать хоругвий . Хоругви были богато убранныя ; жертвованы древними греческими и грузинскими Царями ; вышиты золотомъ и жемчугомъ : только на Пасху и показы-

вали ихъ. Позади Патріарха несли одну хоругвь три челоуѣка, шитую однимъ златомъ , съ изображеніемъ воскресенія Христова , російской работы, пожертвованную московскими купцами. Потомъ роздали всѣмъ большія свѣчи бѣлаго воска. Такжеде и по всему храму зажгли свѣчи и паникадила. Гробъ Христовъ казался якоже единъ огненный фонарь. Отъ большихъ свѣчей въ рукахъ каждаго сдѣлался весь храмъ въ огнѣ , и освѣтились церковные куполы подобно солнцу. Бывшіе въ крестномъ ходу взяли Евангелія, иконы , кресты и зажженные свѣчи , и пошли изъ алтаря Воскресенскаго храма въ царскія врата, прямо къ гробу Христову, поюще: « Воскресеніе Твое, Христе Спасе , Ангели поютъ на небесѣхъ : и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити ! » Когда обошли Христовъ гробъ трижды, — все духовенство остановилось противъ дверей гроба. Потомъ самъ Патріархъ прочиталъ воскресное Евангеліе, которое читается въ вечеру въ субботу на Литургіи; отъ Матѳ. зач. 115. Потомъ, взявши кадила, пошелъ вовнутрь, и покадилъ Божій гробъ ; вышедши , покадилъ кругомъ всю кувуклію и всю братію. Потомъ съ Архіереями пошелъ во-внутрь къ Христову гробу , и тамъ покадивши, возгласилъ: « Слава Святѣй, и Единосущнѣй, и Животворящей, и Нераздѣльнѣй Троицѣ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. » Владыки возгласили « аминь. » Тогда самъ Патріархъ со всѣми Архіереями , внутри надъ самымъ гробомъ, воспѣли: *Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ , смертію смерть поправъ , и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ , и проиѣли сіе трижды. Пѣли не по-русски, а по-гречески, т. е.: « Христосъ анѣсти экъ некротнѣ , ѳанато ѳанато*

тонъ патѣсасъ , ке тисъ энъ тисъ инѣмаси зойнѣ харисаменосъ.» Потомъ пѣли пѣвцы ; и всѣ вокругъ Христова гроба стоящіе пѣли многожды. О , какая тогда у всѣхъ была радость , и кто отъ радости могъ не плакать , видя гробъ своего Спасителя , Иисуса Христа , предъ очами своими стоящъ празденъ , и Самого Его воскресша изъ мертвыхъ ? Кто могъ не благодарить своего Создателя — что сподобилъ праздновать св. Пасху , Его славное изъ мертвыхъ воскресеніе , въ св. градѣ Іерусалимѣ , вокругъ самага Его гроба , и на самомъ томъ мѣстѣ — гдѣ совершилось таинство нашего спасенія ? Какое перо можетъ описать нашу неизреченную радость , или кто можетъ ее объяснить устами ? Который языкъ можетъ ее рассказать ? Только развѣ тотъ ее понять можетъ , кто вкусить той радости въ чистотѣ своего сердца. Какъ намъ было не радоваться , и не веселиться ? Собрались мы отъ четырехъ концовъ вселенныя , христіане разныхъ исповѣданій , разные языки , всѣ собрались въ одинъ храмъ ; всѣ стоимъ вокругъ гроба своего Спасителя , и всѣ прославляемъ Его славное изъ мертвыхъ воскресеніе. Поистинѣ , нынѣ вся исполнишася свѣта ; тогда канонъ Пасхи сдѣлался намъ весь открытъ и явствененъ. Ибо что поемъ , то и своими очами видимъ. И съ какими чувствами мы восклицали къ Сіону , на которомъ стояли : « возведи окрестъ очи Твои , Сіоне , и виждь : се бо придоша къ Тебѣ , яко Богосвѣтлая свѣтила , отъ запада , и сѣвера , и моря , и востока чада Твоя , въ Тебѣ благословящая Христа во вѣки.» Пѣсн. 8. ст. 2. Кан. Пасхи. *Воистинну для насъ была священная и всепразднственная сія спасительная ночь , и свѣтозарная свѣтоносная дне,*

востанія суцѣ провозвѣстница, въ нейже безлѣтній Свѣтъ изъ гроба плотски всплѣ возсіа. Пѣсн. 7.

Потомъ была ектенія. Когда начали канонъ пѣть, — пошли въ великую церковь; а на Христовомъ гробѣ одинъ священникъ съ діакономъ начали раннюю Литургію. Въ великой же церкви канонъ Пасхи весь пѣли на-распѣвъ. Послѣ утрени безъ расходу начали и Литургію. Служилъ Патріархъ съ полнымъ соборомъ, въ самомъ великолѣпномъ и торжественномъ видѣ. Апостолъ читали на трехъ языкахъ: на греческомъ, на славянскомъ и на арабскомъ. Евангеліе читали на разныхъ многихъ языкахъ: на славянскомъ читали трое, прочіе на еллиногреческомъ и на греческомъ, на латинскомъ, на турецкомъ, на молдавскомъ, на грузинскомъ, на сирскомъ, на арабскомъ, на египетскомъ и на абиссинскомъ; читали съ переборами въ доски. Литургію всѣ стояли со свѣщами. Мы утрени и Литургію стояли въ алтарѣ.

Когда окончилась Литургія, — начало свѣтать. Всѣ православные пошли въ патріархію, и тамъ во вратахъ каждому давали по два яйца красныхъ. Потомъ всѣ пошли по своимъ мѣстамъ.

104. Впрочемъ дали всѣмъ православнымъ поклонникамъ повѣстку, чтобы въ первомъ часу по полудни шли въ патріаршій монастырь къ вечерни. И мы пришли въ церковь патріаршую: она убрана и украшена была множествомъ лампадъ и свѣщей. Роздали всѣмъ въ руки по великой бѣлаго воска свѣщѣ, и стояли всю вечерню со свѣщами. Вечерня была самая торжественная. На входъ шло больше ста священниковъ и множество діаконѡвъ. Впередъ шли семь діаконѡвъ съ киріями; за ними несли двѣнадцать ри-

пидъ. Шли позадь всѣхъ столбовъ. Евангеліе читали, подобно какъ на Литургіи, много человекъ на разныхъ языкахъ, съ перезвонами. Послѣ вечерни было всѣмъ поклонникамъ угощеніе.

Потомъ отворили храмъ Христова Гроба, и пошли всѣ поклонники приложиться къ гробу Христову. Тамъ было плачевное зрѣлище: всѣ плачуть, всѣ рыдаютъ; всѣ гробъ своего Спасителя, Иисуса Христа, обнимають, и горячими слезами обливаютъ: потому что пришло время съ нимъ разлучиться, и на вѣки съ нимъ разстаться. Плачь и рыданіе, по всему храму; а наипаче жены громкіе гласы и вопли испускають. И на всѣхъ св. мѣстахъ лежитъ народъ, и встать не хошуть. Такъ всѣмъ грустно и скорбно разлучаться съ Іерусалимомъ, и разставаться съ живоноснымъ Христовымъ гробомъ.

105. Въ понедѣльникъ, по-утру, когда вышли мы отъ Литургіи,—уже по улицамъ и пройти стало нельзя. Всюду наполнено верблюдами и ослими, и арабами извозчиками. Всѣ суетятся, и отправляются каждый во свою страну. Во вторникъ еще больше отправилось. Мы же въ среду выѣхали. Взяли двое одного верблюда, на которомъ и отправились изъ Іерусалима, какъ и прочіе, со многими слезами. Іерусалимскіе жители и сами Архіереи выходятъ ежедневно за Давидовы врата провожать поклонниковъ. А Митрополитъ Мелетій всѣхъ благословляетъ. Мы выѣхали, едва помня себя отъ горести и отъ печали, что навсегда удаляемся изъ св. града Іерусалима, и что въ другой разъ увидѣть его не имѣемъ надежды. Но аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя, аще не помяну тебе, аще не предложу

Иерусалима, яко въ началѣ веселія моего. Наконецъ закрылся отъ очей нашихъ св. градъ Иерусалимъ! Тогда мы возопили ко Господу: « Господи, Господи! аще и извелъ еси насъ изъ земнаго сего рукотвореннаго Иерусалима, въ которомъ плотію Свою пострадалъ Ты; но не лиши насъ Твоего Иерусалима небеснаго, нерукотвореннаго, въ которомъ царствующи во вѣки безконечныя. Аще Ты и закрылъ отъ тѣлесныхъ нашихъ очей Свой живоносный гробъ; но, о Господи, Владыко челолюбче! открой нашимъ душевнымъ очесамъ Самого Себя, да видимъ Тебя разумно, и да утѣшаемся Тобою, нашимъ Создателемъ! О, Господи! виждь, како мы любимъ Твой живоносный гробъ. О, Господи! сподоби насъ возлюбити Тебе Самого отъ всея души, и отъ всего сердца нашего, и отъ всего помышленія нашего, да всегда предъ Тобою ходимъ, во вся дни живота нашего, да Тебя, нашего Владыку, ни въ чемъ не прогнѣваемъ! И скажи намъ, Господи, путь, въ онъже пойдѣмъ; и научи насъ творити святую волю Твою; яко Ты еси Богъ нашъ. Аще куда насъ поведѣши: самъ предъиди предъ нами; потому что безъ Тебя и Твоея помощи не можемъ благо творити ничтоже. Господи! аще посылаеши на насъ скорби и смущенія: Самъ даруй намъ крѣпость и терпѣніе. Аще насъ утѣшаеши: даруй намъ кротость и смиренномудріе, да не превознесемъ, и да не возгордимся. Но молимся Тебѣ, Господи: не пошли намъ скорби выше силъ нашихъ, избави насъ отъ лукаваго и отъ всѣхъ дѣлъ его.»

Въшли мы полями: пшеница уже поспѣвала, и зачинали ее жать. Почевать пришли мы въ городъ

Ремль ; а по-утру въ четвертокъ прїѣхали въ Яффу. т. е. въ Юппію. Въ пятокъ сѣли на корабль , и от-правились въ путь прямо во св. Гору Аѳонскую.

106. Много дней плавали по Средиземному морю. Потомъ занесло насъ вѣтромъ въ древнюю Ликійскую страну , недалеко отъ града Муръ ; и забѣжали мы между горъ , подобно какъ во врата. Внутри горъ великое озеро , верстъ на десять въ длину , такожде почти будетъ и въ ширину. По сторонамъ того озера и посреди на камняхъ множество домовъ стоитъ , какъ городъ. Дома всѣ изъ тесаннаго камня , а живущаго нѣтъ ни единого. Мы тому удивлялись , и спрашивали своихъ корабельщиковъ : « что это значить — что домовъ много , а жителей нѣтъ ? » Они же намъ рассказали такую вещь : « Гдѣ эта вода и все озеро , близъ коего мы стоимъ , — все было одинъ великій городъ , а какъ его называли , того не знаемъ. Но есть у насъ преданіе словесное такое , что еще до Рождества Христова , во времена идолопоклонства , былъ въ семь градъ богомерзскій праздникъ. Въ то время весь градъ провалился , и на томъ мѣстѣ сдѣлалось сіе озеро. Которые дома стояли по край города и оставались пустые , когда жившіе въ нихъ всѣ были на праздникѣ , тѣ дома остались , и до-днесь стоятъ. Такожде и внутри града , гдѣ не было людей , тѣ дома остались. » Мы много тому удивлялись. Дѣйствительно , посреди озера остались мѣста — гдѣ домовъ по пяти , а гдѣ и больше и меньше , а индѣ половинна дому осталась. Дома были великіе и прекрасные , и до-днесь еще удивляютъ. И до-днесь видна , поверхъ дверей и оконъ , по цѣльному тесанному камню богатая рѣзба. Еще осталось кладбище , которое было внѣ города , и

до-днесь стоятъ гробы , высѣченныя изъ цѣльнаго камня. И до-днесь изъ горъ мимо кладбища течеть вода, которая проведена была въ городъ ; но и она сдѣлалась красновата и вредна. Наши корабельщики по нуждѣ набрали ея ; но мы всѣ сдѣлались отъ нея нездоровы ; послѣ выжили вонъ. Градъ былъ очень великъ. Врата , которыя были къ морю , до-нынѣ стоятъ. Дома , которые остались , весьма великолѣпны и по нынѣшнимъ временамъ ; кольми паче въ тогдашнее время. Названіе города осталось неизвѣстно. Мы стояли тамъ пять дней. И градъ Мұры Ликійскія былъ не далеко ; но не можно было намъ посѣтить его , потому что не стояли еще въ карантинѣ.

107. Потомъ пошли въ путь , и прошли мимо многихъ острововъ. Пришли къ острову *Самосу* , и тамъ стояли въ карантинѣ десять дней. Островъ Самось великъ и плодороденъ , имѣетъ своего Князя ; жители его — на особыхъ правахъ , подъ вѣдѣніемъ Султана турецкаго. Святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій , Кириллъ , уроженецъ съ сего острова Самоса. Выстоявши карантинъ , еще три дни стояли въ городѣ , потому что не было попутнаго вѣтра. Потомъ отправились въ путь. Еще при островѣ *Хіосъ* стояли за неблагополучнымъ вѣтромъ. Потомъ отправились , и пришли во святую Гору Аѳонскую , мѣсяца мая въ 18-й день.

108. Благодарю Господа Бога моего , яко сподобилъ мене сходить во св. градъ Іерусалимъ , поклониться Его живоносному гробу и прочимъ св. мѣстамъ во Іерусалимѣ и Палестинѣ. За все сіе возсылаю славу и благодареніе , честь и поклоненіе Отцу и Сыну и Святому Духу , нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОПИСАНІЕ

СВЯТЫЯ ГОРЫ АѦОНСКІЯ.

109. Теперь мнѣ надобно отдать долгъ св. Горѣ АѦонской, въ которой я проживалъ не малое время, — съ 1839 и по 1846 годъ, и которую исходилъ своими ногами. Хочу, хотя не во всей подробности и полнотѣ, описать пресловутую св. Гору АѦонскую, Царицы небесной жребій, монашеское царство, обуреваемымъ мірскими страстями тихое и небурное пристанище и упокоеніе, грѣхами недугующимъ врачевницу, и отъ мірскихъ прелестей удаляющимся прибѣжище.

Сію гору избрала Божія Матерь, Царица Небесная, Себѣ во жребій, якоже пишетъ Стефанъ Святогорець, когда ходила Она посѣщать праведнаго Лазаря, на островѣ Кипрѣ жившаго. Многожды онъ Ее просилъ, да его посѣтитъ. И Она, собравшись съ Іоанномъ Богословомъ, сѣла на корабль, и поплыла въ Кипръ. Но поднялась великая буря, и носила ихъ по морю много дней. Потомъ принесло ихъ къ Горѣ АѦонской, и пристали они къ Климентовой пристани — гдѣ нынѣ стоитъ Иверскій монастырь. Въ то время

на Горѣ Аѳонской множество было идоловъ , и приходили идолопоклонники имъ поклоняться , и приносить скверныя жертвы. Въ то-же самое время, когда пристала Божія Матерь , въ идолахъ жившіе бѣсы возопили , принуждаемые невидимою Божіею силою: « О, горе , и увы намъ ! И откуда пришла Божія Матерь насъ мучити : се бо стоитъ въ Климентовомъ пристанищѣ. » Вскорѣ они умолкли , а народъ побѣжалъ къ Климентову пристанищу. Увидя корабль , начали спрашивать : « которая Божія Матерь ? и какъ Она родила Бога ? » Царица небесная , отверзши Свои пречистыя и божественныя уста , повѣдала имъ все по ряду. И всѣ увѣровали во Христа , и крестились. Святый Іоаннъ Богословъ поставилъ имъ Епископа. Тогда Пречистая Дѣва , небесная Царица , отверзла божественныя Свои уста , и сказала : « сей Мой жребій , данный Миѣ отъ Сына Моего , и не имамъ его оставити до скончанія вѣка , и сама буду здѣсь пребывать , и буду мѣсту сему заступница и покровительница. » Въ другой разъ объщаніе Богоматери о св. Горѣ Аѳонской было по слѣдующему случаю : св. Петръ Аѳонскій , въ званіи воеводы , плѣненъ былъ варварами и въ темницѣ заключенъ. Его избавили чудесно Святитель Николай Чудотворецъ и св. Симеонъ Богопріимецъ. Онъ пришелъ въ Римъ , и тамъ постриженъ былъ въ иноческій образъ. Однажды стоялъ онъ ночью въ церкви , и молился. Пречистѣй Богородицѣ , да наставитъ его , и покажетъ мѣсто , гдѣ имать спастися , и Она , явившись ему , сказала : « Есть въ Европѣ гора великая и предобрая , и внутрь моря довольно протяженная. Сію гору Азъ избрала въ жилище Себѣ , и не оставлю ея до скончанія вѣка , и

сколько въ ней будутъ жить и спасаться, всѣмъ сама буду промыслительница, цѣлительница и питательница. И будутъ они имѣть все потребное, съ малымъ трудомъ. И Азъ буду пещись о тѣлесномъ ихъ пропитаніи, вкупѣ и о душевномъ ихъ спасеніи, научать, что подобаешь творити, и возбранять отъ неполезныхъ дѣлъ.» Услышавъ о такомъ обѣщаніи Царицы Небесной, св. Петръ поселился въ сей горѣ; а послѣ него многіе другіе оставили міръ и вся яже въ мірѣ, иные—царскія короны, иные—архіерейскія каедры, иные—княжескія чести и всякую славу міра сего, иные—богатство, дома, семейство и сродниковъ своихъ; и пришли въ св. Гору Аѳонскую, вселились въ ней, и сотворили пустыню аѳонскую яко градъ прекрасенъ: украсили ее священными лаврами и честными монастырями и св. киновіями, скитами, келліями, жилищами постниковъ и отшельниковъ; обогатили ихъ, и соорудили въ нихъ прекрасныя храмы и трапезы, келліи, больницы и гостиницы, ради братій, живущихъ и спасающихся, и ради приходящихъ и страннихъ, да упокоются; и не токмо соорудили, но и украсили разными вкладами, св. чудотворными иконами, Честнаго Древа крестами и св. мощами, священными сосудами и одеждами; еще же даровали имъ села, земли, метохи и подворья, къ упокоенію и препитанію живущихъ въ нихъ братій, и страннихъ, и мимоходящихъ, и пустынножителей.

110. Теперь приступлю къ описанію монастырей, стоящихъ по восточной странѣ Аѳона. Начну отъ полудня, отъ самаго лба Аѳона. Первый монастырь—славная *Лавра Аѳанасія Аѳонскаго*: храмъ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Основатель

Лавры былъ св. Аѳанасій Аѳонскій; внутри церкви есть гробъ его, а мощи его подъ спудомъ почиваютъ. Въ церкви хранятся: жезлъ св. Аѳанасія, которымъ ударила Божія Матерь въ камень, и явился источникъ воды; — крестъ, который св. Аѳанасій на себѣ носилъ. Еще здѣсь обрѣтается чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, нарицаемая «*Икономисса*», именуемая такъ потому, что Богоматерь общалась св. Аѳанасію—его Лавръ и всей Горѣ Аѳонской быть икономомъ. Еще имѣются кресты Честнаго Древа, и множество частей отъ св. мощей. Въ завѣдываніи Лавры много есть скитовъ и келлій. Первый скитъ— во имя св. *Анны*, матери Пресвятыя Богородицы. Второй — называется *Малая св. Анна*. Третій — св. *Василія*. Четвертый — *Кавсокалиба*, во имя Святыя Троицы. Пятый—св. *Іоанна Предтечи*. Шестой скитъ— *Керася*. Здѣсь живутъ самые строгіе постники. Здѣсь при мнѣ жилъ общій аѳонскій духовникъ, именемъ Неофитъ, съ учениками. Ови никогда не вкушали ни сыру, ни рыбы, ни вина; а съ масломъ деревяннымъ вкушали пищу только по великимъ праздникамъ. Отъ сего скита идетъ дорога на самый Аѳонъ. Седьмой скитъ — *Нила Мрроточиваго*: храмъ во имя Успенія Богородицы. Осьмой — великая и богатая *келлія св. Троицы*, на мѣстѣ славномъ, нарицаемомъ *Морвана*. Девятый—славное мѣсто, нарицаемое *Провата*: много имѣетъ келлій богатыхъ, съ церквами. Десятый — славная келлія *Каруля*: стоитъ почти въ непроходимомъ мѣстѣ, во имя св. Великомученика Георгія. Одиннадцатый—*пещера Петра Аѳонскаго*. И до-нынѣ въ ней проживаютъ пустынножители, которые никогда не показываются прочимъ. Двѣнадцатый — *источникъ*

Божия Матери, гдѣ она повелѣла св. Аѳанасію ударить жезломъ въ камень. Лавра завѣдывается и самымъ верхомъ Аѳона. Отъ Лавры до вершины шесть часовъ ходу, т. е. тридцать верстъ. На самой вершинѣ есть церковь Преображенія Господня. Еще принадлежитъ Лаврѣ множество келлій и колибъ. Лавра весьма велика, но ветха, и церковь такожде; общежитія не содержитъ. Отъ моря отстоитъ на полчаса ходу; стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ, на открытомъ воздухѣ; воды имѣетъ много холодной; и много имѣетъ водяныхъ мельницъ: одна подлѣ монастыря. Великій имѣетъ огородъ, ради овощія, и много разныхъ лѣсовъ, садовъ и виноградниковъ.

111. Отъ Лавры четыре часа ходу — второй Монастырь, *Каракаль*, во имя св. Апостоля Петра и Павла. Монастырь не великъ, но красивъ. Церковь и трапеза расписаны иконнымъ стѣннымъ писавіемъ. Имѣетъ много частей отъ св. мощей и крестъ небольшой Честнаго Древа. Братія содержатъ общежитіе. Монастырь весьма бѣденъ, потому что хлѣбопашества не имѣютъ. Келлій имѣетъ много, воды и лѣсу изобильно; отъ моря полчаса ходу. Стоитъ въ долинѣ. Огородъ имѣетъ хорошій.

112. Отъ Каракала на одинъ часъ ходу — третій монастырь, *Филовей*, въ честь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Выстроенъ однимъ пустынножителемъ, Филоеємъ, при помощи разныхъ лицъ. Церковь и трапеза иконописаны; много есть отъ св. мощей частей, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Братія общежитія не имѣютъ. Монастырь не богатый. Имѣетъ много келлій; воды и лѣсу довольно; вода холодная. Хлѣбопашество имѣетъ; садовъ и виноградниковъ до-

вольно. Отъ моря одинъ часъ ходу. Стоитъ на полу-горѣ, на открытомъ мѣстѣ, на красотѣ.

113. Отъ Филовея полтора часа ходу — четвертый монастырь, *Иверъ*, преславная и богатая Лавра: храмъ во имя Успенія Божія Матери; храмъ великъ и прекрасенъ, благолѣпно убранъ и весь иконописанъ. Въ семь монастырѣ обрѣтается пречудная икона Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, нарицаемая *Иверская*, *Вратница Аѳонская*, которая и до-днесь источаетъ чудеса многія. Преданіе о ней сицевое имѣется: « Сія икона пришла въ Аѳонскую Гору по морю, поверхъ воды, яко на лакоть. Пришла она ношю. По-утру отцы, увидѣвши икону на морѣ стоящую и яко солипе сіяющую, вышли съ литією, крестнымъ ходомъ, и хотѣли ее взять; но она поднялась на высоту. Отцы много молились, но ничтоже успѣли. Отъ монастыря два часа ходу, въ глубочайшей пустынь, и до-нынѣ зовомой *Гаврилина гора*, живъ одинъ монахъ, пустынножитель, именемъ Гавріилъ. Въ ту ночь явившись ему Царица небесная, Богородица, сказала ему, чтобы онъ скоро шелъ въ монастырь, взялъ съ моря Ея икону, и поставилъ ее во вратахъ монастырскихъ; и еще сказала: « Азъ есмь вратница и стражъ монастырю сему и всей Горѣ Аѳонской »; и стала невидима. Старецъ Гавріилъ, послушавъ и скоро вставъ, пришелъ въ монастырь, и увидѣлъ, что братія на брегѣ моря стоятъ, а нѣкоторые въ ладіяхъ плаваютъ, икона же Пресвятыя Богородицы на воздухѣ стоитъ. Старецъ съ вѣрою пошелъ по морю, яко по-суху, взялъ чудотворную икону Богородицы, и вынесъ ее на брегъ. Гдѣ вышелъ на сушу, тамъ появился источникъ воды, кото-

рый и до сего дня течетъ. Гавріилъ поставилъ икону во вратахъ монастырскихъ, какъ заповѣдала Богородица, и сказалъ, что Она будетъ вратница обители сей и всей Горѣ Аѳонской; а самъ ушелъ въ свою пустынную келлію. Отцы поставили икону въ соборной церкви, но по-утру паки обрѣли ее во вратахъ. Трижды покушались вносить икону въ храмъ, но паки обрѣтали ее на вратахъ. Потомъ оставили ее тамъ стоять. По этому и наречеса *Вратница*. Тамъ устроили малую церковь, которая и до-днесь существуетъ, и въ ней стоитъ чудотворная икона Богоматери *Вратарница*. А врата отъ иконы повернули на право. Иверскою икона названа по сему случаю: Дослѣ ея явленія прошло нѣсколько времени; приходитъ въ монастырь нѣкій юноша, отъ Иверскія земли, что нынѣ именуется Грузія. Когда юноша взошелъ въ церковь, и увидалъ икону, то узналъ ее, заплакалъ, и сказалъ къ ней: «Вотъ куда Ты пришла, моя Владычица? Теперь прими и мене къ Себѣ, и не остави мене, къ Тебѣ пришедшаго.» Отцы, видѣвши сіе, начали его спрашивать: «какъ и почему знаетъ онъ икону?» Онъ же отвѣчалъ: «Какъ мнѣ ее не знать? Она изъ нашего дому. Я при ней родился и воспитался, и мать моя отдала меня ей на сохраненіе. Она стояла въ нашемъ домѣ, отъ прародителей намъ преданная. Отецъ мой на браніи убитъ былъ, и мать моя осталась вдовою. Пришли персы, и опустошили нашу землю. Нѣкоторые войны вторглись въ домъ нашъ, и одинъ изъ нихъ ударилъ копіемъ въ лице иконы; и абіе изъ язвы истекла кровь; сами вы видите язву и кровь на лицѣ ея. Мать моя горько восплакала, а воины, видѣвши сіе чудо, испу-

гались и ушли. Но не имѣя надежды сохранить у себя икону, и боясь видѣть ее поруганною отъ злобныхъ воиновъ, мать моя взяла меня, привела къ иконѣ, и сказала къ ней со слезами: «Царица моя небесная! Тебѣ препоручаю сына моего: сама спасайся, и сына моего сохраняй.» Потомъ взявши икону, пустила ее на рѣку, и сказала: «О Пресвятая Богородице! ищи сама Себѣ мѣсто, также и сыну моему», и обратившись ко мнѣ сказала: «иди въ греческую страну, и тамъ спасайся.» А сама воротилась въ домъ свой. Вскочили въ домъ другіе воины, и убили мать мою; а я бѣгствомъ спасся. И до-днесь, ходя и странствуя, искалъ своей поручницы, и се нынѣ нашелъ ее здѣсь.» Тогда отцы уразумѣли, что отъ Иверской земли пришла икона въ Аѳонскую Гору, и нарекли ее *Иверская*, а *Вратарница Аѳонская*. Юноша же тотъ постригся тамъ въ монашество, а послѣ былъ въ этомъ монастырѣ игуменомъ. Узнавши сіе, благовѣрные Иверскіе Цари распространили сей монастырь. И начали приходять въ него изъ Иверской земли братія, и постригаться въ монашество. По этому и именуется сія обитель *Иверскою*.»

Сіе преданіе содержится въ святой Горѣ Аѳонской, и сохранилось между скитниками и пустынножителями: потому что у нихъ болѣе достовѣрное сохранилось преданіе о каждомъ аѳонскомъ монастырѣ, его происхожденіи и святынѣ, нежели въ самыхъ монастыряхъ. Я сіе испыталъ на дѣлѣ. Во многихъ монастыряхъ спрашивалъ братію о нѣкоторыхъ предметахъ и о ихъ происхожденіи; но всегда братія отзывались незнаніемъ. А причина тому слѣдующая: новоначальнымъ, приходящимъ изъ міру, совершенно

запрещено—о чемъ либо спрашивать и любопытствовать, и между собою на послушаніи разговаривать, и также ходить одинъ къ другому въ келлію; старцы строго наказываютъ, чтобы только каждый учился молчанію и созерцанію, и внималъ самъ себя. По большей части и это случается, что новоначальныхъ и молодыхъ посылаютъ на разныя послушанія вниъ святой Горы, на метохи и на подворья, гдѣ часто проживаютъ лѣтъ по десяти. По этому устное преданіе имъ неизвѣстно. Напротивъ, въ скитахъ и въ пустыняхъ, всякое преданіе сохранилось живо и вѣрно: ибо тамъ живутъ попростѣ, вдвоемъ и втроемъ, и часто случается, что какъ кто прійдетъ въ Аѳонскую Гору, такъ до смерти не выходя тамъ и проживаетъ. И ученики старца своего обо всемъ разспрашиваютъ, и не по-однажды; а старецъ имъ рассказываетъ все по-подробну, то, что также слышалъ отъ своего старца и отъ прочихъ отцовъ. У нихъ между собою бываютъ частыя собранія, какъ то: въ храмовые праздники, въ именины и поминки, и часто въ таковыхъ душеполезныхъ бесѣдахъ препровождаютъ цѣлыя ночи. И тамъ есть чего послушать назидательнаго, когда сѣдинами украшенные старцы между собою разговариваютъ, а юные сидятъ и со вниманіемъ слушаютъ, а иногда дѣлаютъ и вопросы. Сими старцамъ извѣстна вся Гора Аѳонская, какъ свой садъ: они знаютъ—по какой причинѣ и кѣмъ каждый монастырь основанъ и выстроенъ, и какая святыня въ немъ находится, и какія достопамятныя событія тамъ происходили, и какіе прежде бывали и нынѣ есть тамъ подвижники, чего и своя братія не знаютъ. Они знаютъ—какая гора или долина, или келлія, отъ

чего получила названіе, и какое тамъ случилось происшествіе. Объ этомъ у скитниковъ частыя бываютъ бесѣды; этимъ они себя и назидаютъ. Но все это только содержится по устному преданію; а писанію, къ сожалѣнію, едва ли кто что предалъ, да едва ли кто о томъ и подумалъ. Я и самъ, на келліи поживъ годъ, тогда только кое-что могъ узнать; а чтобы предать писанію, того и на мысль не приходило; а послѣ, проживши шесть лѣтъ въ общежительномъ русскомъ монастырѣ, уже ничего новаго не узналъ, и послѣднее, что зналъ и слышалъ живя на келліи, то почти все позабылъ, ибо тамъ каждый только внимаетъ своему спасенію. Мнѣ случилось быть въ монастырѣ Хилендарѣ; я спросилъ: «что такое значить икона *Троеручица*? откуда и къмъ она къ нимъ въ монастырь принесена?» Но они отвѣчали: «мы не знаемъ.» Я спросилъ скитниковъ и пустынножителей, и они всѣ знаютъ. Какъ тогда полагалъ, такъ и теперь увѣренъ, что эти всѣ преданія — самыя древнія и вѣрныя. Только скоро и отъ скитниковъ узнать всего невозможно; а надобно между ними пожить, ближе съ ними познакомиться, ходить на ихъ собранія, и обо всемъ любопытствовать и спрашивать ихъ; да еще тому хорошо, кто знаетъ греческій и болгарскій языки.

Въ Иверской обители хранится множество частей отъ св. мощей и три креста съ частями Честнаго Древа. На паперти у соборнаго храма есть написанная на стѣнѣ чудотворная икона Самого Спасителя Иисуса Христа, въ самый подлинный ростъ, какого Онъ былъ во плоти; и горятъ предъ ней неугасимая лампада. Монастырь великъ и прекрасенъ, а трапеза

старая и обветшавшая. Воды имѣеть много, но лѣтомъ тепла, потому что издалека проведена. Лѣсу много всякаго. Есть великій огородъ, не только ради братій, но много овощія и продають. Много хлѣба, масла и вина, но общежитія не содержатъ. Страннопріятія и страннолюбія во всей Аѳонской Горѣ нѣтъ такого, какъ въ Иверскомъ монастырѣ. Каждую недѣлю и праздникъ бываетъ для всѣхъ странныхъ общая трапеза. Хотя и во всей Горѣ странныхъ принимаютъ и упокояють, но не столько тамъ бываетъ народу, какъ въ Иверѣ: ибо у Ивера пристань корабельная и близко Карея, т. е. базарь; также вблизи его много скиотовъ, козъ и келій. Но не токмо въ праздничные дни дѣлають трапезу, а ежедневно всѣмъ мимоходящимъ подають во вратахъ по порціи пшеничнаго блага хлѣба, котораго довольно человѣку на день. Хотя бы случилось и дважды кому пройти въ день, никогда не отказываютъ. И течеть, яко рѣка великая, изъ Иверскаго монастыря ежедневная милостыня. Имѣеть подъ собою одинъ великій *скитъ*, называемый *Иверскій*, во имя честнаго Пророка Іоанна Предтечи, усѣкновения его чествья главы. Къ этому же монастырю принадлежитъ славный скитъ *Магула*, процвѣтавшій въ свое время великими подвижниками. Стоитъ на самой красотѣ, на открытомъ воздухѣ, противъ монастыря Филоѳея; нынѣ же находится почти въ заустѣннѣ, и мало въ немъ живущихъ; храмъ — во имя Преподобныхъ Отецъ и пустынножителей, Онуфрія Великаго и Петра Аѳонскаго. Монастырь Иверъ много имѣеть въ своемъ завѣдываніи великихъ и богатыхъ келій. Стоитъ близъ моря, сажень сто отъ моря, между горъ, въ долинѣ.

114. Отъ Ивера въ гору полтора часа ходу — пятый монастырь, *Котломушъ*: храмъ во имя Преображенія Господня. Храмъ великъ и прекрасенъ, и весь иконописанъ; и трапеза такожде. Имѣеть много частей отъ св. мощей и крестъ съ частию Честнаго Древа. Общежитія братія не имѣють. Лѣсу и воды довольно, и вода холодная. Монастырь имѣеть подъ собою великій *скитъ Котломушскій*, гдѣ храмъ во имя св. Великомученика Пантелеимона. Много имѣеть богатыхъ келлій и садовъ. Отъ моря одинъ часъ ходу. Стоитъ на открытомъ воздухѣ, между келлій и садовъ, подобно какъ во градѣ.

115. Отъ сего монастыря сажень двѣсти находится *Карей*, или базаръ, — первое мѣсто во всей Горѣ Аѳонской: подобна хорошему граду; много лавокъ съ разными товарами, и ежедневная торговля. Посреди Карей стоитъ великая соборная церковь, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы.

116. Въ томъ храмѣ въ алтарѣ стоитъ чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, нарицаемая «*Достойно есть*», предъ которой Гавріилъ Архангелъ первоначально пропѣлъ сію пѣснь Царицѣ Небесной: достойно есть яко воистинну блажити Тя, Богородице, и пр. до конца. Много есть и частей отъ св. мощей и крестъ съ частию Честнаго Древа. Близъ церкви находится *Протанъ*, т. е. аѳонское судебное мѣсто, гдѣ засѣдаютъ члены собора, по очереди изъ всѣхъ монастырей. Тамъ живетъ и турецкій начальникъ, называемый Агá. На Карей каждую субботу собирается базаръ. Мѣрскіе привозятъ чтò требуется для монаховъ, а монахи приносятъ продавать каждый свое рукодѣліе. При Карей каждый монастырь имѣеть

свое подворье съ церковію и гостинницею. Вокругъ Кареи много живутъ разныхъ мастеровыхъ людей, и вокругъ множество келлій, садовъ и лѣсовъ, и преизобильно холодной воды.

117. На Кареѣ есть одна келлія, называемая *Постница*: храмъ во имя Саввы Освященнаго. Въ ней стоятъ чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, именуемая «*Млекопитательница*», ибо питаетъ Предвѣчнаго Младенца сосцами. Принадлежитъ сія келлія къ монастырю Хилендарю. Выстроилъ ее св. Савва, Сербскій Царевичъ. Икону самъ принесъ изъ Іерусалима, и поставилъ ее въ этой келліи, на правой странѣ, на Спасителевомъ мѣстѣ. И написалъ уставъ своею рукою на пергаментѣ, и положилъ въ этой келліи. Уставъ же такой: «Аще кто хоцетъ жити на сей келліи, да живутъ два или три брата богобоязливы, и да содержатъ и соблюдаютъ уставъ таковъ: службу церковную да отправляютъ по уставу, еще же да прочитываютъ каждый день весь Псалтирь, Богородицѣ акаѳеистъ съ канономъ, и часть Апостола. Каждую седмицу да прочитываютъ Евангеліе. Монашеское келейное правило да не оставляютъ. Пищу же тако да употребляютъ: пять дней сухоѣдятъ, а рыбы и сыру никогда; въ субботу и недѣлю да разрѣшаютъ на масло и вино.» И другое много тамъ написано. И до-днесь сохраняется рукою св. Саввы писанный уставъ, и соблюдается его преданіе въ цѣлости безъ упущенія. Еще близъ Кареи есть великая келлія, называемая *Серай*: принадлежитъ къ Ватопедскому монастырю, а проживаютъ на ней русскіе. Еще при Кареѣ есть великое училище, въ которомъ учатся іеромонахи и іеродіаконы, а простыхъ монаховъ не

принимають. Вся Карейя стоитъ на ровномъ , открытомъ и здоровомъ мѣстѣ.

118. Отъ Карейи къ морю, полтора часа ходу, шестой монастырь — *Ставроникита* , во имя Святителя Христова Николая Чудотворца; отъ Иверскаго монастыря до него , по берегу моря , одинъ часъ ходу. Монастырь малъ и бѣденъ , храмъ не великъ , но прекрасенъ и весь иконописанъ. Имѣетъ въ себѣ чудотворную икону Святителя *Николая* , не красками писанную, но изображенную мусією. Сія икона обрѣтена въ морѣ сицевымъ образомъ:

119. Когда святѣйшій Патріархъ Константинопольскій Іеремія былъ въ Россіи, въ царствованіе Благочестиваго Россійскаго Царя , Ѳеодора Іоанновича , и поставилъ въ Россіи перваго Патріарха Іова : тогда, какъ самъ Царь , такъ и прочіе россияне щедро наградили его. Онъ же, возвратившись въ Константинополь, захотѣлъ поправить аѳонскіе монастыри, а паче обратилъ вниманіе на монастырь Ставроникиту , который былъ уже почти разрушенъ. Сей монастырь прежде былъ во имя Іоанна Предтечи. Когда же начали его строить, то почти построили снова. Когда воедино время рабочіе ловили рыбу , то изъ моря неведомъ вытащили икону Святит. Николая , мусією изображенную: между очей на лбу мусія высорилась, и въ той язвинѣ вмѣстилась устрица. Тѣ видѣвши, мастера и братія сказали Патріарху. Когда начали устрицу вытаскивать , то отъ иконы пошла кровь, которая и до-днесь видна на иконѣ. Видѣвши Патріархъ Іеремія сіе чудо, преименовалъ монастырь во имя Святит. Николая. Стоитъ монастырь на каменн, на скалѣ , надъ самымъ моремъ ; скала вышины

саженъ десять; весьма малъ и тѣсенъ. Имѣеть много отъ св. мощей частей и великій крестъ изъ Честнаго Древа. Братія общежитія не имѣютъ; воды мало, и та теплая; лѣсу очень мало, и то мелкій. Имѣеть двѣнадцать келлій съ церквами, но весьма бѣдныя. Хлѣбопашества много. Хлѣба и масла много продаютъ, и вина про себя становится. Огородъ имѣется хорошій. Подъ вѣдомствомъ сего монастыря сначала не мало я проживалъ.

120. Отъ Ставроникиты одинъ часъ ходу — седьмой монастырь, *Пантократоръ*: храмъ во имя Преображенія Господня. Храмъ порядочный и весь иконописанъ; имѣеть въ себѣ чудотворную икону Пресвятыя Богородицы. Въ этой обители хранится св. Евангеліе Іоанна Кущника, которое написали ему родители. Довольно имѣеть отъ св. мощей частей и крестъ Честнаго Древа. Воды имѣеть не много, и та теплая; лѣсу, хлѣба, вина и масла довольно. Общежитія братія не имѣютъ. Подъ вѣдомствомъ сего монастыря находится русскій скитъ *Иліи Пророка* и еще другое славное мѣсто — *Капсаль*: прежде былъ Капсальскій скитъ, но нынѣ стоитъ пустъ. По Капсалу много келлій и колибъ, въ которыхъ много проживаетъ братій, а наипаче русскихъ. На Капсаль находится знаменитая келлія, нарицаемая «*Достойно*», въ которой сію пѣснь пѣлъ Гавріилъ Архангелъ. Монастырь *Пантократоръ* много имѣеть богатыхъ и бѣдныхъ келлій и колибъ; и довольно имѣеть лѣсовъ и хлѣбопашества, садовъ и виноградниковъ. Стоять на скалѣ; отъ моря, отъ воды саженой двадцать.

121. Отъ Пантократора до *скита Иліи Пророка* одинъ часъ ходу. Скитъ великъ и прекрасенъ, на-

подобіе монастыря. Житіе имѣють общее. Живуть одни малороссіане; отъ св. мощей имѣють только одну часть св. Апостола Андрея Первозваннаго. Служба отправляется на славянскомъ языкѣ. Напѣвомъ поють російскимъ, пустыннымъ. Лѣсу имѣють мало; хотя и въ лѣсу стоитъ, но въ монастырскомъ. Хлѣбопашества отнюдь не имѣеть, такожде и масла. Вина про себя становится; воды мало, и та теплая. Хотя и есть внутри колодезь, но вода вредная. Рыбы имѣють довольно. На рѣкѣ Дунай имѣють свой заводъ. Стоитъ на полугорѣ въ лѣсу.

122. Отъ скита Иліи Пророка одинъ часъ ходу — *скитъ Богородицы*: храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Живуть болгары; содержатъ прекрасное общежитіе. Воды, лѣсу и вина имѣють довольно; хлѣбопашества и масла не имѣють. Отъ моря два часа ходу; стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ въ лѣсу. Лучше этого скита я незнаю во всей Горѣ Аѳонской: никакихъ особенныхъ попеченій не имѣють; всегда въ тишинѣ и въ безмолвіи трудятся, отъ утра до вечера находятся въ безмятежномъ послушаніи, близу скита, и всегда игумень съ братією вмѣстѣ трудится. Ночью упражняются въ келейной и соборной молитвѣ. Уставъ содержатъ русскаго общежительнаго Пантелеимонова монастыря; къ нему принадлежитъ и скитъ. Службу отправляютъ на славянскомъ языкѣ. Напѣвомъ поють греческимъ. Прежде находилась въ немъ чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, нарицаемая «*Пресладкое цѣлованіе.*» Но во время смутныхъ временъ пропала; нынѣ только списокъ остается.

123. Отъ Пантократора два часа ходу — осьмой монастырь, *Ватопедъ*: знаменитая славная и богатая

Лавра; превосходить всё аеонскіе монастыри богатствомъ, святынею и постройкою. Главный храмъ — въ воспоминаніе Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Храмъ великъ, иконописанъ и богато изукрашенъ; выстроенъ Царемъ Великимъ Θεодосіемъ; возобновленъ при Аѳанасіи Аеонскомъ; достроенъ и украшенъ св. Саввою, Царемъ Сербскимъ. Здѣсь находится шесть иконъ чудотворныхъ Пресвятыя Богородицы. Здѣсь и поясъ Ея хранится. Здѣсь въ обители Пресвятая Богородица взяла на Себя два послушанія — трапезаря и ключаря.

124. Первая чудотворная икона Пресвятыя Богородицы — нарицаемая «*Ктиторская*», стоявшая въ алтарѣ въ кладезѣ семдесятъ лѣтъ, съ восженною свѣчею, во время нашествія поганныхъ арабовъ. Поставилъ ее одинъ молодой епископъ; самого же его увели въ плѣнъ. Когда онъ состарѣлся, тогда его отпустили, и онъ паки пришелъ въ св. Аеонскую Гору въ свою Ватопедскую обитель. Но братія его не принимали, и говорили — что старъ, не можетъ проходить послушанія. Онъ же увѣрялъ ихъ, что онъ сего монастыря монахъ, и былъ много лѣтъ въ плѣну. Братія же ему не вѣрили. Тогда онъ ихъ спросилъ: «а гдѣ у васъ Ктиторская икона?» Они ему отвѣтили: «мы не знаемъ; у насъ въ обители Ктиторской иконы нѣтъ.» Онъ паки спросилъ ихъ: «а знаете ли — что у васъ въ алтарѣ есть?» Они отвѣтили — что не знаютъ. Онъ же имъ сказалъ: «а я знаю, что тамъ есть кладезь, а въ немъ икона Пресвятыя Богородицы Ктиторская, которую я самъ поставилъ, и зажегъ предъ нею свѣщу»; и показалъ имъ мѣсто. Когда разломали полъ, то воистинну

нашли владезь, и въ немъ икону стоящую, и свѣчу предъ нею горящую. Тогда братія прославили Бога и Божию Матерь. И до-днесь свѣща та цѣла; только подкладываютъ воску, и горить неугасаемо.

125. Вторая икона—яже проглагола Царицѣ, женѣ Царя Θεодосіа. Когда было освященіе храма, — Царица была на кораблѣ, и захотѣла посмотрѣть храмъ. Во время Литургіи пошла она въ церковь. Когда вошла во-внутрь, — икона Богородицы, стоящая къ стѣнѣ, обратила очи свои назадъ къ Царицѣ, и испустила гласъ: «ты зачѣмъ, жено, сюда пришла?» Царица же отвѣтила: «я — Царица!» Отъ иконы слышался паки гласъ: «Азъ есмь здѣсь Царица, а не ты.» Тогда Царица упала. И до-нынѣ на иконѣ Богородица имѣетъ очи свои назадъ обращенныя.

126. Третія икона Богородицы стоитъ въ притворѣ. Ее одинъ діаконъ ударилъ ножомъ въ лице, и тотчасъ изъ язвы истекла кровь; и до-нынѣ язва и кровь на лицѣ ея. Діаконъ же ударилъ ножомъ икону Богоматери по такой причинѣ: Служивши всенощное бдѣніе и Литургію, и пришедши въ трапезу къ келарю, началъ просить для подкрѣпленія и утѣшенія себѣ вина. Келарь ему отказалъ; онъ началъ просить усильственно, и даже вышелъ изъ себя, по свойственному грекамъ характеру и пылкой юности. Келарь вынужденъ былъ сказать, что сегодняшній день нѣтъ разрѣшенія на вино, и ему не приказано никому давать. Діаконъ же спросилъ: «кто не приказалъ давать? я служащій и очень ослабѣлъ!» Келарь отвѣтилъ, что ему Божія Матерь, Келарша, стоящая въ паперти, не велѣла давать вина никому. Діаконъ, разгорячившись на келаря, и схвативши ножъ, по-

бѣжалъ въ паперть, подошедши къ иконѣ, и сказавши: « я служивши изнемогъ, а Ты еще мнѣ не приказала дать вина », ударилъ ножемъ въ лицо ; и изъ язвы брызнула кровь. Онъ же , испугавшись , упалъ на землю какъ мертвъ ; и потомъ стоялъ противъ иконы, къ задней стѣнѣ , десять лѣтъ , и плакавши просилъ прощенія въ своей дерзости и грѣхѣ. Потомъ отъ иконы, нынѣ именуемой *Закланная*, былъ ему гласъ: « тебѣ прощаю , а съ рукой твоей буду судиться. » Послѣ того діаконъ въ скоромъ времени умеръ , и отцы похоронили его. Потомъ, по обычаю аеонскому, чрезъ три года откопавши кости его, нашли все тѣло его предавшимся тлѣнію ; рука же его , ударившая икону, осталась цѣла и смердяща ; и до-нынѣ лежитъ въ ящикѣ и испускаетъ смрадъ. Сей діаконъ написанъ на стѣнѣ молящейся, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ: онъ былъ очень молодъ , едва началъ усъ пробиваться, не болѣе какъ лѣтъ двадцати.

127. Четвертая икона стоитъ въ ризницѣ. Она прежде была Ключарница. Каждый вечеръ, когда запирали врата монастырскія , ключи относили къ ней. Когда нощію кто приходилъ , то вратарь приходилъ и бралъ отъ нея ключи. Когда кто приходилъ изъ братій, то она молчала ; когда же приходили разбойники , то отвѣчала : « не отпирать вратъ : не добрые люди. » Тогда ворота не отпирались. Въ одну ночь пришли разбойники, и начали толкать во врата. Вратарь спросилъ ихъ: « что за люди? » Они сказали, что братія мимоходящіе. Вратарь, надѣясь на Богородицу, что Она ему откроетъ , пришелъ и взялъ ключи, и никакого гласа не было. Она и хотѣла сказать, но предвѣчный Младенецъ рукою Своею заградилъ Ей

уста; ибо захотѣлъ наказать монаховъ. Вратарь сего не усмотрѣлъ, и отперъ врата монастырскія. Разбойники вошли въ монастырь, и его разграбили. Поутру братія пошли къ Божіей Матери спросить: почему Она не объявила о тѣхъ злодѣяхъ? И нашли уста у Ней загражденныя рукою Сына Ея. Тогда узнали, что самъ Богъ ихъ наказалъ, и икону поставили въ ризницу.

Пятая икона — *Ключарница*, стоитъ на паперти; и до-днесъ вѣшаютъ у ней ключи.

Шестая икона — *Трапезница*, стоитъ въ келарнѣ. Ибо преданіе говоритъ, что Богородица нѣкогда умножила масло въ сосудахъ, и многаяжды Ее выдали въ трапезъ, братіямъ служащую. Въ этой обители сохраняется крестъ, устроенный Царемъ Константиномъ Великимъ, и много крестовъ отъ Честнаго Древа. Множество здѣсь стоитъ древнихъ иконъ, которыя еще писаны до иконоборства; много частей отъ св. мощей. И кто можетъ описать сего монастыря святыню, ризницу и библіотеку? Пріѣзжавшій изъ Россіи, въ 1845 и 1846 годахъ, Архимандритъ Порфирій хотѣлъ описать св. Гору Аѳонскую, и имѣлъ открытыя грамоты отъ Россійскаго Правительства и отъ Султана турецкаго и отъ Патріарха Константинопольскаго: но ему всего не показывали; давалъ злата, и усильно просилъ, но не успѣлъ. Нѣкоторую часть выносятъ и показываютъ на праздникъ, въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; и это много удивляетъ зрящихъ. Еще въ этомъ великолѣпномъ храмѣ отъ лѣтъ Феодосія Великаго, Царя греческаго, осталось немного иконъ на стѣнахъ, мусією изображенныхъ. Прежде, сказываютъ, была ими вся церковь

изображена, но нынѣ уже осталось немного: три иконы праздника Благовѣщенія Богородицы, — двѣ на столбахъ, а одна по сторонамъ вратъ церковныхъ: Архангелъ по лѣвую страну, а Богородица по правую. Архангелъ Гавріилъ имѣетъ правую руку, указывающую къ Богоматери именованнымъ благословеніемъ. Повыше изображены мусією слова: « хере кехаритомени, кпріосъ мета су », т. е. радуйся, благодатная, Господь съ Тобою. Еще надъ враты церковными тоже изображенъ мусією Деисусъ: у Спасителя благословляющая рука сложена именованно. На боковыхъ дверяхъ, на правой странѣ противъ придѣла Святителя Николая, надъ дверьми, есть икона Святит. Николая, тоже мусією изображенная; благословящая рука изображена у Святителя такъ, что большой перстъ совокупленъ съ двумя послѣдними. Итакъ греки въ самыя древнія времена въ перстосложеніи не поставляли догматической важности, и въ одно время одинъ и тотъ-же мастеръ тако и тако изобразилъ. Нынѣ уже сего не употребляютъ.

Трапеза крестообразна, расписанная.

128. Воистинну обитель Ватопедская яко градъ прекрасенъ. Имѣетъ въ завѣдываніи великій скитъ, во имя св. *Великомученика Димитрія Солунскаго*, и много великихъ и богатыхъ келлій. Много разнаго лѣсу, пахатной земли, виноградниковъ и масла; всего преизобильно. И воды много, но не холодная; есть великій огородъ. Общежитія монастырь не имѣетъ. Стоитъ близъ моря на открытомъ воздухѣ. Въ семь монастырѣ проживалъ много лѣтъ св. Савва, Царевичъ Сербскій, и много обогатилъ его. Здѣсь постриженъ въ монашество Сербскій Царь Стефанъ, въ ино-

чествѣ Симеонѣ, родитель св. Саввы Сербскаго. Сія же обитель произрастала ученаго мужа Максима грека, много въ Россіи претерпѣвшаго за истину отъ ревнителей раскола, за то, что онъ началъ въ книгахъ поправлять погрѣшности, вшедшія отъ нескусныхъ переводчиковъ и переписчиковъ. Послѣ двадцатидвухъ-лѣтняго тяжкаго заточенія, былъ освобожденъ и въ Трояпкой Сергіевой Лаврѣ скончался, гдѣ и мощи его почиваютъ. И много Ватопедская обитель произрастила великихъ и ученыхъ и благочестивыхъ мужей, Патріарховъ и Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ; многихъ Патріарховъ и Митрополитовъ препроводила въ небесную торжествующую Церковь, на вѣчное блаженство. Безпрестанно проживали въ ней и до-нынѣ проживаютъ на покоѣ Патріархи и Митрополиты, добровольно оставившіе свои каѳедры; въ тишинѣ и безмолвіи препровождаютъ остальные дни свои. И теперь живетъ на покоѣ, съ 1846 года, Адріанопольскій Митрополитъ Григорій, я славится своею строгою жизнію и подвигами; увѣряютъ, что имѣетъ даръ прозорливства. Ватопедская Лавра всѣмъ преизобильна: богатствомъ, украшеніемъ, святынею, постройкою, учеными мужама и подвижниками.

129. Отъ Ватопеда три часа ходу — девятый монастырь, *Есфименъ*, или *Сименъ*: храмъ во имя Вознесенія Господня. Монастырь старъ и ветхъ. Сначала выстроены Царицею Пульхеріею. Церковь нововыстроенная и вся иконописанная. Много есть отъ св. мощей частей и два креста отъ Честнаго Древа. Келлій имѣетъ мало, и тѣ бѣдныя. Лѣсу строеваго не имѣетъ; хлѣбопашества немного, вина и масла

также; воды много, и огородъ великій. Братія содержатъ прекрасное общежитіе. Обитель стоитъ подлѣ самаго моря, такъ что волны ударяются въ стѣны. Между моря и стѣны не можно пройти и пѣшему. Стоитъ между горъ въ долинѣ. Въ этомъ монастырѣ жилъ и постривенъ св. *Антоній* Кіевопечерскій. И до-нынѣ показываютъ его пещеру. Въ 1846 году, начали надъ пещерой становить новую церковь во имя его. И сія святая киноія много произрастила великихъ мужей, Святителей и великихъ отцевъ: Аѳанасія, Патріарха Константинопольскаго, и Григорія Паламу, Митрополита Солунскаго, также Анеима, Патріарха Константинопольскаго, который и до-нынѣ находится на каедрѣ, т. е. въ 1847 году. И азъ грѣшный сподобился въ сей обители пожить два мѣсяца.

Отъ Есфигмена одинъ часъ ходу — десятый монастырь, *Хиландарь*, съ храмомъ во имя Входа во храмъ Божія Матери. Сей монастырь—сербскій, выстроенъ сербскими Царями, св. Сумеономъ Муроточивымъ и сыномъ его св. Саввою, Сербскимъ чудотворцемъ. Храмъ великъ и прекрасенъ, и весь иконописанъ; имѣеть семь вратъ; превосходитъ красотою всѣ аѳонскіе храмы. Монастырь сей великъ и прекрасно устроенъ.

131. Въ немъ игуменія сама Пресвятая Богородица; на игуменской каедрѣ стоятъ чудотворная Ея икона, нарицаемая «*Троеручица*.» О ней преданіе такое: «Сія икона прежде находилась въ Сиріи, въ градѣ Дамаскѣ, въ домѣ св. Іоанна Дамаскина; предъ нею онъ молился и плакалъ, когда ему отсѣкли руку. Когда Царипа Небесная чудесно исцѣвила его, тогда

онъ въ память этого чудеса подписалъ третью руку для вѣчной памяти. Когда онъ удалился въ Лавру св. Саввы Освященнаго, для препровожденія остальной своей жизни, то икону сію туда же принесъ, и поставилъ въ соборномъ храмѣ, и при ней поставилъ жезлъ св. Саввы Освященнаго. При кончинѣ же своей далъ завѣщаніе братіи такое: « въ послѣдствіи времени придетъ сюда одинъ поклонникъ отъ сѣверныхъ страны, именемъ Савва; когда онъ поклонится иконѣ, и жезлъ сей поклонится ему напротивъ, то отдайте ему жезлъ сей и икону.» Самъ же преставился съ миромъ. По прошествіи четырехста лѣтъ, пришелъ отъ св. Горы Аѳонскія (св. Гора Аѳонская отъ Іерусалима на сѣверъ) св. Савва, Сербскій Царевичъ, въ Іерусалимъ ради поклоненія Христову гробу и прочимъ святымъ мѣстамъ. Когда пришелъ въ Лавру св. Саввы Освященнаго, и началъ поклоняться иконѣ Божія Матери, то жезлъ, стоявшій подлѣ иконы, палъ напротивъ его. Тогда братія спросили его: « какъ онъ нарицается? » Онъ же сказалъ: « *Савва* нарицаюсь.» Тогда игумень съ братіею отдали ему икону и жезлъ. Когда онъ пришелъ во св. Аѳонскую Гору, то поставилъ сію чудотворную икону въ своемъ монастырѣ, Хилендарѣ, по лѣвую страну царскихъ вратъ. А когда поставили его Архіепископомъ Сербіи, и когда онъ отправлялся на каѳедру, то препоручилъ свою обитель Богоматери, и просилъ Ее имѣть о ней попеченіе, помогать и защищать ее во всякихъ опасныхъ случаяхъ. Потомъ написалъ своей рукой общезначительный уставъ, и приказалъ братіи — во всемъ его исполнять безъ малѣйшаго опущенія. И поставилъ въ обители игумена, и препоручилъ ему братію;

самъ же отправился въ Сербію. По прошествіи нѣскольکو лѣтъ, во едино время помре въ сей обители игумень. Братія же, собравшись въ великую церковь, начали избирать себѣ игумена; но всѣ отъ сего времени отказались. Тогда икона Пресвятыя Богородицы, Троеручица, двинулась сама съ мѣста изъ иконостаса, стала на игуменскомъ мѣстѣ, и испустила гласъ: «отселѣ Азь сама вамъ игумень и всей Горѣ Аѳонской.» Отъ того времени въ этомъ монастырѣ не избирають себѣ игумена, а только епитропа, и то на одинъ годъ, а игумень — сама Пресвятая Богородица. До-днесь стоять икона на игуменскомъ мѣстѣ, и у ней на всякое дѣло берутъ благословеніе.

Вторая икона Богородицы еретика священника въ морѣ утопила. Нѣкогда, во время крестнаго хода, освящали на морѣ воду; священникъ несъ икону: Предвѣчный Младенецъ правою рукою ударилъ священника, и испустилъ гласъ: «не подобаетъ тебѣ еретикъ съ православными служить.» Священникъ упалъ, и утонулъ. И до-нынѣ рука у Предвѣчнаго Младенца не благословящая, но нѣкако странно. Стоитъ икона противъ лѣваго клироса на столбѣ.

Третія икона Богородицы — испутившая гласъ во время скудости; стоитъ за лѣвымъ клиросомъ.

Четвертая икона Богородицы, бывшая въ домѣ у св. Царя Сумеона Сербскаго, изображенная мусією, стоитъ за правымъ клиросомъ, надъ гробомъ св. Сумеона. Еще есть двѣ иконы съ мелкими лицами, вышитыя, которыя стояли потаенно въ ложницѣ Царицы Θεодоры, жены Царя Θεофила, иконоборца; стоятъ надъ архіерейскимъ мѣстомъ, на правомъ кли-

росъ. Еще одна чудотворная икона Св. Троицы, стоитъ противъ Игуменіи, на столбѣ.

Здѣсь въ алтарѣ хранится въ сосудѣ кровь Владыки нашего, Иисуса Христа. Здѣсь хранятся и дары, принесенные Христу, золото, ливанъ и смирна, Честнаго Древа часть столь великая, что такой части во всей св. Горѣ ни въ какомъ монастырѣ нѣтъ, и множество частей отъ св. мощей. Здѣсь находится и гробъ св. Сумеона Муроточиваго, Царя Сербскаго; а муроточивыя его мощи отнесены сыномъ его, св. Саввою, въ отечество его, въ Сербію. А изъ гроба его выросла виноградная лоза, которая приноситъ плодъ изобильный. Нынѣ братія общежитія не содержатъ; правило въ церкви читаютъ на славянскомъ языкѣ, по русскимъ книгамъ, а поютъ греческимъ напѣвомъ. Монастырь много имѣетъ великихъ и богатыхъ келлій; хлѣба, вина и масла, и лѣсу имѣетъ довольно, воды немного; огородъ великъ и плодороденъ. Отъ моря полчаса ходу, стоитъ между горъ въ долинѣ, и отъ того въ жары въ немъ воздухъ вредителенъ. Отъ Хилендаря до перешейка шесть часовъ ходу; мѣсто пусто, покрыто темными лѣсами.

132. Теперь вкратцѣ опишу жизнь блаженныхъ ктиторовъ св. обители Хилендарскія, св. Саввы и родителя его, святаго Сумеона, Царей Сербскихъ.

Святой *Савва*, мірское имя *Растко*, въ юности оставилъ земное свое царство и міра сего прелесть, отца своего и мать, отвергся себя, взялъ крестъ свой, и пошелъ во слѣдъ Христа. Шестнадцати лѣтъ отъ роду тайно отлучился отъ своихъ родителей, и съ однимъ аеонскимъ монахомъ отправился во св. Гору Аеонскую, и прибылъ въ русскій монастырь

св. Великомученика Пантелеямона. По отъѣздѣ его, родители скоро его хватились, и догадались, что непременно онъ съ монахомъ уѣхалъ въ Аѳонскую Гору. Послали за нимъ скоро погоню, своихъ бояръ; однако они на пути Царевича не догнали; уже нашли его въ русскомъ монастырѣ. Царевичъ, видя, что дѣлають его намѣренію препятствіе, прибѣгнулъ къ хитрости. Когда бояре съ воинствомъ обступили монастырь, и монахи всѣ испугались: Царевичъ не велѣлъ ничего бояться, сказавъ, что онъ одинъ отвѣчаетъ. Потомъ вышелъ къ боярамъ своимъ одинъ, поклонился имъ, и сказалъ: «Добрѣ пришли, мои вѣрные бояре и друзья. Я радуюсь вашему приѣзду: ибо монахъ обманулъ меня, сманилъ отъ милыхъ и любезныхъ моихъ родителей, и привезъ въ сію дикую пустыню. Я уже много плакалъ, да не зналъ, какъ возвратиться къ дражайшимъ моимъ родителямъ. Теперь слава Богу, что вы приѣхали: за-утра же съ вами отправлюсь къ моимъ родителямъ. Только прошу васъ: бѣдныхъ монаховъ не оскорбляйте; потому что они не виноваты, и виновника они сами уже наказали.» Бояре и Князья весьма возрадовались сему, и много лобызали и слезами обливали Царевича; рассказывали, какъ о немъ сожальють и плачуть его родители и всѣ сродники, и все царство Сербское сожальбеть. Царевичъ много ихъ утѣшалъ, и они всѣмъ словамъ его вѣрили. Онъ привелъ ихъ на гостинницу, приказалъ игумену какъ можно лучше приготовить имъ пищу и подать самаго лучшаго вина до изобилія. Самъ Царевичъ съ ними веселился; а они отъ радости упились. Потомъ Царевичъ приказалъ игумену сдѣлать всенощное бдѣніе. Когда началось

бдѣніе ; тогда Царевичъ сказалъ своимъ боярамъ : « господа , здѣсь не міръ , а св. Гора Аѳонская ; надобно помолиться Богу , пойдемте въ церковь ; послушайте роднаго пѣнія . » Бояре , пришедши въ церковь , стали въ монашескія формы , потомъ сѣли , а послѣ , сидя , подъ звуками пѣнія заснули . Царевичъ того и дождался , и началъ просить игумена , чтобы скорѣе постригъ его въ монашество , въ другой церкви . Хотя игумень и боялся , и не хотѣлъ постригать ; но Царевичъ не велѣлъ бояться , и сказалъ , что онъ самъ за все отвѣчаетъ . Игумень положился на волю Божію , и постригъ его въ другой малой церкви , во время всенощнаго бдѣнія ; Растко нареченъ былъ *Савва* . Бдѣніе отошло по-утру , и бояре проснулись ; хватились Царевича , начали спрашивать , искать , сдѣлали въ монастырѣ шумъ и тревогу , и начали монаховъ истязать . Тогда Царевичъ вышелъ на крыльцо въ полной монашеской одеждѣ , въ мантии и въ клобукѣ , и сказалъ со смиреніемъ : « Господа , князя и бояре ! что шумите ? что монаховъ истязываете ? Я здѣсь : но Царевичъ вашъ Растко уже міру умеръ ; а стою здѣсь я грѣшный и изъ всѣхъ послѣдній монахъ Савва . Поѣзжайте съ Богомъ домой , и скажите своему Царю , а моему родителю , что сынъ его міру умеръ и сдѣлался монахъ . А ежели онъ хочетъ меня видѣть , то пусть оставляетъ свое земное царство , и приходитъ ко мнѣ , и получить небесное . » Князя и бояре , увидя Царевича въ монашеской одеждѣ и услышавъ отъ него такія слова , упали на землю , и со слезами начали говорить : « Что ты , Царевичъ , надъ нами сдѣлалъ ? Обманулъ насъ , безумныхъ стариковъ , молодой ты юноша . Мы безумные повѣрили твоимъ льстивымъ

словамъ, и выпустили тебя изъ рукъ. Какъ мы теперь возвратимся къ своему Царю, а къ твоему родителю? Какъ, видѣвши тебя, не привеземъ къ нему?» Царевичъ ихъ успокоилъ, а къ родителямъ написалъ письмо своею рукою, въ которомъ писалъ о непостоянствѣ міра сего и о его обманчивыхъ прелестяхъ, и совѣтовалъ имъ земное царство оставить, яко временное, а лучше достигать царствія небеснаго и вѣчнаго. О себѣ писалъ, чтобы о немъ не плакали, ибо онъ обрѣлъ себѣ тихое и небурное пристанище въ жребіи Царицы небесной, и онъ уже теперь гражданинъ св. Горы Аѳонскія. И прочаго много написалъ. Съ тѣмъ и отпустилъ своихъ бояръ. Они же, пріѣхавши къ Царю, все ему рассказали и отдали ему письмо. Когда прочитали родители письмо, толико распалились любовію къ Богу, что начали оба помышлять, чтобы оставить свое земное царство, и поступить въ монашество.

О постриженіи Царевича, въ русскомъ монастырѣ св. Великомученика Пантелеимона, вскорѣ узнала вся Гора Аѳонская. Въ скоромъ времени Протъ, т. е. начальникъ всей Горы Аѳонскія, призвалъ къ себѣ Царевича, юнаго монаха Савву, и сказалъ ему: «Чадое Савво, тебѣ жить въ русскомъ монастырѣ опасно; потому что монастырь малъ и бѣденъ: когда узнаютъ, что Царскій сынъ въ немъ постригся, — случится можетъ, что пріѣдутъ разбойники, и тебя убьютъ, и монастырь разграбятъ; поэтому я тебѣ жить въ немъ не позволяю и не благословляю, а перейди въ Ватопедъ монастырь, и тамъ живи.» Прискорбно показалось молодому монаху разлучиться съ своею матерію, русскою обителію, породившею его монашествомъ,

разлучиться и съ своимъ природнымъ славянскимъ языкомъ, и идти въ чужой, греческій монастырь. Но, хотя и съ неудовольствіемъ, противится великому старцу Проту не сталъ; хотя и со слезами, но перешелъ въ Ватопедскій монастырь. А это Протъ сдѣлалъ потому, что хотѣлъ обогатить свой греческій монастырь. Черезъ нѣсколько времени родитель прислалъ много золота и серебра, и онъ выстроилъ въ Ватопедѣ корпусъ, болѣе ста келлій, и три церкви, и весь монастырь отстроилъ и обогатилъ. И до-нынѣ въ Ватопедѣ называются *Сербскіе корпуса*. Потомъ еще Савва къ родителямъ написалъ увѣщательное письмо о суетѣ міра. Тогда родитель Саввы, Царь *Стефанъ*, послушавъ благихъ совѣтовъ сына своего, вознамѣрился оставить земное свое царство и идти въ монастырь къ сыну своему; но супругъ своей сего не объявилъ, потому что она не согласна была его отпустить. Онъ же къ сыну своему Саввѣ написалъ письмо, и обѣщался къ нему пріѣхать совѣмъ на жительство, и назначилъ тому время. Потомъ сказалъ своей женѣ якобы хочетъ повидаться съ сыномъ своимъ, монахомъ Саввою, и царство свое препоручивъ на время другому своему сыну Стефану, самъ отправился въ путь, въ св. Гору Аѳонскую. Въ то время монаха Савву, Царевича, послалъ игуменъ въ Константинополь по монастырскому дѣлу. Царевичъ просилъ игумена, чтобы, когда пріѣдетъ безъ него въ монастырь родитель его, Царь Сербскій, — скоро его въ братство не принимали, а пскусили его — не принесъ ли онъ въ монастырь царской важности. И говорилъ: « Скажите ему такъ: ты Царь, да уже и старъ; послушанія монастырскаго понести не можешь.

А у насъ новоначальнымъ послушаніе такое : пасти муловъ. Ежели согласится , то примите его , и пошлите его пасти муловъ.» Игумень Саввъ сказалъ : « нѣтъ, чадо; выше силъ искушать Царя не надобно.» Царевичъ же сказалъ игумену : « отче, сотвори такъ , какъ я говорю »; а самъ отправился въ Константинополь. Въ скоромъ времени пріѣхалъ Сербскій Царь Стефанъ , родитель Саввы , въ Аѳонскую Гору , въ Ватопедъ. Встрѣтили его съ честію и славою ; ввели прежде въ церковь , а потомъ на гостинницѣ упокоили его , какъ дорогаго гостя и ктитора. Когда Царь спросилъ о возлюбленномъ своемъ сынѣ Саввъ : ему сказали , что посланъ въ Константинополь за послушаніе. Царь , погостивши три дня , пришелъ къ игумену , упалъ ему въ ноги , объявилъ намѣреніе поступить въ монашество , и просилъ принять его во св. обитель , въ число послушниковъ. Игумень сталъ ему отказывать и говорилъ : « Ты не можешь понести монашеской жизни , ибо ты Царь , прожилъ свою жизнь въ довольствѣ , изобиліи и славѣ ; въ такой жизни и состарѣлся. Какъ ты можешь употреблять монашескую грубую пищу ? Какъ ты можешь стяжать иноческое смиреніе ? Какъ ты можешь понести монастырское послушаніе ? Первое у насъ послушаніе новоначальнымъ — пасти муловъ : какъ же ты можешь такое послушаніе совершать ? » Царь на все соглашался , и все обѣщался перенести , и со слезами просилъ принять его въ обитель. Игумень , видя его глубокое смиреніе , принялъ его съ любовію , причислилъ къ братству , облекъ его въ послушническую одежду , въ подрясникъ , подпоясалъ его ремнемъ , надѣлъ на него рясу , на голову скуфью братскую , въ руки далъ четки , и изъ Царя сдѣлалъ

почти монаха, и послалъ его пасти муловъ. Царь, взявши благословеніе, съ радостию пошелъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ изъ Константинополя Царевичъ, и спросилъ у игумена о родителѣ своемъ. Игумень сказалъ — что пріѣхалъ, и принять въ обитель, и теперь пасетъ муловъ. Царевичъ весьма обрадовался такому смиренію отца своего, и взявъ пища, пошелъ посѣтить и повидать своего любезнаго родителя, прежде бывшаго Царя, а теперь пастуха муловъ. Увидавшись, много отъ радости плакали оба. Потомъ сынъ отдалъ отцу пищу, велѣлъ ему пообѣдать, а самъ пошелъ прохаживаться по лѣсу. Внезапно возвратившись и подошедши къ отцу своему, покачалъ головой, и сказалъ: «Вотъ Царь-то и есть Царь, никогда не можетъ быть монахомъ, не можетъ оставить свою царскую гордость: для чего ты разостлалъ на земли платокъ, и положилъ на него пищу? Не лучше ли бы тебѣ положить пищу на зеленую траву? — Это бы было монаху приличнѣе» Царь вскочилъ, упалъ сыну въ ноги, и со слезами просилъ прощенія, и обѣщался впредь такъ не дѣлать. Сынъ простилъ, и приказалъ впредь быть осторожнѣе, и учиться монашеской нищетѣ и смиренію. Черезъ нѣсколько времени, Царь постриженъ былъ въ монашество, и пожелалъ себѣ имѣть старцемъ и наставникомъ своимъ сына своего, монаха Савву. И сдѣлался, по духовному рожденію, сынъ отцемъ, а отецъ сыномъ. Потомъ явившись имъ обоимъ Божія Матерь сказала, чтобы они выстроили свой особенный монастырь въ память Входа Ея во храмъ. Они избрали мѣсто, взяли благословеніе отъ Прота св. Горы Аѳонскія, и выстроили монастырь Хилендарь. Потомъ

Савву сдѣлалъ Патріархъ Архіепископомъ, и послалъ его въ Сербію, въ отечество его. А родитель его, прежде бывшій Царь Стефанъ, въ иночествѣ *Сумеонъ*, препроводилъ остальную свою жизнь въ св. Горѣ Аѳонской, въ своей обители Хилендарской, въ монашескихъ подвигахъ, и съ миромъ скончался. Супруга его также поступила въ монашество, и въ отечествѣ своемъ выстроила женскій монастырь, въ немъ постриглась и препроводила свою жизнь, и съ миромъ скончалась. Архіепископъ Савва, по смерти отца своего, св. Сумеона, восхотѣлъ мощи отца своего перенести изъ Аѳонской Горы въ свое отечество, Сербію. Приѣхавши въ св. Аѳонскую Гору, призвалъ въ свою обитель Прота и игуменовъ, Ватопедскаго съ братією, и русскаго монастыря, и прочихъ множество монаховъ, и сдѣлалъ въ своей обители Хилендарской великій праздникъ. Послѣ малой вечерни откопали гробъ св. Сумеона, вынули изъ земли его мощи, и поставили въ соборномъ храмѣ среди церкви. Потомъ начали всенощное бдѣніе: въ соборномъ храмѣ, — Протъ съ греками, по-гречески, а Савва въ другомъ храмѣ съ своей братією и съ русскими пославянски. Когда начали пѣть поліелей, то изъ гроба отъ мощей св. Сумеона потекло муро, и наполнило весь храмъ неизреченнаго благоуханія. Греки удивились сему, и сказали Архіепископу Саввѣ. Всѣ прославили Бога, и назвали св. Сумеона *Мрротоцивымъ*. Потомъ Савва съ мощами своего родителя отправился въ Сербію, а изъ гроба св. Сумеона выросла лоза виноградная, которая и до-нынѣ приноситъ плодъ и дѣлаетъ чудотворенія. Таковыхъ имѣетъ ктиторовъ св. обитель Хилендарская! Жезлъ, который Савва

принесъ изъ Лавры Саввы Освященнаго и поставилъ на келліи Успенія Богородицы, близъ Карей, до-нынѣ стоятъ цѣль, и келлія называется по жезлу *Пятерисса*. По-болгарски называется жезлъ *пятерица*.

133. Отъ монастыря Хилендаря, чрезъ хребетъ на западную сторону, два часа ходу, одиннадцатый монастырь, *Зографъ*, во имя св. Великомученика Георгія Побѣдоносца. Храмъ великъ и прекрасенъ, нововыстроенъ, весь иконописанъ и украшенъ. Въ немъ имѣются три чудотворныя иконы св. Великомученика Георгія. Первая — *самонаписанная*, въ честь которой и монастырь выстроенъ. Строили сей монастырь три брата, Цари Болгарскіе. Когда выстроили, тогда освящать каждый хотѣлъ во имя своего Ангела, и сдѣлалась между ними великая распря. Потомъ уговорились такъ: поставить на мѣсто храмовой иконы неписанную доску, а церковь запереть и запечатать своею каждому печатію; въ другой же малой церкви совершать всенощное бдѣніе, и по-утру осмотрѣть — какая икона будетъ написана; во имя той и освятить монастырь. Такъ и сдѣлали. По-утру сняли печати, отворили церковь, и увидели чудесно новонаписанную икону св. Великомученика Георгія. Всѣ неизреченныя радости исполнились, и прославили Бога и св. Великомученика Георгія. Тотчасъ послали къ Проту на Карейю, чтобы пришелъ и освятилъ монастырь. Протъ пришелъ, и когда сказывали ему о сотворшемся чудѣ, что икона сама написалась, — Протъ не вѣрилъ тому, хотя всячески его увѣряли и свидѣтелей представляли, и говорилъ: «какъ это можетъ быть?» Хотѣлъ своею рукою единымъ перстомъ осязать икону; но только дотронулся, — перстъ его къ лицу иконы

приросъ, и Протъ не могъ его отнять, такъ что отрѣзали; и до-нынѣ на лѣвой щекѣ на иконѣ немного видѣнъ. Протъ испросилъ прощенія, освятилъ храмъ и монастырь во имя св. Георгія, и наименовали монастырь *Зографъ*, сирѣчь — самописанный. Сія икона стоитъ противъ праваго клироса на столбѣ.

Вторая икона св. Георгія приплыла моремъ въ Аѳонскую Гору, неизвѣстно откуда, и пристала къ берегу, близъ Ватопедскаго монастыря. Сошлись монахи, и начали спорить: каждый желалъ взять икону въ свой монастырь. Потомъ уговорились такъ: взять одного молодого мула, на которомъ никто не ѣздилъ, и положить на него икону; и къ которому монастырю привезетъ, тамъ и поставить икону. И сдѣлали такъ. Мулъ съ иконой пошелъ прямо чрезъ гору, по непроходимымъ лѣсамъ и скаламъ, пришелъ къ монастырю Зографу, и остановился противъ монастыря на горѣ. Когда сняли съ мула икону, — мулъ упалъ мертвый. Икону поставили въ монастырѣ противъ лѣваго клироса на столбѣ, гдѣ и до-днесь стоитъ.

Третя икона св. Великомученика Георгія прежде была въ Молдавіи, у Князя Стефана въ домѣ. Многажды св. Великомученикъ Георгій являлся Князю, и повелѣвалъ послать его икону въ св. Гору Аѳонскую, въ монастырь Зографъ. Князь послушался, и прислалъ икону съ дарами. Ее поставили на лѣвомъ клиросѣ, лицомъ къ алтарю.

Еще въ этомъ монастырѣ находятся двѣ чудотворныя иконы Божія Матери.

Первая икона—предъ которой стоялъ и молился св. Косма Зографскій, чтобы Богоматерь наставила его, какъ онъ имать спастися. Она же сказала къ Сыну

Своему; держимому въ объятіяхъ : « какъ имать спастися рабъ Твой Косма ? » Господь сказалъ : « ежели изыдетъ изъ монастыря , и будетъ безмолвствовать , спасется . » Услышавъ сіе , Косма вышелъ изъ монастыря , вселился въ пещерѣ , и жилъ въ ней до смерти своей .

Вторая икона Пресвятыя Богородицы — прежде стоявшая въ пустынной келліи . Одинъ инокъ пустынножитель читалъ предъ ней полунощницу , и слова « радуйся , Обрадованная : Господь съ Тобою ! » многожды повторялъ . И отъ иконы былъ ему гласъ : « и ты , старче , радуйся , иди въ монастырь , и скажи братіи : аще кто немощенъ и страшливъ , — да изыдетъ изъ монастыря ; аще кто крѣпокъ , — да остается въ монастырѣ принять мученическій вѣнецъ ; ибо грядетъ зломудренный Папа Римскій , и распудитъ овцы Св. Горы . » Инокъ сказалъ : « не имутъ мнѣ вѣры . » Отъ иконы сказано было : « ты иди , а Я прежде тебя тамъ буду . » Пустынникъ послушался , пошелъ въ монастырь , и пришедши туда , приказалъ всѣмъ братіямъ собраться въ церковь . Тогда увидѣли внутри храма стоящую икону , и удивились . Пустынникъ повѣдалъ все , что слышалъ отъ иконы . Братія начали плакать . Созванъ былъ соборъ на Кареѣ , и Протъ св. Горы Аѳонскія приказалъ всѣмъ страшливымъ и немощнымъ скрыться , и удалиться отъ св. Горы Аѳонскія . По маломъ времени , зломудренный Папа Римскій съ греческимъ Царемъ , Михаиломъ Палеологомъ , яко лютые и злые волки , пришли въ св. Гору Аѳонскую , вторгнулись въ Христово стадо , и распудили Христовыхъ овецъ : иныхъ разогнали , иныхъ приневоляли въ свою вѣру , иныхъ замучили до смерти .

Въ это время въ монастырѣ Зографѣ двадцать семь человекъ были огнемъ сожжены ; мученіе ихъ написано на стѣнахъ , въ великомъ соборномъ храмѣ , и во вратахъ монастырскихъ. Монастырь сей — болгарскій, богатый ; въ немъ частей св. мощей довольно, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Общежитія братія не имѣютъ. Хлѣба и вина и масла довольно , и лѣсу много ; воды мало, огорода почти нѣтъ. Службу отправляютъ по русскимъ книгамъ, славянскимъ языкомъ. Поютъ греческимъ напѣвомъ. Монастырь стоитъ на полугорѣ , отъ моря на одинъ часъ. Имѣетъ въ завѣдываніи скитъ, именуемый « *Черной Виръ* » ; выстроенъ русскими , во имя Рождества Богородицы. Нынѣ почти пустъ. Зографскій монастырь келлій имѣетъ мало.

134. Отъ монастыря Зографа одинъ часъ ходу — двѣнадцатый монастырь , *Кастамонитъ* , во имя св. Первомученика Стефана. Монастырь общежительный, старъ и ветхъ ; отъ св. мощей частей имѣетъ довольно, келлій имѣетъ мало , лѣсу довольно , воды много холодной , хлѣба , вина и масла изобильно ; но постройкою весьма бѣденъ. Отъ моря одинъ часъ ходу ; стоитъ на полугорѣ , въ темномъ лѣсу. Св. Горы отцы всегда предлагаютъ русскимъ , чтобы вошли въ него жить , и взяли его подъ свое покровительство. И ежели бы взяли его русскіе , то поправили бы его , и можно бы много изъ него добра сдѣлать. Я отъ многихъ слышалъ , что его выстроили Сербскіе Цари славянскаго языка , и завѣщали , чтобы греки въ немъ не жили , а проживали бы въ немъ всегда монахи славянскаго языку. Потому теперь греки въ немъ не многіе живутъ , и ничего въ немъ не поправляютъ ,

оттого многое разрушается. Но русскіе еще теперь нужды не имѣютъ, потому что всѣ помѣщаются въ русскомъ монастырѣ св. Великомученика Пантелеимона. А когда русскіе умножатся, тогда могутъ взять въ завѣдываніе и этотъ монастырь. Кастомонитъ стоитъ въ самомъ тихомъ и безмолвномъ мѣстѣ, при большихъ водахъ. Ни откуда его не видно, и никто мимо его не проѣзжаетъ, развѣ кто нарочно захочетъ захватить. Монастырь имѣетъ свою корабельную пристань, много хлѣбопахатной земли и виноградниковъ.

135. Отъ Кастомонита полтора часа ходу—тринадцатый монастырь, *Дохіаръ*, во имя св. небесныхъ безплотныхъ Силъ: храмъ прекрасенъ и иконописанъ. Здѣсь есть чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, нарицаемая «*Скоропослушная*», и много отъ св. мощей частей. Близъ сего монастыря избавили Ангелы юношу отъ потопленія; и камень, который былъ привязанъ у него на шеѣ, до-днесь сохраняется въ цѣлости. Хлѣба, лѣсу, вина и масла монастырь имѣетъ довольно, и воды также, общежитія не имѣетъ. Огородъ монастырскій малъ, обитель стоитъ близъ самага моря.

136. Отъ Дохиара полчаса ходу — четырнадцатый монастырь, *Ксенофъ*, во имя св. Великомученика Георгія Побѣдоносца: храмъ нововыстроенъ, внутри не расписанъ и не украшенъ, и иконостасу не имѣетъ, но по устройству великолѣпенъ и прекрасенъ. Если Господь поможетъ украсить его, то всѣ аѳонскіе храмы превзойдетъ красотой и великолѣпіемъ. Много въ немъ отъ св. мощей частей, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Братія содержатъ прекрасное обще-

житіе. Келліи въ завѣдываніи немного, и тѣ небогатыя. Монастырь имѣетъ подѣ собой великій скитъ, называемый *Ксенофскимъ*, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Лѣсу и воды много, хлѣба, вина и масла изобильно, огородъ великій и плодородный. Монастырь стоитъ близъ самаго моря на открытомъ мѣстѣ.

137. Отъ Ксенофа одинъ часъ ходу — пятнадцатый монастырь, *Русскій*, во имя св. Великомученика Пантелеимона. Монастырь нововыстроенъ, великъ и прекрасенъ. Соборная церковь не расписана и не украшена, иконостаса не имѣетъ. Вторая церковь — русскихъ братій, во имя Святителя Митрофана Воронежскаго, чудотворца, нововыстроена, не велика, но ярокрасна. Въ этомъ монастырѣ хранится глава св. Великомученика Пантелеимона, глава св. Стефана Исповѣдника, цоваго чудотворца, глава св. Преподобномученицы Параскевы, и иныхъ много частей св. мощей, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Трапеза великая, крестообразная, иконописанная. Монастырь имѣетъ подѣ собою скитъ, называемый—*Богородицы*: храмъ во имя Успенія Богородицы. Келліи имѣетъ немного, и тѣ бѣдныя, хлѣба и вина и масла изобильно, лѣсу много, воды довольно, и холодная. Огороды богатѣйшіе. Братія содержатъ прекрасное общежитіе. Въ семъ монастырѣ всѣмъ русскимъ тихое пристанище, и русскихъ братій довольно. И я въ немъ сподобился жить почти шесть лѣтъ; въ немъ сподобился постричься въ великій иноческій чинъ отъ игумена, іеросхимонаха Герасима. Но грековъ несравненно болѣе противъ русскихъ, и игумень грекъ; во всей св. Горѣ Аѳонской цкунье его не найдется

во всѣхъ монашескихъ обстоятельствахъ. Монастырь стоитъ близъ самаго моря, на открытомъ мѣстѣ и воздухѣ, не далеко отъ главной аѳонской пристани, называемой *Дафни*, по морю только полчаса ходу. И много имѣетъ доброй и хлѣбонахатной земли внутри св. Аѳонской Горы; и отъ Карен не далеко, только два часа ходу.

138. Отъ Русскаго монастыря одинъ часъ ходу — шестнадцатый монастырь, *Ксиропотамъ*, во имя св. четыредесяти мученикъ: первоначально выстроенъ Царницею Пульхеріею, а потомъ возобновленъ св. Павломъ Ксиропотамскимъ; а послѣ, во время нашествія Папы Римскаго, былъ до основанія разрушенъ. Потомъ паки былъ воздвигнутъ греческимъ Царемъ Андроникомъ Палеологомъ. Въ этомъ монастырѣ и постригся онъ въ монашество, и скончалъ жизнь свою. Здѣсь имѣется большая часть Честнаго и Живо-творящаго Креста Господня, именно — та часть, гдѣ были пригвождены ноги Іисуса Христа, Спасителя нашего; положена св. Павломъ Ксиропотамскимъ, ктиторомъ св. обителя сея; много и иныхъ частей отъ св. мощей. Соборная церковь нововыстроенная, иконописанная, прекрасная и порядочно убранная. Братія общежитія не имѣютъ. Лѣсу у монастыря много, воды довольно, хлѣба, вина и масла изобильно; келлій имѣетъ мало. Подъ симъ монастыремъ первая аѳонская пристань, называемая *Дафни*; отъ Карен два часа, отъ моря полтора часа ходу. Монастырь стоитъ на полугорѣ, на открытомъ мѣстѣ; огородъ имѣетъ порядочный.

139. Напишу здѣсь о ктиторѣ обителя сея, св. Павлѣ Ксиропотамскомъ; я самъ читалъ житіе его.

Родомъ онъ былъ изъ Константинополя, сынъ греческаго Царя Михаила Рагкавоя Куропалата. Когда Левъ Армянинъ возсталъ на Царя Михаила Рагкавоя, — Царь, видѣвши такое неустройство въ царствѣ, добровольно оставилъ царство, и ушелъ въ монастырь, и постригся въ монахи. Левъ Армянинъ, овладѣвъ царствомъ, послѣ Михаила Рагкавоя оставшихся двухъ сыновей, еще отроковъ, приказалъ оскопить, дабы, когда возрастуть, не отняли у него царство, какъ наследники законнаго Царя: и одинъ, именемъ Игнатій, послѣ былъ Патріархомъ; а сей св. Павелъ выросъ до совершенныхъ лѣтъ, и узнавши свое естество — что не способенъ къ мірской жизни, предался весь ученію, и прошелъ все ученіе виѣшнее и духовное, и сдѣлался весьма славенъ между философъ и богослововъ, и воздавали ему великую честь. Но онъ, разсмотрѣвъ непостоянство и суетную славу и прелесть міра сего, удалился изъ Константинополя, оставилъ все свое богатство и мірскую славу, и скрылъ свое званіе: надѣлъ на себя пастушескую одежду, назвался поселниномъ, пастухомъ овецъ, и пришелъ въ св. Аѳонскую Гору. Но когда онъ пришелъ къ Аѳонской Горѣ, — его не принимали, и сказали, что его принять въ Аѳонскую Гору невозможно, потому что браны нѣтъ и лице женское. Тогда безбрадыхъ на Аѳонѣ не принимали, и нынѣ еще съ трудомъ принимаютъ; а Павелъ былъ съ малолѣтства скопецъ, и у него до самой смерти не было браны. Онъ же плакалъ и просилъ, дабы его впустили, и пробылъ много дней, плача. Братія, видѣвши его любовь къ Богу, и великое желаніе къ иночеству, сказали ему: « юноше! мы бы тебя и пустили, но

внутри тебя не примутъ, ни въ монастыряхъ, ни въ скитахъ.» Онъ просилъ, дабы только впустили, а тамъ Божія Матерь мѣсто покажетъ. Когда его впустили, — онъ прошелъ аеонскую непроходимую пустыню, пришелъ на мѣсто Ксиропотамъ, вселился въ пустыхъ развалинахъ прежде бывшаго монастыря, выстроеннаго Царицею Пульхеріею, и началъ проживать одинъ въ пустыни, и проходить тихую и безмолвную жизнь, а пропитаніе имѣлъ отъ рукодѣлія. Познакомился съ однимъ старцемъ пустынножителемъ, который и постригъ его въ монашество. Во время великихъ праздниковъ ходилъ на Карею. Протъ замѣтилъ, что онъ не изъ простыхъ, и на-единѣ его спросилъ: «какъ имя ему? и какого роду? и гдѣ живетъ?» Павелъ ему отвѣтилъ: «я, святѣйшій отче, родомъ простой поселянинъ, имя мнѣ Павелъ, живу въ Ксиропотамскихъ развалинахъ.» Съ того времени Протъ его узналъ и полюбилъ, и назвалъ его Павломъ Ксиропотамскимъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ всталъ въ Греціи Царь Романъ, родственникъ св. Павла, и вспомнилъ о немъ, началъ его искать, и прислалъ къ Проту Горы Аеонскія посланіе, дабы искалъ въ Аеонѣ родственника его; и написалъ примѣты. Получивши Протъ отъ Царя посланіе, догадался, что это Павелъ Ксиропотамскій, и вскорѣ послалъ за нимъ. Павелъ скоро пришелъ, и Протъ началъ ему говорить: «Чудо Павле, зачѣмъ ты насъ обманулъ? Почему ты намъ не исповѣдалъ, что ты Царскій сынъ? Зачѣмъ ты закопалъ свой талантъ въ землю? Теперь Богъ тебя объявилъ.» Павелъ просилъ прощенія. А Протъ показалъ ему царское посланіе, и сказалъ: «теперь немедленно иди къ Царю въ Константинополь.» Павлу

это показалось весьма тяжело, и онъ съ горькими слезами просилъ Прота не объявлять о немъ Царю, а оставить его въ пустыни плакаться о грѣхахъ своихъ. Протъ сказалъ, что это невозможно, и что ему должно скорѣе отправиться къ Царю. Тогда Павелъ съ скорбію отправился въ Константинополь, и прибылъ къ Царю. Царь его встрѣтилъ съ честью, принялъ его въ свои чертоги, посадилъ его по правую руку, и много съ нимъ разговаривалъ: держалъ его руки и цѣловалъ, и слезами обливалъ; просилъ его—всегда съ нимъ пребывать, и быть ему за отца и за наставника, и вмѣстѣ съ нимъ управлять царствомъ. Но Павелъ отъ всего того отказался. Царь просилъ его пожить хотя одинъ годъ, и поучить его двухъ сыновей. Павелъ захотѣлъ утѣшить Царя, и остался. Проживъ у Царя полгода, соскучился, пришелъ къ Царю, и сказалъ: «Какъ рыба не можетъ быть безъ воды, и когда вытаскать ее на сушу, умираетъ: такъ и монахи не можетъ быть безъ келліи; а ежели онъ пребываетъ въ міру и въ мірскихъ домахъ, то душою умираетъ и погибаетъ. Итакъ, Царю, ежели хочешь мене видѣть жива и здрава, то отпусти во св. Афонскую Гору, въ мою пустынную келлію; а я среди міра больше жить не могу.» Царь, услышавъ сіе, огорчился, заплакалъ, и обвинявъ его, сказалъ: «Отче святыи, не кочешь ты со мной одного года пожить: какъ-же ты оставляешь меня навсегда, среди міра и соблазновъ? Чтò теперь едѣлаю, не знаю. Разстаться съ тобой не могу, и удержать боюсь, да не оскорблю тебя, святыи отче.» Потомъ взялъ его за руку, привелъ въ свой царскій кабинетъ, и сказалъ ему: «отче святыи, возьми себѣ злата, сколько угодно, и раздай

аѳонскимъ отцамъ, кому ты знаешь.» Павелъ же сказалъ : « Царю , я чужаго злата раздавать не могу , и не знаю какъ ; и отцы аѳонскіе твоего злата не требуютъ ; ибо они в свое оставили . А ты , ежели хочешь , самъ раздай : много въ Константинополѣ нищихъ и бѣдныхъ сиротъ и вдовицъ , требующихъ помощи .» Царь сказалъ : « это , отче , сказанное тобою , исполню ; но что сотворю св. Горѣ Аѳонской ? какое ей сдѣлаю благодѣяніе ?» Тогда Павелъ началъ Царю говорить : « ежели ты хочешь оставить память о себѣ въ св. Горѣ Аѳонской , то воздвигни новый монастырь на развалинахъ Ксиропотамскихъ , гдѣ моя келлія : ибо на томъ мѣстѣ былъ воздвигнутъ монастырь Царицею Пульхеріею во имя св. сорока мученикъ , но весь нынѣ разрушенъ .» Царь , услышавъ сіе , весьма обрадовался , и скоро послалъ мастеровъ со златомъ ; а монаха Павла Патріархъ хиротонисалъ въ іеромонаха , и поставилъ игуменомъ . Царь наградилъ его святынею отъ царскихъ сокровищъ : пожертвовалъ ему Честное Древо креста Господня , именно ту часть , гдѣ были пригвождены ноги Спасителя , и дары , принесенные Христу , и много частей отъ святыхъ мощей , и потомъ отпустилъ его съ честію мноюю . Въ скоромъ времени выстроенъ былъ великій монастырь . На освященіи его были Царь и Патріархъ Теофилактъ , Царю по плоти родной сынъ . Св. Павелъ собралъ братіи болѣе двухъ сотъ человекъ , и до конца разорилось его безмолвіе . Не терпя быть въ великомъ попеченіи и суетѣ , онъ оставилъ свою обитель , удалился въ пустыню на безмолвіе , и вселился въ самой непроходимой пустынѣ , близъ самага Аѳона , гдѣ нынѣ стоитъ монастырь *св. Павелъ* , такъ назы-

ваемый; и началъ пакъ проживать единъ съ единымъ Богомъ. По отшествіи его изъ обители, братія много о немъ плакали, и всюду его искали, но не могли найти; и избрали себѣ игумена другаго, о чемъ услышавши Павелъ, весьма обрадовался. Но любимые его ученики также отлучились изъ обители, и странствовали по св. Горѣ Аѳонской, ища своего пастыря и любезнаго отца и наставника. И не могъ градъ, вверху горы стоя, укрытися. Ученики нашли его, и начали при немъ жить, и терпѣть всякія скорби и недостатки въ тѣлесныхъ потребахъ. Въ маломъ времени собралось болѣе ста человѣкъ. Узнавши сіе, ксиропотамцы начали посылать ему нужное. Павелъ началъ и тамъ строить монастырь; и помощію Царей воздвигнулъ великую обитель во имя св. Великомученика Георгія. И раздѣлилъ всю святыню пополамъ: половину оставилъ въ Ксиропотамѣ, а половину отдалъ въ новый монастырь. Достигши глубокой старости, написалъ братіи завѣщаніе, и преставился съ миромъ, и предалъ душу свою Господу, Котораго отъ юности возлюбилъ. А святыя его мощи увезены чудесно въ Константинополь.

140. Отъ монастыря Ксиропотама три часа ходу— семнадцатый монастырь, *Симонетръ*, во имя Рождества Христова. Стоитъ на остромъ утесѣ, высоты саженой двѣсти, какбы птичье гнѣздо. Отъ горы сдѣланъ мостъ. Изъ монастыря смотрѣтъ внизъ на море весьма страшно. Церковь соборная древняя, прекрасная и иконописанная; въ ней отъ св. мощей частей довольно, и великая часть отъ мощей Маріи Магдалины, и крестъ съ частию Честнаго Древа. Братія содержатъ прекрасное общежитіе. Воды много, но

лѣтомъ теплая ; лѣсу довольно , да трудно доставать его , ибо выше монастыря утесистая гора ; хлѣба , вина и масла довольно , но внѣ св. Горы ; огорода же нѣтъ ; келлій мало , и тѣ бѣдныя . Братіи около ста человѣкъ .

Не далеко отъ монастыря , къ сѣверу , есть пещера , въ которой жилъ и спасался предодобный отецъ , Симонъ пустынножитель , ктиторъ св. обители сей . Въ одну ночь , когда онъ молился , внезапно былъ ему гласъ : « Симонъ , изъиди изъ пещеры твоея . » Онъ вышелъ , и увидѣлъ съ небеси спадшую звѣзду и на остромъ утесѣ ставшую . Отъ звѣзды былъ гласъ : « Симоне , на семь каменнъ возиди монастырь во имя Рождества Сына Моего . » Симонъ сказалъ : « Какъ можно на семъ неудобномъ мѣстѣ быть монастырю ? Здѣсь не бывала человѣческая нога . Ктому же я самъ не вижу дневнаго пропитанія , а на монастырь требуется много злата . Еще же мнѣ надобно будетъ нарушить свое безмолвіе и заняться суетой . » Но паки ему былъ гласъ : « ты своего разсужденія не имѣй , а твори повелѣнное . » И абіе звѣзда невидима бысть . Онъ же пошелъ въ келлію свою и молился . По маломъ времени пришелъ къ той горѣ корабль , и изъ корабля зывали : « рабе Божій Симоне , сниди къ намъ . » Онъ сошелъ . Нѣкоторые съ корабля подѣхали къ берегу въ малой лодкѣ , упали предъ нимъ , и поклонившись , просили его взойдти къ нимъ на корабль ; и говорили , что Царь Сербскій хочетъ его видѣть . Онъ взошелъ , и Царь поклонился ему , и привелъ его къ дочери своей болящей ; и просилъ его , да исцѣлитъ ее , и говорилъ , что много лѣтъ она въ недугѣ , семъ , и никакіе врачи не могли исцѣлить ее ;

но было отъ Бога откровеніе, чтобы вести ее въ св. Гору Аѳонскую, и что на западной ея странѣ, близъ великаго утеса, есть пустынножитель Симонъ, онъ исцѣлитъ ее. И теперь, отче святыи, мы нашли тебя: сотвори о ней молитву, да исцѣлѣетъ.» Симонъ, видя Божіе быти дѣло, помолился о ней: и абіе болящая исцѣлѣла. Видѣвъ сіе Царь, радости многія исполнился, и сказалъ Симону: «отче святыи, скажи мнѣ, что сотворю тебѣ?» Симонъ же сказалъ Царю: «Мнѣ ничего не требуется, я всѣмъ отъ Бога доволенъ. А тебѣ ежели угодно, и имѣешь усердіе; то на семь утесѣ созижди монастырь.» Царь сему былъ очень радъ, и съ любовію началъ созидать монастырь; хотя и съ великимъ трудомъ, но обитель воздвигнули. Когда освящали мѣсто, и діаконъ мастерамъ подносилъ вина, въ одной рукѣ держа стекляницу, а въ другой стаканъ: вдругъ поскользнулся, и полетѣлъ въ пропасть къ морю. Стоявшіе тамъ думали, что и костей его не найдутъ. Но діаконъ чудесно былъ спасенъ, и сталъ на берегу моря живъ и здоровъ, и стекляница въ рукахъ осталась цѣла, и стаканъ въ рукѣ не пролился. Всѣ, видѣвшіе сіе чудо, прославили Бога и Божію Матерь. А когда, въ 1838 году, перекрывали крышу, и одинъ рабочій упалъ, то и костей не могли найти: столь великая пропасть! Монастырь же донынѣ стоитъ, ни въ чемъ невредимъ. Были землетрясенія, и монастыри на ровномъ мѣстѣ повредились; сей же стоитъ, яко свѣща на свѣщникѣ, нимало не повредился. Отъ моря полчаса ходу, и те по ступенямъ; при морѣ имѣетъ свою пристань.

141. Отъ Симопетра одинъ часъ ходу — восемнадцатый монастырь, *Гризоріатъ*, во имя Святителя

Николая. Соборная церковь не велика, но прекраснѣ убрана и вся иконописана. Имѣеть чудотворную икону Святителя Николая, и много отъ св. мощей частей, и крестъ съ частію Честнаго Древа. Братія содержатъ прекрасное общежитіе. Обитель имѣеть лѣсу много, да трудно доставать; воды довольно, но лѣтомъ теплая; хлѣба, вина и масла изобильно, но внѣ св. Горы; келлій мало, и тѣ бѣдныя; огорода почти не имѣеть. Стоитъ надъ самымъ моремъ, на скалѣ, отъ воды сажень пять, на открытомъ воздухѣ.

142. Отъ Григоріата одинъ часъ ходу — девятнадцатый монастырь, *Діонисіатъ*, во имя Рождества Іоанна Предтечи и Крестителя Господня. Соборная церковь прекрасная, иконописанная. Въ семъ монастырѣ хранится чудотворная икона Похвалы Пресвятыя Богородицы. Она избавила Царь-градъ отъ нахожденія варваровъ, когда сію икону носили по стѣнамъ Константинополя; въ воспоминаніе сего событія написали ей акаѳистъ «Взбранной Воеводѣ.» Еще хранится здѣсь десная рука Іоанна Предтечи и Крестителя Господня, отъ локтя до самой кисти; а нѣсть съ перстами — въ Россіи, въ С. Петербургѣ, въ зимнемъ дворцѣ. Въ этомъ монастырѣ, сказываютъ, была и глава Іоанна Предтечи, но въ 1824 году турки ее отняли, и теперь неизвѣстно гдѣ. Есть множество отъ св. мощей частей. Братія высокую и строгую общежительную жизнь проводятъ; в обитель славится своими общежительными уставами по всей Горѣ Аѳонской.

Всѣ отъ сего монастыря заимствуются общежительными уставами; но во всемъ подражать ему ни одинъ монастырь не можетъ. Монастырь *Діонисіатъ* — бога-

тый: хлѣба, вина и масла до изобилія ; братіи около двухъ сотъ человекъ ; лѣсу много , да трудно доставать ; воды много , но лѣтомъ теплая ; огорода не видѣть ; келлій мало, и тѣ бѣдныя. Стоитъ надъ самымъ моремъ на скалѣ , отъ воды саженой десять. Лѣтомъ бываетъ весьма жарко.

143. Отъ Діонисіата одинъ часъ ходу — двадцатый монастырь , называемый *св. Павла* , во имя св. Великомученика Георгія Побѣдоносца , выстроены св. Павломъ Ксиропотамскимъ (*). Соборная церковь новостроится , еще не докончена. Есть чудотворная икона Пресвятыя Богородицы и двѣ большія части Честнаго Древа , положенныя св. Павломъ , и крестъ Царя Константина Великаго , который онъ носилъ предъ полками. Здѣсь хранится часть даровъ , Христу волхвами принесенныхъ : злато , ливанъ и смирна , и множество отъ св. мощей разныхъ частей. Братія содержатъ общежитіе. Лѣсу много, да трудно доставать ; хлѣба, вина и масла изобильно, но въ св. Горы. Огородъ есть , но не великъ ; воды много холоднѣй. Келлій мало, и тѣ бѣдныя.

144. Монастырю подлежатъ два великіе скита: Первый , называемый *Новый* , во имя Рождества Богородицы , не далеко отъ монастыря , на самомъ берегу моря.

145. Второй , называемый *Лакъ* , во имя св. Великомученика Дмитрія , на восточной сторонѣ , отъ монастыря чрезъ хребетъ , въ глубочайшей пустынѣ ; живутъ молдаване и русскіе , между высокихъ горъ ,

(*) См. гл. 138. 139.

въ непроходимыхъ лѣсахъ. Въ зимнее время мало къ нимъ и солнце заходитъ, и много выпадаетъ снѣгу.

Монастырь св. Павла отъ моря стоитъ сажень на двѣсти, на утесѣ, подъ самою Горюю Аеономъ; климатъ весьма здоровый. Отъ св. Павла до Лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго семь часовъ ходу, кругомъ лба Аѳона; но монастырей уже нѣтъ, а только скиты.

146. Отъ Павла, полчася ходу, первый скитъ, называемый *Новый*, принадлежитъ къ св. Павлу. Отъ *Новаго* скита одинъ часъ ходу—второй скитъ *великій*, св. *Анны*, принадлежитъ къ Лаврѣ св. Аѳанасія. Отъ сего скита полчася ходу *малый* скитъ св. *Анны*. Отъ малаго скита св. *Анны* полчася ходу—скитъ *Каруля*, стоитъ въ непроходимомъ мѣстѣ. И наки обратно ходъ въ скитъ великій *Анны*.

147. Отъ скита *Анны* полтора часа ходу — *скитъ св. Василия*: живутъ греки, проводятъ самую строгую жизнь. Дравило читаютъ на турецкомъ языкѣ: ибо они родомъ изъ Азій, говорятъ по-турецки, а греческаго языка отнюдь не знаютъ, хотя употребляютъ литеры греческія. Такъ употребляютъ всѣ греки въ Азій, отъ самаго Архиделага и до Кесаріи Каппадокійской, потому что турки, до перехода въ Европу и до взятія Константинополя, весьма были злы на грековъ и на всѣхъ христіанъ, и которыя забирали страны, тамъ запрещали по-гречески говорить, и даже рѣзали грекамъ языки, и отъ того они до конца позабыли свой природный греческій языкъ, но въру православную христіанскую удержали. Хотя и повседневно кровь ихъ рѣками лилась, но все претерпѣли за имя Иисуса Христа; хотя уже и немного ихъ осталось, но весьма немногіе приняли магометанство;

а всё больше кровь свою проліяли за исповѣданіе Христово. И до-нынѣ осталось въ потомствѣ ихъ благое то сѣмя. Ибо азіатскіе христіане, греки, отмѣнны отъ всѣхъ родовъ усердіемъ и любовію къ Богу. Много я ихъ видѣлъ въ Іерусалимѣ; много ихъ приходитъ на поклоненіе въ Аѳонскую Гору: хотя и не понимаютъ греческаго языка, но показываютъ сердечное усердіе и расположеніе къ Богу. Они всегда въ церкви стоятъ со страхомъ, и слезами обливаются. И во св. Горѣ Аѳонской самые великіе старцы и подвижники больше изъ Азіатской Турціи.

148. Отъ скита Василія полчаса ходу — скитъ *Керася*. Здѣсь живетъ великій старецъ и духовникъ Неофитъ съ своими учениками: читаютъ и говорятъ турецкимъ языкомъ. Отсюда лежитъ путь на самый верхъ Аѳона.

149. Отъ Керася одинъ часъ ходу — великій скитъ *Кавсокалиба*, во имя Святыя Троицы. Отъ Кавсокалибы на одинъ часъ ходу скитъ *Нила Мгроточиваго*; противъ сего мѣста—самое лбище Аѳона, высунулось въ море. Противъ сего скита, въ гору, часъ ходу, *пещера Петра Аѳонскаго*. Пониже скита, съ полверсты, *пещера Нила Мгроточиваго*; но весьма страшно до нея доходить. Отъ Нилова скита часъ ходу—*скитъ Іоанна Предтечи*, стоитъ въ сторонѣ къ самому морю. Отъ скита Предтечева часъ ходу до Лавры св. Аѳанасія Аѳонскаго.

150. И такъ обошелъ я св. Гору Аѳонскую, и описалъ путь по св. Горѣ, сколько зналъ; ибо хотя и многожды своими ногами кругомъ обходилъ, но внутри монастырей и скитовъ мало знаю; потому что я во всѣхъ не жывалъ, а бывалъ только мимоходомъ.

Но хотя бы понемногу и жплъ , а всего описать не могъ бы. Кто можетъ описать древнія ихъ библіотеки и богатыя ризницы ? Братія , которые по двадцати лѣтъ живутъ въ монастырѣ , и тѣ не знаютъ—что въ монастырѣ есть. А знаютъ только во всякомъ монастырѣ человекъ пять или четыре : которые лѣтъ по сорока въ монастырѣ во всемъ были вѣрны , и проходили послушаніе , и пріобрѣли для монастыря великую сумму капитала , тѣмъ только открываютъ потаенные кладовыя. Это дѣлаютъ страха ради турецкаго , дабы во время какого несчастнаго случая турки не разграбили. Монастыри сооружены разными Царями и Патріархами , и положены въ нихъ всѣ драгоценности , а навпаче въ тѣ времена , когда турки брали и разоряли грековъ.

Теперь опишу св. Гору вообще. Длины она считается на сто верстъ , широты поперечнику двадцать верстъ ; вокругъ ея по монастырямъ сто восемьдесятъ верстъ. До верха Аѳона пути шесть часовъ. Въ ней находятся двадцать царскихъ великихъ ставропигіальныхъ монастырей. Всѣ монастыри имѣютъ равныя преимущества : всѣ игумены носятъ архіерейскія мантии , и имѣютъ архіерейскіе жезлы. Всѣ монастыри зависимы отъ Константинопольскаго Патріарха. Всѣ монастыри выстроены изъ дикаго и тесаннаго камня ; вмѣсто ограды обнесены корпусами келлій , мало гдѣ въ три , но болѣе въ четыре и пять этажей ; покрыты всѣ каменными плитами. Внутри корпусовъ , по угламъ и по коридорамъ , много устроено малыхъ церквей , называемыхъ *параклисами* , и всѣ прекрасно убраны и расписаны иконнымъ писаніемъ ; всѣ съ куполами , съ главами и крестами наверху. Внутри корпусовъ

помѣщены всѣ службы, страннопріимныя гостиницы. Во всякомъ монастырѣ по одной и по двѣ и по три *пирги*, т. е. высокія башни, для безопасности отъ разбойниковъ; на нихъ подѣланы и боевые часы. Въ каждомъ монастырѣ есть особенныя колокольни съ колоколами, и звонять — когда хотятъ: турки не запрещаютъ. Въ Аѳонской Горѣ турки ни во что не входятъ, а распоряжаются монахи, какъ хотятъ. Въ каждомъ монастырѣ посреди на площади выстроена великая соборная церковь со многими куполами, съ главами и крестами; покрыты всѣ оловомъ, а немногіе и свинцомъ. Есть посреди монастырей и другія малыя церкви, по одной и по двѣ и по три. Въ церквахъ полы всѣ — изъ разныхъ мраморовъ, украшены разными фигурами, и удивляютъ всякаго зрящаго. Столбы, которые поддерживаютъ верхъ, всѣ цѣльно-мраморные, отшлифованные; главы прехитро вырѣзанныя и позлащенные. Всѣ церкви увѣшаны паникадилами и хорусами и множествомъ лампадъ; аналой и каѳедры всѣ разукрашены перламутровой костью. Внутри храмы уставлены кругомъ монашескими формами токарной работы. Иконы всѣ высокою греческой работы, болѣе древнія; а италянскаго письма отнюдь не принимаютъ. Клиросы вездѣ полукруглые. Посреди—аналой осмиугольные. Въ каждой церкви по двое и по трое часовъ. Въ каждомъ монастырѣ братскія трапезы великія и расписаны; столы въ нѣкоторыхъ мраморные, а въ нѣкоторыхъ деревянные. Больницы великія и прекрасныя. Въ каждомъ монастырѣ по двѣ и по три мельницы водяныхъ; въ каждомъ скиту по мельницѣ. И каждый монастырь устроенъ подобно граду. Вся св. Гора Аѳонская по-

крыта темными лѣсами и непроходимыми пустынями, испещрена горами и холмами, и прекрасными долинами, садами и виноградниками, рѣками и источниками. Каждый монастырь имѣетъ свою корабельную пристань съ великими арсанами, т. е. кладовыми, имѣетъ свои корабли и мрежи, и всегда ловятъ рыбу. Вся св. Гора изукрашена монастырями и скитами, монашескими келліями и колибами, постнїцами и отшельнїцами. Великихъ монастырей двадцать; великихъ скитовъ десять; малыхъ скитовъ съ малыми церквами, называемыми по-аѳонски келліями, до пяти-сотъ; колѣбъ и пещеръ по горамъ и лѣсамъ неизвѣстно сколько; только одинъ Богъ знаетъ.

151. Великій *скитъ* имѣетъ келліи по пятьдесятъ и по сорока и по двадцати. Каждая келлія имѣетъ свою церковь, небольшой садъ и малый огородъ; въ каждую келлію течетъ вода, проведенная по жолобамъ, для напоенія огорода. Въ каждой келліи живутъ по два и по три и по четыре человекъ, т. е. старецъ съ своими учениками. Каждая келлія на своемъ содержаніи; а содержаніе братія имѣютъ отъ своего руководѣлія. Посреди скита великая соборная церковь, подобно какъ и въ великихъ монастыряхъ, расписана и украшена; полы разнораморные, колокольни съ колоколами. Кругомъ церквей выстроены великія гостинницы для страннїхъ и мимоходящихъ и для поклонниковъ. Каждую недѣлю и въ великіе праздники бываетъ соборное и общее бдѣніе, продолжается по двѣнадцати часовъ, по чину общежительныхъ монастырей; всѣ скитскіе братія обязаны приходить на бдѣніе; а ежели кто на два бдѣнія не прїдетъ, тому прикажутъ продать веллію; впрочемъ, ежели кто со

слезами упросить и общается повиноваться скитскому уставу, того простятъ. Причащаются св. Тайнъ черезъ три недѣли, а другіе каждую недѣлю. По скиту громко розговаривать и стучать — строго запрещено. Братія провождаютъ самую строгую монашескую жизнь, на скитскихъ чиноположеніяхъ. Русскіе мало вмѣщаютъ скитскую жизнь. Всѣ скитяне въ монастырь платятъ дань.

152. *Келліи* устроены такъ: келлія—каменная, наподобіе господскаго дома, въ два и три этажа; и въ каждой келліи своя церковь, пять и шесть комнатъ и гостинница, которая служитъ и за трапезу; есть кухня и пекарня; внизу — погребъ и выходы; есть и сарай и амбары, гдѣ подѣланы службы, потатирь для вина, т. е. точило, маслѣбойни и казаны, и разныя кладовыя; вокругъ себя много имѣетъ земли и лѣсу, и кругомъ ограждена оградой; внутри насажены сады: аеонскіе орѣхи, масличныя деревья, виноградъ, смоковницы и подобныя имъ, и капарисъ для красоты; близъ келліи — огороды для овоція. Келліи имѣютъ и воды довольно: одна проведена по жолобамъ, для напоенія огорода, а другая—холодная, для питія: ибо каждая келлія имѣетъ по два и по три источника воды. Живутъ здѣсь по два и по три и по четыре человекъ. Правло церковное отправляютъ по уставу. Въ день занимаются больше трудами въ саду и огородѣ; собираютъ плоды и продаютъ ихъ; вырученными деньгами платятъ въ монастырь дань, на нихъ покупаютъ хлѣба и одежду, и мимоходящихъ странниковъ упокоиваютъ. Живутъ всѣ подъ духовниками, и причащаются черезъ сорокъ дней.

Келейную жизнь много проходят и русскіе, и имѣють богатя келлія.

153. *Колиба* называется келлія безъ церкви ; сада и города не имѣеть ; а нѣкоторыя хотя и имѣють, но немного ; пропитаніе братія имѣють отъ рукодѣлія, и работаютъ кто что можетъ ; а больше занимаются ложечками, потому что на нихъ больше расходу : продають ихъ , и покупають себѣ сухарики. Въ большихъ монастыряхъ и дань немного дають. Такъ пропитываются, и благодарятъ Царицу небесную. Живутъ подъ духовниками. Правило отправляютъ — кто какъ можетъ ; причащаются каждый мѣсяць. Живутъ по два и по одному. Вина и масла рѣдко когда вкушаютъ, рыбы же никогда, развѣ только гдѣ въ монастыряхъ на праздникъ ; потому съ колибъ и ходятъ много по праздникамъ, ибо бѣднымъ имъ въ келліи не чѣмъ утѣшиться. Въ субботу ходятъ на Карею продавать свое рукодѣліе. А которые бѣдны, не имѣють на что купить ни келліи ни колибы, а въ монастыри не принимаются, тѣ проживаютъ въ чужихъ келліяхъ на квартирахъ ; но съ нихъ за то ничего не берутъ, а они что нибудь пособляютъ работать. Сіи имѣють пропитаніе отъ своихъ трудовъ, ходятъ по монастырямъ и по келліямъ, и работаютъ поденно за деньги : косятъ траву, собирають плоды, копають землю, и такъ пропитываются ; дани ничего не дають, живутъ подъ духовниками, которые ихъ и постригаютъ ; причащаются—какъ доведется, по разсужденію духовника. А которые не могутъ работать, тѣ милостыню просятъ и по монастырямъ ходятъ, и пропитываются. А ежели заболѣють, то больнаго • всюду на больницу принимаютъ. А ежели случится

гдѣ и на келліи: и тамъ больного не оставляють , но яко родные ухаживають, пока выздоровѣетъ. Иные, пришедши съ деньгами въ св. Гору Аѳонскую, положили свои деньги въ монастырь, и взяли одну колибу, или внутри монастыря келлію, и получаютъ все потребное для тѣла, до смерти своей; и каждую недѣлю приходятъ на всенощное бдѣніе, и причащаются св. Таинъ; и по трапезѣ берутъ себѣ потребное, и отходятъ въ свою келлію.

154. Теперь хочу описать общежительную Аѳонскую жизнь, — живыхъ мертвецовъ, земныхъ ангеловъ и небесныхъ челоуѣковъ, ангельскому житію подражателей, воиновъ Царя небеснаго. Какъ Ангелы служатъ день и ночь своему Небесному Владыкѣ: такъ и сіи, отдавши свои тѣлеса, вкупѣ и съ душами, своему предводителю, отцу игумену, и другъ другу, Господа ради и царствія ради небеснаго, добрѣ послушали словесъ Господа своего, Иисуса Христа, сказавшаго въ святомъ Евангеліи: *иже хочетъ по Милитти, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Милитти ирдетъ* (Матѳ. 16, 24. Марк. 8, 34. Лук. 9, 23). Сіи воины дѣломъ исполнили сіи Христовы словеса, до конца отверглись себя, и взяли крестъ свой, сирѣчь терпѣніе, и идутъ во слѣдъ Иисуса Христа, на гору Голгоѳу, сирѣчь распяться міру, и до конца умертвить свои страсти, и погребстись во гробъ смиренія, и воскреснуть о Христѣ безстрастіемъ. Постъ они держутъ повседневный, ночь стоятъ на молитвѣ, а день обрѣтаются на послушаніи. И они достигаютъ царствія небеснаго сими тремя добродѣтелями: *постомъ* укрощають плоть свою и страсти, потому что чрево есть царица всеѣмъ страстямъ: когда

царицу умертвишь, то и рабы разбѣгутся. *Послушаніемъ* искореняють и исторгають страсти, и достигаютъ смиренія, и погружаются въ смиренномудріе. *Молитвою* отгоняють всякіе мятежные помыслы, и соединяются съ самимъ Богомъ. Сіи самоизвольные страдальцы положили твердое основаніе своего спасенія «*вру.*» И вѣрують своему Создателю, что не лишитъ ихъ Царь небесный вѣнца мученическаго. Мученики терпѣли отъ мучителей раны, темницы, бїеніе и заточеніе, а послѣ и смерть. И сіи безкровныя мученики ежедневно терпятъ мученіе отсѣченіемъ собственной своей воли; носятъ иго,—послушаніе, постъ, молитву, всенощное стояніе, бдѣніе, поклоны; чего не хошутъ, то имъ даютъ; чего не желаютъ, то имъ повелѣваютъ; куда просятъ, туда не пускаютъ; а куда не желаютъ, туда посылаютъ. И всегда на крестѣ висятъ не отъ мучителей, но своею доброю волею. Еще же и злый мучитель діаволь безпрестанно съ нами имѣетъ мысленную брань, и внушаетъ имъ снити со креста, и влагаетъ имъ въ умъ лукавыя помыслы: жалость о мірѣ и яже въ немъ, о родителяхъ и сродникахъ, о имѣніи и всѣхъ прелестяхъ и красотахъ міра сего. Еще лукавый врагъ діаволь внушаетъ имъ: сними со креста, не можешь такъ поститься, не можешь вмѣстить эту пищу, не можешь понести такого послушанія, потеряешь свое здравіе, ты младъ, а жизнь твоя продолжительна, сними со креста. Кто сего не приметъ, тому внушаетъ выйти изъ монастыря и удалиться на безмолвіе въ пустыню,—дабы изгнать отъ обителя, и отлучить отъ избраннаго и Богомъ собраннаго стада. Но сіи духовныя войны сего лукаваго совѣтника побѣж-

даютъ, ово сами собою и молитвою ; а ежели сами не могутъ, то объявляютъ своему пастырю, отцу игумену. Ибо во аеонскихъ общежительныхъ монастыряхъ братія имѣють обычай ежедневно исповѣдывать свои помыслы и всѣ лукаваго прилоги своему пастырю и предводителю, отцу игумену. И имѣють къ нему такую вѣру, что всѣ свои помыслы и всѣ прилоги отдають на его разсмотрѣніе и разсужденіе: какъ онъ скажетъ, такъ и дѣлають, и принимаютъ отъ него совѣты, яко отъ самаго Бога, и бывають спокойны. Потому діаволь и всѣ его коварства и козни бывають бездѣйственны, и никакой силы не имѣють на совершенныхъ послушниковъ. А хотя и придетъ къ нимъ какой помыслъ, то они, яко коня, возмутъ за узду, и поведутъ къ своему пастырю, говоря: « что ты мнѣ стужаешь? ты знаешь, что я не имѣю своей воли и своего разсужденія, и не знаю—откуда ты: отъ Бога ли, или отъ врага діавола; а пойдемъ къ моему пастырю: какъ онъ разсудитъ?» И бывають спокойны. И по всѣ часы и минуты ѣтятся сохранить свою совѣсть чисту и непорочну, какъ предъ Богомъ, такъ и предъ пастыремъ, отцемъ игуменомъ, и предъ всею о Христѣ братією. Сія живые мертвецы погребены, яко въ гробъ, въ отсѣченіи своей воли и своего разсужденія. Тѣломъ дѣлають и совершають послушаніе, носятъ тяготу своего начальника и другъ друга; умомъ же и сердцемъ всегда бесѣдуютъ съ Богомъ молитвою, и всегда своего возлюбленнаго и многовождельнаго Господа Иисуса Христа внутри себя носятъ, и Имъ утѣшаются; и всегда въ умѣ своемъ съ Нимъ бесѣдуютъ, глаголя: « Господи Иисусе Христе, Сыне Божіи, помилуй мя грѣш-

наго ! » Сія войны Царя Небеснаго обоя пути монашескаго житія проходятъ , послушаніе вкупѣ и безмолвіе: послушаніемъ достигаютъ смиренія и смиренномудрія; безмолвіемъ же восходятъ на высочайшую степень любви и безстрастія. Гдѣ тамъ любостыжаніе и любовь къ земнымъ вещамъ? Гдѣ зависть и ненависть? Гдѣ тамъ сластолюбіе и пѣанство? Воистинну, тамъ мѣста не имѣетъ ни единая страсть; потому что кто приходитъ въ монастырь и опредѣляется жить въ общежитіи , тотъ все свое имѣніе , вещи , книги и иконы , — много, или мало , — отдаетъ въ общее. Въ келліи своей ничего никому имѣть не позволено, развѣ одной иконы и одной книги , и когда ее прочитаетъ , то снесетъ въ бібліотеку , а другую возьметъ. Одежду имѣютъ только нужную и необходимую. Пищи и питія отнюдь въ келліи не имѣютъ ; запрещено даже и воду держать. Празднословія и кощунства никогда не слышатся. Не можетъ никто одинъ къ другому взойти въ келлію даже за нужною потребою; ниже въ коридорѣ одинъ съ другимъ стоять можетъ: но только всякому позволено входить въ келлію къ отцу игумену и къ духовнику , и то — по нужной потребѣ. Каждый , когда приходитъ въ келлію свою , затворяетъ дверь , отправляетъ келейное свое правило, или препоконть мало многотрудное свое тѣло, или займется чтеніемъ Божественнаго и отеческаго писанія. Когда же исходятъ въ церковь , на соборную молитву, или на послушаніе, то не можетъ не только запереть , но ниже затворить келлію. На послушаніи разговоровъ не бываетъ ; а ежели кто, яко челоуѣкъ , что-нибудь и скажетъ , то икономъ тотчасъ возразитъ: отче, что ты, или позабылъ: Го-

споди Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ ? А ежели кто не воздерженъ на языкъ , тотъ часто бываетъ отлучаемъ отъ трапезы , и наказываемъ или поклонами , или при всей братіи выговоромъ.

Келейное правило положено такое: въ самую полночь, т. е. въ 12 час. ноши, возбуждаютъ всѣхъ на келейное правило. Прежде ударяютъ въ колоколъ , а потомъ ходятъ будильщики по коридорамъ. И каждый инокъ отправляетъ правило въ келліи своей : сто пословъ земныхъ съ молитвою Ісусовою ; тысяча метаній , т. е. поясныхъ — какъ рукой до земли достать, тоже съ молитвою Ісусовою , т. е. « Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго »; двѣсти метаній Пресвятѣй Богородицѣ, съ молитвою: « Пресвятая Владычице моя Богородице, спаси мя грѣшнаго »; пятьдесятъ поклоновъ земныхъ съ молитвою: « Богородице Дѣво, радуйся » и проч.; сто метаній Ангелу хранителю ; еще по сту метаній творять за новопредставленнаго брата, до четыредесяти дней ; за творящихъ милостыню сто метаній : всего выходитъ пятнадцать четокъ. По окончаніи каждыхъ четокъ — трижды « аллилуіа » и три поклона земныхъ ; и еще три поклона земныхъ съ молитвою: « *Богородице Дѣво, радуйся.* »

Черезъ часъ по полунощи ударяютъ въ било , и собираются всѣ на соборную молитву въ церковь , и читаютъ полунощницу. Когда начнутъ псаломъ « *помилуй мя, Боже* » , тогда екселсіархъ обходитъ всю братію со свѣцею : кого не обрѣтается , скоро за тѣмъ посылаютъ , и когда приходитъ , то наказанъ бываетъ поклонами посреди церкви. Ежедневно на утрени по первой каѳисмѣ бываетъ великое чтеніе.

Тогда паки обходятъ братію, и возбуждаютъ. Наблюдается строго, чтобы стояли всѣ чинно, и поклоны творили всѣ заедино, равно и благочинно, чтобы не въ свое время никто ни садился, кромѣ чтенія. И такъ каждую утреню обходятъ трижды и болѣе. Каноны обычая не имѣютъ читать, но ежедневно поютъ съ канонархомъ. Въ каждую утреню бываетъ три чтенія. Продолжается утреня четыре часа, а иногда и до пяти; а поліелейная утреня продолжается до шести часовъ. Послѣ утрени, пока очередной священникъ читаетъ правило, прочіе пребываютъ въ безмолвіи, не болѣе часа. Потомъ начинается ранняя Литургія. Послѣ Литургіи братія вкушаютъ антидору и святой воды; и ежели дважды трапеза, то идутъ въ трапезу, а потомъ на послушаніе, до самой вечерни. Ежели однажды трапеза, то идутъ прямо на послушаніе, а пищу съ собою берутъ. До вечерни за полчаса сходятся всѣ въ монастырь. Потомъ идутъ къ вечерни. Вечерню читаютъ и поютъ не спѣшно. По вечерни идутъ въ трапезу, а ежели однажды трапеза, то по келліямъ.

Въ шесть часовъ паки собираются въ перковь, и читаютъ повечеріе. На повечеріи канонъ Богородицѣ ежедневно поютъ на-распѣвъ съ канонархомъ, и ежедневно читаютъ акаѳистъ Пресвятѣй Богородицѣ. Потомъ идутъ каждый въ свою келлію. И никто не имѣетъ позволенія въ келліи имѣть свѣтъ, но долженъ или почивать, или правило келейное отправлять: время все распредѣлено по часамъ.

Пищу братія вкушаютъ больше постную. И всегда бываетъ вареная одна пища, а другая — сухая, т. е.

соленыя маслины ; иногда бываетъ соленая рыба , а иногда и соленый сыръ. Вареніе бываетъ больше бобъ и фасоль, и изъ своего огорода овощи. Съ масломъ готовятъ въ субботу и въ недѣлю, а иногда во вторникъ и четвертокъ. Рыбу подаютъ только по великимъ праздникамъ ; иногда подаютъ и вина, съ водой раствореннаго. Хлѣбъ бываетъ всегда пшеничный, и болѣе черствый.

Въ общежительныхъ монастыряхъ св. Аѳонской Горы братія часто причащаются св. Таинъ. Въ Русскомъ монастырѣ и въ Діонисіатѣ причащаются каждую седмицу и во всѣ великіе праздники, а въ иныхъ монастыряхъ чрезъ двѣ седмицы, въ пятнадцатый день. Которые причащаются каждую седмицу, тѣ постятся по три дня, а которые чрезъ двѣ, тѣ постятся цѣлую седмицу. Въ великій постъ всѣ причащаются по-трижды въ недѣлю. Во весь годъ, въ каждую недѣлю и въ великіе праздники, бываетъ всепощное бдѣніе ; продолжается въ праздники двѣнадцать часовъ, въ воскресные дни десять, празднуемымъ святымъ девять часовъ. Во время бдѣнія, каждый часъ, одинъ изъ братіи ходитъ по церквѣ со свѣщю, и осматриваетъ братію: кто дремлетъ, того возбуждаетъ. Котораго трижды разбудить, того выводятъ изъ формы, и ставятъ посреди церкви.

Во всякомъ монастырѣ есть церковный икономъ, который наблюдаетъ все церковное благочиніе, и распоряжаетъ кому гдѣ стоять.

Всѣ сіи воины Царя небеснаго, возлюбившіе Господа своего отъ всего сердца своего, и отъ всея души своей, и отъ всего помышленія своего, сіи

рабы Бога Вышняго, не словомъ , но дѣломъ исполняютъ словеса Спасителя своего : *еще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и чадъ, и братію, и сестрѣ, еще же и душу свою, не можетъ Мои быти ученикъ* (Лук. 14, 26.). На нихъ сбудется обѣтованіе Господне : *всякъ, иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею приметъ, и животъ вѣчный наслѣдитъ* (Матѣ. 19, 29.). Сія духовные войны съ дерзновеніемъ могутъ глаголатъ : *се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебе идехомъ : что убо будетъ намъ* (ст. 27.)? И Господь отвѣтитъ имъ на послѣднемъ судѣ : *придите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѣ. 25, 34.).

И въ семъ еще вѣкѣ не оставляетъ Господь рабовъ Своихъ, вѣрою и любовію Ему служащихъ, но посылаетъ имъ разныя утѣшенія, и награждаетъ ихъ разными дарами Духа Святаго. Иные, переплывъ страстное и многоволнистое грѣховное море, достигли въ тишину безстрастія : многихъ я видѣлъ въ Русскомъ монастырѣ, которые, жизнь свою препроводивши въ общежитіи, въ совершенномъ послушаніи и въ отсѣченіи своей воли, овые двадцать лѣтъ, овые тридцать, а другіе сорокъ, пятьдесятъ и шестьдесятъ лѣтъ, достигли совершеннаго безстрастія, стали на высочайшей степени любви и беззлобія, и сдѣлались яко безстрастные Ангели. Другіе достигли глубины кротости и смиренномудрія. Овые, достигши безстрастія, получили даръ слезный, и не могутъ никогда воздержаться отъ слезъ, ово о своихъ согрѣшеніяхъ, ово о своей братіи, ово о всемъ мірѣ, что-

бы всему міру простилъ Господь грѣхи. Овые получили даръ радостныхъ слезъ , и всегда плачуть отъ радости , что много любятъ Господа своего , и чувствуютъ великія Его милости и благодѣянія къ роду человѣческому , и что сподобилъ ихъ отлучиться отъ суетнаго и многмятежнаго міра сего , и прійти въ тихое и небурное пристанище монашеской жизни. Овые получили даръ пророчества , откровенія и видѣнія , а другіе—даръ восхищенія ума къ Богу; и сіи дары открываютъ только своимъ пастырямъ , духовнымъ отцамъ , которые могутъ отличить истину отъ обольщенія , и яко искусные вожди все прикрываютъ однимъ смиренномудріемъ , и приписываютъ все великому Господню челоуѣколюбію и молитвамъ братіи; а наипаче заповѣдуютъ блюстись обольщеній врага нашего древняго , діавола: ибо онъ преобразуется въ ангела свѣтла. Каждому отцы духовные даютъ наставленіе — безпрестанно помнить и призывать имя Господа. Иисуса Христа , просить Его великаго милосердія , плакать о своихъ согрѣшеніяхъ , и не скрывать никакихъ помысловъ , ни даровъ.

Сіи духовные войны , во плоти сущи , побѣждаютъ безплотнаго врага діавола , всѣ его козни разрушаютъ послушаніемъ и смиреніемъ , и всѣ его прелести облачаютъ , и до конца упраздняютъ духовныхъ отецъ разсужденіемъ.

Препровождая такую жизнь и благодушно переплывая сіе житейское море , они достигаютъ тихаго и небурнаго пристанища , и переходятъ въ небесное и вѣчное отечество , ндѣже нѣсть ни болѣзнь ни печаль ни въздыханіе , но жизнь безконечная. Когда

кто изъ нихъ заболитъ, то отходить на больницу, а ежели не можетъ самъ идти, то отводятъ, и пекутся о его здравіи: никакая мать не можетъ ходить за своими больными дѣтьми такъ, какъ духовные братія пекутся о больныхъ. И отецъ Игуменъ дважды днемъ самъ посѣщаетъ больныхъ; и для нихъ читаютъ особенное правило, и почти ежедневно причащаютъ. Удивительно, что вообще больные во Св. Горѣ много не лежатъ, но или скоро выздоравливаютъ, или скоро отходятъ на вѣчную жизнь, и умираютъ яко засыпаютъ.

Се описалъ я вкратцѣ общежитіе; а ежели бы описать его подробно, то великую книгу надобно написать.

155. Теперь напишу, хотя немного, о *Лаврахъ*. Лавры по-гречески называются *Диорты*: въ нихъ живутъ больше по своей волѣ, какъ хотятъ, только подъ духовниками. Пищу получаютъ изъ общаго, хлѣбъ печеный, масло, вино и крупы; а готовятъ каждый для себя. Трапезы общей не бываетъ; бываетъ только для страннихъ. Деньги и вещи всякъ у себя имѣетъ, и что кому надобно,—покупаетъ. Въ церкви правило правятъ по уставу аѳонскому, продолжительно. Всенощныя бдѣнія бываютъ только по великимъ праздникамъ, тоже продолжаются двѣнадцать часовъ. Послушаніе братія проходятъ по обычаю; богатые на послушаніе въ монастырѣ не ходятъ, но исправляютъ другія послушанія, — посылаются въ разныя мѣста по монастырской надобности. Бѣдные много работаютъ и много терпятъ скорбей. Управляются монастыри соборными заслуженными старцами. А хотя

и избираются игумены, но только ради церкви. И въ сихъ монастыряхъ много есть рабовъ Божіихъ, которые проходятъ совершенную монашескую жизнь. И тамъ много такихъ, которые знаютъ только что церковь, да свою келлію: положили въ монастырь довольную сумму денегъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ ни въ чемъ не беспокоить, и живутъ, яко въ пустынь, только по своей волѣ.

156. Всѣ монастыри, общіе и не общіе, содержаніе имѣютъ больше отъ милостыни и отъ поклонниковъ приходящихъ въ св. Гору съ разныхъ странъ вселенныя.

Дороги отъ монастыря до монастыря—между горъ и лѣсовъ, узкія, нарочито устроенныя и камнемъ выстланныя, но только для верховой ѣзды. Коней въ монастыряхъ не держатъ, а во всякомъ монастырѣ много имѣется муловъ: на коняхъ по горамъ ѣздить неудобно. Есть и волы для оранія земли; есть и коты для мышей. Женскаго же полу всякихъ животныхъ держать совершенно запрещено. И женамъ входъ въ Аѳонскую Гору строго воспрещенъ. Дикіе звѣри и птицы всякаго рода водятся, мужскаго и женскаго пола. Вредительныхъ звѣрей не имѣется. Въ морѣ рыбы довольно, да поймать ее трудно. Черепоконныхъ животныхъ разныхъ родовъ довольно. Лѣсу много: растутъ деревья разныя, а больше каштановыя съ плодами, лавровыя, кедры, сосна, пихта, ель, букъ, грабъ, платанъ, певга, кипарисъ, дубъ, арій, камарня, рыхъ, тисъ, бобковое, ясенъ и разныя, кромѣ березы, которой нѣтъ. Грибовъ бываетъ довольно. Водой вся св. Гора Аѳонская изобилуетъ:

каждая келлія , каждая колиба имѣетъ свой источникъ , а другая — два и три.

Итакъ , сколько могъ , и что видѣлъ своими очами , то описалъ , но описалъ больше внѣшность и тѣнное богатство и красоту мѣстоположенія святыя и пресловутыя Горы Аѳонскія.

О ПОДВИЖНИКАХЪ

СВЯТЫЯ ГОРЫ АѦОНСКІЯ.

157. Теперь хочу описатьъ богатство св. Горы АѦонскія—нетлѣнное, хранимое въ ея горахъ и дебряхъ, въ лѣсахъ и долинахъ, сирѣчь—рабовъ Божіихъ, подвижниковъ аѦонскихъ.

Много АѦонская Гора препослала къ Царю Небесному Преподобныхъ отецъ, священномучениковъ и мучениковъ, пострадавшихъ въ древнія времена отъ безбожныхъ арабовъ, сарацынъ и турокъ, которые многожды ее опустошали, братій мечемъ посѣкали, имѣнія разграбляли, а монастыри разоряли и огню предавали. Оттого сдѣлалась для насъ аѦонская древность закрыта. Только извѣстно то, что были строены монастыри Царемъ Великимъ Константиномъ и Великимъ Θεодосіемъ и Царицею Пульхеріею. Но кто въ нихъ жилъ и на какихъ уставахъ, — то неизвѣстно; потому что всѣ грамоты истреблены арабами. И еще множество иноковъ въ ней пострадали отъ иконоборцевъ. По истребленіи иконоборной ереси, начала АѦонская Гора процвѣтать, и отъ того времени бывшее до-нынѣ болѣе извѣстно. Въ настоя-

щемъ видѣ она процвѣтала отъ девятого до четырнадцатаго вѣка. Тогда было въ ней братівъ до семидесяти тысячъ монаховъ, и сто-тридцать великихъ монастырей. Но въ четырнадцатомъ вѣкѣ пришли отъ запада злые воли, и распудили Христово стадо. Пришли отъ Папы Римскаго, и разорили св. Аѳонскую Гору, и обагрили ее монашескою кровію. Принуждали къ своему латинскому мудрованію: но аѳонскіе отцы отвергли ихъ еретическое мудрованіе, и проліяли кровь свою за Св. Соборную Апостольскую Христову Восточную Церковь. Латинцы устремились на нихъ со всѣми орудіями смерти: нверскихъ отцевъ въ морѣ утопили; ватопедскихъ на древахъ повѣсили и разстрѣляли; зографскихъ огнемъ сожгли. Прота же самого, карейскихъ и прочихъ монастырей отцевъ мечемъ посѣкли. И такъ совершенно опустошили св. жребій Царицы Небесной. Но Царь греческій Андроникъ Палеологъ паки Аѳонскую Гору обновилъ, и монастыри поправилъ, но не всѣ, а только двадцать, которые и до-нынѣ существуютъ.

О древнихъ отцахъ много написано въ книгахъ, называемыхъ « патерики », т. е. отечники. Когда жившій въ скитѣ Магулѣ ученикъ Григорія Синавта молился Божіей Матери, прося явить ему, много ли есть спасаемыхъ въ св. Горѣ Аѳонской; тогда былъ ему въ нощи гласъ, да изыдетъ изъ келліи, и да возрить на высокій холмъ. Онъ вышелъ, и увидѣлъ надъ холмомъ стоящую Царицу небесную, неизреченнымъ свѣтомъ сіяющую, вокругъ же Ея многое множество столповъ огненныхъ. И паки былъ ему гласъ: « еже видинъ безчисленное множество огненныхъ столповъ, — это аѳонскіе отцы; и аще хоцещи

ІЕРОСХИМОНАХЪ АРСЕНІЙ

Афонской горы духовникъ и пустынникъ. сконч. 1846 г. Март. 24 д

исчислити звѣзды небесныя , то исчислишь и аѳонскихъ святыхъ преставльшихся ; а послѣде еще больше будетъ.»

Я хочу теперь писать о послѣднихъ , которые не задолго прежде меня или въ малое время моего пребыванія во святой Горѣ Аѳонской процвѣтали ; и таковыхъ знаю только немногихъ.

158. Но откуда начну повѣдати , или о комъ напишу въ началѣ? Написать о первомъ томъ , мнится , надобно , съ кѣмъ я больше обращенія имѣлъ , и котораго труды и подвиги своими очами видѣлъ , и душеполезныя бесѣды своими ушесы слышалъ , — о своемъ старцѣ и духовникѣ *Арсеніи*. Произрастила его великая Россія , при великой и славной рѣкѣ Волгѣ ; былъ онъ уроженецъ Нижегородской губерніи , города Балахны , изъ мѣщанъ. Родившись отъ правобѣрныхъ родителей , просвѣщенъ св. крещеніемъ , и нареченъ былъ *Алексій*. Въ отрочествѣ обученъ былъ чтенію и письму. Юность проводилъ въ житейскихъ и мірскихъ попеченіяхъ. Но Господь , провидя въ немъ хотящую быти благодать и жилище Святаго Духа , не далъ ему погрязнуть въ мірскихъ страстяхъ ; скоро вложилъ ему въ разумъ заняться чтеніемъ Божественнаго и отческаго писанія , въ которомъ онъ скоро могъ рассмотреть и узнать суету и прелесть міра сего и бесполезное души его попеченіе. На двадцатомъ году отъ роду Алексій оставилъ домъ свой и родителей , и пошелъ странствовать , Бога ради , по россійскимъ монастырямъ. Пришедши въ Московскую губернію , въ общежительную пустынь Пѣсношскую , положилъ тамъ начало монашеской жизни , опредѣлился въ число братства , и проходилъ по-

слушаніе три года. Потомъ возъимѣлъ желаніе ийти за границу, въ молдавскіе монастыри, которые тогда славились великими старцами и подвижниками. Когда онъ открылъ свое желаніе духовному своему отцу, то духовникъ его благословилъ. Хотя отецъ игуменъ и много отговаривалъ, однако онъ отправился въ путь. Пришедши въ Кіевъ и поклонившись св. мощамъ Кіевскихъ Чудотворцевъ, нашель тамъ себѣ спутника, именемъ Никиту, Тульской губерніи, который до самой смерти, болѣе сорока лѣтъ, во всѣхъ скорбяхъ, трудахъ и подвигахъ былъ ему соучастникъ. Взявши благословеніе отъ Кіевскихъ Чудотворцевъ и помолвившись имъ, отправился далѣе въ путь.

Пришедши въ Молдавію и обошедши всѣ молдавскіе монастыри и скиты, нашли себѣ духовнаго отца и пастыря въ Балашевскомъ скиту, отъ города Буташанъ четыре часа ходу, и препоручили ему свои души купно съ тѣлесами. Черезъ нѣсколько времени, духовный отецъ постригъ ихъ обонхъ въ монашество, и нарекъ Алексію имя *Авель*, а спутнику и сотруднику его—*Никандръ*. Черезъ нѣсколько времени, наставникъ и пастырь ихъ, видя ихъ великіе подвиги и смиреніе, понудилъ отца Авеля принять хиротонію, яко достойнаго и въ писаніи искуснаго. Но ему сіе весьма тяжело показалось, и просилъ онъ своего пастыря со многими слезами, да не налагаетъ на него тяжкаго бремени выше силы его, но да оставитъ его только въ монашескомъ чинѣ работать Господу. Но старецъ ему сказалъ, что совершенному послушнику неподобаеть имѣть своего разсужденія, а должно творить повелѣнное, и не учить своего старца, а быть послушаву даже до смерти. Авель поклонился ему

до земли, и сказалъ: «прости мя, отче святыи! согрѣшилъ предъ тобою; твори, якоже тебѣ угодно.» И скоро хиротонисанъ былъ во іеродіакона, потомъ во іеромонаха, и по согласію всей скитской братіи духовникомъ сдѣланъ. Но аще и іеромонахомъ сдѣлался, обаче своего послушанія и смиренія не измѣнилъ: повиновался своему старцу, аще и просту сушу; и никогда ничего не начиналъ безъ его благословенія. И повиновались они оба съ отцемъ Никандромъ своему пастырю и наставнику, въ совершенномъ послушаніи и отсѣченіи своей воли, осьмнадцать лѣтъ. Препроводивъ своего вождя и пастыря на вѣчное блаженство, яко ходатая за себя ко Господу Богу своему, сами остались сиротами; обаче по своей волѣ жить не восхотѣли, а положили — жить по-братски: одному у другаго быть въ послушаніи, и не разлучаться до самой смерти. Такъ и исполнили на самомъ дѣлѣ. Хотя отецъ Никандръ и желалъ отца Авеля имѣть себѣ за пастыря, потому что онъ былъ іеромонахъ и духовникъ: но отецъ Авель никакъ не согласился быть за старца, но положилъ — жить одному у другаго въ послушаніи, по-братски.

Жили они такъ немногое время, и было обимъ откровеніе отъ Бога, повелѣвающее имъ идти въ св. Аѳонскую Гору, и тамъ препроводить остальную жизнь. Они объявили одинъ другому откровеніе, и начали собираться въ путь. Услышавши о томъ скитскіе и прочіе монастырей отцы, начали ихъ разговаривать, и говорили имъ, что въ сіе смутное время никакъ невозможно идти не токмо въ св. Гору, но и въ Турцію; что которые и жили тамъ, тѣ всѣ вышли; что полна гора турокъ и разбойниковъ, и монастыри

всѣ заняты турками, и стоятъ заперты, а на келліяхъ разбойники, и что по всей Турціи христіанамъ почти и проходу нѣтъ, повсюду христіанская кровь проливается ключами. Отецъ же Авель имъ отвѣтилъ: «отцы святіи, воистинну такъ, какъ вы говорите; это и намъ извѣстно; но какъ Богу угодно, тако да будетъ.» И воистинну правду говорили имъ отцы: ибо недавно въ Турціи въ Константинополь убили Патріарха Григорія, и великое было тамъ смущеніе. Но отецъ Авель чувствовалъ, что есть ему званіе Божіе и есть Его святая воля идти ему въ Аѳонъ, и онъ не послушалъ совѣтовъ человѣческихъ, а несумнительно вѣровалъ, что Господь не оставитъ ихъ выше силы искустися. Колебался отецъ Никандръ, яко человѣкъ: но старецъ его утверждалъ, внушая, что лучше послушать Бога, нежели человѣковъ. И положили отправиться въ путь; что имѣли, роздали братіи, а себѣ на путь оставили денегъ и книги.

Повѣхали въ Галаць, и тамъ сѣли на корабль, и отправились въ Константинополь. Пріѣхавши въ Константинополь, увидѣли тамъ одно горе и слезы; кровь греческая льется по улицамъ ключами и источниками. И имъ греки говорили: «Зачѣмъ вы, отцы, теперъ къ намъ пріѣхали? Захотѣли дѣлать съ нами горькія минуты? У васъ въ Молдавіи не рѣжутъ такъ барановъ, какъ теперъ здѣсь насъ рѣжутъ, ежедневно по сту и по двѣсти;—это на площади, при всѣхъ; а по улицамъ—неизвѣстно сколько. Отправляйтесь обратно въ Молдавію, а во св. Аѳонскую Гору вамъ идти невозможно, хотя бы и хотѣли: по морю корабли не ходятъ, а по-суху—всюду разбойники, и Аѳонская Гора полна разбойниковъ; въ монастыряхъ съ мона-

хами живутъ турки.» Но наши отцы вѣровали и твердо надѣялись, что будутъ они во святой Горѣ. Въ то время въ Константинополѣ хлѣбъ былъ весьма дорогъ; а они деньги, то за проѣздъ на корабль отдали, то истратили на пищу, и уже ничего не осталось, а книгъ никто не покупалъ. И они ходили по рядамъ, просили милостыню; и сами питались, да еще бѣдныхъ грековъ питали; и такъ перезимовали въ Константинополѣ. Чтò они тамъ скорбей претерпѣли, про то только знаетъ Тотъ, Кто ихъ послалъ. Дождавшись весны, отцы положили свои книги у одного грека, а сами пошли по-суху въ св. Аѳонскую Гору.

Чтò въ пути томъ они претерпѣли скорбей и напастей и побоевъ, — только одинъ Богъ былъ свидѣтель, Который видѣлъ ихъ страданія, и яко злато въ горнилѣ искушалъ ихъ, да сотворитъ свѣтлѣйши. Почти каждый часъ нападали на нихъ разбойники. Но взять у нихъ было нечего: денегъ не было, а одежда многшвенная. Иные только побьютъ; другіе послѣдніе сухари возьмутъ; иные потиранятъ, да такъ и пустятъ. И въ такомъ пути препроводили болѣе мѣсяца, и дошли до св. Горы Аѳонской.

И чтò же увидѣли? — Жилища монашескія опустѣли; сады одичали и лѣсомъ заросли; монастыри стоятъ запертые, а ополченіе Царицы небесной разбѣжалось по разнымъ странамъ: иные скрылись по непроходимымъ лѣсамъ, горамъ и вертепамъ, иные заперлись внутри монастырей; и мало гдѣ кого видно было. Отцы наши пошли къ самой Назирательницѣ Горы Аѳонской, въ Иверскій монастырь, къ чудотворной иконѣ Царицы небесной, Иверской, — ко Вратницѣ Аѳонской. И когда пришли ко вратамъ мо-

настыря,—отцы иверскіе приняли ихъ во-внутрь монастыря, и привели ихъ въ церковь поклониться Царицѣ небесной. Пришедши туда и увидѣвши Ее, они весьма возрадовались; пали ницъ предъ Нею и многія слезы проліяли, и просили Ее принять ихъ въ Свой святой жребій.

Еще тому много радовались, вкупѣ и удивлялись, что въ такое смутное время, когда ополченіе Ея все разбѣжалось,—Она, Царица и Владычица, стоитъ на своемъ мѣстѣ весела и радостна, во всемъ своемъ полномъ убранствѣ, украшенная золотомъ и серебромъ и драгоценнымъ каменіемъ. Турокъ полонъ монастырь, а не могутъ Ее похитить. Отцы наши спросили грековъ: «почему они ее не убрали и не спрятали? или почему не сняли съ нея украшенія? и почему турки съ нея богатство не похитятъ?» Отцы иверскіе, греки, имъ отвѣтили: «А куда намъ ее убрать и зачѣмъ? Она наша покровительница и защитница и св. Горы Аѳонскія Назирательница: хотя и наказала насъ за грѣхи наши, но лица своего не отвратила отъ насъ, и не до конца разгнѣвалась на насъ, но еще съ нами пребываетъ; и какъ Она на насъ весело смотритъ, то еще имѣемъ надежду, что пройдутъ эти скорби. Теперь у насъ только радости и утѣшенія, что Она, Царица небесная, съ нами пребываетъ. А когда находятъ на насъ несносныя скорби отъ турокъ и отъ недостатковъ; то мы къ ней прибѣгаемъ, — и обрѣтаемъ въ скорбяхъ своихъ утѣшеніе. Вы говорите: почто турки не похитятъ съ нея богатство? — Не только они не могутъ снять съ нея богатство, но и въ малый сей храмъ не могутъ взойти. Вотъ уже третій годъ въ монастырѣ живутъ,

а еще нога ихъ не бывала во храмъ семъ. Когда разозлятся на насъ, начнутъ требовать отъ насъ злата и сребра и церковной утвари, то мы отзываемся, что не имѣемъ (а хотя и есть, но прибрано: того мы имъ не объявимъ, хотя и страдаемъ); покажемъ имъ сію св. икону, и скажемъ: «вотъ, на иконѣ много злата и сребра и драгихъ каменій; ежели вамъ угодно, то возьмите себѣ.» Они же, стоя въ дверяхъ, говорятъ: «мы не можемъ къ ней подступить: вонъ Она на насъ какъ сердито смотритъ!» и отходятъ съ посрамленіемъ. А мы благодаримъ Царицу небесную, что сама Себя защищаетъ, и насъ грѣшныхъ спасаетъ и покрываетъ. И за то еще благодаримъ Владычицу нашу Богородицу, что послала турокъ смирить насъ грѣшныхъ: ежели бы ихъ не было, то бы насъ разбойники совѣмъ разорили и запустошили.

Еще скажемъ вамъ одну вещь: назадъ тому съ годъ, великое было смущеніе и тревога въ св. Горѣ, такъ что и остальные отцы, аѳонскіе жители, хотѣли бѣжать вонъ. Прежде этого смущенія считалось во св. Горѣ всей братіи до сорока тысячъ, а нынѣ осталось не болѣе одной тысячи; и тѣ хотѣли оставить и бѣжать кто куда знаетъ; и полагали, что совершенно Божія Матерь оставила св. Гору, и оттого запустѣетъ св. Аѳонская Гора. Но когда начали такъ помышлять, тогда скорая Помощница, Царица небесная, Владычица наша Богородица, явилась многимъ отцамъ и пустынножителямъ, и сказала: «Почто очень испугались, и почто входятъ помышленія въ сердца ваша? Все это пройдетъ и кончится; и паки наполнится св. Гора монашествующими. Вотъ даю

вамъ извѣщеніе, что когда Моя икона будетъ находится во св. Горѣ, въ Иверскомъ монастырѣ, то ничего не бойтесь, а живите въ своихъ келліяхъ. А когда изъѣду изъ Иверскаго монастыря, тогда каждый да беретъ свою торбу, и грядетъ кто куда знасть.» И теперь всѣ пустынножители каждую неделю приходятъ къ намъ въ монастырь, и смотря, на своемъ ли мѣстѣ стоитъ Божія Матерь, и увидѣвши, паки возвращаются въ свои пустынные келліи.»

Отцы наши, слышавши сіе, весьма возрадовались: первое — о покровительствѣ Царицы небесной, второе — о томъ, что много еще есть пустынножителей.

Потомъ Иверскіе отцы привели ихъ въ гостинницу, и покоили ихъ цѣлую седмицу. Потомъ сказали: «Отцы святіи, мы васъ на первой случай покоили, а больше уже насъ не отягощайте; потому что намъ теперь и самимъ взять негдѣ: у насъ сорокъ чело-вѣкъ турокъ, а кормить ихъ не чѣмъ; всюду разбойники, а съ метоховъ доходовъ никакихъ цѣтъ. А вы возьмите въ нашемъ скиту одну келлію, съ малою церковію: тамъ станете огородъ обрабатывать и рукодѣліемъ заниматься, и такъ пропитаетесь какъ-нибудь. А какая въ чемъ будетъ нужда, мы поможемъ; а ночевать ходите въ монастырь.» Отцы наши поблагодарили Иверскихъ отцевъ за ихъ страннолюбіе, взяли въ скиту одну келлію, и начали тамъ проживать: огородъ воздѣлывали и ложечки работали; но рукодѣліе ихъ тогда никто не покупалъ. И такъ прожили все смутное время болѣе четырехъ лѣтъ. Чѣмъ они цытались, — одному Богу извѣстно; а саміи никому не сказывали; а хлѣба въ то время достать было очень трудно. Многожды своего старца и спра-

шивалъ : « отче святыи , чѣмъ вы питались въ то смутное время ? » Онъ же мнѣ отвѣчалъ : « А что Господь сказалъ во Евангеліи ? — *Ищите прежде царствія Божія и правды ея , и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6 , 33.). И паки : *воззрите на птицы небесныя , яко не съютъ , ни жнутъ , ни собираютъ въ житницы , и Отець вашъ Небесный питаетъ ихъ* (Матѳ. 6 , 26.). Такъ и насъ Господь пропиталъ. » Такъ отцы наши пропитались ; и не одни они , но болѣе тысячи оставались во св. Горѣ , и всѣ пропитаны были Богомъ .

Въ тѣ годы собрали они себѣ великое богатство духовное : скорби и терпѣніемъ въ недостаткахъ тѣлесныхъ потребъ они процвѣли и созрѣли , и плоды принесли . За то наградилъ ихъ Владыка — Царь Небесный дарами Духа Святаго , и даровалъ имъ помощь одолѣть врага-дiавола , древняго нашего супостата , побѣдить страсти душевныя , вкупѣ и тѣлесныя . И достигли они въ тихое пристанище душевнаго спокойствія и безмолвія , сирѣчь — соединенія ума съ Богомъ . Отцу Авелю далъ Господь даръ разсужденія , вкупѣ и прозорливства ; отцу же Никандру — даръ слезный : ибо плакалъ день и ночь до самой смерти .

Когда , послѣ смутнаго и скорбнаго времени , послалъ Господь Богъ на землю миръ , разрушились рати и войны , пропали всѣ разбойники , всюда настала тишина и спокойствіе : тогда и братія паки стала сходиться въ св. Гору Аѳонскую . Тогда и православныя христіане потекли на поклоненіе въ св. Гору Аѳонскую . Тогда начая продаваться и рукодѣліе . Пришелъ одинъ купецъ , и купилъ все , у кого

что было. Отцы наши продали всё свои ложечки, и получили за нихъ двѣ тысячи левовъ, т. е. четыреста рублей. Отецъ Никандръ много былъ радостенъ, и говорилъ: теперь, слава Богу, поправимъ свои нужды. Отецъ Авель ему сказалъ: «да, теперь поправимъ.»

Потомъ, въ скоромъ времени пришелъ къ нимъ одинъ мірянинъ просить милостыню. Отецъ Авель спросилъ его: откуда, и какую имѣеть нужду? Мірянинъ же отвѣтилъ со слезами: «Я, отче святой, съ острова Хиоса; жену и дѣтей моихъ взяли турки въ плѣнъ. Турчанинъ за нихъ просить пять тысячъ левовъ. И я собираю ихъ другой годъ. Набралъ, слава Богу, три тысячи; а двѣ тысячи еще надобно. Богъ дастъ, и это помаленьку собираю.» Выслушавши сіе, отецъ нашъ сказалъ ему: «взойди ко мнѣ въ келлію, и я что-нибудь помогу тебѣ.» Онъ вошелъ; отецъ же нашъ вынулъ всё деньги, что имѣлъ, и даетъ ему: возьми, сказалъ, иди, и выкупи жену свою съ дѣтьми. Мірянинъ же ему отвѣтилъ: «Отче святой, что вы надо мной глумитесь? Мнѣ и безъ того скорбно; а дайте мнѣ одно лево, я и пойду.» Отецъ же паки ему сказалъ: «Нѣтъ, чадо, я не глумлюсь; я духовникъ: какъ могу глумиться? А ты возьми, да иди съ Богомъ.» Мірянинъ заплакалъ; отецъ же вложилъ ему деньги за пазуху, да и проводилъ его за двери: мірянинъ съ радостію пошелъ въ путь свой. Отецъ же Никандръ, видя сіе, горькими слезами заплакалъ, и сказалъ: «Отче, что ты это сдѣлалъ? Почто ты всё деньги отдалъ? Четыре года мы трудились, и думали нужды поправить, а теперь паки скорбѣть будемъ.» Отецъ же нашъ ска-

залъ ему: « Охъ, отецъ Никандръ! Когда мы будемъ совершенными монахами? Уже Господь насъ провелъ сквозь всѣхъ скорбей: а ты еще немоществуешь. Въ самое тѣсное время насъ Господь пропиталъ: теперь ли не можетъ пропитать? Теперь, слава Богу, рукодѣліе продается: паки будемъ работать, да продавать, а лишнія деньги въ кладъ Богу отдавать: а что чужія беречь? Еще и умъ отъ Бога отвлекаютъ. Станемъ на молитву: а умъ — къ нимъ. И Господь сказалъ: *идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѳ. 6, 21.). Пусть онѣ будутъ лежать у Бога; а мы будемъ и сердце тамъ держать.» Тогда отецъ Никандръ умилился, и палъ ему въ ноги, плакалъ и просилъ прощенія. Отъ того часа отецъ Никандръ ни во что не входилъ, а только до самой смерти плакалъ.

Вскорѣ оба постриглись въ великую схиму. Отецъ Авель, духовникъ, наречень былъ *Арсеній*, и принялъ схиму отъ одного схимонаха Арсенія. Отецъ же Никандръ наречень *Николай*; принялъ схиму отъ отца Арсенія, духовника. И стали уже жить какъ старецъ съ ученикомъ; и прожили въ скиту Іоанна Предтечи, называемомъ Иверскимъ, десять лѣтъ.

Когда умножилось въ скиту число братіи, — началась молва, а по причинѣ огорода и сада требовалось житейское попеченіе. Обои́мъ отцамъ сіе тяжело было. И согласились они оба удалиться во внутреннюю пустыню, на совершенное безмолвіе, чтобы никакихъ тѣлесныхъ и житейскихъ попеченій не имѣть, а жить однимъ съ единымъ Богомъ: ибо пустыннолюбный и безмолвный не можетъ терпѣть молвы и суеты. И оставили скить и келлію, а взяли келлію

уединенную, отъ свята одинъ часъ, и отъ Иверскаго монастыря одинъ часъ, на холмѣ, въ самой почти непроходимой пустынѣ, во имя Свят. Іоанна Златоустаго. Прежде это была великая келлія, но во время смущенія до основанія почти разорена. Они ее устроили своими почти руками, только въ маломъ видѣ, и церковь освятили, и двѣ келліи придѣлали. Тамъ и мои власы остались: ибо и азъ окаянный въ ней постригался. И положили они начало жизни своей по пустынному уставу: ни какимъ попеченіемъ житейскимъ не занимались, ни садомъ, ни огородомъ; хотя и были масличныя дрова, но они за ними не смотрѣли. Когда поспѣвали плоды, то отцы приглашали, кого знали бѣднаго, и ему поручали набрать плодовъ. Я самовидецъ строгой ихъ жизни, и многожды мнѣ случалось у нихъ ночевать. Много я присматривался къ ихъ жизни, и самъ желалъ съ ними пожить и поучиться отъ нихъ монашеству. Но они съ собой жить никого не принимали, и говорили: «Съ нами жить никто не можетъ. Мы едва въ тридцать лѣтъ достигли въ эту мѣру жизни, и теперь еще искушаемъ, и изнемогаемъ: хотя духъ и бодръ, но плоть немощна, аще не бы благодать Божія подкрѣпляла насъ.» Съ того времени, какъ они пришли во св. Гору, отецъ Николай прожилъ девятнадцать лѣтъ, а отецъ Арсеній двадцать четыре года, и не вкусили они ни рыбы, ни сыру, ни вина, ни масла. Пища ихъ была сухари, моченые въ водѣ, и тѣ носили изъ Иверскаго монастыря на своихъ плечахъ на гору. Еще любили черныя баклажаны квашенные, посыпанные краснымъ перцемъ, или въ обмочку. Еще много солили стручковаго краснаго перцу. Вотъ повседневная

была ихъ трапеза: сухари, перецъ и буклажаны; случался и лукъ, ежели кто принесеть. Соленыхъ маслинъ и смоквинъ предлагали только гостямъ; таковой ихъ трапезѣ и мнѣ многожды случалось быть соучастникомъ. И всегда кушали единожды въ день, въ третьемъ часу по-полудни; въ среду же и пятокъ оставались безъ трапезы. Уставъ въ жизни ихъ былъ таковъ: послѣ трапезы до вечерни занимались по келліямъ чтеніемъ духовныхъ писаній. Потомъ вечерню правили по уставу; читали всегда со вниманіемъ и со слезами, не борзясь, тихо и кротко; потомъ по вечеріе съ канономъ Богородицъ, и на сонъ грядущимъ молитвы. Ночь всю препровождали въ бдѣніи и въ молитвѣ, и въ поклонахъ. Ежели сонъ ихъ преклонялъ, то сидя мало давали мѣсто сну, не болѣе часу во всю ночь, и притомъ непримѣтнымъ образомъ, а болѣе нудились; часто нощію прохаживались. Часовъ у нихъ не было; а всегда знали — который часъ: ибо подъ горою, въ Иверскомъ монастырѣ, бьютъ часы на колокольнѣ, и они всегда слышали. Въ самую полночь сходились въ церковь на соборную молитву, и тамъ читали полунощницу, а потомъ утреню по уставу; послѣ утрени читали всегда канонъ съ акаѳистомъ Пресвятѣй Богородицъ. Послѣ утрени предавались безмолвію, пока разсвѣтаетъ. Потомъ занимались рукодѣліемъ: работали урокомъ, по десяти ложекъ на брата, работали въ разныхъ мѣстахъ. Разговоровъ между собой отнюдь никогда не имѣли, развѣ только о нужномъ и необходимомъ, а пребывали всегда въ молчаніи, въ храненіи сердца, и въ безпрестанной умной молитвѣ; а работали ложки самой простой работы. Потомъ читали часы и мо-

лебенъ Божіей Матери ; а потомъ трапезовали. И такъ препровождали дни п почти въ безпреставной молитвѣ и рукодѣліи. Еще старецъ любилъ часто служить Литургію : когда были вино и просфоры , то почти каждый день была Литургія. Но великую нужду имѣли въ винѣ и просфорахъ. Служили Литургію больше только двое. Многожды мнѣ случалось взойти въ притворъ , и слушать ихъ громогласную Литургію и музыкальное ихъ пѣніе, слезами растворенное. Вижду двухъ старцевъ , постомъ удрученныхъ и изсушенныхъ : одинъ въ алтарѣ , предъ престоломъ Господнимъ стоитъ и плачетъ , и отъ слезъ не можетъ возгласовъ произносить, токмо едиными сердечными воздыханьми тихо произносить ; а другой стоитъ на клиросѣ и рыдаетъ ; и отъ плача и рыданія, еще же и отъ немощи тѣлесной , мало что можно слышать. Но хотя человѣческимъ ушесамъ и мало слышно, но на ихъ Литургіи самъ Господь призрѣвалъ , по обѣтованію: *на кого возарю? токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ* (Исаи 66, 2.). Здѣсь « трисвятую пѣснь » припѣвали , ни единого житейскаго попеченія не имуще , и воистинну ни чтоже земное помышляюще; здѣсь , посредѣ двоицы, самъ Господь пребывалъ , по обѣтованію : *идъже бо еста два или тріе собрани во имя Мое , ту есмь посредь ихъ* (Матѣ. 18 , 20.). Сія два старца толико возлюбили Господа своего , что ни на одну минуту съ Нимъ не хотѣли разлучиться , но всегда съ Нимъ бесѣдою соусплаждались , умомъ и сердцемъ и устнами. Только у нихъ было и разговоровъ , что о молитвѣ , или о любви къ Богу и къ ближнему . А ежели бы кто сталъ при нихъ говорить стропотное о своемъ

братъ, то они прекращали бесѣду. Они всякаго ближняго любили больше нежели себя, что явно показывали дѣла ихъ. Они всегда старались, чтобы каждый былъ спокоенъ. Кто бы къ нимъ ни пришелъ съ какою нуждою, они никого изъ келліи своей не выпускали скорбящаго. Кто тѣлесныя ради потребности скорбѣлъ, того они награждали, хотя бы и сверхъ силы ихъ: послѣднія свои книги отдавали въ залогъ, и уже послѣ, какъ имъ Богъ поможетъ, выкупали. Кто душевную скорбь имѣлъ, того утѣшали благими своими бесѣдами. Бѣдные имѣли въ нихъ помощниковъ, скорбящіе — утѣшителей, страстные и немоществующіе грѣхами — скорое исправленіе и освобожденіе.

Я о себѣ скажу: когда я пришелъ въ св. Аеонскую Гору, то не имѣлъ у себя почти ни одной копейки. О. Арсеній благословилъ мнѣ учиться работать ложечки, а мнѣ не на что было купить инструментъ. Когда я ему открылся, — онъ сказалъ мнѣ: «о томъ не скорби»; и взялъ съ окна сумочку, высыпалъ деньги, пересчиталъ, и далъ мнѣ всѣ, сколько было, и сказалъ: «возьми: только всего имѣю тридцать левовъ.» Я заплакалъ, и сказалъ: «отче святыи! а себѣ что не оставили?» Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «мы сыты будемъ; о насъ не имѣй печали: намъ Богъ пошлетъ. А сколько надобно денегъ на инструментъ?» Я сказалъ, что пятьдесятъ левовъ. Онъ пошелъ въ церковь, принесъ оттуда книгу, отдалъ мнѣ, и сказалъ: «иди, и заложу у Кореевыхъ, и возьми денегъ — сколько надобно; а я послѣ выкуплю.» О, какихъ слезъ мнѣ сіе стоило! Я всю дорогу проплакалъ, и до-нынѣ позабыть сего не могу: только вспомню, и отъ слезъ удержаться немогу.

У него первый вопросъ былъ всякому : « что , доволенъ ли? не имѣешь ли какой нужды? »

Еще скажу здѣсь объ одномъ случаѣ въ мою бытность на праздникъ Успенія Божія Матери.

Одинъ мой духовный братъ , вменемъ Θεоклитъ , сколько имѣлъ у себя денегъ , сто пятьдесятъ левовъ , взялъ все на праздникъ—купить себѣ рясу и холста; пошелъ , и потерялъ всё; и сдѣлался весьма печаленъ и скорбенъ. Увидавши его , духовникъ отецъ Арсеній спросилъ : « почто такъ скорбенъ ? » Онъ сказалъ , что потерялъ всё деньги. Старецъ спросилъ его : « развѣ нужду великую имѣешь ? » Потомъ вынулъ свою сумочку , и далъ ему , сказавъ : « вотъ только имѣю шестьдесятъ левовъ ; иди , и купи—что тебѣ нужно. » Отецъ Θεоклитъ взялъ , и пошелъ отъ него ; потомъ самъ въ себѣ размыслилъ : « я человекъ молодой , могу заработать ; а они стары и немощны , и отдали мнѣ послѣднее : надѣются они на Бога , что сыты будутъ ; мене ли Господь оставитъ? пойду и отдамъ назадъ. » Пошелъ , и сталъ о Арсенію отдавать назадъ деньги , а старецъ не беретъ . Онъ же упалъ ему въ ноги , и со многими слезами едва упросилъ , чтобы взялъ . Старецъ же , взявши , сказалъ : « не будешь ли скорбѣть? » Отецъ Θεоклитъ отвѣтилъ : « не буду , отче святой : теперь мнѣ радостно , что вы назадъ взяли. »

Довольно лѣтъ прожили они въ своей пустынѣ , и возымѣли желаніе сходить въ св. градъ Іерусалимъ поклониться живоносному Христову гробу ; и не оставилъ Господь рабовъ Своихъ , исполнилъ желаніе ихъ . Въ 1836 году пріѣхалъ изъ Россіи въ св. Гору Аѳонскую іеромонахъ Аникита , князь Шихматовъ , великій постникъ ; обшелъ всю св. Аѳонскую Гору , посѣтилъ

и сихъ двухъ постниковъ въ ихъ пустынь, занялся съ ними духовною бесѣдою, и весьма ихъ полюбилъ, и избралъ старца Арсенія себѣ за духовнаго отца. Потомъ предложилъ: не угодно ли имъ съ нимъ заедино путешествовать въ Иерусалимъ? Они согласились. Князь много радостенъ былъ, что такихъ будетъ себѣ имѣть спутниковъ. И сходили во св. градъ Иерусалимъ, поклонились живоносному Христову гробу и прочимъ св. мѣстамъ; и проживши въ Иерусалимѣ всю зиму, и проводивши св. Пасху, возвратились въ св. Аѳонскую Гору, и паки водворились въ своей пустынной келліи. Но только я самъ слышала изъ устъ самого духовника, что когда ходили въ Иерусалимъ, — столько претерпѣли скорбей, что только единому Богу извѣстно; во всю жизнь того не видали. Я спрашивала: «какія, отче, скорби, и отъ чего онѣ вамъ приключились? развѣ отъ недостатка тѣлесныхъ потребъ?» Онъ мнѣ отвѣтилъ: «нѣтъ; мы были всѣмъ довольны отъ Бога и отъ людей, лучше быть нельзя: въ Иерусалимѣ поклонники задарили насъ червонцами; но мы ихъ, милостію Божіею, всѣ бѣднымъ арабамъ раздавали. Но скорби были другія. Столько лѣтъ сидѣвши въ пустынь, мы уже почти міръ и позабыли; а туда пришли въ самую суету. Болѣе скорби терпѣли мы за постъ: всѣ утѣшаются, всѣ насъ просятъ, всѣ почитаютъ; но мы, не могши вмѣстить сего, только скорбѣли, и не знали — какъ доѣхать до св. Горы.» По прїѣздѣ въ св. Гору, отецъ Николай упросилъ духовника; чтобы приходящихъ на посѣщеніе въ келлію къ нему никого не допускалъ, чтобы его не беспокоили.

За годъ до смерти отца Николая, было имъ обоемъ

во снѣ откровеніе. Отцу Николаю былъ гласъ, что онъ уже переплываетъ великое и многоволнистое море, и достигаетъ въ тихое пристанище. И отцу Арсенію былъ гласъ, что и онъ приближается къ великому и прекрасному граду, и скончаваеъ свой путь. Оба старца повѣдали другъ другу видѣніе и познали, что оно отъ Бога, и уразумѣли, что приближается ихъ кончина. Тогда приложили постъ къ посту и къ слезамъ слезы, и начали готовиться къ отшествію своему.

За полгода до смерти, отецъ Николай лишился зрѣнія тѣлесными очесами, но душевными совершенно зрѣлъ. Ибо открылъ ему Богъ угодниковъ Своихъ въ св. Горѣ Аѳонской, въ живыхъ еще пребывающихъ, о чемъ сказывалъ отцу Арсенію, бояся, да не впадетъ въ какую бѣсовскую прелесть. Отецъ же Арсеній весьма его предостерегалъ, и не велѣлъ ему довѣрять видѣніямъ, а только плакать предъ Богомъ, и просить въ грѣхахъ своихъ прощенія. Отца Николая посѣтили другія тѣлесныя болѣзни: не могъ уже и въ церковь ходить, но болѣе на одрѣ сидѣлъ; и то нудясь, отнюдь не хотѣлъ лежать на ребрахъ. Но когда въ субботу или въ недѣлю захочетъ духовникъ отслужить Литургію, — прійдетъ въ келлію къ отцу Николаю, и скажетъ: «отецъ Николай, Литургію бы надобно отслужить.» Онъ же веселымъ гласомъ ему отвѣтитъ: «служи, отче.» Духовникъ скажетъ: «какъ я буду служить? ты боленъ, а одному невозможно.» Отецъ Николай отвѣтитъ: «и я прійду, и помогу тебѣ.» И встанетъ съ одра своего, и пойдетъ: и правило прочитаютъ, и Литургію отслужатъ. Отецъ Николай причастится Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой,

и возьметъ просфору, и ею почти недѣлю питается; а другой пищи никакой не употреблялъ. И тако жили полгода. Каждую недѣлю была Литургія, а иногда и двѣ; а пѣвецъ и чтець былъ больной и слѣпой; однако, за нимъ не было остановки, а всегда къ своему послушанію былъ готовъ.

Въ субботу мясопустную такожде служили Литургію, и отецъ Николай былъ причастникомъ Святыхъ Таинъ. По Литургіи пошелъ въ свою келлію, а духовникъ, убравшись, въ свою. По маломъ времени, отецъ Николай приходитъ къ духовнику въ келлію, пасть ему въ ноги, и началъ ему говорить: «прости меня, отче святыи, что я не во-время къ тебѣ вошелъ: ибо имѣю нужное тебѣ сказать.» Духовникъ сказалъ: «Богъ тебя проститъ; говори, что имѣешь.» Тогда отецъ Николай, исполненный слезъ, началъ повѣдать: «Отче святыи, когда послѣ Литургіи я пришелъ въ келлію и сѣлъ на одрѣ моемъ,—абіе отверзлись очи мои, и началъ видѣть добръ, и абіе отворилась дверь келліи моеи, и исполнилась вся келлія свѣта. И вошли въ келлію мою три человекъ: два юноши со свѣщами, посреди ихъ мужъ въ священнической одеждѣ, неизреченною славою сіяющій, и подошли ко мнѣ. Мужъ въ священнической одеждѣ говоритъ ко мнѣ: «благослови, отецъ Николай.» Я убоился и молчалъ. Онъ же паки мнѣ сказалъ: «узналъ ли мене—кто я?» Тогда я дерзновенія исполнился, и отвѣтилъ ему: «воистинну узналъ—кто ты.» Онъ паки спросилъ: «а кто я?» Я ему отвѣтилъ: «воистинну ты—отецъ Аникита, нашъ другъ и спутешественникъ во Іерусалимѣ, и уже третій годъ, какъ ты померъ.» Онъ же началъ мнѣ говорить: «Воистинну,

отецъ Николай, азъ есмь. Видишь ли, какою славою наградилъ меня Царь мой небесный, Иисусъ Христосъ? И тебя такоюжде наградить: по четырехъ дняхъ освободишься отъ всѣхъ скорбей и болѣзней; и меня Господь послалъ утѣшить тебя.» И абіе вышли изъ келліи, а я остался единъ, и паки закрылись очи мои, но наполнилось сердце мое неизреченной радости.» Отецъ духовникъ, выслушавши сіе, сказалъ ему: «блюдися, отецъ Николай, да не искушенъ будеши; а сему не довѣрай, но уповай на Бога, и проси Его милости.» Отецъ же Николай паки сказалъ: «Отче святыи, прости меня! Буди воля Господня надо мной: но исполнилось сердце мое неизреченныя радости. Прошу тебя, отче святыи: служи теперъ каждый день Литургію; а я буду готовиться, и причащаться Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой.» Отецъ духовникъ сказалъ ему: «хорошо; я буду служить: только, чтобы за тобой не было остановки.» И тако пошелъ отецъ Николай въ свою келлію.

Литургія была въ недѣлю и въ понедѣльникъ и во вторникъ, и отецъ Николай былъ причастникомъ, и ему полегче стало. Въ среду на сырной недѣлѣ были часы, въ четвертокъ паки была Литургія. Отецъ Николай читалъ и пѣлъ на Литургіи, и былъ причастникомъ Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи духовникъ, по обычаю, даетъ ему просфору, но онъ не взялъ; а только сказалъ: «отче, взойди ко мнѣ въ келлію»; и отецъ духовникъ за нимъ взошелъ въ келлію. Отецъ Николай сѣлъ на одрѣ своемъ, спиною оперся къ стѣнѣ, и начало лице его измѣняться, и играть румянецъ; а онъ, возведя очи свои къ небеси, сталъ яко въ изступленіи. Потомъ пришелъ въ себя,

и началъ говорить : « благодарю тебя , отче святыи , что ты претерпѣлъ отъ меня до кончины моея всѣ мои недостатки , и довелъ меня до царствія небеснаго.» Духовникъ спросилъ его : « или , отецъ Николай , что видишь?» Онъ же рече : « вижу , отче святыи , что пришли за мной посланники , и раздрали мое грѣховное рукописаніе : уже , отче , благослови.» Духовникъ сказалъ : « Богъ тебя благословитъ »; онъ же рече : « рукою благослови.» Духовникъ благословилъ рукою. Онъ же , взявъ руку , поцѣловалъ ее ; и еще не выпустивъ изъ своихъ рукъ духовникову руку , и возведъ очи свои на небо , тихо испустилъ гласъ : « Господи , въ рудѣ Твои пріими духъ мой ! » и абіе испустилъ духъ. Духовникъ началъ звать : « отецъ Николай ! отецъ Николай ! » А отецъ Николай уже предалъ душу свою Господеви , Ему же отъ юности своея поработалъ , и вѣрою и любовію послужилъ. *Воистинну , честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его (Псал. 115, 6).*

Скончался онъ 1841 года , Февраля 6 дня , на сырной недѣлѣ въ четвертокъ. Я тогда жилъ въ русскомъ общежительномъ монастырѣ , отъ ихъ пустыни верстъ двадцать ; къ намъ извѣстіе дошло уже въ субботу вечеромъ , и мы пришли уже въ недѣлю , на четвертый день — какъ онъ представился. Сошлось на погребеніе много русской братіи , всѣ ученики отца Арсенія. И всѣ удивлялись : лежитъ отецъ Николай , яко живой , ни чѣмъ въ лицѣ не измѣнился ; руки и ноги — какъ у живаго , не окоченѣли ; всѣ члены и составы мягки , и изъ устъ исходитъ пріятное обоняніе , подобно оніміаму ; и всѣ братія радовались и прославляли Бога. Ноги были весьма толсты отъ

многаго стоянія. Похоронили почившаго въ недѣлю сырную; и разошлись по своимъ мѣстамъ.

Отецъ Арсеній остался одинъ съ единымъ Богомъ, и самъ готовился къ исходу. Многіе просились къ нему въ ученики, многіе желали съ нимъ жить; но онъ никого не принималъ цѣлый годъ. Потомъ получилъ отъ Бога извѣщеніе, что остался на-время еще пожить въ мірѣ семъ, ради прочихъ братій. Тогда онъ началъ принимать всѣхъ, желающихъ съ нимъ жить, и въ скоромъ времени собралъ восемь человѣкъ. Тогда заставила нужда оставить эту келлію, яко невмѣстительную. И ушелъ онъ со всѣми учениками въ скитъ, называемый «*Лакъ*», во имя св. Великомученика Дмитрія, въ самую далекую пустыню; взяли тамъ большую келлію, и водворились. Скитскіе отцы весьма обрадовались, что пришелъ къ нимъ такой свѣтильникъ, который можетъ всѣхъ освѣтить своею жизнію. Но русскіе братія, жившіе близъ Карев и по Капсалу, весьма скорбѣли, что удалился отъ нихъ отецъ и пастырь ихъ, на полтора дня ходу. Впрочемъ, хотя далекъ и труденъ былъ путь, но отъ своего утѣшителя не отстали, а п туда труждались ходить. Духовникъ же имъ не велѣлъ труждаться, но другаго себѣ избрать духовника, ближе. А они ему отвѣтили: «*отче святой, много духовниковъ есть; да отца и утѣшителя въ скорбяхъ нашихъ не можемъ найти.*»

Ученики, жившіе съ отцемъ Арсеніемъ, многіе не вмѣстили его жизни и нестяжанія, и вознамѣрились отлучиться отъ него, и стали просить у него благословенія, чтобы отпустилъ ихъ избрать себѣ въ св. Горѣ другое мѣсто для жительства. Онъ же началъ

ихъ увѣщавать, и говорилъ : « Чада мои возлюбленныя, чѣмъ вы не довольны? Или чѣмъ я васъ отягачилъ? Ежели скорбите, что много трудовъ; то сидите вы каждый въ своей келліи, на безмолвіи, только не оставляйте келейнаго своего правила и соборной церковной службы; упражняйтесь всегда въ богомыслии и въ безпрестанной умной молитвѣ; всѣми силами старайтесь очищать внутренняго челоуѣка, и не принимайте никакихъ прилоговъ діавольскихъ; открывайте всѣ свои помыслы, и не скрывайте ихъ, да не обладаетъ кѣмъ изъ васъ діаволь. Или вы пищею не довольны? И о томъ не скорбите. Все намъ Господь потребное пошлетъ къ насыщенію и къ утѣшенію; ибо Онъ сказалъ : *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33.). Но нѣкоторые ученики не послушали наставленія старца, и говорили : « кто можетъ вмѣстить твое нестяжаніе? Чтò Господь намъ и пошлетъ, тò ты все раздашь прочимъ. » Онъ же сказалъ къ нимъ : « кто хочетъ со мной жить, — да подражаетъ мнѣ; кто не хочетъ моею послѣдовать жизни, — да живетъ гдѣ хочетъ : азъ благословляю, — только внутри св. Горы Аѳонской; а вонъ изъ св. Горы выходить благословенія не даю, кромѣ особенной Божіей воли. » Послѣ сего многіе разошлись отъ него по прочимъ монастырямъ и скитамъ, кого куда назначилъ; впрочемъ, отлучились тѣломъ, а духомъ и любовію всѣ къ нему остались привязаны.

Поживши въ скиту три года, по нѣкоторымъ благословнымъ обстоятельствамъ онъ оттуда вышелъ съ оставшимися учениками; купили келлію Св. Троицы, близъ монастыря Ставроникиты, и стали здѣсь про-

живать. Всѣ русскіе братія весьма обрадовались , что цаки къ нимъ возвратился отецъ и пастырь , и въ скорбяхъ утѣшитель , и всѣ воздавали за то славу и благодареніе Всевышнему Богу. И проживалъ на сей келліи до самой смерти.

Отецъ Арсеній много въ жизни своей терпѣлъ гоненія и клеветы, и даже почти самое изгнаніе , отъ завистливыхъ людей. Воистинну, какъ Апостолъ сказалъ , хотящій благочестно жити о Христвъ Иисувъ, гоними будутъ (2 Тим. 3, 12.).

Въ одно время пріѣхалъ въ Аѳонскую Гору изъ Россіи , изъ Саровской пустыни , іеромонахъ Палладій , опредѣлился на жительство въ скитъ Іліи Пророка, и, немного поживши, померъ. Малороссіане (гуцолы) нашли послѣ него кожаную лѣстовку и малую мантийцу, и всѣ взбунтовались, закричали, что всѣ великороссіане—раскольники (давно они великороссіанъ ненавидѣли, и искали причины, дабы изгнать изъ св. Горы Аѳонской). Навели слѣдствіе : греки и болгары весьма этому удивились ; ибо греки и болгары великороссіанъ любили больше , нежели малороссіанъ, и много дивились такимъ необычнымъ вещамъ. Однако малороссіане свое сдѣлали, оклеветали великороссіанъ, а наипаче пастыря и духовника отца Арсенія. Мантийцу и лѣстовку отправили на разсмотрѣніе къ Патріарху въ Константинополь, и написали разную клевету. Патріархъ, получивши сіе, много тому удивлялся. Всѣмъ соборомъ о семъ разсуждали, и понимали , что какая-то есть клевета ; ибо знали вѣрно, что вся великая Россія — православные христіане; однако Патріархъ потребовалъ самого духовника Арсенія на лицо. Онъ тогда жилъ еще въ

пустынь. Услышавши сіе, отправились оба въ Константинополь, духовникъ Арсеній и отецъ Николаѣ. Отправились пѣшіе, сухимъ путемъ, потому что денегъ у нихъ не было, отдать за перевозъ на корабль нечего; а сухимъ путемъ отъ Аѳонской Горы до Константинополя верстъ тысяча. Пришедши въ Константинополь, явились къ Патріарху. Патріархъ обо всемъ ихъ распросилъ, и узнавши клевету, весьма о нихъ сожалѣлъ. Потомъ показалъ имъ мантийцу и лѣстовку, и сказалъ: «а это что такое?» Духовникъ отвѣтилъ, что іеромонахъ Палладій пріѣхалъ изъ Россіи, изъ Саровской общежительной пустыни; а тамъ такой есть обычай, что такія мантии и четки имѣють для келейнаго правила. Патріархъ сказалъ: «слыхалъ я про Саровскую пустынь: весьма одобряють ея уставы.» Потомъ спросилъ: «какимъ вы путемъ пришли, по морю или по суху?» Они отвѣчали: «сухимъ путемъ, Владыко святыи!» Патріархъ со слезами сказалъ: «Охъ, отцы! какъ я васъ утрудилъ? Почему же вы не на корабль?» Они отвѣчали: «не имѣли что отдать за провозъ.» Патріархъ далъ имъ денегъ, и велѣлъ ѣхать на корабль; и написалъ въ Аѳонскую Гору, чтобы впредь такихъ старцевъ не беспокоить, и клеветъ на нихъ ни какихъ не принимать; а кто дерзнетъ на нихъ клеветать, да отлученъ будетъ отъ Церкви и отъ Св. Тайнъ. И такъ возвратились отцы наши въ св. Аѳонскую Гору, а уста клеветниковъ заградились.

Старецъ Арсеній великія дѣлалъ въ св. Горѣ распоряженія, и никто ему противорѣчить не могъ: по его благословенію возшли русскіе въ русскій монастырь; многихъ онъ оставилъ въ св. Горѣ препро-

вождать жизнь свою, хотя и не желал; а многихъ выслалъ изъ св. Горы въ разныя мѣста, въ числѣ которыхъ нахожусь и я грѣшный, посланный въ Россію, въ Сибирскую страну.

Дивное повѣдали мнѣ о духовникѣ Арсеніи.

Въ 1839 году, на келліи у русскихъ Кореневыхъ лежалъ больной монахъ Іоасафъ; въ одну ночь сдѣлалось ему весьма тяжело, и, ожидая смерти, пожелалъ онъ духовника. У Кореневыхъ тогда ночевали и посторонніе; двое изъ нихъ съ фонаремъ пошли за духовникомъ, а разстоянія болѣе пяти верстъ. Пришедши къ духовнику Арсенію, сказали ему, что умираетъ монахъ Іоасафъ, и желаетъ его, и просили, чтобы поскорѣ шелъ съ ними при фонарѣ, потому что ночь весьма темная, да еще и дождь. Онъ же сказалъ: «да, нужно скоро; точно умираетъ; вы идите скорѣ впередъ, а я сейчасъ уберусь, и съ своимъ фонаремъ васъ догоню.» Они просили вмѣстѣ идти съ ними и поспѣшать. Но онъ ихъ отослалъ, а самъ обѣщався ихъ догнать. Они пошли скоро, и соболѣзновали о томъ, какъ онъ пойдетъ одинъ лѣсомъ и подъ дождемъ; да еще боялись, чтобы больной не померъ до прѣхода духовника. По пришествіи ихъ въ келлію, ихъ встрѣтилъ монахъ Филиппъ, и сказалъ, что уже померъ отецъ Іоасафъ, и спросилъ: «почему вы такъ долго не приходили?» Они сказали: «мы скоро шли, и поспѣшали, чтобы застать живаго.» Монахъ Филиппъ сказалъ: «что вы оправдываетесь? Куда нибудь заходили въ гости? Уже духовникъ пришелъ болѣе получаса, уже исповѣдалъ, причастилъ и отходную прочиталъ, и сію минуту отецъ Іоасафъ скончался.» Они же, слышавши сіе,

весьма удивлялись , зная , что не было и часа , какъ пошли отъ келліи духовника: пришедши , поклонились ему , и спросили : « отче святой , какъ вы скоро пришли ? мы и не видали , когда вы насъ обогнали ? » Онъ же сказалъ : « нельзя было медлить , и то едва засталъ ; а я прошелъ прямымъ путемъ , котораго вы не знаете. » Они умолчали , хотя добръ знали , что другой дороги нѣтъ ; и помышляли , не тѣмъ ли путемъ онъ шелъ , которымъ Пророкъ Аввакумъ , изъ Палестины въ Вавилонъ , Пророку Даніилу , сѣдющему во рвѣ , обѣдъ носилъ .

Еще къ двоимъ больнымъ на Капсалъ приходилъ такимъ-же образомъ .

Еще случилось дивное въ 1845 году . Іюля 4-го дня , вздумалъ онъ идти на праздникъ въ Лавру св. Аѳанасія Аѳонскаго , потому что іюля 5-го числа его память . 4-го числа , отслуживши Литургію , пошелъ онъ въ путь кругомъ Аѳона , и пришелъ ко всенощному бдѣнію въ Лавру св. Аѳанасія ; разстоянія же было отъ келліи до монастыря св. Павла восемь часовъ ходу , отъ св. Павла до Лавры семь часовъ ходу , т. е. всего около семидесяти пяти верстъ . Въ Лаврѣ отстоявши бдѣніе и Литургію , продолжавшіяся шестнадцать часовъ , въ трапезу не пошелъ , а взявъ хлѣба и отправился въ путь , и къ вечерни пришелъ какъ на свою келлію , разстояніемъ восемь часовъ , т. е. сорокъ верстъ . Мы всё много удивлялись тому : молодому надобно идти три дня , а онъ , семидесятилѣтній старецъ , да еще и немощный , съ больными ногами , простоявши шестнадцать часовъ , все въ полторы сутки кончилъ . Я послѣ спрашивалъ его : « отче , какъ вы могли такъ скоро сходить , когда и

путь все съ горы на гору, по острому камню?» Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «обновися, яко орля, юность моя, не по естеству, а Божією помощію.»

Въ 1837 году, пришелъ въ Аѳонскую Гору юноша, именемъ Матѳей, родомъ великороссіанинъ, постригся въ монашество, и наименованъ *Мовсей*; потомъ пожелалъ въ Іерусалимъ; духовникъ Арсеній его благословилъ. Онъ же, поживши во Іерусалимѣ, пошелъ въ Египетъ и въ Синайскую гору, и странствовалъ три года; выучился по-гречески, по-турецки и по-арабски говорить. Потомъ возвратился въ св. Гору, но уже жизнь разстроился: поживши немного въ Аѳонѣ, паки захотѣлъ странствовать и еще сходить въ Іерусалимъ. Хотя духовникъ Арсеній ему отсвѣчивалъ, но онъ усильно духовника упрасивалъ; и духовникъ, видя его непреклонное намѣреніе, благословилъ его, только съ тѣмъ; чтобы изъ Іерусалима немедленно послѣ Пасхи возвратился въ Аѳонскую Гору. Но Мовсей, отправившись въ Іерусалимъ, оттуда пошелъ въ Синай, а изъ Синая въ Египетъ, а изъ Египта въ Римъ, и странствовалъ еще три года. Изъ Рима паки возвратился въ Турцію. Въ Босніи турки его схватили, обыскали, и нашли у него много рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ, сочли его за шпиона, и осудили на отсѣченіе главы. Онъ потребовалъ христіанскаго духовника, исповѣдался, причастился, и приготовился къ смерти. Въ назначенный день привели его къ пашѣ прочитатъ ему послѣдній приговоръ. Когда онъ стоялъ предъ пашею, — вдругъ входитъ къ пашѣ пріѣхавшій изъ Константинополя курьеръ, и посмотрѣвъ, спросилъ: «а ты, отецъ Мовсей, зачѣмъ здѣсь?» Но

Мовсей и испугался и обрадовался, и не могъ ничего говорить. Паша спросилъ курьера : « развѣ человекъ сей вамъ знакомъ ? » Курьеръ сказалъ : « какъ незнакомъ ? — это Аѳонской Горы монахъ Мовсей, и многажды у меня бывалъ въ Египтѣ. » Паша сказалъ : « а мы сочли его за шпиона , и хотѣли сегодня предать смерти. » Потомъ монаху Мовсею сказали оба : « теперъ иди скорѣй въ Аѳонскую Гору , и больше не шлайся ; а то пропадешь. » Онъ же , получивши бумаги , скоро прибылъ въ св. Гору , и опредѣлился въ монастырь Ставроникиту. Духовникъ сказалъ ему : « теперъ живи здѣсь до смерти , и никуда выходить не помышлай. » Это было въ 1845 году.

Въ семь году духовникъ Арсеній повелѣлъ мнѣ идти въ Россію; но благословилъ — прежде побывать въ Іерусалимѣ, куда я и отправился въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Послѣ насъ пріѣхалъ изъ Россіи въ св. Гору сборщикъ для св. мѣсть Іерусалима, монахъ аѳонскій Игнатій, и опредѣлился въ монастырь Ставроникиту. Потомъ сталъ звать Мовсея паки въ Іерусалимъ, чтобы быть ему за переводчика , потому что знаетъ разные языки. Отецъ Мовсей согласился; только пошелъ къ духовнику взять благословеніе. Духовникъ ему сказалъ : « Отецъ Мовсей, я тебѣ прежде говорилъ, что Аѳонская Гора тебѣ гробъ ; ниже помышлай куда изъ нея ѣхать ; нѣтъ на то воли Божіей, ниже моего благословенія. А хотя и не послушаешь и воспротивишься волѣ Божіей , и захочешь ѣхать , то и тогда не выйдешь. А Игнатій и безъ тебя създить. » Мовсей, пришедши въ монастырь, сказалъ Игнатію, что духовникъ ему благословенія не дастъ. Игнатій же сказалъ : « Что его слушаешь, лжепроро-

ч. ІV. 15

ка? Мало ли онъ чего наговорить? Поѣдемъ, ничего не бойся.» (Игнатій былъ малороссіанинъ, и давно къ духовнику не имѣлъ расположенія.) Монахъ Моусей согласился съ нимъ ѣхать, и стали собираться въ путь. Прочіе братія сказываютъ духовнику, что Моусей съ Игнатіемъ отправляется въ Іерусалимъ; но онъ отвѣчалъ: «не бойтесь, не поѣдетъ.» Паки ему сказываютъ, что Игнатій корабль нанялъ, скоро — въ путь, и Моусей съ нимъ. Духовникъ паки отвѣтилъ: «Игнатій поѣдетъ съ прочими, а Моусей останется.» Потомъ паки сказываютъ, что корабль нагрузили, и вещи и одежду свезли; за-утра рано сядутъ на корабль и отправятся; онъ же отвѣтилъ: «всѣ сядутъ и отправятся, а Моусей во св. Горѣ останется: куда Моусей поѣдетъ, когда ему на то води Божіей нѣтъ?» Нѣкоторые съ духовникомъ спорили, утверждали, что Моусей уѣдетъ; но духовникъ сказалъ: «за-утра посмотримъ, какъ Моусей поскочетъ.» Игнатій же съ Моусеемъ собрались совсѣмъ, чтобы утромъ какъ свѣтъ, такъ и на корабль; и легли спать. По-утру встали, пришли къ келлію отца Моусея, начали будить: а онъ гласу не отдаетъ. Начали стучать: нѣтъ отвѣта. Отбили двери, и взошли въ келлію: а онъ лежитъ среди келліи, пѣна у рта; подавали, что померъ; но посмотрѣли, еще живъ, и глазами смотритъ, а говорить не можетъ, ниже пошевелить рукою или ногою, весь разбитъ параличемъ. Игнатій отправился въ путь, а братія пришли къ духовнику Арсенію, и сказали ему — что случилось съ Моусеемъ. Онъ же, услышавши, горько заплакалъ, и сказалъ: «вотъ, отцы, какво преслушаніе и противленіе волѣ Божіей!» Братія стали его

просить, чтобы посетилъ болящаго. Духовникъ пошелъ; увидѣвши его, Моусей заплакалъ. Отцы всѣ начали со слезами просить духовника, чтобы помогъ о немъ. Духовникъ сказалъ: «живъ будетъ, и говорить будетъ, но не такъ какъ прежде; будетъ и ходить, но помалу, а руками будетъ работать по-прежнему, — только ежели общается не выходить изъ Аеонской Горы. Потомъ благословилъ его, а самъ пошелъ въ свою келлію. Вскорѣ Моусею стало лучше, а къ вечеру началъ помалу и говорить, и лице spravилось, и помаленьку начали дѣйствовать руки и ноги. Моусей паки послалъ за духовникомъ, и когда духовникъ пришелъ, — Моусей палъ ему въ ноги, и началъ со слезами просить прощенія; духовникъ его простилъ, и наказалъ такими словами: «впредь волѣ Божіей не противься: будешь здравъ, но не попрежнему; работать будешь, а въ путь идти не можешь.» Моусей выздоровѣлъ, но не совершенно: остался весьма косоноголивъ, и нога одна не совершенно владѣетъ, а руки стали по-прежнему. Я его своими очами многожды видѣлъ, и съ нимъ разговаривалъ, пришедши изъ Іерусалима; онъ остался послѣ меня въ живыхъ.

Въ началѣ 1846 года, старецъ Арсеній приблизился къ своей кончинѣ: я тогда былъ въ Іерусалимѣ. Его ученики, а мой духовные братія, мнѣ сказывали, что ему не безъизвѣстна была кончина; да на остальныхъ дняхъ, предъ выѣздомъ моимъ, многожды и мнѣ упоминалъ, что послѣднее наше на семъ свѣтѣ свиданіе, и что уже мы больше въ жизни сей другъ друга не увидимъ. Еще, когда онъ одинъ вскопалъ весь огородъ, — я спросилъ его: «зачѣмъ вы, отче

святѣй, много трудитесь? почему не заставляете учениковъ своихъ?» Онъ же мнѣ отвѣтилъ : « мнѣ уже не много осталось покопать , а ученики еще безъ меня накопаются.» Потомъ сдѣлался боленъ ногами, и не могъ уже ни работать , ни ходить ; но каждую седмицу служилъ четыре Литургіи, въ недѣлю, среду, пятокъ и субботу, хотя и съ великой нуждой ; когда выходилъ съ выносомъ , тогда ученики его поддерживали. На пятой недѣлѣ великаго поста въ субботу отслужилъ Литургію едва, едва.

Марта 23-го числа , въ туюжде субботу повѣстили по всей Горѣ Аѳонской , всѣмъ его ученикамъ , что старецъ весьма нездоровъ , чтобы всѣ пришли получить послѣднее благословеніе. Въ недѣлю, т. е. 24-го Марта , всѣ рано сбѣжались духовные его дѣти, изъ русскаго монастыря іеросхимонахъ и духовникъ Іеронимъ, изъ Ильинскаго скита игумень , іеросхимонахъ Паисій, и прочихъ множество. Подшелъ къ нему его ученикъ, отецъ Павелъ , хромою , сталъ его спрашивать : « отче святѣй! или ты хочешь отъ насъ отъйти, и насъ оставить?» Онъ же отвѣтилъ : « да, пришло время ; надобно долгъ отдать.» Отецъ Павелъ наки вопросилъ : « А что, отче , не боишься ли смертнаго часа , не ужасаешься ли и не трепещешь ли отвѣта праведному Судіи? Ты былъ болѣе тридцати лѣтъ духовникомъ.» Онъ же весело на него посмотрѣлъ, и сказалъ : « Страха и ужаса не имѣю , но нѣкая радость наполняетъ мое сердце , и великую имѣю надежду на Господа Бога моего , Иисуса Христа , что Онъ не оставитъ мене Своею милостію , хотя я добрыхъ дѣлъ и не сотворилъ : ибо въ чемъ похваляюся, развѣ въ немощахъ моихъ? По своей волѣ ничего

не сотворилъ ; а что и сотворилъ , то помощію Господа моего и по волѣ Божіей.» Потомъ приказалъ всѣмъ духовнымъ своимъ чадамъ подходить по одному, и каждого прощалъ и разрѣшалъ , и давалъ послѣднее благословеніе и наставленіе , кому гдѣ препроводить жизнь свою; и упражнялся въ семь дѣлъ почти до послѣдней минуты своей жизни. А лежалъ онъ на галереѣ , т. е. на крыльцѣ. Потому велѣлъ всѣмъ отъ себя отдалиться, и всѣ сошли внизъ. Онъ началъ молиться , но не могли разслушать, что онъ говорилъ. Поднималъ трижды руки къ небу ; потомъ опустилъ ихъ , и затихъ. Тогда подошли , и увидѣли, что онъ уже скончался и предалъ душу свою въ руки Господа своего , Егоже отъ юности возлюбилъ, и Его ради плоть свою до конца измождилъ. *Воистинну , честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его !*

Видѣвши сіе , всѣ отцы бросились къ нему , припали къ многотрудному тѣлу его , обливали его слезами отъ скорби, что лишились своего отца и пастыря , наставника и учителя , и въ скорбяхъ своихъ утѣшителя ; и много всѣ плакали. Потомъ начали убирать его къ погребенію. Когда открыли его ноги, то увидѣли ужасное зрѣлище : у обѣихъ ногъ , отъ колѣнъ внизъ , почти остались однѣ голыя кости , а плоть вся согнила отъ стоянія и отъ многолѣтнихъ ранъ ; и всѣ много тому удивлялись , — на чемъ онъ стоялъ , и какъ онъ такъ скоро ходилъ. Ученики , съ нимъ жившіе, того не знали, что у него болѣли ноги. И никогда онъ не сказывалъ , что больны у него ноги; и всегда стоялъ на ногахъ , и по св. Горѣ леталъ яко птица ; даже не ощущали отъ нихъ ника-

кого дурнаго запаха. Похоронили его подлѣ самаго алтаря на келліи Святыя Троицы, принадлежащей къ монастырю Ставроникитѣ, 1846 года, марта 25-го дня.

И лишилась св. Аѳонская Гора такого столпа свѣтлаго и свѣтильника : поддерживалъ и просвѣщалъ на Аѳонѣ всю русскую братію двадцать-четыре года , и не тоцію русскихъ, но и грековъ и болгаровъ и молдаванъ. Греки говорили : « мегала геронтось Арсениось », т. е. великъ старецъ Арсеній. Но что много говорить? Ежели всѣ его подвиги, добродѣтели и случаи подробно описать , то великую книгу надобно написать. Довольно сказать, что былъ на Аѳонѣ старецъ Арсеній, и показалъ образъ жизни своимъ ученикамъ: не словомъ училъ, но дѣломъ показывалъ.

Отецъ Арсеній росту былъ средняго ; брада средняя съ просѣдью ; главу держалъ всегда наклоненну на правое плечо ; лицомъ былъ чистъ и веселъ ; очи были наполнены слезъ ; былъ весьма сухъ , но въ лицѣ всегда игралъ румянецъ. Наипаче же , когда служилъ Литургію, всѣхъ приводилъ въ удивленіе на него зрящихъ, ибо лице бывало яко огненное. Рѣчь была у него кроткая , немногословная и солию растворенная ; и всякаго съ немногихъ словъ заставлялъ плакать. Весьма начитанъ былъ священнаго и отеческаго писанія, и всегда говорилъ и приводилъ свидѣтельства наизусть, чему удивлялись и ученые. Ученики, съ нимъ жившіе , никогда не видали его спящаго или на ребрахъ лежащаго , а больше на ногахъ, и мало когда сидящаго. А хотя и давалъ естеству мало сна, но сидя, прочимъ почти непримѣтно ; а всегда упражнялся въ молитвѣ, въ чтеніи и въ рукодѣліи. Воистинну, не далъ онъ сна своимъ очамъ.

ни вѣждама своимъ дреманію, ни ребромъ своимъ нокою. Ученіе и наставленіе отца Аренія было во всемъ согласно съ древними св. отцами. Каждого училъ жить по волѣ Божіей и по совѣту старцевъ, а не по своему разуму и хотѣнію. Многимъ казался тяжекъ чрезъ то, что какъ самъ старался, такъ и другимъ строго внушалъ дѣлать все и распорядиться по Божіей волѣ. Кратко сказать: такого старца въ Аѳонѣ не осталось изъ русскихъ; развѣ послѣ какой процвѣтетъ. Хотя и много есть подвижниковъ, но больше изъ простыхъ, и разсужденія такого не стяжали (*).

159. Не могу умолчать о великомъ старцѣ и общемъ духовникѣ болгарамъ, русскимъ и грекамъ, и самому старцу Арсенію и многимъ вселенскимъ Патриархамъ, іеросхимонахъ *Григорію*, жившемъ на Капсалѣ и скончавшемся въ 1839 году, прежде моего прихода за мѣсяць. Хотя я самъ его не сподобился видѣть; но слышалъ и узналъ о немъ отъ аѳонскихъ отцевъ, русскихъ и болгаровъ и грековъ; многожды слышалъ и отъ самого старца Арсенія.

Родомъ онъ былъ болгаринъ, изъ самой Болгаріи, и съ юности оставилъ міръ, и пошелъ во слѣдъ Христа, пятнадцати лѣтъ отъ роду. По пришествіи на св. Гору, препроводилъ въ ней болѣе шестидесяти лѣтъ неисходно; пятьдесятъ лѣтъ былъ онъ духовникомъ,

(*) Чрезъ три года послѣ кончины отца Арсенія, по обычаю аѳонскому, откопаны были кости его, и оказались желты яко воскъ и испускали благоуханіе; бывшіе при семъ всѣ плакали отъ радости. Это мнѣ сказывалъ сборщикъ съ Аѳонской Горы іеромонахъ *Феодоритъ*.

и говорятъ , толикую имѣлъ благодать , что на духу грѣховъ не спрашивалъ , но самъ объявлялъ , и каждаго доводилъ до слезнаго раскаянія , и зналъ , какое кому дать духовное врачевство , и кто что можетъ понести . Пріѣзжали къ нему Патріархи и Архіереи просить у него наставленія , и получали разрѣшеніе въ недоумѣніяхъ касательно каноновъ церковныхъ . Къ великимъ грѣшникамъ былъ снисходителенъ , и всѣхъ привлекалъ къ покаянію . Многіе изъ разныхъ странъ грѣшники шли къ нему на покаяніе , и получали отъ него облегченіе , потому что онъ зналъ разные языки . Сказываютъ , что онъ предвидѣлъ себѣ кончину .

По смерти его , чрезъ три года , въ мою бытность откопали его кости , и по-аѳонски — въ хорошемъ замѣчаніи : оказались желты , яко воскъ .

160. Воспомяну и о второмъ *Григоріи* , духовникѣ и іеросхимонахѣ , живущемъ въ келліи св. Царей , Константина и Елены , близъ монастыря Пантократора , родомъ грекъ , изъ страны Каппадокійскія , великомъ постникѣ ; ибо дважды въ недѣлю употреблялъ пищу , а въ посты единожды въ седмицу . Онъ съ юности оставилъ міръ , родителей , имѣніе , и осьмнадцати лѣтъ пришелъ въ св. Гору Аѳонскую , и сорокъ лѣтъ прожилъ у своего старца , постника , въ послушаніи , и былъ ему во всемъ подражатель . Старецъ постригъ его въ монашество , и благословилъ принять священство и духовничество . По прошествіи сорока лѣтъ , въ 1840 году , старецъ отшелъ ко Господу , и оставилъ его по себѣ наслѣдникомъ богатства духовнаго и , что было , тѣлеснаго ; и препоручилъ ему двухъ учениковъ .

Григорій, похоронивши своего старца, и немного поживши, призвалъ учениковъ своихъ, и сказалъ имъ: « Чада моя, не могу вамъ быть за старца и наставника: хотя и сорокъ лѣтъ былъ въ послушаніи и учился монашеству; но еще имѣю нужду много учиться, и не могу быть на своей волѣ. Пойду въ Русскій монастырь въ общежитіе, и тамъ поучусь совершенному монашеству, смиренію и терпѣнію. А вы, ежели хотите, оставайтесь на сей келліи, или же идите въ какой-либо монастырь.» Скорбно было ученикамъ слышать такіа словеса отъ своего старца, и они много его упрасивали остаться, равно и всѣ братія Пантократорскаго монастыря, и прочіе близъ живущіе отцы; но онъ отвѣтилъ имъ: « Отцы и братія! не могу быть я вамъ пастыремъ, ниже духовникомъ: самъ еще требую многому учиться; пойду, искушу себя въ общежитіи, и еще поучусь совершенному монашеству. Слышалъ я неоднократно отъ своего старца, что пустыня страсти только усыпляетъ, а общежитіе умерщвляетъ и искореняетъ; и я боюсь ихъ, хотя и сорокъ лѣтъ прожилъ въ пустынѣ со старцемъ. Но старецъ померъ, и я опасуюсь, чтобы страсти во мнѣ не проснулись, и меня не погубили; того ради не могу съ вами быть, а пойду умерщвлять свои страсти.»

И такъ онъ перешелъ въ Русскій монастырь, почти въ одно время съ нами, въ 1840 году. И мнѣ привелъ Господь — съ нимъ пожить въ одной обители, и всегда вмѣстѣ ходили на послушаніе. Много мы пользовались его примѣрною жизнію: хотя и духовникъ былъ, но на всякое послушаніе ходилъ прежде всѣхъ, и предъ всѣми смирялся, и всѣмъ покаялся.

Толикую имѣлъ онъ чистоту сердечную и даръ прозорливства, что провидѣлъ тайныя помышленія. Я грѣшный на себѣ сіе испыталъ. Въ одинъ день собирали мы масличныя ягоды, всѣ братія и онъ съ нами; только какіе-то обуревали меня помыслы: онъ подошелъ ко мнѣ, ударилъ меня рукою по плечу, и сказалъ мнѣ по-гречески, потому что онъ по-русски ни одного слова не зналъ: «Отче, зачѣмъ ты принимаешь такіе помыслы? Они отъ діавола. Гони ихъ прочь отъ себя.» Слышавши сіе, я испугался, поклонился ему до земли, и просилъ его св. молитвъ. Потомъ такъ умилилось сердце мое, что никакъ не могъ воздержаться отъ слезъ. И благодарилъ я Господа Бога моего, Иисуса Христа, и Божию Матерь, что сподобился въ одной обители жить и на послушаніе ходить съ такими великими старцами, что не только мои тѣлесные труды видятъ, но и тайныя помышленія проникають.

Но тяжело было отцу Григорію въ общежитіи, больше ради поста: ибо игумень всегда ему благословлялъ ходить въ трапезу, чтобы могъ проходить послушаніе и пользоваться братією; и одѣлалъ его всей братіи духовникомъ. Всего жилъ онъ въ общежитіи два года. Пантократорскіе братія всегда къ нему ходили, и со слезами его просили возвратиться къ нимъ, потому что не могутъ они себѣ найти по совѣти другаго духовника; просили и прочихъ великихъ старцевъ, чтобы присовѣтовали ему возвратиться къ нимъ. И всѣ ему стали совѣтовать возвратиться въ свою келлію, потому что Русскій монастырь нужды въ немъ не имѣетъ, тамъ много великихъ старцевъ, а Пантократоръ бѣдствуетъ; и игумень присовѣтовалъ

возвратиться. И онъ возвратился въ свою келлію, и чрезъ то великою радостію исполнилъ монастырь. Пантократоръ и всю карейскую братію.

Сей великій старецъ, іеросхимонахъ и духовникъ Григорій, по отъѣздѣ моемъ остался еще въ живыхъ, и до-днесь еще просвѣщаетъ Аѳонскую Гору своею жизнію.

161. Теперь вкратцѣ опишу жизнь іеромонаха *Павла*, игумена скита Ильинскаго, который взошелъ въ Русскій Пантелеимоновъ монастырь, и съ собой русскую братію ввелъ, и въ немъ скончался въ 1840 году, препроводивъ въ Аѳонѣ тридцать шесть лѣтъ. Иное я слышалъ о немъ отъ самого, иное своими очами видѣлъ, иное отъ его учениковъ узналъ. А о юности его слышалъ отъ его прежде бывшей сунруги, нынѣ живущей во градѣ Калугѣ, въ женскомъ монастырѣ, монахини Павлы.

Родомъ онъ великороссіанинъ, города Калуги, изъ богатыхъ купцовъ; въ младенчествѣ: просвѣщенъ св. крещеніемъ, и нареченъ былъ *Петръ*. Съ малыхъ лѣтъ онъ посвятилъ себя на служеніе Богу, и всегда упражнялся въ чтеніи духовныхъ книгъ и священнаго писанія, и всегда приметадся въ дому Божиемъ. Достигши возраста, занимается торговлею. Но всегда имѣлъ сильное желаніе поступить въ монашество, и безпрепятственно поработать Господу Богу своему, только удерживаемъ бытъ отъ родителей. Когда достигъ совершенного возраста, — неволиди его родители жениться. Онъ же ниже слышать хотѣлъ о женитьбѣ. Они же всѣ силы употребляли, чтобъ женился, и то угрозою, то ласкою, то слезами понуждали исполнить волю ихъ. И онъ, хотя и не по желанію

своему, но покорился своимъ родителямъ, и женился. Пожилъ съ женою три года, и имѣлъ двухъ дочерей.

Потомъ, въ одну ночь, Петръ въ ложницѣ подошелъ къ своей супругѣ, и со слезами началъ ей говорить: «возлюбленная и милая моя сожительница! ты знаешь, какъ я тебя люблю, такожде и дѣтей моихъ, и много мы имѣемъ богатства; но все сіе тлѣнно и скоропреходяще: прійдетъ смерть, и любовь нашу расторгнетъ, и насъ вѣчно разлучитъ, и богатство наше останется, а мы должны пойти къ праведному Судіи, только съ одними добрыми дѣлами; потому надобно намъ ихъ заготовить, и въ семь міръ Ему послужить, поработать и помолиться.» Она же ему отвѣтила: «любезный другъ мой, работай и молись Господу Богу; я тебѣ въ томъ не препятствую, ниже возбраняю; еще и сама тебѣ буду подражательница.» Онъ же сказалъ: «любезная моя, отпусти меня въ св. градъ Іерусалимъ поклониться живоносному Христову гробу и прочимъ св. мѣстамъ.» Она отвѣтила: «иди съ Богомъ, я тебя отпускаю.» Онъ же, видѣвши супруги своей такое благое расположеніе, весьма обрадовался, и началъ выпрашивать себѣ паспортъ. Хотя родители много тому препятствовали, но не могли удержать, потому что жена и общество отпустили. Губернаторъ, видя его весьма юнаго, трижды призывалъ жену его, и уговаривалъ ее, чтобы она его не отпускала; потому что какъ за границу уйдетъ, не захочетъ возвратиться назадъ. Но она отпустила, полагаясь на волю Божию. Петръ, получивши паспортъ, отправился въ путь; жена провожала его сто верстъ. Было имъ тогда по двадцати одному году. Потомъ стали прощаться, и

онъ ей началъ говорить : « Любезная Господь сказалъ: *аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и братья, и сестры, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ* (Лук. 14, 26.). И я хочу быти ученикомъ Господа моего, Иисуса Христа; и не знаю, возвращусь ли назадъ, или нѣтъ. А тебя съ дѣтьми препоручаю единому Богу; и ты помни Его, Создателя, и не забывай; при семъ прости меня, и благослови идти во слѣдъ Христа.» Едва успѣлъ сказать сіе, сѣлъ въ повозку и уѣхалъ. Жена, услышавши послѣднія слова, упала на землю, яко мертвая, безъ памяти положили ее въ повозку, и возвратилась въ домъ свой; и плакала десять лѣтъ, все ждала мужа. Потомъ услышавши, что онъ въ св. Горѣ Аѳонской постриженъ въ монашество, уже и іеромонахомъ, сама поступила въ Калужскій женскій монастырь, и уже пострижена въ мантию; а дочерей сродники выдали замужъ.

Оставивъ жену и отечество, Петръ поѣхалъ прежде въ Иерусалимъ, и поклонился живоносному Христову гробу и прочимъ св. мѣстамъ; потомъ заѣхалъ въ св. Аѳонскую Гору, и обшедши всѣ монастыри и скиты и всю св. Гору, опредѣлился въ скитъ св. Пророка Іліи, къ малороссіанамъ въ число братства; потомъ постриженъ въ монашество, и наречень *Павелъ*; скоро рукоположенъ во іеродиакона и во іеромонаха. Прожилъ онъ въ скиту, въ совершенномъ послушаніи и въ отсѣченіи своей воли, осмнадцать лѣтъ. Тогда наступило смутное военное время; а наипаче грозное Божіе посѣщеніе постигло св. Аѳонскую Гору; и пошли братія кто куда могъ; тогда и

скитскіе братія разошлись. Игумень Парееній съ іеромонахомъ Павломъ и съ немногими братіями, убравши скитъ, всѣ церковныя и скитскія вещи спрятали въ потаенныя погребя и кладовыя, и засыпали землю; а легкія вещи и деньги взяли съ собой, скитъ заперли, и отправились въ Россію, въ Одессу, а оттуда въ Молдавію. Странствовали восемь лѣтъ, много претерпѣли скорбей и почти самую смерть, такъ что никогда о томъ не могъ Павелъ безъ слезъ говорить. Когда прѣстала война, наступило мирное время, и стали братія возвращаться въ св. Гору; тогда и Павелъ съ игуменомъ Парееніемъ возвратились въ св. Гору Аѳонскую. Пришедши къ своему Ильинскому скиту, едва могли въ двѣ седмицы добраться до вратъ: въ восемь лѣтъ весь заросъ великимъ лѣсомъ; почти годъ очищали скитъ, и еще три года очищали сады. Сколько они тогда положили трудовъ, только единому Богу извѣстно. И привели скитъ въ совершенный порядокъ. Павелъ постригся въ великую схиму, но имети ему не переимѣнили. Со временемъ собралось братія въ скиту до сорока человекъ.

Въ 1837 году послалъ Господь на скитъ Ильинскій великое искушеніе: по какому-то случаю заразился скитъ чумою, и всѣ почти братія и самъ игумень Парееній сдѣлались ея жертвою. Въ то время Павелъ ежедневно служилъ Литургію, всѣхъ больныхъ зараженныхъ причащаль и въ схиму постригалъ, и съ немногими остался въ живыхъ, и потомъ высидѣлъ сорокъ дней карантинъ. Послѣ того, собравшись посторонніе братія, греки и всѣ русскіе, подняли изъ монастыря Ксиропотама Пречестное Древо креста Господня, великую его часть съ отвер-

стиемъ, гдѣ былъ гвоздь, и было въ ходу множество духовенства, съ крестами и хоругвями, и съ великимъ пѣніемъ. И взошли всѣ братія прямо въ скитъ, и никто не убоился заразы, но положились на волю Господню; и взошедши въ соборную церковь, отпѣли молебенъ, святили воду, и погружали самое Честное Древо; потомъ кропили братій оставшихся отъ чумы и весь скитъ. Было всенощное бдѣніе и Литургія, и было всѣмъ въ трапезѣ велие утѣшеніе. Потомъ, по согласію аеонскихъ братій и своихъ оставшихся, избрали игуменомъ іеросхимонаха Павла, и утвердили сіе грамотами. И онъ опять собралъ братій челоувѣкъ до сорока, и устроилъ въ скиту весь общежительный чинъ и порядокъ. Но добра ненавидяй врагъ, діаволь, возмутилъ малороссіанъ; и возстали они на великороссіанъ, а наипаче на игумена Павла; и многія наводили на него скорби: трижды съ безчестіемъ сгоняли съ игуменства, хотя и паки возводили; а наконецъ выгнали со всѣми великороссіанами безъ возврата. Хотя Павелъ скорбѣлъ о томъ, что тридцать пять лѣтъ проживши въ скиту, послѣ съ безчестіемъ выгнанъ, но не ропталъ на малороссіанъ, и ученикамъ своимъ возбранялъ стропотное о малороссіанахъ говорить, и всегда говорилъ: «малороссіане—великіе намъ благодѣтели; они намъ ходатайствуютъ жизнь вѣчную.»

Вскорѣ Господь утѣшилъ Павла: за его смиреніе и безропотность далъ ему, вмѣсто скита, великій царскій монастырь, вмѣсто одноэтажной малой келліи—пятиэтажный корпусъ. Осенью, 1839 года, начали звать отца Павла, со всею братією, русскаго Пантелеимонова монастыря отцы, греки, въ свою русскую

обитель, на вѣчное жителство. И отецъ Павелъ, по благословенію духовника Арсенія, взошелъ въ древнее русское наслѣдіе, въ русскій монастырь св. Великомученика Пантелеимона; освятилъ первоначально храмъ во имя Свят. Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, обѣщанный іеромонаху Аникитѣ; и прожилъ въ русскомъ монастырѣ восемь мѣсяцевъ и десять дней, удивляя всѣхъ грековъ своимъ смиреніемъ, терпѣніемъ и послушаніемъ, и давая во всемъ образъ своимъ ученикамъ (*).

Іюля 28 числа, 1840 года, отецъ Павелъ заболѣлъ, и былъ нездоровъ три дня, но Литургію служилъ, хотя и съ трудомъ. Августа 2-го числа, уже въ церковь идти не могъ, но приказалъ читать утреню у себя въ келліи. По окончаніи полунощницы, начали утреню. Шестопсалміе читалъ самъ, съ особеннымъ самоуглубленіемъ, и много слезъ проливалъ, а наипаче на первыхъ трехъ псалмахъ, когда читалъ: *Не остави мене, Господи Боже мой, не отступи отъ мене: возми въ помощь мою, Господи спасенія моего. Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреню: возжада Тебѣ душа моя, коль множицею Тебѣ плоть моя, и проч. Пс. 37. 62.* Потомъ нѣсколько утѣшился, и съ великимъ восторгомъ читалъ: *благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Ею: благослови душе моя Господа, и забывай всѣхъ воздаяній Ею и проч. Пс. 102.* Ектеніи уже не могъ сказать, а велѣлъ пропѣть двѣнадцать разъ «Господи помилуй.» Когда начали пѣть: *Боже Господь и явися намъ, благословенъ*

(*). См. ч. II. гл. 107, 108. 109, 110.

грядый во имя Господне, — онъ предалъ душу свою въ руку Господа своего, Котораго отъ юности возлюбилъ паче родителей, жены и чадъ своихъ, и Которому тридцать шесть лѣтъ поработалъ въ иноческомъ чинѣ.

Воистинну, *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его*. Скончался безъ всякой болѣзни и страха; умеръ, яко заснулъ сладкимъ сномъ, сидя и повѣсивъ свою голову. Увидѣвши сіе, братія оставили читать утреню, скоро пошли въ соборъ, и сказали игумену Герасиму. Изъ собора всѣ пришли къ усопшему. Греки горько о немъ плакали, не имѣя надежды видѣть изъ русскихъ другаго такого подвижника, кроткаго и смиреннаго; и не только они, но и братія другихъ обителей св. Горы Аѳонскія о немъ плакали, услышавъ о его кончинѣ. Игумень Герасимъ послалъ по всей Горѣ Аѳонской повѣстить всѣмъ русскимъ, чтобы пришли на погребеніе. Погребали его всѣмъ соборомъ русскіе и греки. Игумень Герасимъ горько плакалъ. Архимандритъ Прокопій говорилъ надгробное слово, и ублажилъ странствіе, скорби и изгнаніе, кротость и смиреніе почившаго. Черезъ три года, по обычаю аѳонскому, откопали его кости, и оказались, по аѳонскому замѣчанію, благодатными: желты яко воскъ, и нѣкое малое испускали благоуханіе. И поставили главу его въ гробницѣ подъ церковію, и написали на главѣ сице: *Иеромонаха Павла русскаго*.

Теперь скажу о его непамятозлюбів. По изгнаніи его изъ скита, сдѣлался игуменомъ въ скиту тотъ, кто болѣе его гналъ, іеромонахъ Акакій, и проживши полгода игуменомъ, много скитскаго имѣнія расто-

чплъ. И сдѣлалось чрезъ то въ скиту великое смущеніе. Игумена Акакія арестовали, и послали за отцемъ Павломъ, и просили его, чтобы сказалъ, какихъ вещей не оказывается; потому что Павелъ зналъ, что есть въ скиту, гдѣ тридцать пять лѣтъ прожилъ. Но отецъ Павелъ покрылъ и оправдалъ своего врага, и вмѣсто зла сотворилъ ему благо: сказалъ, что все цѣло, что было прежде. Этому его поступку удивилась вся Гора Аѳонская.

162. Не могу не вспомнить о великомъ постникѣ и слезоточивомъ іеромонахѣ *Аникитѣ*.

Родомъ онъ былъ изъ великороссіанъ, изъ фамиліи князей Шихматовыхъ. Разсмотрѣвъ пустоту, непостоянство и суету міра сего, оставилъ домъ свой и родителей, богатство и славу мірскую, взялъ на себя крестъ иноческаго житія, и вступилъ въ Юрьевъ монастырь, что въ Новѣ-градѣ, подъ руководство Архимандрита Фотія; тамъ былъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ во іеромонаха. Потомъ пожелалъ странствовать въ св. градъ Іерусалимъ, поклониться живоносному Христову гробу, и посѣтить св. Аѳонскую Гору, посмотрѣть великихъ аѳонскихъ подвижниковъ; старецъ его, Архимандритъ Фотій, благословилъ.

Пріѣхавши въ св. Аѳонскую Гору, онъ обошелъ ее всю, посѣтилъ всѣ монастыри, лавры, киновіи, скиты и многія постническія келліи; познакомился и съ великимъ старцемъ, духовникомъ Арсеніемъ. Отецъ Аникита весьма удивлялся аѳонскимъ подвижникамъ, и восхотѣлъ во всемъ имъ быть подражателемъ: прежде пересталъ употреблять чай, чрезъ мѣсяць — рыбу, а потомъ—вино и масло, а употреблялъ только

теплую воду съ медомъ, и хлѣбъ единожды въ день; въ среду и пятокъ оставался безъ пищи. Но сколько его удивляяцъ аѳонскіе подвижники, столько, или еще болѣе, удивилъ онъ аѳонскихъ отцевъ. Когда онъ служилъ Литургію, то всѣ старались узнавать, гдѣ онъ будетъ служить, и туда сходилось множество монаховъ, не только русскихъ и болгаръ, но и множество грековъ. Всякому было желательно посмотрѣть на его служеніе: ибо служилъ онъ Литургію болѣе трехъ часовъ, со слезами и съ неизреченнымъ восторгомъ и самоуглубленіемъ, такъ что во всѣхъ возбуждалъ умленіе и даже слезы. Часто служилъ въ греческихъ монастыряхъ, по-гречески, ибо зналъ хорошо греческій языкъ. Весьма полюбилъ онъ аѳонскія киновіи, т. е. общежительные монастыри, и общежительныхъ монаховъ называлъ земными ангелами и небесными человѣками. Наипаче полюбилъ онъ Русскую Пантелеимонову обитель, гдѣ и остался погостить. Потомъ русскаго монастыря братія, греки, начали его просить, чтобы онъ перешелъ къ нимъ въ обитель, жить со всею русскою братією; и онъ перешелъ. Потомъ съ духовникомъ Арсеніемъ и съ отцемъ Николаемъ отправились въ Іерусалимъ. И была отъ Россійскаго посланника дана повѣстка по всѣмъ греческимъ островамъ, что проѣзжаетъ великій старецъ изъ княжескаго рода. И по всѣмъ островамъ его встрѣчали торжественно: всѣ лобызали его десницу, и почитали за великое счастье принять отъ него благословеніе. Удивительно было, что своихъ Патріарховъ не почитали такъ, какъ сего іеромонаха: много проѣзжало Патріарховъ и другихъ Архіереевъ, много русскихъ іеромонаховъ и архимандритовъ, но

никому такой чести не воздавали. А онъ на всякомъ островѣ служилъ Литургію, говорилъ проповѣди по-гречески, и приводилъ народъ въ слезы и рыданіе, и словеса его великую имѣли силу и дѣйствіе, такъ что духовникъ Арсеній тому удивлялся. Со всякаго острова провожали его со многими слезами, и не хотѣли съ нимъ разлучиться. И князь грековъ весьма полюбилъ, за ихъ усердіе и любовь ко Христу Богу.

Прибывши въ св. градъ Іерусалимъ, поклонился живоносному Христову гробу и прочимъ св. мѣстамъ. И возлюбилъ его всѣ Митрополиты, и дали ему волю служить на Христовомъ гробѣ. И онъ сорокъ Литургій тамъ отслужилъ сряду, и сорокъ дней не выходилъ изъ храма отъ Божія гроба. Потомъ сорокъ Литургій отслужилъ на Голгоѣ; двадцать Литургій отслужилъ въ Геѳсиманіи, на гробѣ Пресвятыя Богородицы, и двадцать Литургій въ Виѳлеемѣ, гдѣ родился Господь Іисусъ Христосъ. Вообще, сколько жилъ въ Іерусалимѣ, ежедневно служилъ, и св. мѣста слезами омочалъ.

Іерусалимскіе жители говорятъ, что не было такого поклонника, да и послѣ едва ли будетъ. Въ Іерусалимѣ случилось съ нимъ такое происшествіе: Въ самый Новый годъ пошелъ онъ поздравить Митрополитовъ съ Новымъ годомъ, и пришелъ къ патриаршему монастырю ко вратамъ. А въ Іерусалимѣ обычай такой, что въ Новый годъ въ патриархію никому не позволено входить, и врата не отворяютъ. Князь этого не зналъ, и пошелъ во врата. Стражъ арабъ его не пускаетъ, а языка другъ у друга не понимаютъ; и стражъ ударилъ старца въ ланиту, такъ что онъ упалъ. Вставши же, сказалъ: «братъ, что

ты меня бьешь?» Потомъ подставилъ и другую ланиту. Архіереи, увидавши сіе, испугались, выбѣжали всѣ ко вратамъ, упали предъ княземъ, и просили прощенія. А князь просилъ со слезами Архіереевъ, чтобы простили стража, и далъ ему денегъ. Всѣ удивились такой кротости и смиренію.

Вскорѣ онъ получилъ изъ Россіи указъ съ назначеніемъ его въ Грецію, въ Аѳины, къ Посольской церкви. Послѣ сего онъ возвратился въ св. Гору, но получилъ здѣсь великую скорбь: ибо изъ Русскаго монастыря греки его съ братіей выслали.

Изъ Аѳона отецъ Аникита съ ученикомъ отправился въ Аѳины. По прибытіи туда, ученикъ его однажды пошелъ на торжище, и воротившись сказалъ: «отче святыи, на торжищѣ здѣсь продается весьма хорошии бѣлый медъ.» Онъ же ему отвѣтилъ: «охъ, отче, отче! здѣсь не Аѳонская Гора, а Аѳины, мѣръ и соблазны: надобно и отъ меду отстать.» И больше уже меду не вкушалъ, а употреблялъ только хлѣбъ и воду, и то черезъ день. Поживши въ Аѳинахъ одинъ годъ, заболѣлъ и приблизился къ смерти. Предъ кончиною далъ завѣщаніе ученику своему Аникитѣ, въ схимѣ Андрею, чтобы оставшееся послѣ него имѣніе и вещи отвезъ въ Аѳонскую Гору, чтобы брилліантовый крестъ его повѣсилъ на Аѳонскую Игуменію, на чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, Трое-ручицу, въ монастырѣ Хилендарѣ; и чтобы, по смерти, и кости его отвезены были въ св. Аѳонскую Гору. Потомъ съ миромъ преставился, въ радости и веселіи. Услышавши о его смерти, аѳинскіе жители сошлись отъ мала до велика, желали прикоснуться къ его постническому тѣлу: ибо всѣ его почитали за ве-

ликаго угодника. И похоронили его внутри соборной церкви. Хотя у грековъ и нѣтъ обычая погребать внутри церквей, даже самихъ Патріарховъ: но сего старца, за великое благочестіе, сами пожелали положить внутри церкви. Черезъ два года Россійское посольство, по завѣщанію старца, рѣшилось откопать его кости и препроводить въ св. Аѳонскую Гору. Узнавши сіе, греки не стали давать, и поставили стражу. Русское посольство настаивало; греки упорно противились. Но Король греческій, Оттонъ послалъ войско—исполнить намѣреніе Россійскаго посольства. Хотя греки много бунтовали и плакали, не желая отдать кости князя, даже сдѣлали кровопролитіе: однако, при помощи воинства кости откопаны были. При семъ усмотрѣли, что тѣло все предалось тлѣнію, а кости цѣлы и желты, яко воскъ. Приготовили ящикъ, положили въ него кости, и Архимандритъ Анатолій и іеродіаконъ Парѳеній привезли ихъ въ Аѳонскую Гору. Кости положены въ скиту Іліи Пророка, въ церкви Святителя Митрофана. Я самовидѣцъ, что кости желты яко воскъ, и нѣкое испускають благоуханіе (*).

163. Воспомяну о великомъ старцѣ, схимонахѣ *Харалампіи*, родомъ болгаринѣ, жившемъ въ самой далекой пустынь, на мѣстѣ, называемомъ Лакъ. Онъ шестьдесятъ пять лѣтъ препроводилъ въ св. Горѣ Аѳонской безъ выхода. Пришелъ въ св. Гору пятнадцати лѣтъ, и десять лѣтъ прожилъ у старца своего въ послушаніи. По смерти старца поступилъ въ

(*) О старцѣ Аникитѣ см. ч. II. гл. 150—152.

общежитіе , и двадцать пять лѣтъ прожилъ въ общежитіи . Потомъ удалися въ пустыню , и тридцать пять лѣтъ прожилъ въ пустынѣ , одинъ съ единымъ Богомъ . Много претерпѣлъ скорбей и вскушеній отъ врага , діавола , и отъ тѣлесныхъ недостатковъ и отъ разбойниковъ , а наипаче во время великаго смущенія : шесть лѣтъ жилъ почти безъ хлѣба , питаясь землемъ и травою . Удостоенъ былъ видѣній : сказывалъ своему духовному отцу Арсенію , что трижды сподобился видѣть Царицу небесную , Владычицу Богородицу , посѣщающую св. Аѳонскую Гору . Духовникъ сказалъ о томъ нѣкоторымъ , уже послѣ смерти его . Скончался онъ въ 1845 году , въ глубокой старости , на келліи , называемой *Сараи* . Росту былъ высокосредняго , лицомъ весьма сухъ ; брада сѣдая , широкая и длинная , почти до колѣнъ . Проходила о немъ слава по всей Горѣ Аѳонской . Рукоположенія не имѣлъ , былъ схимонахъ . И былъ всѣмъ изъ Славянскаго рода искусный наставникъ . Слышалъ я отъ нѣкоторыхъ , что онъ имѣлъ даръ прозорливства .

164. Былъ великій старецъ пустынножитель , схимонахъ *Серафимъ* . Родомъ былъ грекъ , жилъ въ пустынѣ , между монастыремъ Дохиара и Ксенофа ; препроводилъ въ Аѳонѣ пятьдесятъ пять лѣтъ : пятнадцать лѣтъ — въ общежитіи подъ послушаніемъ , а сорокъ лѣтъ — въ пустынѣ въ пещерѣ , яко птица , отнюдь не имѣя попеченія о своемъ тѣлѣ , ни о пищѣ , ни о одеждѣ . Упражнялся въ безпрестанной молитвѣ и богомыслии , и всегда изнурялъ свое тѣло трудами : безпрестанно долбилъ камень и дѣлалъ пещеры . Въ пещерѣ своей ничего не имѣлъ , ни одежды , ни

книгъ; и зеляя никакого не садилъ, а пищу ему приносили изъ ближнихъ монастырей, кому Богъ по сердцу положить. А ежели не принесутъ, то терпѣть; а самъ никогда не выходилъ изъ своей пещеры. Много терпѣлъ скорбей во время смущенія, отъ разбойниковъ и отъ глада: многое время пребывалъ безъ хлѣба, и питался травою. Скончался въ глубокой старости, въ 1844 году.

165. Достоинно воспомнать о великомъ блаженномъ старцѣ, схимонахѣ *Никодимѣ*, жившемъ на Капсалѣ, скончавшемся въ 1818 году. Я засталъ на Аѳонѣ многихъ, которые съ нимъ жили, и его труды и подвиги своими очами видѣли. О немъ свидѣтельствуется множество его сочиненій, явно показывающихъ о его великомъ ученіи и благодати Св. Духа, жившей въ немъ. Онъ родился на славномъ островѣ Архипелажскомъ, только подлинно не знаю — на какомъ. Съ малолѣтства поступилъ въ ученіе; и проходилъ ученіе болѣе пятнадцати лѣтъ. Учился у разныхъ знаменитыхъ учителей, и изучился премудрости духовной и внѣшней, и сдѣлался великій богословъ.

Разсмотрѣвъ суету міра сего, онъ удалился въ св. Гору Аѳонскую, постригся въ великую схиму, водворился въ пустыню, и проживалъ на Капсалѣ пятьдесятъ лѣтъ; писалъ книги, и всего написалъ тридцать томовъ. Онъ собралъ и написалъ аѳонскій общій Патерикъ; написалъ иже во Аѳонѣ подвизавшимся общую службу. Онъ былъ великій ревнитель по благочестію, по Св. Восточной Церкви православной. Написалъ многія книги противъ западныхъ еретиковъ, противъ Папы Римскаго и лютеранъ. Написалъ двѣ книги о боготворной умной молитвѣ. Въ книги свои

онъ весьма многое заимствовалъ изъ древнихъ , кожаныхъ и харатейныхъ , рукописей , сочиненій разныхъ древнихъ св. Отцевъ : такими рукописями наполнены аѳонскія библіотеки , которыя старцу Никодиму всѣ были отворены ; и часто онъ сживалъ по три дня въ одной библіотекѣ , безъ пищи. Онъ вновь украсилъ греческую , обветшалую отъ турецкаго тяжкаго ига , св. церковь. Онъ былъ великій постникъ и имѣлъ даръ слезъ. Многажды Патріархъ присылалъ за нимъ , чтобы рукоположить его въ Епископа ; но онъ не хотѣлъ быть и іеромонахомъ , ниже іеродіакономъ ; а только въ монашескомъ чинѣ препроводилъ жизнь свою , и въ глубокой старости представился ко Господу. По обычаю аѳонскому , чрезъ три года откопали кости его ; глава его сохраняется донынѣ , и испускаетъ благоуханіе. Онъ оставилъ по себѣ вѣчную память въ своихъ сочиненіяхъ. Греки , когда ихъ читаютъ , читаютъ со слезами. Благо было бы , ежели бы русскіе приложили стараніе сдѣлать переводъ сочиненій старца Никодима съ греческаго на російскій языкъ (*).

166. Теперь вспомяну о блаженнѣйшемъ старцѣ (только позабылъ его имя) , родомъ грекъ , жившемъ въ скиту Кавсокалибѣ. Я въ живыхъ его не засталъ , ибо прежде меня за малое время преставился ; но мнѣ о немъ сказывали тѣ , которые его своими очами видѣли. Брада у него была — какъ у Онуфрія Великаго или у Петра Аѳонскаго , на четверть лежала на землѣ. Когда кто желалъ браду его посмотрѣть , то

(*) См. ч. II. гл. 103.

онъ становился на скамейку, и тогда брада его висѣла до земли.

Онъ прежде былъ первый и славный пѣвецъ по всему Аѳону, и не было подобнаго голоса во всей св. Горѣ Аѳонской; во всѣ монастыри просили его на праздники для пѣнія. Въ одинъ праздникъ пѣлъ онъ всенощное бдѣніе, и тщеславился своимъ голосомъ; послѣ того пропалъ у него голосъ, и не могъ уже ничего пѣть, и отъ того впалъ въ великую скорбь, и приходилъ въ уныніе и отчаяніе. Сказывали мнѣ: было ему видѣніе и отъ Царицы Небесной извѣщеніе, что отнялся у него голосъ за то, что не умѣлъ имъ владѣть, а только тщеславился, но что въ утѣшеніе дана будетъ ему великая брада; только бы наки не тщеславился, а то и ея лишится. И начала расти брада его, и выросла на четверть ниже ногъ. И онъ всегда носилъ ее подвязану, и показывалъ только тѣмъ, кто пожелаетъ посмотреть и о томъ попросить.

Въ одно время въ Константинополѣ проѣзжалъ Султанъ Махмудъ мимо патріархіи, и захотѣлъ посмотреть Христіанскую церковь. Встрѣтилъ его самъ Патріархъ; и Султанъ много разсматривалъ въ церкви. Увидѣвши икону Петра Аѳонскаго и Оцуѳрія Великаго, сказалъ Патріарху: «вотъ у васъ есть ложь: какъ возможно, чтобы у людей такія были борода?» Патріархъ ему смиренно отвѣтилъ, что это не ложь, а истинная правда, что и въ нынѣшнее время въ Горѣ Аѳонской есть монахъ, который имѣетъ такую длинную бороду. Султанъ скоро послалъ за нимъ. Онъ же, пріѣхавши, явился къ Султану. Султанъ приказалъ показать ему бороду. Онъ сталъ на дованъ, и

распустилъ свою браду. Султанъ весьма удивился, увидя, что брада длиннѣе, нежели какія на иконахъ видѣлъ. Потомъ самъ захотѣлъ испытать и увѣриться, не поддѣлана ли какъ: взялъ одинъ волосъ отъ самаго тѣла, и велъ по немъ рукою до самаго конца; и такъ пробовалъ три волоса. Потомъ, смотря на браду, сказалъ: «у хрисіанъ, что есть писано, то все сущая правда.» А монаху далъ фирманъ, чтобы оба они съ ученикомъ до смерти дани не платили, а жили на льготѣ. И до-нынѣ ученикъ его дани не платитъ.

А ученикъ его родомъ великороссіанинъ, города Одессы, купеческій сынъ. Шестнадцати лѣтъ оставилъ свой домъ, отца и мать, и все свое имѣніе и богатство, и пошелъ отъ юности поработать единому истинному Богу; пришелъ въ св. Аѳонскую Гору, обшелъ ее кругомъ, и посѣтилъ всѣ монастыри и скиты, и всю русскую братію. Но по совѣсти себѣ изъ русскихъ старца не нашель, и вознамѣрился жить съ греками, и избрать себѣ старца изъ числа грековъ. Услышавши объ ономъ старцѣ, пошелъ посмотреть на его браду. И пришедши, весьма умилился при видѣ его, и со слезами палъ ему въ ноги, и сталъ просить, да приметъ къ себѣ въ ученика. Старецъ, видя его весьма юна и еще брады не имуща, да еще и русскаго, и языка греческаго незнающаго, а въ скиту жить безбрадому не позволяется,— не хотѣлъ его принимать. Онъ же чрезъ переводчика сказалъ: «умру подлѣ келлія твоей, а прочь не пойду,» Старецъ долго не принималъ; а послѣ, видя его неизмѣнное намѣреніе и слезы, терпѣніе и смиреніе, принялъ. Но какъ въ скиту безбрадому жить

невозможно, то послалъ его въ Лавру св. Аѳанасія Аѳонскаго жить, пока покажется брада, и приказалъ ему учиться греческому языку и грамотѣ. И онъ прожилъ въ Лаврѣ шесть лѣтъ; выучился греческому языку, грамотѣ и пѣнію, такъ что превзошелъ и природныхъ грековъ, и никто не можетъ познать, что онъ не грекъ. Потомъ возвратился въ скитъ Кавсокалибу, къ своему брадатому старцу. Старецъ постригъ его въ монашество, потомъ понудилъ его принять хиротонію. Проживъ со старцемъ двадцать лѣтъ, ученикъ препроводилъ его на вѣчное блаженство; а самъ до-нынѣ живеть въ старцевой келліи, и есть духовникъ всему скиту, грекамъ и русскимъ; а служить, поеть и читаетъ, по-гречески, а по-русски хотя и говоритъ, но не скоро, потому что русскій языкъ уже много позабылъ. Жизнь проходитъ строжайшую; постриженъ уже въ великую схиму. По отъѣздѣ моемъ остался въ живыхъ.

167. Еще вспомню о единомъ старцѣ, не задолго до меня скончавшемся, жившемъ выше скита св. Анны, въ непроходимой пустынѣ, на келліи св. Велікомученика Пантелеимона, родомъ грекъ. Не имѣлъ онъ близко воды, и просилъ Божію Матерь, да дастъ ему хотя небольшой источникъ воды. И было ему въ сонномъ видѣніи извѣщеніе отъ Божіей Матери, и показано мѣсто, и сказано, чтобы онъ покопалъ на семь мѣстѣ, и обрящетъ воду. Онъ же, по-утру воставши, началъ на показанномъ мѣстѣ копать, и абіе потекла вода ключомъ, холодная и легкая. И сему онъ весьма былъ радъ. Видя же, что много воды, началъ заводить себѣ огородъ, а потомъ болѣе и болѣе, потому что воды много; уже началъ оста-

влять и молитву, а болѣе упражняться въ огородѣ. Но въ одинъ день приходитъ онъ въ свой огородъ, и видитъ, что высохъ его источникъ, ниже капля осталась воды, и долженъ пропасть его весь огородъ. Онъ весьма огорчился и много плакалъ, и просилъ Божию Матерь, да проститъ его согрѣшеніе, и дасть ему воды. И паки отъ Божіей Матери было ему извѣщеніе, что ему вода не на пользу, что дана была ему вода, а онъ завелъ огородъ, и оставилъ Господа, и умъ весь прилѣпилъ къ земному, къ своему огороду; но что паки дана будетъ ему вода, но не много, и чтобы остерегался, да не паки прогнѣваетъ Господа Иисуса. Старецъ по-утру пошелъ посмотрѣть: и паки вода потекла, но немного, только для питья; она и до-нынѣ течетъ.

168. Еще воспоминаю о великомъ старцѣ и постникѣ, о аѳонскомъ всеобщемъ духовникѣ, іеросхимонахѣ *Неофитъ*, живущемъ на мѣстѣ Керася. Родомъ онъ грекъ, изъ Азіи, изъ страны Капподакійскія, но языка турецкаго. Болѣе сорока лѣтъ живетъ въ Аѳонѣ; великій постникъ, и имѣетъ даръ прозорливства.

Въ одинъ день, въ его виноградникъ взошелъ кабанъ, т. е. дикая свинья, и началъ опустошать виноградъ; ученики, увидѣвши сіе, сказали старцу. Онъ пошелъ къ кабану, и подошедши, взялъ его за ухо, подралъ и сказалъ: «за чѣмъ ты пришелъ въ чужой виноградъ? въ другой разъ не ходи, а то бить буду; а теперь иди.» Кабанъ побѣжалъ въ лѣсъ; но чрезъ нѣсколько дней паки пришелъ, и былъ уже наказанъ жезлами, и паки отпущенъ. Чрезъ нѣсколько дней паки пришелъ. Тогда старецъ приказалъ ему стоять весь день на одномъ мѣстѣ. И кабанъ стоялъ на

одномъ мѣстѣ , и не могъ съ мѣста двинуться. Въ тотъ день шли мимо этого саду войны , которые охраняють Аѳонскую Гору ; увидѣвши въ саду кабана , хотѣли въ него стрѣлять. Но духовникъ запретилъ , и сказалъ : « теперь онъ не вашъ , не трогайте : онъ править канонъ ; а когда отправитъ и убѣжитъ въ лѣсъ , тогда волю имѣете дѣлать , что хотите. » Вечеромъ кабанъ былъ отпущенъ.

Духовникъ Неофитъ есть одинъ изъ числа четырехъ великихъ аѳонскихъ столповъ. Было одному монаху откровеніе ; видѣлъ онъ четыре великіе столпа , которые поддерживаютъ всю Аѳонскую Гору , и былъ ему гласъ , что сіи четыре столпа суть четыре аѳонскіе духовника , поддерживающіе всю аѳонскую братію : первый столпъ — іеросхимонахъ Григорій , болгаринъ ; второй столпъ — іеросхимонахъ , духовникъ Арсеній , великороссіанинъ ; третій — іеросхимонахъ Григорій , грекъ ; четвертый — духовникъ , іеросхимонахъ Неофитъ , грекъ. По отъѣздѣ моемъ сіи послѣдніе двое остались еще въ живыхъ , еще своею жизнію просвѣщаютъ Аѳонскую Гору.

169. Еще вспомяну великаго старца , схимонаха *Григорія* , живущаго въ Иверскомъ скиту Іоанна Предтечи. Родомъ онъ грекъ ; шестьдесятъ лѣтъ живетъ въ св. Горѣ Аѳонской ; великій подвижникъ и постникъ , великій по Христу Богъ ревнитель , и бодрый христіанскаго благочестія хранитель. Всѣ съ благоговѣніемъ смотрятъ на его святолѣпныя сѣдины. Онъ въ жизни своей великія сотворилъ дѣла для Вселенской Св. Восточной Церкви. Сами Патріархи его уважають и почитають. Хотя онъ и простой монахъ , и рукоположенія не имѣеть , но весьма ученъ , и жиз-

нію своєю всѣхъ просвѣщаетъ и назидаетъ , и проходитъ о немъ слава по всей Греціи. Онъ многихъ препослалъ ко Христу , убѣдилъ отвергнуться магометанскаго заблужденія и отречься проклятаго Магомета. Многіе по его наставленіямъ проліяли кровь свою за Господа Бога , Ісуса Христа , и приняли вѣнецъ мученическій. Трое мученическихъ мощей , трехъ его учениковъ , предпочитаютъ у него въ келліи ; въ Иверскомъ монастырѣ творять имъ память , и совершаютъ въ честь ихъ всенощное бдѣніе , ибо отъ нихъ явлены чудеса ; но я не помню ихъ имена. А мучили ихъ въ Константинополь , по повелѣнію Султана Махмуда , около 1820 года. Самъ старецъ Григорій ѣздилъ съ ними въ Константинополь , укрѣплялъ и утѣшалъ ихъ въ мученія. По многихъ мукахъ осудили ихъ на вечное посѣченіе , и старецъ принялъ изъ-подъ меча главы ихъ , и своими слезами омывалъ ихъ. Потомъ златомъ купилъ тѣлеса ихъ , при помощи константинопольскихъ христіанъ , и привезъ ихъ самъ въ св. Аѳонскую Гору. Встрѣтилъ ихъ въ Иверскомъ монастырѣ , со свѣщами , хоругвями и иконами , яко новыхъ исповѣдниковъ , пострадавшихъ за имя Ісусъ Христово.

Старецъ Григорій уже весьма старъ и сѣдъ , бѣлъ , яко снѣгъ : росту высокосредняго ; брада длинная и широкая , ниже пояса , и бѣлая ; лицемъ весьма сухъ ; очи наполнены слезъ ; но веселъ. Одежду носить ветхую и многошвенную. Пропитаніе имѣетъ отъ своего рукодѣлія. Живетъ ихъ на келліи четверо : два старца , и два у нихъ ученика. По-русски ничего не знаютъ. Каждую субботу старецъ Григорій выходитъ на Карею продавать свое рукодѣліе. А руко-

дѣліе у нихъ такое : вырѣзываютъ печати для просфоръ и кресты. По моемъ отшествіи остались въ живыхъ (*).

170. Еще теперь вспомяну блаженнѣйшаго схимонаха *Никодима* ; жилъ онъ подъ монастыремъ Ставроникитою, на келліи св. Архангелъ. Родомъ былъ великороссіанинъ, Курской губерніи, города Старого-Оскола, изъ мѣщанъ. Въ юности оставилъ мірское попеченіе, домъ, родителей и имѣніе. Прежде странствовалъ много по Россіи, и проживалъ по разнымъ російскимъ монастырямъ. Былъ великій ревнитель по Христовой Церкви, и не терпѣлъ видѣть раскольническаго двухперстнаго сложенія ; со многими раскольниками входилъ въ преніе, и многихъ убѣждалъ присоединиться къ православной Церкви. Весьма любилъ онъ читать и слушать божественное Писаніе и отеческое. Потомъ возымѣлъ съ своимъ другомъ непремѣнное желаніе путешествовать въ св. Аѳонскую Гору, для препровожденія остальной своей жизни. Пришедши въ свой городъ, убѣдилъ своихъ двухъ родныхъ по плоти братьевъ — оставить суетный міръ со всѣми его прелестями, взять крестъ свой, и идти во слѣдъ Господа своего Иисуса Христа, тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ иноческаго житія ; еще и другихъ нѣкоторыхъ убѣдилъ послѣдовать Христу. И они изъ Старого-Оскола, своего города, привели съ собою, въ св. Аѳонскую Гору, пятнадцать человѣкъ. Изъ нихъ нѣкоторые скончались, а нѣкоторые и доднесь живы пребываютъ.

(*) Старецъ Григорій скончался въ 1853 году.

Прибывъ въ Св. Гору, купилъ онъ себѣ келлію, съ малою церковію св. Архангелъ, препоручилъ себя духовнику Арсенію, постригся отъ него въ великую схиму, и проживъ во Аѳонѣ два года, съ миромъ скончался и погребенъ. По обычаю аѳонскому, черезъ три года откопали его кости, и обмывши поставили ихъ посреди церкви. Во время всенощнаго бдѣнія, кости его испустили благоуханіе; изъ главы и изъ обрѣзъ ушей отъ сухой кости истекло благовонное миро. Всѣ братія неизреченной радости исполнились, и прославили Господа Бога, Царя Небеснаго, Иисуса Христа, творящаго дивная чудеса.

Братъ его монахъ Филиппъ до-нынѣ въ живыхъ обрѣтается (*).

171. Еще воспомяну Преосвященнѣйшаго Архіепископа *Данкратія*, родомъ грека. Препровождаетъ жизнь свою въ Аѳонѣ болѣе сорока лѣтъ; всегда находится въ трудахъ: работаетъ рукодѣліе и копаетъ землю, и насаждаетъ овощи, и тѣмъ пропитывается. Часто служитъ Литургію. Славится житіемъ по всей Горѣ Аѳонской. До-нынѣ въ живыхъ обрѣтается.

172. Близъ Кареи, на покоѣ живетъ Митрополитъ *Каллиникъ*, съ острова Самоса, препровождаетъ постническую жизнь.

173. Въ обители Ватопедской живетъ на покоѣ блаженнѣйшій Митрополитъ Адрианопольскій, *Григорій*, родомъ грекъ, великій подвижникъ, имѣетъ даръ прозорливства и слезный. Въ родѣ его было много мучениковъ, за имя Иисусъ Христово пострадавшихъ отъ безбожныхъ турковъ.

(*) См. ч. II. гл. 138, 139.

174. Еще знаю въ Ватопедѣ одного юнаго іеродіакона, родомъ грека, великаго постника, прозорливца. Еще отъ пеленъ благодать Святаго Духа въ него вселилась. Пришелъ онъ въ Св. Гору, въ Ватопедскую обитель, четырнадцати лѣтъ отъ рожденія своего, и не вкусилъ пищи съ братіей, ни рыбы, ни сыра, ни вина, ни масла, а употреблялъ только сухой хлѣбъ и воду,—и то чрезъ день; никогда ни съ кѣмъ не разговаривалъ, кромѣ духовнаго отца; никто не видалъ его смѣющагося, или улыбнувагося; но всегда очи его наполнены слезъ. Толикую имѣлъ чистоту сердечную и даръ прозорливства, что зналъ братіи тайныя помышленія: иныхъ самъ тайно обличалъ, а объ иныхъ открывалъ духовному своему отцу. Ватопедскіе отцы, видя, что послалъ имъ Господь земнаго ангела и небеснаго человѣка, скоро постригли его въ монашество, въ великій ангельскій образъ, и сдѣлали его еkkлeсiархомъ, т. е. пономаремъ. И я многажды видалъ его еkkлeсiархомъ. Когда немного возмужалъ, — рукоположенъ въ іеродіакона, и донинѣ іеродіаконъ; но скоро посвященъ будетъ въ іеромонаха, только какъ годы совершатся. А мнѣ его указалъ, и сказывалъ про его жизнь, схимонахъ Севастіанъ.

175. Скажу и о старцѣ, схимонахѣ *Севастіанъ*. Онъ родомъ изъ великороссіанъ, проживаетъ во св. Горѣ Аѳонской болѣе сорока лѣтъ. Живетъ близъ Ватопедскаго монастыря, близъ моря въ пещерѣ. Живетъ, яко птица, въ совершенномъ нестяжаніи. Въ келліи ничто не имѣетъ. Пропитаніе имѣетъ отъ рукодѣлія. И всегда пребываетъ веселъ и радостенъ. О земномъ

никакого не имѣть попеченія, но весь вперенъ во единомъ Богѣ.

176. Въ киновіи Есфигменской обрѣтается великій старецъ, прежде бывший Архіепископъ Болгарскій, нынѣ препровождающій жизнь свою на покой; постриженъ уже въ великую схиму, и почитается киторомъ сей обители: ибо соборный храмъ весь расписалъ иконнымъ стѣннымъ писаніемъ.

177. Великій постникъ—схимонахъ *Салавійль*. Онъ родомъ изъ малороссіанъ, живетъ подъ монастыремъ Хилендаремъ, въ глубокой пустынѣ. Прежде жилъ въ Молдавіи, въ Нямцкомъ монастырѣ, и былъ славный пѣвецъ. Потомъ удалился во св. Аѳонскую Гору, и вселился въ глубочайшую пустыню. Изушилъ плоть свою постомъ и бдѣніемъ, такъ что я, не выдавши его два года, только по голосу могъ узнать. При самомъ моемъ отъѣздѣ сподобился его еще видѣть въ монастырѣ Хилендарѣ. Великій имѣетъ даръ слезный.

178. Теперь взойду въ свою русскую обитель, св. Великомученика Пантелеимона, въ славную киновію, въ прекрасный великій вертоградъ. Въ семъ вертоградѣ и я окаянный, дикая и безплодная маслина, былъ посаженъ; но не дано мнѣ окаянному вырости, и плоды принести: исторгнуть я окаянный младъ и зеленъ, яко безплодное и неподобное древо; выброшенъ изъ вертограда, дабы всуе не упражнялъ мѣста, и не мѣшалъ рости прекраснымъ плодовитымъ древамъ.

Какое райское древо буду прежде описывать, или съ котораго плоды прежде начну показывать? Не

знаю и недоумѣваю. Начну съ того, которое прежде всѣхъ было посажено.

179. Упомяну во-первыхъ о великомъ старцѣ шестилѣтнемъ іеродиаконѣ, схимонахѣ *Венедиктъ*; онъ препроводилъ въ св. Горѣ Аѳонской болѣе осмидесяти лѣтъ. По своему ученію и благочестивой жизни былъ достоинъ епископскаго сана. И трижды Патриархъ за нимъ присылалъ, чтобы хиротонисать во епископа. Но онъ не захотѣлъ принять и іеромонашества: въ санѣ іеродиакона и скончался. Сей блаженнѣйшій старецъ принялъ въ Русскъ русскихъ братій, и оставилъ ихъ по себѣ наслѣдниками. По смерти его, чрезъ три года откопали его кости, и оказались благодатными (*).

180. Достоинно вспомнать блаженнѣйшаго моего старца, іеросхимонаха и игумена *Герасима*. Родомъ онъ изъ Македоніи, пятнадцати лѣтъ поступилъ въ монастырь, и болѣе пятидесяти лѣтъ пребываетъ въ монашествѣ. Имѣетъ удивительный даръ разсужденія. Двѣсти человекъ у него духовныхъ чадъ, и всѣмъ управляетъ, не властительски, но отечески, — кого наказываетъ, кого наставляетъ, кого со слезами увѣщаваетъ; и всѣхъ любить, яко отецъ чадолюбивый. Никогда у него келлія не затворяется, яко лечебница. И всѣ братія, духовныя его чада, здравіи и болящія, спѣшатъ къ своему пастырю, къ духовному своему врачу, и открываютъ и показываютъ ему душевныя свои язвы. Онъ же, яко искусный врачъ, всѣхъ врачуетъ и отпускаетъ изъ келліи своей здоровыхъ, и каждый исходитъ въ радости и веселія, и

(*) См. л. II. гл. 112, 113, 154, 156, 158.

посѣщаетъ на свое послушаніе. Онъ же, проводивши всѣхъ, и самъ исходитъ изъ своей келліи. Прежде посѣщаетъ болящихъ братій, потомъ обходитъ всѣ келліи, и посѣщаетъ всѣхъ рабочихъ и руководѣльщико-въ; потомъ исходитъ внѣ монастыря и посѣщаетъ всю братію, трудящуюся на разныхъ послушаніяхъ, и самъ съ ними трудится. И такъ преисправляетъ дни въ безпрестанныхъ трудахъ. На трудахъ братію никогда не понуждаетъ, но еще удерживаетъ, и часто приказываетъ отдыхать. Въ церкви всегда является прежде всѣхъ. Иногда взойдемъ въ церковь, еще изъ братій нѣтъ ни единого, а игумень уже стоитъ на своемъ мѣстѣ. Пищи, кромѣ общей братской трапезы, не употребляетъ. Часто въ трапезѣ говоритъ изустныя поученія, и даетъ братіи наставленія, а иногда и обличаетъ братскія немощи и недостатки; но имя ни чье не объявляетъ, только даетъ понимать. А говоритъ всегда со слезами и съ отеческою любовію, и всю братію приводятъ въ слезы. И смѣютъ на него всѣ братія, какъ на Ангела, и повинуются ему, какъ Богу, и трепещутъ его, какъ царя, а любятъ его какъ отца: и довѣрили ему свои души съ тѣлесами, какъ врачу и пастырю, и руководителю въ царствіе небесное. И не только одни его чада почитаютъ, но и вся св. Аѳонская Гора его ублажаетъ, яко строгаго хранителя общежительныхъ иноческихъ уставовъ. И я получилъ отъ него отеческое благословеніе, когда отправился въ дальній путь, назначенный мнѣ отъ Бога. Онъ, по отъѣздѣ моемъ, остался въ живыхъ, украшенъ сѣдинами, яко снѣгъ. Прошу Господа, да продлитъ жизнь ему для общей пользы братій.

Упомяну вкратцѣ о томъ , какъ старецъ Герасимъ поступалъ съ братіей , какъ немощныхъ немощи носилъ , гордыхъ подвижниковъ смирялъ , разрушающихъ общежительные уставы и своевольниковъ изъ обители изгонялъ .

Въ одно время пришелъ къ намъ въ обитель монахъ Аврамій , родомъ великороссіянинъ , съ Дону , изъ господъ , прежде жившій въ скиту , и началъ проситься къ намъ въ обитель жить , а ходатайствовалъ за него духовникъ Іеронимъ ; просился съ тѣмъ , чтобы приняли отъ него въ обитель двадцать тысячъ лѣвовъ , а на послушаніе не посылали . Игуменъ спросилъ : « что же ты будешь дѣлать ? » Онъ отвѣчалъ , что будетъ Богу молиться . Игуменъ сказалъ : « Хорошо ; я этому радуюсь . Ежели бы у меня всѣ братія согласились безпрестанно молиться Богу , то я ни одного не послалъ бы на послушаніе ; потому что настоящее дѣло монаху есть молитва , а прочее послушаніе есть подѣліе , данное для препровожденія времени и во избѣжаніе унынія . Но ежели бы не было послушанія , то бы у меня въ обители не осталось двадцати человѣкъ ; а теперь , когда есть послушаніе , имѣется двѣсти человѣкъ ; потому что каждому весело и радостно на послушаніи обнемъ . Есть время помолиться , и есть время потрудиться ; есть время вкушать пищу , и есть время спать , потому что каждый имѣетъ плоть и кровь . А кто любитъ Господа отъ всего сердца своего , тотъ можетъ безпрестанно молиться умною молитвой , которой тѣлесные труды не препятствуютъ , даже еще вспомоществуютъ . Ежели и ты такъ можешь молиться , то я тебя приму , и упокою и безъ денегъ твоихъ ; а деньги отдай , куда знаешь . А ежели такъ молиться не

можешь, да намъ и деньги твои не нужны. Мы въ монастырѣ живемъ, — не деньги собираемъ, а души спасаемъ. А хотя кто и деньги принесетъ, — мы не отринемъ, и употребимъ ихъ на монастырскую нужду, но только тотъ долженъ повиноваться всѣмъ общежительнымъ уставамъ, и отсѣчь собственную свою волю; а мы сверхъ силы ни на кого ничего не налагаемъ, а только кто что можетъ понести.» Столько былъ старецъ игумень Герасимъ нестяжателенъ и разсудителенъ!

Еще случилось тому подобное. Жилъ у насъ въ обители одинъ монахъ, уже постриженный въ схиму, родомъ грекъ. Онъ положилъ великую сумму денегъ въ обитель, но еще и себѣ оставилъ немного. Игумень ему говорилъ: «Ежели хочешь съ нами жить, то у себя ничего не оставляй: это теперь состоитъ въ твоей доброй волѣ. А ежели тебѣ жалко денегъ, и не хочешь съ ними разстаться, то и ничего не давай, а съищи такое мѣсто, гдѣ можешь съ ними жить. А ежели ты утаишь, и послѣ смерти окажутся: то онѣ брошены будутъ съ тобой въ могилу, и ты, яко разрушитель общежитія, не сподобишься братскаго поминовенія.» Онъ отвѣтилъ: «отче св., что имѣю, то все отдаю.» Игумень принялъ его, и потомъ постригъ въ великую схиму. Монахъ былъ весьма смиренъ и кротокъ, и полезенъ для обители, какъ хорошій мастеръ и столяръ. Братія весьма любили его. Но игумень провидѣлъ таящагося въ немъ змѣя среблолюбія, и часто его призывалъ и увѣщавалъ со слезами, чтобы объявилъ свои деньги. Онъ же въ закоснѣнии говорилъ, что больше не имѣетъ. Игумень, видя его закоснѣніе и погибель души приближающуюся, захотѣлъ его испра-

вить. Въ одинъ день при всей братіи приказалъ нѣ-
 которымъ изъ братій выгнать его изъ обители съ
 безчестіемъ, и выбросить все его имущество, и вы-
 далъ ему его деньги. Онъ денегъ не взялъ, и ска-
 залъ, что деньги пожертвованы въ обитель вѣчно.
 Братія о немъ весьма сожалѣли и плакали, и на игу-
 мена весьма скорбѣли, что безъ милости наказалъ
 такого смиреннаго человѣка. Монахъ, вышедши изъ
 обители, нашелъ себѣ товарища, и купилъ келлію;
 заплатилъ четыре тысячи девовъ, а двѣ тысячи упо-
 требилъ на постройку. Тогда всѣ братія уразумѣли,
 почему его игуменъ выгналъ изъ обители. Но когда
 онъ купилъ келлію, и деньги всѣ издержалъ; то на-
 пало на него уныніе, и больше не могъ жить въ кел-
 ліи: отдалъ ее товарищу, а самъ паки пришелъ въ
 монастырь, и сталъ просить вратаря, чтобы доложилъ
 игумену, что хочетъ просить прощенія; вратарь оказалъ
 игумену. Игумень, сіе услышавши, выбѣжалъ самъ,
 принялъ его въ свои объятія, и сказалъ; «всѣ ли свои
 деньги истратилъ? не осталось ли еще?» Онъ же со
 стыдомъ и со слезами отвѣтилъ; «Прости меня, отче
 святой, что согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою.
 Теперь больше ничего не осталось, кромѣ грѣховъ
 моихъ.» Игумень сказалъ ему; «и я теперь радуюсь,
 что Господь тебя очистилъ: теперь и ты уже будешь
 монахъ.» И далъ ему келлію. Вообще старецъ Гера-
 симъ каждый почти день дѣлаетъ дѣла, удивленія до-
 стойныя: онъ знаетъ, кого какъ наказать, и кому про-
 стить немощи.

181. Воспомяну теперь о блаженнѣйшемъ моемъ
 старцѣ, по отцѣ Арсеніи второмъ духовникѣ, іеросхи-

монахъ *Иеронимъ*, созерцательнаго безмолвія усердномъ любителѣ и искусномъ хранителѣ, и многимъ монахамъ наставникѣ. Уроженецъ онъ изъ Великой Россіи, Курской губерніи, города Старога-Оскола, изъ купцовъ, фамиліи Соломенцовыхъ, назывался *Иванъ*. Отъ самой юности своей возлюбилъ Господа Бога своего отъ всея души своея и отъ всего помышленія своего, и желалъ оставить мірскую суету и попеченіе, родителей своихъ, домъ и богатство, и идти во слѣдъ Христа, узкимъ и прискорбнымъ путемъ иноческаго житія; но удерживаемъ былъ отъ родителей до совершеннолѣтія, до двадцати-пяти лѣтъ, по той наипаче причинѣ, что старшій его братъ поступилъ уже въ монастырь. И онъ не беспокоилъ своихъ родителей до назначенныхъ ему лѣтъ. У него была еще родная сестра осьмнадцатилѣтняя, необыкновенной красоты. Родители ей накупили на много тысящъ одежды и разнаго убранства, приготовляя въ замужство. И прошла о ней молва въ другихъ городахъ. Многіе богатые купцы желали ее обручить своимъ сыновьямъ. Но родители избирали ей жениха не богатого, а благочестиваго. Братъ же ея, *Иванъ Павловичъ*, уговаривалъ и увѣщавалъ ее, чтобы она не ходила замужъ, и не предала своей красоты смертному жениху, а соблюла свое драгоценное дѣвство, и предала свою красоту своему Творцу, Небесному Жениху, съ Которымъ будетъ вѣчно жить и царствовать. Она стала на это соглашаться, но только говорила: «Какъ я это могу объявить моимъ родителямъ? Они на это будутъ не согласны, еще и весьма на меня оскорбятся, потому что они много на меня накупили одежды, и много истратили денегъ. Они не будутъ меня и

слушать.» Но братъ обѣщался самъ о ней родителей просить.

Дождавшись назначенныхъ ему лѣтъ, т. е. двадцати пяти, и избравши свободное время, когда родители пили чай, Иванъ пришелъ къ нимъ, палъ предъ ними на колѣни, и сталъ со слезами просить ихъ, и говорилъ: «Дражайшіе мои родители! хочу обезпокоить васъ своею просьбою; вы же не прогнѣвайтесь на меня, но исполните мое желаніе, которое я имѣю съ самыхъ малыхъ лѣтъ моихъ: отпустите меня въ монастырь. Я ваше желаніе исполнилъ: теперь совершилось мнѣ двадцать пять лѣтъ, и имѣю уже совершенный свой разумъ.» Родители, сіе слышавши, оба горько восплакали. Въ тотъ же часъ пришла и дочь ихъ, и она пала на колѣни предъ родителями, и слезно заплакала. Родители спросили ее: «а ты что хочешь?» Она же начала говорить: «Милые мои родители! простите меня, что я отягощу васъ просьбою; можетъ быть, даже и оскорблю васъ. Любезные мои родители! отпустите меня въ монастырь, для проведенія тамъ остальной моей жизни; а въ замужество я не пойду, и ниже подумаю.» Родители, слышавши сіе, весьма на нее прогнѣвались, а наипаче на сына своего, и сказали ему: «Ты это намъ наводишь такія скорби; мало того, что самъ насъ оставляешь, и до конца насъ огорчаешь, еще и сестру свою, а нашу любезную дочь, уговорилъ идти въ монастырь. За это и самого тебя не отпустимъ.. А когда хочешь, чтобы сестру твою отпустили въ монастырь, то обѣщайся самъ ты прожить съ нами еще два года, это уже за сестру твою; а потомъ и тебя отпустимъ.» Онъ же, хотя и со скорбію, согласился; и далъ росписку, что боль-

ше родителей не обезпokoитъ. Потомъ, въ скорости отправили сестру его въ монастырь въ городъ Орель, въ дѣвичій монастырь къ родной ея теткѣ. А Иванъ остался у родителей еще на два года.

Но что онъ претерпѣлъ въ сии два года скорбей и искушеній, никогда безъ слезъ не могъ о томъ вспоминать. Напали на него страсти плотскія, и вооружились на него искушенія. Возсталъ на него диаволъ съ своими силами. Открывалъ ему и мiръ свою пропасть, и показывалъ свои прелести и утѣхи. Родители и всѣ еродники начали со слезами его уговаривать и упрашивать, чтобы отложилъ намѣреніе поступить въ монашество, а остался въ мiрѣ, и женился. И охватила его такая страшная буря, среди великаго моря, среди многоволнистаго мiра, что едва не потонулъ и не погрязъ въ суетномъ мiрѣ. Терпя нападеніе на него страстей и унынія, онъ лишился побыла на пищу, весь высохъ, и началъ уже въ умѣ мѣшаться. Видя, что ему угрожаетъ погибель, а помощи ни откуда нѣтъ, въ одну ночь вышелъ въ садъ, который былъ близъ дома, сталъ подъ дровомъ, называемомъ груша, палъ на колѣни, и возвелъ свои душевныя очи ко Господу Богу, и сталъ со слезами просить Его милосердіе, да подастъ ему руку помощи, и избавить и освободить его отъ скорбей и отъ страстей, и говорилъ: «аще не Ты, Господи, поможешь мнѣ, то уже болѣе не могу терпѣть; или, Господи, возьми отъ меня душу мою, или избави меня отъ страстей»; и иное многое въ молитвѣ своей со слезами говорилъ. Около полночи спалъ съ небеси на него яко огонь, но не опалилъ его, а только исполнилъ сердце его неизреченной радости. И не могъ онъ болѣе терпѣть, палъ

на землю, и сдѣлался внѣ себя. Прошелъ яко огонь во всѣ кости и жилы его, и онъ лежалъ, яко мертвъ. Когда начали благовѣстить къ утрени,—онъ очувствовался, пришелъ въ себя, и всталъ. И сдѣлался новъ человекъ: сердце исполнено неизреченныя радости, и самъ весьма сдѣлался легокъ; страстей и помысловъ обуревающихъ не чувствуетъ. И пошелъ въ церковь къ утрени, и благодарилъ Господа Бога, что скоро послалъ ему помощь, и избавилъ его отъ лежащихъ страстей. Послѣ утрени, пришедши домой, увидѣлъ, что древо, подъ которымъ онъ ночью стоялъ, засохло, листь и плоды всѣ съ него спали. Увидѣвши сіе, всѣ домашніе много тому удивлялись, что такое сдѣлалось съ древомъ: вечеромъ стояло зелено и весело, а поутру очутилось судо, и листь весь опалъ; но Иванъ никому ничего не повѣдалъ, а только благодарилъ Господа. Послѣ того никогда у него не бывало ни страстныхъ помысловъ, ни сонныхъ грѣховныхъ мечтаній.

Проживши въ домѣ у родителей до назначеннаго времени, до двадцати семи лѣтъ, съ однимъ духовнымъ своимъ братомъ Николаемъ, пошли странствовать по Россійскимъ монастырямъ; въ нѣкоторыхъ довольное время жили. И разсмотрѣли они, что въ Россійскихъ монастыряхъ живя, священства избѣгать не могутъ, а въ священствѣ проходить внутреннее безмолвіе весьма труднымъ находили для себя. Потому рѣшились удалиться изъ Россіи въ св. Гору Аѳонскую, въ тихое и небурное пристанище, въ глубочайшую пустыню, и препроводять жизнь свою въ тишинѣ и въ безмолвіи, единымъ съ единымъ Богомъ. Потомъ пошли во градъ Воронежъ поклониться мощамъ новоявленнаго Святителя Митрофана. Тамъ вздумали сиро-

сать одного юродиваго: есть ли имъ воля Божія идти во св. Гору Аѳонскую? Когда пришли къ нему, — онъ прежде ихъ вопроса началъ имъ говорить: « Идите, мои братія, старооскольцы, идите въ св. Гору Аѳонскую, идите: ты, братъ мой Николай, прійдешь туда, да немного поживешь, получишь схиму, да отправишься въ невозвратный путь; а ты, братъ мой Иоаннъ, прійдешь во Аѳонъ, да свой улей пчель заведешь, да будешь рой отпускать. Идите, Богъ васъ благословить!»

Потомъ они пришли въ свой градъ, и еще многихъ съ собой уговорили, и получивъ заграничные паспорты, отправились въ путь, изъ одного города Стараго-Оскола пятнадцать человекъ, и прибыли въ Аѳонскую Гору. Здѣсь избрали себѣ пастыря и отца духовнаго, іеросхимонаха и пустынножителя, духовника Арсенія, препоручили ему свои души, и требовали отъ него наставленія — какъ имъ препровождать жизнь свою? Онъ благословилъ имъ купить себѣ келліи. Они купили, каждый по своему желанію. Нашъ старецъ купилъ келлію св. Пророка Іліи, а другъ его Николай купилъ келлію св. Архангелъ, подъ монастыремъ Ставроникитою. Потомъ духовникъ Арсеній постригъ ихъ въ полное монашество: Іоанна наименовалъ *Іоанникіемъ*, а Николая наименовалъ *Никитою*, а потомъ постригъ въ великую схиму, и нарекъ *Никодимомъ*. Отецъ Никодимъ пожилъ во св. Горѣ Аѳонской только два года, и помре (*); а отецъ Іоанникій жилъ въ своей келліи семь лѣтъ, въ теченіе которыхъ и меня

(*) См. гл. 170.

принялъ къ себѣ въ ученики, по благословенію старца и духовника Арсенія. И живши я съ нимъ, не могъ постигнуть глубину его смиренія и терпѣнія. Жилъ я съ нимъ три года, и не замѣчалъ, чтобы онъ когда на кого оскорбился, или сказалъ какое слово укорительное про брата своего. Хотя и великія скорби на него наводимы были по вражію наущенію, но онъ все побѣждалъ своимъ смиреніемъ и терпѣніемъ. Насъ было у него три ученика, и мы во всѣ минуты пользовались его примѣрною жизнію. Воистинну былъ образъ намъ, своимъ ученикамъ, и мы взирали на него, своего пастыря, яко на Ангела, и радовались и веселились, и утѣшались его бесѣдами и наставленіями. За великую потерю почитали, когда отлучались на одинъ день отъ его лица. И не помышляли мы разлучиться съ нимъ даже до смерти. Но Господь Богъ все устроилъ по Своей волѣ. Духовникъ нашъ старецъ Арсеній послалъ его, нашего старца Іоаннікія, въ русскій монастырь, въ общежитіе, и насъ съ нимъ; благословилъ его принять священство и духовничество. Потомъ онъ постригся въ великую схиму, и нареченъ *Иеронимъ*. Онъ, по отъѣздѣ моемъ, остался въ живыхъ. И до-нынѣ наставляетъ и пасетъ во св. Горѣ Аѳонской русскую братію; и первый во Аѳонѣ духовникъ (*).

182. Не могу не вспомнить великаго старца, славнаго подвижника и затворника, схимонама *Тимофея* (**). Родомъ онъ изъ Великой Россіи, Вологодской губер-

(*) См. ч. II. гл. 125, 126, 129, 134—136, 138—140, 158, 159, 162—163. Част. III. гл. 69, 81 и слѣд.

(**) См. ч. III. гл. 75—77, 81.

ніи. Въ юности онъ проживалъ въ столичномъ градѣ С. Петербургѣ. Разсмотрѣвъ суету и непостоянство міра сего, оставилъ домъ свой, родителей и сродниковъ своихъ, и имѣніе свое, пришелъ на островъ Валаамъ въ общежительный монастырь, опредѣлился въ число братства, и проходилъ тамъ разныя послушанія. При постриженіи въ мантию нареченъ *Тихонъ*. По наставленію старцевъ вкусилъ сладчайшаго безмолвія и благотворной умной молитвы. И толико возлюбилъ Господа своего, такъ усладилось сердце его молитвою, что ни на одну минуту не хотѣлъ разлучиться съ своимъ Господомъ, но возжелалъ всегда съ Нимъ молитвою соуслаждаться. Замѣтивъ, что много разлучаетъ съ Богомъ языкъ и разные разговоры, особенно бесполезные, затворилъ свои уста, удержалъ свой языкъ, и четырнадцать лѣтъ не проговорилъ ни единого слова, чрезъ что терпѣлъ много скорбей и напастей. Не далъ онъ сна своимъ очима, ни вѣждама своимъ дреманію: день находился на послушаніи, умомъ же въ бесѣдованіи съ Богомъ, а ночь стоялъ на молитвѣ. Естеству своему давалъ упокоеніе не многимъ дреманіемъ, и то стоя, или мало сидя. Отъ того часто падалъ въ церкви во время службы. Часто удалялся одинъ въ пустыню, и стоялъ въ лѣсу на одномъ мѣстѣ по два и по три дня безъ пищи, имѣя умъ свой вперенъ въ Богъ. Часто, когда діаволь ужасалъ его страховаціями, онъ выходилъ ноцію на кладбище, и стоялъ всю ночь на могилахъ, и такъ побѣждалъ страхованія. Много претерпѣлъ другихъ напастей и искушеній отъ діавола.

Прожилъ онъ на Валаамѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ, и прошла о немъ слава повсюду, а наипаче по

С. Петербургу. Хотя онъ и ничего ни съ кѣмъ не говорилъ, но желали видѣть хотя лице его. Валаамскій игумень Дамаскинъ, не извѣстно по какому побужденію, послалъ его въ С. Петербургъ, въ монастырскую часовню. Хотя онъ и много со слезами просилъ игумена, чтобы оставилъ его внутри монастыря, или въ пустынь, плакаться о грѣхахъ своихъ, но игумень не оставилъ. Когда онъ пріѣхалъ къ часовнѣ, въ шумный градъ, то показалось ему весьма трудно, и даже не вмѣстительно; потому что, двадцать пять лѣтъ проживя въ монастырѣ и пустынь, теперь пріѣхалъ смотреть на соблазны. Наипаче отягощало его то, что всѣ его славятъ и ублажаютъ, и ежедневно въ часовнѣ толпа народа. Жилъ въ часовнѣ цѣлый годъ, и многожды просилъ игумена, чтобы позволилъ возвратиться въ монастырь, но не получилъ просимаго.

Потомъ вознамѣрился удалиться въ св. Аѳонскую Гору, и просилъ Митрополита, чтобы уволилъ его въ Іерусалимъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Получивши паспортъ, отправился въ Іерусалимъ; прожилъ тамъ полгода, и послѣ Пасхи отправился во св. Аѳонскую Гору; пріѣхалъ въ нашъ Русскій монастырь, опредѣлился въ число братства, и постриженъ въ великую схиму, наименованъ *Тимоей*. Потомъ, по его желанію, отпустили его въ уединенную пустыню, на келлію св. Великомученика Георгія, отъ монастыря полтора часа ходу. Проживая тамъ одинъ съ единымъ Богомъ, каждую седмицу приходилъ въ монастырь на всенощное бдѣніе, на Литургію причащался Святыхъ Таинъ, Тѣла и Крови Христовой, бралъ себѣ пищи, и паки возвращался въ свою пустыню: такъ прожилъ три года. Потомъ сталъ изнемогать погами, которыя у

него стали толсты, яко ступа, отъ многого всеющаго стоянія. По возвращеніи моемъ изъ Россіи, послѣ неуспѣшнаго сбора, отпустили меня къ нему послужить его немощи, и сподобился я быть самовидецъ его жизни и подвиговъ. Жилъ я съ нимъ полгода, и не видалъ его никогда на ребрахъ лежащаго, да и сидящаго весьма мало, только развѣ во время трапезы, но всегда онъ былъ на ногахъ; хотя ноги и болѣльны были и опухли, но онъ на то не смотрѣлъ. Каждую ночь съ вечера среди церкви становится на молитву, и стоитъ до дня неподвиженъ; — такой его былъ уставъ! Келіи для себя не имѣлъ, а церковь ему была вмѣсто келіи. Въ теченіе дня прочитывалъ часть изъ Апостола и часть изъ Евангелія, и акаѳистъ Богородицѣ; потомъ занимался трудами; пищу употреблялъ самую постную; послѣ трапезы входилъ въ церковь, садился на мѣсто, и дремалъ одинъ часъ, — это было его упокоеніе, которсе онъ давалъ своей немощной плоти. Потомъ встаетъ, и отправляетъ монашеское правило — триста поклоновъ земныхъ, тысячу триста поясныхъ; а молитву читаетъ не устами, но сердцемъ и умомъ. Таковы были его жизнь и подвиги, что не могъ я безъ слезъ на него и сморѣть. Я окаянный не только не могъ въ чемъ-нибудь ему подражать, но боялся на него и сморѣть; но впрочемъ желалъ съ нимъ препроводить жизнь свою, и послужить ему до смерти; но крайней мѣрѣ, за его святыя молитвы простилъ бы Господь мои великія согрѣшенія, и помиловалъ бы мою окаянную душу; но грѣховъ ради моихъ великихъ не сподобился я доконца совершить мое желаніе и послужить такому великому старцу; отлучилъ меня отъ

него духовный мой отецъ, іеросхимонахъ Арсеній, и со многими слезами оставлялъ я старца, схимонаха Тимоѳея, когда отправлялся въ Іерусалимъ. Возвратившись изъ Іерусалима, уже въ пустынь я его не засталъ, а жилъ онъ внутри монастыря, въ затворѣ, и къ себѣ въ келлію никого не принималъ. Только я еще сподобился его однажды видѣть: онъ выходилъ въ церковь причащаться Св. Тайнъ, и немного я еще съ нимъ поговорилъ. По отъѣздѣ моемъ остался еще въ живыхъ (*).

Когда старецъ Тимоѳей пришелъ въ св. Аѳонскую Гору, то духовникъ Іеронимъ благословилъ его говорить со всѣми, и, кто будетъ требовать, давать наставленія. Разговоры и наставленія его были только о томъ, чтобы каждый старался совершать и стяжать умную молитву, и чтобы каждый болѣе всего старался очищать внутренняго человека, очищать свое сердце отъ помысловъ и отъ прилоговъ вражнихъ. Онъ всегда говаривалъ, что монахъ потому называется воинъ Царя Небеснаго, что имѣетъ брань и войну не съ плотію и кровію, и не съ человѣками, но съ началами тмы вѣка сего и съ духами злобы, которые безпрестанно имѣютъ брань и войну съ нашимъ умомъ, и безпрестанно пускаютъ свои стрѣлы въ наше сердце, и уязвляютъ насъ. Не въ нашей волѣ состоятъ, что они стрѣляютъ, и невозможно намъ того имъ запретить; но въ нашей волѣ состоятъ то, чтобы ихъ намъ блюстись, безпрестанно имъ противиться, и отражать ихъ стрѣлы, сирѣчь, вражіе прилоги, безпрестанною Іисусовою молитвою. Ежели слу-

(*) Скончался 13 августа 1848 года.

чится, что очень больно уязвять, то надобно скоро эту рану открывать врачю сирѣчь, духовному отцу, и излечивать ее покаяніемъ и слезами.

Еще онъ часто гонявалъ и сіе: Срамно и стыдно тому воину называться воиномъ, который не исполняетъ въ точности царской службы, еще подвергается и наказанію. Также стыдно и срамно будетъ предъ Царемъ Небеснымъ и намъ, монахамъ, не пекущимся и не старающимся о очищеніи внутренняго чловѣка, и не тщящимся совершать умную сердечную молитву, которая очищаетъ наше сердце, и отгоняетъ всѣ вражіи помыслы и прилоги, и соединяетъ насъ съ самимъ Богомъ. Какое мы, монахи, принесемъ оправданіе, еще оставивши міръ, освободившись отъ мірскихъ попеченій, удалившись въ пустыню, отрекшись самихъ себя, и уже половину пути прошедши, до конца пути доходить не хотимъ, и до настоящей нашей цѣли достигать не стараемся? Настоящая же наша цѣль та, чтобы очистить вамъ внутренняго чловѣка, возлюбить Господа Бога своего отъ всего сердца своего и отъ всего помышленія своего, и соединиться съ Нимъ молитвою, сирѣчь, безпрестаннымъ съ Нимъ собесѣдованіемъ чрезъ умную молитву. Когда достигнемъ такого истиннаго монашескаго состоянія, сирѣчь, собесѣдованія непрестаннаго съ Богомъ, и будетъ сладостно для нашего ума и сердца имя сладчайшаго нашего Господа Иисуса Христа: тогда съ Нимъ удобно можемъ побѣдить и страсти, и не только побѣдимъ, но и умертвимъ. А кромѣ умной молитвы невозможно побѣдить нашъ страсти и очистить свое сердце, и соединиться съ Богомъ. Умная молитва есть начало и источникъ всѣмъ добродѣтелямъ. И

Апостоль говоритъ , что лучше сказать пять словъ умомъ , нежели тмы словесъ языкомъ 1 Кор. 14, 19. И самъ Господь нашъ , Спаситель міра сказалъ : *царствіе небесное внутрь васъ есть*. Лук. 17, 21. И ~~же~~ *блаженнъ чистіи сердцемъ : яко тѣи Бога узрятъ*. Матѣ. 5, 8. Какъ намъ тогда , будетъ не радостно , когда узримъ внутрь насъ царствіе небесное ? Какъ намъ тогда будетъ не весело , когда очистимъ свое сердце отъ страстей и отъ нечистыхъ помысловъ ? Какъ намъ тогда будетъ не утѣшительно , когда душевными нашими очами узримъ самого Бога , Творца небеси и земли , на Негоже не смѣютъ и чини Ангельстѣи , взирати ? Вотъ намъ Господь открываетъ какія неизреченныя таинства , и какія неизреченныя изливаетъ Свое милости , а мы не хотимъ постараться очищать Свое сердце , не хотимъ понудиться въ благотворной умной молитвѣ ! Ибо *пуждницы восхищаютъ царствіе небесное*. Матѣ. 11, 12. Это дѣло наше — иноковъ , монашествующихъ , оставившихъ міръ и мірское попеченіе и всю суету . Міръ т. е. любители міра не достигаютъ сего , и даже не вмѣщаютъ , и достигнуть не могутъ , потому что они всегда упражняются въ житейскихъ попеченіяхъ , и имѣютъ умъ свой привязанъ къ міру и къ его прелестямъ .

Скажу еще о старцѣ Тимоѣѣ . Въ одинъ день , между душеполезными наставленіями , повѣдалъ онъ мнѣ грѣшному слѣдующее : « Былъ у насъ на Вадамѣ монахъ , мнѣ духовный братъ , который мнѣ открылъ , что во едино время стоялъ , онъ на молитвѣ и внималъ умомъ , и сердце его горѣло огнемъ Божественныя любви ; и слѣдался онъ внѣ себя , весь измѣнился , и былъ въ восхищеніи , и оказался стоящимъ въ раю ,

видѣлъ множество Ангеловъ и св. Угодниковъ Божіихъ, видѣлъ множество разныхъ садовыхъ древъ съ прекрасными плодами, а наипаче привлекало взоры его единое дерево, паче всѣхъ прекрасное, и плоды на немъ на подобіе яблока. Онъ весьма на него любовался, и не хотѣлъ отъ него отойти. Приходитъ къ нему одинъ прекрасный юноша, неизреченно одѣявъ, и златымъ поясомъ препоясанъ, и спросилъ его: «что, человѣче, стоиши и чудишися? или желаешь вкусить сихъ плодовъ?» Монахъ отвѣтилъ: «ежели бы можно, то желательно хотя бы отвѣдать.» Юноша сорвалъ одно яблоко, и далъ ему, и велѣлъ съѣсть. Когда онъ съѣлъ, то очутился въ своей келліи, стоящій на молитвѣ. И столько сладко и вкусно было яблоко, что невозможно и объяснить языкомъ человѣческимъ; чѣмъ ничего на земли подобнаго ему нѣтъ. Что на земли сладкаго и вкуснаго вкушаешь, то оно только тогда бываетъ сладко, когда его вкушаешь, и когда оно еще въ гортани; а послѣ скоро и позабудешь; а райскій плодъ не таковъ: прошло десять лѣтъ, а еще чувствуется въ гортани сладость.» Хотя, старецъ Тимофей скъзывалъ о другомъ, но я полагаю и увѣренъ, что онъ самъ этого сподобился, за его равноангельную жизнь. -

183. Великій старецъ — схимонахъ *Сисой*, родомъ грекъ. Онъ отъ юности препровождаетъ жизнь свою во иночествѣ, многимъ монахамъ наставникъ, и много имѣетъ учениковъ по архипелажскимъ греческимъ островамъ; великій постникъ и строгій ревнитель общежительныхъ уставовъ. Браду имѣетъ длинную, ниже колѣнъ; весь сѣднами украшенъ. По отъѣздѣ моемъ остался живъ.

184. Въ русскомъ монастырѣ болѣе тридцати лѣтъ препровождаетъ жизнь схимонахъ *Мартиніанъ*, родомъ грекъ, въ совершенномъ послушаніи и въ отсѣченіи своей воли, и сдѣлался незлобивъ — яко младенецъ. Такою имѣеть ко всѣмъ любовь, что за всѣхъ душу свою полагаетъ, и всѣхъ немощи на себя принимаетъ. И такую имѣеть отъ Бога благодать и чистоту сердечную, что провидитъ внутреннія тайныя помышленія. По-русски не знаетъ, но часто насъ русскихъ обличаетъ, и даетъ душеполезныя наставленія. Иногда по-русски скажетъ такъ, что и русскому такъ не сказать, а послѣ пактѣ ничего не знаетъ; чему мы много удивлялись. По отъѣздѣ моемъ остался въ живыхъ.

185. Еще въ Русіи былъ примѣчательный старецъ, схимонахъ *Макарій*, родомъ грекъ. Въ самой юности отвергшиися міра и поступивъ въ монашество, шестьдесятъ лѣтъ препроводилъ въ св. Горѣ Афонской: двадцать лѣтъ прожилъ въ пустынѣ у старца въ послушаніи; потомъ, препроводивши своего старца на вѣчное блаженство, и продавши келлію, самъ поступилъ въ общежитіе, и сорокъ лѣтъ жилъ въ общежитіи. И мнѣ привелъ Богъ съ нимъ пожить въ русскомъ монастырѣ довольно времени:

Было ему уже болѣе семидесяти лѣтъ, но для всѣхъ былъ примѣромъ по образу жизни. На каждое послушаніе всѣхъ предварялъ, и на послушаніи трудился всѣхъ больше. Часто ему игуменъ говаривалъ: «отецъ Макарій, ты бы уже не ходилъ на послушаніе, а сидѣлъ бы въ своей келліи: ты уже потрудился въ своей жизни, а теперъ пусть молодые потрудятся. Онъ же обольется слезами, упадетъ игумену въ ноги,

и начнётъ ему говорить: «отче святыи, не лиши меня вѣнца за дѣла послушанія; не отлучай меня отъ возлюбленнаго моего братства, пока ходять мои ноги, пока владѣють мои руки; сколько есть моей силы, еще потружусь на св. обитель, еще полюбуюсь на мою возлюбленную братію.» Отець игумень отвѣтитъ: «трудись, трудись, о. Макарій: это я сказалъ, жалѣя твою старость.» Такихъ стариковъ было еще человекъ десять. Смотри на нихъ, мы всегда удивлялись и плакали, что они пришли въ высокую мѣру совершенства, сдѣлались, яко беззлюбивыя дѣти, или яко безстрастныя Ангели, а наипаче сей отецъ Макарій. Часто его игумень наказалъ. Скажетъ ему: «ты о. Макарій согрѣшилъ.» А онъ упадетъ на землю, и слезами ее омочаетъ; и часто всю трапезу лежитъ безъ нищи, а послѣ трапезы лежитъ въ дверяхъ, и со слезами у всей братіи просить прощенія. Это дѣлалъ игумень для того, чтобы онъ не превознесся своими добродѣтелями, а погружался въ смиренномудріе, и считалъ себя ниже всѣхъ.

Въ 1845-мъ году скончался безъ всякихъ болѣзней. Причастившись Св. Тайнъ, пришелъ онъ къ игумену, и сказалъ: «прости меня, отче святыи, и благослови, я хочу умереть.» Отець игумень отвѣтилъ: «Богъ тебя проститъ и благословитъ; только я надѣюсь, что отецъ Макарій не умретъ: ибо совершенные послушники не умирають, а развѣ только отходятъ на вѣчное упокоеніе.» Вышедши отъ игумена, о. Макарій пришелъ на больницу, и просилъ койки. Больничарь сказалъ: «на что тебѣ, отецъ Макарій, койку?» Онъ же отвѣтилъ: «умирать хочу.» Потомъ со всѣми простился, возлегъ на постель, и съ миромъ предалъ

душу свою Господу. Похоронили его въ общемъ гробвицѣ,

186. Но что много продолжать, и о каждомъ писать? Недостанетъ мнѣ времени повѣстующу. Вообще, въ нашемъ Русскомъ монастырѣ всей братіи около двухсотъ чловѣкъ, и всѣ находятся въ совершенномъ послушаніи; всѣ живутъ въ отсѣченіи собственной своей воли; всѣ одинъ противъ другаго пресупѣваютъ въ добродѣтеляхъ; всѣ одинъ съ другаго берутъ примѣръ, и всѣ другъ другу показываютъ примѣръ и образъ своею жизнію; всѣ почти достигли совершенства, стоятъ на высшей степени любви къ Богу и къ ближнимъ. И не только въ одномъ русскомъ монастырѣ такая братія, но и во всѣхъ аеонскихъ общежительныхъ монастыряхъ.

Случилось намъ въ одинъ годъ быть въ Діонисіатскомъ монастырѣ общежительномъ на храмовомъ праздникѣ, — въ день рождества Іоанна Предтечи. Пришли мы наканунѣ праздника, и братія всѣхъ встрѣчаютъ и привѣтствуютъ, и въ трапезу препровождаютъ. Когда мы пришли въ трапезу, — посадили насъ, и начали угощать; тамъ сидѣло уже много пришедшихъ. На Аеонѣ обычай такой, что на праздникахъ трапеза безпрестанно продолжается: одни выходятъ, а другіе садятся. Когда мы обѣдали, то недалеко отъ насъ стояли два молодые монаха, схимники, и между собою разговаривая, — воздыхали и плакали. Я спросилъ о разговорѣ ихъ, близъ меня сидящаго духовнаго брата, потому что я греческаго разговора не могъ хорошо разобрать. Онъ же, послушавши ихъ, сказалъ мнѣ, что они говорятъ то, что, видно, они прогнѣвали Бога, и, видно, аеонскіе отцы

ихъ не любятъ, потому что мало къ нимъ нынѣ приходятъ на праздникъ. Я, смотря на нихъ, не могъ удержаться отъ слезъ и не уважить ихъ любовь, и страннѣе любіе. Таковы аѳонскіе отцы! плачутъ о томъ, что мало идутъ къ нимъ хлѣба ѣсть!

Но что много говорить и писать? Ежели бы кто захотѣлъ въ подробности изслѣдовать и описать всѣхъ аѳонскихъ отцевъ добродѣтели, труды и подвиги, то недостало бы ему своей жизни на то. Ежели бы кто захотѣлъ исчислять имена ихъ, то легче бы могъ изчислить звѣзды небесныя, нежели имена ихъ. Но они извѣстны только единому Богу, и написаны въ книгахъ животныхъ. Можно сказать, что св. Гора Аѳонская подобна пчелиному улью. Какъ въ ульѣ многое множество пчелиныхъ гнѣздъ: такъ много въ Горѣ Аѳонской монашескихъ келлій. Какъ въ ульѣ непрестанно жужжать пчелы: такъ въ Аѳонѣ иноки день и ночь жужжать, глаголя Давидовы псалмы и пѣсни духовныя.

187. Это все я говорилъ и писалъ объ отцахъ, жившихъ въ монастыряхъ или близъ монастырей и извѣстныхъ. Но въ св. Горѣ Аѳонской много есть совершенныхъ отшельниковъ и пустынножителей, живущихъ въ глубочайшихъ пустыняхъ и въ непроходимыхъ мѣстахъ, кругомъ самаго Аѳона, въ горахъ и въ дебряхъ и въ пропастяхъ земныхъ; гдѣ мало проходятъ люди. Живутъ въ пещерахъ; одежда на нихъ отъ многолѣтія обветшала, и ходятъ полунагіе, а иные покрыты власами; питаются саморастущими травами и зеліями, а иные питаемы самимъ Богомъ. Отъ людей они укрываются, и мало кому показы-

ваются. Случается находить ихъ келліи, но застають самихъ — мало' случается.

Въ мою бытность одни монахи застали одного, и съ нимъ разговаривали. Они спросили: «давно ли пребываешь въ пустынь, и откуда пришелъ?» Онъ имъ отвѣтилъ: «вамъ мою мірскую жизнь знать не нужно; только, въ самой юности оставилъ я міръ, и пришелъ въ св. Аѳонскую Гору, и уже пятьдесятъ лѣтъ здѣсь пребываю: десять лѣтъ прожилъ въ монастырѣ подъ послушаніемъ, а сорокъ лѣтъ живу въ пустынь сей, и никого изъ аѳонскихъ отцевъ не видалъ, кромѣ васъ и своей братіи.» Они спросили: «а развѣ ты не одинъ живешь въ пустынь сей?» Онъ отвѣтилъ: «нѣтъ; насъ здѣсь живетъ до сорока чело-вѣкъ, питаемы Богомъ.» Они еще спросили: «а какъ вы проживали въ теченіи шести лѣтъ, когда была Аѳонская Гора почти разорена, всюду ходили турки и разбойники?» Онъ отвѣтилъ: «ничего мы не видали и не слышали.» Потомъ поклонившись, пошелъ во внутреннюю пустыню.

Въ 1844 году, отцы изъ скита Кавсокалибы ходили по непроходимымъ пустынямъ, собирали полезныя травы для продажи. Изъ числа ихъ былъ одинъ русскій, мнѣ духовный братъ, схимонахъ Давидъ. Онъ послѣ мнѣ рассказывалъ, что нашли они одного пустынножителя, уже скончавшагося и лежащаго на землѣ, и одежды никакой не имущаго; неизвѣстно—давно ли скончался, но тѣло ни какому тлѣнію не предалось, и якобы нѣкое испускало благоуханіе. Они, отиѣвши погребеніе, похоронили, но имени не узнали.

Въ 1846 году, мы, три чело-вѣка, ходили на самый

верхъ Аѳона, и зашли въ пещеру, гдѣ спасался св. Петръ Аѳонскій, и узнали, что въ ней нѣкій пустыльникъ живетъ, но самого его увидѣть не сподобились: ибо услышавши, что мы идемъ, вышелъ вонъ. Мы посмотрѣли его имущество: одна икона, четки, сосудъ съ водою и трава для пищи; хлѣба не имѣлось; ложе — голая земля. Мы, посмотрѣвши, пошли въ путь.

188. Самовидцы сказывали мнѣ слѣдующее: Около 1818 года былъ въ русскомъ скиту Ілія Пророка одинъ русскій іеродіаконъ. Восхотѣвъ поработать Господу Богу одинъ въ пустынѣ и въ безмолвіи, и вышедъ изъ скита, вселился въ глухой пустынѣ между горъ, въ долину и въ непроходимомъ лѣсу. Пищу рѣшился имѣть отъ рукодѣлія, дѣлалъ ложечки, и въ субботу носилъ на Карею продавать; но ложки его никто не покупалъ, потому что были очень плохи. Одинъ богатый монахъ, родомъ грекъ, видя, что онъ не продалъ своего рукодѣлія, купилъ у него ложки, привелъ его въ свою келлію, далъ ему пищи: хлѣба, масла и крупъ, и велѣлъ ему приходить каждую субботу, и приносить ложки, и получать пищу. Діаконъ ходилъ каждую субботу, приносилъ свои ложки, и получалъ потребное. Пришедши въ одно время, увидѣлъ, что ложки его горятъ на огнѣ. Онъ заплакалъ; а монахъ ему сказалъ: «не плачь: мы покупаемъ твои ложки не для того, что онѣ намъ нужны, но потому, что тебѣ не чѣмъ прощитываться.» Но когда іеродіаконъ научился дѣлать ложки, тогда велѣли ему продавать ихъ на Кареѣ. Такъ онъ препровождалъ жизнь свою.

Въ одно время, въ великій постъ, онъ заболѣлъ, и

не имѣлъ никого о немъ пекущагося, кромѣ единого Бога. Пища, какая была, вышла, а изъ пустыни выйти не можетъ. Наступилъ праздникъ св. Пасхи; а онъ въ крайней нуждѣ: нѣтъ ни хлѣба, ни здорovia. А въ Аѳонѣ такой есть обычай, что всѣ братія и пустынножители сходятся праздновать праздникъ въ великіе монастыри и скиты или на богатыя кельи. Въ Великую субботу сходятся на Карею, и сговариваются: кто гдѣ будетъ праздновать. И сговорились три монаха, греки, съ послушниками праздновать Пасху на одной келліи, вмущей церковь и священника. Вечеромъ одинъ монахъ съ ученикомъ своимъ наготовили разной пищи и добраго вина, взяли все съ собой, и пошли къ утрени на назначенную келлію, къ своему другу, но потеряли дорогу и заблудились, и ходили по горамъ и по лѣсамъ почти всю ночь. Слышать, въ монастыряхъ вездѣ звонъ, а выйти не могутъ, и мѣста не знаютъ, гдѣ ходятъ. Потомъ пришли къ глубокой долинѣ, идти далѣе нельзя, и они сѣли отдыхать, и услышали подъ горой въ долинѣ стонъ человѣка. Они начали звать: «кто тамъ?» Но никто не отвѣчаетъ, а только кто-то стонетъ и плачетъ. Они, нашедши удобное мѣсто, сошли внизъ, и нашли лежащаго на травѣ больного монаха, русскаго іеродіакона, и спросили: почему тутъ дежить, и не пошелъ ни куда на праздникъ? Онъ отвѣчалъ, что былъ долго боленъ, пищи никакой не имѣетъ, и отъ слабости здорovia и отъ голода совсѣмъ изнемогъ; что онъ вышелъ изъ келліи, и хотѣлъ идти, но не могъ; упалъ на землю, и ожидалъ смѣрти. Они его подняли, и сказали: «поведи насъ въ свою келлію; Господь послалъ тебѣ всякое утѣшеніе, и у тебя

сотворимъ Пасху.» Пришли въ келлію, и, какъ могли, пропѣли канонъ Пасхи и отправили часы. Потомъ разговѣлись, и подкрѣпили болящаго пищею и виномъ, и прочее, что имѣли, оставили ему. Онъ много и со слезами благодарилъ Господа Бога, что услышалъ его скорбящаго и укрѣпилъ его болящаго, и послалъ ему Свою помощь, и утѣшилъ его всѣмъ до изобилія. Распростившись, отцы пошли въ путь свой, и когда вышли на гору, то увидѣли, что всю ночь ходили недалеко отъ той келліи, куда шли. И когда пришли на келлію, хозяинъ со скорбію имъ говорилъ: почему такъ долго не приходили, и заставили весьма долго дожидаться? Они рассказали, что съ ними случилось въ пути, и что видѣли, и что уже разговѣлись, ради любви брата. Всѣ слышавшіе прославили Царя Небеснаго, Господа Бога, творящаго дивная дѣла и утѣшающаго вѣрныхъ рабовъ Своихъ, въ пустынѣ Ему работающихъ. Послѣ трапезы отцы взяли все, что осталось, пошли посѣтить болящаго, и принесли ему пищи, которой стало ему на многіе дни. Послѣ того до самой смерти его посѣщали, и пищу ему приносили. И онъ прочіе дни живота своего жилъ спокойно, и всѣми тѣлесными потребами былъ доволенъ. И пожилъ нѣсколько лѣтъ, и съ миромъ преставился: скончался предъ самымъ раззореніемъ, около 1820 года.

189. Св. Гора Маонская не только богата преподобными отцами послушниками, постниками и пустынножителями, которыми наполнены лѣса и долины; но она препослала въ обители Отца Небеснаго множество св. мучениковъ, которые изліяли кровь свою за имя Иисусъ Христово. Не о древнѣйшій гово-

рю, которые пострадали отъ безбожныхъ арабовъ и сарацынъ, отъ иконоборцевъ и отъ латиномудренныхъ; но о тѣхъ, которые пострадали въ новѣйшія времена отъ поганыхъ турокъ, а наипаче въ девятнадцатое столѣтіе. По сему случаю въ монастыряхъ бываютъ частныя празднества. Привелось мнѣ, врьдѣ отъѣздомъ въ Сибирь, пожить въ монастырѣ Есѣигменнѣ, и случилось у нихъ быть всенощному бдѣнію въ простой день. Сему я много дивился, зная, что по уставу праздника никакого нѣтъ. Пришедши въ церковь, посмотрѣлъ: на аналоѣ лежитъ икона преп. мучен. *Тимоея*, и спросилъ: «какой это святой?» Монахи мнѣ сказали: «Это св. муч. Тимоѣей: былъ нашъ монахъ, тому не болѣе какъ двадцать лѣтъ; пострадалъ за Христа въ Адрианополѣ отъ безбожныхъ турокъ, и сотворилъ чудеса. Есть о немъ особенная книга, гдѣ описано житіе его и страданіе. И не только сего, но еще наша обитель имѣетъ трехъ новыхъ мучениковъ.» Но не только сія обитель имѣетъ мучениковъ, но и другіе аеонскіе монастыри имѣютъ своихъ новыхъ мучениковъ и исповѣдниковъ, пострадавшихъ отъ турокъ во время турецкой державы. О нихъ написаны цѣлыя книги, называемыя: *о новыхъ мученикахъ*; сіи книги читаются и въ нашемъ русскомъ монастырѣ во весь годъ во время трапезы. А древнихъ св. житія читаются въ церкви между каѳисмами.

190. Се, сколько могъ и зналъ св. Гору Аеонскую, описалъ я красоту ея и мѣстоположеніе, ея духовное богатство, ея жителей и обитателей: но въ подробности ея описать не могъ, да и никто не можетъ, хотя бы вѣщески старался. .Вонстинну сказать: ежели бы

кто ее назвалъ едемскимъ раемъ, — не ошибся бы, по красотѣ мѣста. Вся она покрыта зелеными лѣсами и прекрасными садами, преизобилуетъ водою и быстротекущими источниками; и жители ея, хотя и Адамовы потомки, но дѣлами подобны Ангеламъ, или паче рещи, земные Ангелы или небесные чело-вѣки. Аѳонская Гора красуется и славится священными великими лаврами и святыми обителями, великими монастырями и св. киновіями, скитами и келліями, постыицами и отшельницами, и пустынными безмолвницами; наипаче же славится и почитается, ликуетъ, радуется и веселится со своими гражданами потому, что имѣетъ надъ собою начальницу и назирательницу, заступницу и защитницу, саму Матерь Божию, Царицу Небесную, Пресвятую Владычицу, Пречистую Дѣву Марію, Которая обѣщалась сохранять и назирать ее, и не оставлять ее даже до скончанія вѣка. Аминь.

ПРИБАВЛЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

191. Въ Св. Горѣ, по всей Греціи, въ Болгаріи и въ Молдавіи весьма уважаемы два новые мученика, пострадавшіе отъ поганыхъ турокъ; уже и иконы ихъ пишутъ.

Первый мученикъ — *Георгій*: пострадалъ въ 1838 году въ Фессаліи, въ Алванійскомъ градѣ Янинѣ. Родомъ былъ грекъ, молодой человекъ, около двадцати пяти лѣтъ; имѣлъ престарѣлую мать, молодую жену и единое чадо. Турки принуждали его отвергнуться Иисуса Христа, и принять магометанство. Но онъ претерпѣлъ продолжительныя и тяжкія мученія, а Христа не отвергся, и исповѣдалъ Его истиннаго быти Бога, и за Него принялъ мученическую смерть. Сказываютъ, что многострадальное тѣло его творило многія чудеса, даже самая одежда его чудодѣйствовала.

192. Второй мученикъ — *Димитрій*, родомъ Болгаринъ, пострадавшій въ 1841 году, во Фракійскомъ Болгарскомъ градѣ Сливнахъ. Поганые турки принуждали его отвергнуться Христа, и принять магометанство. Но онъ дерзновенно обличилъ турецкое за-

блужденіе и скверную ихъ вѣру, укорилъ ихъ ложнаго пророка Магомета, и исповѣдалъ Иисуса Христа истиннаго быти Бога, единосущна Отцу и Св. Духу; за то и претерпѣлъ жестокия и продолжительныя мученія. Мучили его шесть мѣсящевъ: ежедневно били, терзали, главу ему сверлили, на раскаленную сковраду становили, за ногти спицы забивали, такъ что у него не осталось ни одного ногтя ни на рукахъ, ни на ногахъ; на его страданія смотрѣли возлюбленная его мать, всѣ его сродники и всѣ граждане. Потомъ осужденъ былъ на вечное посѣщеніе; и въ самый Великій пятокъ усѣчена была глава его. Тѣло его турки хотѣли бросить въ рѣку, но христіане не дали; турки бросили его въ поле до утра, потому что настала вечеръ; и поставили стражу, чтобы не взяли христіане; а христіане поставили свою стражу, чтобы турки не бросили въ рѣку. Ночь тѣ и другіе стражи заснули; а надъ тѣломъ въ самую полночь было неизреченное сіяніе и ангельское пѣніе. Въ то время ѣхалъ одинъ священникъ изъ села въ городъ на рынокъ, и не зная совершавагося въ городѣ, весьма тому удивился. Пріѣхавши въ городъ, сказалъ Епископу. Епископъ, слышавши сіе и видѣвши, послалъ сказать пашѣ мучителю. Видѣли сіе явленіе почти весь градъ, христіане и турки, и всѣ тому удивлялись. Когда пришли на мѣсто, то ничего не увидѣли, токмо тѣло нагое, лежащее, в стражей снащихъ. Тогда паша приказалъ христіанамъ взять тѣло и погребсти. Христіане, взявши тѣло, понесли его въ городъ со свѣщами и съ пѣніемъ, и похоронили внутри церкви, яко Христова страдальца и мученика, и новаго исповѣдника. Былъ онъ изъ числа купцовъ и

торговалъ въ лавкѣ , отъ роду около двадцати лѣтъ ,
еще не женатый . Хотя и юнъ былъ , но побѣдилъ
своимъ терпѣніемъ злыхъ мучителей , пашу и діавола ;
и пошелъ къ своему Господу Іисусу Христу , Царю
Небесному , съ Нимъ царствовать во вѣки вѣковъ .

Мнѣ сіе сказывали самовидцы , болгары , какъ мір-
скіе , такъ и монашествующіе въ Аѳонѣ .

193. Въ св. Горѣ Аѳонской слышалъ я отъ мно-
гихъ великихъ старцевъ и самовидцевъ слѣдующее :
« Около 1815 года , когда въ Аѳонѣ умножилось братій
до сорока тысячъ , многіе разорили общежительные
монашескіе чины и уставы , нарушили нѣкоторые мо-
нашескіе обычаи , прилѣпили сердца свои къ богат-
ству , и начали безпрестанно посылать монаховъ въ
міръ ради сбора денегъ , и принимать во-нутрь мо-
настырей молодыхъ и безбрадыхъ , и чрезъ сіе про-
гнѣвали Бога и свою Игуменію и назирательницу ,
Матерь Божію . И являлась Она многимъ пустынь-
нымъ отцамъ , и внушала имъ возвѣщать прочимъ
аѳонскимъ отцамъ и начальникамъ монастырей , чтобы
они исправились , и старались возстановить и хра-
нить древніе аѳонскіе уставы и чиноположенія ; а
ежели не исправятся , то не преминетъ ихъ наказать ,
исторгнетъ плевелы изъ Своей чистой пшеницы , изго-
нитъ непотребныхъ и не исполняющихъ заповѣдей
Сына Ея изъ Ея жребія , изъ Ея краснаго вертограда ,
и разсѣетъ ихъ по странамъ , хотя впрочемъ жребія
Своего не погубитъ , а оставитъ въ немъ истинныхъ
Своихъ почитателей , исполняющихъ заповѣди Сына
Ея . Отцы пустынные часто приходили на Карею , и
объявляли , въ присутствіи многихъ , гнѣвъ Царицы
Небесной . Но мало кто ихъ слушалъ ; нѣкоторые же

начали исправляться, устроивать и исправлять общежитіе; а навпаче — русскій Пантелеимоновъ монастырь.

194. Въ то время въ славномъ монастырѣ Ватопедѣ, въ самый храмовый враздникъ, въ Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, когда бываетъ многочисленное стеченіе народа, случилось слѣдующее. Во время всенощнаго бдѣнія, стоявшій впереди въ церкви отрокъ, пастырь скота, простой и неграмотный поселянинъ, вдругъ поднялся отъ земли на локоть, потомъ упалъ на землю, и лежалъ болѣе часа, яко мертвъ. Потомъ вдругъ всталъ и въ лицѣ весь измѣнился. Братія, видѣвши сіе, ужаснулись и приостиновили пѣніе. А онъ, немного постоявши, отверзъ уста, и началъ говорить, какъ великій богословъ, дерзновенно: «Отцы святые, послушайте, что Божія Матерь вамъ объявляетъ чрезъ мои уста. Она весьма на васъ гнѣвается. Исправьтесь, покайтесь! Она хочетъ, чтобы всѣ монастыри сдѣлались общежительными, чтобы въ міръ за сборомъ не посылали, чтобы молодыхъ и безбрадыхъ въ монастыряхъ не держали. А ежели не исправитесь, то хочетъ Божія Матерь васъ наказать, и изгнать изъ Своего жребія, а оставить здѣсь немногихъ: ибо лучше малое число творящихъ волю Божию, нежели тьмы, отъ которыхъ соблазнъ происходитъ. Покайтесь, отцы, и исправьтесь! Скоро, скоро грядетъ гнѣвъ Божій.» И иное многое говорилъ отрокъ. Многіе горько плакали, а иные только молчали, но исправиться не хотѣли.

Черезъ годъ сдѣлался въ Константинополѣ бунтъ и тревога между турокъ и грековъ. На Аѳонской Горѣ получено было извѣстіе, что идетъ турецкое

войнство, въ двѣ тысячи человекъ , разорить и опустошить Аѳонскую Гору.

195. Но еще прежде прихода турокъ Богъ наказалъ Аѳонскую Гору: шелъ шесть дней необыкновенный дождь, и снесло водою многія келліи и огороды, и всѣ дни продолжалось землетрясеніе. Полагали, что до конца прогнѣвался Богъ на Аѳонскую Гору, и думали, что Божія Матерь ее оставила.

Въ то время жилъ въ Аѳонѣ одинъ юродивый іеродіаконъ , родомъ грекъ , не имѣвшій ни келліи , ни пристанища. Нѣкоторые достойные отцы въ тѣ страшные дни видѣли его стоящимъ въ воздухѣ на колѣнахъ, простершимъ руки свои на небо и молящимся Господу Іисусу Христу и Его Пречистой Матери, чтобы помиловали Гору Аѳонскую , или не дали ему пережить совершеннаго ея разоренія.

196. Потомъ видятъ , что сошла съ небеси сама Пречистая Богородица , преблагословенная Дѣва Марія , съ множествомъ Ангеловъ , и сказала ему: «Возлюбленный Мой и вѣрвый служитель Сына Моего! не погублю тебя и всѣхъ духовныхъ воиновъ, вѣрно Мнѣ служащихъ и усердно Сыну Моему работающих ; не оставлю Моего жребія , якоже и прежде общалась; а только накажу , и то съ милостію : извою тѣхъ только, которые не сохраняютъ заповѣдей Сына Моего, не исполняютъ своихъ обѣтовъ, и разрушаютъ уставы и преданіе древнихъ отецъ. Потомъ приведу и пошлю сюда такихъ, которые съ вѣрою и любовію поработаютъ Сыну Моему , и вѣрно послужатъ Мнѣ; наполню Мой жребій множествомъ монашествующихъ , и будутъ послѣдніе паче первыхъ.»
Послѣ сего стала невидима.

Это видѣніе не многіе сподобились видѣть; а которые видѣли, тѣ всѣ оставались въ Св. Горѣ; и нѣкоторыхъ еще засталъ въ живыхъ.

197. Между тѣмъ, прочіе братія встревожились, и почувствовали, что грядетъ на нихъ гнѣвъ Божій, а наипаче убоились турецкаго грознаго меча, который въ то время обогрѣвъ былъ кровію христіанскою, и опустошилъ великій полуостровъ Кассандру, близъ самой Аѳонской Горы, и великій островъ Хиосъ. Тогда аѳонскіе братія бѣжали, кто куда могъ, и даже не могли брать съ собою никакихъ вещей, но каждый спасалъ только самъ себя. Русскихъ половина бѣжала на западъ, въ Триестъ, о чемъ пишетъ Шереметева крестьянинъ Киръ Бронниковъ, который самъ съ ними странствовалъ. А остальныхъ Россійскій посланникъ, приславъ корабль, отправилъ въ Россію, въ Одессу. Греки же и болгары бѣжали, кто куда могъ. И осталась почти пуста св. Гора Аѳонская. Отъ сорока тысячъ монаховъ не болѣе осталось одной тысячи.—Но когда шли разъяренные турки умерщвлять аѳонскихъ братій и разорить Св. Гору: тогда, по милосердію Божию, умягчилось сердце Султаново, и близъ уже Аѳонской Горы получили военачальники отъ Султана указъ, чтобы Аѳонской Горѣ никакого зла не творить, а только сохранять и защищать ее отъ разбойниковъ. И турки, пришедши во св. Гору Аѳонскую, зла никакого не сотворили, но вселившись въ монастыри, проживали вмѣстѣ съ монахами почти восемь лѣтъ, и защищали ихъ отъ разбойниковъ. Въ такомъ скорбномъ положеніи находилась Св. Гора почти десять лѣтъ. Такъ очистили ее Матерь Божіа. Потомъ, съ 1828 года, пакы на-

ступили времена мирныя, паки стали сходиться братія; только прежнихъ мало сошлось, а больше появились новые. Впрочемъ, когда я пришелъ въ Св. Гору, въ 1839 году, то еще множество было пустыхъ келлій. Но когда выходилъ, въ 1846 году, то мало гдѣ были музтыя, но всѣ заняты. Паки умножилось братіи до десяти тысячъ, и въ жизни очень исправилась. Въ бытность мою, вновь въ трехъ монастыряхъ учредили общежитіе. Въ такомъ видѣ да сохранить св. Гору Аѳонскую Царница Небесная до скончанія вѣка! Аминь.

198. Бывши въ Св. Землѣ, я слышалъ о *древѣ крестномъ*, на немже распяся Царь и Господь нашъ, Иисусъ Христосъ, такое преданіе: якобы родоначальникъ всего человѣчества, по изгнаніи изъ рая, состарѣвшись и приблизившись къ смерти, призвалъ сына своего Сноа, и послалъ его спросить Херувима, стрегущаго врата Едема: прѣститъ ли его Богъ за преступленіе заповѣди? Сноѣ пошелъ и спросилъ Херувима, что приказалъ ему отецъ. Херувимъ вынесъ изъ рая три вѣтви, или прута, и сказавъ ему, что чрезъ эти три вѣтви, можетъ отецъ его получить совершенное прощеніе. Сноѣ принесъ эти три вѣтви къ Адаму, и сказавъ ему слова Херувима. Адамъ же, взявши прутья, сплелъ изъ нихъ кольцо, надѣлъ на свою голову, и приказавъ съ нимъ себя погребсти. Потомъ Адамъ умеръ, и похоронили его по завѣщанію его. Потомъ отъ трехъ прутьевъ наль главою Адама выросло древо веліе, чуднымъ образомъ: вышли изъ земли три вѣтви, а потомъ срослись воедино, и паки растройлись, и паки срослись воедино, и такимъ образомъ дерево выросло очень

высоко и толсто, а корнями охватило главу праотца. Во время всемірнаго потопа, это древо водою было изъ земли вырвано вмѣстѣ съ корнями и главою праотца Адама, и носило его водами. Когда вода сошла съ лица земли, — это древо съ главою оставилось въ Палестинѣ, близъ нынѣшняго Іерусалима, гдѣ теперь находится *Крестный монастырь*; и расло оно до лѣтъ Царя Соломона. Когда сей Царь строилъ храмъ со Святая Святыхъ: то собиралъ на это всѣ чудныя и прекрасныя древа. Въ одинъ день онъ былъ съ своими слугами въ лѣсу: вдругъ нашла туча съ громомъ и дождемъ, и Соломонъ началъ искать съ своими слугами, гдѣ бы скрыться отъ дождя. И нашли подъ дровомъ и подъ корнями нѣчто подобное пещерѣ, гдѣ и просидѣли всѣ спокойно; потомъ разсмотрѣли, что надъ ними человѣческая глава и надъ нею чудное древо. Срубивши это древо для храма, главу перенесли къ стѣнѣ Іерусалима, и закопали ее въ землю на возвышенномъ мѣстѣ, и завалили камнями. Это и есть лобное мѣсто, прозываемое гора *Голова*. Отъ сего и пишутъ на крестѣ подъ ногами Спасителя главу Адамову. Древо же срубленное привезено было къ новостроющемуся храму; но оно не могло быть употреблено при постройкѣ храма: гдѣ длинно, а гдѣ коротко; и осталось безъ дѣйствія, и лежало подлѣ храма. Потомъ пріѣхала посѣтить Царя Соломона Царица Савская, и осматривая построенный храмъ, хотѣла по-какому-то случаю прикоснуться къ лежащему древу; но какъ только прикоснулась ему, вдругъ ее какъ бы отбросило; и она хотѣла его урекнуть: *о треклятое древо*; но уста произнесли совсѣмъ другое: *о тре-*

блаженное древо. По окончаніи постройки храма, древо положено было близъ храма въ устроенной овчей купѣли, дабы употреблялось вмѣсто плота, съ котораго можно было бы омыватъ овецъ для жертвы, а доска и внутренняя икъ; и находилось оно въ этой купѣли много лѣтъ, до дней страданій Христа Спасителя, и ежегодно въ эту купѣль сходилъ Ангелъ Господень, и обмывалъ это троблаженное древо, и возмущалъ воду, и по возмущеніи бывало больнымъ исцѣленіе; оттого лежало тамъ много больныхъ, для которыхъ уже было сдѣлано пять притворовъ, или отдѣленій, гдѣ и Господь исцѣлилъ разслабленнаго, тридцать восемь лѣтъ въ болѣзни лежавшаго (Іоан. гл. 5.). Когда жидаи осудили на крестъ Господа Іисуса Христа, и искали на то древа самаго непотребнаго и тяжелаго, дабы тѣмъ увеличить Ему мученіе, потому что Онъ долженъ Свой крестъ нести на плечахъ Своихъ до горы Голгофы: тогда вытащили это древо изъ воды, и сдѣлали изъ него крестъ. Съ того времени, какъ не стало этого древа въ Овчей купѣли, пересталъ ежегодно сходить въ нее Ангелъ Господень и возмущать воду; потому что уже нечего было омыватъ, не стало быть и исцѣленій больнымъ, и они всѣ вышли, и притворы остались пусты.

199. Подъ шестое число декабря, 1845 года, въ Іерусалимѣ, въ храмѣ Христова Гроба, совершалось торжество Свят. Николаю, Мурликійскому Чудотворцу, по случаю Тезоименитства Благочестивѣйшаго и Христолюбивѣйшаго Россійскаго Императора, Николая Павловича, ктитора и почитателя живоноснаго Христова гроба и небеси подобнаго Воскресенскаго хра-

ма (а). Въ ту ночь украшенъ былъ живеносный Христовъ гробъ и весь храмъ множествомъ лампадъ. Украсили сіе болѣе одня греки, православные христіане. Но и армяне такожде свои мѣста украсили лампадами, по своимъ хорамъ: ибо и они имѣють уваженіе къ Россійскому Императору. Копты и сиріане, хотя и не украсили своими лампадами, но дали волю православнымъ; и греки украсили своими лампадами ихъ мѣста. Но латины-католики, называемые по-тамошнему франки, своихъ мѣстъ не украсили, грековъ не допустили. Хотя греки и просили ихъ, чтобы позволили мѣсто ихъ украсить своими лампадами, но позволенія не получили. Вотъ какую ненависть латиномудренныя паписты имѣють къ Россійскому Православному Императору! Весь храмъ былъ украшенъ, какъ невѣста прекрасная; только франкскія мѣста были обнажены. О семъ всѣ православные христіане сожалѣли, и на франковъ скорбѣли.

200. Еще скажу одну вещь, что самъ я видѣлъ и слышалъ:

Была въ Іерусалимѣ поклонница, жена гречанка, родомъ съ острова Крита; имѣла во чревѣ своемъ нечистаго духа, весьма злаго. Всегда онъ ее терзалъ и мучилъ, но она всегда была въ памяти, и ему противилась. Того ради она ходила по св. мѣстамъ и становилась подъ Св. Дары. Потомъ просила Патріарха, чтобы читали надъ ней Евангеліе, и Патріархъ позволилъ. И читали іеромонахи въ нашемъ Архангельскомъ монастырѣ въ церкви. Когда очень раз-

(а) См. гл. 62, 63, 64, 65.

дражжи бѣса , то держали ее уже четыре человѣка , и началъ онъ во чревѣ говорить человѣческимъ голо- сомъ , по-гречески , сице : « Чтѣ вы меня мучите ? Я никогда отсюда не выйду ; я сюда не самъ взошелъ , и не отъ человѣкъ посланъ , но позволено мнѣ взойти въ нее отъ Бога , въ наказаніе ей за то , что она изгнала изъ чрева своего двоихъ дѣтей : она не хотѣла немного своихъ дѣтей поносить , за то будетъ меня носить до своей смерти . И я не выйду изъ нея до самой ея смерти . » И такъ , ничего не могли съ ней сдѣлать . И осталась она въ прежнемъ положеніи .

201. Въ Іерусалимѣ былъ одинъ поклонникъ изъ Россіи , Владимірской губерніи , и впалъ тамъ въ любо- страстныя дѣла . За это стали нападать на него бѣсы , и не давали ему покоя день и ночь , и много сутокъ онъ не спавши проводилъ . Потомъ пришелъ ночевать во храмъ ко Христову Гробу , когда случилось и мнѣ тамъ ночевать : но и въ храмъ не дали бѣсы ему покоя . Потомъ онъ взошелъ внутрь къ гробу Христову , и тамъ обрѣлъ покой : туда не могли бѣсы взойти . Но не можно было тамъ лежать , потому что мѣста мало , и безпрестанно народъ подходитъ поклоняться Христову гробу ; и гробовой монахъ его выслаалъ . Но только какъ вышелъ онъ изъ дверей гроба ,—пакн бѣсы приступили . Онъ пошелъ на Голгоѣу , и тамъ не могли бѣсы къ нему приступить ; и онъ тамъ спокойно уснулъ . Многіе дни онъ препроводилъ во храмъ ; только и обрѣталъ покоя , что у гроба Христова и на горѣ Голгоѣѣ . Потомъ отступили отъ него бѣсы , и сдѣлался здоровъ помощію Божіею .

202. Жила въ Іерусалимѣ одна русская схимона-

хня , именовъ *Назарета*. Хотя я не засталъ ее въ живыхъ , и не сподобился лично видѣть , но она давно мнѣ была извѣстна ; потому что аѳонскіе мои отцы были ей знакомы , и посылали ей изъ Аѳона гостинцы изъ пищи или плодовъ , а она присылала схимы . Родомъ она была изъ Донскаго воинства , генеральская дочь . Лежала она разслаблена на одрѣ много лѣтъ , и отнюдь не могла двинуться съ мѣста . Потомъ пожелала она въ Иерусалимъ поклониться Христову гробу и прочимъ св . мѣстамъ , и отправлена была съ своими людьми , которые , гдѣ было нужно , носили ее на носилкахъ . Достигши Иерусалима и поклонившись Христову гробу , она пожелала въ Назаретъ ; и несли ее туда на носилкахъ . Пришедши въ Назаретъ , напилась воды отъ источника , откуда Пресвятая Богородица носила воду ; еще приказала себя обмыть этою водою . Потомъ вдругъ сдѣлалась здрава , и пришла въ Иерусалимъ своими ногами . Воздавши за сіе благодареніе Господу Богу и Пречистой Его Матери , Дѣвѣ Маріи , уже въ свое отечество возвратиться не захотѣла , а слугъ своихъ всѣхъ отпустила домой , и сама осталась жить въ Иерусалимѣ , при гробѣ Спасителя . Дали ей по волѣ Патриарха келлію , постригли въ монашество , прямо въ великую схиму , и нарекли имя ей Назарета , потому что въ Назаретѣ получила исцѣленіе . И она имѣла даръ прозорливства и пророчества : ибо многимъ нашимъ аѳонскимъ отцамъ предсказала будущее . Самому теперешнему Митрополиту св . Петры , Мелетію , когда онъ былъ еще іеромонахомъ , — она учила его русскому языку , — предсказала , что онъ будетъ Архіерей и Митрополитъ св . Петры , что и сбылось еще при жизни ея . Служила ей за послушницу Бога

ради одна русская, молодая женщина. Когда приближалась она къ кончинѣ, тогда послушница стала ей говорить: «возлюбленная моя матеръ, какъ ты меня оставляешь одну младую среди міра?» Она же ей отвѣтила: «не плачь; и ты скоро за мной пойдешь.» Потомъ преставилась мать Назарета; а послѣ нея въ скоромъ времени и послушница скончалась. А скончались онѣ въ 1843 году.

203. Въ Иерусалимѣ почитаютъ св. мѣста такъ: на живоносномъ Христовомъ гробѣ и въ Геѡсиманіи на гробѣ Богородицы во весь годъ служатъ Литургіи ежедневно; а въ великій постъ каждый день служатъ Литургію преждеосвященную, также и въ Ввелемѣ. И такъ ни одинъ день въ году не бываетъ безъ Литургіи.

204. Въ Иерусалимѣ всѣ латинцы-католики, мірскіе и духовные, ходятъ съ бородами. Тамъ брить бороду считаютъ за безчестіе.

205. Въ храмъ Христова Гроба лютеране и реформаты не допущены. Но кто ихъ не допустилъ? Тамъ власть турецкая.—Видно, Самъ Господь Богъ ихъ не допускаетъ. А евреямъ запрещено ходить даже по той улицѣ; которая пролегаетъ мимо св. вратъ храма Христова Гроба. А хотя который зайдетъ по незначію, того безъ всякаго суда могутъ побить каменіемъ. Сіе положеніе сдѣлано Царицею Еленою; но и турецкіе Султаны то-же подтвердили: потому жида боятся подходить и къ тѣмъ улицамъ, которыя идутъ ко храму Христова Гроба.

206. Хочу написать о тѣхъ, которыхъ свѣтъ далеко сіяетъ, т. е. которыхъ добрыя дѣла извѣстны во всей Греціи и въ Константинополѣ. Только сожалѣю

о томъ, что я самъ не сподобился ихъ жизнь видѣть, но отъ многихъ монаховъ слышалъ. Во-первыхъ, два монаха, со мной ѣхавшіе въ Іерусалимъ на одномъ кораблѣ, о всемъ рассказывали; во-вторыхъ, во Св. Горѣ слышалъ отъ многихъ монаховъ, грековъ; въ-третьихъ, въ Константинополѣ, на аеонскомъ подворьѣ, всѣ единогласно то-же говорили. Именно же мнѣ рассказывали: На Архипелагѣ есть большой островъ Хіосъ; близъ него, съ западной стороны, есть другой небольшой островъ, называемый *малый Хіосъ*. На немъ стоятъ небольшое селеніе, въ которомъ люди живутъ весьма богато. На томъ островкѣ находится общежительный монастырь. Братій въ немъ до ста человекъ; препровождаютъ строжайшую и удивительную жизнь: отнюдь не имѣютъ ни о чемъ земномъ ни какого попеченія, ни о пищѣ, ни о одеждѣ; только малое нѣкое по келліямъ работаютъ рукодѣліе; а занимаются болѣе умною молитвою и соборнымъ чтеніемъ. Въ церкви соборное правило — мало что читаютъ, а болѣе поютъ на гласъ, тихо и умиленно, со страхомъ и трепетомъ. И ежедневно кладутъ земные поклоны: на «Св. Боже» три поклона, на «*аллилуйя*» три поклона. Когда читаютъ «*придите, поклонимся и принадлежимъ*»: тогда всѣ падаютъ лицомъ на землю; поклоны творятъ всѣ равно, смотря на священника. Въ субботу и въ недѣлю и въ господскіе праздники поклоны творятъ поясное. Когда читаютъ въ какой-нибудь стихъ «*припадаемъ*» или «*поклонимся*»: тогда всѣ поклоняются. Причащаются Св. Тайнъ Тѣла и Крови Христовой всѣ ночи, каждый день. Пищу всегда употребляютъ постную и самую простую, и то единожды въ день. Въ среду и пятокъ трапезы не бываетъ.

Сыра и рыбы никогда не употребляютъ; съ деревяннымъ масломъ пищу вкушаютъ токмо въ великіе праздники. Садовъ, виноградниковъ и огородовъ не имѣютъ; милостыню просить ни куда не посылаютъ, а бываютъ довольны только тѣмъ, кто что имъ пришлетъ. Болѣе же содержитъ ихъ одно того острова село: ибо люди въ немъ живутъ богатые, смотреть на своихъ иноковъ, на великихъ подвижниковъ, какъ на Ангеловъ. Вотъ между греками въ нынѣшнія времена какіе есть подвижники! Слава Господу Богу нашему нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

207. Еще объявлю одну вещь, которая для насъ русскихъ весьма значительна, но еще подлинно не извѣстна, не изслѣдована; и это приводитъ меня въ недоумѣніе. А вещь сія такая: болгары утверждаютъ, якобы св. Великомученица Варвара была роду болгарскаго, языку славянскаго, страны македонскія. Это мнѣ сказывали нашего русскаго монастыря въ Аѳонѣ монахи болгары, не одинъ и не два, но болѣе двадцати человекъ. А они получили это преданіе отъ древнихъ временъ и отъ прадедовъ. Тамошніе уроженцы говорятъ такъ:

Въ Македоніи есть городъ *Неврокопъ*, отъ Аѳонской Горы шесть дней ходу; а отъ города Неврокопа одинъ день ходу есть село, называющееся по-болгарски *Лешница*, а по-гречески—бывшій *Илиополь*. Въ томъ селѣ есть баня; подлѣ бани течетъ быстро источникъ горячей воды, которая имѣетъ дѣйтельную силу; а когда охладится, то бываетъ сладка и пріятна, яко млеко. Сію баню называютъ *Діоскоровою*, отъ родителя св. Варвары; а лучше сказать—*баня св. Варвары*. На память ея здѣсь сходится многое множество

народа болгароѣ, и бываетъ молебствіе, совершается великій праздниѣ, и пьютъ эту воду, и купаются тамъ въ купѣли. Еще въ томъ селѣ, не далеко отъ бани, есть разрушенный столбъ; и сказываютъ, якобы на немъ жила св. Варвара, и якобы его для нея выстроилъ отецъ. Повыше села, на горѣ лежитъ много камня, на подобіе стада. Объ этомъ сказываютъ, якобы то овцы того пастыря, который указалъ Діоскору св. Варвару.

Такъ рассказываютъ; а правда ли, — Богъ знаетъ. Хотя и звали меня болгары посмотриѣть, но я не имѣлъ случая тамъ быть. А желалъ бы кому-либо изслѣдовать сіе.

208. Еще скажу одну вещь, хотя и не духовную, но любопытную. Отъ Аѳонской Горы три дня ходу есть полуостровъ Кассандра. Тамъ нашъ русскій монастырь имѣетъ водяную мельницу. Вода на мельницѣ удивительная: когда она сбѣгаетъ съ колеса, то претворяется въ камень и замерзаетъ сосульками, какъ ледъ чистый; но это не ледъ, а камень; также обмерзаетъ и колесо, и часто его обрубаютъ и очищаютъ. Таковая же вода есть и въ Аѳонѣ, въ монастырѣ Хилендарѣ. Часто замерзаютъ жолоба, и часто прочищаютъ ихъ, и дѣлается камень подобенъ льду. Этому многожды я былъ самовидецъ. Вода эта для здравія весьма вредна.

209. Еще скажу вещь, рѣдко видавшую; но мнѣ многожды самому случилось видѣть. Въ морѣ есть рыба съ крыльями. Однажды, въ Аѳонѣ, подлѣ нашего монастыря поймали неводомъ двѣ рыбы, длины до двухъ четвертей, на подобіе стерляди; крылья длинныя; вмѣсто перьевъ перепонки. Духовникъ Іеро-

нимъ ихъ высушилъ. Еще, когда мы шли на корабльъ къ Іерусалимъ, отъ острова Кипра къ Палестинѣ,—увидѣли среди моря, что летаетъ якобы стая птицъ, на-подобіе воробьевъ. Мы удивились, откуда среди моря взялись птицы. Онѣ же перелетали съ мѣста на мѣсто; потомъ полетѣли чрезъ нашъ корабль, и нѣкоторыя зацѣпили за веревки, и попадали къ намъ: мы посмотрѣли, и увидѣли, что это рыба, только не большая, вершка по три, а крылья тоже из перепонокъ. Но греки не дали намъ хорошенько посмотрѣть, в всю сырую поѣли.

210. Сказываютъ, что въ Аѳонѣ есть великіе змѣи. Но я самъ не видалъ ихъ, а только слышалъ, якобы живутъ въ скалахъ, гдѣ человѣческой ногѣ недоступно. Но не слышно, чтобы кого повредили.

211. Болгары сказываютъ вещь, неудобъ вѣроятную,—что въ Македоніи, въ двухъ мѣстахъ, одно близъ города *Неврокопа*, а другое отъ Солуня день ходу, стоятъ по цѣлому обозу, одинъ за другимъ, окаменѣлые люди, верховые и пѣшіе, мужчины и женщины. А преданіе о нихъ имѣется такое: якобы въ древнія времена, еще когда были тамъ идолопоклонники, ѣхали незаконные свадебные поѣзды, и окаменѣли. Миѣ самому сего видѣть не случилось; а пусть разсуждаетъ, кто какъ знаетъ.

212. Еще скажу слѣдующее: шли мы изъ Іерусалима, и стояли въ карантинѣ двѣнадцать дней, на островѣ *Самосѣ*, внутри гавани, подлѣ монастырька; тамъ, близу насъ, изъ-подъ камня протекалъ большой источникъ воды холодной и сладкой, которою пользовались мы три дня, и благодарили Бога, что при-

велъ стоять въ карантинѣ , подлѣ такой воды . благодатной . Въ тѣхъ странахъ ни что такъ не нужно , какъ добрая вода . Но въ четвертый день утромъ , когда мы пришли взять воды , ни одной капли не нашли , и источникъ весь высохъ ; видѣвши сіе , мы весьма ужаснулись , и много тому удивлялись , куда дѣвался толь великій источникъ воды ; плакали и говорили , что , видно , за великіе наши грѣхи взялъ отъ насъ Господь эту благодать . Потомъ пришелъ игумень , и сказалъ намъ , что сія вода раза три и четыре въ годъ престаеъ течъ , а послѣ паки начинаеъ течъ . И мы три дня великую имѣли нужду въ водѣ , а послѣ паки она потекла по-прежнему ; и мы много тому удивлялись . А отъ чего это происходитъ , сего никто не знаетъ . А источникъ столь великъ , что можетъ быть пригоденъ для мельницы .

213. Здѣсь оканчиваю мое описаніе видѣнныхъ и слышанныхъ мною вещей и происшествій . Слава единому Богу , Создателю моему , Который провелъ меня чрезъ многія страны и земли , княжества и царства , моря и сушу , острова и заливы , города и села ; показалъ мнѣ разные народы , вѣры , чины и обряды , монастыри и пустыни , и сподобилъ меня многогрѣшнаго и недостойнаго походить моими скверными ногами по многимъ св. мѣстамъ , по обѣтованной землѣ , по которой ходилъ самъ мой Создатель и Спаситель , Иисусъ Христосъ , Своими пречистыми ногами , и повсюду и на всякомъ мѣстѣ Онъ , мой Создатель , меня спасалъ и сохранялъ отъ потопленія , отъ турокъ и отъ разбойниковъ , и отъ всѣхъ враговъ моихъ ! О , какое благодареніе воздамъ Ему , моему Создателю ? недоумѣю ; только сіе развѣ скажу : « Кто Богъ велий ,

яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творящій чудеса!» (Пс. 76, 14.).

214. Наконецъ, хочу повѣдать о особой неизреченной милости Господа Бога моего, излившей на меня многогрѣшнаго и недостойнаго, хотя я и умолчалъ о томъ прежде, и хотѣлъ бы молчать: но боюсь, да не уподоблюсь неблагодарнымъ девяти прокаженнымъ исцѣлѣвшимъ, и не воздавшимъ славу Богу; и хочу подражать, хотя немного, тому иноплеменику самарянину, который исцѣлѣвъ возвратился воздать славу Богу (Лук. 17, 12 — 19.). Многимъ въ Россіи и Молдавіи, во всей св. Горѣ Аѳонской, въ Іерусалимѣ и Константинополѣ, и въ самой странѣ сибирской извѣстно, какую я имѣлъ тяжкую и многоскорбную болѣзнь. Но Господь нынѣ освободилъ меня отъ сей болѣзни. Впрочемъ, расскажу все по ряду.

Въ странствіе мое по Россіи, въ 1837 году, съ другомъ моимъ и духовнымъ братомъ, монахомъ Іоанномъ, выѣхали мы изъ Молдавіи, и пріѣхали въ Костромскую губернію, въ Высоковскій единовѣрческій монастырь, въ которомъ и проживали одцнадцать мѣсяцевъ. Здѣсь, въ 1838 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, послалъ на меня Господь такую болѣзнь, грѣшнѣ ради моихъ великихъ, что заложило у меня обонюши, и сдѣлался въ головѣ шумъ и трескъ; и столько сдѣлался я глухъ, что хотя тамъ въ триста пудовъ колоколь, но я не могъ слышать звону. Былъ я въ такомъ положеніи двѣ седмицы, и напала на меня скорбь, и я просилъ Господа Бога моего, чтобы хотя немного отверзъ мои уши, дабы хотя немного слышать церковную службу. И Господь умиосер-

дился на меня грѣшнаго, и сталъ я слышать, но весьма мало, и то съ нуждою (*). Въ такомъ положеніи препроводилъ много лѣтъ. Въ 1846 году, препровождаящу мнѣ зиму въ св. градѣ Іерусалимѣ, сподобился я быть и на морѣ Тиверіадскомъ, и купался въ водѣ, освященной стонами ногъ моего Господа, Іисуса Христа. Когда я, погрузившись, всталъ на ноги, тогда вдругъ открылись мои уши, и сдѣлалась глава моя, яко пустая, и сталъ я слышать самый тихій шопотъ и малѣйшихъ волнъ плесканіе, и показалось мнѣ сіе весьма странно и чудно, потому что восемь лѣтъ я не слыхалъ такъ: мнѣ показалось, что перемѣнился весь свѣтъ. Тогда я неизреченной радости исполнился, и благодарилъ Господа Бога моего, Іисуса Христа. Но немного находился въ такой радости, не болѣе полчаса: паки яко облакъ нашель на меня и заслонилъ мои уши, хотя уже нѣсколько сталъ лучше слышать; въ такомъ положеніи пробылъ цѣлый годъ. Еще, когда, въ 1847 г. проживавши зиму въ Константинополь, ходилъ на живоносный источникъ Богородицы, и обливъ св. водою свою голову, тогда паки отверзлись мои уши; и я очень обрадовался, и благодарилъ Царяцу мою Небесную, Пречистую Дѣву Богородицу, за Ея благодѣяніе; только радовался, пока дошелъ до квартиры, до аеонскаго подворья, не болѣе двухъ часовъ; а потомъ паки заслонились мои уши, но немного еще стало лучше. Въ такомъ положеніи пріѣхалъ и въ городъ Томскъ. И въ Томскѣ прожилъ въ такомъ положеніи болѣе года, и всѣмъ извѣстно, которые меня знали,

(*) См. ч. I, гл. 101, 102, 103.

